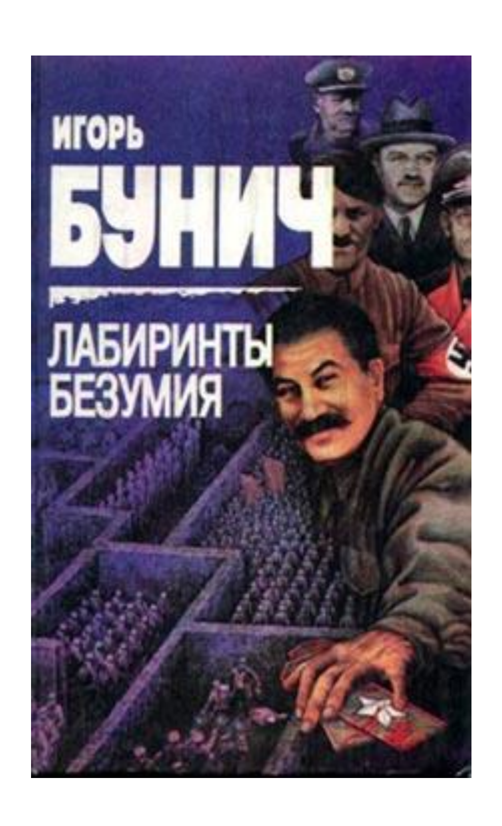
БУНИЧ Игорь

Лабиринты безумия

ПРЕДИСЛОВИЕ

55 лет назад, 22 июня 1941 года, на нашу страну обрушилась очередная национальная катастрофа, трагедия и масштабы которой вряд ли когда-нибудь забудутся.

Промышленный прогресс, ураганом прокатившийся по миру во второй половине XIX века и позволивший великим державам произвести горы смертоносного оружия, создал новый искус достижения мирового господства с помощью военной силы.

Человечество, катапультированное на волне электричества и пара практически из средневековья в индустриальный век, не сумело сориентироваться в новой обстановке, в результате чего романтический по своей сути XIX век был уничтожен Первой мировой войной. Это открыло дорогу тоталитарным режимам, увидевшим в гекатомбах накованного оружия тот самый исторический шанс, которым не сумели воспользоваться престарелые европейские монархи.

С энтузиазмом детей, съезжающих с ледяной горки, коммунисты, а за ними и нацисты повели свои народы дорогой, которая казалась им наиболее короткой для достижения заветной цели – мирового господства. На деле оба режима попали в смертельные лабиринты, откуда не существовало выхода.

Катастроф было немало в тысячелетней истории России, но после 1917 года национальные трагедии пошли кровавой чередой одна за другой.

Трагедия Гражданской войны, трагедия коллективизации, трагедия Большого Перманентного Террора и, наконец, трагедия 22 июня 1941 года, перешедшая в страшную трагедию тотальной войны, небывалой по жестокости и жертвам. Каждая из перечисленных

катастроф пожирала миллионы людей, сокрушала экономику, калечила души чудом уцелевших, не давая стране вырваться из ядовитой биосферы самого мрачного средневековья, куда ее насильно затолкали большевистские вожди.

Катастрофа 1941 года неразрывно связана с именем главного вдохновителя и разработчика операции «Гроза», одержимого навязчивой идеей мирового господства великого вождя всех народов, товарища Сталина.

Величие Сталина заключается именно том, что он был подлинным мастером Смерти. Все его деяния ознаменованы гекатомбами жертв. Точное количество жертв сталинского владычества до сих пор вызывает споры историков: сколько было убито и замучено: 30 миллионов, 60 миллионов или более 100 миллионов за 30 долгих лет нахождения Сталина у власти?

Как это могло произойти?

Очень просто.

Хорошо организованная преступная группировка, называвшая себя «партией большевиков», воспользовавшись хаосом в России, захватила власть в этой стране, а затем повела себя по классическим канонам преступного мира, втягивая в свои дела наиболее податливые к разбойным призывам деклассированные слои общества и физически уничтожая остальных.

Путем массовых убийств (мягко называемых в официальной истории «репрессиями») и искусственно созданного голода им удалось консолидировать свою власть в России, превратив ее в огромный военно-тюремный лагерь.

Армия, заключенные, трудящиеся на земле и кующие оружие – рабы от чернорабочего до маршала – вот социальный разрез обычного мафиозного клана, раздувшегося до невероятной величины.

Некогда великая страна Россия была превращена в огромную преступную группировку. На очереди было подобное же превращение и всего остального мира. Что совершенно и не скрывалось.

Спровоцировав Вторую Мировую войну, Сталин ждал того самого удобного случая, о котором еще мечтал Ленин…

Ситуация 1941-го года оказалась именно тем самым удобным случаем.

В Европе осталась одна реальная сила – Германия. Согласно марксистско-ленинским предсказаниям «империалистические хищники» перегрызлись между собой и почти, на взгляд Москвы, уничтожили друг друга.

Немецкая армия же была до смешного слабее сталинской. К тому же Германия не имела сырьевой базы для ведения длительной войны и до сих пор воевала только за счет щедрых поставок из СССР, бездумно создавая за это нужную Сталину военную и политическую обстановку в Европе. Нацеленная на «блицкриг» немецкая армия не смогла бы выдержать Сталинского удара. Он бы стал для нее роковым, и Красная Армия пришла бы в Берлин не в 1945, а в 1941 году.

А далее перед ней до самого океана стояли бы не мощные армии союзников, а лежала бы беззащитная и, более того, жаждущая освобождения Европа. Все планы сорвал Гитлер своим нападением 22 июня.

«Какую песню испортил, дурак!» – можно сказать по этому поводу словами одного из героев Горького. Нападением на Советский Союз Гитлеру удалось лишь отсрочить собственную гибель, но он сорвал самый грандиозный завоевательный поход со времен Александра Македонского.

Казалось бы, страна разрешила Сталину превратить себя в «депо всемирной пролетарской», надеясь, что это будет достигнуто «малой кровью». Уж, лучше «малая кровь» на чужой территории, чем океаны крови на собственной под ножами мясников-чекистов.

Однако вождь оказался настолько безграмотным в сфере международной политики, которой он так любил заниматься единолично, что его фактически обыграли в наперсток.

Страна и народ заплатили новую страшную цену за кровожадность своего отца и учителя. Цена была страшной, но может быть человеческая цивилизация и выжила только потому, что два кровавых диктатора, взращенные сходными человеконенавистническими идеями большевизма и нацизма, сцепились друг с другом, а не встали плечом к плечу. А это вполне могло произойти, поскольку в сущности, история отношений Гитлера и Сталина – это история трагической любви. Любви, в которой страшно было признаться, но сильной и чувственной.

Оба режима были тупиковыми ответвлениями поступательного движения человеческой цивилизации и, подспудно понимая это, они любили друг друга, боясь в этом признаться, как любят друг друга два одинаково обреченных на вырождение вида. И есть какой-то высший мистический смысл в том, что именно они приложили столько сил, чтобы уничтожить друг друга. А их любовь, как и следовало ожидать, дала общее потомство: красно-коричневых, которые одинаково чтут обоих незадачливых вождей, считавших, что они делают историю, хотя историю делали ими, но ни один из них так и не понял этого.

Гитлеровский Рейх, против которого была обращена мощь объединенных наций, рухнул и перестал существовать. А на пути товарища Сталина встала пятнадцатимиллионная американская армия, вооруженная, помимо всего прочего, атомным оружием, чего никак не могли предвидеть, составляя свои глобальные планы, ни Гитлер, ни Сталин, несмотря на всю свою гениальность…

Эта армия встала санитарным кордоном на пути дальнейшей коммунистической экспансии и, пока Советский Союз с остервенением продолжал ковать сотни тысяч танков и самолетов, горы ядерного, химического и бактериологического оружия, далеко ушедшая вперед мировая цивилизация разработала принципиально новые средства сокрушения и похоронила, наконец, операцию «Гроза» под обломками рухнувшей сталинской империи.

12 марта 1995 года

ВСТУПЛЕНИЕ

Идея мирового господства стара как мир. Желание добиться военной и экономической гегемонии над миром возникало не в одной буйной голове за время существования нашей цивилизации. Александр и Цезарь, калифы и Наполеон – вот далеко не полный перечень тех, кто пытался теоретически обосновать и практически осуществить манящую идею мирового господства.

Не будем тревожить их тени и переберемся сразу в XX век, когда мощные империи, которым, казалось бы, до достижения полной мировой гегемонии оставалось предпринять лишь крохотное усилие, лопнули и развалились от избытка имперских амбиций. Причем развалились так быстро, что никто, как говориться, и ахнуть не успел.

Первой развалилась Россия. Обидно развалилась – накануне тщательно спланированной, прекрасно подготовленной, скоординированной с союзниками военной кампании, которая по всем признакам должна была привести войну к победному завершению. Но не выдержала тысячелетняя империя военного напряжения и рухнула именно в тот момент, когда считала себя сильной как никогда.

Второй рухнула Германия. Вдвойне обидно, ибо немецкие войска стояли на Западе в ста милях от Парижа, а на Востоке – в ста милях от Петербурга, оккупируя огромные

пространства Европейской России и добрую половину Франции. Но жесткая удавка английской блокады перехватила горло. Силы еще были, а дышать уже было нечем.

Затем началось домино. С треском и грохотом распалась древняя империя Габсбургов. За ней рухнула величественная Оттоманская империя – Блистательная Порта – с трудом удержав в слабеющих руках драгоценные проливы. Веками Габсбурги и султаны разбирались друг с другом в бесчисленных войнах, а рухнули вместе, в кои веки оказавшись в военном союзе.

Зато уцелела Английская империя, и не только уцелела, но, на первый взгляд, стала еще более мощной, присовокупив к себе отобранные у немцев и турок обширные колониальные владения. Дикая зависть, быстро переросшая в страшную ненависть, подавила все прочие чувства к Англии со стороны пострадавших держав.

Оплеванная и униженная, лежала поверженная Германия, потерявшая не только Эльзас и Лотарингию, но и Рурскую область. У нее отобрали все колонии, и более того – чтобы совсем унизить – мстительные англичане в качестве одного из условий капитуляции потребовали сдачи им в полном составе гордости Германии – ее флота открытого моря – флота, который если и не выиграл Ютландского боя с чудовищным Гранд-Флитом англичан, то, во всяком случае, дал британцам повод поразмыслить о своей непобедимости на море.

Вероятно, именно поэтому церемония сдачи немецкого флота была обставлена самым унизительным образом, результатом чего явилась трагедия Скапа-Флоу.

Истерика унижения прокатывается по раздавленной Германии. В баварском госпитале в рыданиях бьется о железные прутья солдатской койки отравленный газами ефрейтор первой роты 16-го баварского пехотного полка, Адольф Гитлер, – дважды раненный в боях с англичанами на Ипре и Сомме, награжденный за мужество двумя Железными крестами [1]. Унижение Родины словно клещами разрывало сердце двадцативосьмилетнего солдата, но в неменьшей степени давил на его мышление и призрак Скапа-Флоу, напоминая, предостерегая, заглушая лютую ненависть к Англии, заставляя считаться с реалиями в водовороте маниакальных амбиций.

Война отбросила Германию на помойку истории. Некогда блестящая немецкая марка превратилась в пыль. Остановились заводы, миллионы безработных и нищих, страшная социальная напряженность, выплата военных репараций, голод, беспорядки, поляризация общества вокруг крайне радикальных партий, пустые прилавки магазинов – можно ли все это сравнить с процветающей всего четыре года назад страной? Работы нет, да и работать нет никакого стимула, поэтому люди проводят все время на митингах, где новоявленные «народные вожди» предлагают свои рецепты по выводу Германии из глубочайшего политического и экономического кризиса.

Но что за вести приходят с востока – из России? Какая-то международная банда авантюристов захватила там власть и открыто провозглашает идею мирового господства, подаваемую под соусом «мировой пролетарской революции». Их агентура уже будоражит Германию. Нет, это не для него. Слишком много евреев. Омерзительно. Он ненавидит евреев почти так же, как и англичан, считая их ответственными за крушение Германии. Но… Как великолепна пришедшая из России идея создания *партийного государства* на базе идейной партии. Партии, скованной железной дисциплиной, конспиративной, как орден иезуитов, возглавляемой железным вождем, опирающимся на подчиненный ему беспощадный карательный аппарат. Как прекрасна *идея объявления вне закона отдельных групп населения во имя консолидации вокруг партии* и трепета остальных! Надо только этот «еврейский интернационализм» заменить «немецким национализмом» да кое-что подработать в деталях, не повторяя той кучи ошибок, которые уже совершены в России…

Россия… Она распадалась на глазах. Многомиллионная армия разбежалась по домам. В хаосе стремительного водоворота всесокрушающей анархии исчез царский трон – как не

было. Объявили о своей независимости Польша, Украина, Прибалтика, Финляндия, республики Закавказья, ханства и эмираты Средней Азии. С треском отвалилась от империи добрая половина Сибири. О своем нежелании иметь дело с Москвой объявили все казачьи территории от Дона до Уссури.

Однако группа фанатиков и авантюристов, захватившая власть в стране, не растерялась при виде страшного развала. Более того, с невероятной смелостью, граничащей, как казалось многим, с самоубийственным безрассудством, большевики объявили своей целью «мировую революцию», «создание мирового пролетарского правительства» с *поголовным* физическим уничтожением *всех* , «кто не с нами».

Россия была объявлена «депо мировой революции». Выдвинули лозунг уничтожения буржуазии как класса без каких-либо четких формулировок, кого считать буржуем, – да кого угодно! В стране была задействована система военного коммунизма, по сравнению с которой даже чистый социализм Платона мог показаться библейским Эдемом.

Крикливая пропаганда давила на уши и мозги. Развертывалась система концлагерей. «Мировая революция!» – повторял в бесчисленных речах великий практик интернационал-социализма, фанатик своей идеи, безусловно веривший в выдвигаемые им лозунги и, как всякий обуреваемый фанатичной верой, заставляющий верить в них остальных.

Непроверенные, наспех проанализированные положения, изрекаемые им, тяжелыми аксиомами падали на мир, мгновенно приобретая неопровержимость физических законов: «Империализм – последняя загнивающая стадия капитализма», «Неизбежность войн в эпоху империализма», «Неизбежность мировой революции». Он запугивает своих сторонников: «Если в ближайшие 10-15 лет не произойдет мировой революции – мы погибнем!» Никаких суверенных государств более не существует, а существует «буржуазия, организовавшаяся в государства», а буржуазия, как известно, должна быть уничтожена! «Шире применяйте расстрелы», – учит он. От приостановки террора погибли или выродились все великие революции прошлого.

Горят дворцы, взлетают на воздух древние храмы, разворовываются национальные ценности, втаптываются в грязь и кровь национальные святыни и традиции, с ужасом бежит из обезумевшей страны цвет нации, оставшиеся превращаются в заложников, каждую минуту ожидая пули палача.

В заложников превращается все население страны. В секретных директивах и инструкциях чуть ли не штампом становятся слова: «Полное, поголовное истребление…» Еще бушует пожар гражданской войны, а уже вспыхивает война с Польшей. «Настал момент, – ликует Ленин, – прощупать Европу штыком!» Польша – это только мост в Европу. Вперед – на помощь европейскому пролетариату! «Вы, – обращается Ленин к уходящим на польский фронт комсомольцам, – через 10-15 лет будете жить в коммунистическом обществе!».

Сокрушительный разгром под Варшавой, почти совпавший по времени с громом двенадцатидюймовок Кронштадта, заставляет наконец очнуться от боевого угара. Кандидат в вожди мирового пролетариата впервые после 1917 года испуганно оглядывается по сторонам.

Цветущая всего семь лет назад Российская империя лежит в дымящихся кровавых руинах. Торговля и ремесла уничтожены. Уничтожена не только молодая русская промышленность, но и древний русский хлеб. Трехсоттысячная армия «воинов-интернационалистов», составленная из бывших немецких и австрийских военнопленных, латышей, китайцев и евреев паровым катком катится по стране, уничтожая «мелкобуржуазную стихию» – то бишь крестьян, не желающих снова превращаться в крепостных. Крестьяне отвечают массовыми восстаниями. Их глушат артиллерией, обливают ипритом, душат боевыми газами. Несколько лет уже никто не сеет и не пашет. Невиданный со времен Смутного времени голод поражает умирающую страну.

Разрушены железные дороги, практически полностью уничтожен военный и торговый флот. Внешняя торговля, как и внутренняя, сведены к нулю. Твердый русский рубль – гордость русских экономистов – просто испарился. Товарно-денежные отношения прекращены. Некогда величественная Православная Церковь молчит и даже не молится. Разбитая и распятая страна лежит в дерьме и крови. Она воскреснет, но это уже будет не Россия, а нечто страшное – оживший труп, монстр наподобие Франкенштейна.

Возможно, так оно и было задумано, однако великий вождь мирового пролетариата, несколько растерявшийся и разочарованный, поскольку ни одно из его безапелляционных пророчеств так и не сбылось, выбывает из игры, пораженный инсультом. А вскоре и умирает, диктуя перед смертью стенографисткам свои знаменитые последние письма, из коих вытекает, что единственным путем из смертельного тупика, в который он завел страну, является возвращение назад к капитализму европейского типа.

Тогда для чего же все делалось?.. А как же мировое господство, идея которого уже захватила его учеников? Что делать с Коминтерном? Что будет с уже разросшейся и отъевшейся партийной бюрократией и огромным беспощадным карательным аппаратом?.. Нет уж, дудки!

Маленький рябой человечек с черными усами в полувоенном кителе и заправленных в высокие сапоги бриджах, стоя над гробом Ленина, произносит клятву продолжать, дело вождя. «Мы клянемся тебе, товарищ Ленин…»

Весь его внешний вид резко контрастирует с обликом других соратников покойного лидера, одетых в костюмы-«тройки» и галстуки. Ведь так постоянно одевался сам Ленин, а стиль жизни вождя – это стиль жизни эпохи! Поблескивая стеклами пенсне на местечковых носах, с трудом скрывая иронические усмешки, они слушают, как с сильным кавказским акцентом рябой усач читает свою клятву. «Мы клянемся тебе, товарищ Ленин…»

Ленин не любил его за грубость и необразованность, а они – его соратники и ученики – просто презирали этого «недоучку-семинариста» с темным прошлым – «пахана с малины», с уголовными манерами, сочетавшимися с капризностью кинозвезды и мстительной злопамятностью дикого горца. Они временно вытолкнули его вперед у смертного одра Ленина, чтобы за его бутафорской спиной продолжать яростную грызню за ленинское идеологическое наследство… Но их время уже ушло. Они еще немного покричат о «перманентной революции», о «всемирном пролетариате» и о «неминуемом крахе капитализма», и потом каждый получит свою пулю в затылок.

Иосиф Сталин – сын беспробудного пьяницы-сапожника из грузинского городка Гори – всю свою предреволюционную деятельность свел к так называемому «практическому марксизму», организовывая бандитские нападения на банки, инкассаторов, почтовые поезда и даже пароходы, чтобы обеспечить деньгами прозябающих в эмиграции и не умеющих заработать копейку своим трудом вождей «пролетарской» революции.

В перерывах между «эксами», как любовно назвал его деятельность Владимир Ильич, Иосиф Джугашвили сидел по тюрьмам или находился в ссылке, общаясь с профессиональными уголовниками, полицейскими провокаторами и люмпенами всевозможных сортов. Он не оттачивал ораторские способности и интеллект в швейцарско-датско-шведских кафетериях в бесконечных диспутах с деградирующей европейской социал-демократией.

Сталин видел страшную растерянность и ошеломленность Ильича после подавления революции в Венгрии и после Кронштадтского мятежа. Он видел, с какой трусливой поспешностью вождь дал сигнал ко всеобщему отступлению, именуемому НЭПом, лицемерно отказываясь от всего того, о чем страстно вещал несколько дней назад, в частности, от основы основ своего учения – достижения мирового господства путем мировой пролетарской революции.

Несколько раз Ленин успокаивал товарищей, что со следующей недели начнет приканчивать НЭП, и они уже точили ножи, но на следующей партконференции услышали от вождя, что «НЭП – это всерьез и надолго!».

Столь беспринципное лавирование, эти шараханья то вправо, то влево, раздражали и показывали, что, похоже, вождь более не соответствует своей высокой миссии. Тогда и случился у Ильича первый инсульт, очень быстро приведший сперва к обыску в его личном кремлевском кабинете, а потом и к смерти…

И вот Ленин умер. Но дело его живет. Оно должно жить! Кто осмелился сказать, кто осмелился даже подумать, что Ленин ошибался?! Все, что предсказывал Ильич – верно. Он просто чуть неверно рассчитал время, слегка недооценил степень обмещанивания западного пролетариата. Пусть каждый, кто сомневается, кто осмелился сомневаться, взглянет на мир.

Кризис и глубочайшая экономическая депрессия охватили все страны капитализма, Вот она, та самая «последняя, загнивающая стадия»! Мощные забастовки, миллионные толпы безработных, остановившиеся заводы, череда страшных банкротств казалось бы несокрушимых фирм, паника на биржах, растерянные лица западных политиков.

Конвульсирует и агонизирует капиталистический мир, но Сталин еще не в силах активно включиться в события. Гражданин Страны Советов еще влачит нищенское существование, злобные белоэмигранты льют крокодиловы слезы о загубленном народе, а безработные агонизирующего капитализма и не помышляют о пролетарской революции. Ничего, принесем освобождение народам мира на штыках!

Во-первых, следует создать современную армию, а чтобы создать ее, необходима индустриализация страны. Во-вторых, нужно дисциплинировать страну, а еще Ленин учил, что для этого надо какую-то часть населения объявить вне закона. Тогда объявили буржуев – это было гениально. Кого объявить сейчас? Социализм невозможно построить, неоднократно подчеркивал Ленин, не покончив с «мелкобуржуазной стихией», т.е., говоря человеческим языком, – с независимостью крестьян. С этого и надо начать, уповая на следующее пророчество «о неизбежности войн в эпоху империализма». А пока пусть западный мир успокоится – с него надо еще деньги получить на нашу индустриализацию!

И пока горлопаны из ленинского окружения продолжали орать о мировой революции – Сталин выдвигает лозунг о построении социализма в одной отдельно взятой стране», ссылаясь при этом, не моргнув глазом, опять же на Ленина, который как раз всегда утверждал обратное.

От столь еретической трактовки великого учения, от невероятной наглости, с которой был преподнесен новый лозунг, определявший генеральную линию партии, перехватило дыхание у всей «старой большевистской гвардии». Но Сталин знал, что делал.

Раздавленный, измученный народ был глух к лозунгам мирового господства. Десять лет непрерывных и небывалых по своей ожесточенности войн не только изменили душу народа – изменился и его антропологический тип. Практически полностью исчезла старая, гуманная и наивная русская интеллигенция, а один из ее чудом уцелевших светочей провозгласил на весь затрепетавший мир: «Если враг не сдается – его уничтожают!». Был полностью истреблен и исчез с лица земли знаменитый русский промышленный пролетариат, а ударившая по деревне коллективизация вынудила пойти на заводы и стройки первой пятилетки согнанных с земли крестьян, давая властям материал для любого вида обработки. Кампания против кулаков, уничтожившая 15 миллионов человек, как и предвидел Сталин, консолидировала общество, если то, что существовало в стране, можно назвать обществом. Трескучая кампания по «ликвидации кулачества как класса» глушила залпы в подвалах ОГПУ, где отправляли на тот свет последних мечтателей о мировой пролетарской революции, не понявших или не желавших понять новой тактики момента.

Все это общеизвестно, но как-то отошло на задний план, что в залпах и крови *второй гражданской войны* , как сам Сталин назвал проводимую им коллективизацию, проходили процессы, ускользнувшие от внимания тогдашнего мира и нынешних историков. А происходило следующее: *создавалась и развертывалась невиданная по масштабам и технической оснащенности армия* . Работа по милитаризации страны проведенная Сталиным с того момента, как он, закончив коллективизацию, сосредоточил в своих руках всю полноту государственной и партийной власти в 1934 году, потрясает воображение как одно из чудес света.

В самом деле, вспомним, что основу населения СССР в начале и середине 30-х годов составляла многомиллионная масса крестьянства, в большинстве своем абсолютно неграмотная, видевшая в своей жизни только два механизма – топор и соху. Эту массу легко можно было, конечно, мобилизовать, посадить на коня, научить стрелять из винтовки Мосина или крутить штурвал боевого корабля. Но нужно было другое. Необходимо было, во-первых, создавать кадры военно-воздушных сил. Не элитарные кадры пилотов первой мировой из гусарских, кавалергардских и морских офицеров, обучавшихся пилотированию за собственный счет, а сотни тысяч летчиков, штурманов, радистов, авиаинженеров, техников, ремонтников, оружейников. Нужно было создать высококвалифицированные инженерно-технические и рабочие кадры авиапромышленности. И создать все это из дикой и первобытной крестьянской массы.

И не это даже главное – а то, что *все это было создано менее чем за пять лет* !

Но это только авиация. А танки? Десятки тысяч танков требовали не одну сотню тысяч специалистов в самых разнообразных областях, вплоть до специалистов по профильной вулканизации для дизельных прокладок. И все они появились за пять лет! А ведь их всех еще нужно было до этого учить читать и писать!

Далее – флот! Самый сложный вид вооруженных сил, требующий от личного состава мощного багажа технических знаний. *Более двухсот подводных лодок – больше чем у всех морских держав вместе взятых – было построено с 1933 по 1940 год* , и каждая лодка имела два подготовленных экипажа. Они не выросли на деревьях! Но тогда откуда же они появились?

Какая же немыслимая гигантская работа была проделана! Вспомним, что если наверху каким-то чудом уцелели несколько царских генералов и полковников, то на среднем и низшем уровне военного управления не осталось никого – все поручики, ротмистры, капитаны были перебиты до единого человека или бежали за границу, а если рисковали вернуться, как в 1925 году, то расстреливались на месте. Из старого наследства не осталось ничего – все было создано заново, как по волшебству.

Для новой армии не годились и кадры гражданской войны. Во-первых, потому, что они были совершенно неграмотными, а во-вторых, что самое главное, они были созданы Троцким и не без основания считались троцкистскими. А посему с ними обошлись не менее круто, чем с бывшими царскими офицерами: все от Думенко и Миронова до престарелого Шорина были безжалостно ликвидированы.

Для чего с такой поспешностью создавалась немыслимо огромная армия, в сотни раз превосходящая все пределы необходимой государственной обороны, если даже сам Сталин в своих многочисленных речах отмечал растущий пацифизм в Европе, раздираемой противоречиями, потрясаемой кризисами и практически невооруженной? Вспомним цифры: армия Франции – 300 тысяч, включая колониальные формирования; рейхсвер – 150 тысяч и ни одного не то что танка, но даже броневика; США – 140 тысяч и рота (экспериментальная) бронеавтомобилей; Англия – 90 тысяч, разбросанные по всей империи; *СССР – 2,5 миллиона и уже четыре танковых корпуса* .

На танкодромах под Казанью вкупе с секретно прибывшими офицерами рейхсвера отрабатывается тактика танковых клиньев. Жаждущие реванша немцы – естественный союзник в будущем походе.

Огромная многомиллионная армия, «сверкая блеском стали», откровенно готовится к «яростному походу». Из миллионов глоток раздается громоподобный рев: «Да здравствует великий Сталин!».

Но Сталин медлит. Почему?

Англия! Проклятая Англия, все еще управляющая миром с помощью навязанных международных союзов, с помощью тщательно сплетенных удавок международной финансовой системы, с помощью своей глобальной империи на пяти континентах и чудовищного флота! Что толку в этой разложившейся Европе, если уцелеет Британская империя! Сталин ненавидит Англию и за то, что она праматерь всех ненавистных ему демократий, и за то, что она в течение веков умело заставляла Россию «таскать за себя каштаны из огня», но – и это главное – за то, что эта проклятая империя последним бастионом встала на пути всемирной пролетарской революции, и как сокрушить ее, он не знает.

Советскую агентуру, которая во всем мире чувствует себя лучше, чем дома, именно в Англии мгновенно вылавливают и с позором высылают.

В глубоком молчании смотрит Сталин в своем личном кинозале хронику Ютландского боя. Смотрит чуть ли не каждую неделю, вызывая удивления своих «коллег» по Политбюро. Уходящие за горизонт длинные колонны английских и немецких дредноутов, тучи дыма из сотен труб, боевые флаги, вьющиеся на частоколе мачт. Залпы тяжелых орудий. Вот взлетел на воздух один из английских дредноутов, вот в тучах огня, дыма и угольной пыли переломился пополам и тонет второй, вот, пылая, валится на борт под вихрем немецких снарядов третий, горит четвертый!!! Разгром англичан? Увы, нет…

Как всякий человек, выросший в России, переживший цусимскую катастрофу, Сталин страдал комплексом военно-морской неполноценности. Томик адмирала Мэхэна из его библиотеки был весь испещрен восклицательными и вопросительными знаками, как и у кайзера Вильгельма. О том, что Мэхэн произвел на вождя неизгладимое впечатление, свидетельствует уже то, что теория Мэхэна о господстве на море была немедленно, как только Сталин с ней познакомился, объявлена буржуазной и лженаучной, а ее сторонники расстреляны или посажены. Однако программа строительства 16 линкоров типа «Советский Союз» была уже утверждена по личному настоянию Сталина!

Что же делать? Нужно заглянуть в «библию», оставленную Лениным. Там ясно сказано о неизбежности войн в эпоху империализма. Надо подождать, пока Англия не будет втянута в какую-нибудь военную авантюру. Но с кем? С Соединенными Штатами? Непохоже. С Японией? Ленин еще до революции предсказал войну между Японией и Соединенными Штатами. В такую войну может втянуться и Англия, но еще неизвестно, на чьей стороне. «Нет вечных друзей, а есть только вечные интересы!» У империалистических хищников нет морали. Так учил Ленин, и это надо помнить всегда!

Пока Сталина раздирали внутренние противоречия и комплексы неполноценности, постоянно заставляя «сверять жизнь по Ленину», бывший ефрейтор первой роты 16-го баварского пехотного полка стал канцлером Германии как фюрер (вождь) партии, победившей на выборах в Рейхстаг.

Организованная им Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (НСДАП), обогащенная опытом шестнадцатилетнего существования партийного государства на Востоке, пришла к власти гораздо более организованно, явно не желая ввергать свою страну в

российский хаос. Партийный карательный аппарат был уже готов, но и старый не уничтожили, а мирно соединили с новым.

Придя к власти под лозунгом возрождения Германии и полного отказа от статей Версальского договора, которые сам Черчилль назвал «идиотскими», Адольф Гитлер для консолидации вокруг себя всего немецкого народа также выбрал жертву, но не буржуазию или крестьян, как его учителя на Востоке (Гитлер считал эти мероприятия ошибочными), а евреев Германии, которых он для начала специальным актом объявил вне закона. Нацистская антиеврейская кампания была просто скопирована с антикулацкой кампании в СССР, с той лишь разницей, что кулаком или подкулачником в СССР могли объявить кого угодно, а в Германии все было сразу поставлено в рамки порядка, чтобы не давать волю низменным инстинктам населения – тут уж или ты еврей, или не еврей, – как повезло родиться.

Надо заметить, что Сталин, мягко говоря, евреев терпеть не мог, но побаивался, отлично понимая нутром старого уголовника, столько лет варившегося в российском революционном подполье, что связываться со столь грозным противником небезопасно.

Гитлер, будучи столь же малообразованным, как и Сталин, не имел, однако, богатого жизненного опыта и восточной хитрости Иосифа Виссарионовича. Никто не предостерег его от столь опрометчивого, во многом спровоцированного шага.

В отличие от Сталина Гитлер не мучился комплексами и нерешительностью. Он любил рисковать и не тратил много времени на обдумывание своих внешнеполитических шагов. Не успев занять кресло канцлера, он тут же в одностороннем порядке денонсировал Версальский договор и приказал своим войскам оккупировать Рурскую область.

Шаг более чем рискованный. В Кремле насторожились. Вот оно начинается. Но дремлющая на лаврах победителя прошлой войны, разложенная социалистами Франция ограничилась вялым протестом, а в Англии «правительство Его Величества» выразило по этому поводу «озабоченность и сожаление».

Вновь задымили трубы Рура, забилось «в радостном ритме» остановленное сердце Германии, рассасывая безработицу и прочие неразрешимые проблемы Веймарской республики. Гитлер официально объявил о программе перевооружения Германии без каких-либо ограничений.

Набирающий силы вермахт марширует по стране. Прошедшие практику в Липецке и Казани летчики и танкисты быстро ставят программы перевооружения на широкую ногу. Из миллионов глоток раздается громоподобный ликующий вопль: «Хайль, Гитлер!». Веди нас, вождь! Аншлюс Австрии. Встревоженные страны Антанты пытаются договориться о новом союзе. Сталин потирает руки. На волне новой опасности СССР быстро признают почти все страны Европы, опять готовые воевать «до последнего русского солдата».

Итак, в двух крупнейших странах Европы на волне унижений и крушения имперских амбиций времен первой мировой войны возникли два чудовищных режима, которые, как бы они не маскировали свои цели, а они свои цели и не особенно скрывали, начали добиваться того, чего не удалось их незадачливым предшественникам – императору Николаю и кайзеру Вильгельму.

В одной из этих стран возрождение старого имперского духа происходило на основе интернационал-социализма с откровенным замахом на мировое господство, пусть пока не фактическое, но по крайней мере духовное. «Если не получился Третий Рим, то пусть хоть получится Третий Интернационал», – острили циники из ленинского окружения. В византийских играх борьбы за личную власть Сталин, выдвинув лозунг «построения социализма в одной стране», откровенно перевел идеологию большевизма в русло националсоциализма, хотя многонациональная специфика СССР не позволила ему воплотить упрощенную гитлеровскую формулу: «Одна страна, один народ, один вождь!». Временно

задвинув на второй план полученную в наследство от Ленина идею мировой революции, но искренне веря в глобальные пророчества Ильича, Сталин терпеливо ждал признаков исполнения этих пророчеств, дабы захватить весь мир под предлогом интернациональной помощи братьям по классу и сокрушению «мирового капитализма».

Гитлеровский режим возник на фундаменте национал-социализма, однако программа национал-социалистической [2] партии быстро рассеяла все сомнения в том, что Гитлер будет воплощать ее в границах Германии 1914 года. Обе партии – и в Москве, и в Берлине – считали себя «рабочими», провозглашали свои решения от имени трудящихся, виртуозно жонглируя понятием «народ» [3].

Возникновение в таком маленьком «ареале», как Европа, двух огромных хищников фактически одного семейства и лишь чуть-чуть отличавшихся видом, без труда давало понять каждому, кто внимательно следил за развитием событий, что прежде чем начать выполнять свои глобальные планы, им придется разобраться друг с другом. Наглый плагиатор из Берлина вызывал законное раздражение в Москве. Украв и слегка перелицевав рожденную восточным соседом идеологию, он нахально пытался выдать ее за собственное изобретение, мешая работать и срывая московские планы. Естественно, он должен быть уничтожен. Уничтожен, да! Но с максимальной пользой для социализма. Сталин не любил рисковать. Все, что он делал – он делал основательно. У него еще есть время – по крайней мере он так считал.

В отличие от Сталина Гитлер считал, что у него времени нет.

Брызгая слюною и размахивая оружием, он истошно кричит о необходимости уничтожения большевизма, о «лебенсрауме» на просторах России. Попыхивая трубкой, Сталин наблюдает сквозь облако табачного дыма, пряча свой топор за пазухой и ожидая, когда его эмоциональный оппонент при очередном своем непредсказуемом прыжке повернется к нему спиной, чтобы всадить топор ему в затылок.

Оба отлично понимают, что схватка неизбежна. Один из них должен быть уничтожен. Оба понимают также, что задача это – тактическая, поскольку истинные задачи гораздо шире. Мешая и путаясь друг у друга под ногами, проверяя друг друга при каждом удобном случае, скажем, в Испании, в Югославии, на Халкхин-Голе – они не забывают, что главным их врагом, главной помехой на пути к «мировой революции» является Англия. Англия – «это еврейско-плутократическая империя, это инструмент еврейского разбоя, с помощью которого евреи пытаются высосать последнюю кровь из населения мира, включая и английский народ».

В личном кинозале фюрера, как и у его оппонента, постоянно крутят хронику Ютландского боя. Гитлер смотрит эмоционально. При взрыве «Куин Мэри» бьет себя ладонями по коленям, вскакивает, визжит от восторга. Взяв под руку гросс-адмирала Редера, он возбужденно доказывает ему, что «если бы у нас было на два линейных крейсера больше и бой начался бы на два часа раньше», то англичане были бы разгромлены. Гроссадмирал – сам участник Ютландского боя – слушает фюрера, почтительно склонив свой безупречный пробор, пряча усмешку на аристократическом лице.

Однако гросс-адмирал соглашается с фюрером, подчеркивая, что сокрушить Англию можно лишь при выполнении недавно представленного им на утверждение фюреру «Плана Зет» – программы строительства двадцати линкоров, способных разгромить ненавистный Гранд-флит. По всем расчетам программа не может быть выполнена ранее 1943 года и поэтому… Гитлер все понимает, он дает Редеру слово, что война с Англией начнется не ранее 1943 года. До этого времени есть чем заняться!

Английская разведка, с тревожным любопытством наблюдающая за начавшимся поединком великих вождей, неожиданно получила из Москвы интересную информацию. Эта

информация поступила сразу из трех независимых источников, что переводило ее из разряда вероятной в разряд весьма правдоподобной. В сообщении говорилось (август 1938 г.), что у Сталина начался климакс. Источниками информации назывались: известная на всю Москву любовница вождя Вера Давыдова, его «пассия» Евгения Ежова и некто из близкого окружения вождя, естественно, пожелавший остаться неизвестным [4]. Глубокие психологи из старейшей разведки мира сделали из полученной информации правильные выводы: великие политики проявятся в коротком промежутке между началом климакса и наступлением маразма. В любом случае в ближайшие 3-4 года от Сталина можно ждать какой-нибудь дьявольской комбинации.

Зная психическую неуравновешенность своего берлинского дублера, Сталин ни на минуту не оставляет его в покое. Демонстративно выставив в качестве рупора своей внешней политики еврея Литвинова, Сталин бесит фюрера своими идеями создания коллективной безопасности в Европе, ясно давая понять «наглому плагиатору», что стоит ему, Сталину, пальцем шевельнуть, как на горле у Гитлера снова сомкнётся железное кольцо старой Антанты и его неизбежно будет ждать судьба кайзера Вильгельма.

Гитлер в ярости бегает по своему кабинету, кроя последними словами этого «грязного еврейского лакея в Кремле». Он наносит Сталину удар, организовав «дело Тухачевского», не подозревая при этом, что все необходимые для этого документы ему подбросил сам Сталин.

Сталин с видимым удовольствием играет на чувствительных струнах европейской политики. Его идея коллективной безопасности будоражит общественное мнение Англии и Франции, но Сталин, отлично понимая, что его боятся ничуть не меньше, чем Гитлера, мастерски блефует, обставляя свои предложения заранее невыполнимыми условиями пропуска Красной Армии через территории то Польши, то Чехословакии, то Румынии. От этих предложений холодный озноб пробегает по затравленным странам восточно-европейского буфера.

Да и Англия с Францией со страхом взирают на происходящее в сталинской империи. Постоянно «сверяя жизнь по Ленину», Сталин ни на минуту не прекращает террора. Ленин постоянно призывал «обосновать и узаконить его (террор) принципиально, ясно, без фальши и без прикрас». Следуя завету великого учителя, Сталин превратил террор в норму государственной жизни СССР.

Спущенный с цепи НКВД с особым остервенением вцепился в своего извечного соперника – армию, вычистив ее, по меткому выражению Клима Ворошилова, «до белых костей», поставив к стенке трех маршалов из пяти, практически всех командармов, комкоров и комдивов, а также добрую половину командиров полков.

Даже сам Сталин озадачен. Задуманная им большая чистка перед большой войной изрядно наломала дров. Конечно, необходимо было ликвидировать этих умников-маршалов из недорезанных поручиков, всю эту военную монархически-черносотенную шваль, окопавшуюся на академических кафедрах и в окружных штабах, всю троцкистскую ядовитую пену, нестерпимо воняющую со времен гражданской войны, переполнившую партаппарат и аппарат госбезопасности.

Ленин как-то в порыве откровенности брякнул: «Все наши планы – говно. Главное – подбор кадров!». И был совершенно прав. «Кадры решают все!» – перефразировал Сталин своего учителя и все свои действия подчинил правильному выполнению этого гениального завета. Многомиллионная армия ГУЛАГа, вооруженная ломами, кайлами, лопатами, пилами и тачками должна была заложить основу социалистического хозяйства. Другая, гораздо меньшая, – армия «зеков», с логарифмическими линейками, арифмометрами и кульманами, двигала социалистическую науку. Третья, солдаты которой считали себя свободными, должна была охранять две первые. Четвертая армия, именуемая РККА, охраняла «мирный труд» трех предыдущих, ожидая от мирового пролетариата призыва о помощи. Огромный партаппарат и

аппарат НКВД должен был надзирать за всеми этими армиями, оберегая их от вредных мыслей и постоянно перемещая личный состав из одной армии в другую. И над всей этой не особенно сложной структурой возвышалась фигура вождя. Именно так понимали социализм еще древние мыслители – не чета нам: элита, стража, рабы. Стража находится между элитой и рабами. Плохой страж уходит в рабы, хороший – в элиту. «Ни то, ни се» – умирает на боевом посту. Любой член элиты может утром проснуться рабом или стражем, раб имеет возможность выбиться в стражи, но в элиту никогда! Самое главное тут – правильный подбор кадров для элиты и выбор мифов для воспитания стражей и рабов. Это подчеркивал еще старик Платон!

«Необходимо, – инструктировал Сталин своего нового фаворита Маленкова, – полностью обновить партийно-государственный механизм, чтобы подготовить страну к большой войне».

Пока в сухановской тюрьме смертным боем били бывшего наркома НКВД Николая Ежова, дробя ему руки и ноги, но фактически не задавая никаких вопросов, Сталин с высшими военачальниками, угрюмо посасывая трубку, просматривал списки отправленных в ГУЛАГ офицеров армии и флота, отмечая красными и синими крестиками подлежащих освобождению. Не всех, конечно, но добрую треть! А ведь такое доверие было оказано Ежову! Действительно, услужливый дурак опаснее врага. Ему было сказано *почистить* армию, а он ее чуть не уничтожил. Интересно бы выяснить, на кого он работал. Впрочем, это не так важно. Но вину свою ему необходимо осознать, а потому должен умереть не просто, а с осознанием вины, т.е. медленно.

Сталин лично расписывает ритуал казни Ежова, а для ее совершения привлекаются не вечно пьяные исполнители с Лубянки, а два утонченных специалиста из аппарата «Управления Делами ЦК», недавно продемонстрировавшие свое искусство при казни маршала Тухачевского.

Глава 1. Сговор

Проклятые внутренние дела не дают Сталину возможности сосредоточиться на главной проблеме – подготовке марша в Европу. Но этот марш невозможен, пока в стране не будет наведен порядок, который является идеальным для выполнения его плана – оставить как можно меньше населения, не включенного ни в какие армии. Таких просто не должно быть. Но это легче сказать, чем сделать! Правильно расставить «кадры», когда речь идет о почти двухстах миллионах, задача космическая, но Сталин считает ее вполне разрешимой, если будет выполнен весь комплекс намеченных им «политических и организационных мероприятий».

Он сам определяет ежегодные цифры для ГУЛАГа, которые, постоянно возрастая, достигают своего пика не в 1936 г., как многие считают, а в 1940 и 1941 гг., что еще раз подтверждает неземную мудрость вождя.

Гражданская война в Испании показывает, что возрождаемый Вермахт еще мочится в пеленки – его танки и самолеты способны вызвать лишь снисходительную улыбку, а тактика их применения – пожатие плечами. Ничто не мешает Сталину расстрелять в Испании всех, кого надо, и похитить золотой запас страны.

Советский самолет всаживает бомбу в немецкий линкор «Дойчланд», шнырявший у испанских берегов. При этом гибнут 23 немецких моряка, и их похороны в Германии вызывают взрыв антирусских эмоций, сравнимых разве что с августом 1914 года. «А все-таки этот Сталин – гениальный парень!» – совершенно неожиданно вырывается у Гитлера, озадачивая его банду. Но фюрер поясняет, что только великий вождь может осуществлять столь великолепные мероприятия в собственной стране и за рубежом.

Самому Гитлеру удалось навести в собственной стране нужный ему порядок гораздо быстрее. Это и понятно, учитывая организованность населения и размеры территории

Германии. Бурная динамика старта влечет Гитлера дальше – к Судетскому кризису. Целостность молодой Чехословацкой республики гарантирована странами-победителями первой мировой. Начинается европейский кризис.

Общественное мнение давит на правительства Англии и Франции не связываться с Гитлером – пусть забирает свои Судеты. Продолжая нервировать Гитлера, Сталин, которого ловко оттеснили от участия в европейских делах, снова предлагает меры «по коллективной безопасности». Но Англия и Франция не хотят связываться с одним бандитом, чтобы остановить другого. Сталин обращается к Чехословакии с предложением ввести на ее территорию Красную Армию. Бенеш и Гаха в ужасе шарахаются от протянутой руки московского диктатора. В итоге после Мюнхена Судеты достаются Гитлеру без единого выстрела. Струсившая Чехословацкая армия, значительно превосходящая вермахт по технической оснащенности и боевой подготовке, подтверждает немецкое мнение о чехах как «о сплошной банде симулянтов».

Гитлер в пылу азарта быстро намечает следующую жертву – Польшу, считая свои руки полностью развязанными. Он ошибается, но ошибается искренне. Англия не собирается прощать ему Мюнхена и совместно с Францией объявляет о гарантиях Польше. В интервью американской газете «Нью-Йорк Геральд Трибюн» Гитлер презрительно отзывается об английских гарантиях, назвав их «куском бумаги, который можно использовать разве только в клозете». В это время Сталин предлагает свою помощь Польше с условием ввода на ее территорию ограниченного контингента частей Красной Армии. Неблагодарная Польша отвечает на подобное предложение призывом резервистов. Сталин, посасывая трубку, исчезает в клубах табачного дыма.

Между тем Гитлер намечает дату вторжения в Польшу – ориентировочно на 26 августа 1939 года, объявив своим несколько перетрусившим генералам, что возможен только некоторый перенос даты, но не позднее 1 сентября.

12 февраля 1939 года английский кабинет проводит секретное совещание. На совещании присутствуют представители английского и французского генеральных штабов. Изучается подробная картина возможностей Германии.

Экономика Рейха перенапряжена. Стратегического сырья хватит лишь на несколько месяцев ведения войны. Гитлеровский флот можно пока вообще не принимать во внимание. Позиционная война на континенте за французскими укреплениями линии Мажино и тесная блокада с моря удушат Рейх к январю 1940 года, если Гитлер развяжет войну с Польшей в августе 1939-го.

Кабинет принимает резолюцию: если Гитлер нападает на Польшу, Англия и Франция без колебания объявляют ему войну. Французская армия и экспедиционные силы англичан сдерживают вермахт на суше, не предпринимая – для минимизации жертв – каких-либо активных действий, в то время как английский флот при посильной поддержке французского накидывает на Германию старую добрую удавку морской блокады, из которой нет даже теоретического выхода, кроме капитуляции. Что касается СССР, то Сталин, стоя по колено в крови собственного народа, вряд ли способен при таких обстоятельствах активно вмешаться в европейские дела.

Союзники ошибаются, но ошибаются искренне. Они еще плохо знают Сталина. Весь террор затеян им именно для того, чтобы активно вмешаться в европейские дела, чтобы превратить СССР в единый военно-трудовой лагерь, скованный самым надежным, по мнению Сталина, цементом – страхом. Мюнхенское соглашение, не давшее начаться давно ожидаемой Сталиным Европейской войне, вызвало у него прилив бешенства. Проклятые, разложившиеся от роскоши трусы! Но, в отличие от Гитлера, он умеет держать себя в руках.

10 марта 1939 года вождь выступает с отчетным докладом на XVIII съезде партии. Как обычно, он говорит на придуманной еще Лениным «новоречи», где мир – это война, правда –

ложь, любовь – ненависть, агрессия – оборона. Как правило, в подобных речах сразу понять невозможно ничего. Но Сталин не может сдержать своего недовольства и разочарования по поводу того, что война в Европе, которую он ждет уже почти 19 лет, так и не началась. Он обрушивается на Англию и Францию, называя их за то, что они не дали вспыхнуть европейскому конфликту, «провокаторами войны». Видимо, забыв, о чем он говорил всего минуту назад, вождь с неожиданной откровенностью, начинает клеймить «политику невмешательства» Англии и Франции, прямо заявляя, что такая политика представляет чуть ли не основную угрозу интересам Советского Союза.

Пока Сталин с несвойственной для него страстностью произносил речи, выслушивая бурные овации сидящих в зале манекенов, в самый разгар съезда, 15 марта, Гитлер захватил всю Чехословакию, хотя по Мюнхенскому соглашению ему полагалась только Судетская область.

Стало ясно, что Гитлера на испуг не возьмешь. «Адольф закусил удила», – в свойственной для себя манере сообщала американская разведка из Берлина. В европейских столицах, сопя, терлись боками разведки практически всех стран. Ни одно решение, ни одно мероприятие сохранить в тайне не удавалось. Серые потоки информации, украшенные яркими лентами дезинформации, кольцами гигантского змея обвивали взбудораженную Европу.

Английский кабинет продолжал зондировать почву о возможности англо-советского военного союза (с этой целью 16 марта советское посольство в Лондоне посетил сам премьер Чемберлен), но никто этого союза не хотел. Напротив, уже существовал весьма изящный план – стравить между собой СССР и Германию и решить тем самым как европейскую, так и мировые проблемы. Наиболее верным способом для этого, как указала в представленном правительству меморандуме английская разведка, являлось провоцирование сближения Германии и СССР. «*Если эти страны придут к какому-либо политическому, а еще лучше – к военному соглашению, то война между ними станет совершенно неизбежной и вспыхнет почти сразу после подписания подобного соглашения* ».

К такому же выводу пришел и президент США Рузвельт, получив первые сообщения о наметившемся советско-германском сближении. «*Если они (Гитлер и Сталин) заключат союз, то с такой же неотвратимостью, с какой день меняет ночь, между ними начнется война* ».

21 марта, в день закрытия XVIII съезда, правительство Англии предложило Сталину принять декларацию СССР, Англии, Франции и Польши о совместном сопротивлении гитлеровской экспансии в Европе. Ответа не последовало. 31 марта Англия и Франции объявили о гарантиях Польше. Сталин усмехнулся, но промолчал. В ответ Гитлер объявил денонсированным англо-германское морское соглашение 1935 года. Воспользовавшись моментом, Гитлер также объявил о расторжении германо-польского договора о ненападении, заключенного в 1934 году.

6 апреля подписывается англо-польское соглашение о взаимопомощи в случае германской агрессии.

13 апреля Англия и Франция предоставляют гарантии безопасности Греции и Румынии. Советская пресса ведет издевательскую кампанию над «английскими гарантиями», постоянно напоминая, во что они обошлись доверчивой Чехословакии.

16 апреля Англия и Франция направляют советскому руководству проекты соглашений о взаимопомощи и поддержке на случай, если в результате «осуществления гарантий Польше западные державы окажутся втянутыми в войну с Германией». Но никакого конкретного ответа нет. Англичанам, если у них вообще существовали на этот счет какие-либо сомнения, становится ясно все. Сталину не нужны какие-либо меры, пакты и гарантии, способные

обеспечить мир в Европе. *Ему нужна война, и он сделает все от него зависящее, чтобы она вспыхнула как можно скорее* .

Впрочем, к чести Сталина надо сказать, что он и не пытался особенно этого скрывать. На том же XVIII съезде начальник Главного политического управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии, один из ближайших сотрудников вождя, Лев Мехлис под бурные аплодисменты воющего от восторга зала ясно расшифровал сталинскую мысль: «Если вторая империалистическая война обернется своим острием против первого в мире социалистического государства, то перенести военные действия на территорию противника, выполнить свои интернациональные обязанности и *умножить число советских республик* !»

Над шахматной доской Европы склонились ведущие игроки, ожидая следующего хода. И он не замедлил последовать. Сталин сделал ход пешкой.

3 мая 1939 года на последней странице газеты «Правда» в разделе «Краткие новости» появилось маленькое сообщение о том, что нарком иностранных дел «М. Литвинов освобожден от должности НКИД по собственной просьбе в связи с состоянием здоровья». На должность наркома, говорилось в том же сообщении, назначен т. Молотов В.М. В мире это сообщение грохнуло набатом. Снят Литвинов – сторонник мер коллективной безопасности против наглеющей Германии, еврей, которого Сталин специально держал на посту, демонстрируя Гитлеру абсолютную невозможность каких-либо официальных переговоров.

В Берлине же царило ликование. Наконец-то между Германией и СССР перестал стоять этот, как раздраженно выразился Гитлер, «паршивый еврей»! [5] В Париже и Лондоне также все поняли правильно. Особенно в Лондоне. Сталин сделал первый намек на возможность сближения с Гитлером. Хорошо. Они сами не заметят, как в порыве дружеских объятий начнут душить друг друга. *Серьезные попытки заключить какое-либо соглашение с СССР прекращаются* . Еще будут, конечно, англо-франко-советские переговоры, несерьезность которых будет очевидна как договаривающимся сторонам, так и практически всему миру – с главной целью раззадорить Гитлера.

А над Москвой продолжают греметь военные барабаны, литавры и трубы. Еще в своем «Новогоднем обращении к советскому народу» Сталин в газете «Правда» от 1 января 1939 года призвал Советский Союз быть готовым «разгромить любого врага на его территории», пустив в обращение новую военную доктрину – «бить врага малой кровью на его территории». Правда, при этом, по правилам «новоречи», необходимо было добавлять, как в заклинании, магические слова «если СССР подвергнется нападению».

Насколько эта преамбула ничего не значила, показали последующие события, полные грубых провокаций, обстрелов собственных войск, воплей о братской, интернациональной и прочей помощи, грозно-чванливых ультиматумов, безоговорочных нот и т.п.

Сталин, безусловно, был удивительным человеком. Еще недавно он публично подверг резкой критике теорию так называемого «блицкрига» (молниеносной войны), назвав ее «продуктом буржуазного страха перед пролетарской революцией», и никто еще не успел охнуть от осознания великой мудрости вождя, как Сталин, переведя всем понятное выражение «блицкриг» на «новоречь», сформулировал, как всем казалось, свою собственную военную доктрину – «малой кровью на чужой территории». Что это, как не тот же самый «блицкриг»?

«Сокрушительный удар по территории противника» начал свое шествие по стране. Об этом говорили 21 января на торжественном заседании по случаю годовщины смерти Ленина, на котором сидящие в зале последний раз имели удовольствие видеть железного наркома Ежова. Об ударе истерически кричали 23 февраля, в день, который Сталин повелел считать днем РККА. Этот призыв постоянно звучал в речах делегатов XVIII партсъезда и даже на

траурном митинге по случаю гибели в авиакатастрофе известной советской летчицы Полины Осипенко.

Всего через четыре дня после снятия Литвинова – 7 мая 1939 года – на торжественной церемонии выпуска слушателей военных академий Сталин выступил с краткой, но выразительной речью, в частности, сказав: «Рабоче-Крестьянская Армия должна стать *самой агрессивной* из всех когда-либо существовавших наступательных армий!». Бурные аплодисменты, встретившие появление вождя на трибуне, заглушили невнятно произнесенную им магическую преамбулу: «Если враг навяжет нам войну».

Недавно вернувшийся с Халхин-Гола полковник Родимцев заверил сидящих в президиуме «вождей»: «Мы клянемся выполнить приказ товарища Ворошилова разгромить любого агрессора на его собственной территории!» В обстановке небывалою военного психоза был вдвое увеличен военный бюджет, продолжала развиваться еще невиданная в мире военная промышленность.

Почти открыто разворачивается огромная армия вторжения в Европу. Но кто же этот враг, которого надо громить на его собственной территории? Он никогда не называется прямо. Кругом враги. Кого укажут конкретно, того и будем громить на его собственной территории малой кровью…

Рев труб и барабанов доносится и из Берлина. Парады, танковые ралли, смотры люфтваффе, зажигательные речи фюрера на церемонии спуска новейших немецких линкоров «Бисмарк» и «Тирпиц». Осуществляется обещанный адмиралам план «Зет». Но прежде всего надо разобраться с Польшей.

Истерика, поднятая гитлеровской пропагандой вокруг «Данцигского коридора», не оставляет сомнений в дальнейших намерениях Гитлера. Гром военных маршей, до носящийся из Москвы и Берлина, не очень пугает лондонских политиков. Осведомительные сводки о состоянии вермахта и РККА исправно ложатся на письменные столы отделанных в викторианском стиле кабинетов Уайтхолла. Вермахт при вторжении в Чехословакию, не встретив никакого сопротивления, показал себя далеко не лучшим образом. Танки застревали даже на дорогах. Солдаты обучены плохо. Постоянные пробки на дорогах и общая неразбериха говорят о том, что и работа штабов всех уровней весьма далека от совершенства…

С другой стороны – РККА. Резня, устроенная Сталиным, практически свела самую большую армию в мире к огромному стаду баранов, трусливо ожидающих, на кого следующего обрушится топор мясника. Какая-либо инициатива отсутствует. В армии процветают пьянство и воровство, потоком сыпятся доносы, никто друг другу не доверяет.

Работа штабов почти полностью парализована. Выдвинутая Сталиным доктрина ведения наступательной войны» «на чужой территории» еще не нашла никакого отражения в оперативных документах. Планов на оборону также не существует. Огромная армия развернута вдоль границы, как стадо у загородки загона.

Воинственные заявления двух лидеров мирового тоталитаризма в большой степени можно считать блефом, но их полная безответственность может привести к самому неожиданному развитию событий. В то же время намечаются и осторожно делаются первые шаги навстречу друг другу, что можно только приветствовать, ибо когда эта встреча произойдет – война между двумя континентальными суперхищниками неизбежна.

Пока вся инициатива сближения исходит от Москвы. Так, через два дня после смещения Литвинова в Министерство иностранных Дел в Берлине явился поверенный в делах СССР Георгий Астахов и в разговоре с советником Шнурре намекал на возможность возобновления торговых переговоров.

20 мая немецкий посол в Москве граф Шуленбург в течение двух часов беседовал с новым наркомом иностранных дел Молотовым, который дал понять немцу, что существуют

предпосылки для радикального улучшения советско-германских экономических и политических отношений. На вопрос Шуленбурга, как это можно осуществить практически, Молотов, прощаясь, ответил: «Мы оба об этом должны подумать…»

21 мая английский и французский генеральные штабы проводят секретное совещание, на котором подтверждаются ранее принятые решения по тактике ведения войны с Германией и ее быстрого удушения в случае агрессии против Польши. Вопрос уже не стоит: воевать или нет в случае нападения на Польшу. Ответ однозначен – воевать. Заодно охлаждается воинственный раж Москвы. Несколько английских журналов сообщают о концентрации английской бомбардировочной авиации на ближневосточных аэродромах. В радиусе их действия находится единственный советский источник нефти – Баку. Второго Баку у Советского Союза нет, и можно легко представить, что будет с немодернизировавшимися с 1912 года приисками, если на них обрушатся английские бомбы.

Сталин чуть не перекусывает черенок трубки. Англия! Проклятая Англия! Империалистическое гнездо! Но намек понят – надо быть осторожнее – если же удастся его план, то англичанам все равно конец.

22 мая в обстановке оперной помпезности Гитлер и Муссолини подписывают договор о военном союзе – «Стальной пакт». После подписания пакта Гитлер признается своему другу и союзнику, что намерен до наступления осени напасть на Польшу. У Дуче, по его собственным словам, «похолодели руки». Краснея и заикаясь, он признается фюреру, что Италия совершенно не готова к войне. Но Гитлер и не строит никаких иллюзий о боеспособности своего союзника. Главное, чтобы хитрые англичане не переманили Италию на свою сторону, как это произошло в первую мировую войну.

23 мая Гитлер собирает своих высших генералов на новое совещание. Он снова напоминает им, что война неизбежна, поскольку его решение напасть при первой же возможности на Польшу остается неизменным. На письменном столе фюрера в специальной папке зеленого сафьяна лежит добытый разведкой протокол последнего секретного совещания английского и французского генеральных штабов. Гитлер настроен скептически. Уж очень оперативно сработала обычно неповоротливая служба Канариса. Позавчера только было совещание, и протокол уже на его столе. Не подброшена ли эта информация англичанами, которые известные мастера на подобные штучки? Он не верит, чтобы эти разжиревшие от роскоши англо-саксы могли решиться на войну. Свое истинное лицо они уже показали в Мюнхене. Но в любом случае это ничего не меняет, потому что дело не в Данциге, дело даже не в Польше, его главная цель – поставить на колени Англию. Если англичане хотят войны – они ее получат. Внезапной атакой нужно уничтожить их флот, и с ними покончено. Им удалось избежать разгрома в Ютландском бою, но больше это не повторится. Провидение для того и поставило его, Гитлера, во главе возрождаемой Германии, чтобы покарать Англию!

Как всегда, в ходе своего выступления Гитлер взвинчивает себя, исступленно кричит, яростно жестикулирует. Генералы слушают молча, холодно поблескивая моноклями. Они не разделяют оптимизма своего фюрера. Напротив, они считают, что Германия совершенно не готова к войне, особенно к войне с Англией, опирающейся на ресурсы своей необъятной империи. Генералы – все участники первой мировой – хорошо осознали английский план ведения будущей войны. При нынешнем состоянии Германии произойдет именно так, как планируют англичане.

24 мая начальник тыла вооруженных сил Рейха генерал Томас, выражая общее мнение своих коллег, представляет фюреру секретный доклад. В своем доклада генерал обращает внимание фюрера на следующее: вооруженные силы Германии, включая вермахт,

люфтваффе и кригсмарине, имеют общий запас топлива на полгода, всех видов резины, включая сырой каучук, – не более чем на два месяца; цветных металлов, никеля и хрома – на три месяца, алюминия – на полгода. Не менее кризисное состояние и с боезапасом. На складах ВВС авиабомб едва хватит на три месяца *неинтенсивной* войны. Артиллерия и танки имеют в запасе три боекомплекта снарядов – на три недели не очень интенсивной войны с заведомо слабым противником.

К докладу Томаса была приложена докладная записка гросс-адмирала Редера, которому фюрер торжественно обещал, что не начнет войны с Англией до 1943 года. Адмирал присутствовал на конференции 23 мая и понял, что фюрер уже забыл о данном флоту обещании. Он напоминает, что строительство линкоров давно выбилось из графика из-за нехватки сырья, и если война с Англией начнется в этом году, то германскому флоту останется только «показать, как погибать с честью».

Генералы не знают, что в это же время фюреру пришла грозная бумага от правления Имперского банка, где со свойственной банкирам прямотой говорилось, что финансовое положение Рейха близко к катастрофе. В случае войны, подчеркивали финансисты, при тотальной мобилизации всех средств и ресурсов, к 1943 году Германия исчерпает все до дна и прекратит свое существование как государство [6].

Более того, отмечает секретный документ Имперского банка, германская экономика из-за сильной милитаризации при фактическом отсутствии внешнего рынка после «ариезации» еврейского капитала находится также на грани развала.

Гитлер в ярости комкает полученные бумаги. Он бегает по кабинету мимо вытянувшихся адъютантов, обвиняя своих генералов в трусости и предательстве. Сталин, перерезавший своих генералов, сделал самое великое дело в своей жизни. В бессилии он падает в кресло, перед глазами снова наглая улыбка Фоша в Компьенском лесу, немецкие моряки, барахтающиеся под пулеметным огнем в ледяных водах Скапа-Флоу, трубы и мачты затопленных немецких дредноутов. Он чувствует, что невидимая удавка уже стягивается на его горле, и судорожно рвет воротник, ослабляя галстук. Он хорошо знает, что это за удавка. Пусть он погибнет в начавшейся смертельной борьбе, но и евреи дорого заплатят за его гибель! Так дорого, что никогда не забудут его.

Ступая бесшумно по ковру, адъютанты поднимают разбросанные бумаги и почтительно кладут их на стол перед фюрером. Он сидит с закрытыми глазами, массируя рукой горло, судорожно сжимая другой рукой подлокотник кресла. Хищный имперский орел на стене, вцепившись когтями в свастику, распростер свои крылья над старинным гобеленом, на котором войска Фридриха Великого идут в штыковую атаку на всю Европу…

Ковровые дорожки кабинета скрадывают шаги мягких кавказских сапог Сталина. Всклокоченная борода и еврейски-оценивающий взгляд Маркса с портрета на стене, с некоторым испугом взирающего на персонификацию своих экономических идей времен первоначального накопления капитала. На другой стене водружен недавно утвержденный герб Советского Союза. Стилизованные пшеничные колосья подобно стратегическим стрелам охватывают беззащитный земной шар, уже полностью накрытый «Серпом и Молотом» с сияющей над всем миром красной звездой. Идея герба вдохновляет, заставляя постоянно думать о ее воплощении в жизнь.

Советская разведка глобальна. В мире нет тайн, не попадающих в ее всевидящее око. Собственная сеть, сеть Коминтерна, завербованные эмигранты, завербованные английские, французские, испанские и бельгийские аристократы, немецкие и итальянские антифашисты, руководство католической церкви, мощные еврейские круги [7] – дают такой поток информации, в котором впору захлебнуться. Анализом разведданных занимается лично Сталин и только Сталин. Он и выносит решения. Это знают на Западе, особенно после

бегства под их крылышко в 1937-38 гг. нескольких ведущих советских резидентов, и подключают к советскому информационному потоку не менее мощный и привлекательный поток дезинформации. Пусть Сталин его и анализирует [8].

Один за другим на стол Сталина ложатся протоколы секретных совещаний в Лондоне, конференций у фюрера, бесед в Варшаве, Бухаресте, Белграде и Стамбуле. Копия совершенно секретного доклада генерала Томаса передается в Москву в тот же день, когда ее в ярости комкает Гитлер. Два часа на перевод – и она у Сталина. Копия меморандума Имперского банка попадает к Сталину раньше чем к Гитлеру на четыре часа, даже с учетом перевода. Но вот и состряпанная кем-то «деза»: между Беком и Гитлером заключено тайное соглашение о совместном нападении на СССР с привлечением Англии, а возможно, и Франции. Кодовое название операции «Крестовый поход». Секретность операции обеспечивается обострением «германо-польской» пропагандистской войны, под шумок которой обе страны тайно проведут мобилизацию, подключат Прибалтийские государства, Японию и Турцию. Эта «деза» сработана, видимо, в Лондоне. Но стопроцентных доказательств, что это «деза», нет. В деталях как раз многое совпадает.

Аналитики из разведки молчат под тигриным взглядом вождя, облизывая пересохшие от страха губы. В их ведомстве расстреляли или посадили каждого второго, включая все руководство. Скажешь не так – поставят к стенке, скажешь так – тоже поставят к стенке. Лучше отмолчаться. Сами думайте, товарищ Сталин. Скажете «липа» – будем считать «липой». Как скажете. Собственно, все годы Сталин именно к этому и стремился, но несколько переоценил свой собственный интеллект.

Плохо образованный, не понимающий сложных процессов окружающего его мира, находящийся во власти навязанных ему догм и пророчеств, он оказался не в состоянии в одиночку разобраться в той немыслимой вакханалии, которую сам начал и которой, как ему казалось, он управлял. Поставленный против коллективного разума лучших умов мира, он все дальше и дальше уходил от реальности в своих оценках, постоянно все упрощая, искусственно пытаясь привести многие динамичные и неоднозначные процессы к желаемой простой схеме, загоняя самого себя в ловушку смертельных противоречий желаемого и действительного.

Но пока все, кажется, шло гладко. Итак, англичане полны решимости начать с Гитлером войну, если тот нападет на Польшу. Решение Гитлера напасть на Польшу, видимо, также серьезно, но это решение встречает оппозицию в армии, которая боится войны. И боится не без оснований, если верить докладу генерала Томаса. Гитлер может в последнюю минуту тоже струсить или, что еще хуже, его могут физически устранить. Советская разведка уже пронюхала о нескольких заговорах в армии с целью убийства фюрера. Это было бы очень досадно.

Во время Судетского кризиса Сталин приказал сосредоточить на границе с Чехословакией 30 пехотных, 10 кавалерийских дивизий, один танковый корпус, три отдельные танковые бригады и 12 авиационных бригад. Более того, был демонстративно проведен призыв 330 тысяч резервистов. Он и сам толком не мог понять, кого хотел напугать: западных союзников, Гитлера или чехов. Более всего перепугались поставленные между двух огней чехи и открыто предпочли Гитлера Сталину, в то время как Сталин не получил от этого демарша ничего, кроме головной боли. Подобное положение, конечно, не должно повториться. В данном случае все надо тщательно продумать.

Надо дать понять Гитлеру, что СССР готов ликвидировать его сырьевой дефицит, снабдить его всем необходимым, лишь бы он решился на европейскую войну, особенно на войну с Англией.

Пока английский и германский флоты будут уничтожать друг друга, французская и немецкая армии будут заниматься этим же вдоль укрепленных линий Мажино и Зигфрида в

бесполезных атаках и контратаках, теряя, как в прошлую войну, по 10000 человек в день. И тогда, для начала, мы заберем Балканы и проливы. Возьмем просто голыми руками, назначив товарища Димитрова президентом Социалистической Балканской Федерации. Заберем Прибалтику и Финляндию. Это наши земли, утраченные по Брестскому договору. Как еще война в Польше пойдет? Там и решим по обстановке. Главное, чтобы ефрейтор не струсил!

30 мая Георгий Астахов, заявившись в министерство иностранные дел Германии, открытым текстом объявил заместителю рейхсминистра Вайцзеккеру, что двери для нового торгового соглашения между СССР и Германией «давно открыты» и он не понимает, что это немцы так нерешительно в этих дверях мнутся. Ошеломленный Вайцзеккер ответил Астахову, что недавно заключенный пакт «Берлин – Рим» не направлен против СССР, а направлен против поджигателей войны Англии и Франции о чем Астахов его и не спрашивал, но с удовольствием принял сказанное к сведению.

Обе стороны еще с подозрением посматривают друг на друга. Немцы боятся, что Москва и Лондон неожиданно договорятся между собой, Москва действует также сверхосторожно, чтобы, с одной стороны, не вспугнуть немцев, а с другой, не дать Лондону возможности разобраться в проводимой византийской игре. В Лондоне видят, как неумолимо сближаются СССР к Германия. Взрыв неизбежен. В Уайтхолле довольно потирают руки. Однако столь медленное развитие событий нервирует Сталина. Если Гитлер действительно решил напасть на Польшу не позднее 1 сентября, то какого черта он ведет себя столь нерешительно?!

Гитлер мучается, раздираемый комплексами. Он ненавидит Сталина ничуть не меньше, чем Сталин Гитлера. Сталин мешает его планам, и Сталина необходимо бы уничтожить в первую очередь, но смятый доклад генерала Томаса лежит на его столе, напоминая и предостерегая.

Кроме того, разведка добыла материалы (как позднее выяснилось, подброшенные англичанами), что Москва и Варшава накануне подписания секретного договора о совместных действиях против Германии. За военную помощь Польша согласна предоставить СССР свободу рук в Прибалтике. К соглашению готова примкнуть Литва, раздраженная потерей Клайпедского края в марте этого года.

Время идет, и до 1 сентября осталось уже совсем мало времени. Гитлер не может отменить им же установленную дату, но нельзя допустить, чтобы она – вместо даты его очередного триумфа стала датой еще одной катастрофы Германии. Он понимает, что поляки не сложат трусливо оружие, как чехи. Это будет война. Дрожь азартного игрока трясет его от осознания риска задуманной игры. Деваться некуда – союз со Сталиным нужен. Более того, он просто необходим!

Пока Гитлер не может прийти к решению, давая указания своему МИДу и тут же отменяя их, Сталин делает следующий осторожный шаг вперед. 18 июля советский торговый представитель в Берлине Евгений Бабарин явился в МИД Германии к экономическому советнику Шнурре и заявил, что СССР желает расширить и интенсифицировать советско-германские торговые отношения. Бабарин принес проект соглашения с перечнем всего, что СССР намерен и может поставлять в Рейх.

У Гитлера захватило дух. В бабаринском проекте было перечислено все то, о чем бил в набат в своем докладе генерал Томас (недаром Сталин внимательно этот доклад изучил), причем в таком количестве, что можно было отвоевать не одну, а две мировых войны. Все это было так сказочно заманчиво, что не походило на правду.

Риббентроп дает указание Шнурре пригласить Астахова и Бабарина в какой-нибудь шикарный ресторан и прощупать их за бокалом вина в неофициальной интимной обстановке.

Встреча в ресторане 26 июля затянулась за полночь. Оба русских держались непринужденно и откровенно. Георгий Астахов под согласное кивание Бабарина пояснил, что

политика восстановления дружеских отношений полностью соответствует жизненным интересам обеих стран. В Москве, пояснил советский поверенный в делах, совершенно не могут понять причин столь враждебного отношения нацистской Германии к Советскому Союзу. Советник Шнурре поспешил заверить русских, что восточная политика Рейха уже полностью изменилась. Германия ни в коей мере не угрожает России. Напротив, Германия смотрит в совершенно противоположном направлении. Целью ее враждебной политики является Англия. Ведь, по большому счету, Германию, Россию и Италию связывает общая идеология, направленная против разлагающихся капиталистических демократий и в первую очередь Англии. Не так ли?

За прекрасным ужином и бокалами коллекционного вина второстепенные дипломаты Германии и России заложили первый камень в фундамент будущей войны. Растроганный Астахов заверил советника Шнурре, что немедленно сообщит в Москву все услышанное за столом.

29 июля немецкий посол Шуленбург получает через курьера запись разговора в ресторане и требование – проверить реакцию советского правительства, предложить переговоры с учетом всех интересов СССР от Балтийского и Черного морей.

31 июля в телеграмме, направленной в Москву Шуленбургу, впервые появились слова «срочно, совершенно секретно». Вайцзеккер торопит Шуленбурга, требуя как можно скорее добиться приема у Молотова и выяснить, наконец, связь между разговором в ресторане за бокалом рейнского вина и позицией Сталина.

Немцы нервничают. Они знают, с кем имеют дело. Архивы тайной полиции Берлина, Гамбурга и Франкфурта-на-Майне хранят много примеров тех методов, которые Страна Советов считает совершенно обычными в дипломатической практике.

Еще первый советский посол в Германии Иоффе, нисколько не смущаясь, прямо в посольстве раздавал оружие коммунистическим боевикам для осуществления пролетарского восстания. Работники посольства с дипломатическими паспортами в кармане открыто взяли на себя роль боевых инструкторов «рабочих дружин», завезя на территорию Германии боевиков со всего света.

Немцы знают, что когда речь идет о создании всемирной коммунистической империи, от русских можно ожидать чего угодно. И вот сейчас разведка, а также немецкий посол в Париже фон Велцек докладывают, что СССР, Англия и Франция перевели переговоры в чисто военное русло, где уже начальники штабов будут отрабатывать детали по быстрейшему уничтожению Германии. Причем французскую делегацию должен возглавить генерал Демон – бывший начальник штаба знаменитого Вейгана.

Немцы, несмотря на обилие информации, не понимали, что Советы ведут переговоры частично по инерции, частично – для отвода глаз.

Выдвинутый советской стороной термин «непрямая агрессия» допускал столь широкое толкование, что давал СССР формальное право оккупировать любую страну по усмотрению Сталина. «*Непрямая агрессия* » – это была очередная сталинская новинка, с помощью которой вождь модернизировал свою знаменитую доктрину «малой кровью на чужой территории».

В преамбуле проекта договора поминался агрессор, который теперь мог быть и «непрямым». Англичане и французы этого термина совершенно не понимали. Советская же сторона яростно на нем настаивала, поскольку Сталин указал, что именно в этом термине и заключается вся суть проблемы.

Шуленбург, бомбардируемый отчаянными телеграммами из Берлина, пытается добиться приема у Молотова, но не видит в Москве тех лучезарных улыбок, которые расточали Астахов с Бабариным в Берлине.

Только 3 августа он встречается с Молотовым. Инструкции Риббентропа и Вайцзеккера требуют от посла перевести переговоры с русскими в область «конкретных» договоренностей и добиться согласия Сталина на государственный визит в Москву рейхсминистра Риббентропа. Астахову уже намекали в Берлине, что Германия приглашает СССР совместно «решить судьбу Польши», и Астахов, как всегда, ответил лучезарной улыбкой. Но Молотой сдержан. Советский Союз и так уже сделал много. Теперь пусть немцы проявляют инициативу, тем более, что до 1 сентября осталось менее месяца. «Мы не спешим», – заметил в Берлине Риббентроп улыбающемуся Астахову, но по дергающемуся лицу рейхсминистра было видно, как он неумело блефует – времени у немцев уже нет. Сейчас они ринутся в объятия СССР и угодят в подготовленную Сталиным ловушку.

Молотов принимает Шуленбурга более чем холодно. Да. СССР заинтересован в улучшении советско-германских отношений, но пока со стороны Германии он видит одни «благие намерения». Нарком напоминает послу об Антикоминтерновском пакте, о поддержке Германией Японии во время советско-японского конфликта у озера Хасан, об исключении Советского Союза из Мюнхенского соглашения. У Шуленбурга возникает впечатление, что русские вовсе не хотят никакого соглашения с Германией, а все еще надеются договориться за немецкой спиной с западными союзниками.

Уныние, охватившее немцев, рассеивается Астаховым. В разговоре со своим приятелем Шнурре советский дипломат уверяет экономического советника, что нет никаких причин для волнений. Молотов согласен обсудить с немцами все интересующие их вопросы, включая вопрос о Польше. Он только просит не спешить, а действовать постепенно. Ведь и господин рейхсминистр Риббентроп подчеркивал то же самое: не спешить, действовать постепенно.

Но у Гитлера уже нет времени действовать «постепенно», и это отлично понимают в Москве. Уже середина августа.

14 августа Риббентроп инструктирует Шуленбурга, чтобы тот срочно встретился с Молотовым. Министр напоминает послу о былой дружбе между двумя странами и подчеркивает, что говорит «от имени фюрера». Риббентроп просит добиться у русских разрешения на его визит в Москву, чтобы он мог «от имени фюрера изложить свои взгляды лично господину Сталину». Он требует, чтобы Шуленбург все это представил Молотову в письменном виде. Тогда и Сталин будет точно информирован о немецких намерениях. Гитлер готов разделить между Германией и СССР не только Польшу, но и всю Восточную Европу, включая Прибалтику, которую он заранее уступает Советскому Союзу. Пусть об этом узнает Сталин!

Сталин посмеивается и, что случается с ним крайне редко, публично хлопает Молотова по плечу. Немцы заглотили наживку и сами лезут на сталинскую рогатину. А куда им деваться? Нищие должны тихо дома сидеть, а не мечтать о мировом господстве. Разведка доложила Сталину, что 14 августа Гитлер снова собирал генералов и подтвердил свое намерение покончить с Польшей.

Он, Сталин, уверен, что англичане непременно вмешаются в германо-польскую войну, но не потому, что в случае невыполнения своих гарантий Польше Англия потеряет статус великой державы, а потому, что «в эпоху империализма войны неизбежны». Так учил Ильич. А он никогда не ошибался!

15 августа Шуленбург снова пробивается на прием к Молотову. Молотов встречает посла с выражением откровенной скуки на лице: «Ну, что там у вас еще? У меня мало времени». Шуленбург, нервничая, зачитывает ему послание Риббентропа. Молотов добреет. Он приветствует желание Германии улучшить отношения с СССР. Что касается визита Риббентропа, то он требует «достаточной подготовки, чтобы обмен мнениями привел к конкретным результатам». К каким результатам? Ну, скажем, как немецкое правительство

отнесется к заключению договора о ненападении с Советским Союзом? Может ли оно влиять на Японию, чтобы та прекратила конфликты на монгольской границе? Как отнесется Германия к присоединению Прибалтики к СССР? Пусть все это в Берлине продумают, а потом мы примем Риббентропа. А так – чего ему ехать?

Шуленбург – старый дипломат кайзеровской школы – ошеломлен. Советский Союз предлагает пакт о ненападении в то время, как в Москве начальники штабов СССР, Англии и Франции ведут переговоры о совместных военных действиях против Германии. Верх политического цинизма! Но негодование графа быстро охлаждается прибывшей 16 августа очередной директивной телеграммой из Берлина, где от него требуют снова увидеть Молотова и информировать его, что «Германия готова заключить с СССР договор о ненападении сроком, если Советский Союз желает, на 25 лет. Более того, Германия готова гарантировать присоединение Прибалтийских государств к СССР. И наконец, Германия готова оказать влияние на улучшение советско-японских отношений…

Фюрер считает, что принимая во внимание внешнюю обстановку, чреватую ежедневно возможностью серьезных событий (в этой связи объясните г-ну Молотову, что Германия не намерена бесконечно терпеть польские провокации), желательно быстрое и фундаментальное выяснение германо-русских отношений. Для этой цели я готов лично прилететь в Москву в любое время после пятницы 18 августа с полными полномочиями от фюрера на обсуждение всего комплекса германо-русских отношений и на подписание, в случае необходимости, соответствующих договоров. Я прошу Вас снова прочитать текст Молотову слово в слово и немедленно запросить по этому поводу мнение русского правительства и самого Сталина». В заключение Риббентроп указывает, что лучше всего организовать его прилет в Москву в конце этой или в начале следующей недели.

В Берлине с растущим нетерпением и нервозностью ждут ответа из Москвы, засыпая Шуленбурга дополнительными инструкциями и указаниями самого пустякового характера. Например, сообщить точно время предстоящего приема у Молотова.

Молотов встречает Шуленбурга очень холодно. Он снова напоминает о былой враждебности Германии по отношению к СССР. Ему нечего добавить к тому, что он сказал о визите Риббентропа в прошлый раз. Он вручает немецкому послу ноту, полную упреков, подозрений и недомолвок. Нота заканчивается словами: «Если, однако, Германское правительство ныне решило изменить свою прошлую политику в направлении серьезного улучшения политических отношений с Советским Союзом, Советское Правительство может только приветствовать подобное изменение и, со своей стороны, готово пересмотреть собственную политику в контексте серьезного улучшения отношений с Германией». Но для этого, подчеркивает советская нота, «нужны серьезные и практические шаги». Это не делается одним прыжком, как предлагает Риббентроп.

Что значит «серьезные и практические шаги»? Ну, скажем, заключим договор о торговле. Потом еще что-нибудь. А там можно продумать и договор о ненападении. Неплохо бы этот договор снабдить специальным протоколом с учетом некоторых специфических интересов СССР и Германии. А так – поспешишь и людей насмешишь…

Сталин тянет. Пусть немцы созреют как следует и предложат Москве максимум того, что могут. Он отлично понимает, что в его руках ключ к запуску европейской войны, и продумывает возможные варианты, взвешивая собственные шансы. По натуре Сталин не игрок. Он не любит рисковать, а любит все делать наверняка.

Но настал ли час перенести на мир все, что уже сделано в России и опробовано в Испании? Готовы ли «пролетарские батальоны» начать свой «железный марш» по миру и увенчать его «Серпом и Молотом», как уже сделано на государственном гербе СССР?

Сталин колеблется. Огромная армия развернута вдоль западных границ. На войну работает практически вся экономика огромной страны. Секретные цифры сводок, лежащие

на столе Сталина, обнадеживают и вдохновляют. Если еще два года назад военная промышленность выпускала ежегодно 1911 орудий, 860 самолетов и 740 танков, то уже к концу прошлого, 1938 года, почти полностью переведенная на военные рельсы экономика стала выдавать в год: 12687 орудий, 5469 самолетов и 2270 танков. Готов уже новый закон о «Всеобщей воинской обязанности», который должен увеличить и так немыслимую для мирного времени армию чуть ли не в три раза.

Сталин доволен. Создано почти тройное военное преимущество над любой комбинацией возможных противников. Пожалуй, можно начинать. Начинать осторожно, постепенно, не зарываясь…

А обстановка в Берлине уже напоминала паническую. В глазах Риббентропа откровенно читалось отчаяние. Даже постоянно блефующий Гитлер не скрывал своего беспокойства. Принимались все меры, чтобы скрыть нервозность руководства от армии.

В немецкое посольство в Москве летит очередная телеграмма с пометкой «Весьма срочно. Секретно», требующая от Шуленбурга немедленно добиться новой встречи с Молотовым.

«Я прошу вас, – телеграфирует Риббентроп, – передать господину Молотову следующее: „При обычных обстоятельствах мы, естественно, также были бы готовы проводить политику улучшения советско-германских отношений по обычным дипломатическим каналам в соответствии с установившейся практикой. Но в нынешней необычной обстановке, по мнению фюрера, возникла необходимость использовать другой метод, который мог бы привести к быстрым результатам. Германо-польские отношения изо дня в день становятся все более напряженными. Мы обязаны считаться с тем, что в любой день может произойти инцидент, который сделает вооруженный конфликт неизбежным… Фюрер считает важным, чтобы мы не были захвачены этим конфликтом врасплох, не успев улучшить советско-германских отношений. Он полагает, что в случае такого конфликта будет затруднительно учесть все русские интересы без предварительного выяснения советско-германских отношений“.

Послу указывалось, что он должен напомнить Молотову об успешном прохождении «первой стадии» переговоров, т.е. о советско-германском торговом соглашении, которое было подписано «как раз в этот день» (18 августа), и о необходимости перехода ко «второй стадии» переговоров. Риббентроп снова напоминает, что готов срочно вылететь в Москву, имея полномочия вести переговоры с «учетом всех русских пожеланий». Каких пожеланий? Издерганный Риббентроп уже не скрывает и этого:

«Мне предоставлено право подписать специальный протокол, регулирующий интересы обеих сторон в тех или иных вопросах внешней политики. Например, в установлении сфер интересов в Балтийском регионе. Однако это представляется возможным только в устной беседе», – подчеркивает Риббентроп.

Отступать уже некуда. Он инструктирует Шуленбурга, что на этот раз тот ни при каких обстоятельствах не должен принимать русского «нет».

Напряжение растет. В немецких портах в полной боевой готовности стоят «карманные» линкоры и дивизионы подводных лодок, ожидая приказа, чтобы выйти на коммуникации англичан. Но приказ невозможно отдать, пока не будут получены известия из Москвы, а каждый час промедления означает, что боевые корабли не успеют развернуться в заданных районах до 1 сентября. Две армейские группы, предназначенные дли разгрома Польши, также необходимо еще придвинуть к границе. Но сигнала нет, поскольку *Сталин еще не сказал «да»* . Гитлер орет на Риббентропа, что он и его дипломаты «ни к черту не годятся». Он разгонит их всех – «этих кайзеровских вонючек» и прикажет сформировать из них маршевый батальон, фельдфебелем которого назначит Риббентропа.

Томительно текут часы, но из Москвы никаких известий. Нервное напряжение становится совершенно невыносимым. В приемной фюрера пронзительно звенит телефон.

Адъютант подает трубку Риббентропу. Докладывает советник Шнурре. Вчера переговоры с русскими о торговом договоре закончились полным согласием, но русские уклонились от подписания договора, заявив, что сделают это сегодня в полдень. Только что последовал звонок из советского посольства о том, что подписание договора откладывается по политическим соображениям в связи с новыми инструкциями из Москвы. Риббентроп бросает трубку. Гитлер резким движением ослабляет галстук. Чрезмерное нервное напряжение постоянно приводит фюрера к неконтролируемым приступам удушья, которые снимаются либо уколом, либо какой-нибудь истерической выходкой. Но и на это уже нет сил. Все ясно – русских в последний момент переманили англичане. Он явственно видит крушение всех своих планов и собственную гибель. Фюрер стремительно выбегает из кабинета, оставляя Риббентропа в окружении адъютантов…

А в это время в Москве гордый граф фон Шуленбург добивается нового приема у Молотова. Чиновники-бюрократы из Наркомата иностранных дел отвечают ему, что нарком очень занят и не может принять посла ранее завтрашнего дня, скажем, в 20.00. Нет, нет, настаивает Шуленбург, это невозможно. У него важнейшее дело. Ну, хорошо, позвоните через полчаса. Полчаса прошли. Нарком извиняется, говорит чиновник, но он никак не может принять посла ранее завтрашнего вечера. Если у господина посла неотложное дело, он может изложить его по телефону. Нет, взрывается Шуленбург, он не будет излагать свое дело референтам. Он должен видеть Молотова, это чрезвычайно важно. Передайте наркому, что чрезвычайно! Хорошо, позвоните через час. Томительно ползет по циферблату секундная стрелка, отсчитывая шестьдесят кругов. Звонок. Занято. Еще звонок – занято. Еще – линия свободна, но никто не подходит. Затем новый голос. Что? Хорошо, сейчас доложу. Позвоните через полчаса. Граф вытирает холодный пот со лба. Минут через десять звонок в посольстве: нарком примет посла в 14.00.

Волнуясь и заикаясь как школьник, Шуленбург зачитывает Молотову очередное послание Риббентропа. Молотов слушает бесстрастно. Сталин с портрета на стене, хитро прищурясь, смотрит на немецкого посла.

С явными признаками нетерпения Молотов дослушивает Шуленбурга до конца. Нет, говорит он, я не понимаю вашей спешки. Наша позиция остается прежней. Сначала торговое соглашение. Оно будет заключено сегодня-завтра. Потом мы его опубликуем и посмотрим, какой эффект оно вызовет за рубежом. А только затем займемся актом о ненападении и протоколами. В настоящее время Советское правительство даже приблизительно не может сказать о дате визита Риббентропа. Такой визит требует очень основательной подготовки. Очень. Шуленбург пытается возражать, по Молотов встает и холодно заявляет, что «ему нечего добавить к сказанному». Шуленбург, чувствуя, что «его сердце вот-вот разорвется», возвращается в посольство.

Он набрасывает черновик своей депеши в Берлин. Рвет его, комкает и бросает в корзину. Секретарь приносит новую пачку телеграмм из Берлина. Все с пометкой «Срочно. Секретно!». У Шуленбурга уже нет сил их читать. Нечеловеческое напряжение последней недели, иронические взгляды собственных сотрудников, презрительная складка молотовских губ – все это уже выше его сил. Он понимает, что его дипломатическая карьера закончена. Пришла пора отставки.

От этого решения ему становится немного легче. Граф составляет депешу, когда неожиданно сообщают, что его просит к телефону Молотов. Удивленный посол берет трубку. Молотов извиняется за беспокойство и просит посла прибыть к нему сегодня еще раз в 16.30.

На этот раз Молотов – сама любезность. Приветливо улыбаясь, он заявляет ошеломленному Шуленбургу, что Советское правительство пересмотрело свои взгляды и теперь считает, что договор о ненападении необходимо заключить как можно быстрее. А

потому Молотову поручено передать немецкой стороне для изучения проект этого договора, как его понимает советская сторона. В связи с этим советское правительство согласно принять рейхсминистра Риббентропа где-нибудь 26 или 27 августа.

Граф Шуленбург понимает, что подобное изменение взглядов Молотова произошло из-за прямого вмешательства Сталина, причем это вмешательство произошло между половиной третьего и половиной четвертого 19 августа. Ликующий посол быстро составляет телеграмму в Берлин:

«Секретно. Чрезвычайной важности.

Советское правительство согласно принять в Москве рейхсминистра иностранных дел через неделю после объявления о подписании экономического соглашения. Молотов заявил, что если о подписании экономического соглашения будет объявлено завтра, то рейхсминистр иностранных дел может прибыть в Москву 26 или 27 августа…»

Гитлер нервно комкает в руке долгожданную телеграмму своего посла. 26 или 27 августа! Летит к черту весь график вторжения в Польшу, рассчитанный на короткий промежуток времени до наступления периода осенних дождей. Необходимо, чтобы Риббентропа приняли дня на три раньше. Что делать? Хватит проситься в гости у лакея, нужно проситься у хозяина. Забыв о гордости, Гитлер лично садится писать послание Сталину, прося советского диктатора принять как можно раньше издерганного и чуть не плачущего Риббентропа. В предчувствии исполнения собственных планов Гитлер забывает, сколько грязи и ненависти они вылили со Сталиным на головы друг друга за последние пять лет.

«Москва. Господину Сталину.

Я искренне приветствую подписание нового германо-советского торгового соглашения как первого шага в изменении германо-советских отношений. Заключение пакта о ненападении с Советским Союзом означает для меня долгосрочную основу германской политики. Таким образом, Германия возобновляет политический курс, который был выгоден обоим государствам в течение прошлых веков…

Я принял проект договора о ненападении, переданный Вашим министром иностранных дел господином Молотовым, но считаю крайне необходимым прояснить некоторые вопросы, связанные с этим договором, как можно скорее. Сущность дополнительного протокола, столь желаемого Советским Союзом, по моему убеждению, можно согласовать в кратчайшее время, если ответственный немецкий представитель сможет лично прибыть в Москву для переговоров…

Напряжение между Германией и Польшей становится нетерпимым… В любой день может возникнуть кризис. Германия отныне полна решимости отстаивать интересы Рейха всеми средствами, имеющимися в ее распоряжении. По моему мнению, желательно, чтобы наши две страны установили новые отношения, не теряя времени. Поэтому я снова предлагаю, чтобы Вы приняли моего министра иностранных дел во вторник, 22 августа, в крайнем случае – в среду 23 августа. Принимая во внимание международную обстановку, пребывание министра иностранных дел в Москве более двух дней представляется совершенно невозможным. Я буду рад как можно быстрее получить Ваш ответ.

Адольф Гитлер».

В течение следующих 24 часов, начиная с воскресного вечера 20 августа, фюрер уже был близок к коллапсу. Он не мог заснуть. Среди ночи Гитлер позвонил Герингу и признался,

насколько его беспокоит реакция Сталина на отправленное ему послание, как его мучают и бесят все эти московские проволочки.

Снова потекли часы мучительного ожидания, прерываемые нервозными звонками к Шуленбургу. В три часа ночи посла подняли с постели, чтобы узнать, получил ли он депешу фюрера, которую он должен немедленно передать Молотову. Шуленбург ответил, что еще ничего не получил. Как так? Шуленбург успокаивает своих издерганных шефов в Берлине, напоминая, что «с учетом двухчасовой разницы во времени официальная телеграмма из Берлина в Москву идет четыре-пять часов. Сюда нужно еще добавить время, необходимое для дешифровки».

В 10.15 Риббентроп снова будоражит посла: «Сделайте все возможное, чтобы мой визит состоялся в указанное в телеграмме время». Шуленбург отвечает, что послание фюрера получено и будет вручено Молотову в 15.00.

Снова ползут часы нервотрепки – страшная пытка временем, когда на карту поставлено так много. Какое решение примет кремлевский диктатор? Какое гнусное чувство, когда осознаешь, что выполнение твоих планов зависит не от тебя, а от совершенно постороннего человека, которого ты ненавидишь и отчетливо знаешь, что он ненавидит тебя! Но деваться некуда. Все в руках Сталина. Жизнь и смерть Германии, судьба Европы, а по большому счету – и всего мира.

Наконец, в 21.35 21 августа 1939 года в Берлин приходит ответ Сталина, составленный на изящной «новоречи»:

«Канцлеру Германского Рейха А. Гитлеру.

Благодарю Вас за письмо. Я надеюсь, что германо-советский пакт о ненападении ознаменует решительный поворот в деле улучшения политических отношений между нашими странами…

Советское правительство поручило мне информировать Вас, что оно согласно с тем, чтобы господин фон Риббентроп прибыл в Москву 23 августа.

И. Сталин».

Германское радио, передававшее музыкальную программу, неожиданно прервало передачу, призвав слушателей к вниманию. Торжественный голос диктора объявил экстренное сообщение: «Правительство Рейха и Советское правительство пришли к соглашению заключить друг с другом Пакт о ненападении. Рейхсминистр иностранных дел прибудет в Москву в среду, 23 августа, для ведения переговоров».

В Бергхофе царило ликование, особенно явное на фоне предыдущих двух недель, полных тревог и неуверенности. Смертельный враг Гитлера – Сталин дал «зеленый свет» европейской войне, пообещав Гитлеру по меньшей мере дружественный нейтралитет. На следующий день, 22 августа, Гитлер собрал на новую конференцию своих генералов, призвав их вести войну «жестоко и без всякой жалости», подчеркнув, что он, вероятно, даст приказ атаковать Польшу 26 августа – на шесть дней раньше, чем планировалось. Взвинченный до предела, забыв, что всего несколько часов назад он метался по кабинету в ожидании ответа Сталина, как преступник в ожидании отмены смертного приговора, Гитлер напыщенно заявил генералам, слушавших своего фюрера со смешанным чувством страха и недоверия:

«Главным образом все зависит от меня, от моего существования, от моих политических талантов. Более того, никто никогда не будет иметь снова такого полного доверия немецкого народа, как я. Вероятно, что никогда в будущем не появится человек с таким авторитетом, каким обладаю я. Поэтому само мое существование является фактором огромной ценности. Но я могу быть уничтожен в любой момент преступником или маньяком…»

Отметив также величие и авторитет таких личностей, как Муссолини и Франко, Гитлер особо подчеркнул, что ни в Англии, ни во Франции «нет выдающихся личностей» подобного масштаба, как он, а потому эти страны не представляют какой-либо серьезной опасности.

Постепенно успокаиваясь. Гитлер продолжал: «Мы легко приняли это решение. Нам нечего терять, мы можем только приобрести. Наша экономическая ситуация такова, что нам не продержаться более двух-трех лет. Геринг может подтвердить это. У нас нет другого выхода, как начинать войну…»

Снова распаляясь и почти переходя на крик, Гитлер заявляет, что не верит в решимость западных стран начать против него войну. Но даже если это произойдет, что могут сделать Англия и Франция? Чем они могут конкретно угрожать Рейху? Блокадой? Она будет совсем неэффективной, поскольку мы уже приобрели мощный источник снабжения на Востоке, не зависящий от морских путей.

И, наконец, Гитлер выкинул притихшим генералам козырного туза: «Англия и Франция надеялись, что после вторжения в Польшу, нашим врагом станет Россия. Но враги не приняли в расчет великую силу моей решимости. Наши враги – маленькие козявки. Я видел их в Мюнхене.

Я был убежден, что Сталин никогда не примет предложение Англии. Только слепой оптимист мог считать, что Сталин будет настолько сумасшедшим, что не поймет истинных намерений Англии. Россия не заинтересована в существовании Польши… Смещение Литвинова было решающим. Оно прозвучало для меня, как пушечный выстрел, как знак изменения отношения Москвы к Западным державам.

«Единственно, чего я боюсь, – признался Гитлер все еще молчавшим генералам, – чтобы какая-нибудь грязная свинья не влезла в последний момент с предложением посредничества».

Приказ о начале боевых действий, закончил Гитлер, он отдаст позднее. Вероятнее всего, это будет суббота, 26 августа.

23 августа, около полудня, два больших трехмоторных «Кондора» приземлились в Москве с Риббентропом и его многочисленной свитой. Рейхсминистра встречал Молотов и, как принято говорить, «другие официальные лица». Настороженные взгляды и сухие рукопожатия первых минут встречи быстро сменились полным взаимопониманием, шутками, дружескими тостами. «Я чувствовал себя как среди своих товарищей по партии», – признался позднее растроганный Риббентроп.

Обе стороны, быстро договорившись о разделе Польши и о предоставлении СССР свободы рук в Прибалтике и Финляндии, единодушно сошлись во мнении, что в нынешней кризисной международной обстановке виновата исключительно Англия.

Сталин доброжелательно выслушал жалобу Риббентропа и, пыхнув трубкой, глубокомысленно заметил: «Если Англия доминирует над миром, то это произошло благодаря глупости других стран, которые всегда позволяли себя обманывать». Очарованный Сталиным Риббентроп принялся было оправдываться за Антикоминтерновский пакт, уверяя советского властелина, что тот был в первую очередь направлен против «западных демократий».

Он позволил себе рассказать анекдот, ходивший во время заключения Антикоминтерновского пакта среди берлинцев. Сразу поняв, что Антикоминтерновский пакт направлен против английских банкиров и лавочников, они уверяли друг друга, что и сам Сталин захочет к этому пакту присоединиться. Никто никогда не видел Сталина столь весело смеющимся. «Мы искренне хотим мира, – заверил Сталина Риббентроп, – Но Англия провоцирует войну и ставит нас в безвыходное положение».

Рука Сталина мягко легла на плечо рейхсминистра. «Я верю, что это действительно так, – почти нежно произнес отец всех народов, – Германия желает мира».

Затем Сталин поднял фужер с вином и, к великому удивлению всех присутствующих, произнес тост. «Я знаю, – глубокомысленным тоном изрек коммунистический диктатор, – как немецкий народ любит своего фюрера. Поэтому я хочу выпить за его здоровье!»

Немцы радостно под звон бокалов рявкнули «Хайль!». Риббентроп тут же предложил ответный тост за здоровье Сталина. Затем Молотов выпил за здоровье рейхсминистра, а тот, в свою очередь, за здоровье Молотова. Пятый фужер Сталин выпил за только что подписанный пакт о ненападении. Риббентроп поднял бокал во здравие советского правительства. Отвечая ему, Молотов предложил выпить за новую эру в германо-советских отношениях. Риббентроп осушил следующий бокал за вечную дружбу. Сталин, высоко подняв свой бокал, как кавказский рог, предложил тост за немецкий народ.

За советский народ никто не пил. О нем как-то забыли. Под утро Сталин взял под руку сильно захмелевшего Риббентропа и, дыша ему в ухо парами кахетинского, сказал: «Советское правительство очень серьезно относится к новому пакту. Я могу гарантировать своим словом чести, что Советский Союз никогда не предаст своего партнера». Риббентроп церемонно приложил руку к сердцу. Что мог ответить рейхсминистр? От него ничего не зависело. Он выполнял чужую волю. А Сталин? В его ушах уже звучала железная поступь пролетарских батальонов, марширующих по опустошенной войной Европе, по трупам польских, немецких, английских и французских солдат. Он сам решит, когда этот договор потеряет силу. Гитлеру деваться некуда с его нищими ресурсами. Он будет делать все, что ему скажут из Москвы. Пока же все идет прекрасно!

А что же думал Гитлер? Разве не сам он пророчески писал в «Майн кампф»: «*Сам факт заключения союза с Россией сделает следующую войну неизбежной. А в итоге с Германией будет покончено* ». Действительно, деваться ему было некуда!

Глава 2. Польский трамплин

24 августа Риббентроп вернулся в Берлин. Туда же из своей резиденции в Берхтесгадене прибыл и Гитлер. Голова у Риббентропа болела от ночной попойки в Кремле. Хорошо бы опохмелиться, но вегетарианец Гитлер, хмуро поглядывая на своего рейхсминистра – хорош! – мог предложить ему только стакан минеральной воды. Потирая лоб, Риббентроп восторженно доложил фюреру о своей поездке в Москву. Итак, мы начинаем. Как только наши войска доходят до Варшавы, русские наносят по полякам удар с востока. Повод для удара они придумают сами. Войну на Западе они нам полностью обеспечат сырьем и моральной поддержкой. Вся сталинская тайная банда в Европе будет работать на нас или, по меньшей мере, не будет работать против нас. За это Сталин просит половину Польши, Прибалтику, Финляндию и Бессарабию. Гитлер кривится. Много отдаем. Много? В конце концов, это старые русские территории, утраченные во время национальной катастрофы 1917 года. Ну, хорошо. Пусть забирает, грязный азиатский вымогатель! Подонок! Но, мой фюрер, ведь все это было согласовано заранее. Да, да пусть забирает! Благодарю вас, Риббентроп! Все отлично! На рассвете 26-го мы начинаем!

Выполняя приказ фюрера, немецкие войска стремительно выдвигаются к польской границе. На острие клина, на направлении главного удара, обеспечивающего «блицкриг», разворачивается танковый корпус генерала Гудериана. Пятидесятилетний Гейнц Гудериан – основатель и душа бронетанковых сил Рейха. Фанатичный поклонник тактики танковых клиньев, теорию которой он оценил еще в середине 20-х годов в далекой Казани, нетерпеливо ждал рассвета, чтобы впервые на практике доказать сомневающимся, как ведется современная война. Его танки должны мощным ударом прорвать польский фронт, сбросив рассеянные польские войска в подготовленные «мешки», и стремительно, не ожидая пехоты, двигаться на Варшаву.

Стоя у своей штабной танкетки, генерал с радостью и волнением смотрел на проходящие мимо него колонны танков. Командиры, высунувшись из башенных люков, приветствовали своего любимого генерала.

И в этот момент неизвестно откуда взявшийся офицер связи вручил Гудериану пакет с пометкой срочно. Генерал вскрыл пакет и не поверил своим глазам: наступление отменялось. Приказ фюрера. Гудериан взглянул на часы. Времени для эмоций уже не было. Вскочив на подножку штабного бронетранспортера, генерал кинулся вдогонку за своими танками, чтобы успеть остановить их. Огромная, готовая к вторжению армия Рейха замерла у самого порога войны. В штабах ломали голову, что могло произойти? А случилась самая малость. Выступая в парламенте, премьер-министр Англии Чемберлен, назвав советско-германский договор «неприятным сюрпризом», далее заявил следующее: «В Берлине его обнародование приветствуют с чрезвычайным цинизмом, как огромную дипломатическую победу, которая ликвидирует любую военную опасность, так как предполагается, что мы и Франция теперь уже не будем выполнять наши обязательства в отношении Польши. Напрасные надежды!».

Еще накануне, 23 августа, посол Великобритании в Берлине Гендерсон вручил фюреру личное послание Чемберлена. Призывая Гитлера не тешить себя иллюзиями относительно того, что подписанный в Москве пакт изменит позицию Англии в отношении ее обязательств Польше, английский премьер открыто предупредил фюрера о неизбежности войны.

Считая, что он высказал свою позицию «абсолютно ясно», Чемберлен снова призвал Гитлера искать мирное решение своих разногласий с Польшей, предлагая для этого посредничество, сотрудничество и помощь Великобритании.

Это послание Гитлер со своей легкомысленной воинственностью во внимание не принял. Мало ли что можно написать в личном послании. Посмотрим, что запоют англичане, когда узнают о договоре со Сталиным! Но речь Чемберлена в парламенте отрезвила Гитлера, как удар по голове. Речь в парламенте – это не личное послание, это слова, сказанные на весь мир. Теперь ясно, что англичане не блефуют – они готовы начать войну и вести ее сколько придется.

Перед взором Гитлера снова встают картины боев на Ипре и Сомме. Отчаянные попытки кайзеровской армии прорваться к Ла-Маншу, чудовищные потери без всякого результата. Тусклые, как в аду, огни и чудовищные запахи эвакогоспиталя. Призрак Скапа-Флоу…

К нему на прием буквально продирается, разгоняя адъютантов, гросс-адмирал Редер. Обычно спокойный и сдержанный, адмирал теперь не скрывает своего состояния, близкого к истерике. Почти половина торговых и грузопассажирских судов Германии находится в море или в иностранных портах. Война с Англией означает их неминуемую гибель. Если война начнется потерей половины торгового тоннажа, то ее можно уже и не вести, а прямо сдаваться!

Адмиралу, как и Гитлеру, есть что вспомнить. Он помнит, как они выходили в море в прошлую войну, вжав голову в плечи, с ужасом следя за горизонтом, стремясь всеми силами избежать какого-либо боевого соприкосновения с англичанами. Он помнит, как они трусливо, под прикрытием тумана обстреливали рыбачьи поселки на восточном побережье Англии, дрожа от возбуждения и страха, в надежде, что их не поймают. И когда их все-таки поймали у Ютланда и навязали бой, то уж Редеру было лучше других известно, что это была никакая не «великая победа», а скорее «чудесное спасение».

Нервничали и генералы, также хорошо помнившие прошлую войну. Они делились на две категории: те, что испытали триумф на восточном фронте, развалив своего противника и навязав ему Брестский мир, смотрели на будущий конфликт более оптимистично, чем те, кто пережил позор капитуляции в Компьенском лесу, подписав ее под злорадной ухмылкой маршала Фоша. Но и те, и другие не хотят больше воевать на два фронта. Как хорошо было до сих пор, когда вермахт захватывал территории без единого выстрела, благодаря

гениальной дипломатии фюрера! Воевать с Польшей еще куда ни шло! Но с Англией? Они уже знают силу этого маленького, вечно закрытого туманами, острова, именуемого Альбионом. А кому лучше генералов знать, что Германия совершенно не готова к войне.

Гитлер задумывается. С трудом он подавляет в себе очередную истерическую вспышку. Он презирает этих чванливых трусов с прямыми спинами и оловянными моноклями. Но он не может к ним не прислушиваться. Тем более, что они во многом правы. Он еще не знает, что перетрусившие генералы уже готовят заговор с целью его физического устранения, что дважды лишь случай спас его от «цоссенских» заговорщиков. И он отдает приказ остановить войска! Выгнав из кабинета военных, Гитлер позвонил Герингу сообщив, что отменил приказ о вторжении в Польшу.

«Это временная мера или окончательное решение? – спросил изумленный рейхсмаршал.

Гитлер редко скрывал правду от своих «партайгеноссе», и потому честно сказал уставшим голосом: «Я должен посмотреть, не можем ли мы устранить британское вмешательство…»

И вот Гитлер, который совсем недавно заявил, что больше всего боится, чтобы «какая-нибудь грязная свинью не влезла в последний момент в качестве посредника», сам начинает лихорадочно этого посредника искать. Им оказывается некто Далерус – шведский подданный, банкир и бизнесмен, международный авантюрист, работавший на пять разведок, включая советскую и, конечно, английскую.

Далерус находится в теплых дружеских отношениях с Герингом, с английским министром иностранных дел Галифаксом, с польским министром иностранных дел Беком и, разумеется, с мадам Коллонтай, покорившей Стокгольм своими элегантными туалетами и лекциями об истинной свободе духа и совести в Советском Союзе.

Далерус получает от немцев инструкции передать англичанам, что Гитлер готов договориться с поляками мирным путем. Ему нужен только Данцигский коридор, и даже не весь коридор, а только территория вдоль железнодорожного пути с несколькими станциями…

В Москве Сталин с хрустом ломает папиросу, но вместо того, чтобы набить табаком трубку, раздраженно бросает ее в пепельницу. Глаза диктатора становятся совершенно желтыми. Именно в такие моменты холодеют пальцы у верного и много повидавшего Поскребышева. Случилось то, чего Сталин опасался больше всего: в последний момент ефрейтор струсил! Фашистская мразь! Подонок! Трусливая сволочь!

Сталин берет себя в руки. Набивает трубку, разжигает ее и скрывается за облаком табачного дыма…

Роскошный особняк советского военно-морского атташе капитана 1-го ранга Воронцова, расположенный в берлинском районе Грюневальд в центре небольшого парка, вечерами казался нежилым из-за плотно зашторенных окон.

Таким он казался и вечером 27 августа 1939 года. В большом, несколько безвкусно обставленном кабинете капитана Воронцова, уже представленного к званию контр-адмирала, сидело несколько человек. Как и хозяин дома, они были в штатском. Один из них был фрегатен-капитан (капитан 2-го ранга) Норберт фон Баумбах – военно-морской атташе Германии в СССР, прибывший в Берлин по делам службы, дабы получить от своего командования разъяснения «в свете новых отношений с СССР». Во втором, высоком и долговязом, с поредевшими русыми волосами, можно было без труда узнать военно-морского адъютанта самого фюрера капитана-цур-зее (капитана 1-го ранга) Карла Путткамера.

Говорил Воронцов, немцы слушали. Изящным костяным ножом для разрезания бумаг Воронцов водил по карте Северной Атлантики. Торговым судам Германии, находящимся в иностранных портах, и в океане, нечего бояться предстоящего конфликта с Англией. Им

следует резко изменить курс на север и идти в Мурманск, где они смогут укрыться на некоторое время от англичан, а затем, воспользовавшись плохой погодой и надвигающейся полярной ночью, прорваться вдоль норвежского побережья в Германию.

Советское правительство дало разрешение укрыть немецкие суда в северных портах СССР. Англичане этого совершенно не ожидают и наверняка проморгают всю операцию. Они будут ловить немецкие суда совсем в другом месте: на подходах к Ла-Маншу и в Северном море. В Мурманске немецких моряков будет ожидать теплый и дружественный прием. Туда заблаговременно могут выехать сотрудники немецкого посольства в Москве…

Между тем выбранный в качестве посредника Далерус, получив соответствующие инструкции из Москвы, сознательно срывает свою миссию, где-то чего-нибудь не договаривая или наоборот, говоря лишнее. Гитлер дает согласие на встречу с польским министром иностранных дел Беком, но в беседе с лордом Галифаксом и польским послом в Берлине Липским Далерус, не имея на это никаких оснований, указывает, что с Беком могут поступить, как в свое время с несчастным Гахой. Гитлеру нельзя верить, подчеркивает Далерус.

«Мы не доверяем вашему правительству!» – открыто заявляет Гитлеру британский посол Гендерсон. «Кого и когда я обманывал?!» – орет в ответ Гитлер. Гендерсон пожимает плечами. Вам виднее. Бек наотрез отказывается ехать в Берлин, где с ним поступят, как с Гахой.

«Неужели вы не понимаете, – доверительно сообщает Далерус своему другу Герингу, – что война англичанами уже предрешена. Но в настоящее время, имея СССР в качестве дружественного нейтрала, можно не так уж беспокоиться. Англичанам нужно дать хороший, короткий урок, и они без сомнения пойдут на мир». Геринг кивает. Рассуждения Далеруса вполне совпадают с его взглядами.

Доклад адмирала Редера о неожиданном предложении СССР укрыть немецкие суда в Мурманске заставил Гитлера радостно вскочить с кресла и с ликованием хлопнуть ладонями. Информация, которая начала стекаться к фюреру в последние часы, ясно говорила, что СССР не просто «нейтрал», пусть даже дружественный, а почти союзник. Взаимная ненависть к Англии – сильнее незначительных идеологических расхождений, главным образом в формулировках. Он знает больше, чем адмирал, но пока не говорит об этом Редеру. Пусть это будет для него сюрпризом.

Рассматривается вопрос о возможности базирования немецких подводных лодок на советских базах Кольского полуострова, откуда они с большой эффективностью могут вести боевые действия против англичан. Советские экономические поставки, как ему доложили сегодня, не будут осуществляться в рамках только что заключенного торгового соглашения. Они будут удвоены. Более того, если Германия из-за английской блокады не сможет осуществлять морскую торговлю с нейтральными странами, то к услугам Германии – советская Транссибирская магистраль.

Все! К черту все сомнения – надо начинать. Боевой задор фюрера, разогретый сталинскими посулами, не спал даже после того, когда ему доложили, что 28 августа был подписан англо-польский договор о взаимной военной помощи в случае агрессии Германии [9]. То, что английские гарантии получили юридическую силу союзного договора, уже не могло напугать Гитлера.

Нельзя терять момента, когда практически вся сырьевая мощь России (а может быть, и военная) так неожиданно отдана в твое распоряжение. Окончательный срок вторжения в Польшу – 1 сентября.

В Советском Союзе тишина. Газеты никак не комментируют только что заключенный пакт с Гитлером. Пресса полна сообщений о военных приготовлениях в Польше, Англии и во Франции. Военная истерия в Польше. Всеобщая мобилизация. Польская кавалерия готовится

к маршу на Берлин. Чудовищные погромы этнических немцев во многих городах Польши. Озверевшая толпа поляков кастрировала немецкого юношу. Поляки, науськиваемые Англией, отвергают все мирные предложения Германии. Англо-французские поджигатели войны! Мобилизация английского флота. Французская армия ждет только приказа, чтобы снова оккупировать Рейнскую область. Беззащитную Германию снова готовятся растерзать империалистические хищники!

31 августа Молотов делает доклад на сессии Верховного Совета СССР. С сидящими в зале «депутатами» можно особенно не церемониться. Они съедят все, что им дадут. Но нужно скрыть от мира истинные планы Кремля. Пусть мировое общественное мнение пока попереводит его «новоречь» на человеческий язык, а там уже будет поздно. Притихшему от страха залу Молотов поясняет суть германо-советского пакта:

«Нам всем известно, что с тех пор, как нацисты пришли к власти, отношения между Советским Союзом и Германией были напряженными… Но, как сказал 10 марта товарищ Сталин, „мы за деловые отношения со всеми странами“. Кажется, *что в Германии правильно поняли заявления товарища Сталина и сделали правильные выводы. 23 августа следует рассматривать как дату великой исторической важности. Это поворотный пункт в истории Европы и не только Европы* . Совсем недавно германские нацисты проводили внешнюю политику, которая была весьма враждебной по отношению к Советскому Союзу. Да, в недавнем прошлом… Советский Союз и Германия были врагами. Но теперь ситуация изменилась, и мы перестали быть врагами…

По советско-германскому соглашению Советский Союз не обязан воевать ни на стороне британцев, ни на стороне германцев. СССР проводит свою собственную политику, которую определяют интересы народов СССР, и больше никто. (Бурные аплодисменты).

Если эти господа имеют такое страстное желание воевать – пусть воюют сами без Советского Союза. (Смех, аплодисменты). А мы посмотрим, что они за вояки. (Громкий смех, аплодисменты)».

Откровеннее сказать было невозможно. Пусть они воюют. Мы посмотрим, что они за вояки. А когда того потребуют «интересы народов СССР», то и вмешаемся. На чьей стороне? А это, как потребуют опять же «интересы народов СССР». Простак Гитлер, видимо, совсем не понимал «новоречи», поскольку чуть позднее публично заявил, что готов поддержать каждое слово из речи Молотова на Верховном Совете.

Когда после шитой белыми нитками Гляйвицкой операции танки Гудериана ринулись к Варшаве, советская пресса почти и не отреагировала на это событие. Газеты были заполнены репортажами с грандиозного праздника физкультурников на стадионе «Динамо», о фестивале в Сокольниках, о торжественном празднике Международного дня молодежи в Москве, Ленинграде и Киеве.

В угаре сплошных праздников и ликования советский народ просто не заметил начала второй мировой войны, а весь мир, в свою очередь, как-то не заметил нового закона СССР о воинской обязанности, увеличивающего чуть ли не втрое численность Красной Армии. Похороненные на последних страницах газет маленькие заметки со стандартным заголовком «К германо-польскому конфликту» создавали впечатление ничтожной локальной войны, не имеющей никакого значения ни для СССР, ни для остального мира. Вооруженный конфликт, отмечала «Правда» начался из-за нападения группы польских военнослужащие на немецкую радиостанцию в пограничном городке Гляйвиц. Германия, измученная бесконечными польскими провокациями и подвергшаяся прямой агрессии со стороны Польши, вынуждена была взяться за оружие.

Сдержанность советской прессы ни в коей мере не передает того радостного возбуждения, которое охватило Сталина. Его план полностью удался! Вторая

империалистическая война в Европе началась, подтвердив гениальность ленинского предвиденья и мудрость проводимой Сталиным политики. Теперь надо браться за осуществление второй фазы плана – захвата Европы. Не торопиться, не зарываться, взвешивать каждый шаг. В превосходнейшем настроении Сталин принимает на свое даче Димитрова. Сам разливает харчо из старорежимной «кузнецовской» супницы. Шутит. Димитров, конечно, не Бог весть кто, чтобы с ним откровенничать. Бывший коминтерновский боевик, которого Сталин вытащил из Германии после скандального Лейпцигского процесса и загодя готовит к роли будущего президента Социалистической Балканской Федерации. Но Балканы еще нужно захватить. Ну, это-то не за горами. Поэтому он, Сталин, после расстрела Бела Куна приказал пока не трогать «балканских товарищей», вроде Димитрова и Тито. Еще пригодятся.

«Мы не прочь, чтобы они (империалистические державы), – говорит Сталин, пряча в усах довольную ухмылку, – подрались хорошенько и ослабили друг друга. Гитлер, сам того не понимая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему. Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались». Сраженный неземной мудростью Великого Вождя, Димитров застывает с ложкой в руке.

Накануне в Берлине Гитлер, принимая верительные грамоты у нового советского посла Александра Шкварцева, был мрачен и задумчив. Истекал срок англо-французских ультиматумов, требующих немедленного вывода немецких войск с территории Польши. Гитлера терзали сомнения: не подведет ли в последний момент благоприобретенный московский друг? Сталин специально прислал Шкварцева именно в этот момент на вакантное место советского посла, чтобы подбодрить фюрера. Все будет так, как договорились.

Гитлер особенно интересовался, когда советские войска вторгнутся в Польшу. По наивности он полагал, что эта акция автоматически сделает СССР его союзником, так как Англия и Франция вынуждены будут объявить войну и Советскому Союзу. Он еще не знал методов Сталина, прошедшего ленинскую школу по присоединению к СССР республик Закавказья и обширнейших областей Средней Азии. Даже такому прожженному политическому цинику, каким был Гитлер, еще не раз придется изумляться и восхищаться сталинскими методами захвата чужих территорий. Комкор Пуркаев заверил фюрера, что Советский Союз никогда не подводит своих друзей.

Между тем война в Польше шла не совсем так, как ее распланировали в Берлине. На всех участках фронта поляки оказывали яростное сопротивление. Рассеченные танковыми клиньями Гудериана польские войска, навязав немцам сражение на Дзуре и создав угрозу выхода крупных кавалерийских масс в тыл танковым группировкам, сумели избежать окружения и отвести основные силы своей армии за Вислу, где польское командование рассчитывало, перегруппировав силы, перейти в контрнаступление.

Вся пресса мира, включая и немецкую, отмечала героическое сопротивление польской армии. Оборона Вастерплятте, Хела, Гдыни и Варшавы вызвала восхищение всего мира, а битву на Дзуре даже «Фолькишер Беобахтер» назвала «наиболее ожесточенной в истории». Советская пресса обо всем этом помалкивала. Напротив, из номера в номер все советские газеты с удивлением отмечали, что поляки не оказывают немцам никакого сопротивления, что Польша фактически оккупирована, и неизвестно где находится ее правительство.

14 сентября газета «Правда» подвела итог подобному поведению советской печати. «Может возникнуть вопрос, – вопрошала газета в редакционной статье, – почему польская армия не оказывает немцам никакого сопротивления? Это происходит потому, что Польша не являете» однонациональной страной. Только 60% населения составляют поляки, остальную

же часть – украинцы, белорусы и евреи… Одиннадцать миллионов украинцев и белорусов жили в Польше в состоянии национального угнетения… Польское правительство проводило политику насильственной полонизации…» Вот поэтому никто и не хочет сражаться за такую страну.

Пока за границей гадали, что означает чудовищная чушь, помещенная в «Правде», разгадка не заставила себя ждать. 17 сентября польский посол в Москве Вацлав Гжибовский был срочно вызван в наркомат иностранных дел.

Принявший его замнаркома Потемкин, сделав скорбное лицо, но без скорби в глазах и без интонаций в голосе зачитал ноту следующего содержания:

«Германо-польская война явно показала внутреннее банкротство польского государства… Варшава, как столица Польши, не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что Польское государство и польское правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договора, заключенные между СССР и Польшей… Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными.

Ввиду такой обстановки Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять мод свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии» [10].

Побледневший Гжибовский отказался принять ноту и в ответ заявил Потемкину, на лице которого выражение скорби сменилось выражением откровенной скуки: «Ни один из аргументов, использованный в оправдание превращения договоров в простой клочок бумаги, не выдерживает критики… Суверенность государства существует, пока бьются солдаты регулярной армии. В настоящий момент рядом с нами против немцев бьются не только украинцы и белорусы, но и чешские и словацкие легионы. Куда же подевалась ваша славянская солидарность?.. Наполеон вошел в Москву, но пока существовала армия Кутузова, считали, что Россия также существует…»

Дав высказаться, польского посла выставили за дверь. Ему еще припомнят его наглость и бестактные вопросы о славянской солидарности.

Как и обещал Сталин, ровно в 6 часов утра 17 сентября 1939 года Красная Армия силами двух фронтов – Украинского под командованием печально-знаменитого С. Тимошенко и Белорусского под командованием М. Ковалева – численностью более миллиона солдат, при поддержке танков, авиации и артиллерии перешла границу Польши на всем протяжении от Полоцка до Каменец-Подольска, завязав бои с немногочисленными польскими отрядами прикрытия восточной границы. «Второй фронт» второй мировой войны был открыт.

Вторжение советских войск застало польское командование врасплох. Никто вначале не понял, что произошло. Что это: приход союзников или вторжение? Однако ответ на этот вопрос дали советские бомбы и снаряды, обрушившиеся на польские позиции. Сыграла свою роль и директива командующего польскими войсками маршала Рыдз-Шмиглого, приказавшего не вступать в бой с частями Красной Армии и отходить на территорию Румынии и Венгрии.

Подавляющее большинство боеспособных частей было нацелено для удара по немцам. Красной Армии оказали сопротивление главным образом части корпуса пограничной стражи. И тем не менее развернулись крупные бои под Гродно, Шацком и Ораном. Под Перемышлем два пехотных полка были начисто вырублены уланами генерала Владислава Андерса. Тимошенко успел ввести в дело танки, предотвратив прорыв польской конницы не территорию СССР.

Героический гарнизон Брестской крепости (!) под командованием генерала Константина Плисовского отбил все атаки Гудериана. Гудериан нервничал. Выручила тяжелая артиллерия Кривошеина, бомбардировавшая крепость в течение двух суток непрерывно. Разгоряченные боем, обнимались на тираспольском мосту через Буг солдаты Ковалева и Гудериана.

По случаю славной победы в Бресте состоялся грандиозный военный парад. Под воинственные звуки Бранденбургского марша печатали шаг советские и немецкие солдаты. Принимая парад, на трибуне бок о бок стояли генерал Гейнц Гудериан и комбриг Семен Кривошеин, чья тяжелая артиллерийская бригада помогла Гудериану выполнить задачу по захвату Брестской крепости.

«Дружба, скрепленная кровью!» – скажет позднее Сталин в телеграмме Гитлеру, и кто знает Сталина – поймет, как он ненавидел своего не в меру прыткого конкурента, если заговорил с ним о дружбе.

Красная Армия взяла в плен 240 тысяч польских военнослужащих. Транспорта, тюрем и лагерей, естественно, не хватало, поэтому сразу же начались массовые расстрелы военнопленных. Братские могилы – следы нашего «освободительного похода» – обнаружены под Гродно, в Ошманах, в Ходорове, Молодечно, Сарнах, Новогрудке, Рогатыне, Коссове-Полесском, Волковыйске и многих других местах. Официально были объявлены и собственные потери: 737 убитых, 1862 раненых. Итого: 2599 человек [11]. Триумф военной доктрины Сталина – «малой кровью на чужой территории».

Гитлер, которому очень хотелось сделать какой-нибудь приятный жест в сторону Англии, предложил создать марионеточное польское микрогосударство по обеим сторонам демаркационной линии, разделяющей советские и немецкие войска. Однако Сталин сразу разглядел в этом очередную трусливую попытку Гитлера выпутаться из войны с Западом.

25 сентября Шуленбург телеграфирует в Берлин:

«Сталин заявил: в окончательном урегулировании польского вопроса следует избегать всего, что в будущем могло бы вызвать столкновение между Германией и Советским Союзом. С этой точки зрения, он считает ошибочным оставлять независимое польское государство. Он предлагает следующее решение: из территорий на востоке от демаркационной линии к нашей части должны быть присоединены все Люблинское воеводство и часть Варшавского воеводства, которая простирается до Буга. Взамен мы должны отказаться от наших претензий на Литву…»

Последовал быстрый ответ из Берлина, что фюрер изменил свое первоначальное мнение и считает точку зрения Сталина более реалистичной. (Разведка доложила ему, что англичане и слушать ничего не хотят, пока немецкие войска не отойдут за линию, существовавшую до 1 сентября. Никакие марионеточные микрогосударства положение не спасут.)

27 сентября 1939 года «Правда» сообщила: «По приглашению правительства СССР 27 сентября с.г. в Москву прибывает министр иностранных дел Германии г-н фон Риббентроп для обсуждения с правительством СССР вопросов, связанных с событиями в Польше».

В 18.00 самолет Риббентропа совершил поездку в московском аэропорту. Молотов встретил его как старого друга – за малым не обнял. Однако когда Риббентроп прибыл в посольство, его ждал небольшой, но не очень приятный сюрприз. Шуленбург протянул своему шефу две телеграммы. Это были пересланные из Берлина сообщения немецкого посланника в Таллинне, сообщавшего, что правительство Эстонии информировало его о советском ультиматуме, требующем «под угрозой немедленного вторжения» предоставить

СССР военно-морские и военно-воздушные базы на территории Эстонии, а также разместить там советский воинский контингент численностью пятьдесят тысяч человек. Подобный ультиматум был предъявлен и правительству Латвии. Секретный протокол, подписанный Риббентропом 23 августа, начал действовать.

В несколько озабоченном настроении рейхсмииистр отправился на встречу со Сталиным. Сталин принял своего старого друга весьма радушно. В нарушение всех протоколов переговоры сразу же начались за банкетным столом, уставленным бутылками. Советник немецкого посольства Хильгер (давно завербованный советской разведкой), ошалев от столь мощного торжества грузинского гостеприимства над дипломатическим протоколом, считал тосты. На цифре 22 он сбился, ибо пил наравне с другими.

Совершенно пьяный Риббентроп после банкета отправился в Большой театр на последний акт «Лебединого озера».

Сталин не сопровождал своего гостя, поскольку вынужден был лично принять участие в обработке упрямой эстонской делегации, красноречиво объясняя, что ждет их маленькую страну, если та осмелится отклонить ультиматум Москвы.

Приняв душ в посольстве и переодевшись, Риббентроп вернулся в Кремль на ночные переговоры. Гитлер согласился со сталинским планом обмена польских земель на Литву. «Гитлер знает свое дело», – удовлетворенно заметив Сталин и в приливе великодушия подарил Риббентропу обширное охотничье угодье в Беловежской пуще, заметив, что этому подарку, видимо, больше всех обрадуется Геринг, известный своей страстью к охоте.

В непринужденной обстановке любезной беседы и шуток был подписан новый советско-германский договор, получивший название «Договора о дружбе и границе». Договор был краток и состоял всего из четырех статей:

«Статья I. Правительство СССР и Германское правительство устанавливают в качестве границы между обоюдными государственными интересами на территории бывшего Польского государства линию, которая нанесена на прилагаемую при сем карту и более подробно будет описана в дополнительном протоколе.

Статья II. Обе стороны признают установленную в статье I границу обоюдных государственных интересов окончательной и устраняют всякое вмешательство третьих держав в это решение.

Статья III. Необходимое государственное переустройство на территории западнее указанной в статье линии, производит Германское правительство, на территории восточнее этой линии – правительство СССР.

Статья IV. Правительство СССР и Германское правительство рассматривают вышеприведенное переустройство как надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами».

На приложенной к договору секретной карте была тщательно вычерчена демаркационная линия четвертого раздела Польши с поправками, которые лично сделал Сталин, уступая охотничьи угодья Риббентропу. Соответственно этому Сталину пришлось дважды подписать карту. Второй раз его лихой росчерк с территории Западной Белоруссии прорезал Украину и уходил в Румынию.

Перед отъездом из Москвы растроганный Риббентроп дал интервью корреспонденту ТАСС, отметив следующие положения:

«1. Германо-советская дружба теперь установлена окончательно.

2. Обе стороны никогда не допустят вмешательства третьих держав в восточноевропейские вопросы.

3. Оба государства желают, чтобы мир был восстановлен и чтобы Англия и Франция прекратили абсолютно бессмысленную и бесперспективную борьбу против Германии.

4. Если, однако, в этих странах возьмут верх поджигатели войны, *то Германия и СССР будут знать, как ответить на это* ».

Министр указал далее на достигнутое вчера между Германией и СССР соглашение об обширной экономической программе, которая принесет выгоду обеим державам. В заключение г-н фон Риббентроп заявил:

«Переговоры происходили в особенно дружественной и великолепной атмосфере. Однако прежде всего я хотел бы отметить исключительно сердечный прием, оказанный мне советским правительством и особенно гг. Сталиным и Молотовым».

Проводы были теплыми. Риббентроп пообещал Сталину «приехать снова и побыть подольше». Сталину же все не давал покоя юный эсэсовец Шульце. «В следующий раз приезжайте в форме», – ворковал Сталин, задерживай руку юноши в своей. Молодой человек пообещал Сталину непременно это сделать и выполнил свое обещание 22 июня 1941 года!

Что и говорить, Сталин был доволен. Земли, включенные в состав СССР в результате разгрома и раздела Польши, насчитывали около 200 тысяч кв. километров с населением в 13,4 миллиона человек.

Немедленно началось приведение вновь приобретенных территорий в общесоюзному знаменателю. Местные отделы НКВД получили секретный приказ наркома внутренних дел № 001223 от 11 октября 1939 года, согласно которому следовало было организовать срочный учет «контрреволюционных элементов и вражеских категорий населения» независимо от того, участвовали ли они в антисоветской деятельности. Быстро составленные списки включали в себя не только бывших военнослужащих польской армии, жандармерии и полиции, но и служащих государственных учреждений, общественных и религиозных деятелей, членов украинских, белорусских и польских культурных и даже спортивных обществ. По этим спискам началась массовая депортация населения в Сибирь. Число депортируемых быстро перевалило за полтора миллиона человек. (Немцы отстали, сумев выселить со своей территории всего 462820 человек. Это и понятно – у них не было Сибири [12]. Неудивительно, что «освобожденные единокровные братья» немедленно взялись за оружие и сражались с советскими оккупантами аж до конца 50-х годов, пока в Мюнхене не был убит агентами КГБ их руководитель Степан Бандера, а они сами почти поголовно истреблены, потеряв убитыми и замученными в сталинских лагерях более 3,5 миллионов человек, считая только западных украинцев.

В Москве Сталин любовно смотрит на дважды подписанную им карту раздела Польши. Демаркационная линия раздела создалась не случайно. Она была тщательно продумана и вычерчена Сталиным и двумя его любимыми и, надо признать, самыми способными генштабистами Шапошниковым и Мерецковым.

Уступка Гитлеру части польских земель Варшавского и Люблинского воеводств в обмен на Литву были не просто прихотью, а тщательно продуманной акцией. В результате на карте появились два выступа-балкона – Белостокский и Львовский, грозно нависшие над немецкой территорией и создающие угрозу мгновенного окружения гитлеровских войск восточнее Одера и стремительного, кинжального удара по Берлину. А приобретение (пока условное) Литвы лишало немцев возможности вот также грозно нависнуть над нашим правым флангом.

«Эти выступы, – позволил себе заметить командарм 1-го ранга Шапошников, – будут как тучи нависать над Гитлером». Вождь внимательно взглянул на своего любимца и изрек: «И из этих туч ударит *Гроза* ». Может быть, Сталин хотел сказать «ударит гром», но, видимо, не очень хорошо владея русским языком, сказал именно так – «ударит гроза». В конце концов гром – это всего только часть грозы, так что Сталин, как всегда тщательно взвешивавший свои слова, и на этот раз знал, что говорил.

Так и родилась *операция «Гроза»* , о которой Сталин подумывал с 1934 года. Оперативная разработка ее началась лишь в середине октября 1939 года. Нечего и говорить, что операция было совершенно секретной. Преамбула ее была проста, как и все гениальное: воспользовавшись войной Гитлера с западными демократиями, захватить Восточную Европу, Балканы и турецкие проливы, а по возможности – и саму Германию. Для этой цели оказывать Гитлеру всяческое содействие в борьбе с его мощными противниками, срывая любые попытки мирного урегулирования вспыхнувшей войны. Это был первый вариант.

Надо сказать, что Сталин до поры до времени Германии совсем не боялся, а боялся Франции. Оно и понятно – вождь был человеком своего времени и все его суждения сформировались в годы первой мировой войны. Он был убежден, что любой «крестовый поход» против СССР возглавит именно Франция. Потому так урезанно и выглядит первый вариант операции «Гроза», поскольку за линией Мажино находилась французская армия, которую Сталин считал самой сильной в Европе. Как только французы захватят обратно Рур, указывал вождь, тут надо и нам начинать.

Немцы, завязнув в обороне Рурской области, смогут оставить на востоке лишь ничтожные силы. Мы же наводим порядок в Восточной Европе, захватываем оставшуюся часть Польши и Восточную Германию, соединяясь французами где-нибудь на Эльбе.

Посвященные в план вождя, а их было пятеро – Молотов, Берия, Шапошников, Мерецков и частично Жданов зачарованно молчали. По мере разработки дальнейших вариантов «Грозы» в связи с резко меняющейся обстановкой в Европе список посвященных в нее лиц увеличивался, но никогда не превышал тридцати человек. Впоследствии в замысел были посвящены: Жуков, Мехлис, Кирпонос, Павлов, Деканозов и частично Маленков и Тимошенко.

Сталин жил операцией «Гроза». *Любой его шаг во внутренней и внешней политике в период 1939-1941 гг. невозможно правильно понять без учета «Грозы»* . Нам уже объяснили, что Сталин был величайшим преступником, безжалостным и коварным деспотом. Но почему-то никто не в состоянии сделать еще один простой вывод*: Сталин был наиболее агрессивным из всех политических деятелей своего времени* , не только более коварным, чем Гитлер или Муссолини. Оба последних были весьма склонны к авантюрам. Сталин же авантюр не любил. Он все тщательно рассчитывал.

Пока же, не теряя времени, необходимо захватить то, что удалось выторговать в ходе переговоров с немцами: Прибалтику и Финляндию. Но тоже не нахрапом, а осторожно, чтобы не раздражать мир. Однако если латышам и эстонцам сравнительно легко удалось навязать «союзные» договоры, сутью которых было размещение пятидесятитысячных контингентов советских войск на их территории, то литовцы и финны оказались более упрямыми, откровенно заявив Молотову, что предлагаемые Советским Союзом «договоры» являются ничем иным, как оккупацией.

С литовцами поступили хитрее. Вызвав в Москву министра иностранных дел Литвы Юозаса Урбшиса, ему предложили включить в состав Литвы Вильнюс и Вильнюсский край, ранее отторгнутый у Литвы Польшей и захваченный Красной Армией в ходе «освободительного» сентябрьского похода. Вторым же пунктом договора было опять же согласие Литвы на размещение гарнизонов Красной Армии во всех ключевых стратегических центрах республики, а равно предоставление СССР военно-морских и военно-воздушных баз на своей территории.

Отлично понимая, что судьба его страны уже решена германо-советским пактом, Урбшис пытался использовать все свое дипломатическое искусство, чтобы избежать оккупации, и уступил только под прямой угрозой немедленного вторжения. После чего Сталин оказал

литовскому министру великую честь, дав посмотреть в своем личном кинозале свой любимый фильм «Волга-Волга». Однако упрямство Урбшиса не было забыто. Четырнадцать лет, которые пришлось провести бывшему министру иностранных дел в советских тюрьмах и лагерях, дали ему достаточно времени подумать о своем недостаточно почтительном поведении во время переговоров и о негативном отзыве о любимом фильме товарища Сталина.

Еще хуже повели себя финны. Они даже слушать не хотели о «миролюбивых» советских предложениях о вводе войск на финскую территорию для обеспечения их собственной безопасности, нагло заявив, что в состоянии сделать это сами.

Сталин начинал терять терпение, а это никогда и ни для кого добром не кончалось. Финнам предложили новый вариант: они уступают СССР Карельский перешеек, Аландские острова и полуостров Ханко, а взамен получают вдвое большую территорию в Советской Карелии. Однако финны снова отказались, видимо, не предполагая, что еще в июне штаб Ленинградского военного округа разработал план их оккупации. Раздраженный Сталин приказал в течение месяца подготовиться к вторжению в Финляндию.

В советских газетах появился новый термин «Белофинны» и рассказы о том, какой негодяй командующий финской микроармией Маннергейм, который до революции осмелился быть царским генералом, при бегстве из России украл знамя Кавалергардского полка, в котором служил, и до сих пор не застрелился от позора.

Вскоре в Париже было объявлено о создании польского правительства в изгнании во главе с генералом Сикорским. Это было вообще смешно, а потому советское правительство отреагировало на эту шутку западных демократий фельетоном в «Правде» от 14 октября, давая понять, что оно понимает и ценит юмор. Автор фельетона Заславский писал:

«С полной серьезностью, хотя с трудом скрывая ироническую улыбку, французская пресса информировала мир о сенсационной новости. В Париже на какой-то улице было сформировано новое правительство Польши во главе с генералом Сикорским. Как явствует из сообщения, территорию нового правительства составляют шесть комнат, ванна и туалет. В сравнении с этой территорией Монако выглядит безграничной империей.

В главной синагоге Парижа Сикорский выступил с речью перед еврейскими банкирами. Синагога была украшена флагом с изображением белого орла, которого главный раввин должен был объявить кошерным, поскольку эту птицу, как известно, ортодоксальные евреи в пищу не используют. В бывшей Польше польская аристократия постоянно угрожала евреям смертью и погромами, но еврейским банкирам в Париже, видимо, совсем нечего бояться генерала Сикорского…»

Из смысла статьи можно было сделать вывод, что только после немецкой оккупации для евреев наступила пора национального возрождения и полного благоденствия.

Но Сталину хорошо было резвиться, оттачивая оперативное искусство своих генштабистов планированием операции «Гроза», оккупируя без единого выстрела прибалтийские республики и издеваясь с помощью газетных фельетонов и карикатур над англо-французским и агрессорами. Он-то сам наслаждался состоянием «вне войны», в которую так ловко втянул своего нового дружка Гитлера.

Зато Гитлеру было не до смеха. Помня верденскую и прочие мясорубки Западного фронта прошлой войны, он нервничал, зондировал возможности мирного урегулирования, но в ответ поступали только надменные меморандумы англичан, что мир невозможен до окончательного «уничтожения гитлеризма как идеологии». Кроме того, война шла, и если на суше она действительно заслужила название «странной», то на море сразу же приняла ожесточенный характер.

За несколько часов до начала войны из Нью-Йорка вышел самый крупный немецкий лайнер «Бремен», некогда носивший «Голубую ленту Атлантики». На борту лайнера не было

ни одного пассажира. Судовой оркестр исполнял «Дойчланд убер аллес». Выстроенная на палубе команда хором скандировала слова марша-гимна. Побледневшие лица моряков ясно говорили об их понимании того, что они идут на верную гибель. От англичан нет спасения в открытом море, и мало кто знал эту истину лучше немцев.

«Бремен» вышел из Нью-Йорка и бесследно исчез. Отряды английских кораблей прочесывали океан, чтобы перехватить и уничтожить «Бремен». Ведь в военное время обладатель «Голубой ленты» водоизмещением в 50 тысяч тонн мог с 28-узловой скоростью перебрасывать на любые расстояния целые армии, будучи для вермахта бесценным транспортным средством. Но огромный лайнер словно растворился в воздухе. Газеты ловили самые невероятные слухи: «Бремен» интернировался в Мексике, экипаж затопил лайнер в открытом море – круг с «Бремена» найден на побережье Массачусетса. «Бремен» прорвался в Италию.

Но действительность оказалась куда более интригующей – «Бремен», выйдя из Нью-Йорка, круто повернул на север и, держась почти кромки пакового льда, преспокойно пришел в Мурманск. 4 сентября на все немецкие суда в Атлантике был передан из штаба Редера условный сигнал «АО-13», означавший: «Следовать в Мурманск, придерживаясь как можно более северного курса». Англичане ожидали чего угодно, только не этого, и упустили 36 укрывшихся в Кольском заливе крупнейших транспортов противника, среди которых были такие известные на весь мир пассажирские лайнеры, как «Нью-Йорк», «Швабен», «Штутгарт», «Кордильера», «Сан-Луи», множество лесовозов, танкеров и скоростных рефрижераторов.

Мурманские власти, хотя и были предупреждены Москвой, с изумлением смотрели на внезапно заявившиеся в наши арктические воды десятки судов под гитлеровскими флагами, над которыми безраздельно царила громада «Бремена».

«Особо дружественная обстановка», которую отметил Риббентроп, рассказывая о своем визите в Москву, немедленно распространилась и на Мурманск. Экипажи всех немецких судов получили право беспрепятственно сходить на берег, опечатанные было фото и киноаппаратуру вернули владельцам, а мощной радиостанции «Бремена» разрешили поддерживать постоянную связь с Германией.

В мурманском интерклубе слышалась только немецкая речь, играли аккордеоны, пелись воинственные немецкие песни.

Эти радостные события совпали по времени с неожиданными успехами немецких подводников, чья прекрасная боевая выучка еще раз дала предметный урок той легкомысленной непринужденности, с которой англичане привыкли вести себя на море.

14 октября немецкая подводная лодка под командованием капитан-лейтенанта Прина проникла в знаменитую базу англичан Скапа-Флоу, где некогда затопился весь кайзеровский флот, и торпедным залпом утопила английский линкор «Ройял Оук». «Королевский дуб» рухнул! Позор Скапа-Флоу отомщен! Ликующий Гитлер с мокрыми от нахлынувших воспоминаний глазами лично возложил на Прина Рыцарский крест.

17 октября другая немецкая лодка перехватила в море и утопила английский авианосец «Корейджерс». Отработанная англичанами еще в минувшую войну тактика противолодочной обороны давала явные сбои. Никто тогда, в условиях военного времени, не мог задать вопроса: откуда вышли лодки, что им так легко удалось прорваться через противолодочные рубежи в глубокие тылы английского флота.

В немецких оперативных документах мелькало таинственное название «Базис Норд», никому ничего не говоря. Мало кто знал тогда и еще меньше знают сегодня, что дивизион немецких подводных лодок был развернут на советской военно-морской базе в Западной Лице, откуда они быстро и практически безопасно могли выходить на самые уязвимые

коммуникации англичан, тем более, что их совсем не ждали с этого направления. Но это были еще цветочки.

23 октября мурманчане могли наблюдать на улицах города молодцеватых моряков немецкого флота, на бескозырках которых горело золотом готических букв название «Дойчланд». Немецким надводным рейдерам, оказывается было разрешено приводить свои призы в Мурманск. На этот раз призом оказался африканский рефрижератор «Сити оф Флинт», что стало причиной крупного международного скандала, чуть не закончившегося разрывом дипломатических отношений между СССР и США.

Еще 16 октября, сразу же после потопления Прином линкора «Ройял Оук», Редер в присутствии Йодля доложил фюреру об исключительном значении предоставленного ему русскими на Кольском полуострове пункта «Базис Норд» и получил у Гитлера разрешение на расширение базы. Одновременно с этим в Германию из Советского Союза хлынул поток самых разнообразных грузов, обеспечивающий фашистской Германии практически все, о чем она только могла мечтать, – от цветных металлов и топлива, пшеницы и хлопка до транзита через советскую территорию поставок стратегического сырья из Японии и Китая: резины, масел, ценных пород древесины и пр.

Английская блокада, с помощью которой в Лондоне рассчитывали задушить Рейх к весне 1940 года, оказалась совершенно неэффективной. Германия и ее вооруженные силы, столь щедро питаемые из СССР, набирали силу с каждым днем. Достраивались линкоры, расширялась танковая программа, накапливались боеприпасы и все виды стратегического сырья, Сталин с удовлетворением потирал руки. Только те историки, которые не могут или не хотят исследовать истинные причины подобной политики Сталина, предпочитают идти по линии наименьшего сопротивления, называя эту политику «преступной политической близорукостью» вождя всех народов.

Конечно, срыв Сталиным экономической блокады Германии, спасение им бесценного грузового тоннажа немецкого флота и, наконец, создание на советской земле немецкой военно-морской базы – все это на первый взгляд трудно объяснимо. Но только на первый взгляд! Все это было составной частью операции «Гроза»: не дать возможности англичанам одержать быструю победу на море, сделать войну необратимой, ослабить как можно сильнее немецкими руками Англию, дать европейской войне разгореться.

Выход Гитлера из войны мог привести к союзу европейских держав и к тому пресловутому «крестовому походу» против СССР, в неизбежности которого Сталин, убеждая всех, убедил и самого себя. А занятая войной Европа, кроме всего прочего, уже никак, по мнению Сталина, не могла отреагировать на «некоторые мероприятия внешнеполитического характера», которые Сталин наметил на ближайшее время. Что бы не говорили о Сталине, никто, никогда не осмелился назвать его наивным простаком. Конечно, он был недостаточно образован и порой путался в сложных международных схемах, неправильно упрощая их по примитивной схеме марксистско-ленинского классового подхода. *Но он всегда играл свою игру и никому не подыгрывал.* И игра его была совершенно очевидна.

31 октября Молотов выступает на внеочередной пятой сессии Верховного Совета СССР с докладом «О внешней политике Советского Союза». Явно находясь в ударе, он произносит речь, которой суждено надолго пережить его самого, хотя он и дожил до 93 лет. Докладывая депутатам о разделе Польши, Молотов, почти не пользуясь оборотами «новоречи», с несвойственной для политика откровенностью говорит:

«Правящие круги Польши немало кичились „прочностью" своего государства и „мощью" своей армии. Однако оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем – Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей».

Далее Молотов обрушивается на Англию и Францию как на агрессоров, страстно и четко поясняя свою мысль:

«..Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны… Попытки английского и французского правительств оправдать эту свою новую позицию данными Польше обязательствами, разумеется, явно несостоятельны. О восстановлении старой Польши, как каждому понятно, не может быть и речи. Поэтому бессмысленным является продолжение теперешней войны под флагом восстановления прежнего польского государства. Понимая это, правительства Англии и Франции, однако, не хотят прекращения войны и восстановления мира, а ищут нового оправдания для продолжения войны против Германии. В последнее время правящие круги Англии и Франции пытаются изобразить себя в качестве борцов за демократические права народов против гитлеризма, причем английское правительство объявило, что будто бы для него целью войны против Германии является, ни больше и ни меньше, как „уничтожение гитлеризма". Получается так, что английские, а вместе с ними французские сторонники войны объявили против Германии что-то вроде „идеологической войны", напоминающей старые религиозные войны.

Но такого рода войны не имеют для себя никакого оправдания. *Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с нею войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за «уничтожение гитлеризма», прикрываемая фальшивым флагом борьбы за «демократию»* .

Охарактеризовав таким образом внешнеполитическую обстановку и явно давая понять Германии, чтобы она ничего не боялась и продолжала свое «правое» дело, глава советского правительства и нарком иностранных дел перешел к вопросам внутренней политики. Перечислив богатые трофеи, взятые Красной Армией в ходе сентябрьского похода в Польшу и подчеркнув под аплодисменты зала, что «перешедшая к СССР территория по своим размерам равна территории большого европейского государства», Молотов обратился к прибалтийской проблеме. Коснувшись недавнего заключения между СССР и тремя прибалтийскими республиками пактов о взаимопомощи, Молотов, быстро перейдя на «новоречь», заявил:

«Создание советских баз и аэродромов на территории Эстонии, Латвии и Литвы и ввод некоторого количества красноармейских частей для охраны этих баз и аэродромов обеспечивают надежную опору обороны не только для Советского Союза, но и для самих прибалтийских государств… Особый характер указанных пактов взаимопомощи отнюдь не означает какого-либо вмешательства Советского Союза в дела Эстонии, Латвии и Литвы, как это пытаются изобразить некоторые органы заграничной печати…»

Аншлюс Прибалтики уже решен в Кремле и, хотя это ясно почти всем, Сталин не спешит об этом объявлять. Он еще побаивается Запада и вовсе не хочет быть втянутым в войну на стороне Германии. Это может сорвать лелеемую им операцию «Гроза», основой которой является свобода рук и возможность нанесения удара по собственному усмотрению. Пока нельзя раздражать никого – ни западные страны, ни Гитлера. Пусть как следует вцепятся друг в друга. А Прибалтика сама попросится в состав СССР, как некогда Закавказские республики и Среднеазиатские эмираты. Методика давно отработана, только взбудораженный новыми событиями мир о ней забыл.

Но вот в голосе Молотова начинает звучать открытое раздражение – он переходит к безобразному поведению Финляндии, с которой не удалось заключить аналогичного договора, поскольку финны отказались от добровольной оккупации Советским Союзом их маленькой, но гордой страны.

«В особом положении находятся наши отношения с Финляндией, – жестко вещает Молотов. – Это объясняется, главным образом, тем, что в Финляндии больше сказываются разного рода внешние влияния со стороны третьих держав».

Он с трудом сдерживается. Упрямые финны срывают график задуманных действий. Пока же еще есть время, чтобы финны одумались. Напомнив под оживление и смех в зале, что население Ленинграда больше, чем население всей Финляндии, Молотов высказал искреннее недоумение: как при таком соотношении сил Финляндия может себя вести столь нагло. Ну, хорошо: если финны не хотят заключить с нами «взаимовыгодный» договор – это их дело. Но они не хотят идти навстречу более чем скромным притязаниям Советского Союза, который всего лишь просит уступить ему половину финской территории, а заодно и разоружиться. Затем Молотов по отработанной методике начинает перечислять требования Советского Союза путем их яростного отрицания:

«Едва ли есть основания останавливаться на тех небылицах, которые распространяются заграничной прессой о предложениях Советского Союза в переговорах с Финляндией. Одна утверждает, что СССР „требует" себе г. Виипури (Выборг) и северную часть Ладожского озера. Скажем от себя – это чистый вымысел и ложь. Другие утверждают, что СССР „требует" передачи ему Аландских островов. Это – такой же вымысел и ложь!»

Тут Молотов уже говорит почти правду. Речь идет не о каких-то территориальных уступках со стороны финнов, а о захвате всей Финляндии весьма оригинальным способом, объявить о котором намереваются с началом вторжения. Открытая угроза в адрес Финляндии уже почти не скрывается за витиеватыми оборотами речи:

«После всего этого мы не думаем, чтобы со стороны Финляндии стали искать повода к срыву предполагаемого соглашения. Это не соответствовало бы политике дружественных советско-финских отношений и, конечно, нанесло бы серьезный ущерб самой Финляндии. Мы уверены, что… финляндские деятели не поддадутся какому-либо антисоветскому давлению и подстрекательству кого бы то ни было».

Однако Молотов уже сам не верил в то, что финнов удастся запугать. «По-видимому, нам придется воевать с Финляндией», – сказал Сталин, а он никогда не бросал слов на ветер. Так вышло и на этот раз.

Глава 3. Финская подножка

26 ноября 1939 года в период с 15.45 до 16.05 в расположении советской воинской части, находящейся в километре к северо-западу от деревни Майнила рядом финской границей (на Выборгском шоссе), разорвалось семь снарядов. Один младший командир и три красноармейца были убиты, восемь человек ранены. Хотя обстрел начался совершенно неожиданно, многие успели заметить, что снаряды прилетают с юга, из собственного тыла. Однако прибывшая мгновенно (в 17.10) комиссия, осмотрев место происшествия, пришла к выводу, что обстрел велся с финской территории. Ошеломленные солдаты отвечали путано, командиры же быстро поняли, что от них хотят. Слишком наводящими были вопросы [13].

В этот же день, даже не дожидаясь результатов фиктивного расследования инцидента, Молотов вызвал посланника Финляндии А. Иерен-Коскинена, вручил ему ноту правительства СССР по поводу провокационного обстрела советских войск с территории Финляндии. В ноте вина за происшествие возлагалась на правительство Финляндии и выражалось требование убрать финские войска на 20-25 километров от границы. В ответной ноте, 27 ноября, правительство Финляндии заявило, что финские пограничники наблюдали разрывы снарядов и на основании расчета скорости распространения звука от семи выстрелов можно было заключить, что орудия, из которых произведены были эти выстрелы, находились на расстоянии полутора-двух километров на *юго-восток* от места разрыва снарядов».

Правительство Финляндии предложило, чтобы «пограничным комиссарам обеих сторон на Карельском перешейке было поручено совместно провести расследование по поводу

данного инцидента в соответствии с Конвенцией о пограничных комиссарах, заключенной 24 сентября 1928 года». Деликатные финны намекали, что инцидент произошел из-за «ошибки» на учениях Красной Армии. Но любому военному хорошо известно, что осколки снарядов разлетаются по эллипсу, вытянутому в направлении полета снаряда, так что очень легко убедиться, откуда велся огонь. Естественно, Москва и слушать ничего не хотела о каком-либо расследовании.

В новой ноте, 28 ноября, Молотов обвинил правительство Финляндии в «желании ввести в заблуждение общественное мнение и поиздеваться над жертвами обстрела». Он объявил, что Советское правительство «с сего числа считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении…» Из Финляндии были отозваны все советские политические и торговые представители.

На рассвете 30 ноября 1939 года с заставы № 19 Сестрорецкого отряда Ленинградского пограничного округа на охрану Государственной границы вышел наряд в составе бойцов Горбунова, Лебедева и Снисаря. Старшим наряда был командир отделения Миненко. Наряд направлялся на охрану железнодорожного моста через реку Сестру у Белоострова – единственного моста, связывавшего СССР и Финляндию. В 6 часов утра к пограничникам подошел начальник заставы лейтенант Суслов, напомнив бойцам приказ начальника Сестрорецкого отряда майора Андреева. Прошло два часа томительного ожидания. В 07.55 лейтенант Суслов громко кашлянул. Это был сигнал к атаке. Бойцы, бросая на бегу гранаты и стреляя по финским пограничникам, ринулись на мост. После короткой схватки мост был захвачен. Миненко успел перерезать провод, ведущий к взрывчатке под мостом. Вся операция заняла около трех минут. К мосту уже шли танки.

Ровно в 8.00 дальнобойные орудия фортов Кронштадта вместе с кораблями Краснознаменного Балтийского флота, подошедшими к финским берегам и батареям корпусной и дивизионной артиллерии, начали обстрел территории Финляндии. В это же время, в полной темноте, боевые корабли и транспорты с десантом подходили к острову Суур-Саари (Гогланд) в центре Финского залива. В 08.00 корабельная артиллерия начала бомбардировку острова, под прикрытием которой десантники пошли на штурм. В эти же минуты мощные соединения бомбардировщиков начали бомбить жилые кварталы Хельсинки, Котки, Виипури и других городов Финляндии.

«Столбы огня и дыма, пожары, паника среди врагов сопровождали налет сталинских соколов», – без тени стыда напишет об этом военном преступлении газета «Красная Звезда». А по всей территории СССР уже шумят «стихийные митинги». «Ударим безжалостно по врагу!» – требуют рабочие завода «Большевик» в Ленинграде. «Ответим огнем на огонь!» – бушует трудовая Москва. «Сотрем финских авантюристов с лица земли! Их ждет судьба Бека и Мосицкого!» – полыхают гневом рабочие Киева.

Подобная реакция при нападении гигантской империи на крошечную страну лучше любого другого примера говорит о том, что русское общество уже было доведено продуманной политикой Сталина до состояния совершенно безмозглого стада, годного, по меткому выражению Канта, только для жертвоприношения. И оно состоялось.

Мир еще не успел прийти в себя от шока, вызванного нападением самой большой в мире страны на одну из самых маленьких, как Сталин еще сильнее поразил всех, продемонстрировав новый, элегантный способ превращения самой чудовищной агрессии в нечто возвышенно справедливое. В день вторжения, т.е. 30 ноября, в газете «Правда» было опубликовано «Обращение ЦК Компартии Финляндии к трудовому народу Финляндии», где, якобы от имени финских коммунистов, содержался призыв к немедленному свержению «обанкротившейся правительственной шайки», «палачей народа и их подручных». Правда, в Обращении оговаривалось, что его авторы против немедленной организации Советской

власти в Финляндии и присоединения ее к СССР. Пока предлагалось только про ведение каких-то неясных «демократических реформ» и заключение пакта о взаимной помощи с СССР – того самого пакта, который СССР так настойчиво пытался навязать финнам после уточнения сфер влияния с господином фон Риббентропом.

Но это было только начало. На следующий день, 1 декабря, с интригующей детективной ссылкой на «радиоперехват» «Правда» поместила сообщение о том, что в финском городе Териоки (Зеленогорск), только что захваченном Красной Армией, сформировано новое правительство «Демократической Финляндии» во главе со старым коминтерновцем Отто Куусиненом, прихватившем себе еще и портфель министра иностранных дел. Кто были остальные шесть министров, не знал никто, но никого это и не волновало. В тот же день «глава правительства», уже не «товарищ», а господин О. Куусинен обратился, как и положено, в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой признать его правительство. М. И. Калинин, естественно, не мог отказать своему старому знакомому и соратнику. На следующий день в Москве состоялись переговоры «глав правительств» СССР и Финляндии. Собрались все свои: Сталин, Куусинен, Молотов, Жданов, Ворошилов и без лишних проволочек подписали договор о взаимопомощи и дружбе. Сталин подарил Куусинену 70 тысяч квадратных километров Советской Карелии со всем населением, а Куусинен продал Сталину Карельский перешеек за 120 миллионов финских марок, острова в заливе и части полуострова Средний Рыбачий за 300 миллионов марок. Кроме того, по сходной цене Куусинен дал согласие на аренду полуострова Ханко.

Договор с Куусиненом вступал в силу с момента подписания, но подлежал ратификации. Обмен ратификационными грамотами должен был состояться «в возможно более короткий срок в столице Финляндии – городе Хельсинки». Однако никакой информации о том, что финский народ откликнулся на призыв газеты «Правда» и начал свергать ненавистное правительство, не поступало.

Поступала как раз обратная информация, что все финны, как один, включая и коммунистов, взялись за оружие, чтобы отстоять свободу и независимость своей родины и дать отпор наглому и подло спровоцированному вторжению. И хотя подобная реакция финнов никого в Кремле не пугала, вызывая лишь снисходительные ухмылки – надо же, «рычащая мышь!» – она вынудила «господина» Куусинена в специальной декларации просить СССР об «интернациональной помощи».

«Законное финское правительство, – говорилось в Декларации, – приглашает правительство СССР оказывать Финляндской Демократической Республике все необходимое содействие силами Красной Армии», чтобы свергнуть «бандитскую белогвардейскую клику», узурпировавшую власть в Хельсинки. Чтобы было кому содействовать, в Ленинграде в спешном порядке формируется армия, поспешно набранная из карелов, вепсов, финнов и т.п.

Первый корпус народной армии Демократической Финляндии назван «Ингерманландия». Уже нет времени пошить для этого корпуса униформу, но выход из положения был найден весьма оригинальный. Из Белостока, где были захвачены польские войсковые склады, были срочно доставлены в Ленинград десятки тысяч комплектов униформы польской армии. Спороли знаки различия, нарядили в эту форму «ингерманландцев», которые, в лихо заломленных «конфедератках», браво промаршировали по Ленинграду… и больше о них никто не слышал.

По стране прошумели митинги, на которых «колхозники Татарии, чабаны Казахстана и хлопководы Узбекистана» требовали свержения «белогвардейской клики в Хельсинки» и приветствовали «новое, законное правительство Демократической Финляндии».

Сталин планировал войну с финнами по образцу немецкого «блицкрига» в Польше. Но у него, увы, не было союзника, который помог бы ему, открыв второй фронт. Казалось, что в этом нет необходимости. Шесть советских армий, численностью более миллиона человек,

поддержанные танками и артиллерией, имея абсолютное превосходство на море и в воздухе, вторглись в страну, чья армия при поголовной мобилизации не могла превысить трехсот тысяч человек и практически не имела ни танков, ни авиации. Можно было не сомневаться в быстрой победе. Но ничего подобного не произошло.

Красная Армия сразу же была втянута в ожесточенные бои, показав себя в них плохо обученной и фактически неуправляемой толпой. В сорокоградусные морозы армия начала военные действия, не имея ни полушубков, ни валенок, ни лыж, на которых, кстати, никто не умел ходить. Мобильные отряды финских лыжников, перекрыв немногочисленные дороги Карельского перешейка завалами и минами, быстро парализовали движение огромной, неуправляемой толпы и, смело маневрируя по снежному бездорожью, начали истребление противника.

Две передовые дивизии Красной Армии, наступавшие на Сувантоярви, отрезанные от тылов, вмерзнув в снег, были уже в невменяемом от обморожения состоянии взяты в плен финнами. На Петрозаводском направлении советские войска несли страшные потери, но не могли продвинуться вперед ни на метр.

Выяснилось, что полностью отсутствует какое-либо взаимодействие между родами войск. Армады советской авиации вообще не имели никаких средств взаимодействия с сухопутными войсками и бесцельно бороздили финское небо, не в силах помочь своей истекающей кровью и замерзающей пехоте. Задуманные флотом, также без всякой связи с сухопутными силами, эффектные импровизации ни к чему хорошему также привести не могли. Корабли рвали корпуса о льды Финского залива, подрывались на минах, постоянно проигрывая артиллерийские дуэли с невероятно метко бьющими финскими береговыми батареями. Буксиры с трудом дотащили в Либаву избитый финскими снарядами новенький крейсер «Киров».

Невероятный патриотический подъем охватил все слои финского общества. Трюк, предпринятый Сталиным с помощью своей коминтерновской банды, привел к совершенно обратным результатам. Рабочий класс Финляндии, узнав о «правительстве» Куусинена, опубликовал ответное обращение, в котором, в частности, говорилось:

«Рабочий класс Финляндии искренне желает мира. Но раз агрессоры не считаются с его волей к миру, рабочему классу Финляндии не остается альтернативы, кроме как с оружием в руках вести битву против агрессии…»

Бывшие бойцы Красной Гвардии – участники финской революции 1918 года – коллективно обратились к министру обороны с просьбой зачислить их в финские вооруженные силы для общего отпора врагу. «Дух зимней войны» навечно вошел в историю маленькой Финляндии в качестве синонима единства и героизма народа в борьбе за свою свободу и независимость.

Но вряд ли финский патриотизм мог бы кого-нибудь потрясти в Кремле. В конце концов польский патриотизм был нисколько не меньше. Потрясло другое – невероятно высокая боевая подготовка маленькой финской армии. Старый русский гвардеец генерал Маннергейм – генерал свиты последнего русского Государя – знал свое дело. Призраками носились одетые в маскхалаты финские лыжники по лесам Карельского перешейка, сея смерть, панику, суеверные слухи среди ошеломленных солдат Красной Армии. Невероятно метко била финская артиллерия. Немногочленные финские летчики, усиленные шведскими и норвежскими добровольцами, доблестно вступали в бой с воздушными армадами «сталинских соколов», постоянно одерживая победы в воздушных поединках.

В личном кинозале Сталина крутят финскую кинохронику. Румяные лица финских лыжников под козырьками лыжных кепи. Автоматы «Суоми» на шее. Белизна снега и высокие сосны, возвышающиеся над зарослями елок. Из зарослей, подняв обмороженные руки, выходят стриженные русские мальчики со вздутыми от обморожения лицами. Они в одних

гимнастерках – даже без шинелей! – и в кирзовых сапогах. Они идут и идут. Их много – не меньше роты. Финны смотрят на них со смешанным чувством жалости и презрения. Штабеля русских трехлинеек. Финны стаскивают в кучу трупы. Все без шинелей, в одних гимнастерках. Почему без шинелей?! Они сбросили шинели перед атакой, товарищ Сталин. Установить всех поименно! Разобраться в этом безобразии! [14]

С оживленным интересом за столь неожиданным ходом военных действий наблюдают из Берлина, Лондона и Стокгольма, из Токио и Вашингтона, из Парижа и Стамбула.

Прошло уже две недели войны, но Красная Армия, несмотря на подавляющее превосходство, еще не везде сумела преодолеть предполье, отделяющее советскую границу от линии Маннергейма. С восточного же направления, где на карте создавался прекрасный вариант одним кинжальным ударом со стороны Суомуссалми в сторону Ботнического залива разрезать территорию Финляндии пополам и выйти в тыл линии Маннергейма, вообще не удалось продвинуться ни на шаг. Огромная 9-я армия под командованием генерала Виноградова, поддержанная сотнями танков и самолетов, ссылаясь на бездорожье, все сгруппировывалась, перегруппировывалась, но никак не могла опрокинуть две противостоящие ей финские дивизии. Генералу Виноградову совершенно ясно дали понять, что если он не завершит своего победного наступления к побережью Ботнического залива к 21 декабря – к шестидесятилетию товарища Сталина – то великий вождь может и усомниться в его безграничной преданности.

К этому времени Советский Союз уже успели с позором выгнать из Лиги наций как агрессора. Симпатии всего мира были на стороне Финляндии. Разведка давно доложила Сталину, что англичане готовят высадку в Норвегии, чтобы бросить свои войска и авиацию на помощь финнам.

Но и это было не самое главное, что волновало товарища Сталина. А волновало его то, что война на Западе практически не шла. Немцам явно не хотелось вгрызаться в линию Мажино, а союзникам в линию Зигфрида. Все еще очень хорошо помнили, во что обходятся наступающим подобные прорывы. Более того, стороны даже хотя бы для приличия почти не стреляли друг в друга.

Срывался план Сталина, выполнению которого он посвятил всю свою энергию и ради которого готов был пожертвовать всем. Складывался вполне очевидный контрвариант: Гитлер договаривается с Западом, и они совместными силами, воспользовавшись тем, что Сталин завяз в финской войне, нанесут удар, организуют тот самый крестовый поход, которого он так боялся еще со времен гражданской войны. О большой вероятности этого похода предупреждал сам Ленин!

8 ноября фюрер чудом избежал гибели. В этот день по традиции Гитлер встретился с ветеранами своего движения в крупнейшем пивном зале Мюнхена, чтобы отметить очередную годовщину знаменитого «Пивного путча» 1923 года – неудачной попытки нацистов захватить власть, закончившейся для самого Гитлера заключением в тюрьму, где он, просидев более года, написал свою знаменитую книгу «Майн кампф».

На этот раз речь Гитлера была короче, чем обычно. Обрушившись с яростными нападками на Англию, которая с такой легкомысленностью разожгла европейскую войну и упорно не желает одуматься, Гитлер в начале десятого вечера покинул зал вместе со своей свитой, оставив ветеранов наслаждаться впечатлением от своей речи. Минут через двадцать после отъезда фюрера в пивном зале произошел взрыв бомбы, подложенной в колонну позади трибуны. Семь человек были убиты, 63 – ранены. Официально никто не взял на себя ответственность за этот террористический акт.

Немцы, естественно, обвинили во всем английскую разведку. Англичане, в свою очередь, заявили, что взрыв является провокацией гестапо, цель которой вполне очевидна:

повысить популярность Гитлера, а заодно ликвидировать ветеранов партии, вечно брюзжавших по поводу того, что «Адольф предал рабочее движение».

Пока «Правда», подыгрывая Гитлеру, крыла англичан, сам Сталин находился в задумчивости. Он лично склонялся к мысли, что взрыв – это «коминтерновские штучки» – любезное напоминание вскормленной им «интершайки», что она недовольна сталинской интерпретацией марксизма-ленинизма и гитлеровской политикой «по еврейскому вопросу». Почерк знакомый. Подобное хулиганство могли совершить, конечно, и сами немецкие коммунисты, открыто считающие Сталина предателем. Сталин приказал провести тщательное расследование, в результате которого было расстреляно десятка два деятелей Коминтерна, а также схвачены и выданы Гитлеру около полутора тысяч немецких коммунистов, бежавших в свое время в СССР.

И как будто всего этого не хватало, на Гитлера обрушилось новое несчастье: 12 декабря англичане перехватили в Южной Атлантике немецкий «карманный» линкор «Граф Шпее» и после короткого боя загнали его в Монтевидео. И хотя со стороны англичан сражались всего два крейсера, перепуганные немцы взорвали свой корабль.

Все это никак не способствовало поднятию у Гитлера боевого духа.

Англичане явно давали понять, что на море, как всегда, хозяева они. Немецкая морская торговля прекратилась мгновенно, как и в 1914 году. Английская удавка уже режет горло, несмотря на поток грузов из СССР. А если бы не было этого потока? Рейху был бы уже конец.

В Москве Сталин угрюмо смотрит на своего старого друга Ворошилова. Маршал ежится под взглядом вождя. Где победа в Финляндии, в которой Ворошилов, столь же малограмотный, как и его патрон, нисколько не сомневался? Настолько не сомневался, что даже не посчитал нужным сообщить о начале военных действий находящемуся в отпуске Шапошникову?!

До недавнего времени в кадрах Красной Армии было пять маршалов. Троих расстреляли, чтобы не умничали. Осталось два. Сталин намекает Ворошилову, что и два маршала – это слишком много. С него хватит и одного Буденного. Ворошилова прошибает холодный пот. Волнуясь и заикаясь, он уверяет Сталина, что к его юбилею – 21 декабря – с финнами будет покончено или по меньшей мере в войне произойдет коренной перелом.

В войска летят строжайшие директивы. На Карельский перешеек лично выезжает НачПУРа Мехлис с полномочиями расстрела на месте кого угодно. В Ленинграде по приказу Жданова очередная часть населения высылается из города и для нагнетения военного психоза вводится затемнение.

Однако запугать финнов введением затемнения в Ленинграде не удается. Их, правда, очень мало. Захлебываясь нашей кровью, они медленно пятятся к линии Маннергейма.

Утром 13 декабря, после ожесточенного боя, советские войска, форсировав реку Тайпален-йоки, попытались с ходу прорвать линию Маннергейма у Ладожского озера. Подгоняемые яростными приказами из Москвы войска без подготовки ринулись на штурм. «Прорвать оборону противника не позднее 20 декабря!» – истерически требовали посыпавшиеся потоком директивы.

16 декабря утренние сумерки в районе финского города Суомуссалми были взорваны громом мощной артиллерийской подготовки. В наступление перешла 9-я советская армия, поддержанная частями 8-й армии, наступавшей из района вблизи финского городка Кухмониэми. В задачу армий входило: прорыв финской обороны с востока, выход в тыл линии Маннергейма, одновременное наступление на крупный финский железнодорожный центр и порт Оулу с выходом на побережье Ботнического залива, что разрезало бы

территорию Финляндии пополам. После двухчасовой артподготовки вперед ринулась пехота, поддерживаемая сотнями танков. Танки и пехота одинаково утопали в непроходимом снегу, но упорно рвались вперед. Каждый квадратный метр был минирован противником. Горели танки и автомашины, коченели на обочинах трупы людей и лошадей. Раненым не успевали оказывать помощь, они умирали от обморожения. А противника не было – он растворился в лесу, избегая боевого соприкосновения с наступающими армиями.

На Карельском перешейке по всей протяженности линии Маннергейма кипели бои. Волна за волной советская пехота, поддерживаемая огнем артиллерии и танками, шла на штурм. Волна за волной они ложились в снег, чтобы уже никогда не подняться. Кинжальный огонь финских дотов скашивал всех. Но новые и новые ряды красноармейцев шли в атаку. В тоненьких шинелях, зажав в руках дедовские трехлинейки, проваливаясь по пояс в глубокий снег, подрываясь на минах, они шли и шли на финские доты с той великой жертвенностью, на какую способны только русские люди. Целую неделю шел штурм линии Маннергейма, но кроме немыслимых потерь никаких результатов он не дал. Ни на одном участке ни прорвать, ни даже вклиниться в оборону финнов не удалось. Армия истекла кровью и откатилась на исходные позиции. И, как будто этого было мало, с Карельского фронта пришла страшная весть – финны окружили 9-ю армия и часть 8-й армии. В котле оказалось более 50 тысяч человек. Пробиться к ним невозможно. Их запасы истекают. В столь страшные морозы их неизбежно ждут гибель или сдача…

Таков был подарок к сталинскому шестидесятилетнему юбилею, который пышно отпраздновали в Москве 21 декабря. Вышедшая по этому случаю на шестнадцати страницах «Правда», естественно, вся была посвящена описанию великих деяний величайшего Вождя. Открывалась газета огромной статьей Молотова «Сталин – продолжатель дела Ленина». Затем следовала не менее объемная статья Ворошилова «Сталин и создание Красной Армии». «Сталин – великий локомотив истории» – витийствовал Лазарь Каганович, чья статья была перепечатана почти всеми центральными газетами.

Завершал хор Микоян, озаглавивший свою работу весьма скромно – «Сталин – это Ленин сегодня». Заголовок статьи Микояна перешел на плакаты и стал лозунгом эпохи – «Сталин – это Ленин сегодня!».

Склонный к сентиментальности Гитлер удостоил своего московского друга невиданным набором теплых слов:

«…Пожалуйста, примите мои самые искренние поздравления. В то же самое время я желаю вам лично самого доброго здоровья во имя счастливого будущего народов дружественного Советского Союза. Адольф Гитлер».

Пока по СССР прокатывалась истерия того, что робкие историки впоследствии назовут «культом личности Сталина», в Берлине начальник генерального штаба вермахта генерал Гальдер принимает в тиши своего завешанного картами кабинета советского военного атташе комкора Пуркаева. Им было о чем поговорить.

Немецкие войска уже четыре месяца в нерешительности топтались у линии Мажино. Попытка Красной Армии с ходу прорвать линию Маннергейма закончилась полным провалом. Гальдер полагал, что если вермахт полезет на линию Мажино – результат будет тот же. Он хорошо помнил Верден.

Гальдер переводит разговор с линии Мажино на линию Маннергейма. Пуркаев пожимает плечами. Специфика местности – нет дорог, леса, много озер. Это не дает возможности использовать танки с полной эффективностью. Комкор тщательно подбирает слова. Немцы

делятся развединформацией с финнами. Линия Маннергейма, продолжает Пуркаев, в конце концов – он подбирает нужное слово – будет нейтрализована. Беспокоит другое.

Англичане недвусмысленно дали понять, что собираются послать экспедиционный корпус на помощь финнам. Они собираются сделать это через территорию Норвегии, предварительно захватив основные порты этой страны – Нарвик, Тромсе, а может быть, и Осло. Если англичане это сделают, продолжает Пуркаев, то это может иметь самые печальные последствия. В частности, осложнится, а то и вовсе прервется путь из Германии в Мурманск. Кроме того, в английскую орбиту будет втянута Швеция и, конечно, Дания. В итоге осложнения (Пуркаев тщательно подбирает слова) начнутся и на Балтике – может прерваться подвоз железной руды из Швеции в Германию и пока бесперебойные поставки морем из СССР.

Пуркаев хитрит. В Кремле боятся совсем другого. Если англичане высадятся в Норвегии и их войска вступят в бой с советскими частями на территории Финляндии, как ни крути, это означает войну с Англией, чего Сталину пока совсем не хочется.

Кроме того, принимая во внимание полное нежелание Гитлера вести войну с западными демократиями, кто поручится, что при первом же боевом соприкосновении английских и советских войск в Финляндии, англичане не перетянут Гитлера на свою сторону и не начнется объединенный крестовый поход Запада против СССР, о котором пророчествовал Ильич!

Гальдер бросает взгляд на карту. Немецкая разведка со все возрастающей тревогой сообщает о весьма подозрительной активности англичан вокруг Норвегии.

Норвегия, конечно, лакомый кусочек, особенно – ее огромный торговый флот и золотой запас. Если она достанется англичанам, то их удавка станет совершенно нестерпимой. В сейфе Гальдера уже лежат несколько папок предварительной проработки операции «Убюнг Везер» – захвата Норвегии неожиданной высадкой морского и воздушного десанта. Пуркаев знает об этом, знает он и о том, насколько немецкий флот боится этой операции. Она ведь неминуемо означает столкновение с англичанами на море. Чего не знает Пуркаев – это боязни Гитлера, что англичане, захватив Норвегию и надавив на Швецию, перетянут на свою сторону Сталина и с двух сторон раздавят Рейх как тухлое яйцо.

Поздравив друг друга с наступающим Рождеством и с днем рождения Сталина, генералы расстаются, полные новых тревог и сомнений. Гальдер в общих чертах хорошо уведомлен о деятельности комкора Пуркаева в Берлине.

Прекрасный штабист и вместе с тем профессиональный чекист, много лет прослуживший в погранчастях, он знает свое дело и дает немцам разумные и взвешенные советы. Странно то, что сорокапятилетнему комкору почему-то не дают покоя лавры польского ротмистра Сосновского – знаменитого польского разведчика, твердо считавшего, что самой лучшей информацией является «постельная», т.е. полученная от любовниц-секретарш видных партийных и военных деятелей Рейха. Красавец-поляк весьма преуспел на этом поприще, вызвав небывалый шпионский скандал в истории Германии. Пуркаев, видимо, решил превзойти красавца-улана. Он с удовольствием спит с любой юной патриоткой, которую ему подсовывает гестапо, но не для получения секретной информации, а просто так – для собственное утехи. Сбитое с толку гестапо пока старательно составляет альбом фотографий амурных похождений советского военного атташе, еще не решив, что делать с ним дальше…

Кончается 1939 год. В зловещей тишине и странном бездействии застыли на западе немецкая и англо-французская армии. Тишина воцарилась и вдоль линии Маннергейма. Советские войска ждут подкреплений, зализывают раны, перегруппировываются. В снегах Карелии из последних сил бьется окруженная финнами 9-я армия. Все попытки пробиться к отрезанным частям и деблокировать их приводят к новым огромным потерям, но никакого

результата не дают. И наконец, становится совершенно очевидным, что 9-я армия уничтожена.

По самым скромным подсчетам, убито и умерло от обморожения более 30 тысяч человек. Около 10 тысяч пропали без вести. Около двух тысяч взяты в плен в полумертвом состоянии. Финны торжественно хоронят своих солдат, погибших в «сражении под Суомоссалми». Все они известны поименно. Их 903 человека. Гремят залпы погребального салюта. Перед финнами открыты просторы практически незащищенной Советской Карелии.

Но силы маленькой страны тают. Армия переутомлена боями. Несмотря на симпатии всего мира, никто не оказывает финнам эффективной помощи. Немцы не могут этого сделать, связанные договором о дружбе с Москвой. Англичане дают крохи – 75 противотанковых орудий, 200 пулеметов и смутные обещания прийти на помощь.

Если Сталин совсем не хочет воевать с Англией, то и англичане не хотят воевать со Сталиным. Глубокие психологи – они твердо верят в свой прогноз: в таком маленьком ареале, как Европа, нет места для двух таких крупных хищников, как Гитлер и Сталин – они неизбежно сцепятся между собой – это, уверены англичане, вопрос ближайшего времени. И тогда, при посильном участии остального мира, они сами уничтожат друг друга.

Английская разведка еще ничего не знает об операции «Гроза», но любовно вылепленные Сталиным Белостокский и Львовский балконы говорят сами за себя. Слишком явно оба трамплина нацелены на Берлин. Они тревожат Гитлера. Он медлит с наступлением на Западе, не решаясь повернуться спиной к своему новому другу, застывшему в столь недвусмысленной позе. Генштабисты успокаивают фюрера. Эти «балконы», объясняет генерал Гальдер, можно рассматривать как трамплины, но можно как голову дрессировщика, засунутую глубоко в пасть льва, – чик, и головы нет. Гитлер недоверчиво смотрит на генерала. – Не беспокойтесь, мой фюрер, объясняет Гальдер, при том «высоком» оперативном искусстве, которое демонстрирует Красная Армия в войне с финнами, при тех морях крови, которыми она оплачивает каждый шаг своего наступления, нам пока нечего беспокоиться. До весны русские завязли на Карельском перешейке – это совершенно очевидно. А там им понадобится время, чтобы прийти в себя после столь неожиданно тяжелой войны. Уже сейчас абвер оценивает потери русских не менее ста тысяч человек. А война не только не окончена, но, можно сказать, еще и не начиналась…

Командарм Шапошников, занятый разработкой «Грозы» и страшно недовольный, что армия используется и истекает кровью в столь ненужной войне, осмеливается предложить Сталину: раз уж демонстрации мощи и блицкрига не получилось, может быть, на этом и закончим? А на уроках этой войны проведем реформу вооруженных сил. Ведь более важные дела предстоят, товарищ Сталин. А куда эта Финляндия денется? Сама потом попросится в состав СССР. В изумлении Сталин вынимает трубку изо рта. Ворошилов и Мерецков, обливаясь потом, с ужасом смотрят на Шапошникова. Нет уж, криво усмехается вождь, уходить с побитой мордой? Нет, нужно победить! Попытки взять линию Маннергейма «на ура!» были прекращены. Началась серьезная подготовка к наступлению. Со всех районов страны подвозились новые дивизии и корпуса, танки и артиллерия. На Карельском перешейке в дополнение к 7-й армии была развернута еще одна – 13-я. Общее количество сосредоточенных против Финляндии войск уже почти равнялось населению этой страны. Артиллерии навезли столько, что для нее не хватало места на Карельском перешейке – орудия стояли колесо к колесу. На аэродромах ЛВО была сосредоточена почти вся боеспособная авиация. Корабли Балтийского флота, неизмеримо превосходящие военно-морские силы финнов, должны были добавить свою артиллерийскую мощь в дело скорейшего разгрома противника.

Солдаты, наконец, были одеты в полушубки и валенки, доставили мази от обморожения, ввели водочное довольствие – так называемые «наркомовские сто грамм». Началась серьезная подготовка к прорыву линии Маннергейма.

Организационно войска были сведены во вновь образованный Северо-Западный фронт, командовать которым был назначен командарм 1-го ранга Тимошенко – человек без какого-либо военного образования, приглянувшийся Сталину еще в годы гражданской войны своей физической силой, беспощадностью и тупостью. Под его руководством начали разрабатывать оперативный план прорыва. Однако ничего нового оперативное искусство командарма Тимошенко не предусматривало. Линию Маннергейма предстояло штурмовать в лоб.

По мере того, как все больше пробуксовывала сталинская военная машина на Карельском перешейке, все более враждебными становились отношения СССР с Франция и Англией. Поздравляя своих читателей с Новым годом газета «Правда» от 1 января 1940 года радостно отмечала в передовой статье:

«Все честные сыновья и дочери Англии, Франции и Америки клеймят позором подлую банду – от римского папы до лондонских лавочников, поднявших весь этот дикий вой по поводу благородной помощи, которую Красная Армия оказывает финскому народу, борющемуся против его угнетателей».

Рой политруков из ГлавПУРа, ринувшийся на фронт вслед за своим шефом Мехлисом, разъяснял бойцам и командирам, что Финляндия вероломно напала на СССР, что эта война является «разведкой боем международного империализма» перед вторжением в СССР. Страшно было уже не то, что об этой позорной войне писалось и говорилось в подобных выражениях, а то, что во все это верили, и верили фактически безоговорочно.

Но Сталин нервничает. Разведсводки совершенно ясно показывают ему, как отнеслось общественное мнение Англии, Франции и Скандинавских стран к его финской авантюре. Постоянно идут сведения о продолжающихся тайных англо-немецких контактах, где муссируется возможность совместного выступления против СССР. В Осло английская резидентура ведет секретные переговоры с правительством Норвегии о пропуске англо-французских войск через ее территорию. А это означает войну с Англией. Совсем не хочется. Воевать с Англией мы еще не готовы. Все жалуются на нехватку рабочих рук. Он, Сталин, начиная с 1937 года, дал команду ежегодно отправлять в ГУЛАГ по полтора миллиона человек, распределяя их в соответствии с нуждами наркоматов. Где эти люди? Кто организовал их мор и повальные расстрелы в прошлом году?

Подписал разнарядку на следующий год – 1 700 000 человек в ГУЛАГ и никого не освобождать. Ну, как так никого – а у кого сроки кончаются? Давать новые. Нет, так не годится, товарищ Сталин, немножко, но освободить нужно. А вторые сроки давать уже на воле. Приятно, когда можно спорить по-большевистски, принципиально, как это делал только Ленин.

Вот так и он, Сталин, – один, как Ленин. Никто его правильно не понимает, всем все приходится разъяснять сотни раз, особенно по вопросам, по которым прямо говорить вообще не полагается. И голова гудит и пухнет от необходимости правильного анализа поступающих данных. Где тут информация, а где дезинформация, подсунутая международным империализмом?!

Вот, Пуркаев из Берлина доносит, что немецкая разведка получила информацию о предстоящем английском десанте в Норвегию. Эту же информацию дает наша разведка в Германии, но предупреждает, что это «деза», пришедшая из Англии. Советская разведка в Англии также указывает, что слухи о предстоящем десанте англичан постоянно циркулируют в кругах близких к Уайтхоллу.

Если англичане сами распространяют дезинформацию о своем десанте, то зачем? Вовлечь скандинавские страны в войну? Но на чьей стороне? Конечно, тут очень важно,

чтобы англичане никоим образом в Норвегии не оказались. Нужно отсечь их от Финляндии. Но как это сделать? Самим – никак. Немцы могли бы попытаться, но для них это может очень плохо кончиться.

17 января «Правда» разражается огромной статьей о коварных планах Англии и Франции нарушить самым «гнусным» образом нейтралитет Норвегии и Швеции.

Нельзя сказать, чтобы эта статья была высосана из пальца. Советская разведка добыла копию доклада французского главнокомандующего генерала Гамелена правительству о важности создания нового театра военных действий в Скандинавии.

В то же самое время Гитлер обнаруживает у себя на рабочем столе неизвестно кем переизданную брошюру кайзеровского вице-адмирала Вольфганга Вегенера «Морская стратегия в мировой войне», из которой явствует, что Германия проиграла первую мировую войну только из-за того, что не оккупировала Норвегию.

Гитлер уже сам не может разобраться, кто его все время подталкивает в сторону Норвегии.

Может, действительно следует опередить англичан. Главное – внезапность. Крохотная (145 000 человек) и плохо вооруженная норвежская армия, конечно, ничем ни сможет угрожать вермахту. Но англичане?

Пока Гитлера терзали сомнения, его любимец Розенберг – выпускник Санкт-Петербургского Политехнического института и автор нашумевшей книги о всемирном еврейском заговоре «Миф XX века» – настаивает на том, чтобы фюрер принял и удостоил беседы некоего «замечательного норвежца» по фамилии Квислинг – лидера норвежского «Национального союза», полуподпольной организации, мечтающей о тоталитаризме. Чего не знает Позенберг – это того, что его «старый знакомый» – бывший майор норвежской армии Видкун Квислинг – был завербован советской разведкой еще в бытность его норвежским военным атташе в Москве.

Квислинг сильно преувеличивал возможности своей организации, но врал вдохновенно, как и было приказано. Гитлер внимательно выслушал Квислинга, но сказал бывшему майору, что для него, Гитлера, была бы наиболее желательной нейтральная позиция Норвегии, как и всей Скандинавии.

В тот же день Гитлер совещается с Редером. Оказывается, русские разрешили сосредоточить часть десантных сил в Мурманске. О, это полностью меняет дело. Тут уж англичане никак не смогут среагировать. Гитлер тут же отдает директиву о подготовке захвата Норвегии. Он тем и нравился Сталину, что заглатывал наживку с легкомысленной стремительностью голодного окуня.

3 февраля, опоздав на четыре дня, штаб Северо-Западного фронта командарма Тимошенко представил Сталину новый план прорыва линии Маннергейма.

В принципе, новый план ничем не отличался от старого. Финские укрепления предполагалось штурмовать фронтальной атакой.

В тот же день, после мощной артиллерийской подготовки и бомбардировки с воздуха, 7-я и 13-я армии своими смежными флангами, как стадо буйволов, пошли в лоб на линию Маннергейма. Красную пехоту поддерживали, впервые в практике Красной Армии, крупные танковые соединения. Используя подавляющее превосходство в людях и технике, беспрерывными атаками в течение трех дней советские войска пытались прорвать финскую оборону. Но все было тщетно – все атаки разбивались о непоколебимую стойкость финнов. Волна за волной, как и в декабре, скашивались цепи атакующих, факелами горели бензиновые танки.

Уже впавшие в отчаянье Тимошенко и приставленный к нему Жданов хотели испробовать на линии Маннергейма боевые газы, и только безобразное состояние противохимической защиты в Красной Армии заставило их подавить этот искус. Беспощадными приказами они продолжали гнать все новые и новые массы русской пехоты на укрепления финнов. Непрерывно грохотала артиллерия. Поднимались бомбардировщики, пытаясь пробить дорогу пехоте.

Наконец, после четырехдневных кровопролитных боев, понеся огромные потери, наша армия на двух участках прорвала первую полосу линии Маннергейма. Но вклиниться с ходу во вторую линию финской обороны не удалось. Обескровленная армия снова остановилась, тяжело переводя дух.

Так дело обстояло в центре на Выборгском направлении. На флангах же, на Кегсгольмском и Антреайском направлениях, были полностью уничтожены три советские дивизии, но продвинуться вперед не удалось ни на шаг.

11 февраля Тимошенко бросил на слабеющих финнов новую гору пушечного мяса, которая стала вгрызаться во вторую линию обороны. Часть войск, пройдя в сорокаградусный мороз через огонь финских батарей, по льду залива, вышла в тыл третьей линии обороны. Тимошенко спешил. Приказ Сталина гласил – не позднее середины марта занять Хельсинки.

16 февраля немецкий транспорт «Альтмарк», выполнявший роль судна-снабженца погибшего в южной Атлантике «Графа Шпее», попытался вернуться в Фатерланд, прорвавшись под покровом полярной ночи через английскую блокаду. На «Альтмарке» находился целый отдел абвера с новейшей радиоаппаратурой и целой библиотекой различной секретной документации, включая шифровальные книги, к которым немцы традиционно относились до странности легкомысленно.

«Альтмарк» шел без огней через норвежские территориальные воды, где и был перехвачен двумя английскими эсминцами.

Англичане подняли на «Альтмарке» гордый флаг своей родины и отбуксировали транспорт в Плимут вместе с абверовской секретной библиотекой.

А между тем, советские войска продолжали вгрызаться в железобетонную оборону финнов, неся кошмарные потери. Расширить прорыв на центральном направлении не удавалось.

На побережье Ладожского озера дивизии, прорвавшие первую линию финской обороны, угодили в окружение и методично уничтожались. Части, вышедшие через лед залива в тыл финской обороны, завязли в непроходимом снегу и теряли силы в боях за каждый метр территории.

Но силы становились все более неравными. Со всех уголков Советского Союза эшелоны везли на фронт все новые и новые тысячи тонн пушечного мяса, без промедления бросаемого в мясорубку боев. Финны, понимая, что их силы иссякают, в отчаяньи искали помощи у мира, который им так сочувствовал. Но реальной помощи не было.

Кровные братья – шведы и норвежцы – приходили в ужас от перспективы быть втянутыми в войну с СССР. Англичане заверяли, что финский вопрос вскоре станет «объектом» тщательного изучения со стороны военного кабинета, но столь же тщательно уклонялись от прямых ответов, советуя в частном порядке попытаться добиться мира со Сталиным. Такой же совет давали и шведы.

Еще в начале января финны пытались завязать с СССР переговоры о возможном заключении мира. С благословения финского министра иностранных дел Таннера в

Стокгольм отправилась известная финская писательница Хелла Вуолийоки, где она в течение двух месяцев вела тайные переговоры с «мадам» Коллонтай, но безуспешно.

На Карельском перешейке продолжается мясорубка. 28 Февраля Красная Армия на центральном участке фронта прорывает третью полосу финской обороны, выйдя передовыми частями к Выборгу.

1 марта делается попытка с ходу штурмом овладеть городом. Попытка кончается окружением и разгромом 18-й дивизии Красной Армии. Войска останавливаются и снова ждут подкреплений. 6 марта советские войска снова идут на штурм и снова отбрасываются с большими потерями. Тимошенко делает попытку окружить Выборг. Войска, пробившиеся по льду залива, выходят на южное побережье Финляндии с задачей перерезать железную дорогу Выборг – Хельсинки. Из этого десанта не вернулся никто – все были уничтожены финнами.

Обойти Выборг справа также не удалось. Взорвав шлюзы Сайменского канала, финны затопили всю территорию вокруг города. По грудь в ледяной воде, скашиваемые финскими пулеметами, красноармейцы продолжали жертвовать собой во славу засевших в Кремле политических авантюристов…

Развязка наступила скоро. 7 февраля английский военно-морской атташе в Москве вице-адмирал Леопольд Сименс напросился на прием к наркому ВМФ адмиралу Кузнецову. Адмиралы поговорили о погоде в Москве, находя зиму весьма суровой. Затем англичанин пустился в воспоминания о первой мировой войне, вспомнив, в частности, флотилию английских подводных лодок, воевавшую на Балтике в боевом союзе с русским флотом. Кузнецов помнил об этом событии весьма смутно. Гораздо лучше он знал о налете английских торпедных катеров на Кронштадт в 1919 году, когда были утоплены два советских линкора и плавбаза лодок. Да, согласился англичанин, всякое бывало.

Тем не менее, продолжал он, ему очень нравится в Москве, и он очень сожалеет, что ему, видимо, вскоре придется покинуть столицу России. «Вас отзывают?» – поинтересовался нарком. Сименс помолчал, а затем, глядя прямо в глаза Кузнецову, ответил, что вскоре отзовут не только его, но и весь персонал посольства.

Взволнованный столь странным и непротокольным поведением английского атташе, адмирал Кузнецов немедленно доложил о состоявшемся разговоре Сталину. Однако Сталин знал гораздо больше, чем Кузнецов. На его столе лежало донесение советского посла в Лондоне Ивана Майского, которого накануне вызвали в Форин офис и вручили ноту, где говорилось, что «Правительство Его Величества, пристально наблюдая за действиями Советского Союза в Финляндии, выражает надежду, что у СССР хватит доброй воли, чтобы разрешить затянувшийся конфликт за столом переговоров и прекратить бессмысленное кровопролитие…»

Завершалась нота весьма витиеватой фразой, смысл которой, однако, был совершенно ясен:

«Правительство Его Величества искренне надеется, что Советский Союз не даст перерасти советско-финскому конфликту в войну гораздо большего масштаба с вовлечением в нее третьих стран».

Вместе с тем, по линии разведки советской стороне был подброшен документальный фильм, повествующий о суровых буднях далеких английских гарнизонов, раскиданных на бесчисленных базах необъятной империи. Фильм тут же прокрутили в личном кинозале Сталина. Кроме Сталина, к просмотру был допущен только Поскребышев, хотя в фильме, на первый взгляд, и не было ничего особенного.

Открывался он звуками марша «Правь, Британия морями!» По экрану плыли надстройки и мачты английских линкоров, расцвеченных флагами во время какого-то очередного

королевского ревю в Спитхедде. Принцессы королевского дома, улыбчивые, пожимающие руки восторженным морякам.

Сталин морщится: зачем ему прислали эти кадры для поднятия боевого духа домохозяек? Но вот сюжет резко меняется. Вместо водной глади Спитхеддского рейда – песчаные дюны, кактусы, колючки, пара пасущихся верблюдов. Проволочная изгородь. Аппарат ползет вдоль нее и показывает крупным планом ворота с надписью: «База Королевских ВВС в Масуле, Ирак». Часовые в плоских английских касках с винтовками. Тяжелые бомбардировщики «Веллингтон» прогревают двигатели. Улыбающиеся парни подвешивают в бомболюки полутонные бомбы Диктор подсказывает за кадром, что каждый «Веллингтон» способен нести три таких бомбы на большие дистанции, вплоть до 3 тысяч миль. Мультипликация показывает пунктиром путь бомбардировщиков. Сталин стискивает зубами черенок трубки. Баку! Вот в чем дело! Или ты останавливаешь свои войска в Финляндии, или мы бомбим Баку! Ты остаешься без нефти и в состоянии войны с нами, англичанами.

В тучах песчаной пыли «Веллингтоны» поднимаются в воздух. Но Сталин уже не смотрит. Он приказывает зажечь свет и начинает набивать табаком трубку…

Командование Северо-Западного фронта охватывает шок: Сталин приказывает остановить войска. Тимошенко считает, что виной этому его бездарность, его неспособность взять Выборг! Он унизил великого вождя, вынудив его к мирным переговорам с ничтожным противником. Что же теперь будет с ним самим? Совершенно потеряв голову, он вместо приказа о прекращении огня отдает приказ о еще одном штурме Выборга.

11 марта финская делегация в составе замминистра иностранных дел Рути, члена финского сейма Паасикиви и генерала Вильдена прибывает в Москву, и на следующий день, 12 марта, подписывается мирный договор. С советской стороны его подписывают Молотов, Жданов и командарм Василевский.

По новому договору к СССР отходил весь Карельский перешеек, включая Выборг. Граница была возвращена к линии, определенной Ништадтским мирным договором 1721 года в славные времена Петра Великого. Кроме того, СССР получил ряд островов в Финском заливе, финские части полуостровов Рыбачий и Средний, область Петсамо. А что же «правительство» Отто Куусинена? О нем никто больше не вспоминал, как будто его и не существовало.

Итак, договор был подписан. Начиная с четырех часов утра советское радио, вопреки обычному ночному молчанию, ежечасно передавало текст договора. В это же время Сталин, связавшись по телефону с командованием Северо-Западного фронта, ругаясь матом, требовал от Тимошенко и Мерецкова взять Выборг любой ценой. Время еще было: по протоколу, приложенному к договору, военные действия должны были быть прекращены 13 марта в 12.00.

В 6 часов утра, зная о подписании мира, красноармейцы пошли на штурм города, который по статье II договора уже отошел к СССР. Шесть часов шел кровопролитнейший ожесточенный бой. Удар наносился со стороны старого кладбища через железнодорожный вокзал. Несмотря на огромную концентрацию живой силы и техники, взять Выборг так и не удалось. Ровно в 12.00, как и предусматривал договор, стороны прекратили огонь. Финны начали отход. Так Сталин отомстил за унижение, которому его подвергли англичане: за шесть часов боя было потеряно еще 862 красноармейца. Не раздражайте вождя!

Но Сталин был не просто раздражен – он был потрясен. И дело было не в том, что на полях сражений Финской войны Советский Союз ярко продемонстрировал полную бездарность военного руководства, полную беспомощность армии в решении элементарных оперативно-тактических задач. Дело было даже и не в кошмарных потерях и не в том, что СССР потерял остатки своего международного престижа, а в том, что Сталин с ужасом

осознал – с такой армией осуществить операцию «Гроза» невозможно. Не до жиру – быть бы живу! [15]

Лейб-медики вождя констатировали у вождя предынфарктное состояние. Они просили, чтобы вождь прекратил свое неумеренное курение и отдохнул хотя бы недели две. Сталин мрачно отмахнулся. Нет-нет! Не сейчас. Необходимо полностью реформировать армию.

Он гонит с поста наркома обороны своего любимца Ворошилова и назначает на его место Тимошенко. Сталину понравилось, как Тимошенко рвал линию Маннергейма, заваливая ее трупами. Решительный человек. С таким можно работать! Вместо ожидаемого расстрела Тимошенко получает звание маршала и Героя Советского Союза.

Глава 4. Аппетиты растут во время еды

Тимошенко вызван на срочное заседание Политбюро, где Сталин и объявил ему о новом назначении. По мнению вождя, у его друга Ворошилова не хватало твердости, избыток которой он заметил у Тимошенко.

Мельком взглянув на сводку потерь, Сталин не нашел их чрезмерными. Неправильный подбор кадров и плохая дисциплина – вот что, по мнению Сталина, явилось причиной неудач в войне. Тимошенко следовало срочно обратить внимание именно на эти два вопроса. Но, в конце концов, резюмировал вождь, мы добились своей цели, ибо обеспечили безопасность наших северных границ и в первую очередь Ленинграда [16].

Столь вдохновляющие результаты войны были скрыты не только от общественности, но и от армии. Газеты фактически не освещали ход боевых действий, концентрируя свое внимание на героических эпизодах – истинный и выдуманных – связанных с отдельными солдатами или летчиками. Печатались порой, занимая всю газету, списки награжденных. Затем последовали короткие репортажи о «победе» на линии Маннергейма, а затем неожиданное сообщение о заключении мира. Произошел и обмен военнопленными. 986 финских пленных были переданы на родину через КПП севернее Выборга. Советских пленных – изможденных обмороженных инвалидов – везли домой на санитарных поездах, к которым никого не подпускали. Часть из них была выгружена на Финляндском вокзале в Ленинграде и глубокой ночью они промаршировали на Московский вокзал, откуда эшелоны-товарняки отправили их навсегда в безвозвратные лабиринты ГУЛАГа. Домой не вернулся никто. В течение 1940 года их семьи также были высланы из крупных городов [17].

Однако не это беспокоило товарища Сталина. Его злопамятное сердце жгло оскорбление, нанесенное англичанами, и, поглаживая усы, вождь готовил коварному Альбиону жестокую месть, естественно, руками романтика-Гитлера. 30 марта Молотов, выступая на Верховном Совете обрушивается на англо-французов с гораздо большим пылом, чем раньше.

У него есть все причины для ярости. Прогитлеровская политика СССР привела к тому, что лопнуло терпение даже у благодушных французов. Французские коммунисты, ретиво выполнявшие приказы из Москвы – поддерживать «правое дело Гитлера», уже начали в открытую разлагать армию и рабочих. Их деятельностью дирижировало советское посольство в Париже, также нисколько не стесняясь своего дипломатического статуса. В условиях военного времени правительство Франции вынуждено было принять решительные меры, дабы предотвратить полное разложение фронта и тыла. Деятельность коммунистической партии в стране была запрещена, ряд коммунистов арестованы. Полиция провела обыски в торговом представительстве СССР и в ряде других помещений, принадлежавших различным советским организациям. В результате «загорелась шапка» на самом советском после Якове Сурице, которого прошлось срочно отозвать.

Не лучше обстояло дело и в Лондоне, где от Ивана Майского, по его собственным словам, шарахались, «как от зачумленного». Майский уже несколько раз предупреждал

Москву, что англичане ждут от него любого неосторожного слова, чтобы выслать из страны без всяких церемоний.

Прекрасно зная, что только неизбежная перспектива войны с Англией заставила Сталина заключить мир с Финляндией, Молотов, упоенный собственной ложью, вдохновенно вещает депутатам, каким ударом для Чемберлена было заключение Советским Союзом мира с Финляндией. Видимо, англичане надеялись, что финны оккупируют СССР по меньшей мере до Урала. Но не вышло, господа! При одном слове «Англия» или «англичане» Молотов, что для него совсем нехарактерно, срывается на угрозы, вынимает аккуратно сложенный платок, вытирает уголки губ. Пьет воду. Он-то знает, какой кус добычи англичане вытащили прямо из пасти Советского Союза. Но великий Сталин – не из тех людей, которых можно унижать безнаказанно.

Москва уже получила информацию о предстоящей высадке немецких войск в Норвегии. Осознавая риск, связанный с высадкой морского десанта в водах, кишащих боевыми кораблями английского флота, немцы попросили Сталина (по другой версии – Сталин сам предложил) разместить в Мурманске часть десантных сил и сил обеспечения. Под покровом снежных зарядов февральской ночи в Кольском заливе сосредоточились дна набитых солдатами войсковых транспорта и самый крупный танкер кригсмарине «Ян Веллем». По замыслу планировщиков операции «Везерские учения», появление этого десантного эшелона с направления, о котором англичане не подозревают, должно гарантировать успех операции. Англичане получат хороший урок. Кроме того, пора уже разобраться с надоевшей английской авиабазой в Мосуле – этим дамокловым мечом, висящим над советскими нефтяными промыслами в Баку. Что ни случись – англичане тут же вспоминают про эту ахиллесову пяту СССР. Но как дотянуться до Ирака? У немцев пока нет самолета, способного достать до Мосула. Сталин консультируется с разведкой: нельзя ли что-нибудь сделать по линии национально-освободительного движения колониальных народов в борьбе против империалистов-угнетателей?

Советская разведка переживает тяжелое время. И Сталин в порядке самокритики не может не признать, что тут есть и его вина. Еще Ленин, со свойственной ему гениальной прозорливостью, разделил советскую разведку на три примерно равные части: разведку Коминтерна, разведку ВЧК-ГПУ и разведку генштаба РККА, или ГРУ. Ильич считал, что действия этих разведок, а в равной степени и неизбежный между ними антагонизм станут краеугольными камнями, на которых незыблемо покоиться фундамент пролетарского государства. Ревниво наблюдая друг за другом, разведки предотвратят даже теоретическую возможность скатиться любой из них до заговора против диктатуры пролетариата, даже если эта диктатура будет сведена к диктатуре пролетарских вождей. Полностью соглашаясь с Лениным в принципе, Сталин тем не менее имел здесь свою точку зрения. Коминтерн вождь не любил, поскольку считал эту организацию одним из орудий всемирного еврейского заговора. До конца своих дней он так и не смог толком понять: кто кого придумал – Ленин Коминтерн или Коминтерн Ленина.

Постоянно жиреющее ОГПУ-НКВД постепенно подмяло под себя все разведывательные структуры Коминтерна, но попытка Менжинского и Ягоды проглотить заодно и ГРУ была пресечена самым решительным образом. Благодарное ГРУ первым засветило чудовищный заговор, созревший в недрах ГПУ и получивший известность под названием операции «Трест». Мстительный НКВД не остался в долгу и на волне так называемого дела Тухачевского буквально размазал ГРУ по стенке.

В суете «организационных мероприятий» 1937-1938 гг. руководство обеими разведывательными организациями попало в руки Ежова, что Сталин в очистительном угаре тех героических дней «социалистического ренессанса» поначалу просмотрел. Ежов,

однозначно понимая свою высокую миссию, начал отзывать разведчиков из всех стран мира и без промедления ставить их к стенке. В ответ разведчики стали повально сдаваться западным контрразведкам, где только могли. Знаменитый советский резидент Кривицкий метался по Соединенным Штатам в поисках хоть какого-нибудь аналога тайной полиции, кому можно было бы сдаться, но не найдя такового, сдался в итоге… журналу «Лайф».

Разоблачений, с которыми выступили на страницах западной печати бежавшие советские резиденты и дипломаты, включая собственного секретаря Сталина, тоже, к счастью, никто не услышал, а кто и услышал, тот не поверил: уж больно невероятные вещи рассказывали «пролетарские» бойцы-дезертиры.

Став одновременно главой НКВД и ГРУ, Ежов, по справедливому мнению многих историков, не мог даже теоретически оставаться живым, хотя сам этого почему-то не понимал. Однако ликвидация Ежова была лишь мелким «организационным вопросом», решением которого было невозможно восстановить практически разгромленную разведку. Многие связи и каналы прервались, многие засорились настолько, что уже было непонятно, какой именно разведке они принадлежат. Старые источники информации оказались под шумок перевербованными, а новые источники казались подозрительными. Вождь полностью потерял доверие к разведке и пользовался ею в качестве консультативного органа без права голоса.

И вот такое простое дело, как проклятый английский аэродром в Ираке, вдруг вылилось в проблему. После бегства на Запад советского ближневосточного резидента Агабекова дела в этом регионе оказались в состоянии полного запустения. По документам удалось установить, что у Агабекова на жалованьи находился некий Али Рашид Гальяни – один из визирей дивана, созданного при регентском совете после смерти эмира Фейсала. Существовало, однако, опасение, что Али Рашида, пока он был «бесхозным», перекупили немцы. Но что бы там ни было, он известен своими резкими антианглийскими настроениями. Следовало бы подбросить ему оружия через Иран и попросить наших немецких друзей о содействии. Если советско-германская дружба на море расцветала на Кольском полуострове, то на суше она цвела по линии Гестапо – НКВД, и родственные «конторы» уже оформили «Общество дружбы» и не отказывали друг другу в мелких услугах и одолжениях. Немцы, которых английская авиабаза в 60 км от Багдада тоже мало радовала, твердо обещали помочь. Сталин был тронут.

Чтобы как-то сгладить то жалкое впечатление, которое оставила сталинская армия в период зимней войны, был продуман ряд эффектных и шумных мероприятий. 4 апреля депутаты Верховного Совета утвердили новый военный бюджет. На следующий день «Правда» ликующе сообщала в передовой статье:

«Верховный Совет утвердил государственный бюджет СССР на 1940 год. С величайшим энтузиазмом делегаты проголосовали за крупное увеличение наших расходов на оборону. Наша страна должна иметь более мощную Красную Армию и Флот, чтобы охладить пыл поджигателей войны. Пятьдесят семь миллиардов рублей, которые будут потрачены на усиление нашей обороны, помогут Красной Армии и Флоту решить любые проблемы, связанные с безопасностью нашего государства».

57 миллиардов рублей, разумеется, были цифрой липовой. Почти весь государственный бюджет, прямо или косвенно, тратился на военные нужды. Разворачивалась еще невиданная в мире танковая программа. Новые дизельные танки Т-34 и КВ не имели аналога ни в одной армии мира. Конвейером шли новые модели самолетов бомбардировочной и истребительной авиации. На совершенно секретных полигонах проходили испытания новейших реактивных установок. Рос химический и бактериологический боезапас. В грохоте клепальных молотов и

сполохах электросварки поднимались на стапелях новые боевые корабли. Конвейером шли с заводов подводные лодки В Николаеве уже под верхнюю палубу поднимался гигантский корпус новейшего линкора «Советская Украина». В Молотовске заложен линкор «Советская Белоруссия».

Вновь назначенный нарком обороны Семен Тимошенко обозрев доставшееся ему ворошиловско-ежовское наследство, отдал свой первый и наиболее известный приказ за номером 120, в котором говорилось: «Учить войска только тому, что нужно на войне, и только так, как делается на войне!» Но это было легче сказать, чем сделать. В принципе, из-за низкой оснащенности вооруженных сил транспортными средствами, новая система боевой подготовки в основном сводилась к изнурительным маршам пехоты, массами которой и хотели завоевать весь свет. В весеннюю распутицу, в летнюю жару и зимнюю стужу пехоту изнуряли марш-бросками, требуя суточных переходов до 100 километров вместо уставных 45-и.

«Без хорошей пехоты, – басил Тимошенко на совещании командующих округами, – в современной войне победы не достигнешь. Отличную пехоту нужно иметь не на словах, а на деле».

Кто это придумал – сам Тимошенко или ему подсказал Сталин – неизвестно, но результаты тут же начали сказываться. Все новое пополнение гнали в пехоту. Формирование танково-механизированных корпусов резко затормозилось. Некоторые танковые корпуса были переформированы в пехотные. С огромным недобором личного состава оказались авиация, артиллерия, инженерные войска.

Пока Тимошенко проводил военные реформы в Советском Союзе, в Германии шла лихорадочная подготовка к десанту в Норвегию. Советский Союз, знающий в качестве сообщника все детали предстоящей операции, ждал затаив дыхание. Англичане, видимо, знали обо всем еще лучше поскольку читали немецкие коды свободно, как бульварные романы [18].

7 апреля легендарная польская подводная лодка «Ожел», наделавшая столько шума на Балтике в сентябре 1939 года, когда за ней гонялись противолодочные соединения немецкого и советского флотов, начала Норвежскую операцию, утопив набитый десантниками немецкий транспорт «Рио-де-Жанейро». Транспорт с десантом шел в сторону Нарвика, о чем лодка немедленно доложила командующему флотом метрополии – адмиралу Форбсу. В тот же день англичане начали минировать норвежские воды.

Рано утром 9 апреля жители Копенгагена, ехавшие на велосипедах на работу, неожиданно оказались среди колонн немецких солдат, марширующих к королевскому дворцу. Сначала датчане решили, что идет съемка кинофильма. Через несколько минут дворцовая охрана открыла огонь, немцы ответили. Перестрелка продолжалась недолго. Появившийся адъютант короля приказал дворцовой охране прекратить огонь. Немцы заняли дворец. Дания оказалась оккупированной в один день. Сама по себе она не представляла никакой ценности, но ее фланговое положение в Северном море сделало необходимым по мнению немецких стратегов, ее оккупацию перед вторжением в Норвегию,

В тот же день под покровом шторма и снеговых буранов немцы высадили в Норвегии морской и воздушный десанты. Однако все быстро пошло совсем не так, как планировалось. Хотя Квислинг клятвенно уверял немцев, что вся норвежская армия на их стороне и не окажет никакого сопротивления, все эти клятвы, как обычно, оказались блефом.

Немцы, бросившие в Норвежскую операцию практически все наличные силы своего надводного флота, понесли тяжелые потери. При форсировании Осло-фиорда норвежскими береговыми батареями был потоплен тяжелый крейсер «Блюхер», ушедший в ледяные воды фиорда со всем экипажем. В самом Осло, где еще до высадки немецкого воздушного десанта все ключевые позиции были захвачены людьми Квислинга, немцев ждало большое

разочарование. Английская диверсионная группа, возглавляемая Нильсом Григом – племянником знаменитом композитора – прямо из-под носа немцев и коллаборационистов похитила золотой запас страны. В одной из тихих бухт золото было быстро перегружено на английский крейсер «Галатея» и отправлено в Великобританию.

Между тем на сцене появился английский флот. Задержавшийся в фиорде крейсер «Кенигсберг» попал под удар самолетов с английского авианосца «Фьюриос», став первым кораблем второй мировой войны, потопленным авиабомбами. «Карманный» линкор «Лютцов» – бывший «Дойчланд», переименованный по личному приказу терзаемого мрачными предчувствиями Гитлера – с оборванной торпедами кормой с трудом был отбуксирован на базу. Крейсер «Карлсруэ», перехваченный английской подлодкой, перевернулся и затонул со всем экипажем. Один за другим тонули транспорты под ударами английской авиации и эсминцев. Ворвавшиеся в гавань Нарвика английские эсминцы устроили там настоящий погром – один за другим шли на дно немецкие транспорты, горели миноносцы. Два единственных немецких линкора – «Шарнхорст» и «Гнейзенау», направленные в море для осуществления дальнего прикрытия десанта, были перехвачены английским линейным крейсером «Ринаун». Пятнадцатидюймовые снаряды с «Ринауна» стали рвать на куски «Гнейзенау». Непроницаемый снежный заряд скрывает противников друг от друга. Воспользовавшись этим, немцы быстро отходят на базу, кореж корпуса о лед. Через два дня инициатива снова перешла к англичанам, и они высаживают десанты в Нарвике и Тронхейме. Немецкие гарнизоны, отрезанные морем от Германии, попадают в отчаянное положение. В Тронхейме тяжелый крейсер «Адмирал Хиппер» – собрат потопленного «Блюхера» поврежден таранным ударом английского эсминца «Глоуорм». Английские десантники, поддержанные огнем своих крейсеров, прижимают немцев к воде. Два эскадренных танкера – «Каттегат» и «Скагеррак» – пытавшиеся пробиться на помощь к «Хипперу», идут на дно под огнем английских кораблей. И тут происходит чудо. Неизвестно откуда появляются два транспорта с десантниками и огромный танкер «Ян Веллем». Быстро высадившиеся на берег солдаты с ходу вступают в бой и отбрасывают англичан от Тронхейма. «Ян Веллем» снабжает мазутом отряд «Адмирала Хиппера» и спешит к Нарвику, где обстановка для немцев складывается почти катастрофическая.

В пылу боя никто не задает вопроса, откуда появился «Ян Веллем» и два транспорта с десантом. Кому положено – тот знает, что они пришли из Мурманска! Но Нарвик уже блокирован англичанами с моря и с суши. На головы горных егерей обрушиваются пятнадцатидюймовые снаряды вошедшего в фиорд английского линкора «Уарспайт». Ветеран Ютландского боя снова заговорил с немцами на единственно понятном им языке.

Застрявшая в Нарвике флотилия немецких эсминцев уже израсходовала все топливо. Отчаянная попытка «Яна Веллема» прорваться к ним на помощь окончилась трагически. Расстрелянный в упор английскими эсминцами огромный танкер, объятый пламенем, выбрасывается на берег, где его гигантский черно-красный корпус ржавел до начала 50-х годов.

Потеряв последнюю надежду, немецкие моряки приняли решение затопить свои эсминцы и, сформировав отряд морской пехоты, пойти на сухопутный фронт помогать окруженным горным егерям. На этом этапе операции английский флот понес минимальные потери, но на каждый потерянный эсминец англичане построили в течение войны десять. Тяжелые и неоправданные потери немецкого флота были невосполнимы. К комплексу Скапа-Флоу прибавился и комплекс Норвежской операции.

«Поздравляю с блестящей высадкой», – льстиво телеграфирует из Москвы Молотов Риббентропу. Берлин ничего не ответил, ибо по поводу «блестящей высадки» Гитлер устроил истерику Редеру и Кейтелю. Он надеялся совсем на другое, но он обманывал себя и был обманут. Нет, нет, нет! С англичанами нельзя связываться на море! Десант в Норвегии обречен. Он подло обманут! Квислинга расстрелять, ибо он заманил нас в английскую

ловушку. Генералу Дитлу немедленно дать приказ прорываться со своими войсками в Швецию и там интернироваться. Это лучше, чем они все погибнут или попадут в плен к этим гнусным евреям – англичанам! Гитлер в истерике, он не желает слушать никаких оправданий. В приступе удушья он рвет на себе галстук. За неполных четыре месяца нынешнего года уже погибло 14 подводных лодок! Причем одна из них потоплена палубным гидросамолетом с английского линкора. Над немецким флотом вместе с англичанами хохочет весь мир! Где торговый флот Норвегии? Он весь захвачен англичанами! Где золотой запас? Во имя чего мы обескровили флот?! Редер молчит, ибо сказать ему нечего. Он предупреждал фюрера, что до выполнения плана «Зет» было бы безумием бросать вызов англичанам на море. Разве Гитлер не обещал ему, что до выполнения этого плана войны с англичанами не будет. Поди, скажи ему об этом сейчас…

Измучив себя истерикой, Гитлер падает в кресло, массируя рукой горло. Из-за тяжелой портьеры появляется высокий неряшливо одетый человек – доктор Теодор Морелль, личный врач фюрера. Со шприцем в руке он подходит к Гитлеру. Детская доверчивость и испуг вспыхивают в глазах диктатора. Он быстро и послушно засучивает рукав коричневой партийной рубахи. Генералы закрывают глаза – игла впивается в руку фюрера. Он откидывается в кресле и сидит так несколько минут, прикрыв глаза [19].

Молчание генералов прерывает Гальдер. Подойдя к карте, он, тактично подбирая слова, характеризует создавшуюся обстановку как сложную, но далеко не безнадежную. Тяжелое положение, в которое армия попала в Норвегии по причине слабости кригсмарине, можно легко компенсировать простым переносом центра тяжести операций с северо-востока на запад. Если фюрер отдаст приказ о наступлении на западе, то англичане наверняка будут вынуждены перебросить основные силы своего флота ближе к каналу, ослабив тем самым давление на Норвегию, что позволит сделать очередную попытку деблокировать окруженные части в Нарвике и Тронхейме. Это первое. Второе: как фюреру, конечно, хорошо известно, в настоящее время изыскивается возможность снабжения Нарвика по суше через территорию Швеции. Успешное наступление решит норвежский вопрос автоматически. Гальдер уверен, что все его коллеги разделяют эту точку зрения.

Облокотившись руками о стол, Гитлер несколько минут рассматривает карту и поднимает глаза на Гальдера: «Через Бельгию и Голландию?» Гальдер молча пожимает плечами. «Что у нас остается на Востоке?» «Семь дивизий, мой фюрер».

Гитлер начинает возбужденно мерить нервными шагами огромный кабинет. Семь дивизий! Смешно! А если кремлевский людоед всадит нам топор в затылок? Он не сделает этого! Почему? Он способен на любую подлость и преступление! Нет, мой фюрер. Советы сейчас не способны предпринять крупномасштабные военные акции. Они слишком истекли кровью в борьбе с доблестными финнами. Они реорганизуют армию. У них много дел. Гитлер смотрит на Риббентропа. Тот согласен с мнением военных. Более того, он уверен, что Сталин рассматривает соглашение с Германией не как клочок бумаги, а как союз социалистических государств против еврейско-плутократических демократий.

Резким движением руки Гитлер прерывает своего министра иностранных дел. Воспитанный в духе австрийской сентиментальности, Гитлер искренне верит в идейную дружбу. Он страдает и просто плачет, когда жизнь преподносит ему жестокие уроки в виде вероломства и продажности вчерашних друзей, вроде Рема и Штрассера. Презирая итальянцев, он искренне любит Муссолини. Ненавидя большевизм из-за огромного количества евреев в его рядах, он искренне восхищается Сталиным.

Гитлер понимает шестым чувством неврастеника, что если Муссолини – личность гораздо мельче его, то Сталин – фигура гораздо более крупная. Он это понимает сердцем и понимает правильно, но голова бунтует, порождая новые комплексы в его и так насквозь закомплексованной натуре, заставляя предпринимать нечто такое, что поразило бы или даже ошеломило московского друга и подняло его, Гитлера, до уровня владыки Кремля.

Нет, он ничего не может сказать. Сталин корректен до предела. Поставки в Германию идут бесперебойно. Более того, Сталин держит свое слово и обеспечивает ему, Гитлеру, моральную поддержку во всем мире. Взять хотя бы коммунистов Франции. Все-таки сталинской всемирной организации просто позавидуешь! Какая дисциплина! Ведь кажется, французские коммунисты – французы по национальности, по крови. А получили приказ из Москвы, – и что? Как бульдоги вцепились в задницу собственной страны. Агрессивная война против Германии! Она чужда рабочему классу! Солдаты, не выполняйте приказов ваших офицеров-буржуев. Рабочие, бастуйте, чтобы сорвать военные заказы правительства! По сведениям разведки, во французской армии резко возросло дезертирство, многие части ненадежны, тыл разваливается.

Или взять Швецию. Советская разведка сперва распустила через свои каналы слух о неминуемом немецком вторжении в страну, а потом опубликовала официальное заявления о заинтересованности СССР в сохранении и упрочении шведского нейтралитета. А под шумок всего этого удалось договориться со шведами на пропуск через их территорию эшелонов со снабжением и подкреплениями для горных егерей Дитля.

Нет, Сталин, кажется, искренне симпатизирует целям Германии. Риббентроп прав: Сталин ненавидит западные демократии и от всего сердца вносит свою лепту в их уничтожение. Хорошо, рискнем! Гитлер выпрямляется. Генералы стоят по стойке смирно. Гитлер еще раз бросает взгляд на карту и назначает наступление на Западном Фронте на 9 мая 1940 года…

1 мая Москва просыпается от рева труб и барабанов. Гремят марши. На Красной площади ровными прямоугольниками застыли войска – отборные, выделенные для парада части.

Новый нарком обороны Тимошенко, демонстрируя кавалерийскую выучку, объезжает войска и поздравляет их с праздником. Тысячеголосое «ура!» летит над площадью, спугивая голубей со шпилей исторического музея.

Но Сталин не смотрит ни на серо-зеленые шеренги войск, вопящие «ура!» перед белым конем нового наркома, ни на прекрасные купола, глядя на которые, некогда осенял себя крестным знамением его любимец Иван Грозный. Сталин не смотрит – Сталин думает, прохаживаясь за спинами членов Политбюро, посасывая, по обыкновению, потухшую трубку.

Советская разведка прислала сообщение, что 9 мая немцы начнут наступление на Западном фронте. Что делать? Накануне он провел совещание с лицами, посвященными в замысел операции «Гроза», число которых, к сожалению, неуклонно росло, вызывая опасение о возможной утечке информации. Кроме Шапошникова и Мерецкова, пришлось посвятить в план Тимошенко, Жданова и Берию. Прикинули, и получилось, что немцы смогут оставить в Польше для прикрытия дивизий пять-восемь. Шапошников подумал и сказал, что, видимо, оставят семь. Ну, семь или восемь, это не принципиально. Мерецков, захлебываясь от возбуждения, предложил нанести удар на следующий день после начала немецкого наступления. Даже у всегда уравновешенного Шапошникова загорелись глаза. Сталин никогда не видел его таким. Военные стали убеждать вождя, что по всем расчетам немцы смогут оказать эффективное сопротивление Красной Армии только за Берлином. Они гарантируют взятие Берлина максимум через две недели после начала операции.

Сталин слушал внимательно, сдерживая накатывающийся гнев. Две недели! Не они ли обещали ему взять за две недели Хельсинки?! Не они ли позорили его на весь мир, а сейчас обещают за две недели взять Берлин! Никто не заметил, что случилось нечто страшное. Сталин, который *никогда не доверял своей армии как политической организации, после финской войны перестал доверять ей и как военной силе.*

Конечно, на карте «Гроза» выглядит прекрасно. От западного выступа Белостокского балкона до Берлина рукой подать. Вспомогательные удары по Восточной Пруссии и Дании,

захват побережья, соединение с наступающим англо-французами где-то за Берлином. Еще более заманчиво выглядит Львовский балкон. Коротким ударом Чехословакия отрезается от Рейха, рывок через Румынию, дорога на Балканы открыта, создавая возможность флангового обхода французов, захвата северной Италии и вторжения в южную Францию. Десант в Дарданеллы. Сталин закрывает глаза, и перед ним встает образ земного шара, украшенный «Серпом и Молотом» – совсем как на государственном гербе СССР. Золото швейцарских банков, уплывающее в Москву, как уже произошло с золотым запасом Испании. («Ничего не получится, – сказал ему кто-то из советников, – швейцарская армия уйдет в горы и спрячет там золотой запас». Ничего, они быстро спустятся с гор, когда мы начнем проводить репрессивные мероприятия с их родственниками.) Во всемирном масштабе будет осуществлен гениальный призыв Ленина: «Грабь награбленное!», воздвигнем памятник великому учителю в центре Берлина. Жаль, что нельзя сделать конный… Сталин открывает глаза и ловит обрывок фразы Шапошникова: «Почти все танки оборудованы сменными автомобильными шасси. При выходе на европейские автострады это позволит намного увеличить темпы наступления…»

«Посмотрим, – говорит вождь генералам. – Армию приведите в порядок, времени мало…»

Приводить армию в порядок надо с головы. На столе У Сталина уже лежит подписанный указ о введении в РККА персональных воинских званий. Командармы, комкоры и комдивы, овеянные романтикой гражданской войны, навсегда исчезнут из рабоче-крестьянской армии, уступив место добротным, испытанным веками чинам старой императорской России. Генералы, адмиралы, полковники, капитаны всех рангов с 7 мая 1940 года составят офицерский корпус армии и флота, облагодетельствованный к тому же и крупным повышением в окладах.

Указом от того же 7 мая Шапошников, Тимошенко и Кулик были произведены в маршалы Советского Союза.

В тот же день новоиспеченный маршал Тимошенко собрал совещание по вопросам военной идеологии, где были заслушаны доклады о состоянии дисциплины и боевой подготовки в РККА. Открывая совещание, замнаркома генерал Проскуров откровенно заявил: «Как ни тяжело, но я прямо должен сказать, что такой разболтанности и низкого уровня дисциплины, как у нас, нет ни в одной армии!» «Правильно!» – раздались голоса из зала.

Ни для кого из присутствующих не было секретом, что в армии идет беспробудное пьянство, ставшее причиной 80% всех ЧП в авиации и на флоте. Еще в декабре 1939 года нарком Ворошилов издал секретный приказ «О борьбе с пьянством в РККА», где призывал созвать во всех полках, эскадронах, эскадрильях и на кораблях совещания командного и начальствующего состава, на которых в «полный голос сказать о всех пьяных безобразиях, осудить пьянство и пьяниц, как явление недопустимое и позорное».

Однако в связи с тем, что приказ был помечен грифом секретно, его практически не довели до сведения личного состава, продолжавшего пьянствовать и пропивать казенное имущество в катастрофических количествах. Рядом с пьянством процветало небывалое воровство казенного имущества. Почти во всех частях имел место преступный сговор командиров с комиссарами, или вместе пьянствующих, или вместе ворующих, или совмещающих то и другое, что было чаще всего. Выборочные следственные дела по поводу печальной войны с финнами показали что, скажем, 374-й пехотный полк 7-й армии, прибывший на Карельский перешеек в декабре 1940 года, по вещевым аттестатам был полностью снабжен зимним спецобмундированием, т.е. тулупами, полушубками, шерстяным бельем, валенками и даже пимами из оленьего меха. Весь личный состав полка расписался в получении вещевого довольствия. Но следствие быстро выяснило, что зимнее обмундирование было украдено прямо со складов и кому-то перепродано, а в полку его и не видели. Нет, товарищ Сталин как всегда прав – с такой армией нельзя затевать ничего

серьезного. Можно снова опозориться. Сначала нужно предпринять крутые меры по укреплению дисциплины и повышению боевой подготовки…

Пока Тимошенко, развив бешеную деятельность, создавал комиссии по ужесточению дисциплинарного устава, по усилению программ боевой подготовки, по созданию новых оборонных предприятий и новых военно-учебных заведений, Сталин, Шапошников и Мерецков, затаив дыхание, ждали развития событий на Западе. Комкор Пуркаев, ставший отныне генерал-лейтенантом, прислал подтверждающее сообщение – немцы начнут наступление на рассвете 10 мая. Эта дата совпадала со всеми данными, полученными советской разведкой по другим каналам через Рим, Гаагу, Брюссель и, конечно, Берлин.

9 мая в 21.00 начальник штаба германских ВВС генерал Ешонек доложил фюреру, находившемуся в своем личном поезде, что авиация готова к выполнению задачи, а синоптики гарантируют в течение ближайших дней отличную летную погоду. Выслушав сообщение, Гитлер приказал передать всем высшим штабам условный сигнал «Данциг», означавший, что наступление назначено на следующее утро.

10 мая в 05.30 ставка Гитлера располагается в горном районе Мюнстерэйфель, получив условное название «Гнездо на скале» – «Фельзен нест». В этот момент немецкая авиация двух воздушных флотов наносит удар по аэродромам союзников. В 05.35 наземные войска пересекают границы Голландии, Бельгии и Люксембурга. В ушах солдат звучат только что переданные по радио слова Гитлера: «Начинающаяся сегодня борьба определит судьбу германской нации на следующую тысячу лет!» Речь фюрера заглушается ревом моторов: вторая волна немецких бомбардировщиков наносит удар по французским и английским штабам, узлам связи и коммуникациям.

Французское командование в соответствии с планом, выработанным задолго до войны, двинуло 35 французских и 10 английских дивизий в центральную Бельгию навстречу армейской группе «Б» генерала фон Бока, не понимая при этом, что подставляет тыл своей сильнейшей группировки под удар главных сил вермахта. Надо сказать, что этого не понимали и немцы. Вопреки общепринятому мнению, немцы не только не обладали каким-то численным превосходством над союзниками, но в действительности их армии были значительно малочисленнее армий противника. И танков у них было меньше, да и сами танки значительно хуже, чем у французов и англичан. Но в немецкой армии был вдохновенный поэт танковой войны генерал Гейнц Гудериан и воспитанные им генералы Гот, Рейнгарт и Манштейн.

Как и в польскую войну, Гудериан командовал всего лишь танковым корпусом, входившем в танковую группу генерала Клейста в составе группы армий «А» фельдмаршала Рундштедта. Перед началом наступления Гудериан тщетно пытался убедить своих начальников разрешить ему и Готу нанести удар через Ардены с выходом на берег Мааса, прорвав фронт французов в наиболее уязвимом, по его мнению, месте – в предгорьях лесистых Арден. Рундштедт и Клейст не видели в этом большого смысла, предлагая свои варианты прорыва с обязательным поворотом на восток в тыл англо-французской группировке. Гудериан почтительно слушал, но решил еще раз на практике доказать закостенелым кайзеровским генералам, что такое современная война. Перевалив через Ардены, танки Гудериана за двое с половиной суток, к полному изумлению Рундштедта и Клейста и великому ужасу Гальдера, оставив за собой 120 километров, вышли на берег Мааса под Седаном. Напрасно Рундштедт и Клейст требовали Гудериана немедленно остановиться, позаботиться о своих флангах, подождать артиллерию и пехоту. С ходу форсировав Маас, отразив запоздалую контратаку французов, Гудериан неожиданно повернул на запад. К исходу следующего дня его танки прорвали последнюю оборонительную позицию противника и открыли себе путь на запад – к побережью Па-де-Кале.

Разрезанная танковыми клиньями Гота и Гудериана французская армия разваливалась на глазах. Руководство войсками нарушилось. Английский экспедиционный корпус стал

откатываться к побережью в направлении Дюнкерка. Успех был столь неожиданным, что немецкое командование в него не поверило и не было готово к его реализации. Гальдер беспокоился о несуществующем стратегическом резерве французов, ожидая, когда его введут в действие. Гитлер, по обыкновению, психовал, боясь небывалого успеха. Ему мерещились какие-то французские части на южном фланге. Взвинтив себя до предела, он потребовал немедленно остановить Гудериана. Рундштедт и Клейст засыпали Гудериана радиограммами, требуя остановиться. Гудериан продолжал идти вперед, координируя действия Гота и Рейнгарта. Взбешенный Гитлер приказал отстранить Гудериана от командования, арестовать, доставить в Берлин для суда.

Не в силах сдержать беспокойство, Гитлер 17 мая прибыл на командный пункт группы армий «А» и устроил разнос Рундштедту за опрометчивость и неосторожность. Он приказал немедленно остановить наступление и перегруппировать силы. Но тут в дело вмешалось ОКВ, которое постепенно поняло замысел Гудериана и тут же издало под этот замысел новую директиву. Гитлер бы категорически против. Кейтель, Йодль и Рундштедт пытались уже хором переубедить фюрера.

Пока в верховном руководстве шли яростные споры, Гудериан утром 20 мая, отрезав линии снабжения левому крылу союзных войск в Бельгии, вышел к морю вблизи Абвиля. Затем Гудериан стал продвигаться дальше на север, к портам Па-де-Кале, в тыл английской армии, которая еще находилась в Бельгии, сражаясь с армиями фон Бока. 22 мая войска Гудериана отрезали пути отступления англичанам к Булони, а на следующий день – к Кале. Англичане стали спешно отводить свои силы к Дюнкерку – последнему порту, оставшемуся в их руках. Бельгия, Голландия и Люксембург капитулировали. Остатки французских войск в панике отступали на юг, открывая немцам дорогу на Париж. Под стрессом надвигающейся военной катастрофы пало правительство Чемберлена. Кресло английского премьера занял Уинстон Черчилль, поклявшийся сражаться до конца. Повеселевший Гитлер, поверив наконец в небывалый успех, приказал представить Гудериана к производству в генерал-полковники и отменить свои приказы о снятии его с должности и отдаче под суд [20].

Между тем танки Гудериана, продолжая продвигаться вперед, к исходу 23 мая находились уже всего в 10 километрах от Дюнкерка – последнего оплота союзников на побережье, куда отошел практически весь английский экспедиционный корпус и несколько французских дивизий. И тут произошло, на первый взгляд, совершенно невероятное событие. Танки Гудериана неожиданно остановились. Остановились и танки Рейнгарта, бравшие Дюнкерк в клещи с юго-востока. Эта остановка почему-то считается одной из тайн второй мировой войны и не просто обросла легендами, а превратилась в одну сплошную легенду, авторами которой изначально стали уязвленные немецкие генералы, никак не желавшие признать того факта, что не они остановились, а их остановили англичане.

По этой легенде, уходящей своими корнями в штаб фельдмаршала Рундштедта, в ночь с 22 на 23 мая на имя фельдмаршала поступила телеграмма Гитлера с приказом остановить войска под Дюнкерком, предоставив уничтожение англичан авиации, артиллерии и флоту, которого кстати, в этом районе не было вообще. Получив приказ, ошеломленный Рундштедт решил, что это английская провокация. Все еще хорошо помнили, как они шифром германского адмиралтейства приказали эскадре адмирала Шпее следовать к Фолклендским островам, где она и была полностью уничтожена. Поэтому фельдмаршал запросил из ставки фюрера подтверждение приказа, и это подтверждение получил. Приказ есть приказ, и Рундштедт приказал своим танкам остановиться. Лихой Гудериан, который две недели игнорировал все приказы из штаба группы армий и рвался вперед, теперь, когда под гусеницами его танков находилось более трехсот тысяч охваченных паникой англичан, т.е. в преддверии небывалого триумфа, вдруг послушно замер на месте и даже, как свидетельствуют документы, не запросил ни Рундштедта, ни Клейста о причинах этого, мягко говоря, странного приказа. Поскольку никто не мог понять мотивировки подобного приказа

фюрера, то на этой основе родилась вторая легенда, любовно слепленная советскими историками.

Беря за основу вранье немецких генералов, новая легенда утверждала, что Гитлер специально дал возможность англичанам эвакуировать свои экспедиционные силы, поскольку уже имел место сговор между ним и «правящими империалистическими кругами» Англии заключить мир и совместно обрушиться на СССР.

В действительности же все было гораздо проще: немцы вошли в зону действия корабельной артиллерии англичан, а для их «картонных» бензиновых танков это было смертельно опасно [21]. Поэтому прямо под носом у немецких танков англичане провели крупную стратегическую операцию по эвакуации своих войск в метрополию. Удары с воздуха не принесли желанного результата – слишком близко были английские аэродромы. Истребительная авиация королевских ВВС надежно прикрыла эвакуацию, что же касается флота, то он так и не появился, и поступил мудро – мощное соединение флота метрополии прикрывало подходы к проливу. Попытка Гудериана прорваться к Дюнкерку была отбита ураганным огнем корабельной артиллерии англичан: 72 немецких танка разлетелись на куски под градом тяжелых снарядов морской артиллерии, и вот тогда-то фельдмаршал Рундштедт доложил фюреру, что дальнейшее продвижение к Дюнкерку чревато большими потерями в танках. Фюрер, едва услышав об английском флоте, немедленно приказал остановить наступление на Дюнкерк. Впрочем, на этот раз никто и не собирался оспаривать его приказа, поскольку немцы уже были остановлены, а Гитлер своим приказом лишь юридически подтвердил эту остановку.

«Господство на море, – философствовал в начале века знаменитый английский адмирал Джон Фишер, – сводится к тому, чтобы в любом районе мирового океана самая проклятая развалюха под нашим флагом могла плавать спокойно и безопасно». Трудно придумать более убедительную иллюстрацию к замечанию лорда Фишера, чем эвакуацию англичанами Дюнкерка под самым носом у немцев.

В период до 4 июня англичане вывезли морем из Дюнкерка 338 226 человек. Отчаянные попытки нескольких дивизионов немецких торпедных катеров прорваться к местам посадки на плавсредства дали ничтожные результаты. Покидая берега Франции, английские солдаты бросали на побережье свои каски, целые горы которых можно было обозревать в окрестностях Дюнкерка. Немецкая, а за ней и советская пропаганда выдавали и продолжают выдавать эти пирамиды английских касок за доказательство паники, охватившей англичан, видимо, не зная, что по традиции, восходящей еще к наполеоновским войнам, брошенная каска означает: «Мы вернемся!» Одновременно с эвакуацией Дюнкерка резко изменившаяся обстановка на континенте вынудила англичан провести эвакуацию и в Норвегии, подтвердив прогноз Гальдера, что ключ к решению норвежской проблемы лежит на Западном фронте.

Деморализованная, разложенная коммунистами французская армия продолжала в панике отступать на юг. 10 июля Муссолини, набравшись храбрости, наконец решил поддержать своего берлинского кумира, объявив войну Англии и Франции. «Я лично с большим удовольствием буду бомбить Лондон», – сказал английскому послу в Риме министр иностранных дел Италии, зять Муссолини граф Чиано, имевший лицензию пилота. «Но только будьте осторожнее, граф, – сухо ответил ему английский посол, – потому что, если вас собьют над Лондоном, я буду безутешен».

Гитлер был вне себя от радости – мощный итальянский флот сулил несколько ослабить то страшное давление, которое английский флот оказывал на Германию. Пока Гитлер тешил себя подобными иллюзиями, немецкие войска продолжали наступление. 14 июня они вошли в Париж, где были восторженно встречены местными коммунистами, почему-то решившими, что за оказанные немцам услуги и в силу искренних отношений между Берлином и Москвой, им будет дозволено легальное существование с разрешением выпуска их любимой «Юманите». Быстро проведенные немцами аресты, разгром штаб-квартир и редакций

компартии окончательно сбили с толку французских коммунистов, пребывавших в прострации аж до сентября 1941 года, пока прибывший из Швейцарии Семен Каганович – кузен знаменитого Лазаря – не привез им из Москвы новые инструкции.

Французское правительство запросило Гитлера о перемирии. Призыв Черчилля – отступить в Северную Африку и продолжать войну – был проигнорирован. В Берлин уже летели не просьбы, а мольбы. Мстительный Гитлер согласился на перемирие с условием, что большая часть Франции останется оккупированной и церемония подписания перемирия произойдет в Компьенском лесу, в том самом штаб-вагоне маршала Фоша, хранимом французами в качестве национальной реликвии, где в 1918 году подписали капитуляцию кайзеровские генералы.

20 июня Гитлер прибывает в Компьен. Он взвинчен. Свершилось то, о чем он мечтал годами: отомстить за позор Компьена. Компьен отомщен! Теперь надо отомстить за Скапа-Флоу. Прямо в вагоне Фоша Гитлер отдает приказ о проведении операции «Морской Лев» – операции по вторжению в Англию. Он лично посещает нормандское побережье, раздавая кресты танкистам генерала Гота. В мощную стереотрубу фюрер смотрит через Ла-Манш. В оптической сетке смутно белеют меловые скалы Дувра. Веками неприступный Альбион! Но сейчас-то тебе пришел конец! С трудом оторвав жадный взор от окуляров стереотрубы, Гитлер, вскинув руку в партийном приветствии, идет к автомобилю. Квартет аккордеонистов, составленный из награжденных танкистов, играет любимую Гитлером сентиментальную мелодию «Донны Клары».

В Лондоне Черчилль недовольно пыхтит своей неизменной сигарой. Он был уверен, а данные разведки подтверждали, что Сталин воспользуется ситуацией и нанесет удар по Гитлеру с тыла. Надо быть просто идиотом, чтобы не воспользоваться столь благоприятным моментом. Премьер смотрит на карту Восточной Европы, переводит взгляд на Москву и говорит в адрес Сталина слова, которые буквально не переводятся, но в литературном переводе означают: «Лопух!» Полстакана коньяка возвращают Черчилля к мрачной действительности. Удалось спасти армию, но все тяжелое вооружение пришлось бросить во Франции. Ну, это дело наживное. Главное – жив флот – вековая опора мощи империи. Боже, спаси короля! Боже, спаси нашу страну! Боже, храни наш флот!

За всеми этими событиями, немея от изумления и страха, следили из Москвы. Несмотря на то, что советское правительство было полностью осведомлено о готовящихся событиях, их развитие застало Сталина и его окружение врасплох. В дополнение к исчерпывающей и не оставляющей места сомнениям разведывательной информации Сталин накануне немецкого наступления на Западе получил о нем официальное немецкое предуведомление. 9 мая граф Шуленбург передал Молотову официальное послание своего шефа Риббентропа, в котором говорилось, что Германия вынуждена предпринять оборонительные меры перед лицом явного намерения англо-французов вторгнуться в Рурскую область.

«Молотов не сомневается в нашем успехе», – радостно радировал в Берлин Шуленбург, чья бисмарковская выучка заставляла ликовать по поводу столь искреннего сближения России и Германии.

Пока гитлеровские и сталинские дипломаты обменивались сердечными любезностями, пока Гитлер, напуганный гудериановским прорывом, орал на свои штабы, не успевающие наносить на карту продвижение собственных танков, Сталин, молча попыхивая трубкой, выслушивал страстные призывы Шапошникова, Мерецкова и уже примкнувшего к ним Тимошенко начать немедленное наступление. Данные военной разведки и разведки НКВД совпадали в оценках: координированное наступление советских и англо-французских войск раздавит гитлеровский Рейх как тухлое яйцо. Причем Красная Армия успеет дойти до Эльбы.

Начальник главного разведуправления РККА генерал Иван Проскуров, кроме того, указывал, что в восточном направлении у немцев фактически нет никакой обороны.

«А если они сговорятся?» – спрашивал вождь, все еще мыслящий бредовыми ленинскими формулировками неизбежного крестового похода буржуазии против рабоче-крестьянского царства.

Напрасно генерал Проскуров с фактами в руках пытался доказать вождю, что сговор невозможен, Сталин молчал. Молчали Молотов и Жданов, боявшиеся попасть не «в масть». Финская война продолжала давить на Сталина. *По большому счету именно доблестные финны спасли Европу от захвата Сталиным в мае 1940 года* .

Долгие годы работавший с Троцким маршал Шапошников поймал себя на мысли, которую незадолго до смерти поведал своей жене, что будь на месте Сталина Троцкий, он ни минуты не колеблясь, начал бы наступление.

Уже тогда РККА почти по всем показателям вдвое превосходила вермахт. Генерал Проскуров, искренне веривший, что Красная Армия, если она прекратит беспробудное пьянство, легко может захватить весь мир, а продолжая пьянствовать, все-таки сможет захватить Европу, позволил себе неосторожность процитировать в присутствии вождя Троцкого, впрочем, не называя его по фамилии. «Благоприятный момент для начала войны наступает тогда, когда противник в силу объективных причин поворачивается к вам спиной». Начальник ГРУ не учел, что товарищ Сталин знал всех классиков марксизма наизусть и от изумления, что в его присутствии кто-то осмелился цитировать Троцкого, даже поперхнулся, вынув трубку изо рта, но не сказал ничего.

Бестактность, которую позволили себе маршал Шапошников в мыслях и генерал Проскуров вслух, больно задела вождя. Намек был понят. Тем более, что сам Троцкий из далекого Мехико всеми доступными ему средствами предупреждал человечество, что Сталин уже готов к захвату мира. Автор и теоретик перманентной революции сходил с ума от ярости, что его великими идеями захвата мира с помощью провоцирования социальных, а затем военных конфликтов пользуется жалкий и малограмотный семинарист. Это раздражало Иосифа Виссарионовича, и уже около года многочисленная бригада из ликвидотдела НКВД, раскинув свои сети в США и Мексике, готовилась навсегда оградить великого вождя от обвинений в плагиате.

«Нэ надо спешить, – глубокомысленно изрекал вождь в конце каждого подобного совещания, – посмотрим, как пойдут дела». Разработчики «Грозы», подзадоривавшие Сталина на активные действия, исходили из предпосылки, что бои на Западе примут длительный ожесточенный характер, который позволит Советскому Союзу выбрать оптимальное время для нанесения удара.

Советская военная разведка совершенно правильно определила противостоящие силы. Немцы сосредоточили на Западном фронте 136 дивизий, 2580 танков, 3824 самолета, 7378 орудий. Им противостояли 147 англо-французских дивизий, 3100 танков, 3800 боевых самолетов и более 14500 артиллерийских орудий. Одни эти цифры говорили о том, что неизбежна длительная и кровавая обоюдная мясорубка наподобие верденской.

Беспокоило только, как бы немцы, будучи явно слабее, не истекли кровью в этих боях, оставшись, как и в прошлую войну, без снабжения и боеприпасов. Бодрящим маршем для них был перестук колес бесчисленных эшелонов, везущих в Германию советскую нефть, пшеницу, хлопок, никель, хром и все, что было нужно разраставшейся военной промышленности Рейха. Советские торговые суда с огромными красными буквами СССР на белом фоне бортов – знак нейтралитета – доставляли те же самые грузы в немецкие порты через Балтику, недоступную для английской блокады. Германия остро нуждалась в меди, но СССР производил медь в ничтожных количествах. Выход был найден. Советскому Союзу удалось заключить контракт на закупку меди в США. Эта медь тут же переправлялась в

Германию. Только воюйте, ребята, как следует, вам дадим, ничего не пожалеем, крушите капиталистический мир.

В первые дни немецкого наступления, когда противостоящее армии завязали авангардные бои в Голландии и Бельгии, все, казалось, шло по намеченному в Москве сценарию. За железобетонными укреплениями линий Мажино и Зигфрида можно было воевать до бесконечности. Еле сдерживая ликование, «Правда» от 16 мая 1940 года писала:

«В течение первых пяти дней немецкая армия достигла значительных успехов. Немцы оккупировали значительную часть Голландии, включая Роттердам. Правительство Нидерландов уже сбежало в Англию. У англо-французского блока имелись давнишние амбиции втянуть Голландию и Бельгию в войну против Германии… После того как немцы опередили Англию и Францию в Скандинавии, последние две страны сделали все возможное, чтобы втянуть Голландию и Бельгию в войну… Теперь мы видим, как велика ответственность англо-французских империалистов, которые, отклоняя все немецкие предложения о мире, развязали Вторую Империалистическую войну в Европе».

Однако дальнейшее развитие событий заставило онеметь даже столь беспринципную прессу, как советская. Молниеносный разгром французской армии – армии, которую Сталин (и не только он) считал сильнейшей в Европе, отдавая ей ведущую роль в пресловутом крестовом походе против СССР, вызвал в Москве шок.

Когда было объявлено о взятии немцами Парижа, Сталин впервые в присутствии своих сообщников открыл сейф, таинственный сейф, вделанный в стену его кремлевского кабинета, где, к величайшему удивлению всех присутствующих, оказались початая бутылка Кахетинского, две пачки английского трубочного табака и пузырек с бестужевскими каплями. Накапав себе бестужевских капель, Сталин, не говоря ни слова, покинул всех присутствующих и уехал из Кремля на ближнюю дачу, куда срочно вызвали братьев Коганов – неизменных лейб-медиков вождя.

«По имеющимся у нас сведениям, – срочно доносила из Москвы нестареющая „Интеллидженс Сервис“, – у Сталина был инфаркт или тяжелый сердечный приступ. Наш источник связывает болезнь советского руководителя с разгромом союзных армий на континенте. *Не является ли это свидетельством, что Сталин, душой болея за демократию, ведет с Гитлером сложную игру, выбирая подходящий момент для уничтожения его как соперника сталинской гегемонии в Европе и мире* ».

Прочитав сообщение своей разведки, Черчилль сел за свое первое послание к Сталину. «Британское правительство убеждено, что Германия борется за гегемонию в Европе… Это одинаково опасно как для СССР, так и для Англии. Поэтому обе страны должны прийти к соглашению о проведении общей политики для самозащиты против Германии и восстановления европейского баланса сил…»

Это послание, где Сталину гарантировалась полная английская помощь, если он решится дать своему другу – Гитлеру – топором по затылку и делался прозрачный намек об осведомленности англичан о подобном тайном желании товарища Сталина, прежде всего говорило о том, что *английская разведка уже знает об операции «Гроза» и, если надо, то, конечно, с большим удовольствием поставит об этом в известность Гитлера* .

Если не удастся натравить Сталина на Гитлера, то почему бы не натравить Гитлера на Сталина? Послание было передано через нового английского посла в Москве сэра Стаффорда Криппса – самого левого, кого только мог найти в своем окружении ненавидящий коммунистов Черчилль. Сэр Стаффорд добился, чтобы Сталин его принял «для конфиденциального разговора».

Еще не совсем оправившийся от сердечного приступа Сталин, конечно, не должен был вообще принимать английского посла, да еще со столь провокационным посланием британского премьера. Однако он это сделал, и сделал неспроста, решив воспользоваться

случаем, чтобы еще раз продемонстрировать Гитлеру свою преданность и лояльность, не давая ему даже намека для сомнения.

Прием был официальным и весьма холодным. Выслушав послание Черчилля, Сталин дал следующий ответ:

«Сталин не видит какой-либо опасности гегемонии любого одного государства в Европе, и менее всего какой-либо опасности того, что Европа может быть поглощена Германией. Сталин следит за политикой Германии и хорошо знает многих ведущих государственных деятелей этой страны. Он не заметил какого-либо желания с их стороны поглощать европейские страны. Сталин не считает, что военные успехи Германии угрожают Советскому Союзу и его дружественным отношениям с Германией…»

«Этот тиран, – заметил Черчилль, – принадлежит к самому уязвимому типу людей. Полнейший невежда, распираемый самомнением и самодовольством».

Черчилль ошибался, принимая желаемое за действительность. Англия, оставшись одна против Германии, лихорадочно начинает сколачивать антигерманскую коалицию. Незаконнорожденное дитя Британской империи – Соединенные Штаты – всем своим поведением страшно раздражая и Гитлера, и Сталина, дают понять, что не оставят в беде свою старую маму, впрочем, Соединенных Штатов никто пока не боится. Трехсоттысячная армия заокеанской республики с одним экспериментальным бро-небатальоном не вызывает к себе серьезного отношения со стороны вождей, располагающих многомиллионными армиями и тысячами танков. Страна лавочников, разложенная демократией. Конгресс уже дважды проваливал законопроект о всеобщей воинской обязанности…

Несмотря на заверения, данные Криппсу, о конфиденциальности беседы, Сталин немедленно ставит о ней в известность немцев, вызывая восторг Риббентропа и встревоженный взгляд Гитлера. Сталин делает это быстро, чтобы его не опередили англичане, подсунув немцам свой собственный текст. Он понимает, какую игру начал Черчилль. Все совершенно очевидно. Англии нужны солдаты для спасения империи, а где их можно найти больше, чем у Сталина? Но Сталин вовсе не склонен превращать Красную Армию в армию английских колониальных солдат. Пока же необходимо принять все меры, чтобы сохранить с Гитлером дружеские отношения. А отношения эти – лучше и не придумаешь.

Серыми тенями уходят на английские коммуникации немецкие подводные лодки уже с двух баз на территории СССР. Оркестр Ленинградской военно-морской базы приветствует прибуксированный из Германии тяжелый крейсер «Зейдлиц», проданный в СССР за 100 миллионов марок. Советской стороне переданы чертежи новейшего немецкого линкора «Бисмарк», эсминцев типа «Нарвик», технологические карты артустановок. Советские авиаконструкторы с интересом изучают полученные из Германии образцы самолетов Ме-109, Ме-110, Ю-87 и Хе-111.

Делегация гестапо посещает своих московских коллег, преподнеся им в дар машинку для вырывания ногтей. Не шибко грамотные советские чекисты с некоторым страхом смотрят на блестящее никелированными и вороneными частями настольное чудовище. Кулаком в морду или ногой в пах проще и надежнее. Для предметного обучения гестаповцы получают немецких коммунистов, сидящих в Сухановке.

Шеф делегации бригаденфюрер Далюге в беседе с наркомом Меркуловым отмечает немецкую озабоченность тем, что англичане создают Освободительную Польскую армию. В СССР находятся несколько сот тысяч польских военнопленных, включая 15 тысяч офицеров. Может ли советская сторона гарантировать, что эти поляки не попадут в Освободительную армию? «Может!» – твердо отвечает Меркулов, и эксперты гестапо присутствуют при массовых расстрелах польских офицеров в Катынском лесу. Новый советский военно-морской атташе в Берлине капитан 1-го ранга Воронцов и немецкий военно-морской атташе в Москве

фон Баумбах провели успешные переговоры по поводу проводки немецких надводных рейдеров Северным морским путем в Тихий океан – в глубокий тыл англичан, где их торговые суда все еще ходят без всякого охранения.

Опомнившись от шока, вызванного немецкими победами, разработчики «Грозы» указали Сталину, что новая обстановка стала еще более благоприятной для осуществления задуманного плана. Прежде всего, перестала существовать французская армия. Практически единственной армией, оставшейся в Европе, является немецкая. Теперь можно не бояться какого-либо сговора европейских держав против СССР. Теперь нашей главной задачей является подбить Гитлера на вторжение в Англию. И вот тогда-то… Сталин делает нетерпеливое движение трубкой, прерывая военных, повторяя свою традиционную фразу: «А если они сговорятся?» Тут однажды даже Жданов не выдержал и осмелился ответить: «Если и сговорятся, то тем хуже для них, товарищ Сталин».

Но Сталин неумолим. Наведите порядок в армии, требовал он. С такой армией нельзя делать европейскую революцию. Кроме того, прежде чем приступать к «Грозе», необходимо провести ряд промежуточных мероприятий, сущность которых была заложена в германо-советских договоренностях в августе и сентябре прошлого года. Речь идет, пояснил вождь, о прекращении непонятного состояния в Прибалтике и о возвращении исконно русских земель, отторгнутых в 1918 году Румынией. И потому, как только армия и НКВД справятся с этой промежуточной задачей, он, Сталин, будет судить о том, насколько армия и органы готовы к выполнению несравнимо более масштабной и трудной задачи, предусмотренной операцией «Гроза».

17 июня 1940 года, в тот самый день, когда разгромленная Франция запросила перемирия, Молотов вызвал к себе Шуленбурга, выразив ему «самые теплые и искренние поздравления советского правительства по поводу блестящих успехов немецких вооруженных сил». Несколько возбужденный взгляд Молотова говорил Шуленбургу, что его вызвали в Кремль не только для того, чтобы передать поздравления советского правительства. Действительно, немного помолчав, Молотов информировал немецкого посла о том, что «СССР намерен осуществить аншлюс Балтийских государств».

Для выполнения этой задачи СССР направил в Прибалтийские республики своих эмиссаров: Жданова – в Эстонию, Вышинского – в Латвию и Деканозова – в Литву.

Если двое первых достаточно известны, то о Деканозове следует сказать пару слов, поскольку ему будет суждено сыграть достаточно крупную и даже несколько роковую роль в операции «Гроза». Армянин по происхождению, он в юности вступил в организацию армянский боевиков «Дашнакцютюн», возглавляемую его родным братом. Организация, имевшая довольно туманную политическую программу, в основном занималась откровенными грабежами и разбоем.

Ленин, находясь в эмиграции и постоянно нуждаясь в деньгах, разработал оригинальный план получения денег с многочисленных разбойничьих шаек, орудовавших на территории необъятной империи. Шайки постоянно нуждались в оружии, и ленинские эмиссары направлялись к ним, предлагая поставлять оружие за деньги. Разбойники охотно платили, но в обмен, как правило, не получали ни шиша. Достаточно вспомнить скандал со знаменитым уральским разбойником Степаном Оглоблей, чьи люди все-таки добрались до Парижа и вытрясли из Ленина причитающиеся им 10 тысяч рублей. На связь с «Дашнакцютюном» вышел небезызвестный уже нам Литвинов. Он был связан с великолепной парой Камо-Коба, которая занималась тем же самым, что и армянские боевики, но напрямую от имени партии большевиков. Обе банды легко наладили обмен деньгами и оружием, причем на этот раз все шло честно и благородно. Тогда-то молодой Коба-Сталин и познакомился с юным Деканозовым, сохранив о нем до конца жизни самое хорошее мнение.

Позднее Сталин рекомендовал «Деканози», как он любовно его назвал, своему другу Берии, тот привез его с собой в Москву и пристроил для начала в отделе своего могучего наркомата, ведущего по личному приказу вождя сбор компрометирующих материалов против наркомов, их заместителей и прочих высокопоставленных лиц партийно-административной иерархии. Деканозову достался Наркомат иностранных дел. Другими словами, сам Молотов и его окружение. В это же время Берия, согласовав вопрос со Сталиным, решил, что те его сотрудники, которые занимаются делами наркомов, должны занимать ответственные посты в соответствующих наркоматах, оставаясь, естественно, на своих должностях в номенклатуре НКВД.

Деканозов стал заместителем наркома иностранных дел, оставаясь начальником одного из управлений НКВД.

Сталин лично в присутствии Лаврентия Павловича доверил «Деканози» в общих чертах замысел «Грозы» и поручил осуществить аншлюс Литвы, подчеркнув, что из всех Прибалтийских республик Литва является самой важной, поскольку она одна имеет границу с Германией и представляет громадную ценность для развертывания войск по общему плану операции.

Подготовка к возложенной на Деканозова миссии началась еще в мае, когда несколько пьяных советских солдат устроили оргию с литовскими девушками в одном из подвалов старой части Вильнюса. Через три дня двое солдат вернулись в свою часть, а трое исчезли и не были найдены.

25 мая Молотов вызвал к себе литовского посла Наткявичуса и сделал ему заявление «об участившихся случаях исчезновения военнослужащих из советских гарнизонов на территории Литвы», явно давая понять, что красноармейцев похищают и убивают. Литовская сторона провела расследование, но ни одного случая, исключая упомянутой пьянки в подвале, не обнаружила, о чем и сообщила Молотову специальной нотой от 28 мая. Однако это было только начало. Вызвав в очередной раз литовского посла, Молотов объявил ему, что желает побеседовать с премьер-министром Литвы. 7 июня в Москву прибыл премьер-министр Литвы Антанас Меркис. Не предлагая премьеру сесть, Молотов в самых резких выражениях обвинил Меркиса в двурушничестве. Советскому правительству стало доподлинно известно, что Литва заключила с Латвией и Эстонией военную конвенцию, направленную против СССР и Германии. В Литве идет подготовка к приему крупного английского экспедиционного корпуса. Хотя абсурдность всех этих обвинений была очевидна, оправданий Меркиса Молотов слушать не стал. Это, продолжал он, вынуждает СССР пересмотреть ранее заключенный с Литвой договор о взаимопомощи. Советское правительство имеет новый проект подобного договора. Пусть в Москву прибудет еще и министр иностранных дел Литвы для заключения нового соглашения.

11 июня в Москву прибыл министр иностранных дел Уршбис. В полночь 14 июня обоих государственных деятелей Литвы вызвали к Молотову в Кремль. Не тратя времени на выбор дипломатических выражений, Молотов предъявил литовцам ультиматум, срок которого определил в 9 часов. Ультиматум требовал сформировать в Литве новое правительство, списочный состав которого Молотов передал Меркису. Все будущие министры нового «правительства» пока еще находились в Москве. Многие из них разыскивались литовцами как государственные преступники. Далее следовало требование обеспечить свободный пропуск на территорию Литвы советских войск в любом количестве. К 10 часам утра правительство Литвы должно дать ответ на этот ультиматум.

В Каунасе все поняли, что означает этот ультиматум. Литва имела самую сильную армию из всех Прибалтийских государств. При полной мобилизации с учетом двухсоттысячного добровольного корпуса литовских стрелков Литва могла поставить под ружье 350 тысяч человек. Но у Литвы не было своего Маннергейма. Польстившись на отобранный у Польши Вильнюсский край, Литва забыла мудрую пословицу о том, что

бесплатный сыр бывает только в мышеловке, и в эту мышеловку угодила. Напрасно президент Литвы взывал к европейским державам. Все сочувствовали, но реальной помощи получить было неоткуда. Фронты второй мировой войны уже перерезали мир.

Незадолго до истечения срока ультиматума в литовское посольство в Москве позвонил из Каунаса начальник административно-юридического департамента при канцелярии президента Черняцкис и приказал принять ультиматум Москвы. Узнав об этом, Молотов подобрел, не стал особенно спорить о некоторых вариантах нового правительства и, прощаясь с Меркисом и Урбшисом, примирительно сказал: «Ну ладно, сегодня в Литву вылетит наш особый уполномоченный. С ним ваш президент и должен советоваться относительно формирования нового правительства».

Именно этим особым уполномоченным и был Владимир Деканозов. Пока шли переговоры в Москве, Красная Армия уже хлынула во все прибалтийские республики. Стоявшие в Прибалтике советские гарнизоны заранее обеспечили захват аэродромов, железнодорожных узлов, жизненно важных объектов в городах. Сопротивления практически не было. Так что, когда Деканозов прибыл в Литву, там уже в общих чертах все было закончено.

17 июня члены литовского правительства были распиханы по одиночным камерам Владимирской, Тамбовской и Саратовской тюрем. В соседних камерах находились члены правительств Эстонии и Латвии во главе со своими президентами. Уже 18 июня было официально объявлено, что новым премьер-министром Литвы назначен старый коминтерновец Палецкис, которого «фашистская банда Сметоны держала в концлагере с 1939 года». В тот же день были объявлены незаконными все политические партии, кроме коммунистической. Ответственный за Литву Деканозов стремительно шел впереди своих многоопытных коллег Жданова и Вышинского: с подобными мероприятиями Латвия и Эстония запаздывали по сравнению с Литвой дня на два-три. Зато там были захвачены президенты, а литовский – бежал.

Послы бывших Прибалтийских республик взывали к помощи Гитлера. Они обратились с нотами в Министерство иностранных дел Германии, выражая негодование, прося защиты, указывая на абсолютную незаконность действий Москвы. Однако в секретном протоколе к договору 1939 года ясно говорилось: «В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих прибалтийским государствам, западная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР».

Пока послы ждали ответа германского МИДа, по всей Прибалтике шли массовые аресты и расстрелы. Под тюрьмы реквизировались новые здания, главным образом костелы и церкви. Разворачивались пересыльные лагеря. Как всегда, главный удар наносился по национальной интеллигенции, духовенству, военнослужащим, по членам ведущих политических партий, по зажиточному крестьянству и, конечно, по молодежи, которую считали настроенной наиболее непримиримо.

Методика обезглавливания нации – основа социализма, отработанная на собственном народе, проверенная в Польше, дала, как и ожидалось, превосходные результаты, показав всему миру, как будет проводиться знаменитая мировая пролетарская революция. Уже 21 июля назначенные из Москвы новые прибалтийские правительства объявили свои республики «советскими и социалистическими» и обратились в Москву с просьбой принять их в состав СССР. Просьба была, естественно, немедленно удовлетворена. А между тем послы бывших прибалтийских республик все еще ждали ответа на свои призывы о помощи от Министерства иностранных дел Германии. Они получили долгожданный ответ 24 июля в виде меморандума германского МИДа, где говорилось:

«Сегодня я дружески вернул литовскому и латвийскому послам их ноты относительно включения их стран в состав СССР и в свое оправдание заявил, что мы можем принимать от посланников только те ноты, которые они представляют от имени своих правительств…

Эстонский посланник тоже хотел вручить мне ноту. Я попросил его воздержаться от этого, указав вышеупомянутые причины…»

Первые страницы советских газет были заполнены сообщениями о «ликующих демонстрациях народа в Риге и Таллинне», о «радостной встрече частей Красной Армии в Таллинне», о «народных торжествах по случаю присоединения к СССР в Каунасе». А в это время по дорогам Прибалтики бесконечным потоком шли на запад советские войска, выходя к границам Восточной Пруссии. Операция «Гроза» началась, хотя никто из принимающих участие во вторжении не знал этого. Связь между столь поспешными действиями Сталина и катастрофой союзников на Западном фронте была столь очевидной, что уже 23 июня советское правительство сочло необходимым опубликовать весьма экстраординарное заявление, которым давало понять, что Советский Союз ничуть не волнуют немецкие успехи во Франции: «В связи с вводом советских войск в Прибалтийские государства, – говорилось в заявлении, – в западной прессе муссируются упорные слухи о 100 или 150 советских дивизиях, якобы сконцентрированных на советско-германской границе. Это, мол, происходит от озабоченности Советского Союза германскими военными успехами на Западе, что породило напряжение в советско-германских отношениях.

ТАСС уполномочен заявить, что все эти слухи – сплошная ложь. В Прибалтику введено всего только 18-20 советских дивизий, и они вовсе не сконцентрированы на германской границе, а рассредоточены по территории Прибалтийских государств. У СССР не было никакого намерения оказывать какое-либо «давление» на Германию, а все меры военного характера были предприняты только с единственной целью: обеспечить взаимопомощь между Советским Союзом и этими странами… За всеми этими слухами отчетливо видится попытка бросить тень на советско-германские отношения. Эти слухи порождены жалкими домыслами некоторых английских, американских, шведских и японских политиков…»

Войска продолжали валом валить через Прибалтику в сторону германской границы. В личном кинозале Сталина мелькают кадры кинохроники: колонны войск, марширующие по пыльным дорогам. Танки, броневики, обозы. Приземистый силуэт крейсера «Киров» на рейде Таллинна. Эсминцы и подводные лодки в Вентспилсе, Даугавпилсе и Либаве. Боевые самолеты, лихо идущие на посадку на захваченные аэродромы. Митинги. Политруки, выступающие перед эстонскими хуторянами. Полковые комиссары, что-то вещающие в полупустых цехах какого-то рижского завода. И, конечно, портреты Сталина и немножко Молотова. Лозунги на русском, литовском, латышом и эстонском языках. «Да здравствует великий Сталин!», «Да здравствует нерушимая дружба народов СССР!». Видимо, все эти кадры придали Станину столько храбрости, что он приказал послать немцам ноту, требующую в срок до 11 августа закрыть свои посольства в Каунасе, Риге и Таллинне, а к 1 сентября ликвидировать и все консульства на территории бывших Прибалтийских республик.

Гитлер почувствовал себя униженным, но сделать уже не мог ничего, кроме как закатить очередную истерику Риббентропу. Гитлер вообще пребывал в мрачнейшем настроении. Поводом для этого прежде всего послужила гибель во Франции от шальной пули одного из принцев – сыновей доживающего своей век в Голландии кайзера Вильгельма. По Германии немедленно пополз слух, что принц убит по приказу Гитлера, поскольку гестапо вскрыло крупный монархический заговор в армии. То, что его вооруженные силы по своему духу остались прусско-монархическими, Гитлер прекрасно знал, но к смерти принца не имел никакого отношения. Слухи расстроили его.

Всем казалось, что в Компьене, в старом вагоне маршала Фоша, при подписании капитуляции французов Гитлер был на вершине своего триумфа и пребывал в прекраснейшем расположении духа. Но это только казалось. Когда около трех часов дня 22 июня он прибыл в Компьен в сопровождении Геринга, Кейтеля, Браухича, Риббентропа и Гесса, первое, что бросилось ему в глаза, – это вделанная в асфальт старая мемориальная доска, на которой было выбито: «Здесь 11 ноября 1918 года была побеждена преступная

гордость Германской империи, поверженной свободными людьми, которых они пыталась поработить».

Стоя под лучами июньского солнца, Гитлер и его свита молча читали надпись на мемориальной доске. Кровь бросилась Гитлеру в голову, его лицо исказилось от злости, ненависти, жажды мести и переживаемого триумфа. Он встал на плиту и демонстративно перед объективами кинокамер вытер об нее ноги. Но страшная, вызывающая надпись не давала покоя и все время стояла перед глазами. Он уже не рад был, что придумал провести всю эту церемонию именно в Компьене. Войдя в вагон и расположившись в том самом кресле, где 22 года назад восседал Фош, диктуя немцам условия капитуляции, Гитлер так и не смог вернуть себе хорошего настроения. Когда ввели французскую делегацию и Кейтель своим скрипучим голосом стал зачитывать им условия перемирия, Гитлер, не дослушав до конца, покинул вагон и уехал из Компьена.

Не радовал и друг – Муссолини. 10 июня он объявил войну Франции и Англии, но на Альпийском фронте, занимаемом итальянскими войсками, разыгрался редкостный фарс. В течение десяти дней после объявления войны итальянцы полностью бездействовали, ожидая, когда немцы подойдут к французской альпийской армии с тыла. Итальянцам пришлось резко указать, что одно номинальное участие в войне не даст им должного места за столом мирных переговоров. Перепуганный Муссолини приказал войскам перейти в наступление, откровенно заявив начальнику штаба: «Италии нужно несколько тысяч убитых, чтобы в качестве воюющей страны занять место за столом мирной конференции и предъявить свои требования Франции».

Дело чуть не закончилось катастрофой. Разбив итальянцев в пух и прах, французы перешли в контрнаступление и наверняка заняли бы добрую часть Северной Италии, если бы не вынуждены были капитулировать под стремительным натиском немецких войск.

Постоянно приходилось вспоминать мудрые слова Мольтке-младшего, сказанные им кайзеру перед началом первой мировой войны, когда в Берлине не могли с уверенностью сказать, на чьей стороне выступит Италия. «Ваше Величество, – цинично заметил начальник генштаба, – если они выступят на нашей стороне, то потребуется пять дивизий, чтобы им помочь, если против нас, то те же пять дивизий, чтобы их разбить. Так что принципиально этот вопрос не имеет никакого значения».

Не очень рассчитывая на итальянцев на суше, Гитлер все-таки надеялся, что они облегчат его тяжелое положение на море. Ничуть не бывало! Англичане продолжали вести себя в Средиземном море как дома.

Именно в этот момент пришло сообщение, что Сталин оккупировал Прибалтику, выйдя на границы Восточной Пруссии. Вслед за этим последовала резкая нота с требованием закрыть немецкие представительства в Прибалтике. Взбешенный Гитлер немедленно приказал закрыть советское посольство в Париже и отправить всех советских дипломатов в Виши. Не успел Гитлер прийти в себя от лихих действий Сталина в Прибалтике, как его ждал новый сюрприз. 23 июня 1940 года фон Шуленбург прислал в Берлин из Москвы телеграмму, в которой звучали панические нотки:

«Срочно! Молотов сделал мне сегодня следующее заявление. Разрешение бессарабского вопроса не терпит дальнейших отлагательств. Советское правительство все еще старается разрешить вопрос мирным путем, но оно намерено использовать силу, если румынское правительство отвергнет мирное соглашение. Советские притязания распространяются и на Буковину, в которой проживает украинское население…»

Еще в мае в Берлин стали приходить сведения об опасной концентрации советских войск на румынской границе. Немецкая разведка докладывала, что в Киеве на базе управления

Киевским Особым военным округом тайно создано полевое управление Южного фронта. В состав этого фронта, кроме войск Киевского округа, вошли многие части Одесского военного округа. Командование этим секретным фронтом было возложено на командующего Киевским округом генерала Жукова. Разведке удалось добыть копию секретного приказа, поступившего из Киева в штаб 49-го стрелкового корпуса, сосредоточенного в районе Каменец-Подольска. В приказе ясно говорилось о предстоящем «воссоединении» Бессарабии и Северной Буковины. Выражая надежду, что дело обойдется мирным путем, командованию корпусом тем не менее предлагалось подготовиться к ведению боевых действий. Для этой цели проведены соответствующие командно-штабные учения.

Все это, в принципе, не было для немцев неожиданностью, ибо в секретном протоколе к договору от 23 августа 1939 года совершенно ясно говорилось:

«Касательно Юго-Восточной Европы советская сторона указала на свою заинтересованность в Бессарабии. Германская сторона ясно заявила о полной политической незаинтересованности в этих территориях».

Историческая подоплека вопроса также была совершенно ясна. В былые времена Бессарабия принадлежала Российской Империи. В годы гражданской войны Красная Армия, пройдя через Бессарабию, сделала попытку вторгнуться с ходу на территорию румынского королевства, чтобы способствовать пролетарской революции в самой Румынии и оказать поддержку гибнущему режиму Бела Куна в Венгрии. Разбитая в авангардных боях, раздираемая народными восстаниями в тылу, Красная Армия вынуждена была откатиться на восток, оставив Бессарабию в румынских руках.

В последующие же годы шла нудная тяжба между Румынией и СССР. Дело в том, что в годы первой мировой войны правительство Румынии, не без оснований опасаясь оккупации страны кайзеровскими или австро-венгерскими войсками, имело глупость передать золотой запас королевства на хранение в Россию. Верная ленинскому принципу «грабь награбленное», советская сторона даже слушать ничего не хотела о возврате золота. Румыния заявила, что не отдаст Бессарабию. Ну и подавитесь – так суммарно реагировала Москва на доводы Бухареста, но глаз с Бессарабии не спускала, засылая туда свою агентуру, разлагая местное население сказками о социализме. Однако кровавый террор, бушевавший по соседству, террор, сопровождаемый страшным голодом, лучше всех московских агиток рассказывал бессарабским крестьянам о прелестях социализма.

Вопрос, касающийся Бессарабии, для немцев был ясен. Но при чем тут Буковина, которая России никогда не принадлежала. Это во-первых. А во-вторых, наличие советских войск на территории Буковины создавало прямую угрозу быстрого захвата нефтяных скважин Плоештинского бассейна, вся добыча которого шла в Германию, обеспечивая вместе с поставками из СССР 87% потребностей германских вооруженных сил в топливе.

Но что можно было сделать сейчас, когда вся армия находится на просторах Франции и сталинским аппетитам нечего противопоставить, кроме дипломатической перебранки, да и то стараясь выражаться как можно вежливее? 25 июня Риббентроп шлет срочную телеграмму в Москву Шуленбургу:

«Пожалуйста, посетите Молотова и заявите ему следующее:

1. Германия остается верной Московским соглашениям. Поэтому она не проявляет интереса к бессарабскому вопросу…

2. Претензии Советского правительства в отношении Буковины – нечто новое. Буковина была территорией австрийской короны и густо населена немцами. Судьба этих этнических немцев также чрезвычайно заботит Германию…

3. Полностью симпатизируя урегулированию бессарабского вопроса, имперское правительство вместе с тем надеется, что в соответствии с московскими соглашениями Советский Союз в сотрудничестве с румынским правительством сумеет решить этот вопрос мирным путем…»

Немцы были встревожены не на шутку. Организованная советской разведкой намеренная утечка информации давала им понять, что в случае, если Румыния окажет сопротивление, советская авиация нанесет мощный удар нефтяным приискам.

В тот же день Шуленбург, побывав у Молотова, телеграфирует в Берлин:

«Срочно!

Инструкцию выполнил, встречался с Молотовым сегодня в 9 часов вечера. Молотов выразил свою признательность за проявленное Германским правительством понимание и готовность поддержать требования Советского Союза. Молотов заявил, что советское правительство также желает мирного разрешения вопроса, но вновь подчеркнул тот факт, что вопрос крайне срочен и не терпит дальнейших отлагательств. Я указал Молотову, что отказ Советов от Буковины, которая никогда не принадлежала даже царской России, будет существенно способствовать мирному решению. Молотов возразил, сказав, что Буковина является последней недостающей частью единой Украины…»

Румынское правительство, хорошо осведомленное о том, как за его спиной договариваются два ненасытных хищника, взывало о помощи к одному из них – Гитлеру, явно предпочитая его Сталину. Несмотря на продолжающиеся еще бои во Франции, Гитлер отдает приказ о переброске нескольких пехотных и танковых дивизий на восток. Приказ, естественно, застревает где-то в штабе фельдмаршала Рундштедта, но реакция на него Сталина была мгновенной. В тот же день Шуленбурга снова срочно вызывают в Кремль.

Ранним утром 26 июня в Берлин летит очередная телеграмма:

«Очень срочно!

Молотов снова вызвал меня сегодня и заявил, что Советское правительство, основываясь на его (Молотова) вчерашней беседе со мной, решило *ограничить* свои притязания северной частью Буковины с городом Черновцы… Молотов добавил, что Советское правительство ожидает поддержки Германией этих советских требований. На мое заявление, что мирное разрешение вопроса могло бы быть достигнуто с большей легкостью, если бы Советское правительство вернуло бы Румынии золотой запас румынского национального банка, переданный в Москву на сохранение во время первой мировой войны, Молотов заявил, что об этом не может быть и речи, поскольку Румыния достаточно долго эксплуатировала Бессарабию…

Далее Молотов сообщил, что Советское правительство ожидает, что Германская империя безотлагательно посоветует румынскому правительству подчиниться советским требованиям, так как в противном случае война *неизбежна* ».

В ярости и бессильной злобе Гитлер комкает бумаги на своем столе. Тень Кремля слишком уж явственно падает на Европу, а он, втянутый в войну на Западе, бессилен что-либо предпринять. Он снова начинает осознавать размеры той гигантской ловушки, в которую его загнали. С одной стороны еще непобежденная Англия, с другой – друг Сталин, чьи намерения уже не вызывают сомнений.

Риббентроп пытается успокоить фюрера, напоминая, что все было предусмотрено московскими соглашениями. «Нет!» – орет в ответ Гитлер. – Ничего подобного не предусматривалось! Речь шла только о восточной Польше, а он уже стоит у ворот Восточной Пруссии и нацелился на Балканы. Я чувствую, что этот кремлевский негодяй понимает только язык силы! Можем ли мы перебросить в Румынию достаточно войск?» Нет, не можем. Сил нет, а русские намерены решить бессарабский вопрос в течение ближайших дней. Так во всяком случае Молотов заявил Шуленбургу. За несколько дней ничего не удастся перебросить и развернуть в Румынии.

Немцы наивно полагали, что у них еще есть несколько дней. Вскоре они убедились, что заданный Сталиным темп намного опережает их стратегические выкладки. Едва успев выпроводить Шуленбурга, Молотов в тот же день, 26 июня, вызвал к себе румынского посланника Г. Давидеску и сделал ему следующее заявление:

«В 1918 году Румыния, пользуясь военной слабостью России, насильственно отторгла от Советского Союза (России) часть его территории – Бессарабию…

Правительство СССР считает, что вопрос о возвращении Бессарабии органически связан с вопросом о передаче Советскому Союзу той части Буковины, население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава».

На размышление румынам было дано 12 часов. Утром 27 июня они должны были дать ответ. Огромная армия уже ревела моторами танков у восточных границ Румынии. Румынская армия ждала приказа, хотя оценивала свои шансы довольно трезво, зная, что первый удар с воздуха будет нанесен не по ним, а по нефтяным полям Плоешти.

Предъявив румынам ультиматум, Молотов немедленно сообщил об этом Шуленбургу. Шуленбург тут же телеграфировал Риббентропу. Прочитав телеграмму, Гитлер вздохнул и махнул рукой, а после ухода Риббентропа заметил своему начальнику штаба генералу Йодлю, что неплохо было бы разработать операцию по военному сокрушению Советского Союза. Йодль удивленно поднял брови и спросил фюрера, надо ли его слова рассматривать как приказ. Гитлер ничего не ответил и стал кормить зернышками свою любимую канарейку Сиси.

А между тем Риббентроп позвонил своему посланнику в Бухарест и дал ему следующее указание:

«Вам предписывается немедленно посетить министра иностранных дел (Румынии) и сообщить ему следующее:

«Советское правительство информировало нас о том, что оно требует от Румынского правительства передачи СССР Бессарабии и северной части Буковины. Во избежание войны между Румынией и Советским Союзом мы можем лишь посоветовать румынскому правительству уступить требованиям Советского Союза…»

Утром 27 июня румынский посланник в Москве Давидеску заявил о «готовности» его правительства начать с СССР переговоры по бессарабскому вопросу. Никаких переговоров, – отрезал Молотов, потребовав «ясного и точного ответа» – да или нет. Давидеску попробовал что-то говорить о Буковине, но вынужден был замолчать, когда ему показали документ, датированный еще ноябрем 1918 года, в котором говорилось, что «народное вече Буковины, отражая волю народа, решило присоединиться к Советской Украине». Зажатое между советскими ультиматумами и немецкими советами, правительство Румынии, осознав всю безвыходность своего положения, отдало приказ армии организованно отойти к новой границе, не оказывая сопротивления Красной Армии.

28 июня советские танковые и кавалерийские части хлынули через румынскую границу. Войска шли форсированным маршем. Агентурная разведка с тревогой докладывала, что чуть ли не все население Бессарабии и Буковины снялось с мест и бежит на Запад. Этого нельзя было допустить ни в коем случае, ибо кому нужна земля без рабов? На некоторых участках для перехвата беженцев были сброшены воздушные десанты, установившие контрольно-пропускные пункты на дорогах.

В разгар всех этих событий, когда перепуганный Гитлер метался по своему кабинету, со страхом глядя на карту, которая наглядно показывала, как Советский Союз, словно гигантский пресс, медленно, но верно вдавливается в Европу, явно нацеливаясь на Балканы, в Восточную Пруссию и в самое сердце Рейха, известия из Москвы продолжали поражать своей грозной последовательностью.

25 июня, в самый разгар румынского кризиса, пришло сообщение о неожиданном установлении дипломатических отношений между СССР и Югославией. В Белград отправился советский посол Плотников. Знакомые с методами работы советских посольств, немцы встревожились. В Югославии существовали сильные просоветские течения, готовые в любой момент открыть страну для армии Сталина. Генштаб получил приказ срочно разработать план оккупации Югославии, если возникнет необходимость. Но Сталин задал бешеный темп, реагировать на который было уже очень трудно, не вытащив армию из Франции.

26 июня в Москве опубликовывается Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений».

Указом устанавливалась уголовная ответственность за прогул (опоздание на работу свыше 20 минут приравнивалось к прогулу) и самовольное оставление работы.

В секретных партдирективах, оформленных чуть позднее в качестве решения пленума ЦК, разъяснялось, что директора предприятий должны полностью использовать предоставленную им власть и не бояться насаждать дисциплину путем репрессий, не либеральничать с прогульщиками, а беспощадно отдавать их под суд.

Этот беспрецедентный для мирного времени указ красноречиво говорил о том, что Сталин откровенно переводил всю промышленность страны на военные рельсы, окончательно превращая «первую в мире страну социализма» в огромный концентрационный лагерь. Миллионы беспаспортных колхозников, прикрепленные к государственной земле, стали крепостными в результате проведения всеобщей коллективизации. Введение паспортной системы и прописка прикрепили всех остальных жителей страны к месту проживания. А новый указ прикрепил их к местам работы. И гигантская страна крепостных двухсотмиллионным хором пела: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!»

Для осуществления задуманного Сталиным мирового похода отсекалось, устранялось и безжалостно уничтожалось все, что посчитали ненужным для «последнего и решительного боя». Естественно, предметом особых забот была армия, нуждавшаяся, по вполне справедливому мнению Сталина, в коренной перестройке сверху донизу. И она началась без промедления, причем в лучших традициях той героической эпохи.

8 июня 1940 года новоиспеченный маршал Тимошенко обратился в Политбюро ЦК ВКП(б) с запиской, в которой товарищу Сталину ставился мягкий упрек в том, что

предусмотренные Уголовным кодексом наказания за воинские преступления из-за их непонятного либерализма «не способствуют укреплению дисциплины в Красной Армии». Например, дезертирами считаются те, кто самовольно покинул часть и отсутствовал в ней более шести суток. Маршал предлагал изменить этот срок до 6 часов.

11 июня Тимошенко издает еще один исторический приказ «О ликвидации безобразий и установлении строгого режима на гауптвахтах».

12 июня появляется его приказ о введении в Красной Армии дисциплинарных батальонов, что почти совпадает по времени с Указом Президиума Верховного Совета «Об уголовной ответственности за самовольные отлучки и дезертирство», предусматривающим направление военнослужащих срочной службы за самовольные отлучки в дисциплинарные батальоны на срок от 3 месяцев до 2 лет.

Из нового указа очень трудно понять, где кончается «самоволка» и начинается дезертирство, за которое положен расстрел. Все, как на «гражданке», где начальнику цеха предоставлено право решать, являлось ли опоздание на работу на полчаса прогулом (от года до пяти лет тюремного заключения), попыткой дезорганизовать производство (от десяти лет лагерей до расстрела), или экономическим саботажем с признаками терроризма (безусловный расстрел).

В дополнение к архипелагу ГУЛАГ по всей стране стали расцветать дисциплинарные батальоны.

В итоге всех этих мероприятий армия, затерроризированная особыми отделами НКВД, стала терроризировать сама себя изнутри. Отчаянные попытки любыми средствами укрепить дисциплину сопровождались серией многочисленных приказов, пытавшихся повысить крайне низкий уровень боевой подготовки.

Знаменитый приказ Тимошенко № 120 от 16 мая откровенно ставил задачу на войну: «Учить войска только тому, что нужно на войне, и только так, как делается на войне». Армия не знала покоя ни днем, ни ночью. Специальным приказом так называемые «учебные» часы, т.е. часы рабочего времени, были увеличены: в кавалерии – до 9 часов, в механизированных частях – до 10 часов, в пехоте – даже до 12 часов. Приказ требовал использовать не менее 30% «учебного времени» по ночам. Выходных практически не было, ибо все они отдавались кроссам, заплывам, забегам и т. п. Численность армии, перевалив уже за 4 миллиона, постоянно росла.

По уставу суточный переход с полной выкладкой составлял 40-45 километров. Однако весь план оккупации Европы строился на стремительном продвижении пехотных частей, что из-за низкой мобильности армии, вызванной катастрофической нехваткой не только автомобильного, но и гужевого транспорта, предполагалось осуществить на солдатских ногах. Поэтому стали повсеместно практиковаться стокилометровые марши. В дождь, грязь, под палящими лучами солнца по всей стране шли пехотные колонны. Санитарные машины и фуры ехали за ними, подбирая потерявших сознание. Вместо продовольственного пайка в ранцах солдат лежали кирпичи. Вместе с полной выкладкой солдаты, меняясь по очереди, несли огромные противотанковые ружья и тяжелые станковые пулеметы, а иногда и ящики с боезапасом. Вернувшиеся в расположение части падали замертво рядом со своими койками. Не было сил даже привести себя в порядок. Между тем, за опоздание из увольнения на 15 минут красноармейца отдавали под суд. Трибуналы свирепствовали. Резко возросло дезертирство и количество самоубийств. Цвело рукоприкладство, которого не знала даже армия Николая I.

Кипами лежат на столе у Сталина совершенно секретные, особой важности документы. С усидчивостью, привитой еще в семинарии, он вдумчиво прочитывает каждый из них, испещряя их своими замечаниями. Это Александр II как-то, не читая, подмахнул приказ о назначении митрополита Филарета командиром Гренадерского полка. Со Сталиным такого

произойти не может. Все, что он пишет, он пишет сам или диктует Поскребышеву, не доверяя никаким референтам. Все документы читает внимательнейшим образом, иногда расставляя пропущенные запятые, что доставляет ему особенное удовольствие. Документы срочные, не терпящие отлагательства.

«Строго секретно. Особой важности. Об организации и численности Красной Армии».

Кажется, предусмотрено все. Карандаш бежит строчкам. Еще надо добавить пункт:

«Всего на сборы в этом году привлечь 766 000 человек, не считая проходящих учебные сборы в данное время в количестве 234 000 человек. Для обеспечения учебных сборов отпустить НКО 145 600 продовольственных годовых пайков».

Пришедших на сборы уже не отпустят из армии до 1946 года. Начался первый этап тайной мобилизации резервистов. Сборами она называется для немецкой разведки.

Следующие документы.

«Сов. секретно. Особой важности. О производстве танков Т-34 в 1940 г… Обязать Народного Комиссара Среднего Машиностроения т. Лихачева И.А. изготовить в 1940 году 600 танков Т-34…»

«Сов. секретно. Особой важности. Об увеличении выпуска самолетов и авиамоторов…»

«Сов. секретно. Об организации структуры Военно-воздушных сил Красной Армии…»

«Сов. секретно. Особой важности. НКО разрешить сформировать 23 новые стрелковые дивизии трехтысячного состава каждая. В соответствии с этим в Красной Армии иметь 200 дивизий…»

«Сов. секретно. Особой важности. О производстве танков КВ… Утвердить план производства танков КВ в количестве 1200 шт., в том числе по Кировскому заводу Наркомтяжмаша – 1000 шт. и по Челябинскому тракторному заводу Наркомсредмаша – 200 шт…»

«Сов. секретно. Особой важности. О программе военного кораблестроения.

В настоящее время в постройке:

на заводе № 402 в Молотовске – линкор «Советская Россия»,

на заводе № 194 в Ленинграде тяжелый крейсер «Кронштадт»,

на заводе № 200 в Николаеве тяжелый крейсер «Севастополь»,

на заводе № 198 в Николаеве линкор «Советская Украина»,

на заводе № 402 в Молотовске линкор «Советская Белоруссия»,

на заводе № 189 в Ленинграде линкор «Советский Союз»…»

«Обеспечить полностью программу 1940 г. по оснащению танков Т-34 дизелями, для чего увеличить выпуск моторов В-2 на заводе № 75 и изготовить до конца 1940 г. 2000 шт…»

«Довести выпуск боевых самолетов к 1941 г. до 20000 шт… Обязать НКАП выпускать истребители с дальностью не менее 1000 км на 0,9 максимальной скорости… Обязать директоров моторных и самолетных заводов НКАП… давать ежедневные сообщения ЦК ВКП(б) и Наркомату Авиационной промышленности…»

Глава 5. «Морской Лев» боится воды

В Берлине все с большей тревогой поглядывали на Восток. Осведомительные сводки о военных приготовлениях Сталина аккуратно ложились на стол генерала Гальдера и докладывались фюреру. Иногда эти сводки были не совсем точны в деталях, но существо дела они передавали абсолютно правильно: Сталин, видимо, совсем потерял благоразумие и открыто готовит страну к большой войне. Если сталинская орда хлынет в Европу, ее будет не удержать. А дело явно идет к этому. Единственно, что можно сделать, – это нанести Сталину упреждающий удар. Но и это легче сказать, чем сделать.

После капитуляции Франции в Германии царило общее настроение, что война заканчивается. Разделял это настроение и сам Гитлер, приказав 15 июня демобилизовать 40 дивизий из 160. Объезжая памятные места сражений первой мировой войны, в которых он принимал личное участие, он заметил сопровождавшему его Максу Амману – бывшему фельдфебелю той же роты, где служил фюрер, ныне – крупному нацистскому издателю, что продолжение войны против Англии его совершенно не занимает, поскольку у англичан, по его мнению, обязательно победит здравый смысл и они пойдут на мирные переговоры. Макс Амман почтительно осведомился: не означает ли это, что воина закончена? Гитлер ответил утвердительно, заметив, что он очень рад столь быстрому окончанию войны по сравнению с предыдущей и тем минимальным потерям, которые понесла Германия, добившись при этом столь блистательных успехов.

Отражая мысли Гитлера, заместитель Йодля полковник Вальтер Варлимонт официально ответил на запрос штаба военно-морских сил по поводу продолжения войны с Англией следующим образом: «До сих пор фюрер не высказывал никакого намерения относительно высадки в Англии… До настоящего времени в ОКБ не велось по этому вопросу никаких подготовительных работ». Подобный же ответ пришел из генерального штаба вермахта, где говорилось: «Генеральный штаб не занимается вопросом высадки в Англии, считая подобную операцию невозможной». Флот, которому еще в ноябре 1939 года поручили провести теоретическую разработку проблемы «вторжения» в Англию, также занимался этой проблемой без всякого энтузиазма, лучше других служб зная, насколько немцам не под силу осуществить подобную десантную операцию. Знал это и Гитлер, который, как известно, ненавидел Англию в целом, но весьма почтительно относился к британскому флоту и впадал в панику при каждом его появлении на сцене. Желая поскорее закончить войну, Гитлер еще 11 июня, когда поражение Франции уже не вызывало никаких сомнений, дал интервью немецкому журналисту Карлу фон Вигнаду, чтобы оповестить мир, что в его, Гитлера, намерения не входят какие-либо враждебные действия против Западного полушария, что он не желает разрушения Британской империи, а настаивает лишь на смещении с поста «поджигателя войны Черчилля».

18 июня Риббентроп в беседе с итальянским министром иностранных дел графом Чиано как бы доверительно сообщил ему, что Англия должна лишь признать как свершившийся факт установление германского господства на европейском континенте, отдать принадлежавшие Германии колонии, захваченные англичанами в годы первой мировой войны и заключить с Германией новое торговое соглашение. На этих условиях Англия немедленно получит мир. В противном случае, блефовал Риббентроп, Англия будет

уничтожена. Рассчитывая заключить мир с Англией и побудить Францию к будущему сотрудничеству, Гитлер и французам решил не ставить чересчур жестких условий. У Франции, как водится, отбирались только Эльзас и Лотарингия. Колонии оставались во французских руках, флот подлежал лишь разоружению, армия – демобилизации.

Именно в этот момент Гитлер узнает о событиях на Востоке, где стремительно начало развиваться сталинское наступление на Запад. Разведка с тревогой докладывала об увеличении активности советских войск в Закавказье, где операторы генштаба приступили к съемке турецкой территории, об активности Красного Черноморского флота у берегов Румынии и Болгарии, а также у турецких проливов. На Балтике, после захвата Прибалтики, также резко возросла активность русского флота, растущего невероятными темпами. Надо немедленно перекидывать армию на Восток. Но Англия никак не реагирует на мирные предложения. По линии службы Вальтера Шелленберга немцы держат связь с проживающим в Лиссабоне герцогом Виндзорским – бывшим английским королем Эдуардом VIII, оставившим престол из-за любви к американской киноактрисе. Брат короля Георга IV не скрывает своих пронемецких симпатий. Он считает войну с Германией национальной трагедией Англии. Если бы он оставался на престоле – этого бы никогда не произошло. Используя свои громадные связи в Лондоне, герцог пытается побудить своих бывших подданных к благоразумию и признанию реальностей существующего мира.

Англия молчит, поглядывая на Восток. За триста лет своего существования английская разведка опутала своими щупальцами весь мир. Англичане лучше других понимают, что происходит в Москве. *Начав движение, Сталин еще сможет на некоторое время затормозить, но уже не сможет остановиться.* За это говорит все его поведение и небывалая в истории человечества программа милитаризации страны. Он, без сомнения, раздавит этого берлинского клоуна. Но тогда придется останавливать и его, ведь Сталин, распалясь, может дойти до Атлантики. Что лучше – Европа под Гитлером или Европа под Сталиным? «Главное – уничтожить Гитлера, – считает Черчилль. – Если бы Гитлер угрожал аду, я заключил бы без промедления союз с дьяволом!»

30 июня генерал Йодль представляет фюреру памятную записку о военных возможностях Англии в настоящее время, где прямо говорится:

«Окончательная победа Германии над Англией является только вопросом времени… Крупномасштабные наступательные операции противника более не являются возможными».

1 июля Гитлер, выступая перед активистами Трудового фронта, открытым текстом предлагает Англии мир. Он подчеркивает, что никаких причин для продолжения войны не существует. Германия готова вывести свои войска из Франции, Голландии, Бельгии, Люксембурга, Дании и Норвегии, дав этим странам «полную свободу национального развития». В голосе фюрера звучат ранее не свойственные ему оправдательные нотки. Что, собственно, он требует? Да ничего. Старые германские колонии? Разве это не справедливо? Признать право Германии на Эльзас, Лотарингию, Западную Польшу, на Богемию и Австрию? Разве это не исконные немецкие территории, отторгнутые в разное время от Германии силой оружия? Так за что же две великие европейские нации должны убивать друг друга?

Английский ответ оказался для Гитлера совершенно неожиданным. 3 июля соединения английского Средиземноморского флота под командованием адмирала Соммервиля атаковали французские военно-морские базы в Оране и Дакаре. Англия решила застраховать себя от неприятной и опасной перспективы захвата немцами французского флота или использования его с одобрения пораженческого правительства маршала Петэна для войны против Англии. Акция была тщательно отснята кинохроникой и подсунута Гитлеру…

Вот они: надменные и величественные, как английские лорды со старинных полотен, самый большой в мире боевой корабль – линейный крейсер «Худ». За ним линкор «Валлиэнт», прошедший через огненный смерч Ютланда. Далее – «Резолюшен» –

камуфлированная броневая громада послеютландской постройки. Красные кресты св. Георга на белых полотнищах флагов. Изрыгающие снопы огня страшные жерла пятнадцатидюймовых орудии. Боже, как это все знакомо! Пылающие французские корабли. Они взрываются, заваливаются на борт, выбрасываются на мель. Какие-то корабли пытаются вырваться из охваченной пламенем гавани. В воздухе английские торпедоносцы. Новые взрывы, бушующее пламя, мечущиеся фигурки людей…

Гитлер уперся руками в подлокотники кресла, как бы готовясь из него выпрыгнуть. Глаза-щелочки, как у рассвирепевшей пантеры. Тонкие губы вытянулись и дрожат. Топорщится щеточка усов. Еще никогда ему столь откровенно не плевали в лицо, причем именно в тот момент, когда он, как ему казалось, был преисполнен самых добрых и благих намерений. Проклятая Англия! Он заставит ее дорого заплатить за подобное унижение! Но это еще не все. На экране появляется мрачная фигура Черчилля. Рядом с ним какой-то долговязый и долгоносый французский генерал. Французские солдаты с карабинами «на караул». Французский и английский флаги, вьющиеся на ветру. До Гитлера смутно доходят слова «свободная Франция», «сражающаяся Франция», «мы будем сражаться до конца, до полного уничтожения Гитлера». Парад. Идут французские, польские, чешские, голландские и норвежские солдаты. Остатки разбитых и уничтоженных вермахтом армий, разными путями бежавшие в Англию. Клоунада! Черчилль смотрит с экрана без улыбки, дымя сигарой, опираясь на трость. Он мрачен.

Гитлер в ярости и смятении. Он то бегает по своему кабинету, то сидит скрючившись за столом, обхватив голову руками. Сводный рапорт разведывательных служб за июнь не способствует поднятию настроения. На секретных полигонах ведутся испытания каких-то принципиально новых видов оружия. Сведения отрывочны. Эксперты склоняются к мысли, что речь идет о каком-то виде термитного оружия. Складируется большое количество химического оружия. Где-то за Уралом ведутся опыты с бактериологическим оружием. Запущены в серию новые танки чудовищной мощности. Идут испытания принципиально нового типа истребителя на реактивной тяге. Киевский военный округ готовится к крупным маневрам. Секретные испытания нового типа парашюта для воздушно-десантных войск. Сталин подписал приказ довести в ближайшее время численность воздушно-десантных войск до миллиона человек…

Англия быстро приходит в себя от дюнкерского шока, в котором практически нисколько не пострадала основа ее могущества – флот. Идет строительство новых кораблей, включая несколько линкоров, тяжелых крейсеров и крупных авианосцев. Увеличили темп работ авиационные заводы. Заметно возросла активность английской разведки на Балканах и Ближнем Востоке. Очевидна опасность английских провокаций, чтобы вынудить Гитлера на непродуманные ответные действия Англия фактически обрела себе нового союзника – Соединенные Штаты, чей нейтралитет, судя по всему, превращается в клочок бумаги. Из США в Англию потоком идет сырье и вооружение, скрытые под флагом американского нейтралитета. Любое задержание их судов американцы раздувают до международного скандала.

В самих Соединенных Штатах все более намечается тенденция к наращиванию военной мощи. Предполагается увеличить производство самолетов до 50 тысяч в год. Намечено строительство новых военных баз. Осведомленные источники полагают, что Рузвельт в конце концов проведет закон о всеобщей воинской обязанности с тем, чтобы довести армию США до 4-6 миллионов человек.

Таким образом, все перечисленное говорит о том, что Соединенные Штаты намерены выступить против Германии, как только им удастся развернуть необходимые для этого вооруженные силы. Ориентировочно это может произойти в середине 1942 или в начале

1943 года. Примерно к этому же времени ожидается полное перевооружение Красной Армии и доведение англичанами своей морской и военной мощи до несравнимого с немцами состояния.

Гитлер делает вывод, что налицо новое окружение Германии коалицией сверхдержав, управляемых силами международного еврейства. Указанные силы, стоящие за спиной Черчилля и Рузвельта, в настоящее время мобилизуются, чтобы не только сорвать исторические задачи Германии, но и уничтожить Германию как государство. Именно их голосом вещает Черчилль, отвергая мирные предложения и говоря об «уничтожении гитлеризма». Более того, в настоящее время все сильнее вырисовывается тенденция союза между силами еврейского плутократического капитала и большевизма…

Можно с уверенностью сказать, что эти силы не пойдут ни на какие мирные переговоры с Германией, какие бы условия ни выставлялись германским правительством, ибо их целью является владычество над миром… Германской империи навязывается война на уничтожение, и если будет упущено время, перспектива этой борьбы видится весьма мрачной, учитывая катастрофическое неравенство сил во всех областях, начиная от людских ресурсов и кончая наличием стратегического сырья и возможностями промышленности… Поэтому до лета 1942 года, т. е. до предположительного срока окончательной готовности войне Соединенных Штатов, необходимо покончить с Англией и Россией, а затем, форсируя программу военно-морского строительства, совместно с Японией и Италией обрушиться на Соединенные Штаты, сокрушив, таким образом, последний бастион международного еврейства в мире и дать немецкому народу достойное его будущее…

Гитлер сидит в задумчивости. Летний ветерок, прорвавшись через тяжелые шторы, шевелит листами доклада, испещренными совершенно секретными штампами различных служб, принимавших участие в его составлении. Возразить нечего. Конечно, евреи! Они объединились против него потому, что он отобрал у них в Германии деньги и богатства, высосанные вместе с кровью из немецкого народа. Потому, что он пресек их беспредельный произвол! Потому, что они погубили его мать неправильным лечением! Они погубили его талант художника! Он никогда не забудет их наглые ухмылки в Венской Художественной Академии! И сейчас они хотят окончательно его уничтожить! Вот она – пухлая, унизанная золотыми кольцами и бриллиантовыми перстнями, омерзительная рука, тянущаяся к его горлу. Снова приступ удушья. Взволнованные лица адъютантов, верный Моррель со шприцем в руке, холодная испарина на лбу…

Итак, враги окружают его, но пока это окружение не завершилось, еще есть шанс разгромить их поодиночке или превратить в союзников. Очевидно, что главный враг – это Сталин. Прежде всего надо разобраться с ним. Для этого нужно сосредоточить на восточных границах достаточное количество сил, чтобы разгромить сталинскую армию в ходе короткой, молниеносной операции, скажем, осенью этого года. Нереально. За это время не произвести сосредоточения и развертывания необходимых сил. Хорошо, тогда весной следующего года. А если Сталин, увидев сосредоточение столь крупных сил на своих границах, сам нанесет упредительный удар еще до того, как вермахт будет полностью готов к вторжению? Его надо обмануть, развернув глобальную операцию по дезинформации, скрыв направление главного удара. *Сделать так, чтобы он был уверен, что удар мы нанесем по Англии, в то время как в действительности мы нанесем удар по Сталину.* Рискованно? Да. Но если сталинская орда вторгнется в Европу, имея уже сейчас подавляющее превосходство в людях, танках и авиации, то ее будет не остановить! Разгромить ее можно только сокрушительным внезапным ударом.

Присутствовавшие на совещании Кейтель, Йодль, Гальдер и Браухич представляли армию, Гейдрих, Канарис и Шелленберг – разведывательные службы, Геринг, Риббентроп и Гесс – партию. Характерно, что не было Гиммлера, который находился в Австрии, и никого от флота. Все присутствующие сосредоточенно молчали, обдумывая предложенный план,

который в своей сущности сводился к следующему: начать шумную подготовку к вторжению на Британские острова, а под шумок этой подготовки сосредоточить войска на советской границе и сокрушить Сталина. Если в ходе направленных против Англии мероприятий по дезинформации Сталина удастся принудить Англию к капитуляции или миру, то тем лучше. Но удар по России необходимо нанести в любом случае. Кроме присутствующих, ни одна живая душа, независимо от занимаемой должности и чина, не должна знать об этой операции, кодовое наименование которой отныне будет «Гарпун». В ходе выполнения операции «Гарпун» желательно уничтожить военно-воздушные силы Англии и хоть как-то ослабить ее военно-морские силы, избегая при этом ненужных потерь. Иллюзия возможного десанта должна быть полной, чтобы держать Англию и весь мир, особенно Сталина, в постоянном напряжении и ожидании.

Дальше произошла как бы неожиданность, поразившая почти все командование вооруженных сил и особенно командование флотом, которое все последующее примет за чистую монету . Впрочем, командование люфтваффе находилось не в лучшем положении. Геринг, естественно, не информировал о замысле даже своих ближайших сотрудников, но со свойственной ему безответственностью успел пообещать фюреру сокрушить английскую авиацию максимум за три недели. Все еще прекрасно помнили, как совсем недавно, 13 июля, на совещании в Бергхофе Гитлер, выступая перед представителями командования всех родов войск, совершенно открыто говорил о нежелательности дальнейшего ведения войны против Англии и удивлялся, почему она не ищет мира. «Если мы разгромим Англию в военном отношении, то вся Британская империя распадется, – аргументировал свою позицию фюрер, – однако Германия ничего от этого не выиграет. Разгром Англии будет достигнут ценой немецкой крови, а пожинать плоды будут Япония, Америка и другие». Все были, в принципе, с этим согласны и радовались столь рациональному мышлению своего фюрера.

И вот всего через три дня, т.е. 16 июля 1940 года, генералы и адмиралы, еще недавно столь удовлетворенные логичностью мышления своего фюрера, получают подписанную Гитлером Директиву № 16 следующего содержания:

«Фюрер и
Верховный Главнокомандующий
Вооруженными силами

Штаб-квартира фюрера
16 июля 1940 года
7 экземпляров

Строго секретно!

Директива № 16
О ПОДГОТОВКЕ ДЕСАНТНОЙ ОПЕРАЦИИ ПРОТИВ АНГЛИИ

Поскольку Англия, несмотря на свое безнадежное военное положение, все еще не выказывает никаких признаков готовности к мирному соглашению, я принял решение подготовиться к десантной операции против Англии и осуществить ее, если в этом возникнет необходимость. Целью этой операции является уничтожение английской метрополии как базы дальнейшего ведения войны против Германии, а при необходимости полной ее оккупации…»

Далее в директиве указывалось, что осуществление операции, получившей кодовое наименование «Морской Лев», должно быть проведено внезапным форсированием Ла-Манша на широком фронте примерно от Рамегета до района западнее о. Уайт. В качестве предпосылок десанта на территорию Англии указывалось: разгром вражеских ВВС, «чтобы они не могли оказать заметного сопротивления германской операции», создание маршрутов, свободных от мин, подготовка минных заграждений на флангах на маршрутов десанта, а также сковывание английских военно-морских сил в Северном и Средиземном морях.

Командование сухопутных сил получило задачу разработать оперативный план переброски соединений первого эшелона, распределить переправочные средства, установить совместно со штабом ВМС районы погрузки и выгрузки. Командованию военно-морских сил поручалось разработать оперативный план, обеспечить и подвести в районы погрузки переправочные средства в количестве, отвечающем требованиям сухопутных сил, обеспечить охрану операции с флангов, подготовить береговую артиллерию. Подготовку операции требовалось завершить к середине августа. Фельдмаршалы Браухич и Рундштедт прочитав директиву, внешне сохранили полное спокойствие. Не исключено, что знавший всю правду Браухич намекнул своему старому другу, чтобы тот особенно не беспокоился – никакой высадки не будет. Да и собственного опыта Рундштедта вполне хватало, чтобы понять абсолютную практическую неосуществимость операции «Морской Лев» [22].

Поэтому уже 17 июля, т.е. менее чем через сутки после получения директивы, командование сухопутных войск специальной директивой выделило для осуществления вторжения группу армий «Б» в составе 16, 9 и 6-й армий. В лихо составленном оперативном плане, в каждой строчке которого сквозит надежда на его неосуществление, все было четко и просто. Шесть пехотных дивизий 16-й армии генерала Эрнеста Буша, погрузившись на транспорты в районе Па-де-Кале, захватывают плацдармы между Рамосгетом и Бексхиллом. Четыре дивизии 9-й армии генерала Адольфа Штрауса, совершив бросок через Ла-Манш из района Гавра, высаживаются между Бригхтоном и островом Уайт. Западнее три дивизии 6-й армии фельдмаршала фон Рейхенау, выйдя из Шербура, высаживаются в бухте Лайми. Всего в первой волне на плацдармы южного побережья Англии высаживаются 90 тысяч человек, а на третий день операции их число должно увеличиться до 200 тысяч. Шесть танковых и три моторизованные дивизии высаживаются во второй волне, и на четвертый день операции на плацдармах концентрируются 39 дивизий, не считая двух воздушно-десантных, выброшенных впереди первой волны с задачей дезорганизации узлов связи и управления в оперативном тылу противника.

Как это все будет доставлено на плацдармы – армию не интересовало. Для этого существует флот. Армия готова. Но флот в лице гросс-адмирала Редера сразу же стал закатывать истерики. Едва прочитав Директиву № 16, Редер кинулся к Браухичу и прямо заявил ему, что военно-морское командование не видит реальной возможности подготовить флот к осуществлению операции «Морской Лев» к середине августа. Более того, задачи, поставленные директивой, совершенно не отвечают состоянию флота. Сухопутные силы уже сосредоточены в Бельгии и Северной Франции, авиация развернута на французских и бельгийских аэродромах, а флоту предстоит полная перегруппировка сил, изменение базирования, создание новых стоянок. Кроме того, армейский план не учитывает такой фактор, как погода: туманы, штормы, течения. Этот план как-то совсем не учитывает английского флота, который втрое сильнее нашего! Браухич слушает адмирала с непроницаемым лицом. Приказ фюрера не подлежит обсуждению. Проблемы флота армию мало интересуют.

В панике Редер пробивается в неурочное время на прием к фюреру. Понимая, что он рискует своей карьерой, адмирал официально заявляет Гитлеру, что к 15 августа флот ни в коем случае не будет готов к осуществлению вторжения в Англию. Адмирал взвинчен до

предела, ожидая взрыва со стороны фюрера. Но тот мягко берет его под руку и увлекает на прогулку в тенистую аллею вековых дубов – любимое место прогулок и размышлений. Конечно, он не отдаст приказа о вторжении, если флот не будет к нему готов. Не надо нервничать, дорогой мой Редер!

Директива Гитлера № 16 легла на стол Станина почти одновременно с ее прибытием в канцелярию Браухича. Советская разведка оказалась на высоте, хотя здесь явно чувствуется бескорыстная помощь немцев. Вождь внимательно прочел директиву фюрера и почувствовал прилив вдохновения. Экий дурак! Как завелся! Если он сунется на острова, вот тут-то мы ему и дадим по затылку. Надо только создать ему условия, чтобы опять не струсил в последний момент. Сталин вызывает начальника разведки генерала Проскурова и спрашивает: есть ли у немцев действительно возможность осуществления вторжения на Британским острова? «Нет, – отвечает прямой и честный Проскуров, позволявший себе цитировать Троцкого в присутствии Сталина. – Никакой возможности у них нет. Это блеф от начала до конца.

– Блеф? Зачем?

– Видимо, чтобы запугать Англию, вынудить ее к приемлемому для Германии миру, к признанию немецкой гегемонии в Европе…

– Но почему вы все-таки считаете вторжение невозможным?

– Подобное вторжение, – объясняет вождю Проскуров, – зависит от четырех главных условий:

Первое: предварительного установления германской авиацией господства в воздухе.

Второе: обеспечения господства на море хотя бы в районе вторжения и надежного сковывания сил британского флота в Атлантике и Северном море.

Третье: наличия достаточного тоннажа средств десантирования.

Четвертое: возможности преодоления береговой обороны и сопротивления английских войск в ее глубине.

Только выполнив все четыре условия без исключения, немцы могут надеяться на успех. Не обеспечив хотя бы одного из них, они лишатся всяких шансов».

Сталин слушает, не перебивая, внимательно по своей привычке прохаживаясь по кабинету. Присутствующие на докладе Проскурова Шапошников, Мерецков и Тимошенко молчат. Они чувствуют, что Проскуров говорит совсем не то, что хотел бы услышать вождь.

По нашим данным британская авиационная промышленность выпустила в мае 1279 самолетов, в июне 1591, а в текущем месяце намерена выпустить примерно 1700. Это – не считая самолетов, которые по заказу англичан производятся на американских заводах.

В настоящее время у немцев на аэродромах Западной Европы сконцентрировано не более 600 готовых к бою истребителей типа «Мессершмит-109» и примерно 1100 бомбардировщиков всех типов, включая и двухместные истребители «Ме-109», используемые в качестве бомбардировщиков.

Таким образом, продолжает Проскуров, мы видим, что английская истребительная авиация – основное средство борьбы за господство в воздухе – численно в несколько раз превосходит немецкую, имея при этом дополнительное преимущество: англичанам придется драться над своими базами, в то время как немцам придется делать то же самое на последних граммах горючего.

Что касается второго условия – обеспечения господства на море – то здесь положение Германии выглядит вообще бесперспективным. В настоящее время немецкий флот имеет в готовности лишь четыре крейсера и некоторое количество эсминцев, торпедных катеров и минных заградителей. Английский же флот, по нашим данным, только в водах метрополии имеет 5 линкоров, 2 авианосца, 11 крейсеров и более 80 эсминцев. Кроме того, достоверно

известно, что прибрежные воды Британии прикрыты плотной зоной минных и иных заграждений. Эти воды охраняют более 700 малых кораблей, из них 200-300 находятся постоянно в море. Сорок соединений флота непрерывно патрулируют воды между Хамбером и Портсмутом.

Далее – транспортные средства для осуществления столь крупного десанта. Их у немцев нет. Необходимое количество можно обеспечить лишь путем широкой мобилизации тоннажа из германского народного хозяйства, в частности, с Рейна. Подобная мобилизация нанесет очень тяжелый удар по экономике Германии. Кроме того, даже если Гитлер пойдет на мобилизацию тоннажа, для сосредоточения необходимого количества транспортных средств потребуется не менее трех месяцев, т.е. где-то к концу октября, когда ни о какой высадке не может быть и речи из-за погодных условий в Ла-Манше в это время года…»

Сталин прерывает доклад начальника разведки резким и нетерпеливым движением руки с зажатой в ней трубкой. Все молчат. Сталин, прохаживаясь по кабинету, начинает говорить, не обращаясь ни к кому конкретно, как бы разговаривая сам с собой: «В 1920 году, когда Врангель засел в Крыму военспецы-вредители также уверяли нас, что Перекоп неприступен и что взять его не удастся. Но мы этих военспецов не послушали, мы расстреляли их, а товарищи Ворошилов и Фрунзе взяли Перекоп…»

Сталина нисколько не смущает тот факт, что все присутствующие отлично знают, как все было на самом деле, как шли через неожиданно обмелевший Сиваш отряды крестьянской армии Махно, обманом вовлеченные в войну против Врангеля.

«Мы взяли Перекоп, – задумчиво продолжает Сталин, – потому что каждому коммунисту, если он настоящий коммунист, известно, что Красная Армия…»

Вождь замолкает на полуслове и обращается уже к побледневшему генералу Проскурову, хорошо понявшему пассаж вождя о военспецах-вредителях:

«Совсем недавно, товарищ Проскуров, вы уверяли нас со своими цифрами и данными, что наступление немцев на Западе приведет к затяжной и кровопролитной войне Теперь вы также нас уверяете, пытаетесь уверить, что десант в Англию невозможен. Таким образом, вы вводите в заблуждение Политбюро ЦК…»

В тот же день генерал Проскуров был снят с должности, через неделю арестован, а в октябре 1941 года, когда выяснилось, что на этот раз он был совершенно прав, расстрелян. Новым начальником разведки был назначен генерал Голиков.

Печальная судьба несчастного Проскурова ясно показала всем, чего хочет вождь. *Вождь хочет немецкого вторжения в Англию* . Это определило весь стиль последующей работы. В первом докладе генерал Голиков, опровергая все выводы своего незадачливого предшественника, доказал вождю, что вторжение в Англию не только возможно, но просто неизбежно и может произойти в любой следующий день.

Голиков откровенно вводил вождя в заблуждение. Никаких данных о неизбежности десанта у него не было. Напротив, у него было донесение советского военно-морского атташе в Берлине капитана 1-го ранга Воронцова о том, что источники в верхах немецкого флота считают десант неосуществимым. Об этом же докладывает и военный атташе генерал Пуркаев, заметивший переброску войск вместо северной Франции в восточную Польшу.

Настырный советский военный атташе уже достаточно надоел немцам. Вклеив в альбом последнюю фотографию об амурных похождениях лихого комкора, немцы любезно пересылают этот альбом в Москву, где Сталин, поглаживая усы, с интересом его рассматривает. Захлопнув альбом, Сталин комментирует увиденное словами: «Хорош, нечего сказать!» и приказывает Голикову вызвать этого «молодца» в Москву. Ничего не подозревающий Пуркаев является в приемную Голикова и просит дежурного доложить о своем прибытии. Не успевает дежурный сделать это, как появляются двое красноармейцев с винтовками и встают с обеих сторон стула, на котором генерал Пуркаев ожидает приема.

Время идет, а его никуда не уводят, он продолжает сидеть в приемной своего непосредственного начальника, не зная, что тот уже в течение трех часов пытается дозвониться в Кремль.

Наконец Филипп Голиков, красный, злой и расстроенный выходит в приемную. Не здороваясь с Пуркаевым, он делает знак конвойным вести военного атташе за ним. Пуркаева выводят во двор, где сажают в машину. Пуркаев не помнит, как и куда его вели, пока он не оказался в кабинете Сталина. Как ни странно, но, увидев альбом, Пуркаев успокоился и даже стал объяснять Сталину, какую именно информацию он получал от изображенных на фотографиях голых девиц. Сталин благожелательно усмехается в усы: «Видимо, вы разнюхали что-то очень интересное, что они прислали этот альбом сюда. Они надеются, что мы вас расстреляем. Но мы вас, товарищ Пуркаев, не расстреляем, а пошлем обратно в Берлин».

Что думает Пуркаев о готовящемся вторжении в Англию? Возможно ли оно? Конечно, возможно, уверенно отвечает генерал. Именно об этом узнавал он от проинструктированных гестапо девочек-патриоток, благодаря которым Пуркаев и предстал перед вождем…

Над глухими стенами кунцевской дачи повисла темная ночь, слишком темная для июльского Подмосковья, временами идет дождь. Тяжелые капли барабанят по крышам дачных построек, шумят в листве подступающих к самым стенам деревьев. Три кольца внешней охраны зорко несут службу у шлагбаумов на дорогах, в секретных пикетах и засадах вдоль всего пути. Начеку и внутренняя охрана дачи, готовая в любую минуту осветить ночную тьму слепящим светом скрытых в кронах деревьев прожекторов и обрушить на любого нарушителя ливень огня, специально выдрессированных овчарок.

По долгу службы офицеры охраны знают много больше, чем им положено знать. Знают о мине, обнаруженной на трибуне Мавзолея накануне первомайского парада 1938 года, знают и о минах, таинственным образом появляющихся на маршруте следования Сталина из Кремля в Кунцево, знают и о том, о чем вообще никому не положено знать: о ночном бое всего в двух километра от дачи, разгоревшемся вьюжной ночью 3 февраля 1930 года, когда группа неизвестных в количестве 12 человек явно прошедших специальную подготовку, пыталась прорваться к даче. 37 сотрудников охраны остались лежать в лесу – пули неизвестных были покрыты слоем цианида, вызывая при любом попадании быструю смерть. Никого взять живым не удалось. Не удалось даже установить, было ли их 12 или больше. Трупы отправили куда-то, а затем по одному, но быстро стали исчезать все принимавшие участие в этом бою. Упоминать о нем запрещалось, но знали о нем все, кто охранял дачу Сталина в Кунцево.

Стояла полная тишина, если не считать шума дождя. Охрана должна действовать бесшумно, незаметно и со стопроцентной надежностью. Ничто не должно тревожить сон вождя в это ненастное июльское предрассветное время. Но Сталин не спит. Он сидит в глубоком кресле, буквально утопая в нем. Свет в комнате затемнен, но не погашен. Расширившиеся черные глаза вождя смотрят в пространство немигающим взором. Странный матовый румянец проступает на коже щек, совершенно утративших свою обычную маслянистость. Кожа лба натянулась так, что лоб кажется больше обычного. Морщины исчезли, и все лицо выглядит удивительно помолодевшим. Дыхание редкое и очень глубокое. Руки покоятся на подлокотниках, пальцы временами слабо перебирают их.

Страшная, неведомая энергия вливается в него. Он сам не знает ее природы, он боится ее, но без этой энергии он уже давно не может существовать. Это началось давно, еще в Туруханской ссылке, когда туземцы, веками жившие в гармонии с нечеловечески суровой природой крайнего Севера, научили его, как подключаться к великой энергии Неба, чтобы выжить сегодня и иметь силы идти завтра многие десятки верст за несметными стадами своих оленей. И олени будут подчиняться твоей воле. Ему тоже надо выжить сегодня, а

завтра управлять несметным стадом своих подданных, ибо энергии, необходимой для управления стадом оленей, вполне хватало для волевого порабощения двухсот миллионов людей…

На рассвете 19 июля 1940 года под аккомпанемент затянувшегося дождя из ворот кунцевской дачи выехали три машины. Проскочив через лес секретными подъездными путями, кортеж выехал на закрытое стратегическое шоссе, обозначавшееся в документах под наименованием «Серпуховское», хотя никакого отношения к Серпухову оно не имело. Через полчаса езды машины резко свернули на проселок, скрытый от посторонних глаз сросшимися кронами вековых деревьев, миновали огромный фанерный щит с надписью «Внимание! Запретная зона. Огонь без предупреждения!», и остановились перед шлагбаумом. Короткая заминка – и шлагбаум открылся, пропуская одну машину из трех. Две остались ожидать на обочине. Машина, в которой находился Сталин, проехала еще два контрольно-пропускных пункта и через пару километров остановилась. Дорога окончилась, упершись в заросли кустарника.

Сталин вышел из машины, перебросил через руку плащ и пошел в кустарник, через который шла еле заметная тропинка, ведущая к берегу тихого лесного озера.

Посреди озера находился островок, весь заросший вековыми деревьями, сквозь которые проглядывал двухэтажный старинный особняк, принадлежавший некогда богатому купцу. Сталина ждала лодка. Лодочник-старик, заросший до глаз бородой, в прорезиненном длинном плаще с капюшоном не проронил ни слова, увидев идущего к нему Сталина. Молча дождавшись, пока вождь устроится в лодке, старик взмахнул веслами и быстро доставил Сталина на противоположный берег. Сталин вышел из лодки и стал подниматься по тропинке, петляющей между деревьями по направлению к особняку.

Вокруг все было чисто и ухожено. Ровными рядами поленницы дров, деловито бродили куры, щипали траву привязанные к деревьям коровы – забытая сельская идиллия конца прошлого века. Сталин поднялся на крыльцо. В этот момент отворилась дверь и навстречу ему вышла высокая женщина в низко повязанном платке и длинном холщовом платье. Она была очень старой, но сохранила осанку и стройность фигуры. Не сказав ни слова, женщина молча посторонилась, пропуская Сталина в дом. Сталин также ничего не сказал, даже не удостоил ее кивка.

В холле первого этажа находился стол с телефоном, в углах висели два огнетушителя, красовался противопожарный щит с баграми и кирками, два канцелярских стула – более ничего. Женщина осталась в холле. Сталин стал подниматься на второй этаж, где его встретила другая женщина, одетая подобно первой, столь же стройная, величественная, с пронзительными серыми глазами и увядшим пожилым лицом.

На столике перед большой двустворчатой дверью стоял поднос, уставленный какими-то пузырьками с лекарствами, лежала открытая книга на французском языке.

«Как он?» – спросил Сталин, передавая женщине плащ и фуражку. Женщина ничего не ответила, ее серые глаза пытались встретиться с глазами вождя, но тот, не ожидая какого-либо ответа, открыл дверь и тщательно прикрыл ее за собой. В большой полутемной комнате, освещаемой только серым светом дождливого утра, пробивающимся через тяжелые шторы, Сталин на мгновение остановился и огляделся.

Письменный стол красного дерева со старорежимными завитушками занимал добрую треть помещения. Книжный шкаф даже в полутьме сверкал золотыми корешками старинных книг на разных языках. На отдельной полке теснились красные томики собрания сочинений Ленина. Несколько картин в массивных золоченых рамах и множество развешанных по стенам фотографий и миниатюр рассмотреть в темноте было невозможно. Завешанная тяжелой портьерой дверь вела в смежную комнату. Уверенно нащупав за портьерой ручку, Сталин открыл дверь. Комната, несколько меньше предыдущей, была освещена старинной

люстрой с двенадцатью свечами. Одна из стен была почти полностью покрыта иконами. Под некоторыми мерцали лампадки.

На простой железной кровати с никелированными шарами лежал старик с длинной, совершенно белой, но ухоженной бородой. Глаза его были закрыты. Женщина, очень похожая на ту, которую Сталин встретил в холле, сидела в изголовье старца и что-то читала ему вслух. Увидев Сталина, она закрыла книгу, встала и, не произнеся ни слова, вышла из комнаты. Сталин сел на ее место. Старик лежал с закрытыми глазами и молчал. Сталин тоже молчал. Молча он вынул трубку, набил ее и закурил.

«Мы вышли на Неман, Буг и Прут», – тихо сказал вождь.

«Благослови тебя Господь», – прошептал старик, не открывая глаз. Сталин, замявшись на мгновение, продолжает:

«Мы пойдем дальше. Дойдем до океана. Момент очень благоприятный».

Старик открывает глаза. Кротким и добрым взглядом он смотрит на диктатора с каким-то смешанным выражением удивления и испуга.

«Не надо, – неожиданно твердым и звучным голосом говорит он. – Россия не сможет прожить без Европы, уничтожив Европу, она погибнет. Россия и Европа – части одного организма. В нашей истории было много моментов, когда можно было захватить Европу. Вспомни Семилетнюю войну и поход Александра Благословенного. Но Господь удержал нас от искушения. С нашей низкой культурой и вековой отсталостью мы не сможем господствовать над миром, даже если и захватим его военной рукой…»

Сталин раздраженно сопит, перебирая пальцами потухшую трубку. Старик всегда был политически ограниченным, таким он и остался, продолжая уповать на волю Божью, хотя и изучил труды Маркса и Ленина. Однако так и не понял, что он, Сталин, действует не на основании каких-то там предписаний Господа Бога, а на основании учения, которое, как говаривал Ленин, непобедимо, потому что верно. Старик так и не понял, что капитализм вступил в свою последнюю загнивающую стадию, именуемую империализмом, и собственной агонией проложит путь к пролетарским революциям во всех странах мира. Низкая культура! Отсталость! Смешно слышать подобные вещи, когда мы вооружены самой передовой в мире научной теорией и в кратчайший срок насадили самую передовую в мире культуру, одинаково прекрасную и для наркома, и для колхозника! Отсталость и низкая культура – все это было во времена старика, а ныне именно наша идеология и культура, наши ценности могут и должны доминировать в мире. И они будут доминировать, поскольку у мира просто нет альтернативы такому развитию. И все события сегодняшнего дня разве не являются подтверждением гениальных пророчеств классиков-основоположников Великого учения? И это не пророчества какого-нибудь Гришки Распутина, а четкое, выверенное, математически рассчитанное до пятого знака, строго научное предвидение, ежедневно, ежечасно подтверждаемое самой жизнью. Но старику, конечно, этого не втолковать. Он жил и живет, а вернее доживает в своем православном национальном патриотизме, и ему никогда не подняться до высот пролетарского интернационализма. Сталин встает и выходит из комнаты, плотно прикрыв за дверь… [23]

А по всему Советскому Союзу прокатываются шумные «спонтанные» митинги рабочих, приветствующих и одобряющих последние антирабочие указы, превращающие их в бесправных и безликих рабов. Огромная страна, хлюпая по грязи и крови, по костям своих и чужих подданных, уже почти неприкрыто выходит на тропу войны.

Выступая на сессии ВЦСПС, Шверник вдохновляет профсоюзных делегатов: «Мы должны быть готовыми в любой момент к самым тяжелым испытаниям, которые только могут быть возможны». Притихший зал пытается сообразить, откуда свалятся на СССР эти «тяжелые испытания»: из Англии, Японии или Германии? Вроде больше уже никого не осталось.

Между тем Шверник продолжает: «Товарищи, товарищ Сталин учит нас, что наиболее опасные вещи в мире всегда случаются совершенно неожиданно… Сегодня международная обстановка требует от нас изо дня в день усиления обороноспособности нашей страны и мощи наших вооруженных сил!»

Газеты опубликовывают сообщение главного командования вермахта о потерях Германии в ходе блицкрига на Западе: 27000 убитых, 18 пропавших без вести, 111000 раненых. Взято в плен – 1 миллион 900 тысяч солдат и офицеров противника, включая пять командующих армиями. Потери, почти втрое меньшие советских потерь в войне с крошечной Финляндией, неприятно резанули слух Сталина и его ближайшего окружения. Даже питавшееся одними слухами о собственных потерях население не могло не обратить на это внимания. Затаенная надежда, что Германия выйдет из этой войны ослабленной и обескровленной, рассыпалась в прах. Впервые миллионы русских услышали фамилии, от одного звука которых сердца сжимались в страшном зловещем предзнаменовании: Гудериан, Клейст, Гот, Манштейн…

Но в Кремле никакого предзнаменования не чувствовали. Напротив, на оперативно-тактической игре, проведенной 25 июля в присутствии Сталина, действия немецких танковых групп были признаны «авантюристическими». На славу поработала разведка, доставившая для аналитиков несколько кубометров оперативно-тактических приказов по различным танковым группам вермахта. Сплошная авантюра! Извольте убедиться, в свойственной ему старорежимной манере докладывает маршал Шапошников. Танки опережают пехоту чуть ли не на недельный переход. Несутся вперед без обеспеченного тыла и флангов. В отличие от первой мировой войны, в боевых порядках исключительно слабая артиллерийская насыщенность, с воздуха группу поддерживает, по нашим меркам, авиационная бригада неполного состава.

Немцы берут на испуг! Хорошо дисциплинированная, не поддающаяся панике армия без труда справится с подобной, совершенно непродуманной тактикой, отрезав танки от пехоты, а спешащую за танками пехоту от тылов. Это первое. И второе: оборона у немцев совершенно не продумана. Гудериан гоняет с фланга на фланг одну кавалерийскую дивизию, которая справляется со своей задачей в инерции стремительного наступления. Но если сама группировка подвергнется удару, да при этом будут выведены из строя ее средства управления и связи, то разгромить ее не составит особого труда.

Как показывают наши расчеты, треть они потеряют на переходе морем и при выгрузке на плацдарме, еще треть – при прорыве английской обороны. И вот тогда начинаем действовать мы. Важно не упустить момент, а потому постоянно держать армию в готовности. Кроме того, расчеты, проведенные генеральным штабом, показывают, что для проведения операции столь крупного масштаба, какой является «Гроза», необходимо увеличение танкового парка на 40%, самолетного – на 50%, численного состава армии – на треть.

Не произнеся ни слова, Сталин только кивками головы давал понять, что в принципе согласен с выводами военных и отпустил всех с миром.

Из самоуверенного, коварного политика Сталин постепенно начинает превращаться в военного лидера. Всего через пять лет, став, подобно Суворову, генералиссимусом русской армии, он дружески скажет фельдмаршалу Монтгомери: «К черту политиков. Ведь мы с вами военные!» Но это будет через пять лет – долгих, как геологическая эпоха. А пока он изучает устав РККА, путаясь в терминах и формулировках. Он ни дня не служил в армии, а гражданская война только научила его бояться военных и не доверять им.

В отличие от Сталина Гитлер имел все основания считать себя опытным военным – как никак, а всю первую мировую отсидел в окопах и ранен был, и газами отравлен, и боевые

награды имел. Что бы об этих наградах ни говорили злые языки, а в кайзеровской армии их зря не давали.

Вышел он из этой воины с полным презрением к своим обанкротившимся генералам и с чувством глубокого к ним недоверия. На досуге между митингами и партийными заботами внимательно проштудировал труды Клаузевица, Мольтке-старшего и незабвенного Шлиффена, придя к выводу, что генералы только пишут книги, но сами их никогда не читают.

В который раз Гитлер продумывает свой план. Конечно, он понимает, что высадка в Англии при нынешнем состоянии немецкого флота – безумие. Но многих эта идея увлекла настолько, что реальность опять поблекла, прикрытая миражом стремительного броска через Ла-Манш. Это великолепно! Именно в тот момент, когда все в мире будут ждать нашего десанта в Англию, мы обрушимся и свернем наконец шею этому гнусному еврейскому прихвостню в Кремле! Тут главное – все сделать тонко, потому что ясно уже, что он только и ждет, когда мы начнем высаживаться в Англии, чтобы напасть на нас. Но как ни действуй тонко, развернуть примерно 200 дивизий на русских границах незаметно не удастся.

Не будь пролива Ла-Манш Гитлер, наверное, умер бы от беспокойства, что его слишком много возомнившие о себе, а главное, до ужаса недисциплинированные генералы сами начнут вторжение в Англию и спровоцируют Сталина на выступление. Это будет крах. Если большевистская орда нападет первой, ее уже будет не остановить, тем более что вермахт, организованный для стремительного наступления, обороняться не любит, да толком и не умеет.

Но тут можно быть спокойным. Ла-Манш не только охраняет Англию от вторжения, он в неменьшей степени охраняет Гитлера от всяких неожиданностей и дает возможность тщательно подготовить своей коварный план. Он рассчитал все правильно. Пришедший в ужас от предстоящей задачи адмирал Редер вынужден выполнять приказ, но ходит за фюрером буквально по пятам и чуть не плача умоляет, чтоб операцию «Морской Лев» отсрочили, а еще лучше – отменили.

Гитлер знает, что Редер не подведет – он сделает все, чтобы сорвать десант. Слава Богу, адмирал опытный и знает, как это делается. И Гитлер не ошибся. 29 июля Главный Штаб флота направил на его имя меморандум, умоляя не проводить высадку в этом году, а перенести ее на май 1941 года или позднее, т.е. отменить вообще.

31 июля Гитлер снова собирает руководство вооруженными силами на своей вилле в Оберзальцберге. Присутствуют, как всегда, Кейтель и Йодль от штаба верховного командования, Браухич и Гальдер от штаба командования сухопутными силами. Все внимательно слушают взволнованного Редера. Не теряя времени на выбор выражений гросс-адмирал прямо говорит, что считает невозможным при нынешнем соотношении военно-морских сил совершить транспортировку такого количества войск через пролив. Кроме того, до ввода в строй линейных кораблей «Бисмарк» и «Тирпиц» операцию по отвлечению английского флота из вод метрополии надежно не провести. А оба корабля, хотя работы на них идут круглосуточно, не могут быть введены в строй ранее весны 1941 года. Далее: весьма активна английская авиация, непохоже, что люфтваффе завоевала господство в воздухе. Весь июль немецкая авиация бомбила английские суда в проливе и южные порты Великобритании. Геринг обещал в течение июля уничтожить истребительную авиацию противника, втянув ее в бои над Ла-Маншем. Каков же итог, господа? По непроверенным данным, люфтваффе утопила всего четыре английских эсминца и 18 каботажных судов, потеряв при этом 296 самолетов уничтоженными и 136 поврежденными. Англичане же объявили, что потеряли 148 истребителей. Но в любом случае, продолжает

главнокомандующий кригсмарине, даже если бы всех вышеназванных условий не существовало, флот не в состоянии закончить подготовку ранее 15 сентября.

Речь идет только о сосредоточении десантно-высадочных средств, и то при условии, что не возникнет непредвиденных обстоятельств из-за действий противника или из-за погоды. (Погода – лучший друг адмиралов всего мира, за которой они надежно укрываются от того, чем не желают заниматься.)

Да, да, погода, оживился Гитлер, вспомнив, какие муки он принял на борту «Дойчланда» по пути в Клайпеду. Он просит Редера пояснить господам, что он имеет в виду, говоря о неожиданных обстоятельствах, вызванных погодой.

Адмирал мгновенно чует поддержку фюрера и охотно переводит свой доклад в лекцию о погоде. Начиная со второй недели октября, поясняет он, погода в Северном море и проливе, как правило, очень плохая. Легкие туманы, начинающиеся в начале октября, постепенно становятся плотными и густыми.

Ну и чудесно, вставляет реплику Гальдер, это позволит скрытно перебросить армию через Ла-Манш. Английская авиация и флот нас просто не обнаружат. Да, соглашается Редер, но и у нас есть шанс не обнаружить мест высадки и погубить десант на прибрежных скалах. Если же разыграется шторм, то баржи просто затонут. Даже крупные транспорты окажутся беспомощными, поскольку никого и ничего не смогут выгрузить на берег. Не жалея черных красок и мрачнея все более и более, адмирал живописует представителям главного командования, что их ждет, если они, даже не уважая противника, перестанут уважать погоду.

Затем адмирал касается своих главных разногласий с армией. Армия желает осуществить высадку на широком фронте от Дуврского пролива до бухты Лайми, но флот не в состоянии обеспечить нужного тоннажа для высадки на столь широком фронте, не говоря уже об ожидаемой реакции флота и авиации противника. Адмирал настаивает, чтоб фронт высадки был укорочен, простираясь от Дуврского пролива лишь до Истборна.

«С учетом всего сказанного, – заканчивает адмирал, – я считаю, что лучшим временем для операции может стать май 1941 года».

Но английская армия, которая в настоящее время в очень плохой форме, получит 8-10 месяцев передышки, что даст ей возможность сформировать еще 30-35 дивизий и сосредоточить их в местах предполагаемой высадки нашего десанта.

Операция по «распылению» английского флота уже началась и будет продолжаться. В океан вышли вспомогательные рейдера, по окончании ремонта туда уйдут и боевые корабли. Русские любезно предложили для проводки наших рейдеров в Тихий океан воспользоваться их Северным морским путем. Обещает резко повысить активность и итальянский флот. У него проблемы с топливом и ремонтом, но все они в ближайшее время решатся. Разработан план отвлекающего удара в Африке. Но решительного результата мы добьемся только захватом английской метрополии. Поэтому необходимо подготовиться к высадке десанта к 15 сентября. Окончательное решение – проводить ли операцию 15 сентября или отложить ее на май 1941 года – будет принято после того, как люфтваффе проведет решительно наступление на Англию которое начнется в самое ближайшее время.

«ШТАБ-КВАРТИРА ФЮРЕРА
1 августа 1940 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Директива № 17

ПО ВЕДЕНИЮ ВОЗДУШНОЙ И МОРСКОЙ ВОЙНЫ ПРОТИВ АНГЛИИ

Для создания условий, необходимых для окончательного сокрушения Англии, приказываю:

1. Германским военно-воздушным силам подавить военно-воздушные силы Британии всеми имеющимися в их распоряжении средствами и как можно быстрее.

2. Люфтваффе являются авангардом операции «Морской Лев»…

6. Интенсивная воздушная война должна быть начата 6 августа или сразу же после этой даты…

Адольф Гитлер».

Директива, подписанная Кейтелем, гласила:

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ОПЕРАЦИЯ «МОРСКОЙ ЛЕВ»

Главнокомандующий Военно-морскими силами доложил 31 июля, что необходимая подготовка к «Морскому Льву» не может быть завершена ранее 15 сентября. Исходя из этого, фюрер приказал:

Армия и Военно-воздушные силы должны продолжать подготовку к проведению операции «Морской Лев» и завершить ее к 15 сентября…

Несмотря на предупреждение Военно-морских сил, что они могут гарантировать прикрытие десанта только на узком участке побережья (до Истбурна), подготовка должна вестись для вторжения на широком фронте, как первоначально планировалось…»

Пока Верховное командование вермахта разворачивало небывалую в истории кампанию по введению Сталина в заблуждение, сам Сталин 1 августа, скучая, сидел в Президиуме Верховного Совета СССР, слушая очередную занудную речь Молотова, наставлявшего депутатов в понимании аспектов внешней политики страны. Своим скучным методичным голосом глава правительства вещал:

«Германия достигла больших успехов в войне против западных союзников. Однако она не решила фундаментальной проблемы – как прекратить войну на желательных для нее условиях. 19 июля *рейхсканцлер* предложил Великобритании начать мирные переговоры, однако британское правительство отклонило его предложение, рассматривая его как требование капитуляции. Похоже, что начинается новая стадия войны – борьба между Германией и Италией с одной стороны и Великобританией, поддерживаемой Соединенными Штатами, с другой стороны».

Молотов, в принципе, не скрывает своей радости по поводу того, что Англия не прекращает борьбы, а его ссылка на Соединенные Штаты дает депутатам понять, что у Германии не так уж много шансов выиграть эту войну и что Советское правительство этот факт нисколько не огорчает. Но все подается осторожно, на «новоязе», который не так легко однозначно расшифровывается.

Характеризуя нынешние советско-германские отношения, Молотов не говорит ничего нового, а слово в слово повторяет известное заявление ТАСС от 23 июня:

«Недавно в британской и в пробританской печати появилось много спекуляций о возможности ухудшения отношений между Советским Союзом и Германией. Были сделаны попытки напугать нас возрастающей мощью Германии. Но наши отношения основаны не на временных конъюнктурных соображениях, а на фундаментальных государственных интересах двух наших стран».

Молотов касается и отношений с Англией. Тут надо быть очень осторожным. Во-первых, не спугнуть немцев, но и не очень злить англичан, которые в случае начала «Грозы», по крайней мере временно, превратятся в союзников. Молотов, однако, подчеркивает, что «после всех враждебных актов, которые Англия совершила против нас вряд ли можно ожидать какого-либо благоприятного развития англо-советских отношений». Сказав это быстрой скороговоркой, Молотов спешит уйти от темы англо-советских отношений, которые в действительности гораздо более сложны, чтобы их можно было выразить на «новоязе». Возобновлено англо-советское торговое соглашение, англичане согласились даже передать СССР часть золотого запаса бывших Прибалтийских республик. Они явно ждут какой то резкой перемены в курсе внешней политики СССР. Уж не пронюхала ли их вездесущая разведка о готовящейся «Грозе»? Англичане сделают все возможное, чтобы испортить советско-германские отношения, натравить Гитлера на СССР. Вот тогда произойдет то, о чем предполагал Сталин: длительная, кровопролитная и изнурительная война, которая настолько ослабит и обескровит обе страны, что даст возможность Англии, отсидевшись на своих островах, продиктовать условия будущего мира и сохранить доминирующее положение в Европе. Но не выйдет, господа хорошие! Мы тоже не лыком шиты. Пусть Гитлер вторгнется на ваши острова, а вот тут-то мы и вмешаемся и возьмем вас всех голыми руками, как взяли Прибалтику, Бессарабию и Буковину.

Молотов как раз и переходит к недавним событиям в этих странах. Все уже знают советскую методику публичного освещения подобных событий, и никто не удивляется. Всем известно, что Советский Союз просто вернул себе территории, принадлежавшие России.

Что касается Северной Буковины и крупного города Черновцы, то тут Советский Союз пошел навстречу волеизъявлению населения, состоящего главным образом из украинцев и молдаван, которые с великой «радостью и ликованием» решили войти в состав СССР, как сделали их братья в Бессарабии.

Даже не обладая большой фантазией, можно было представить, как Советский Союз будет проглатывать одну страну за другой: молдаване в Бессарабии захотят воссоединиться со своими братьями в Румынии, румынские турки – со своими братьями в Турции, румынские мадьяры – со своими братьями в Венгрии и Италии и так далее. Главное – существует хорошая методика!

Что касается Прибалтики, то вхождение ее в состав СССР Молотов объясняет следующим образом: в июле во всех трех странах имели место свободные парламентские выборы, и мы можем теперь с удовлетворением отметить, что народы Литвы, Латвии и Эстонии в дружеском порыве выбрали таких представителей, которые единодушно объявили о введении Советской власти во всех трех странах и о входе этих стран в состав СССР».

Молотов заканчивает свою речь по стандартному образцу которым обязаны были заканчивать любые речи все большие и малые вожди Советского Союза, призывая советский народ находиться в постоянной мобилизационной готовности. Ведь для него не секрет, что разговаривая с одним латиноамериканским дипломатом, Гитлер признался, что на 16 августа у него намечен банкет в Букингемском дворце. А уже на исходе 1 августа. Надо быть готовыми ко всему.

3 августа (опять удивительно быстро) директива Гитлера №17 легла в русском переводе на стол Сталина. Многие другие данные, приходящие из разных источников, подтверждали

намерение немцев начать наступление на Англию. И только короткое сообщение, перехваченное от английской резидентуры в Брюсселе, говорило о переброске немецких войск на территории генерал-губернаторства и протектората, где общее число общевойсковых и танковых дивизий уже доведено до 36. Эка невидаль, 36 дивизий!

Англичане сообщают о 36. Им очень хочется, чтобы мы не спали по ночам из-за этих немецких дивизий и сводок, которые они нам подбрасывают. Нет уж, пусть они сами не спят по ночам, поскольку 15 сентября их ждет вторжение. И нам надо подготовиться к этому сроку, но по-новому. Обдумывая ситуацию, Сталин пришел к выводу, что центр тяжести «Грозы» неплохо бы сместить с северного и центрального направлений на южное, т.е. нанести главный удар по Балканам.

Он известил об этом Шапошникова, Тимошенко и Мерецкова, чем весьма их озадачил. Старый план Шапошникова, имевшийся в одном экземпляре, предусматривал для выполнения операции «Гроза» сосредоточить на западной границе примерно 180 дивизий и 172 авиаполка. Этими силами предполагалось нанести основной удар в районе Варшавы с выходом на Вислу в ее нижнем течении, одновременно громя северным флангом войска противника в Восточной Пруссии. Левое крыло фронта, нанося вспомогательный удар на Ивангород, громит Люблинскую группировку противника и выходит на Вислу в ее среднем течении. Далее, захватывая правым флангом Данию, все фронты с ходу форсируют Одер, развивая наступление на Берлин. На этом этапе дипломатия обеспечивает закрепление союзных отношений с Англией, по меньшей мере, до выхода Красной Армии к Ла-Маншу.

План был составлен тщательнейшим образом с подробным описанием направления ударов, районов сосредоточения, количества войск, их задач, а также задач флота, авиации, инженерных войск и даже трофейных команд и спецкоманд НКВД, особых команд по прочесыванию территорий, по быстрому «перемещению» враждебных элементов среди местного населения в восточные районы СССР и прочее, уже прекрасно отработанное в Польше, Прибалтике и Бессарабии. Ради этого плана и рисовались Белостокский и Львовский балконы.

После капитуляции Франции стало ясно, что план устарел, поскольку при всех своих достоинствах предусматривал ведение военных действий только против Германии. Ныне, когда перед СССР лежала беззащитная и растерзанная Европа, Сталин, набравшись в тиши своего кабинета знаний в области стратегии и оперативного искусства, решил план изменить.

Главной задачей после вторжения немцев в Англию будет захват Балкан, т.е. оккупация Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии, северных районов Греции и турецких проливов. Одновременно широким фронтом Красная Армия выходит на южные границы Германии и вторгается в эту страну как с юга – через территорию Австрии и Чехословакии, так и с востока, по первоначальному плану, используя для стремительности «балконы».

Какова же будет первоначальная реакция Германии на наше вторжении на Балканы? Тут может быть несколько вариантов. Поскольку основные силы немецких вооруженных сил, включая подавляющую часть авиации и флота, будут заняты боями на территории Англии, а есть основания полагать, что бои эти будут очень жестокими и кровопролитными, то Гитлер вряд ли решится на быстрое и резкое реагирование на самих Балканах, которые надо пройти стремительно и оперативно, не давая никому времени опомниться, сметая любое сопротивление. Предпосылки к этому созданы: Красная Армия имеет преимущество перед всеми потенциальными противниками на Балканах примерно 10 к 1. Кроме того, мы ожидаем, что по мере продвижения Красной Армии во многих странах, в частности, в Румынии, Венгрии, Болгарии, Югославии и Греции произойдут социальные революции, и народы этих стран сами попросят нашей помощи против Гитлера.

Таким образом, непосредственно на Балканах Гитлер чего-либо реального противопоставить нам не сможет, а мы посмотрим, стоит ли нам связываться с ним. По

обстановке. Но! Вождь поднял палец: Гитлер может отреагировать, и я думаю, что он так и сделает – на наших западных границах, если мы сами до этого не перейдем в наступление с «балконов», как предлагают Борис Михайлович и товарищ Мерецков. Тогда мы переходим и тут в наступление по старому плану. Но главное теперь – это Юго-Западный фронт и Киевский Особый военный округ. Чтобы помочь товарищу Жукову, надо направить туда представителей наркомата обороны и привести к сентябрю-октябрю округ в состояние наивысшей боевой готовности.

Немцы уже начали крупномасштабную операцию по «распылению» английского флота. Генерал Голиков зачитывает сводку: на океанские коммуникации один за другим прошмыгнули, замаскированные под торговые суда, подняв флаги нейтральных стран, немецкие вспомогательные крейсеры. Зная, что Сталин не любит общих, безликих фраз, начальник разведки сообщает подробности: 11 марта в океан вышел и, по нашим сведениям, успешно действует рейдер № 16 «Атлантис»; 7 апреля за ним последовал рейдер № 36 «Орион». Тогда они еще имели приказ оттянуть как можно больше сил английского флота от Норвегии. В мае и июне в океан прорвалась вторая очередь вспомогательных крейсеров: рейдер № 21 «Виддер», рейдер № 23 «Пингвин», рейдер № 10 «Тор». По первоначальной прикидке, эти рейдера уже утопили не менее 300 тысяч тонн английского торгового флота, что заставляет англичан держать вдали от метрополии крупные крейсерские соединения.

Необходимо отметить, что вспомогательные крейсеры в борьбе против английской торговли оказались гораздо более эффективными, нежели крупные боевые корабли, чей выход в море трудно скрыть, которые легче обнаруживаются, а с учетом общего соотношения сил на море – легко нейтрализуются. Так, линейный крейсер «Гнейзенау», действовавший в районе Исландии, был 26 июня торпедирован английской подводной лодкой и надолго вышел из строя. В связи с этим Голиков осмеливается напомнить Сталину, что немецкий вспомогательный рейдер № 45 «Комет» уже около месяца стоит на якоре у острова Колгуев и ждет, когда его проведут Северным морским путем в Тихий океан – в глубокий тыл английской морской торговли, где он наделает дел, как лиса в курятнике.

Вождь задумывается. Немножко подождем, как пойдут дела. Северные дела сидят у вождя в печенках. Несмотря на все меры секретности, английская разведка пронюхала про «Базис Норд». Английские корабли все чаще появляются в Баренцевом море. Английская пресса изо дня в день шумит, что СССР не нейтральная страна, а «фактически воюющая», угрожая принятием мер.

Меры эти понятны: Баку, Грозный и Гурьев – наши драгоценные и, увы, пока единственные источники нефти. Правда, уже на расстоянии протянутой лапы лежит Плоештинский бассейн, но все-таки он еще не наш.

Кстати, интересуется вождь, немцы очень любят, когда мы им помогаем даже с ущербом для себя. А как они выполняют наши просьбы, скажем, об английской авиабазе в районе Багдада? Имеется ли там какой-либо прогресс? Да, имеется. Немцы обещают в ближайшее время интенсифицировать поставку оружия Рашиду Али и помочь ему советниками-инструкторами. Немцам самим выгодно уничтожить авиабазу в Мосуле. Видимо, к весне будущего года этот вопрос будет решен окончательно.

Сталин молчит. Он знает больше Голикова. По линии службы НКВД ближневосточная резидентура уже давно наладила связь с Рашидом Али Гайдани, который ненавидит немцев нисколько не меньше, чем англичан. Проникновение в Ирак приблизит Гитлера к источникам нефти как самого Ирака, так и Ирана. Этого допустить нельзя. Люди Берии уже работают в Турции, чтобы через ее территорию доставить оружие иракским националистам.

Оставшись один, Сталин задумчиво подходит к книжному шкафу. Автоматическим движением вынимает 42-й том сочинений Ленина, открывает на закладке и в который раз наслаждается неземной мудростью великого учителя. До тех пор, «пока мы не завоевали

всего мира», напутствует из небытия вождь мирового пролетариата, необходимо «использовать все возможные противоречия и противоположности между империалистами» с тем, чтобы максимально приблизить момент нового империалистического столкновения…

«Если мы вынуждены терпеть таких негодяев, как капиталистические воры, из которых каждый точит нож против нас, прямая наша обязанность двинуть эти ножи друг против друга…»

Он, Сталин, осуществил пророчество гения. Ножи двинуты друг против друга. Германия и Англия вскоре уничтожат друг друга. Сейчас мы помогаем Германии, но вскоре станем союзниками Англии, сменив на побережье Ла-Манша немецкие войска, и вот тогда всей мощью нашей армии и флота обрушимся на последний оплот мирового империализма – Великобританию…

5 августа, выполняя устное указание фюрера, данное еще в июне и подтвержденное устно на совещании в Бергхофе 31 июля, начальник штаба 18-й армии генерал Маркс, считавшийся специалистом по России, представил первый вариант Оперативного проекта «Ост» – плана войны против СССР. На обсуждении плана присутствовали Гальдер, Типпельскирх и находившийся в отпуске в Берлине немецкий военный атташе в Москве генерал Кестринг. В основу своего плана генерал Маркс положил опыт войны с Польшей. Исходя из опыта этой войны и оценки местности и начертания дорожной сети в Советском Союзе, он предложил создать две ударные группы, нацеленные на Москву и на Киев. Этим Маркс отражал мнение генерального штаба, считавшего, что Москва – Центр Советского Союза – играла гораздо большую роль, чем столицы других стран. Генштаб не сомневался, что Сталин выставит главные силы Красной Армии на московском направлении. Формулируя замысел своего плана, Маркс указывал, что целью предстоящей войны является необходимость «разбить русские вооруженные силы и сделать Россию неспособной в ближайшее время выступить в качестве противника Германии. Для обеспечения защиты Рейха от ударов советской авиации Россия должна быть оккупирована до линии: нижнее течение Дона-Средняя Волга-Северная Двина».

Гальдер одобрил вариант Маркса. Генштабисты знали, что в ОКВ под руководством Йодля разрабатывают свой вариант плана, известный как «Этюд Лоссберга», по имени разработчика-подполковника.

План ОКВ, в отличие от плана Маркса, предусматривал создание не двух, а трех ударных групп и тесное взаимодействие с финнами при наступлении на Ленинград, захвату которого придавалось особое значение. Разработав свои планы, военные профессионалы ждали решения Гитлера, который, казалось, был полностью поглощен предстоящим наступлением на Англию.

Гитлер, действительно, с нетерпением ожидал начала воздушного наступления, попав, как уже не раз бывало, под обаяние безответственных заверений своего друга Геринга.

Внутри огромного плана по введению Сталина в заблуждение существовали свои собственные цели: Англия, не выдержав ударов люфтваффе, запросит мира и получит его, но на гораздо худших условиях, чем он предлагает сегодня. Кроме того, имеются конкретные сведения о возможности восстания в Шотландии. Немецкая разведка установила контакт с влиятельными шотландскими аристократами, крайне недовольными, что родные германские народы стравлены евреями в братоубийственную войну. Существует еще и Ирландская республиканская армия, осаждающая немецкие спецслужбы своими захватывающими дух проектами: убить короля, похитить Черчилля, взорвать один за другим все боевые корабли королевского флота. Гейдрих и Канарис считают, что с ИРА лучше не связываться – она тщательно профильтрована английской разведкой. Другое дело шотландцы, считает Канарис, возглавляющий военную разведку Рейха и давно работающий на англичан. Он отлично

знает, что вся шотландская история придумана англичанами с целью спровоцировать немцев на любые непродуманные действия в общем, глобальном плане снабжения их дезинформацией.

Сведения, поступающие из южных районов Англии, внушают оптимизм. Паника. Армии в современном понимании этого слова нет. Плохо обученные и еще хуже вооруженные ополченцы. Дороги на север забиты беженцами. Королевская семья и правительство готовы бежать в Канаду. Все источники информации как бы приглашают немцев немедленно осуществить вторжение. Но в проливе стоит английский флот, и пока никак не удается живыми силами немецкого флота убрать его оттуда. Надежда на итальянцев еще существует, но она тает с каждым днем.

В день объявления Италией войны средиземноморская эскадра англичан вошла в Адриатику, нагло вызывая итальянцев на бой. Итальянцы тише мышей сидели на своих базах, боясь высунуть нос. В июле грозными приказами самого дуче удалось несколько раз выпихнуть в море итальянские корабли, но при одном виде англичан они поворачивали назад.

Дуче лично уверял Гитлера, что его флот выметет англичан из Средиземного моря, демонстрируя специально привезенную с собой кинохронику, отснятую на разных базах Апеннинского полуострова. Зрелище действительно внушительное: прекрасные линкоры, украшенные флагами расцвечивания, – «Рома», «Литорио», «Витторио Венетто», «Джулио Чезаре», «Кавур», подтверждающие высокий класс и репутацию итальянских кораблестроителей – стройные стволы пятнадцатидюймовых орудий, стремительные обводы, низкие, трудноразличимые силуэты. Что против них английские средиземноморские корабли – старушки времен Ютланда? Но давит, давит грозная репутация «правительницы морей», чей флот более ста лет не имел соперников.

Тут можно понять итальянцев – сами плаваем, вжав голову в плечи. Нужна победа, пусть даже небольшая, но победа в бою между надводными кораблями. Она психологически могла бы решить многое. Подождем ввода в строй «Бисмарка» и «Тирпица». Итальянцы тоже просят подождать, пока у них войдут в строй «Рома» и «Имперо», но этого не ожидается ранее 1942 года. Нет, нет, нет. Ждать до 42-го года? Это невозможно. Гитлер с укором смотрит на своего друга. Муссолини ежится под взглядом фюрера.

Дуче влез в войну в полной уверенности, что максимум к сентябрю все закончится, и он с полным правом будет присутствовать на мирных переговорах, участвуя в послевоенном разделе Европы и мира. Италия вообще была не готова даже к короткой войне, а ей, судя по всему, и конца не видно. Дуче еще не знает, что *все планы сокрушения Англии нужны фюреру главным образом для того, чтобы Москва поверила в подлинность замыслов операции «Морской Лев».* Итальянцы должны активизировать военные действия на море и на суше.

В Ливии под командованием маршала Грициани сконцентрировано более 300 тысяч итальянских войск. Им противостоят около 60 тысяч англичан, собранных в Египте. Итальянцы должны выбить англичан из Египта, захватить их крупную базу в Александрии и перерезать Суэцкий канал. Если итальянцы сделают это, Англии крышка. Кроме того, открывается прямая дорога через Ближний Восток в Иран и Индию. Вперед же, потомки гордых римлян! Дуче обещает фюреру, что к 15 сентября – дате вторжения в Англию – итальянские вооруженные силы выполнят все возложенные на них задачи. Гитлер с чувством жмет руку Муссолини.

Муссолини уезжает со слезами на глазах, но с чувством некоторой обиды. Плохо скрываемое пренебрежение и снисходительность со стороны Гитлера и надменных немецких фельдмаршалов вызывают в нем жгучее желание доказать обратное: что традиции великого

Рима еще живы в Италии, что Италия – меч в руке Бога, что новая итальянская армия, воспитанная на великих идеях фашизма, это не вонючий сброд первой мировой войны.

Во времена той войны часто говорили: «Зачем Господь Бог создал итальянскую армию? Чтобы было кого побеждать австро-венгерской армии!»

В те годы Муссолини – молодой корреспондент нескольких социалистических газет – часто ездил в Цюрих, где, играя в шахматы с Лениным, набрался великих идей партийного государства…

Гитлер крайне недоволен. Обошлось без вспышки очередной истерики, но на своего старого друга Геринга он смотрел угрюмо. 7 августа одинокий английский бомбардировщик сбросил бомбы на аэропорт Ля-Бурже под Парижем, занятый ныне соединением люфтваффе. Кстати, уже 8 августа! Почему люфтваффе не начинает операцию?

«Перегруппировка сил, мой фюрер, заняла несколько больше времени, чем мы планировали. Но я счастлив вам доложить, что практически все готово. В операции примут участие три воздушных флота. 2-й воздушный флот под командованием фельдмаршала Кессельринга развернут на аэродромах Голландии, Бельгии и Северной Франции. 3-воздушный флот под командованием фельдмаршала Шперрле развернут на аэродромах Северной Франции. 5-й воздушный флот под командованием генерала Штумпфа развернут на аэродромах Норвегии и Далии. Кессельринг и Шперрле вместе имеют 929 истребителей, 875 горизонтальных и 316 пикирующих бомбардировщиков. В распоряжении Штумпфа 123 бомбардировщика и 34 двухмоторных истребителя Ме-110.

По нашим оценкам, англичане имеют в строю не более 800 истребителей. Они будут смяты и уничтожены в течение двух недель, мой фюрер!

Геринг еще не знает, что Гитлер не собирается высаживаться в Англии. Но и сам Гитлер пока не может сказать ничего определенного. Возможно, что подтвердится теория Дуэ и Англия, не выдержав немецких бомбежек, капитулирует. Тогда он прикажет всему английскому флоту собраться в Скапа-Флоу и там затопиться.

«Но когда же, Геринг, вы думаете начинать?

– Не позднее 12 августа, мой фюрер.

– Хорошо, хорошо. Желаю вам полной удачи, Герман.

– Хайль Гитлер!»

Но Гитлер думает о другом. Разведка с тревогой сообщает о концентрации советских войск на границах Румынии и Болгарии, об активности советских дипломатов в Софии и Будапеште, о действиях советской разведывательной сети в Белграде и Афинах, о частых появлениях советских боевых кораблей у Босфора. Это буквально информация последних дней. Сталин неожиданно перенес центр тяжести своих вооруженных сил на юг, и совершенно очевидно, что он собирается делать.

Советская пресса полна сообщений о «гнусных провокациях румынской военщины» на советской границе. То же самое было перед вторжением в Польшу, Финляндию и даже в Прибалтику. Сталин готовится по меньшей мере отхватить еще кусок Румынии. На этот раз с Плоештинским нефтяным бассейном – единственным источником сырой нефти, на который может рассчитывать Германия, не считая, конечно, огромных поставок из СССР. Но Сталин эти поставки может прекратить в любую минуту. Если Румынская нефть будет захвачена Сталиным, вся немецкая военная машина рискует превратиться в груду мертвого железа.

Этот вопрос требует незамедлительного решения – ни в коем случае нельзя дать возможность Сталину сделать ход первым, а раз он двинулся к югу, нужно расширить фронт будущего удара по нему, т.е. развернуть войска в Румынии, Венгрии и Болгарии. Может быть, даже в Турции.

Немецкая разведка в Англии недавно добыла интересную информацию из источника, близкого к советскому послу Ивану Майскому. Суть этой информации сводится к следующему:

«Сталин не начнет активных действий до высадки вермахта в Англии».

Другими словами, он ждет нашего вторжения в Англию, чтобы нанести нам удар в спину. Если это не очередная «деза» англичан, которые таким образом пытаются нарушить наши планы вторжения на их остров, то значит, нам можно чувствовать себя увереннее. Только постоянно давать Сталину понять, что наши планы вторжения в Англию окончательны и ничто в мире не может нас остановить. Даже английский флот…

В Киевском Особом военном округе генерала армии Жукова идут летние маневры, максимально приближенные к боевой обстановке. На пограничных аэродромах концентрируются бомбардировщики и истребители. Один округ Жукова имеет их больше, чем все три воздушных флота Германии, выделенные Герингом для воздушного наступления на Англию. На придвинутых к границе полигонах день и ночь ревет артиллерия, отрабатывая все виды боевых стрельб. По дорогам благоприобретенной Бессарабии и Буковины пылят танки. Они стремительно идут к новой границе, и никто не знает, остановятся они или нет. Прибывшие новые стрелковые дивизии в лихорадочной спешке переучиваются в горно-стрелковые. Впереди много гор от Карпат до Альп. Грозный силуэт линкора «Парижская Коммуна» в окружении ощетинившихся крейсеров и эсминцев маячит вблизи румынских территориальных вод. Шоссе от Констанцы на север забиты беженцами.

Сталин, ожидая высадки немецких войск в Англии, сместил центр тяжести «Грозы» на юг, руководствуясь сразу несколькими соображениями.

Во-первых, удар через Румынию и Болгарию давал возможность не входить сразу в непосредственную конфронтацию с немецкими войсками, осуществляя одновременно и их глубокий охват, что делало немецкий контрудар в районах Львова и Белостока малоперспективным. Во-вторых, захват Плоештинской нефти ставил немцев в столь трудное положение, что даже теоретически не виделось, как Гитлер смог бы из этого положения вывернуться, имея свои лучшие войска завязшими в кровопролитных боях на плацдармах южной Англии. Даже если бы он такой способ нашел, наступления советских войск огромными клещами через центральную Польшу с востока и через Австрию с юга – при условии продолжения блокады Германии английским флотом – так или иначе привели бы к крушению Рейха. И в-третьих, если при этом учесть неизбежность пролетарских революций во многих, пусть даже не во всех, странах, то это бы привело к долговременной и прочной гегемонии СССР и коммунистической идеологии в Европе, а с учетом последующего быстрого развала Британской империи – и во всем мире.

Каждый свой шаг Сталин тщательно взвешивал, планировал и рассчитывал до третьего знака. Кое-что за него просчитал Ленин, который, справедливости ради надо сказать, был куда более авантюристом, чем его ученик. Особенно по части пролетарских революций.

Лозунг «Сталин – это Ленин сегодня» вовсе не был, как многие полагают, простым словоблудием, но скорее юридическим документом, закрепляющим наследственные права…

Гитлер поначалу явно недооценил своего московского сообщника по разбою. Ослепленный жаждой мести за Компьенский лес и Скапа-Флоу, готовый на что угодно, чтобы развязать себе руки на Западе, он опрометчиво признал сферой интересов СССР юго-восточную Европу, позабыв в горячке о драгоценной румынской нефти и не увидев то, что ясно видел Сталин. А Сталин увидел прекрасную возможность раздела Румынии, который по красоте исполнения должен был превзойти недавний раздел Польши.

Дело в том, что Румыния, если можно так выразиться, имела несчастье попасть в число стран-победительниц первой мировой войны и как таковая приобрела обширные земли своих

соседей, проигравших эту злополучную войну. Венгрия, которая входила в состав Австро-Венгерской империи, расплатилась за грехи рухнувшей престарелой монархии, отдав румынам-победителям Трансильванию. Болгария, которая, предав все идеи панславянизма, воевала против России на стороне Германии, отдала свою провинцию Добруджу. Та неимоверная легкость, с которой Сталин отнял у румын Бессарабию и Северную Буковину, используя только угрозы и ультиматумы, ввела в искус и других соседей Румынии, предъявивших Бухаресту такие территориальные претензии, что будь они выполнены, от Румынии осталось бы одно воспоминание, как от какого-нибудь Урарту.

Венграм наобещали на тайных переговорах столько, что они, растроганные до слез, даже выпустили из тюрьмы и выслали в Москву приговоренного к пожизненному заключению кровавого подручного Бела Куна коминтерновского агента Матиаса Ракоши. Сталину он очень пригодился, поскольку после раздела Румынии, Венгрии и Болгарии никаких выходов из сталинской мышеловки уже не предвиделось. Для Болгарии у Сталина имелся Димитров, а для Венгрии, после того как Сталин расстрелял Бела Куна, не нашлось никого. Так что Ракоши ему был очень кстати.

Огромная работа, проведенная в Греции и Югославии, несколько тормозилась происками английской разведки, чьей агентурой Балканы были забиты. Но у Венгрии – давние территориальные претензии к Югославии, а у болгар к грекам, которые оккупировали болгарскую Фракию.

Завербованный советской разведкой на идеях славянской солидарности командующий ВВС Югославии генерал Симович исподволь готовил просоветский государственный переворот, и хотя существовали данные, что Симович перевербован англичанами и, кажется, даже американцами – это мало кого в Москве беспокоило. Когда советские войска войдут в Белград, тогда и разберемся. В Москве уже который год бездельничал Иосиф Тито, которого вождь прочил в югославские вожди.

Итак, умелые интриги советской разведки, столь же целенаправленные, как и в смутные годы Балканских войн, когда Россия, натравливая Болгарию, Сербию и Грецию на Турцию, добилась в итоге того, что Греция в союзе с Сербией разгромили Болгарию, вновь подготовили Балканы к ситуации, когда все страны региона готовы были вцепиться друг в друга, подготавливая обстановку для пролетарских революций и освободительных походов Красной Армии.

Самым большим недостатком Гитлера была его совершенно неконтролируемая способность принимать желаемое за действительное. Несмотря на все уроки прошлого и настоящего, он продолжал верить, что его верный союзник Муссолини сможет выполнить те задачи, которые Гитлер на него возложил. Среди этих задач, помимо нейтрализации английского флота в Средиземноморье, была и задача следить за обстановкой на Балканах.

Еще в декабре 1939 года Большой Фашистский совет Италии объявил: «Все, что относится к Дунайскому бассейну на Балканах, непосредственно интересует Италию».

Зять Муссолини, министр иностранных дел Италии граф Чиано, публично обещал Румынии военную помощь, напыщенно назвав ее «охранительным валом против Советского Союза». Однако, как обычно, Италия оказалась не в состоянии что-либо сделать. Дорогу на Балканы ей преграждали Греция и Югославия, которые без всякого восторга наблюдали за распетушившимся дуче. Гитлеру опять пришлось все делать самому. Для начала ему удалось усадить румын за стол переговоров с венграми и болгарами, хотя было очевидно, что эти переговоры ни к чему не приведут. Но нужно было выиграть время, хотя бы пару недель, чтобы подтянуть поближе войска, а это было не так просто в паутине ложных перевозок и мероприятий, выполняющихся в рамках готовящегося шоу – наступления на Англию – разыгрываемого для Сталина…

12 августа Геринг дал приказ начать операцию «Орел». В этот день удару подверглись двенадцать радиолокационных станций англичан. Наличие у англичан радаров явилось для немцев полной неожиданностью. Гитлер, хотя и цитировал Ницше при каждом удобном случае, в душе оставался странной помесью гегельянца и марксиста, искренне считая все связанное с электроникой и ядерной физикой «еврейскими штучками». Плохо понимая важность радаров в системе ПВО, немцы все-таки решили их побомбить. Бомбили как-то лениво: одну станцию уничтожили, пять повредили и решили, что довольно тратить боезапас на всякие пустяки.

13 и 14 августа более 1500 самолетов люфтваффе нанесли удар по базам истребительной авиации англичан. Хотя победные сводки немцев с ликованием вещали, что пять аэродромов противника полностью уничтожены, в действительности нанесенный ущерб был ничтожен. Англичане потеряли всего 13 машин, ущерб Германии был значительнее – 47 самолетов.

В Москве с воодушевлением восприняли начало наступления на Англию.

В Киевский и Одесский округа полетела шифровка с предписанием закончить подготовку «к крупным перемещениям войск» не позднее 15 сентября.

Времени оставалось мало, а проблемы громоздились одна на другую.

Еще месяц назад был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями». Указ, состоящий из двух пунктов, был сформулирован настолько просто и ясно, что было совершенно непонятно, почему он не дал никаких результатов. Брак продолжал корежить военную технику.

Сталин затребовал Указ к себе и еще раз внимательно его прочел:

«1. Установить, что выпуск недоброкачественной или некомплектной промышленной продукции и выпуск продукции с нарушением обязательных стандартов является противогосударственным преступлением, равносильным вредительству.

2. За выпуск недоброкачественной и некомплектной продукции и за выпуск продукции с нарушением обязательных стандартов – директоров, главных инженеров и начальников отделов технического контроля предавать суду и по приговору суда подвергать тюремному заключению сроком от 5 до 8 лет».

Читая указ, Сталин понял свою ошибку. Макнув ручку в чернильницу, он резким движением зачеркнул последние цифры и написал сверху «от 10 до 15 лет».

15 августа немцы подняли в воздух наличные силы всех трех воздушных флотов: 801 бомбардировщик и 1149 истребителей. 5-й Воздушный флот, действовавший со скандинавских аэродромов, послал в бой около 150 машин, почему-то считая, что северо-восток Англии будет беззащитным. К великому удивлению немцев, на их перехват ринулось не менее семи эскадрилий английских истребителей. Тридцать немецких бомбардировщиков в считанные минуты боя были сбиты. Остальные повернули назад, не сумев сбить ни одного англичанина. На этом боевые действия 5-го флота в небе Англии закончились.

На юге немецкие летчики действовали более успешно, прорвавшись через английскую систему ПВО почти до Лондона. Четыре авиазавода в Крайдоне были разрушены бомбами,

пять аэродромов выведены из строя. Но все это стоило дорого. Немцы потеряли 75 самолетов, англичане – 34. Было ясно, что если люфтваффе будет и дальше терять самолеты в такой пропорции, то вряд ли им удастся за отпущенные две-три недели «вымести» английскую авиацию с неба над Британскими островами.

17 августа немцы потеряли 71 самолет, англичане – 27. Пикирующие бомбардировщики «Ю-87» и «Штука», блестяще проложившие дорогу танкам в Польше и во Франции, здесь, в небе Англии, оказались «подсадными утками», легкой добычей английских истребителей. Герингу ничего не оставалось, как вывести эти тихоходные бомбардировщики из боя, что уменьшило силы немецкой бомбардировочной авиации примерно на треть. По всем радиоволнам Германии звучали победные фанфары: «Разбитая Англия истекает последними каплями крови». Еще один удар, и – вторжение.

За всеми этими событиями пристально следила Москва. По мнению Сталина, настала пора выполнить взятые на себя обязательства по «распылению» английского флота перед вторжением. Никогда ничего не забывая, Сталин помнил, что у острова Колгуев уже месяц находится немецкий крейсер «Комет», который он обещал провести Северным морским путем в Тихий океан.

Он понимал ту ответственность и риск, которые он берет на себя проводкой гитлеровского боевого корабля вдоль всего сибирского побережья накануне неизбежного столкновения с Германией за гегемонию в Европе, и медлил, ожидая дальнейшего развития событий.

Пока Сталин колебался, экипаж «Комета», каждый день меняя место стоянки, усиленно тренировался, повышая боевую подготовку. Наконец, под впечатлением блистательного, по его мнению, начала воздушного блица над Англией, Сталин решил еще раз продемонстрировать свою дружбу Гитлеру – только не отказывайся от вторжения! – и приказал начать проводку крейсера.

18 августа, согласно полученному от Папанина распоряжению, «Комет» снялся с якоря и направился в Маточкин Шар, где его ждал ледокол «Ленин». Историческое плавание вспомогательного крейсера «Комет» началось! [24]

Глава 6. Великая мистификация

19 августа, воспользовавшись передышкой в ходе боевых действий из-за плохой погоды, Геринг в своей резиденции в Каринхолле собрал совещание командующих воздушными флотами и их начальников штабов и приказал при улучшении погоды возобновить операцию «Орел», сконцентрировав все усилия против авиации противника. «Мы достигли решительного периода в воздушной войне против Англии, – заявил рейхсмаршал. – Важнейшей задачей является разгром авиации противника. Главной целью – уничтожение английских истребителей». Сам опытнейший пилот, ас первой мировой войны, еще тогда объявленный военным преступником, Геринг был прав. Истребительная авиация англичан таяла, а беззаветная доблесть и боевое мастерство английских летчиков не могли компенсировать их малочисленность. Казалось, еще одно усилие – и господство в воздухе над Англией будет завоевано. Все с нетерпением ждали улучшения погоды…

Гитлер с растущей тревогой поглядывал на Балканы, особенно на Румынию. Политика короля Кароля II раздражала фюрера. В частности, Румыния, как ни в чем не бывало, продолжала снабжать своей нефтью англичан на Ближнем Востоке, транспортируя ее из своих черноморских портов через Эгейское море. При этом англичане, со свойственной им наглостью и бесцеремонностью, грубо пользовались греческими территориальными водами, чего Греция как бы и не видела. Но стоило в Эгейское море войти итальянским кораблям для перехвата английских нефтяных конвоев, как та же Греция подняла такой шум по поводу нарушения своего суверенитета, что, казалось Афины и Рим вот-вот вцепятся друг другу в глотку. Когда же соединение итальянского флота уж было перехватило английские танкеры,

везущие драгоценную нефть в Александрию, из греческих территориальных вод выскочил английский крейсер «Сидней» с дивизионом эсминцев и в последовавшем коротком бою утопил итальянский крейсер и два эсминца, тяжело повредил второй крейсер и один эсминец.

Румыния как будто и не понимала, насколько неприлично она себя ведет и чем рискует. С одной стороны, она взывает к немцам о помощи против надвигавшихся сталинских полчищ, а с другой – продает нефть англичанам, смертельным врагам фюрера, И как будто всего этого было мало, в любую минуту готов был вспыхнуть венгерско-румынский конфликт из-за Трансильвании, которую венгры потребовали себе полностью, хотя полностью она им никогда не принадлежала.

А Сталин уже радостно потирал руки. Не надо никаких разведсводок – достаточно было читать советские газеты, которые хором призывают оказать «братскую» помощь «братским» народам, хотя непонятно, являются ли эти «братские» народы братьями по крови или братьями по классу. Переброска же немецких войск на восток на случай всяких неожиданностей шла крайне медленно. Гитлер задергал Браухича и Гальдера телефонными звонками и бесконечными напоминаниями, постоянно находясь, по словам доктора Морреля, в угрюмом состоянии…

Сталин же, напротив, находился в превосходном настроении. Никто не понимает, в чем дело, но вождь позволяет себе совершенно не свойственные ему шутки, повергая окружение в трепет. Сообщение в советских газетах, проливающее свет на столь хорошее настроение вождя, появится только 24 августа, но Сталин уже знает, что в далеком Мехико агентам НКВД наконец-то удалось после нескольких неудачных попыток ликвидировать (ледорубом по голове) ненавистнейшего сталинского врага, гнуснейшего из всех окружавших Ленина евреев – Льва Троцкого. Все, конечно, было сделано гнусно, грязно, непрофессионально. Убийца – коминтерновский агент из испанских коммунистов Рамон Меркадер – арестован мексиканской полицией. В этом ему крупно повезло, поскольку, вернись он в Москву, пришлось бы его ликвидировать, чтобы не сболтнул лишнего. Но в тюрьме он будет помалкивать, т.к. знает, что мы из его мамаши сделаем шашлык. А пока, чтобы лучше молчалось, присвоим ему звание Героя Советского Союза.

На душе как-то легче стало, что Троцкого нет. Полнее дышится, лучше работается. Что у нас там? Да, годовщина пакта от 23 августа 1939 года. Оглядываясь назад, можно сказать, что благодаря ему за год удалось много сделать. А сколько еще удастся сделать! Генерал Жуков докладывает, что вверенные ему части еще не вполне готовы к броску на Балканы, но с каждым днем непрерывных учений их боевое мастерство растет и к середине сентября достигнет пика готовности. Новый начальник генштаба генерал Мерецков продумывает новый мобилизационный план. Как его осуществить, чтобы немцы ничего не заметили? Пришлось расстаться с Шапошниковым. Он старомоден и не совсем понимает основы марксистско-ленинской военной науки – самой передовой в мире. Да и Тимошенко с ним никак не может сработаться. Ничего не поделаешь: новый нарком – новый начальник генштаба. Шапошникова же послали на Белостокский балкон строить УРы, но не очень интенсивно. Пусть немцы видят, что мы готовимся к обороне. Пока все идет хорошо. Скорее бы немцы высадились в Англии!

Почему Гитлер не высаживается? Надо его слегка подтолкнуть.

23 августа передовая статья газеты «Правда», отмечая годовщину пакта, писала: «Подписание пакта положило конец враждебности между Германией и СССР, враждебности, которая искусственно подогревалась поджигателями войны… После распада Польского государства Германия предложила Англии и Франции прекратить войну. Это предложение было поддержано Советским правительством. Но немецкое предложение не было услышано… Мы нейтральны, нейтральны благодаря Пакту. Этот Пакт дал также огромное преимущество

Германии, *поскольку она может быть полностью уверена в спокойствии* на своих восточных границах».

Действительно, на советско-германской границе все спокойно, если не считать лихорадочного строительства аэродромов и складов на советской стороне. Но южнее есть от чего прийти в ужас. Обстановка на советско-румынской границе достигла уже небывалого напряжения. Обе стороны ежедневно сообщают об инцидентах, перестрелках пограничных нарядов, нарушениях воздушного и морского пространства. А до высадки в Англии, назначенной на 15 сентября, которую так ждут в Москве, еще три недели…

В ночь с 23 на 24 августа погода над Ла-Маншем значительно улучшилась, дав возможность Герингу возобновить воздушное наступление. Целью ночного налета должны были стать авиазаводы и склады с горючим на окраине Лондона. Это была роковая ночь, сломавшая все планы Геринга по окончательному уничтожению авиации противника. Как это произошло, до сих пор точно неизвестно. Считается, что немцы совершили случайную навигационную ошибку. Но факт остается фактом – вместо намеченных конкретных целей летчики Геринга сбросили бомбы на центр английской столицы, разрушив несколько домов и вызвав незначительные жертвы среди гражданского населения. Взбешенные англичане, естественно, решив, что бомбежка жилых районов их столицы была преднамеренным актом, быстро спланировали и осуществили акцию возмездия.

Вечером следующего дня 80 тяжелых английских бомбардировщиков взмыли в воздух и взяли курс на Берлин. Столица Рейха лежала под густым слоем облаков. Не имея опыта подобных операций, осложненных условиями слепого полета, английские бомбардировщики сбились с курса, и только половина из них вышла к цели.

25 августа 1940 года на Берлин упали первые бомбы. Нанесенный ими материальный ущерб, конечно, был ничтожным, но моральный эффект был страшным. Берлин был окружен тремя кольцами противовоздушной обороны. Стрельба зениток слилась в сплошной грохот и вой, но ни одного самолета противника сбить не удалось. Все, кому надо, увидели в эту ночь, что немецкие города практически беззащитны перед ударами с воздуха. Вместе с бомбами с английских бомбардировщиков сыпались листовки. «Война, начатая Гитлером, будет продолжаться до тех пор, пока Гитлер находится у власти, и закончится только после уничтожения Гитлера и его режима». В сочетании со взрывами бомб это была очень доходчивая пропаганда.

Гитлер срочно покинул свою ставку и 26 августа прибыл в столицу. Надо было как-то объяснить народу случившееся и принять наконец конкретные меры по обороне Плоештинского нефтяного бассейна.

Проехав по затемненной столице, Гитлер собрал совещание с представителями командования сухопутных войск. Генеральный штаб согласовал с фюрером приказ, подготовленный специально для занятия румынских нефтяных районов.

28 и 29 августа снова бомбили Берлин. На этот раз были жертвы среди населения. По официальным данным, десять человек погибли, 29 – были ранены. Гитлер неистовствовал. Выяснилось, что у немцев нет стратегического бомбардировщика, равного английскому «Ланкастеру» или даже «Веллингтону». Шок охватил население столицы. Газеты требовали кровавого возмездия. Гитлер лично приказал Герингу в качестве возмездия перенести удар с английской авиации на английские города [25]. Это было легче сказать, чем сделать. У немцев не было стратегического бомбардировщика. Более того, запас необходимых для этого тонных и полутонных авиабомб был крайне ограничен и использовался до сих пор лишь для уничтожения взлетно-посадочных полос английских ВВС. Необходимо было также провести перегруппировку сил, перенацелив их на новую задачу, что требовало времени. Но где взять бомбы? У Сталина – больше негде.

29 августа в Верхнем Бельведере, летней резиденции принца Евгения Савойского, для решения венгеро-румынских территориальных споров встретились министры иностранных дел: Риббентроп, Чиано, венгр Чако и глава румынского МИД Маноилеску. Когда Михай Маноилеску увидел подготовленную карту, на которой почти вся Трансильвания была закрашена в венгерские цвета, он потерял сознание и без чувств рухнул на… круглый стол конференции. Срочно вызванный врач с помощью камфары привел румынского министра в чувство, после чего соглашение было подписано.

Все это, естественно, привело к небывалому взрыву национализма и патриотизма в Румынии, что стоило короны королю Каролю II. Отрекшись от престола в пользу своего восемнадцатилетнего сына Михая – того самого Михая, которого Сталин позднее пожалует неизвестно за что орденом «Победы» – экс-король вместе со своей рыжеволосой любовницей Магдой Лупеску бежал в Швейцарию, набив десять вагонов специального поезда дворцовым барахлом. Юный король Михай назначил генерала Антонеску, лидера фашистской «Железной гвардии», премьер-министром, который официально объявил Румынию «фашистским государством, управляемым военной диктатурой» и обратился к своему другу Гитлеру с просьбой о военной помощи и сотрудничестве «между румынскими и немецкими вооруженными силами». В рамках этого сотрудничества немцы брали на себя охрану нефтяного района, чтобы, как дипломатично говорилось в соглашении, уберечь этот район «от вмешательства третьих государств».

Такого кукиша, поднесенного к своему носу, Сталину не приходилось видеть никогда в жизни. Все унижения, которые он испытал в молодости от своего незабвенного шефа полковника Виссарионова и сообщника по разбою Камо, не шли ни в какое сравнение с тем унижением, которое испытал вождь от быстро провернутой Гитлером операции по перекупке Венгрии и Румынии. При этом все что-то получили, а Сталин остался без «доли». То, что он получил в июле, он уже долей не считал.

Гнев вождя был ужасен. В отместку за такое отношение он немедленно приказал остановить «Комет» и вернуть его в Мурманск, а откажется – утопить. Интересно, чем топить? Выделенная для этой цели подводная лодка Щ-423 безнадежно отстала от рейдера из-за поломки винта у судна обеспечения. А в районе Берингова пролива не было уже никаких сил, чтобы заставить капитана 1-го ранга Эйссена подчиняться требованиям советских властей. Разве что продать его англичанам? Но себе выйдет дороже.

Перепуганные местные власти, отлично понимая, от кого единственно мог последовать приказ о возвращении немецкого крейсера, пытались напугать Эйссена наличием в районе Берингова пролива японских и американских сторожевых кораблей. Ничего, тонко улыбался Эйссен, японцы – друзья, американцы – нейтральны. Пока он вел переговоры, его матросы нагло закрасили название «Данау». Правда, никакого нового еще не написали.

В последовавшей затем ноте из Москвы раздраженно указывалось, что «СССР имеет еще очень много интересов в Румынии, и германская сторона обязана была с этим считаться и предварительно проконсультироваться с Москвой». Если статья о предварительных консультациях, ехидно указывалось в ноте, содержит в себе «какие-то неудобства или ограничения» для Рейха, то советское правительство готово «пересмотреть или совсем отменить» эту статью договора. Разбойники начали уже грызться из-за добычи, предрешая неизбежность открытой драки.

Пока Москва и Берлин обменивалось упреками, три варианта плана нападения на СССР поступили к заместителю начальника генерального штаба, 1-му обер-квартирмейстеру генералу Паулюсу, тому самому Паулюсу, имя которого в СССР ныне знает каждый школьник.

Принимая секретные документы, только что назначенный на свою должность генерал расписался в журнале секретной документации: получено 3 сентября 1940 года.

Накануне в Москве Сталина убедили отменить приказ об остановке немецкого крейсера. Новый начальник генерального штаба генерал армии Кирилл Мерецков пытался доказать Сталину, что, в сущности, ничего страшного не произошло, но нужно, конечно, подкорректировать «Грозу» с учетом новых реальностей. Другими словами надо одновременно открывать военные действия и на юге, и на Балканах, и в направлении Восточной Пруссии. Это потребует некоторого времени, но, судя по всему, немцы не успеют завершить подготовку к десанту к 15 сентября Их подводят итальянцы. Они должны были еще 1 сентября начать наступление на Египет с двух сторон: со стороны Ливии и со стороны Абиссинии с тем, чтобы оседлать Суэцкий канал, вынудив англичан перебросить крупные силы в Африку, ослабив тем самым оборону метрополии.

По расчету, примерно через две недели после начала итальянского наступления немцы начнут вторжение. Наша разведка сообщает, что все порты северного побережья Франции забиты баржами и транспортами. Повсеместно проходят учения по высадке десантов с моря и воздуха. Происходит переброска дополнительных воинских частей в Норвегию, откуда предполагается одновременная высадка, совпадающая по графику с броском через Ла-Манш. Эти части идут через территорию Финляндии. Формировочные лагеря у них в Польше. Мерецков знает, что эти части, проходящие переформировку в Польше и идущие транзитом через Финляндию, куда-то исчезают. Во всяком случае, в Норвегии они еще не появились, хотя местом их назначения, как точно установлено, является именно Норвегия. Но он не хочет пока беспокоить Сталина такими пустяками. Напротив, он напоминает, что в ходе воздушного наступления на Англию у немцев возникла проблема с тяжелыми авиабомбами.

В порядке содействия они просят нас отправить им примерно 2000 авиабомб тяжелого калибра от 500 кг до тонны. Наша задача – всячески способствовать немцам в их борьбе с Англией, поэтому мое мнение, подчеркивает Мерецков, зная мнение вождя, бомбы отгрузить и крейсер пропустить [26] в Тихий океан. Делать все, чтобы немцы осуществили вторжение в Англию. Впрочем, итальянское наступление сможет очень быстро достичь Ирака, и проблема авиабазы в Мосуле будет решена.

Сталин слушает своего начальника генштаба, соглашаясь, в принципе, с ним во всем. Прошел уже год войны, и сколько удалось сделать! Правильно говорил Молотов, закрывая сессию Верховного Совета: «Советский Союз достиг больших успехов, но он не намерен останавливаться на достигнутом». Сегодня лучше, чем вчера, а завтра лучше, чем сегодня!

4 сентября Гитлер неожиданно решает выступить перед массами. Немалую роль в этом, видимо, сыграли воздушные налеты англичан, так что возникла необходимость еще раз напомнить немецкому народу, что с Англией давно покончено, а заодно и подвести итог первому году войны, наполненному блестящими победами немецкого оружия.

Никто никогда не видел Гитлера, славившегося почти полным отсутствием чувства юмора, столь переполненного язвительной иронией.

«Для того, чтобы описать господина Черчилля, – начал свое выступление Гитлер, – в литературном немецком языке нет достаточно точных выражений. Однако в баварском диалекте такое выражение есть – это „Крампфхенне“, что означает курицу, которая еще дергает лапками, когда у нее уже отрублена голова».

Никогда не слышавшие от фюрера шуток сидевшие в зале на мгновение онемели, а затем разразились хохотом и истерической овацией. Таким образом удалось несколько разрядить обстановку в зале, однако Гитлер понимал, что ему все-таки не удастся уклониться от ответов на два главных вопроса, занимающих мысли сидящих в гигантском зале людей:

когда будет и будет ли вторжение в Англию, и что будет предпринято для предотвращения ударов с воздуха по Берлину и другим немецким городам?

Медленно произнося каждое слово, Гитлер проговорил, звеня металлом голоса: «В Англии сейчас все возбуждены от любопытства и спрашивают: „Почему он не идет?“ Будьте спокойны. Он идет! Он *идет* !».

Считая, что он дал слушателям совершенно недвусмысленный ответ, фюрер перешел к вопросу о бомбежках:

«Ныне господин Черчилль демонстрирует свою новую оригинальную идею – ночные воздушные налеты. Господин Черчилль додумался до этого не потому, что нынче налеты сулят высокую эффективность, а потому, что его воздушные силы не могут летать над Германией в дневное время… в то время как немецкие самолеты появляются над Англией ежедневно…

Теперь на каждый ночной налет мы будем отвечать ночным налетом! Если британская авиация сбросит на нас две, три или четыре тонны бомб, то мы в одну ночь сбросим на них 150, 250, 300 или 400 тонн бомб!!!»

Новая истерическая овация прервала слова фюрера. Особо неистовствовали женщины, громкими криками восторга выражая свое одобрение словам вождя.

«Если они объявляют, – продолжал кричать Гитлер, накаляя себя и зал, – что собираются усилить свои налеты на наши города, то мы объявляем, что вообще сотрем их города с лица земли!»

На этом месте речь фюрера снова была прервана. Юные медсестры – представители различных благотворительных организаций и общества «Милосердие», составляющие добрую треть аудитории, взвыли в каком-то уже чисто сексуальном порыве и устроили вождю новую безумно-исступленную овацию.

Глаза Гитлера горели адским пламенем, по бледному лицу катился пот, слипшиеся волосы косой челкой упали на лоб. «Настал час, когда один из нас должен быть сокрушен!! Но сокрушенной будет не национал-социалистическая Германия!!». «Никогда! Никогда!» – заревел в ответ зал.

В далекой Москве Сталин, поморщившись от воплей «Хайль!», летящих из динамиков, выключил приемник и жестом руки отослал переводчика. «Он что-то сильно нервничает», – заметил вождь, обращаясь к сидящим в его кабинете Филиппу Голикову и Лаврентию Берия. Шефы двух мощнейших разведывательных служб сошлись в кабинете Сталина, чтобы доложить последние сводки, пришедшие из Берлина. Гитлер принял решение начать беспощадные бомбардировки английских городов, а Лондон просто стереть с лица земли, дабы парализовать волю англичан к сопротивлению накануне вторжения. Скорее бы это произошло! Судя по всему, на плацдармах южной Англии начнется невиданная доселе мясорубка, в которую вермахту придется бросать одну за другой свои хваленые дивизии. Тревожит еще и то, что в любую минуту может вспыхнуть война между СССР и Англией, а это на данном этапе совсем ни к чему. Английская разведка явно пронюхала уже все о «Базис Норд», и есть сведения, что англичане готовят воздушный удар по базе и вообще грозят заблокировать с моря все подходы к Мурманску и Полярному. Дождем сыплются английские протесты по поводу нарушения Советским Союзом нейтралитета. После немецкой высадки им будет явно не до этого, да и мы автоматически превратимся в союзников. Временно, конечно!

Поэтому с некоторым чувством облегчения Сталин на следующий день прочел телеграмму, переданную из МИД Германии послу Шуленбургу, перехваченную и расшифрованную службой радиоперехвата при НКВД.

«Государственная тайна.

Берлин 5 сентября 1940 г.

№ 1604.

Наш военный флот намерен отказаться от предоставленной ему базы на Мурманском побережье, так как в настоящее время ему достаточно баз в Норвегии. Пожалуйста, уведомите об этом решении русских, от имени Имперского правительства выразите им благодарность за неоценимую помощь…»

Немцы все-таки молодцы и умницы! Все понимают. Отношения с ними пока превосходные, несмотря на некоторые шероховатости, возникшие из-за их столь резкого поведения в Румынии. Шуленбург часами совещается с Молотовым по поводу остатков территории Литвы, которые еще удерживают немцы, хотя по всем правилам эта территория должна отойти к нам. Немцы предложили отдать эту полоску Литвы в обмен на соответствующую территориальную компенсацию со стороны СССР. Но мы твердо заявили, что территориальная компенсация со стороны СССР неприемлема, и предложили немцам продать нам остаток Литвы за 3860000 золотых долларов, гарантируя выплату этой суммы в течение двух лет золотом или товарами по выбору Германии.

Кроме того, мы выступили с дипломатической инициативой о заключении общего соглашения между СССР Германией, Италией и Японией и об аннулировании безобразного антикоминтерновского пакта. Немцы в принципе согласны, но обставляют будущее соглашение массой уловок и условий. Но ничего нельзя сохранить в тайне! Просто безобразие! Пресса уже пронюхала об этих переговорах и плетет о них Бог весть что! Пришлось 7 сентября опубликовать через ТАСС в «Правде» официальное опровержение:

«Японская газета „Хоци“ распространяет сообщение о якобы состоявшейся в конце августа беседе т. Сталина с германским послом графом Шуленбургом по вопросу о заключении соглашения между СССР, Германией, Италией и Японией и об аннулировании антикоминтерновского пакта. ТАСС уполномочен заявить, что все это сообщение газеты „Хоци“ вымышленно от начала до конца, так как т. Сталин за последние шесть-семь месяцев не имел никакой встречи с г. Шуленбургом».

Сталин лично составил текст опровержения. Все истинная правда: он с Шуленбургом действительно не встречался – это делал Молотов. Но не это сейчас главное! Пришло сообщение разведки, что начиная с 30 августа из германских портов Северного моря потоком пошли транспорты и самоходные баржи в порты на побережье Ла-Манша. На стол Сталина лег перевод директивы, подписанной Кейтелем 3 сентября.

Что-то шевельнулось в подозрительной душе диктатора: уж больно быстро попадают к нему на стол немецкие оперативные документы. Но он отогнал эту мысль: разведка у нас замечательная. Директива Кейтеля гласила:

«Наиболее ранней датой выхода в море флота вторжения определено 20 сентября с тем, чтобы начать высадку 21 сентября…»

Да, все это звучит уже совершенно конкретно. Необходимо успеть подготовить армию примерно к этому сроку.

Вечером 6 сентября адмирал Редер снова пробился к Гитлеру, пытаясь отговорить фюрера от намеченной авантюры. А именно так адмирал, как известно, оценивал операцию «Морской Лев». Адмирал уже надоел Гитлеру своим вечным нытьем. Вопрос о вторжении в Англию обсуждению не подлежит. Но ведь в проливе господствует английский флот! Англичане день и ночь бомбардируют северо-французские порты.

Фюрер прерывает Редера. Он смотрит на измученное, бледное, потерявшее былой лоск аристократическое лицо Редера, и ему становится его жалко. Но доверить ему тайну нельзя. Флот пронизан идеями монархизма, а значит, и английской агентурой. Все роялисты, порой сами того не сознавая, находятся в лапах англичан. Гитлер пытается успокоить адмирала уклончивой фразой, что, «возможно, разгром Англии удастся довершить и без вторжения», а затем резко меняет тему разговора.

В субботу, 7 сентября, с немецких аэродромов в Северной Франции и Голландии, ревя моторами, поднялись в воздух 625 бомбардировщиков и 648 истребителей. Целью удара был Лондон. Построившись журавлиными клиньями, эскадры уходили на север, исчезая в надвигающихся сумерках.

Налет был страшным. Предыдущие бомбежки Варшавы и Роттердама можно назвать булавочными уколами в сравнении с адом, обрушившимся на столицу Великобритании. Весь район доков представлял из себя огромный бушующий вихрь пламени. Все железные дороги, ведущие из Лондона на юг, столь важные для обороны в случае вторжения, были блокированы. Один из районов столицы – Сильвертаун – оказался в кольце огня. Население пришлось эвакуировать водой.

После наступления темноты, примерно в 20.00, начала действовать вторая волна немецких бомбардировщиков, затем третья. Бомбардировка продолжалась непрерывно до половины пятого утра 8 сентября. Сигналы тревоги ревели на всех радиоволнах англичан. Генеральный штаб, командование флотом метрополии, сам Черчилль и его ближайшие советники были уверены – столь убийственная бомбардировка означает, что вторжение неминуемо и произойдет в ближайшие 24 часа.

Штаб обороны метрополии передал по своим каналам связи условное слово «Кромвель» – вторжение неизбежно. Флот и авиация ринулись в пролив. Ничего и никого. В боевом задоре был нанесен удар по портам Северной Франции. Несколько транспортов и около 30 барж было потоплено, уничтожено несколько складов с грузами для десанта.

Агентура англичан в оккупированной Франции передала в эфир: погрузка войск на транспорты не производилась. Успокойтесь! Но никто этого уже не слышал.

Рассвет 8 сентября высветил страшную картину пылающей столицы Англии. Океаны пламени бушевали над городом. Ревели сирены пожарных машин и карет скорой помощи. Несмотря на все мужество и самоотверженность, пожарные не могли локализовать пламя. Количество убитых и раненых росло. Сквозь треск помех на коротких волнах гремел ликующий голос Геринга: «Наступил исторический час, когда наш Воздушный флот впервые нанес удар прямо в сердце врагу!»

В воскресенье, 8 сентября, в 19.00 немецкие бомбардировщики вновь появились над Лондоном. Бомбардировка продолжалась всю ночь. Еще не потушенные пожары предыдущей бомбежки заполнились новыми океанами пламени. Рушились жилые дома и цеха заводов. Гибли люди. Поступили первые цифры: за две ночи погибло 900 человек, ранено 2500.

В понедельник, 9 сентября, все повторилось снова. Более 200 немецких бомбардировщиков всю ночь сбрасывали бомбы на английскую столицу, уже не ища военных объектов и сбрасывая бомбы куда попало.

Немецкие бомбардировщики почти не встречали сопротивления над Лондоном, поскольку почти все соединения английских ВВС были сосредоточены на юге страны, с минуты на минуту ожидая вторжения. Английская авиация концентрировала все внимание на портах Северной Франции, нанося по ним удар за ударом.

Ничтожные потери над Лондоном снова дали Герингу повод в очередной раз заявить, что английская авиация полностью подавлена. Но адмирал Редер совсем не разделял этой точки зрения. Английские авиация и флот господствуют в проливе и в небе над ним,

поскольку вся немецкая авиация бомбит Лондон. В подобной обстановке подготовиться к вторжению в предписанные сроки просто невозможно. Адмирал опять просил отсрочки.

Пока Гитлер размышлял над рапортами своих главнокомандующих военно-морскими и военно-воздушными силами, пытаясь решить, кто из них вводит его в заблуждение, ответ пришел сам: завыли сирены воздушной тревоги: более 100 английских бомбардировщиков появились в ночь с 10 на 11 сентября над Берлином и бомбили столицу Рейха несколько часов, вынудив самого фюрера отсиживаться в бомбоубежище. Бомбы упали на рейхстаг и рейхсканцелярию, одна бомба взорвалась в саду дома Геббельса, другая подожгла знаменитую Берлинскую оперу, сгорела университетская библиотека. Ах, вот как? Ну, хорошо! В ту же ночь в состав атакующих соединений немецких бомбардировщиков были включены специально подготовленные экипажи для бомбежки «точечных» целей: королевского дворца, резиденции премьер-министра, здания парламента, комплекса Адмиралтейства.

Экипажи подтвердили свое высокое мастерство – две бомбы, одна из которых – замедленного действия, угодили в резиденцию короля.

Утром 11 сентября к нации по радио обратился Черчилль. Предупредив о том, что вторжение в Англию может произойти в любой момент, премьер сказал: «Мы должны рассматривать следующую неделю как наиболее важную в нашей истории. Она сравнима с днями, когда в проливе появилась Испанская Армада… Или когда Нельсон стоял между нами и Великой Армией Наполеона».

В личном кинозале Сталина демонстрируется монтаж из немецкой и английской кинохроники. Тема: блиц над Лондоном. Рушатся дома, мечутся люди, взрывы авиабомб поднимают в небо тонны обломков и клубы черного дыма, эффектно заходят в пике «юнкерсы», бомбы, постепенно уменьшаясь, сериями по шесть идут к земле. Неразорвавшаяся бомба крупным планом. В чем дело? Ага, советская маркировка. Немцы пользуются советскими авиабомбами. Так вам и надо, гады. Можете протестовать!

Сталин возбужден. Он громко сопит, постоянно ломая спички, раскуривает трубку. «Маладэц! – говорит он с сильным акцентом, что свидетельствует о сильнейшем возбуждении. – Маладэц Гитлер! Он прямо ледокол всемирной пролетарской революции!»

Сидящие в зале Молотов, Жданов, Берия, Маленков и Мерецков благоговейно молчат. Нет слов, чтобы выразить свое восхищение прозорливостью вождя. Еще полтора года назад Сталин все продумал и рассчитал, отведя Гитлеру роль ледокола революции. И все происходит так, как наметил Великий Вождь. Без сомнения, высадка в Англию должна начаться в любой момент. Не позднее 1 октября Красная Армия будет готова к действиям глобального масштаба.

13 сентября, прибыв в Кремль, Сталин узнал еще одну радостную новость. Итальянские войска наконец перешли в наступление и вторглись в Египет. Англичане отступают по всему фронту. Наступление поддерживает мощный итальянский флот, что вынудит англичан срочно перебросить крупные силы своего флота в Средиземное море, оголив метрополию. А тогда немцы и пойдут через Ла-Манш. Все-таки Гитлер не дурак!

Беспокоит другое. Все более настораживают сообщения разведки о концентрации немецких войск в Финляндии и Румынии. Как не хочется пока ссориться с Гитлером, в этом вопросе нужно с ним разобраться. Но он все равно молодец!

14 сентября в Берлине Гитлер провел конференцию с представителями высшего командования вооруженных сил. Еще до начала конференции адмирал Редер сумел

«всучить» фюреру свой меморандум, в котором, в частности, говорилось, что «существующая обстановка в воздухе не может создать условия для выполнения операции „Морской Лев“, так как риск еще очень велик».

Гитлер был спокоен и сосредоточен. «Успешная высадка с последующей оккупацией Англии, – сказал он, – закончила бы войну в короткий срок. Правда, Англия уже умирает от истощения, так что нет необходимости привязывать высадку к какому-то конкретному сроку… Но долгая война тоже нежелательна…

Флот уже достиг необходимого состояния. Действия люфтваффе вообще выше всяческих похвал. Четыре-пять дней хорошей погоды принесут решительные результаты… У нас есть хорошие шансы поставить Англию на колени».

«Так в чем же дело? Почему высадка откладывается?» – молча вопрошал холодный блеск генеральских моноклей, в то время как побледневший Редер вытирал холодный пот со лба. Как понять слова фюрера, что флот уже достиг «необходимого для высадки состояния»?

«Имеются трудности, – пояснил Гитлер. – Истребители противника еще полностью не уничтожены. Рапорты о наших успехах не всегда дают полную и надежную картину, хотя противник и понес тяжелейшие потери».

Гитлер помолчал и объявил решение: «Несмотря на все успехи, предпосылки для операции „Морской Лев“ еще не созданы».

Суммируя сказанное, фюрер подвел следующие итоги:

«Необходимо усилить удары с воздуха. Удары нашей авиации имели потрясающий эффект… Даже если победа в воздухе будет достигнута продолжением налетов в течение еще 10-12 дней, в Англии может возникнуть массовая паника и истерия. К этому присоединится страх перед высадкой десанта. Страх перед высадкой десанта не должен исчезать».

Самое главное Гитлер сказал в последней фразе. Все его мысли были заняты тем, как заставить Сталина поверить в неминуемость вторжения в Англию и вместе с тем не платить уж слишком большую цену. Но можно ли постоянно откладывать высадку десанта, сохраняя у всех убежденность в его неизбежности? Послушаем генералов. У них иногда возникают весьма оригинальные мысли. Гитлер предложил присутствующим высказать свое мнение.

Первым выступил авиационный генерал Ешоннек. Для убыстрения процесса возникновения паники в Англии он попросил разрешения бомбить густонаселенные жилые кварталы Лондона, гарантируя при этом «массовую панику» в британской столице.

Затем выступил Редер. Этот не подведет, поскольку боится высадки пуще смерти. Действительно, с первых же слов адмирал стал говорить «об очень большом риске». Обстановка в воздухе не может существенно измениться в лучшую сторону до ближайших благоприятных для высадки дней, намеченных на 24-27 сентября. Лучше все сразу перенести на 8 октября, предложил Редер и добавил: «А если к тому времени авиация одержит полную победу, можно будет даже отказаться от проведения десанта…»

Гитлер движением руки прервал своего главкома военно-морскими силами: «Нет, нет. Будем ориентироваться на 27 сентября. Так что ближайший срок для принятия предварительного решения – 17 сентября. Только после этого ориентироваться на 8 октября». Редер доволен: перенести высадку на 8 октября – значит фактически ее отменить, по крайней мере в этом году. В октябре два дня хорошей погоды в проливе большая редкость.

Знающие правду Браухич и Гальдер молчат. Впрочем Браухич заметил, что для высадки в Англии ему не нужны ни авиация, ни флот – он высадится под прикрытием дымовой завесы. Ешоннек и Редер покрываются пятнами.

Мягко улыбаясь, Гитлер объявляет обоим, что они свободны, и остается с Браухичем, Гальдером, Кейтелем и Йодлем. Все свои, можно не ломать комедии. Обстановка сложная. Вдоль всей западной границы Сталин уже в течение трех месяцев проводит бесконечные маневры, максимально приближенные к боевой обстановке. В любой момент можно ожидать неожиданностей.

Ясно наметились направления главных ударов: по Румынии с одновременной оккупацией Болгарии и с Белостокского балкона – на Варшаву, с выходом к Одеру. Предполагаются вспомогательные удары по Восточной Пруссии и Финляндии. Наши же силы в этом направлении совершенно недостаточны для оказания Москве противодействия.

Гитлер успокаивает военных. Россия ожидала нашего «истощения» в войне на Западе. Но Сталин видит, что его расчеты провалились. «Истощения» не произошло. Мы достигли величайших успехов без больших потерь. Это оказало нужное воздействие на Сталина. Осознание нашей мощи уже повлияло на поведение Сталина в отношении Финляндии и на Балканах. Он ждет высадки в Англии, чтобы начать активные действия, и пусть ждет. Следует форсировать переброску войск в Румынию и генерал-губернаторство и ускорить составление планов сокрушения России. А что касается высадки, то мы все решили на этом совещании…

Чтобы оправдать доверие фюрера и доказать всем скептиками, кто является хозяином в небе над Англией, Геринг решил совершить 15 сентября небывалый по мощи дневной налет на Лондон. В этот день около полудня над Ла-Маншем появилось примерно 200 бомбардировщиков под прикрытием не менее 600 истребителей. Вся эта армада, блестя дюралем и стеклами кабин под лучами тусклого сентябрьского солнца, грозными клиньями шла в сторону столицы Британии. Этому воскресному сентябрьскому дню суждено было стать днем самого горького разочарования в возможностях люфтваффе. Эффективно используя радары, английское командование наглядно дало понять сомневающимся, что английская авиация не только не уничтожена, но стала сильнее, чем была.

Соединения английских истребителей в неожиданном для немцев количестве, зайдя из-под солнца, перехватили немецкую армаду на подходе к столице. Всего нескольким бомбардировщикам удалось прорваться к Лондону. Остальные были либо рассеяны, либо уничтожены.

Пока Геринг продолжал хвастливо утверждать, что ему необходимо еще 4-5 дней, чтобы окончательно прикончить англичан, произошло еще одно событие, которое показало Гитлеру, что он платит за дезинформацию Сталина, пожалуй, слишком высокую цену.

16 сентября в районе Антверпена немецкие войска проводили крупное учение по высадке десанта. Личный состав и боевая техника были погружены на транспорты и баржи, которые под прикрытием эсминцев вышли в море, чтобы, пройдя примерно 50 миль, высадить десант на одном из участков голландского побережья, напоминающего по рельефу побережье южной Англии. Неожиданно на идущий конвой обрушились английские бомбардировщики. В считанные минуты конвой был разгромлен. Потери в личном составе превзошли запланированные потери первой волны десанта при настоящей высадке в Англии.

Хотя немцы полностью засекретили эту катастрофу, разведки многих стран пронюхали о ней. Зоркие глаза советской разведки засекли три длинных эшелона с тяжелоранеными, прибывшими в пригороды Берлина. Большинство раненых были обожжены. Никаких сухопутных сражений, где немцы могли бы понести такие потери, не было, да и быть не могло. Проанализировав информацию, разведка сделала ошибочный вывод о том, что имела место попытка высадки в Англии, закончившаяся провалом и большими потерями.

Сообщение о неудачной попытке высадки в Англию пришло в Москву в разгар оперативного совещания, которое проводили Сталин с начальником генерального штаба Мерецковым и срочно прилетевшим в Москву из Киева наркомом обороны Тимошенко.

На повестке дня находился важнейший вопрос точного определения даты начала операции «Гроза». Все сходились на мнении, что 1 октября было бы идеальнейшей датой, что дало бы возможность завершить операцию до начала зимы. Однако имелись проблемы. Если немцы начнут высадку в двадцатых числах сентября, а прогноз погоды говорит, что в двадцатых числах можно ожидать целых три дня идеальной погоды с 25 по 29 сентября, то вторгаться в Европу 1 октября несколько рановато. Лучше 10-го. С одновременным ударом по остатку Финляндии.

Армия, в принципе, готова, хотя, конечно, остро ощущается нехватка танков и автотранспорта. Флот, начавший строительство гигантских линкоров и линейных крейсеров, съедает фондовую сталь, срывая танковую программу. Мерецков явно говорит лишнее.

«А без этих 5000 танков, – спрашивает Сталин, – вы не можете начать операцию?» В голосе его звучит тревога и печаль. Он отлично видит, что генерал армии Мерецков – это не тот человек, который ему нужен. Нет в нем этакого стального большевистского стержня. Боится он «Грозы» так же, как боялся Шапошников. Но кем его заменить?

«Конечно, можем, товарищ Сталин, – бодро отвечает Мерецков, понимая, что зашел слишком далеко. – Но с учетом неизбежных потерь…»

Генеральный штаб недавно представил ему, Сталину, подробнейший расчет «Грозы» с указанием предполагаемых потерь. В операции должно было участвовать 5 миллионов человек, 11 тысяч танков, 35000 орудий и 9-10 тысяч самолетов. Срок операции 3-4 месяца. Потери в людях ориентировочно оцениваются в полтора миллиона человек. Вообще-то в генштабе считали, что два миллиона, но не осмелились дать эту цифру Сталину. Сталин об этом, конечно, знал и только усмехнулся.

Генерал Голиков, фанатичный сторонник осуществления «Грозы», более всего боявшийся, что сам Сталин, по своей хорошо известной трусости, от нее откажется, взял за правило не тревожить вождя сообщениями, которые идут вразрез с глобальными сталинскими замыслами.

В аппарате Голикова – ГРУ – сидели разные люди, большинство которых еще оставалось от несчастного Ивана Проскурова. Никто из них, разумеется, о «Грозе» не знал ничего, а просто отвечал за свой участок информации. Информация стекалась к Голикову, а тот уже сообщал ее наверх – Сталину и начальнику генерального штаба.

Эту информацию Голиков отбирал тщательно. Ну, зачем скажем, беспокоить вождя сообщением, что через Чехословакию в штатских костюмах проследовал штаб армейской группы, направляющийся в Румынию? Все свое хозяйство они везли в контейнерах, на которых была маркировка сельскохозяйственных грузов. Идет интенсивное строительство новых шоссейных дорог в Польше. Ну и что? Пусть себе строят. Зачем истерику из-за этого поднимать? Штабы 4-й, 12-й и 18-й армий переброшены на восток. Хорошо. Сколько всего дивизий у немцев на наших границах? Было 7. А сейчас? 37! Тридцать дивизий перебросили за последние полтора месяца. Ну, а что такое 37 дивизий? Смешно. Пыль. Мы ее сдуем и не заметим. А что у нас в мире? Все в порядке. Итальянцы наступают, англичане в панике бегут к Суэцкому каналу. Возможно, им придется эвакуировать с Ближнего Востока всю свою армию, а это не осуществить без переброски в Средиземное море крупных соединений флота из метрополии. И тогда… В этот момент Голикова срочно позвали к телефону. Вернулся он с выражением недоумения на лице. Только что пришло сообщение: немцы пытались высадиться в Англии, но были отброшены, понеся большие потери. Это был сюрприз. Если эта информацию достоверна, то необходимо немедленно привести пограничные округа в состояние наивысшей готовности. Тимошенко следует срочно вылететь обратно в Киев к

Жукову. В Белоруссии находится Шапошников. Остальным оставаться на местах. Распустив совещание, Сталин остался с Берией, который до этого не проронил ни слова, а только зловеще поблескивал стеклами пенсне. Обычно доклады шефа НКВД касались вопросов, выходящих за пределы того, что было положено знать военным и членам Политбюро. В данном случае Берия, перейдя на грузинский язык, доложил вождю, что его люди обнаружили мощную утечку информации, идущую из Наркомата обороны и генерального штаба.

Утечка – это мягко сказано. Поток, как в горных реках их родного Кавказа. Оказывается, еще до начала конфликта мерзавец Маннергейм имел на своем столе оба наших оперативных плана: план Мерецкова, основанный на идее блицкрига, и план Шапошникова, требовавший основательной подготовки, на которую тогда просто не было времени. Хорошенькие дела! 64 секретные папки документов, по тысяче страниц каждая! Все это надо скопировать и переслать за границу!

Выяснить всех, кто имел доступ к документам, и покарать беспощадно, невзирая на звания и заслуги. Берия просит уточнить: покарать всех, кто имел доступ к документам вообще, или тех, кто эти документы составлял? Составь список, говорит Сталин, там посмотрим. Но это еще не все: из штаба Западного военного округа сбежал подполковник, прихватив с собой портфель документов, касающихся строительства укрепрайонов. Все его непосредственные начальники и подчиненные арестованы. И семьи, подсказывает Сталин, чтобы было неповадно.

Сталин знает, что подполковник сбежал по заданию ГРУ, чтобы всучить немцам «дезу» о широкомасштабном строительстве укреплений на наших западных границах, но Берии это знать не обязательно. Зато он знает другое, о чем не обязательно знать Сталину.

При массовых экспроприациях в Прибалтике Жданов не только ухитрился присвоить себе ценностей на сумму около 40 миллионов долларов – для этого много ума не надо – но и перебросить эти ценности в Швейцарию, что предполагает наличие у него мощной личной разведсети. Причем, по данным Берии, делалось все это с ведома Ленинградского Военного округа, которым командовал Мерецков – нынешний начальник генерального штаба.

17 сентября генерал Паулюс, работавший последние две недели без сна и отдыха, доложил генерал– полковнику Гальдеру свои предварительные выкладки по поводу нападения на СССР. Операция рискованна, но возможна. Для этого необходимо сосредоточить на границах с СССР не менее 110-120 дивизий и добиться стратегической внезапности, что, в свою очередь, предполагает обширные мероприятия по дезинформации противника. Сама география театра диктует план будущей операции. Все русские армии развернуты для наступления. Особенно соблазнительно выглядят Белостокский и Лембергский балконы, где сосредоточено огромное количество русских сил, гигантская сеть складов и аэродромов, штабы всех уровней. А между тем, оба эти балкона легко уничтожаются гораздо меньшими силами, поскольку никакой, в сущности, обороны они не имеют.

Когда сталкиваются две армии, обе нацеленные на стремительное наступление, выигрывает та, что начинает первой. Уничтожение русских армий на «балконах» даст возможность выхода на оперативный простор с быстрым достижением конечных пунктов операции: Москвы, Ленинграда и Волги, где-нибудь южнее Сталинграда. Главное – внезапность.

Гальдер внимательно слушает своего заместителя, рассматривая предварительную схему стратегического развертывания на Востоке.

Война не окончена, и ее продолжение требует выбора между двумя вариантами. Либо удар по Англии, имея в тылу уже приготовившегося к броску Красного медведя, либо удар по

этому медведю, оставив в тылу несколько контуженого «льва», еще не готового перепрыгнуть через канал и вцепиться в спину Германии. Только сумасшедший мог сейчас выбрать бросок на Англию. Интересно, понимают ли это в Москве? Судя по всему, еще нет.

Приказав Паулюсу продолжить работу и сделав более тщательный расчет сил по направлениям и задачам каждого рода войск, Гальдер занялся текущими делами. Разгром конвоя, проводившего учения по высадке десанта, привел Гитлера к очередной вспышке ярости, которую, слава Богу, удалось направить против Геринга.

Гитлер приказал представить ему необходимые документы о имеющихся в наличии силах авиации. Он сам распорядится, как эти силы использовать.

Пока шел этот спор, в ночь на 17 сентября английская авиация подвергла бомбардировке весь прибрежный район между Гавром и Антверпеном. К бомбардировке с воздуха добавились залпы тяжелых английских орудий через пролив. Росло число раненых и убитых. Флот терял специалистов, армия – первоклассно обученных солдат.

Гальдер уже сам начинал считать, что вооруженные силы Германии платят слишком высокую цену за введение Сталина в заблуждение.

Вечером он доложил свои соображения Гитлеру. Фюрер был спокоен и даже временами одаривал начальника генерального штаба своей печальной улыбкой. Да, конечно, согласился он, надо убирать оттуда войска и корабли, но так, чтобы из Москвы этого не заметили. Гальдер с пониманием кивнул. По моему приказу за это время, доложил генерал-полковник, разработан целый комплекс мероприятий, который не позволит даже самой первоклассной разведке установить, что мы не собираемся осуществлять вторжение. Совершенно верно, оживился фюрер, необходимо продолжать налеты на Лондон, чтобы англичане ожидали вторжения каждый день. У фюрера еще теплилась надежда, что англичане, не выдержав ежедневных бомбежек, запросят мира, и тогда можно будет либо как-то договориться со Сталиным, либо, что гораздо приятнее, обрушиться на него всей мощью, покончил навсегда с большевизмом, столь гнусно развратившем социализм.

Гальдер доложил ему о работе Паулюса. Фюрер поморщился. Главный удар, возразил он, надо нанести по Украине, а не по Москве. Во-первых, мы обезопасим румынские нефтяные районы, во-вторых, захватим богатейший в экономическом отношении район, перережем все основные водные артерии и овладеем стратегически важными черноморскими портами, создав предпосылки для соединения с итальянцами на Ближнем Востоке. Все это так, согласился Гальдер, но при этом мы не уничтожим русскую армию. А в случае нашего удара на Москву Сталин наверняка бросит на ее защиту все оставшиеся резервы. Мы уничтожим их, возьмем Москву, а Украина сама попадет в наши руки.

Хорошо, сказал Гитлер, мы это еще обсудим. Лишь бы он сам не перешел к активным действиям раньше нас. И позаботьтесь, генерал, чтобы никто не пронюхал о наших планах, хотя бы на данном этапе.

Беспокойство Гитлера имело все основания. Секретные доклады гестапо недвусмысленно говорили о том, что достаточно большой процент населения страны находится в плохо скрываемой оппозиции к режиму фюрера. Причем социальный и классовый состав этой оппозиции весьма обширен. Особенно опасны, конечно, аристократы, не скрывающие своего недоумения, что обычно зарезервированный для людей их круга пост немецкого канцлера занял выскочка из бывших люмпенов.

Имея огромное количество столь же родовитых родственников в Англии, они остро переживают «братоубийственную войну», которую, по их мнению, Гитлер затеял из-за своего низкого происхождения. Совершеннейшие идиоты! Как будто совсем недавно не пылал огонь мировой войны, которую вел кайзер против двух своих любимых кузенов – Джорджи и Ники.

На это можно было бы не обращать внимания, если бы эти самые аристократы, в силу занимаемых ими постов, не знали слишком много. Кто люди его ближайшего окружения:

Гальдер, Браухич, Редер, не говоря уже о более низком эшелоне? Все отпрыски древних дворянских родов, чьи предки привыкли служить королям и кайзерам. А промышленные тузы, более прислушивающиеся к тому, что скажут раздувшиеся от золота евреи-кровососы Уолл-Стрит и Сити, чем к словам своего фюрера? Какую обструкцию они устроили ему по поводу программы «ариезации» еврейской собственности, когда конфискованные у евреев деньги и недвижимость он хотел передать немецким промышленникам!

Престарелый фон Тиссен осмелился прямо сказать ему, что так дело не делают. Ни одна уважающая себя фирма не возьмет еврейских денег, добытых таким образом. Это скомпрометирует их в глазах мирового бизнеса, закроет им банки и рынки.

Гвоздем в стуле торчит в Берлине посольство Соединенных Штатов, набитое, если верить Гиммлеру, шпионами. Но ни одного шпиона пока поймать не удалось. Да и какие из американцев шпионы? Они все в своем вечном бизнесе. Где что купить, где что продать. Самый активный – не военный и военно-морской атташе, как во всех порядочных посольствах, а коммерческий атташе, сорокавосьмилетний Сэм Эдисон Вудс – инженер и делец.

Он вхож в банковские кабинеты и аристократические салоны. Гестапо в конце концов наблюдение за ним ослабило: слишком открыто и широко действовал коммерческий атташе. И напрасно, ибо именно Вудс был резидентом американской разведки в Берлине, хотя никакой разведки в Америке тогда не существовало, а существовала информационная служба Госдепа. Однако в конкуренции с такими мощными и глобальными разведслужбами, как разведки СССР, Германии и Англии, американцы почти всегда выходили победителями, все узнавая первыми.

Специалисты объясняют этот парадокс тем обстоятельством, что американская разведка в отличие от европейских почти не имела в своем составе военных и не была отягощена политическими «маразмами» и викторианским консерватизмом.

Вудс действовал настолько хитро и спокойно, что в его гестаповском досье вплоть до декабря 1941 года были подшиты всего два документа, в одном из которых говорилось о рассказанном Вудсом анекдоте о фюрере, почерпнутом из журнала «Лайф», в другом – о частых его визитах на ипподром.

Но главного гестапо так и не узнало. У Вудса был друг, принадлежащий к самой родовитой части немецкой аристократии и имевший огромные связи в министерстве хозяйства и в рейхсбанке. Не менее влиятельные связи аристократ имел и в Верховном командовании вермахта, набитом его близкими и дальними родственниками. Как и водится, аристократ презирал Гитлера и ненавидел его режим «лавочников».

Так что Гитлер, не жалуя немецкую аристократию, был совершенно прав, но у него была кишка тонка поступить с аристократами так, как поступил с русской аристократией Ленин, истребив ее почти поголовно.

Еще в августе 1940 года друг американского коммерческого атташе прислал ему билет в театр. Когда в зале погас свет, он опустил в карман пиджака Вудса листок бумаги. Дома американец вынул из кармана записку, в которой было написано: «В главной квартире Гитлера проходили совещания относительно приготовлений к войне против России».

Вудс немедленно отправил эту информацию в Государственный департамент Соединенных Штатов. Госсекретарь США Хэлл доложил об этом президенту Рузвельту. Сам Хэлл был склонен считать это сообщение немецкой дезинформацией.

Но Рузвельт увидел все иначе. Американский президент еще в августе 1939 года предсказал советско-германскую войну, считая, что на таком маленьком континенте, как Европа, не ужиться двум столь прожорливым хищникам, как Сталин и Гитлер.

Рузвельт – 32-й президент Соединенных Штатов – просчитал дальнюю перспективу. Сталин и Гитлер оба мечтают о мировом господстве и не видят для этого других средств,

кроме танков. Они стоят на пути друг друга, а на их общем пути стоит мощная Британская империя.

Будучи незаурядным интриганом и, как это свойственно всем диктаторам, считая себя великим политиком, Сталин, раздувая очередной пожар в Европе, надеется погреть на нем руки. Но любой его неосторожный шаг – это столкновение с Германией, с какой бы симпатией Гитлер и Сталин ни относились друг к другу.

Совсем недавно, в середине июля 1940 года, шеф ФБР Эдгар Гувер передал в Госдеп любопытный документ, говорящий о том, что Сталин и Гитлер еще 17 сентября 1939 года, сразу же после раздела Польши, тайно встречались во Львове, где подписали сверхсекретное военное соглашение, произведя друг на друга отличное впечатление.

Это сообщение не на шутку встревожило всех, кто имел право с ним ознакомиться, хотя многие и выражали сомнение по поводу самого факта встречи, ссылаясь на весьма надежную информацию о местонахождении и Сталина, и Гитлера в этот день. Впрочем, была ли подобная встреча или нет – вопрос не принципиальный. Сколько бы ни встречались тайно и открыто кайзер Вильгельм с русским императором, сколько бы ни обнимались, щеголяя родственными связями и обращением на «ты» – это не отсрочило войну ни на день, ибо у войн и военных союзов свои законы. Чем крепче обнимаются тираны, тем кровопролитнее вспыхивают войны между ними.

Поэтому сообщение Вудса о том, что в ближайшем окружении Гитлера ведутся разговоры о нападении на СССР, легло в схему прогнозирования международных событий, составленных президентом Соединенных Штатов. Это сообщение, несмотря на все сомнения государственного департамента, стало важнейшей предпосылкой для планирования будущей деятельности президента.

В Берлин Вудсу полетела шифровка, требующая самым тщательным образом собирать и исследовать информацию о планах Гитлера, обратив особое внимание на возможность дезинформации со стороны немцев. Между тем, при очередном свидании в темноте кинотеатра Вудсу было передано сенсационное сообщение: под прикрытием опустошительных налетов на Англию Гитлер готовится к внезапному нападению на Советский Союз. Проанализировав полученную информацию, эксперты Госдепартамента доложили Рузвельту, что тут за милю веет немецкой дезинформацией.

Понукаемый из Вашингтона, Вудс пошел на риск незапланированной встречи со своим информатором. Насколько надежна добытая им информация? Аристократ заверил Вудса, что информация получена от лиц, заслуживающего полного доверия. Это лицо, повторил информатор, принадлежит к узкому кругу особо доверенных офицеров в Верховном командовании вермахта.

Хотя Госдеп и даже ФБР продолжали выражать очень сильное сомнение по поводу достоверности добытых сведений, Рузвельт поверил Вудсу безоговорочно. 18 сентября по каналам личной связи эта информация была передана Черчиллю.

На своей даче в Кунцево Сталин, лежа на диване, с удовольствием просматривает только что присланную из типографии книгу двух экономистов, Варги и Мендельсона «Новые данные для работы В. И. Ленина „Империализм – высшая стадия капитализма‟.

Подобных книг в Советском Союзе выходит по дюжине в год, но эта была тем интересна, что по личному указанию Сталина в ней впервые, в подтверждение правоты Ленина, приводились цитаты из Гитлера, в частности, интервью фюрера корреспонденту лондонской газеты «Дейли Экспресс» 11 февраля 1933 года, где новоиспеченный канцлер со свойственной ему простотой жалуется на отсутствие у Германии колоний. «Колонии нам нужны в той же мере, что и другим державам», – жаловался фюрер английскому журналисту,

а поскольку колоний у Германии нет, а те, что были, отобраны по Версальскому договору, то надо захватить новые – путем аннексий.

Именно любовь Гитлера к аннексиям и была для Сталина вернейшим доказательством неопровержимой и абсолютной правоты великого учителя. В это особенно легко верилось еще и потому, что Сталин любил аннексии не меньше своего берлинского оппонента и уж никак не мог понять, как ее, аннексию, кто-то может не любить.

Ввергнув несчастную Россию в состояние, не имеющее аналога даже в истории самых мрачных восточных деспотий древности, Сталин маниакально вел ее по пути, начертанному Лениным. Ленин успел убедить его в неизлечимости недугов капитализма, заразил пламенной верой в мировую революцию и в создание на обломках рухнувшего капитализма мирового социалистического строя. Ленин внушил ему склонность видеть в мировых условиях всего лишь слепок с русских условий – непримиримых и не знающих среднего пути. Ленин передал ему ограниченный «партийный» подход ко всем вопросам и свое абсолютное непонимание теории современного государства, где главным богатством является каждая отдельная личность.

Казалось, Сталин только посмеялся бы над тем, кто попытался убедить его в возможной роковой ошибке Ленина, принявшего младенческий крик новорожденного капитализма за его предсмертный хрип. Но как-то, просматривая эмигрантский журнал «Воля России», издающийся в Праге, Сталин наткнулся на статью какого-то старорежимного философа, непонятно как избежавшего вполне заслуженного расстрела. Осмелившись полемизировать с Ильичем, он писал: «Империализм не является функцией или фазой капитализма. Он существовал еще до капитализма и представляет собой характерную черту малоразвитых, но обладающих военным могуществом наций, управляемых кастой, которая стремится к самовластию как внутри своей страны так и за ее пределами».

Сталин подчеркнул этот абзац красным карандашом и поставил на полях восклицательный знак, что свидетельствовало о том, что вождь восхищен законченностью формулировки, простой по содержанию и доступной по форме. Он удостоил это место закладки и оставил журнал в своем книжном шкафу.

Отложив сигнальный экземпляр книги, Сталин встал с дивана и, подойдя к рабочему столу, еще раз внимательно перечитал документ, переданный службой радиоперехвата НКВД. Это была телеграмма Риббентропа, посланная послу Шуленбургу еще 16 сентября.

Сталин никогда не задавал себе вопрос, как можно с помощью радиоперехвата получить документ, посланный по проводному телеграфу. НКВД засекречивало источники даже от великого вождя всех народов. В действительности же НКВД удалось завербовать советника немецкого посольства в Москве, ближайшего сотрудника самого графа фон Шуленбурга – Густава Хильгера, который передавал в распоряжение ведомства Берии всю секретную документацию посольства.

Как выяснилось позднее, Хильгер с таким же рвением работал и на советское ГРУ, а с еще большим рвением на своих истинных хозяев – англичан, фактически втянув в свою деятельность и самого Шуленбурга, ловко играя на смешанных чувствах патриотизма старого немецкого графа и его внутреннем неприятии нацистского режима. В документе, лежащем на столе Сталина, говорилось:

«Берлин, 16 сентября 1940 г.

Лично послу!

Пожалуйста, посетите днем 21 сентября господина Молотова и, если к тому времени Вы не получите иных инструкций, сообщите ему устно и как бы между прочим, лучше всего в разговоре на какую-нибудь случайную тему, следующее:

Продолжающееся проникновение английских самолетов в воздушное пространство Германии и оккупированных ею территорий заставляет усилить оборону некоторых объектов, прежде всего на севере Норвегии. Частью такого усиления является переброска туда артиллерийского зенитного дивизиона вместе с его обеспечением. При изыскании путей переброски выяснилось, что наименее сложным для этой цели будет путь через Финляндию. Дивизион будет предположительно 22 сентября выгружен около Хапаранды, а затем транспортирован в Норвегию…

Мы хотим заранее информировать советское правительство об этом шаге. Мы предполагаем и просим тому подтверждения, что советское правительство отнесется к этому сообщению как к совершенно секретному. О выполнении поручения сообщите телеграфом.

Риббентроп».

В сущности, ничего особенного в этом документе нет. Немцы перебрасывают войска на норвежские плацдармы для предстоящего вторжения. Удивление вызывает то, что столь простое дело обставляется такими «ужимками» и «прыжками». Видимо, часть войск будет оставлена на территории Финляндии. Но если и там будут немецкие войска, это может привести к незапланированному конфликту с Германией. Хотя, впрочем, особенно беспокоиться об этом не следует. Вторжение, которое должно начаться с минуты на минуту, и так сделает это столкновение неизбежным. Суматоха, поднятая разведкой 16 сентября, несколько улеглась. Немцы не предпринимали вторжения. Что-то случилось у них на учениях: то ли что-то само взорвалось, то ли англичане их подловили. Но налицо, безусловно, какая-то весьма крупная катастрофа, что может отодвинуть начало вторжения. Это даже неплохо, поскольку даст нам возможность лучше подготовиться.

Тимошенко докладывает, что к 27 сентября Красная армия будет приведена в состояние наивысшей готовности. Беспокоит другое. Стекаются сведения, что немцы готовят оформление официального союзного блока, привлекая туда Италию, что не так уж важно, поскольку удар по Италии предусмотрен планом «Грозы», и Японию, чего совсем не хотелось бы.

Какая уж там «Гроза», если в перспективе открытие второго фронта на Востоке. Пока у нас еще нет достаточно сил, чтобы разом навести порядок в Европе и в Азии. А позицию Японии так и не удается толком выяснить. Улыбки, придыхания, недомолвки и ничего конкретного.

19 сентября Гитлер отдал приказ приостановить сосредоточение флота вторжения в портах Северной Франции, чтобы «свести к минимуму потери судового тоннажа от воздушных ударов противника». Высадка снова откладывается, на этот раз – где-то на весну 1941 года.

Командующие в Северной Франции бомбардируют телефонными звонками Гальдера – положение становится просто невыносимым из-за неопределенности поставленных перед их войсками задач. Каковы точные сроки начала операции «Морской Лев»? Не надо паники, успокаивает их начальник генерального штаба, фюрер примет решение. Вторжение отложено главным образом из-за неблагоприятной погоды. Флот ликует – благоприятная погода в проливе не наступит раньше будущего лета. К этому времени удастся привести в порядок всю материальную часть флота, а главное – ввести в строй два новейших линкора – «Бисмарк» и «Тирпиц», превосходящие по своим оперативно-тактическим характеристикам все английские корабли этого класса.

Успокаивая командующих на Западе, Гальдер все более тревожно смотрит на карту восточной границы. Разведка постоянно докладывает о концентрации советских войск вдоль новой границы с Финляндией.

Корабли советского Балтфлота неожиданно закамуфлировали свои корпуса и надстройки. Из Бухареста о помощи вопит Антонеску. Советские войска могут каждую минуту начать вторжение. Он просит перебросить в Румынию достаточное количество немецких войск, чтобы несколько охладить наступательный порыв Кремля. Советский Союз уже полгода находится в милитаристском угаре. От Балтийского до Черного моря во всех округах проходят учения за учениями в максимально приближенной к боевым условиям обстановке. Сталин, видимо, потеряв всякую осторожность, открыто демонстрирует свое страстное желание дождаться, наконец, вторжения в Англию и все связанные с этим желанием намерения.

А на востоке у Германии всего25 дивизий. Из них три танковые, одна моторизованная и одна кавалерийская, остальные пехотные. Только вчера их организационно свели в группу армий «Б» под командованием генерал-фельдмаршала фон Бока, номинально разделив на три армии. Соотношение сил таково, что начни Сталин сейчас наступление, нетрудно представить себе, что может произойти.

К счастью, Сталин не любит рисковать. Он любит действовать наверняка, но правильно просчитывать риск не умеет. Думая, что создает себе дополнительный запас прочности и увеличивает коэффициент надежности, он, в действительности, попадает в ловушку, как уже было в Финляндии. Сейчас Сталин ждет высадки. Все взоры советской разведки обращены на побережье Ла-Манша. Тем лучше! Только бы не вспугнуть русских, чтобы они не начали наступление прямо сейчас…

А на всей территории Европейской части СССР продолжаются боевые учения. Репродукторы передают бесконечные военные марши и патриотические песни.

«Если завтра война, если завтра в поход – будь сегодня к походу готов!» – бодрящие звуки этого воинственного марша, исполняемого окружными оркестрами, встречают мотающегося по округам и лично надзирающего за ходом учений наркома обороны маршала Тимошенко.

На учениях поставлены совершенно конкретные задачи: пехоте, танкам и авиации, взаимодействуя друг с другом, под прикрытием артиллерийского огня прорывать эшелонированную оборону противника с выходом на оперативный простор для стремительного наступления.

В специальном приказе наркома артиллеристам ставилась задача научиться: вести централизованный, управляемый, массированный огонь; организовывать взаимодействие с пехотой, танками и авиацией; вести сложные виды стрельб на топографической основе и в условиях ночи.

В этом приказе наиболее замечательным было то, что артиллерии не ставилось никаких задач по борьбе с танками противника, как будто их и не было, как будто не они раздавили совсем недавно Западный фронт. Это произошло потому, что у финнов танков не было, а под Верденом – и подавно. Как в лихие времена кавалерийских этак, танки противника предполагалось подавить стремительным наступлением наших танков. Быстро росла сеть танкодромов, полигонов и учебных танковых полей. Танковые подразделения вели занятия от рассвета до заката солнца. Прямо с учений танки шли к новым местам сосредоточения – ближе к границе, расходуя драгоценный моторесурс, совершая броски своим ходом по 100 и 200 километров, лишь бы успеть к предстоящей высадке немцев в Англию.

Дрожала земля, пыль закрывала небо, по которому плыли армады самолетов. Дождь бомб низвергался на учебные полигоны, на условные колонны войск противника и скопления его техники. Военно-морские силы не отставали от своих коллег в армии и авиации. С лета 1940 года учения на кораблях и в береговых частях не прекращались ни на один день. Флотилии подводных лодок тайно разворачивались на передовых позициях, как всегда

игнорируя шведские территориальные воды. Страна превратилась в оцепленный НКВД военный лагерь.

24 сентября маршал Тимошенко прибыл в Киевский Особый военный округ, чьи войска по плану «Грозы» первыми должны были наносить удар, отрезая Германию от румынской нефти, а по большому счету – и от Балкан.

Наркома встречал командующий округом генерал армии Жуков. Жестокий и грубый, со склонностью к самому необузданному самодурству, не имевший никакого военного образования, кроме школы кавалерийских унтер-офицеров в годы первой мировой войны, он приглянулся Сталину во время событий на Халхин-Голе.

Однако Сталин обратил внимание совсем не на то, что Жуков чуть было не устроил Красной Армии второй Мукден, а на то, с какой легкостью он разбрасывал направо и налево смертные приговоры своим подчиненным.

Личное вмешательство командующего Дальневосточным Особым округом командарма Штерна позволило избежать катастрофы на фронте и отменить большую часть подписанных Жуковым смертных приговоров. Сталин быстро понял, что Штерна надо убирать, что вскоре и было сделано, а Жукова, напротив, назначил командующим первым по значению Киевским Особым военным округом, полагая в самое ближайшее время возвысить его еще более.

К приезду наркома были подготовлены учения 99-й стрелковой дивизии в условиях, максимально приближенных к реальной боевой подготовке.

Ровно в назначенное время заревела артиллерия. Канонада продолжалась два часа. Точно по графику учений над полем боя появились бомбардировщики, прикрытые истребителями. Целый час, сменяя друг друга, три волны бомбардировщиков утюжили оборону «противника».

Еще не успела осесть пыль, поднятая взрывами последних бомб, как вперед устремились танки, а за ними живой стеной пошла пехота. Вновь раздался гром артиллерии, перенесшей огонь в глубину обороны «противника». Танки и пехота шли за огневым валом, держась на минимально возможной дистанции от разрывов боевых снарядов.

Зрелище было впечатляющее. Казалось, что лавина танков и пехоты, следуя за огневым валом, уже не остановится до самого побережья Атлантического океана.

Нарком был доволен. «Как будто в настоящем бою побывал!» – бодро сказал Тимошенко, обращаясь к Жукову. Тот ничего не ответил, только подвигал своим широким раздвоенным подбородком и молча указал на высокого генерала с открытым русским лицом – командира 99-й дивизии. Вот, мол, кого благодари за представление. Тимошенко не нуждался в подсказках. Он и Жуков давно наметили этого генерала, чтобы сделать из него образцово-показательного командира, а из его 99-й дивизии – образцово-показательное подразделение, на которое должны были равняться все вооруженные силы. Командиром 99-й стрелковой дивизии был генерал Власов [27].

Эхо беспрецедентных по своему масштабу глобальных маневров, проводимых Красной Армией, прокатывалось по всему миру в грохоте взрывов боевых снарядов, бомб и мин, рвущихся на огромной территории от Баренцева до Черного моря.

Отчетливее других гром приближающейся с востока «Грозы» слышали, естественно, в Берлине, куда начали съезжаться представители Италии и Японии для предстоящего подписания Тройственного союза Берлин-Рим-Токио. Итальянцы и японцы не преминули выяснить у встречавшего их Гитлера, как он относится к столь громкому бряцанию оружием, доносящемуся из Москвы? Фюрер был внешне спокоен. Хорошо зная, что Сталин готовит свою армию к предстоящей высадке немецких войск в Англии, фюрер все-таки нервничал, не

в состоянии предсказать реакцию Сталина, когда тот узнает, что давно ожидаемая высадка снова откладывается на неопределенное время. Вдруг Сталин поймет, что его дурачат, и, не ожидая немецкого вторжения в Англию, начнет наступление на Балканы или в Польше? Или тут, и там одновременно? Надо попробовать подсказать Сталину другой путь. «Я думаю, – заметил Гитлер министру иностранных дел Италии графу Чиано, – нужно поощрить Сталина к продвижению на юг, к Ирану или Индии, чтобы он получил выход к Индийскому океану, который для России важнее, чем ее позиция на Балтике или на Балканах».

Активность советской разведки в Иране и Афганистане была давно замечена немцами. Замечено было и то, что эта активность в последнее время резко возросла. «Это как раз то, что нужно!» – решили в Берлине. Пусть лезет туда и сам разбирается с английскими базами в Ираке.

Но пока необходимо успокоить Кремль относительно предстоящего заключения Тройственного союза.

Риббентроп телеграфировал поверенному в делах в Москве фон Типпельскирху (граф Шуленбург был в отпуске):

Срочно!

«Берлин, 25 сентября 1940 г. № 1746.

Государственная тайна

Совершенно секретно

Только для поверенного в делах лично

Пожалуйста, в четверг, 26 сентября, посетите Молотова и от моего имени сообщите ему, что ввиду сердечных отношений, существующих между Германией и Советским Союзом, я хотел бы заранее, строго конфиденциально, информировать его о следующем:

1. Агитация поджигателей войны в Америке, которая на нынешнем этапе окончательного поражения Англии видит последний для себя выход в расширении и продолжении войны, привела к переговорам между двумя державами Оси, с одной стороны, и Японией, с другой; результатом этого, предположительно в течение ближайших нескольких дней, будет подписание военного союза между тремя державами.

2. Этот союз с самого начала и последовательно направлен исключительно против американских поджигателей войны…

3. Договор, конечно, не преследует в отношении Америки каких-либо агрессивных целей. Его исключительная цель – лишь привести в чувство те элементы, которые настаивают на вступлении Америки в войну…

4. С самого начала этих переговоров три договаривающиеся стороны полностью согласились с тем, что их союз ни в коем случае не затронет отношений каждой из них с Советским Союзом…

6. Пользуясь случаем, скажите, пожалуйста, господину Молотову… что я намерен вскоре обратиться с личным письмом к господину Сталину, в котором… будет откровенно и конфиденциально изложена германская точка зрения на нынешнюю политическую ситуацию… Кроме того, письмо будет содержать приглашение в Берлин господина Молотова, чей ответный визит, после двух моих визитов в Москву, нами ожидается и с которым я хотел бы обсудить важные проблемы, касающиеся установления общих политических целей на будущее. Риббентроп».

Получено в Москве 26 сентября 1940 г.

в 12.05

Пока в Берлине готовились к подписанию Тройственного пакта, пока сотрудники германского МИДа шифровали и передавали в Москву телеграмму Риббентропа, а в немецком посольстве лихорадочно ее расшифровывали, по всей Германии ревели сирены воздушной тревоги – английские тяжелые бомбардировщики все более уверенно вгрызались в воздушное пространство Германии, явно показывая, что, несмотря на все амбиции, противовоздушная оборона Рейха очень далека от совершенства.

В течение 25 и 26 сентября особо мощным ударам с воздуха подверглась одна из главных баз германского флота в Киле, где, помимо многих других боевых кораблей, отстаивались без всякой пользы два единственных пока немецких линкора «Шархорст» и «Гнейзенау», а также находящийся в достройке авианосец «Граф Цеппелин». И хотя особого ущерба эти налеты не причинили, сам факт безнаказанной бомбежки англичанами главной базы кригсмарине совсем не вдохновлял тех, кому имперская пропаганда прожужжала все уши о разгромленной и поверженной Англии, захват которой – дело лишь двух-трех дней хорошей погоды.

27 сентября 1940 года в Берлине в обстановке «суровой и сдержанной торжественности» был подписан Тройственный союз между Германией, Италией и Японией. Хитрые японцы, вовсе не желавшие связывать себя какими то ни было союзами, настояли на чисто азиатской туманности текста, который гласил: «…договаривающиеся стороны обеспечивают друг другу взаимную поддержку в случае, если одна из сторон подвергнется нападению со стороны государства, пока еще не вовлеченного в войну». Все интерпретировали эти слова как предостережение Соединенным Штатам, но каждому было ясно и другое – теперь Сталин в случае вторжения в Европу вынужден будет считаться с перспективой открытия второго фронта на своих восточных границах.

Накануне временный поверенный в делах Германии в Москве, как ему и было приказано, попросил приема у Председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел СССР Молотова. После некоторых бюрократических проволочек он был принят Молотовым в 22.00 по московскому времени.

Нарком был сдержанно приветлив. Выслушав послание Риббентропа, он с удовлетворением отметил 6-й пункт. Неожиданно переменив тему разговора, Молотов спросил Типпельскирха, как понимать последнее германо-финское соглашение, которое, согласно финскому коммюнике, предоставляет германским войскам право прохода в Норвегию через Финляндию?

Типпельскирх ответил, что не имеет по этому вопросу никакой информации, и снова перевел разговор на предстоящее подписание Тройственного союза. Однако мы имеем право, продолжает Молотов, не только быть об этом предупрежденными, но и ознакомиться со всеми секретными протоколами, прилагаемыми к договору. Это желание советского правительства, поясняет Молотов, основано на статьях 3 и 4 договора о ненападении, заключенного с Германией. Если Советский Союз понимает свои права неправильно, то пусть правительство Германии разъяснит свою позицию по этому поводу.

Но временный поверенный в делах фон Типпельскирх ничем помочь не может, кроме как сообщить об этом желании советского правительства в Берлин. Немного помолчав, Молотов снова возвращается к германо-финскому соглашению. Общественность мира уже обсуждает это соглашение, а советское правительство о нем ничего не знает.

Молотов вновь ссылается на советско-германский договор, в секретных протоколах к которому ясно говорится о сферах влияния. Типпельскирх неизменно напоминал наркому, что ему поручено только информировать советское правительство о предстоящем подписании Тройственного союза, а обо всем остальном он немедленно информирует свое правительство, поскольку сам не обладает по этим вопросам никакой информацией…

30 сентября «Правда» сообщила о подписании в Берлине Тройственного союза, делая вид, что это незначительное событие не заслуживает большого внимания.

Разведсводки, потоком идущие через генерала Гальдера, уже не оставляли никакого сомнения в подготовке Сталиным нападения на Германию. Вопрос заключался только в сроках.

«Увеличивается количество сведений, – с тревогой записывал в своем дневнике начальник генерального штаба вермахта, – о том, что Россия в 1941 году готовится к вооруженному конфликту с нами. Русские войска усиленно совершенствуют свою боевую выучку. При этом большое значение придается действиям в лесистой местности. Использование лесистой местности в оперативном и тактическом отношении ставит перед нами новые задачи в области управления войсками, их организации и боевой подготовки».

Около полудня Гальдер был вызван к главнокомандующему сухопутными войсками генералу Браухичу, который только что вернулся из Берлина, привезя кучу слухов и сплетен и честно сказав, что он сам ничего толком не понимает. «…В ОКВ тоже не в состоянии определить четкую военно-стратегическую линию. Тройственный союз, естественно, вызывает необходимость вполне определенных политических решений. Но политическая игра далеко закончена, и результаты нельзя предвидеть. Откровенно говоря, фюрер непоследователен, с ним трудно работать. Сейчас у меня сложилось впечатление, что он не хочет конфликта со Сталиным, а действительно желает покончить с Англией, хотя, как тебе хорошо известно, Франц, вся эта кутерьма на побережье Ла-Манша была заварена для того, чтобы отвлечь внимание Сталина от сосредоточения наших войск на русской границе. Ныне же фюрер направил Сталину извещение о заключении пакта с Японией за 24 часа до его подписания. Теперь готовится новое письмо Сталину с целью заинтересовать его в английском наследстве и добиться поддержки против Англии. „Если это удастся, – заявил фюрер, – то полагаю, что можно будет начать решительные действия против Англии“. „Против Англии? – переспросил я. – Но, мой фюрер, ведь было принято решение сосредоточивать силы в восточном направлении…“

Он не дал мне договорить, вскочил и почти заорал: «Сейчас самое главное добиться окончательного урегулирования отношений с Францией и выяснить позицию Италии по этому вопросу. Я собираюсь встретиться с дуче в ближайшие дни и обсудить с ним дальнейшие шаги относительно Франции! Мы никогда больше не позволим Англии использовать Францию в качестве своей шпаги на европейском континенте! Провидение именно для того и выбрало меня, чтобы навести порядок в нашем старом европейском доме, очистив его от евреев и английского владычества!»

«Ладно, – усмехнулся Гальдер, – мы – солдаты и должны делать свое дело. По крайней мере пока удалось без особых помех развернуть достаточно сил в Румынии. А, судя по всему, Сталин нацелил свой главный удар именно туда».

Сталин, хоть и считал Гитлера молодцом, но в душе презирал, главным образом из-за его теоретической некомпетентности, что приводило к неприкрытому плагиату.

Помнится, еще в старые времена, в 1918 году, Ленин официально ввел «партмаксимум», выше которого не мог получать ни один человек, заявив при этом, что выше рабочего заработка не будет ни у кого. Одновременно все газеты писали о скромности быта Ильича, отказавшегося от роскошных кремлевских палат и поселившегося в двух маленьких комнатках, одной из которых был его рабочий кабинет, состоящий фактически из письменного стола, заваленного книгами и бумагами.

У тех, кто еще не потерял способности думать, эти дешевые жесты не вызывали ничего, кроме смеха, т.к. хорошо было известно, что на советские деньги в те годы было невозможно купить решительно ничего. Уже создавалась и крепла целая сеть спецраспределителей,

приписка к которым зависела только от должности в партийной иерархии. Тем не менее, Гитлер не постеснялся всю эту бутафорию скопировать один к одному.

Придя к власти и водворившись в резиденции рейхсканцлера, он демонстративно приказал закрыть все помещения личного пользования, оставив себе две небольшие комнатки. Все немецкие газеты распространили фотографии этих комнат: на одной была изображена спальня фюрера – железная кровать, тощий гардероб, небольшой столик; на второй – его кабинет: несколько обычных стульев и письменный стол, заваленный бумагами и книгами.

Еще в январе 1933 года Гитлер официально отказался от канцлерского жалования, заявив, что ни одно жалование в Рейхе не будет превышать тысячу марок.

Ни тогда – в Петрограде, ни позднее – в Берлине никто не мог понять, что для верхушки придуманного Лениным партийного государства нового типа жалование вообще не нужно, поскольку все материальные ценности страны до пайки хлеба включительно сосредоточиваются в руках этой самой верхушки.

Ленин гениально все продумал, а Гитлер – слизал. Просто противно смотреть! Переходящие вымпелы на заводах, ударники труда, народные суды – ну, куда ни глянь, все содрано с нас. Даже гестапо. Хотя, если говорить честно, далеко им до нас. Во время так называемой «ночи длинных ножей», когда фюрер избавлялся от надоевших ему ветеранов собственной партии, было расстреляно или убито другим способом не более 500 человек. Смех! А у настолько при покойном Ежове одних коммунистов было арестовано, расстреляно и превращено в лагерную пыль – один миллион двести двадцать тысяч девятьсот тридцать четыре человека. Это только коммунистов, а беспартийных вообще учесть было невозможно. И это за каких-то два года! Учись, Адольф, как надо делать большую политику.

Конечно, в порядке самокритики следует сказать, что и у нас не все хорошо. Классовая борьба не только затихает, а наоборот, все обостряется. И тут мнение товарищей разделилось. Да так, что дискуссии стали проходить в очень остром ключе, как и надо – по-большевистски. Жданов и Молотов, например, считают, что ученые будут лучше и быстрее думать, если институты и разные там научные центры превратить в спецтюрьмы, а их самих – в заключенных, ну, а семьи, естественно, в заложников. Выполните задачу – дадим свидание, не выполните – посадим и семью. Надо сказать, что опыты дали очень положительные результаты.

Вспомнить хотя бы Рамзина, Поликарпова или, скажем, Туполева. Все у него новый бомбардировщик никак не клеился, а тут дело сразу пошло. А вот Берия и Маленков считают, что семьи надо обязательно сажать вместе с учеными. Это повысит производительность труда, особенно если каждый день на прогулке они будут встречать жену и детей, пусть даже в соседнем дворике через проволоку. Конечно, по-своему все товарищи правы, и нечего им из-за этого ссориться. Разберемся – и то попробуем, и это попробуем. Экономический эффект подсчитаем. Видно будет. Дело, как говорится, семейное…

Но что у нас, в конце концов, происходит? Собирается Гитлер высаживаться в Англии или нет? Генерал Голиков твердо уверен, что да. Хотя «высадочной погоды», видимо, в этом году уже не будет, но весной и летом будущего года высадка произойдет непременно.

Наша разведка продолжает фиксировать увеличение потока эшелонов в сторону побережья Ла-Манша. Что же касается положения на наших границах, то есть сведения о демобилизации нескольких дивизий в Польше с тем, чтобы вернуть в сферу промышленного и гражданского производства не менее 300-400 тысяч человек.

Но даже не это самое главное, товарищ Сталин. Изменилось психологическое настроение англичан. Имеются в виду, конечно, не простые люди, а военные и правительственные круги. Если в августе и сентябре эти круги были настроены весьма воинственно, предрекая немцам неминуемое поражение в случае высадки в Англии, то

сейчас не исключается возможность успеха этого предприятия Гитлера. Видимо, предстоящая достройка немецких линкоров и обещанная активизация действий итальянского флота порождают у англичан сомнения, сможет ли их собственный флот сорвать высадку, будучи связанным жестокими сражениями в других районах.

Сталин вздыхает. Из четырех строящихся в СССР новых линкоров типа «Советский Союз» пришлось от одного отказаться.

Именно сегодня, 2 октября 1940 года, Сталин приказал приостановить постройку в Молотовске линкора «Советская Белоруссия», что позднее должно войти в официальное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О плане военного судостроения на 1941 год», который переделывают уже третий раз. Тяжело Сталин расстается с тяжелыми кораблями. Не хватает металла. Почти весь фондовый металл жрет танковая и артиллерийская программа. Заявки армии на танки и артиллерию просто невероятны. Но тут Мерецков и Тимошенко держались твердо: без тройного (по меньшей мере) превосходства в танках, самолетах и артиллерии они не могут гарантировать успех операции «Гроза».

Если вдуматься, то это даже хорошо, что немцы в этом году не осуществят высадку. Мы лучше подготовимся и соберем такую армию, что нас уже не остановит никто. То, что англичане скисли, – это плохо. Надо их слегка поддержать, чтобы и они поняли, что мы не так уж против них, и чтобы немцы поразмыслили, что мы не совсем с ними, хотя, конечно, и не против…

5 октября, примерно через месяц после начала бомбардировок Лондона, газета «Правда» поместила статью корреспондента ТАСС Андрея Ротштейна с весьма странным заголовком: «Посещение корреспондентом ТАСС одной из зенитных батарей в районе Лондона».

Отметив, что «противовоздушная оборона оказалась гораздо более впечатляющей, чем надеялась люфтваффе», и кратко описав ночные действия зенитчиков, корреспондент далее впал уже в совершенную лирику:

«Утром мне удалось поближе познакомиться с двадцатью солдатами, служившими на этой зенитной батарее. Большинство из них были молодыми рабочими 23-24 лет: недавние шахтеры, шоферы, железнодорожники, печатники, механики. Лишь небольшое число составляли бывшие служащие и чернорабочие. Десять солдат оказались членами „тред-юниона", среди них двое шахтеров. На батарее они служат всего несколько недель. Рацион их питания вполне удовлетворителен. Повар – капрал – бывший шахтер – выходец из той же самой деревни, что и коммунистический вожак федерации шахтеров Южного Уэльса Джек Хорнер. Корреспондент завершил свою публикацию указанием на то, что в районе Лондона имеются „десятки таких батарей", где царит дух „товарищества и патриотизма".

Те, кто умел читать советскую прессу, а таких было немало и в СССР, и за границей, почуяли в этой корреспонденции сенсацию. Еще ни разу с начала войны в советской печати не появлялось ничего подобного ни о немцах, ни о поляках, ни о французах. В статье явно намекалось, что Англия ведет «народную войну», в которой главную роль, как всегда и везде, играет «пролетариат». А намеки на земляков Джека Хорнера давали понять читателям, что солдаты не просто «пролетарии», но и, вполне возможно, коммунисты.

Между тем воздушное наступление на Англию продолжалось, хотя и в замедленном темпе. Англичане отмечали, что ежедневно в их воздушном пространстве появляется все меньше самолетов противника. Но все же их было достаточно, чтобы держать в напряжении службу ПВО и население.

5 октября полутонная бомба взорвалась на площади у древнего здания английского парламента. Огромное, украшенное витражами окно «матери всех парламентов» было выбито, превратившись из уникального произведения искусства в огромную безобразную дыру. Осколки авиабомбы ударили по бронзовой конной статуе короля Ричарда Львиное Сердце, стоявшей на площади перед зданием парламента. Меч в руке легендарного короля-рыцаря был погнут, но не сломан, что все сочли хорошим предзнаменованием…

Еще одна немецкая бомба, пробив купол прекрасного собора св. Павла, разорвалась, повредив и забросав обломками драгоценный алтарь XV века. Все это было очень эффектно, но обходилось с каждым днем все дороже. Немцы признали, что в сентябре они потеряли над Англией 582 самолета. Англичане утверждали, что за истекший месяц они уничтожили 1088 самолетов противника. Господство в воздухе так и не было завоевано, о господстве на море и говорить было нечего.

Шербур, куда Гитлер планировал перебазировать все боеспособные корабли своего флота, ежедневно подвергался ударам с моря и воздуха. А на Средиземном море итальянский флот продолжал позорно укрываться в базах, полностью отдав море англичанам. Караваны английских транспортов почти без всяких помех снабжали армию Уайвелла в Египте, возили оружие на Мальту, шли с грузами через Суэцкий канал в Индию и на Дальний Восток и обратно в метрополию. Адмиралы откровенно саботировали прямые приказы Муссолини. Они лучше мечтателя-дуче знали боеспособность вверенных им соединений.

12 октября английский крейсер «Аякс», уже прославившийся участием в уничтожении «карманного» линкора «Адмирал Шпее», у самых берегов Сицилии перехватил два итальянских эсминца и немедленно их утопил. «Аякс» еще не успел накрыть базу, как итальянские экипажи стали в панике покидать свои корабли. На следующий день тот же «Аякс» перехватил целое соединение итальянских кораблей в составе тяжелого крейсера и четырех эсминцев. «Аякс» – легкий крейсер – без колебаний открыл огонь по итальянскому соединению, первым же залпом накрыв эсминец «Артиглире». Итальянцы под прикрытием дымовой завесы пустились наутек. Вызвав по радио на помощь крейсер «Йорк», «Аякс» устремился в погоню, но наступившая ночь скрыла от него противника. С первыми же лучами солнца англичане увидели, что подбитый «Артиглире» ковыляет на буксире за другим итальянским эсминцем. Увидев английские корабли, эсминец, уводивший «Артиглире», немедленно отдал буксир и стал уходить. На мачте «Аякса» поднялся сигнал, предлагавший экипажу эсминца оставить корабль, что было немедленно выполнено. Несколько залпов из кормовой башни «Аякса», и итальянский эсминец навсегда исчез в огненном смерче сдетонировавших торпед.

Кинохронику этого события, снятую англичанами, очень быстро прокрутили в личном кинозале Гитлера. Прокрутили не без задней мысли, чтобы фюрер поостерегся переводить флот в Шербур, где он будет находиться под носом у англичан. Может быть, имеет смысл назначить командовать итальянским флотом немецкого адмирала? «Последний из римлян» заверил фюрера, что в октябре английский флот будет выметен из Средиземного моря. Видимо это опять пустые слова. Огромный итальянский флот – 6 линкоров, 8 тяжелых и 25 легких крейсеров – парализован страхом перед красным крестом св. Георга и его многовековым авторитетом. А свой, германский флот не намного лучше. Где бы найти хороших адмиралов, которые не участвовали в первой мировой войне?

На недавнем совещании адмирал Редер заявил, что в настоящее время надводные корабли германского флота не в состоянии эффективно действовать против англичан, пока не будет приведена в порядок материальная часть и восполнены потери, понесенные в Норвежской операции. Фюрер напомнил Редеру, что тот получил отсрочку только до весны 1941 года, когда ему придется так или иначе обеспечить вторжение в Англию. Но тогда будут

уже в строю «Бисмарк» и «Тирпиц». Да, соглашается фюрер, но известно ли Редеру, что поток военных грузов из США в Англию следует через Атлантику почти без охранения?

Да, мой фюрер, отвечает гросс-адмирал, нам известно это, и наши немногочисленные подводные лодки делают что могут, неся тяжелые потери. За 10 месяцев 1940 года потеряно 22 лодки. Конечно, они будут нести потери, орет Гитлер, если надводный флот их совершенно не поддерживает. В вашем распоряжении базы атлантического побережья Франции. Переводите флот туда, и немедленно! Шербур, Брест, что там еще?!

Но это значит, мой фюрер, подставить корабли под постоянные удары английской авиации, которая пока еще не уничтожена, как обещал нам всем рейхсмаршал Геринг.

Гитлер вскакивает с места. Если флот не хочет воевать, он прикажет разоружить корабли, а из экипажей сформирует два армейских корпуса, о чем мечтал еще покойный Гинденбург. Пусть надводные корабли погибнут все до одного, но воюют.

Более всего на свете Гитлер любит триумфальные арки. Несостоявшийся архитектор, он – без сомнения, талантливый график – не хочет с этим мириться и готов часами сидеть со своим любимцем, лейб-архитектором Альбертом Шпеером и рисовать на листах ватмана триумфальные арки самых разнообразных форм и стилей. Он мечтает установить в каждом городе «тысячелетнего Рейха» минимум по пять триумфальных арок в честь всех прошлых, настоящих и будущих побед германского оружия. Его мечты идут дальше: он готовит план капитальной перестройки всех городов Германии. Этот план предусматривает чуть ли не полный снос всех крупных городов страны, начиная с Берлина и Мюнхена, которые раздражают фюрера своей готической скорбностью и мелкобуржуазной вычурностью.

В практичной голове Шпеера мелькают цифры стоимости хотя бы частичного воплощения в жизнь плана фюрера. Цифра столь огромна, что даже на снос старых домов в обозримом будущем денег не набрать.

Молодой архитектор не во всем разделяет творческие планы Гитлера, но почтительно молчит, позволяя себе лишь сдержанно восхищаться графическими способностями рейхсканцлера Германии. Гитлеру приятно. Его превосходное настроение подогрето стекающимися из различных источников сведениями о растущей панике в Англии. Готовится эвакуация королевской семьи и правительства в Канаду. Похоже, что у англичан боевой дух сохранился только во флоте и в авиации. С Англией, судя по всему, покончено, а юридически мы это завершим будущей весной, спокойно оккупировав этот злосчастный остров.

Генерал Гальдер так давно работает с фюрером, что ничему не удивляется. Он осторожно напоминает Гитлеру об операциях «Хайфиш» и «Гарпун», а также о том, что в недрах генштаба идет окончательная доработка удара в восточном направлении, т.е. по Советскому Союзу. Гитлер несколько минут молчит, внимательно разглядывая триумфальную арку на листе ватмана. «Именно такую я прикажу установить в Лондоне!» – изрекает фюрер и движением руки отпускает Шпеера.

Все идет по плану, сухо докладывает генерал-полковник. План демобилизации придумали вместе Гитлер, Гальдер и Браухич. Его уже подкинули советской разведке, а вскоре объявят о нем в прессе в качестве доказательства миролюбивых намерений Германии. Это позволят открыто гнать на Восток эшелоны якобы для вывоза демобилизованных. А на их место привезти двух новых солдат, тем самым вдвое увеличив количество войск в Польше и в Восточной Пруссии. Пусть сталинская разведка разбирается с этим, как хочет, а мы будем говорить, что идет массовая демобилизация и лишь частичное ее восполнение новобранцами.

Удобно откинувшись в кресле, скрестив руки на груди, Гитлер мечтательно смотрит на начальника генерального штаба. Все это хорошо, а может быть, действительно попытаться до восточного похода оккупировать Англию?

Гальдер с сомнением покачивает головой. Объективных данных, мой фюрер, на это никаких нет. Напротив, мы имеем информацию, что группировка английских войск на юге страны с каждым днем набирает силу. Кроме того, не следует забывать, что как только мы начнем высадку, Сталин немедленно бросит свою армию вперед, нанося удар с Белостокского балкона на Берлин, одновременно отрезая нас от румынской нефти и приобретая Англию в качестве союзника. Другими словами, получая и Мировой океан, которым мы сами, увы, не владеем.

Воспользовавшись моментом, в войну вступят Соединенные Штаты, и обстановка может стать критической. А если со Сталиным удастся договориться? Договориться? О чем? Скажем, удастся убедить его примкнуть к странам Оси на условиях дележа бывшей Британской империи. С тем, чтобы он отказался от своих амбициозных планов в Европе, в первую очередь на Балканах, а повернул на юг в сторону Ирана и Афганистана, в сторону незамерзающего Персидского залива с его нефтяными богатствами.

Гальдер не соглашается: мы не можем долго терпеть концентрацию такой огромной армии на наших восточных границах. Уничтожить военную машину Сталина необходимо в самое ближайшее время, не откладывая далее, чем до мая будущего года. Это мнение всего командования сухопутной армии.

Уничтожить, ворчит Гитлер, уничтожить легко. А вот заставить эту машину работать на нас, постепенно уничтожая большевистскую идеологию – это сложнее. Это уже область, в которой Гальдер ничего не понимает. Ему легко – он человек военный, он – вне политики. Гитлеру гораздо сложнее. Его измучили партийные интриги. Своего заместителя по партии Рудольфа Гесса он уже терпит с трудом, несмотря на то, что они поклялись в вечной дружбе еще тогда, когда вместе сидели в тюрьме, где Гитлер диктовал Гессу свою бессмертную книгу «Майн кампф».

Родившийся в Александрии и выросший среди англичан Гесс считает войну с Англией трагедией белой нации. Он вечно зудит Гитлеру, что с англичанами необходимо как можно быстрее договориться, обеспечив неприкосновенность их драгоценной империи за счет отказа от гегемонии в Европе, а все силы Германии и всего цивилизованного человечества обратить на уничтожение большевистской заразы. Этой чумы XX века!

А вот Борман считает совсем иначе. Он мягко намекает, что Гесса вообще надо отстранить от руководства партией, поскольку он ничего не понимает в сложной и скрупулезной партийной работе, и сделать его главой «Гитлерюгенда», что более подойдет к его темпераменту. С точки зрения Бормана, никакой «белой нации» вообще не существует, а существует только «германская нация», к которой англичане, будучи больше французами по корням, имеют весьма отдаленное отношение. Понятие «германские народы» – антинаучно и наверняка придумано евреями. Извечный и запуганный клубок европейских противоречий, считает Борман, невозможно разрешить без уничтожения Англии – этого многовекового оплота мирового еврейства. Что же касается России, то она идеологически настолько близка к нам сегодня, что можно спрогнозировать постепенное слияние национал-социализма с национал-большевизмом и создание на этой основе мировой национал-социалистической империи. Примерно таких же взглядов придерживается и Риббентроп, так и не сумевший выйти из эйфории своих кремлевских встреч. Он считает, что Сталин – надежнейших друг и союзник, так же, как и мы, измученный английскими интригами и мечтающий, когда, наконец, рухнет этот последний оплот международного империализма. Хочется ему сказать: идиот, посмотри на карту! Разве ты не видишь, что твой друг уже нацелился нам ломом по затылку и только того и ждет, чтобы мы полезли в Англию. Геринг как бы парит со своей люфтваффе над схваткой, делая вид, что ему совершенно все равно, кого бить. Как прикажет фюрер.

Геббельс – этот пламенный оратор, способный поднять народные массы на любой подвиг, умница и эрудит, считает нынешнюю дружбу со Сталиным просто аморальной. Это

чушь, доказывает он, что между нашими учениями есть что-либо общее, ибо национал-социализм – это свободный социализм, целью которого является процветание и надежное будущее немецкого народа, а в конечном счете и всех других народов, способных доказать свое право на биологическое существование. Нашей главной целью, нашей первоочередной задачей поэтому является скорейшее уничтожение большевизма как идеологии. Кроме того, разве не вы, фюрер, писали, что главное жизненное пространство будущей германской нации лежит на востоке, на землях, которые по историческому недоразумению именуются Россией?

Гиммлер – «старый, добрый, черный Генрих» – верный друг, заслонивший своим телом Гитлера от пули гнусного убийцы, рейхсфюрер СС, глава могущественнейшего карательно-разведывательного аппарата, имеет свою точку зрения. Он считает, что дело не только и не столько в большевизме, сколько в расовой ущемленности славян. Россия всегда была большевистской страной, только прикрывалась другой терминологией. Поэтому речь должна идти не об уничтожении идеологии, а об уничтожении расы славян, которая всей своей историей доказала, что не имеет права на существование.

Все это замечательно. Старым партайгеноссе свойственны мечтательность и романтизм. Приятно их слушать, видя в их рассуждениях отголоски своих собственных идей. Увы, гораздо сложнее с военными. У них все конкретно: пропускная способность железных дорог, проходимость шоссейных дорог, создание сети аэродромов и складов, маскировка задуманных мероприятий, но главное – это согласовать цели политического руководства Германии с реальными возможностями вооруженных сил.

А реалии таковы, что начни Сталин сейчас военные действия, у нас на Востоке нет реальных сил, которые можно было бы противопоставить его гигантской военной машине. Но мы же с вами, дорогой Гальдер, знаем, что он не начнет, пока мы не завязнем в «Морском Льве».

Тонкие губы Гитлера складываются в улыбку. Мы-то об этом знаем, соглашается генерал-полковник, но знает ли об этом Сталин? Будем надеяться, что его разведка не скрывает от своего вождя полученной информации. Пока же, генерал, продолжайте действовать по старому плану с учетом директивы, которую вы должны были получить из ОКВ сегодня утром. Гальдер кивает. Он уже ознакомился с последней директивой, подписанной Кейтелем от имени фюрера:

ШТАБ-КВАРТИРА ФЮРЕРА

12 октября 1940 года

«Совершенно секретно!

Фюрер принял решение, что с сегодняшнего дня и до весны подготовка к операции «Морской Лев» должна продолжаться исключительно с целью оказания политического и военного давления на Англию. Если вторжение будет признано целесообразным весной или в начале лета 1941 года, приказы о возобновлении оперативной готовности будут даны в соответствующее время…»

Не знал начальник генерального штаба, что именно в этот момент из Берлина на имя Сталина было послано письмо за подписью Риббентропа, в котором говорилось:

«Берлин. 13 октября 1940 г.

Дорогой господин Сталин!

Более года назад по Вашему и Фюрера решению были пересмотрены и поставлены на абсолютно новую основу отношения между Германией и Советской Россией…

Поэтому сегодня мне хотелось бы сделать беглый обзор событий, происшедших со времени моего последнего визита в Москву. В связи с исторической важностью этих событий и в продолжение нашего обмена мнениями, имевшего место в последний год, я хотел бы сделать для Вас и обзор политики, проводимой Германией в этот период.

После окончания Польской кампании мы заметили (и это было подтверждено многочисленными сообщениями, полученными зимой), что Англия, верная своей традиционной политике, строит всю свою военную стратегию в расчете на расширение войны…

С этого времени британская политика вступила в период активного распространения войны на другие народы Европы. После окончания советско-финской войны первой мишенью была выбрана Норвегия… Только благодаря своевременному вмешательству германского руководства и молниеносным ударам наших войск, которые выгнали англичан и французов из Норвегии, театром военных действий не стала вся Скандинавия…

Следующей целью британской политики расширения войны стали Балканы. В соответствии с дошедшими до нас сведениями, на этот год вынашивались самые разные агрессивные планы, и в одном случае уже был отдан приказ об их исполнении…

Понимая полную абсурдность продолжения этой войны, Фюрер 19 июля снова предложил Англии мир. Теперь, после отклонения этого последнего предложения, Германия намерена вести войну против Англии и ее империи до окончательного разгрома Британии…

После принятия мер по охране позиции Оси в Европе основной интерес имперского правительства и итальянского правительства сосредоточился в последние несколько недель на предотвращении распространения военных действий за пределы Европы и превращения их в мировой пожар.

Так как надежды англичан найти себе союзников в Европе померкли, английское правительство усилило поддержку тех кругов заокеанских демократий, которые стремятся к вступлению в войну против Германии и Италии на стороне Англии…

Последовавший вскоре обмен мнениями привел Берлин, Рим и Токио к полному единодушию в том смысле, что в интересах скорейшего восстановления мира должно быть предотвращено какое-либо дальнейшее расширение войны и что лучшим средством противодействовать международной клике поджигателей войны будет военный союз Трех Держав.

Что касается вопроса о позиции трех участников этого Союза в отношении Советской России, то мне хотелось бы сказать сразу, что с самого начала обмена мнениями все Три Державы в одинаковой степени придерживались того мнения, что этот пакт ни в коем случае не нацелен против Советского Союза, что, напротив, дружеские отношения Трех Держав и их договоры с СССР ни в коем случае не должны быть этим соглашением затронуты…

Как Вы помните, во время моего первого визита в Москву я совершенно откровенно обсуждал с Вами схожие идеи…

В заключение я хотел бы заявить, в полном соответствии с мнением Фюрера, *что историческая задача ЧЕТЫРЕХ ДЕРЖАВ заключается в том, чтобы согласовать свои долгосрочные политические цели и, разграничив между собой сферы интересов в мировом масштабе, направить по правильному пути будущее своих народов.*

После двух моих визитов в Москву мне лично было бы особенно приятно увидеть господина Молотова в Берлине. Его визит, кроме того, предоставит Фюреру возможность лично высказать господину Молотову свои взгляды на будущий характер отношений между нашими народами. По возвращении господин Молотов сможет подробно изложить Вам цели и намерения Фюрера…

С наилучшими пожеланиями, преданный Вам

Риббентроп».

Посланное через Шуленбурга письмо должно было быть передано лично Сталину не позднее 17 октября. На это были все основания. Несмотря на хладнокровие командования вермахта, считавшего, что Сталин не предпримет никаких активных действий до начала операции «Морской Лев», по каналам Гейдриха, чья информация почти всегда отличалась от информации адмирала Канариса, были получены данные, повергшие Гитлера и его ближайшее окружение в состояние паники.

Информация, полученная из источника, близкого к руководству ВВС РККА, говорила о том, что, ожидая вторжения в Англию в двадцатых числах сентября, Сталин отдал секретную директиву в войска начать наступление по всей линии границы от Баренцева до Черного моря 22 октября. В директиве говорилось, что окончательные приказы будут даны не позднее 19 октября, а при отсутствии таковых «войскам действовать в соответствии с имеющимися приказами и инструкциями».

Факты говорили о том, что Красная Армия находится на пике своей оперативной готовности.

Только что завершились небывалые по масштабу маневры Киевского Особого военного округа. Еще продолжаются не менее масштабные маневры Белорусского военного округа, которым командует один из самых опытных советских танковых стратегов генерал Павлов. Контролирует маневры начальник оперативного отдела генштаба генерал Ватутин. Учения продолжаются также в огромном Ленинградском военном округе, куда, по последним данным, выехал Тимошенко. Округ приведен в движение и снова явно нацелен на Финляндию. Во всех округах отрабатываются приемы наступления. Прорыв обороны противника с последующим быстрым выходом большими массами танков и кавалерии на оперативный простор.

Судя по концентрации задействованных частей, а также по тому вниманию, которое уделяет учениям лично военный министр (нарком), Сталин нацелил главный удар на Балканы и Финляндию.

На границе с генерал-губернаторством (Польшей), где идет строительство укреплений, судя по всему, Кремль хочет ограничиться, по крайней мере на первом этапе, оборонительно-сдерживающими действиями, если движение на Балканы приведет к вооруженному столкновению с нами. Однако наличие сил и средств на Белостокском балконе с одинаковой вероятностью предполагает возможность массированного наступления и на этом участке.

В любом случае недовольство Сталина очевидно, и статью в «Правде» от 5 октября об одной из зенитных батарей противовоздушной обороны Лондона если и нельзя рассматривать как поворот во внешней политике Кремля, то следует понимать как намек на существующую возможность достижения альянса с Англией.

Так или иначе, Сталина необходимо быстро втянуть в переговоры на возможно более высоком уровне, чтобы узнать его официальные намерения и попытаться выведать истинные цели…

Но как втянуть Сталина в переговоры? Советское посольство в Берлине фактически бездействует. Сотрудники германского МИДа не нашли там ни одного человека, который был бы полномочен о чем-нибудь с ними разговаривать, а уж тем более принимать депеши в адрес Сталина.

Прощупав почву и поняв, что к Сталину пробиться невозможно, немецкий посол 17 октября отдал письмо Молотову, о чем и сообщил своему шефу в Берлин телеграммой от 18 октября. С Риббентропом случилась истерика. Гитлер и он были уверены, что угодили в дипломатическую ловушку. Сталин не принял Шуленбурга, чтобы не получить письма или по крайней мере не получить его вовремя.

Молотов скроет письмо вообще, или передаст его Сталину тогда, когда оно потеряет всякий смысл. Это значит, что в ближайшие дни следует ожидать всяких неожиданностей.

Напрасно Шуленбург успокаивал своих впавших в панику руководителей, телеграфируя из Москвы: «Письмо, предназначенное Сталину, я вручил Молотову так как Молотов – ближайшее доверенное лицо Сталина, и нам придется в будущем иметь с ним дело по всем крупнейшим политическим вопросам…»

Ответ Шуленбурга в Берлине сочли неубедительным, а его ссылки на то, что письмо в посольстве не сумели вовремя перевести на русский язык, что вызвало задержку до 17 октября, – просто смехотворными. Напряжение росло. В вермахте была введена повышенная боевая готовность…

Глава 7. Пир хищников

Сталин и Молотов внимательно изучали объемистое послание Риббентропа. Сомнений не было. Маленький сталинский «демаршик» с лондонской зенитной батареей не остался в Берлине незамеченным. Все письмо германского министра иностранных дел пронизано тревогой по поводу возможных поворотов в англо-советских отношениях. Тут было и напоминание о том, что Англия уже фактически разбита и в скором будущем будет оккупирована. Это вопрос решенный. Когда – не имеет значения. Когда будет время заняться подобными пустяками.

И все же какая-то неуверенность сквозит в письме по поводу Англии. Видимо, желание как-то оправдать перенос вторжения на будущий год. Тут открывается большой простор для маневров, чтобы побудить немцев бросить все силы своей армии, авиации и флота на коварную и уже разбитую Англию.

Поэтому очень деликатным получается вопрос с Финляндией. С одной стороны, немцам, конечно, удобно наращивать свои силы в Норвегии для предстоящего вторжения через территорию этой страны. Но советская разведка категорически заявляет, что в Норвегии немецкие войска не появляются, а растворяются в финских лесах.

Под видом железнодорожных кондукторов специалисты-разведчики из ГРУ, проехав всю Финляндию вдоль и поперек, установили, что немецкие войска сосредоточены в северной части Финляндии и что их уже не менее 35 тысяч человек. Что это все значит, необходимо выяснить, поскольку тут немцы явно нарушают договор о разделе сфер влияния. Нужно совершенно ясно дать им понять, что мы не намерены больше терпеть существование Финляндии в качестве независимого государства, на что имеем полное юридическое право.

Дело не только в договоренностях с Германией, а в том, что Финляндия – не более как провинция России, утраченная в 1918 году под нажимом тех же немцев. Мы просто хотим вернуть себе свое и, если понадобится, – силой! Разве это несправедливо?

Позор зимней войны продолжает угнетать Сталина. Особенно – этот страх, когда стало очевидно, что Англия вмешается в войну. Но все, что он мог себе позволить, – это посадить в лагерь жену и сына «товарища» Куусинена, пообещав их освободить, когда отец семейства ратифицирует советско-финский договор в Хельсинки.

Далее идут проблемы Балкан. В первую очередь Румыния и Болгария, где интересы Советского Союза совершенно очевидны. В Румынию уже потоком идут немецкие войска и ожидаются итальянские. Немцы в этом вопросе просто заврались. Сначала вели речь о происках английской разведки, пытающейся дестабилизировать весь балканский район, втянуть Румынию в войну и захватить источники румынской нефти. Затем, 9 октября, представитель германского МИДа на пресс-конференции заявил, что распространившиеся слухи о посылке германских войск в Румынию являются, так сказать, вздорными. В Румынию, подчеркнул представитель, посланы лишь германские офицеры-инструкторы для румынской армии и образцовые германские части, имеющие учебные цели.

В Болгарии ведутся какие-то непонятные переговоры с немцами. Судя по весьма скудной информации, Гитлер тянет Болгарию в Ось. Разведка сообщает, что на одном из заседаний тайного Государственного Совета болгарский царь Борис с отчаяньем воскликнул: «Боже мой, Боже мой! Что же нам делать? С Запада – Гитлер, с Востока – Сталин! Куда же нам податься? Пожалуй, лучше все же к Гитлеру, чем к большевикам!»

В сообщении оговаривалось, что мнение царя вовсе не совпадает с мнением многих членов правительства. У Сталина тут же родилась идея ликвидировать царя Бориса, исходя из своего любимого принципа: «Есть человек – есть проблема. Нет человека – нет проблемы».

Но самые интересные сведения идут из самой Германии. Не успев осуществить вторжение в Англию до начала сезона осенних непогод, Гитлер хочет использовать время до лета будущего года, чтобы окончательно вымести англичан из Средиземного моря. С одновременным захватом итальянцами Суэцкого канала планируется захват Гибралтара либо немцами, пропущенными через испанскую территорию, либо немцами и испанцами вместе, если удастся договориться с Франко. Итальянский флот готовится резко повысить активность и ждет лишь ввода в строй нескольких новых кораблей, включая и еще два линкора, превосходящих по своим оперативно-тактическим данным все, что имеют англичане. Кроме того, разработан план резкой активизации действий немецкого флота на английских коммуникациях. Но что наиболее интересно, есть сведения, что Гитлер, раздраженный медлительностью действий итальянцев в Египте, готовит экспедиционный корпус для действий в Северной Африке. Это уж совсем хорошо!

Таким образом, есть смысл не предпринимать пока никаких действий, а подождать высадки главных сил вермахта в Англии и тогда начать широкое наступление в Европе. Пока же еще лучше подготовить армию, провести соответствующие игры на всех уровнях и попытаться еще до начала «Грозы» путем переговоров и дипломатического давления улучшить свои стратегические позиции на севере (Финляндия) и на юге (Румыния, Болгария и Турция). От предлагаемого нам английского наследства временно отказаться, а от предложения вступить в Ось в качестве четвертой державы категорически не отказываться, определить для себя точные условия и не брать, конечно, никаких военных обязательств.

С этим пусть Молотов и едет в Берлин и получше разведает там обстановку…

22 октября 1940 года в 7 часов 35 минут утра в Берлин через немецкое посольство в Москве был передан по телеграфу столь долгожданный ответ Сталина. С оригиналом письма срочно вылетел в Берлин советник посольства Хильгер.

«Дорогой господин Риббентроп! Я получил Ваше письмо. Искренне Вас благодарю за Ваше доверие, а также за содержащийся в Вашем письме ценный анализ недавних событий.

Я согласен с Вами в том, что безусловно, дальнейшее улучшение отношений между нашими странами возможно лишь на прочной основе разграничения долгосрочных взаимных интересов.

Господин Молотов согласен с тем, что он обязан отплатить Вам ответным визитом в Берлин. Поэтому он принимает Ваше приглашение.

Нам остается договориться о дате его прибытия в Берлин. Для господина Молотова наиболее удобное время с 10 по 12 ноября. Если это также устраивает и германское правительство, вопрос можно считать решенным…

Что касается обсуждения ряда проблем совместно с Японией и Италией, то, в принципе, не возражая против этой идеи, я считаю, что этот вопрос должен будет подвергнуться предварительному рассмотрению.

С совершенным почтением, преданный Вам

Сталин».

Ответ Сталина Гитлер и Риббентроп прочли в специальном поезде фюрера, который вез Гитлера и его свиту в небольшой пограничный испанский город Андай на встречу с испанским диктатором Франко.

Франко, обязанный своим триумфом в гражданской войне огромным военным поставкам Германии и Италии, после разгрома Франции сам стал напрашиваться на участие в войне, надеясь округлить за счет французов свои африканские колониальные владения. Подобно всем другим диктаторам, Франко имел неутолимый аппетит на добычу, особенно если она доставалась дешево.

Именно для того, чтобы напомнить Франко о его желании вступить в войну, Гитлер и прибыл 23 октября на франко-испанскую границу. Гитлер желал, как правильно предупредила Сталина разведка, чтобы Франко взял на себя захват Гибралтара. Однако с того момента, когда Франко рвался вступить в войну на стороне Германии, прошло уже достаточно времени, чтобы каудильо сумел подавить свой первый эмоциональный порыв. Высадка в Англию так и не произошла, а слова Гитлера, что Англия «полностью разбита», не произвели на хитрого испанца большого впечатления. Испанская разведка достаточно точно определила, что до разгрома Англии еще очень далеко, а если учесть, что за английской спиной все явственнее вырисовывается мощный силуэт Соединенных Штатов, то как бы не случилось все наоборот. Так что лучше не связываться.

Любивший с союзниками прямоту и честность, Гитлер заявил, что он желает, чтобы Испания вступила в войну в январе 1941 года и 10 января напала на Гибралтар, обещая прислать крупных специалистов по уничтожению фортов с воздуха. Франко ответил, что так быстро подготовиться к войне испанская армия не в состоянии, но уж если дело дойдет до войны, то никакие специалисты из Германии ему не нужны – он и сам справится. При этом гордо задрал подбородок, давая понять, что предложение фюрера его оскорбляет. Девять часов с перерывом на обед продолжался разговор фюрера и каудильо. Монотонно звучал птичий голосок испанца и все более раздраженный голос Гитлера. Ни до чего конкретного договориться не удалось. В итоге фюрер вскочил с места, хлопнул дверью и заперся в своем спальном купе. «Пусть мне лучше выбьют четыре зуба, – зло сказал он наутро Риббентропу, – если я еще раз соглашусь вести с ним какие-нибудь переговоры».

«Неблагодарный трус, – вторил своему шефу Риббентроп.– Он всем обязан нам, а когда понадобилась его помощь…»

Между тем поезд фюрера направлялся от франко-испанской границы к французскому городку Монтуар, где у Гитлера должна была состояться встреча с главой вишистского правительства – маршалом Петеном. Престарелый герой Вердена, некогда кумир Франции, а ныне виновник ее небывалого позора, конечно, не мог вести себя с Гитлером с таким нахальством как Франко. Было быстро достигнуто соглашение, в котором указывалось, что «державы Оси и Франция имеют идентичные интересы в деле более быстрого разгрома Англии. Французское правительство в меру своих возможностей обязуется поддерживать все мероприятия держав Оси для достижения указанной цели».

Казалось бы, тут удалось договориться быстро, но фюрер был мрачен. В глубине души он ждал, что Франция примет более активное участие в войне, но понял, что этого не добиться. Весь путь до Мюнхена Гитлер провел в меланхолии и депрессии, не зная, что главный сюрприз его ждет впереди и что подготовил ему этот сюрприз «сердечный» друг Муссолини, с которым фюрер договорился встретиться во Флоренции 28 октября, чтобы еще раз побудить дуче более активно вести себя в Африке и на Средиземном море.

Во время последней их встречи на перевале Бреннер 4 октября фюрер ничего не сказал Муссолини о том, что немецкие войска посланы в Румынию, на которую Италия также смотрела с вожделением. Узнав об этом через несколько дней, дуче пришел в ярость.

«Гитлер всегда ставит меня перед совершившимися фактами, – жаловался от своему зятю и министру иностранных дел графу Чиано. – Он не информировал меня ни об оккупации Норвегии, ни о наступлении на Западе. Он действовал так, как будто мы и не существуем. Теперь я отплачу ему той же монетой. Он узнает из газет, что я оккупировал Грецию. Таким образом будет восстановлена справедливость».

Зная о бешеных амбициях своего союзника на Балканах, Гитлер несколько раз предостерегал его от каких-либо авантюр в Греции или Югославии, советуя заниматься Англией. Но Англия явно оказалась Муссолини не по зубам, блистательные победы, одержанные Гитлером, вызывали жгучую зависть, а вечные попреки со стороны старшего патрона – гнусное чувство собственной неполноценности. Поведение Греции, официально объявившей о своем нейтралитете в войне, конечно, было весьма двусмысленным. Английские военные корабли свободно пользовались не только греческими территориальными водами, но и базами. На греческих аэродромах совершали посадку и дозаправлялись горючим английские самолеты. Премьер-министр Греции генерал Метаксас открыто склонялся в пользу Англии. Греческая разведка инспирировала волнения в оккупированной итальянцами Албании, не признавая никаких итальянских прав на эту страну. Многочисленные итальянские протесты оставались без внимания.

Таким образом, моральное обоснование нападения на Грецию у Муссолини было. Однако побаиваясь реакции Гитлера и его возможного «приказа» остановиться, Муссолини 22 октября написал фюреру письмо, где невнятно и неопределенно говорил о греческих провокациях, которые он больше терпеть не намерен. Гитлер и Риббентроп получили это письмо в поезде на обратном пути в Германию.

Заподозрив неладное, Гитлер на первой же станции приказал Риббентропу связаться с Чиано и договориться о встрече с Муссолини. Когда же утром 28 октября Гитлер вышел из поезда на перроне флорентийского вокзала, он увидел Муссолини, который стоял с гордо поднятым подбородком и сверкающими глазами.

«Фюрер, – объявил дуче, – мы на марше! Победоносные итальянские войска сегодня на рассвете пересекли греко-албанскую границу!»

Если целью начатой войны у Муссолини было желание насладиться растерянностью Гитлера, то цели своей он достиг и мог себя с этим поздравить. У Гитлера в буквальном смысле слова отвисла челюсть. Ведь всего три недели назад, во время их последней встречи, Муссолини дал слово фюреру ничего не предпринимать на Балканах, а все свои усилия сосредоточить в Египте, чтобы отбросить втрое меньшую по численности английскую авиацию за Суэцкий канал и очистить от англичан Средиземное море. А вместо этого дуче предоставил англичанам прекрасный трамплин для возможного наступления на Балканах, грозя полностью дестабилизировать весь этот взрывоопасный район, где и так с огромным трудом сохранялось хоть какое-то подобие равновесия.

В германском генеральном штабе офицеры Гальдера с недоумением пожимали плечами. Теперь в дополнение к Гибралтару и Мальте жди появления английской базы и на о. Крит, о чем англичане только могли мечтать. Однако не успели еще англичане как следует отреагировать на столь неожиданный подарок, преподнесенный Муссолини, как греки своими силами остановили итальянское наступление и погнали «победоносную» армию дуче обратно в Албанию. Только сложная горная местность спасла итальянцев от окружения и полного разгрома.

4 ноября Гитлер собрал совещание в Имперской канцелярии в Берлине, на котором от армии присутствовали Браухич и Гальдер, а от ОКБ – Кейтель и Йодль. Разбиралось положение в Средиземном море после нападения Италии на Грецию.

Фюрер начал с обстановки в Египте, прямо заявив, что не верит в какие-либо способности итальянского военного руководства. Начиная с сентября армия маршала Грациани, втрое превосходящая по численности англичан, продвинулась вперед на 60 миль и остановилась. Ранее Рождества возобновления итальянского наступления ожидать не следует. Необходимо подумать об отправке соединения пикирующих бомбардировщиков на помощь итальянцам для ударов по английскому флоту в Александрии и минирования Суэцкого канала. Что касается нападения на Грецию, признался Гитлер молча слушавшим его генералам, то это, безусловно, вопиющая глупость, которая, к сожалению, увеличит угрозу германской позиции на Балканах. Англичане, которые без всяких помех со стороны итальянцев уже высадились на Крите и Лемносе, приобретают авиабазы, с которых легко достать до нефтяных приисков Румынии, а сконцентрировав войска в самой Греции, смогут захватить или перетянуть на свою сторону ряд Балканских стран, что сделает положение Германии просто нестерпимым. Поэтому Германия уже не может не считаться с такой опасностью. Чтобы нейтрализовать ее, армии необходимо немедленно подготовить план вторжения в Грецию через территорию Болгарии. Потребные для этого силы – по меньшей мере десять дивизий – начать сосредоточивать в Румынии.

«Все это необходимо осуществить быстро, – вырывается у Гитлера, – и надеяться при этом, что Россия останется нейтральной».

Браухич и Гальдер переглядываются. Собираясь на совещания к фюреру, главком и начальник штаба сухопутных войск предполагали доложить Гитлеру о состоянии разработки плана нападения на СССР, над последними деталями которого работал Паулюс. В течение последнего месяца Гитлер всячески уклоняется от разговора по поводу войны с СССР: либо быстро переводит его на другую тему, либо подчеркивает, что в настоящее время самое главное – окончательно сокрушить Англию. Видимо, фюрер уже сам запутался в своей игре, забыв, что дал совершенно четкие указания использовать все мероприятия операции «Морской Лев» для введения Сталина в заблуждение.

Но сейчас обстановка становится непонятной. Все больше сил и средств кидается на борьбу с резко активизировавшей свои действия Англией, явно превышая разумный уровень чисто маскировочной операции, чьи границы были четко определены планами «Хайфиш» и «Гарпун». Поток военного снаряжения, хлынувший в Англию из Соединенных Штатов, не только позволит Англии накопить достаточный потенциал для продолжения войны, но, и это ясно как Божий день, в самом ближайшем будущем вовлечет в войну против Германии и сами Соединенные Штаты.

Может быть, фюрер видит эту возможность и пытается в последний момент привлечь Сталина как союзника, поскольку, если к Англии присоединятся Штаты, то положение Германии крайне осложнится, чтобы не сказать, станет безнадежным. Во всяком случае, свои люди в министерстве иностранных дел, близкие к Риббентропу, намекнули генералам, чтобы они пока не совались с планами похода на Восток – по крайней мере, до окончания визита Молотова в Берлин…

Между тем Гитлер продолжает инструктировать генералов о своих планах сокрушения Англии.

«До наступления весны, – подчеркивает фюрер, – когда мы осуществим вторжение в Англию, необходимо захватить Гибралтар, Мальту, Канарские и Азорские острова, португальскую Мадейру и, если понадобится, оккупировать Португалию». Для этого немецкие войска будут пропущены через территорию Испании и будут действовать совместно с

испанскими войсками, поскольку Франко, откровенно врет Гитлер, на нашей последней встрече подтвердил свое желание вступить в войну.

Гитлер явно растерян, последние события выбили его из колеи. Ему хочется показать, что он имеет еще какое-то влияние на своих союзников. Блестя глазами от возбуждения, он ярко и живо рисует им картину коренного изменения обстановки в случае полного вытеснения англичан из Средиземного моря.

Генералы, слушая Гитлера, находят его мысли здравыми. Да, без сомнения, было бы здорово захватить Гибралтар, Мальту, Азоры, Мадейру, все побережье Северной Африки, оседлать Суэцкий канал. Но какими силами? Где их взять, чтобы прервать поток подкреплений и грузов, идущих из США в Англию, из Англии в Средиземное море, из Индии и Австралии – в Египет?

Все присутствующие знают, что именно в тот момент, когда они, утопая в глубоких кожаных креслах рейхсканцелярии, слушают разглагольствования своего фюрера и предаются мечтам, одинокий немецкий корабль «Адмирал Шеер» под покровом полярной ночи, снежного бурана и восьмибалльного шторма пытается проскользнуть вдоль побережья Гренландии в Атлантику, чтобы выйти на коммуникации англичан и нанести им хоть какой-то урон. Никто не знает пока, удалось это ему или нет. Ну, а если удалось, то что это, в сущности, изменит? Утопит он несколько английских транспортов, но в итоге, конечно, будет пойман англичанами и уничтожен. Немецкие подводники демонстрируют чудеса героизма и боевого мастерства. Не проходит дня, чтобы они не пустили на дно какой-нибудь английский транспорт. Мужественные молодые лица прославленных подводных асов не сходят со страниц немецких газет.

Послушать фюрера приятно, как всегда приятно слушать увлеченного мечтой человека, но единственное рациональное зерно, которое генералы выносят с этого совещания, – это неизбежность кампании на Балканах. Если мы не в состоянии тягаться с англичанами на море, если не можем высадить десант на их проклятые острова, то и им не позволим создать свой форпост даже в самом глухом углу европейского континента…

В Лондоне, в своем обширном кабинете на Даунинг-стрит, Уинстон Черчилль, прохаживаясь из угла в угол, диктовал машинистке текст своего предстоящего выступления в парламенте. Премьер был одет в помятую обеденную куртку, на ее лацканы постоянно сыпался пепел от огромной сигары, которую глава английского правительства вынимал изо рта только для того, чтобы отхлебнуть немного виски с содовой и тем самым привести свои мысли в рабочее состояние.

И машинистка, и стенографистка видели, что сегодня, 5 ноября 1940 года, их шеф находится в необычайно возбужденном состоянии. Диктуя свою речь, премьер думал совсем о другом. Он в совершенстве владел искусством, которым славился некогда Наполеон: диктовал сразу шесть писем, разговаривая при этом с десятью посетителями на разные темы, но думал при этом о чем-то наиболее важном.

Важным было сообщение разведки, ссылавшейся на надежные американские источники. *С самого начала операции «Морской Лев» немцы понимали невозможность ее осуществления и не собирались всерьез предпринимать вторжение на Британские острова. Все их мероприятия в этом направлении, включая воздушные налеты и усиливающуюся с каждым днем подводную войну, являются отвлекающими действиями для маскировки своих истинных намерений – нападения на Советский Союз.*

Эти сведения, которые пришли из Америки, казались слишком приятным чудом, чтобы быть правдой. Английская разведка уже два месяца слала из Москвы сообщения, что Сталин в самом ближайшем будущем намерен выступить против Гитлера. На западных границах СССР разворачивается и приводится в полную боевую готовность огромная армия, которая,

без сомнения, в настоящее время сомнет и сокрушит все, что вермахт сможет ей противопоставить. Волею Сталина страна превращена в огромный военный лагерь. Практически вся промышленность, как тяжелая, так и легкая, переведена на военные рельсы.

В настоящее время, после начала военных действий в Греции, представляется совершенно неизбежным поворот немецкого фронта на юг, что ставит вермахт под фланговый удар со стороны СССР. Едва ли можно ожидать, пророчествовали аналитики из секретной службы, чтобы Сталин не воспользовался этой возможностью, тем более что главное острие военного развертывания России нацелено как раз на Балканы. Немцы в панике и растерянности лихорадочно пытаются втянуть Сталина в переговоры, чтобы выиграть время и оттянуть возможность упреждающего удара с его стороны…

Итак, *начинает сбываться главная предпосылка английской стратегии 1939 года, предусматривающая неизбежность конфликта между двумя тоталитарными диктатурами* , какими бы воплями о дружбе они себя не тешили. Глобальная английская секретная служба обладает возможностями, далеко превосходящими возможности молодых, неопытных, излишне милитаризованных, идеологически ограниченных, если не сказать зашоренных, секретных служб России и Германии. В их противостоянии легко сделать так, чтобы они ринулись друг на друга, ослепленные дезинформацией, ибо, будучи по сути своей обычными бандитами, они имеют и все рефлексы таковых…

Специалисты с интересом отмечают, что *обе армии – гитлеровская и сталинская – нацелены на стремительное наступление и фактически не имеют ни концепции и, что более удивительно, даже оборонительных планов* , не считая импровизированных планов активной обороны, если того потребует обстановка в ходе наступления.

В таких условиях армия, которая нанесет удар первой, сможет достигнуть крупных, можно сказать, решительных успехов, так как… армия, не имеющая планов отступления, начав отступать, неизбежно превратит свое отступление в паническое и хаотическое бегство. Если случится так, что первым нанесет удар Сталин, то никто не поручится, что вскоре на южном побережье канала вместо немецкой будет стоять советская армия, и Европа попадет под новую тиранию, на этот раз красную, а не коричневую, хотя коричневый цвет всего лишь оттенок красного. Или наоборот [28]. Но что хуже – неизвестно, и с кем будет сложнее бороться – тоже неизвестно. Если же первым нанесет удар Гитлер, произойдет почти то же самое с одной лишь разницей – идти Гитлеру в этом случае некуда, кроме как в мышеловку необъятных пространств России, где немецкая и русская армии будут яростно перемалывать друг друга по меньшей мере в течение года, а даст Бог – и дольше.

Это будет, помимо всего прочего, означать постепенный уход Гитлера из Европы, неизбежный поворот к нам тылом, по которому мы, накопив достаточно сил, и ударим. Вот схема, по которой надо работать. Прессе уже даны указания печатать материалы о том, что высадка немцев на юге Англии не только возможна, но и весьма вероятна весной или летом будущего года, ибо ресурсы страны истощены, и тому подобное в том же духе. Помрачнее.

Английская разведка на континенте, со свойственным ей мастерством, уже распространила слухи о полной деморализации населения, вызванной немецкими бомбежками, об усталости армии, об общем духе безнадежности, витающем над Британскими островами.

«Как только пройдут осенне-зимние штормы и непогоды, – писала газета „Таймс“, – Британию неизбежно ждут новые испытания и каждый британец должен быть готов к ним. К сожалению, картина, которую мы наблюдаем в стране и в армии, не оставляет большого запаса для оптимизма… Потери нашего торгового флота растут, силы авиации тают, наш флот не в состоянии защитить жизненно важные для страны морские пути, и вряд ли у кого-либо существует стопроцентная уверенность, что королевские вооруженные силы способны

отразить неизбежное летом будущего года немецкое нашествие». (Совсем недавно на заседании Имперского военного совета начальник Имперского генерального штаба Аленбрук и командующий сухопутной обороной метрополии Александер почти слово в слово высказали свое мнение: «Если он сунется к нам на остров летом будущего года, то его ждет такая катастрофа, от которой он очухается только на том свете». Он – это, конечно, Гитлер. Впрочем, военные всегда имеют склонность преувеличивать свои возможности.)

Хотя уверенность военных в своих силах и радовала, а тон газетных статей, заданный им самим, можно было не принимать во внимание, никто лучше Черчилля не понимал, насколько серьезна обстановка и насколько перенапряжены все силы страны. Местные фашистские организации, хотя и ушли после начала войны в полуподпольное состояние, почти открыто вели пропаганду против продолжения войны, выгодной «только евреям».

Легальная коммунистическая партия, подстрекаемая Москвой, столь же открыто, но с еще большей безапелляционностью кричала что-то об империалистической войне, призывая пролетариев всех стран объединяться под солнечным светом кремлевских звезд.

Но самым опасным было то, что Англия уже стояла на грани финансового банкротства. Ее активы, достигавшие перед войной 4,5 миллиардов долларов, были практически израсходованы, включая находившиеся в Америке авуары частных граждан, конфискованные и реализованные правительством Его Величества.

Всем уже было ясно, что Англия быстро окажется не в состоянии продолжать войну, не получая поставок из Соединенных Штатов. В то же время по закону «плати наличными и вези сам» она не могла получать никаких поставок, не располагая долларами.

Английский посол в США лорд Лотиан, прилетевший из Вашингтона, вдохнул надежду в премьера, передав ему слова президента Рузвельта: «Мы найдем способ предоставить англичанам нужные им материалы в аренду или даже взаймы». Рузвельт, по словам Лотиана, полон решимости вступить в войну на стороне Англии, но не может преодолеть сопротивления изоляционистов, не имея большинства в конгрессе. Однако участившиеся инциденты с американскими торговыми судами, подвергавшимися нападению немецких подлодок и надводных рейдеров в Мировом океане очень будоражат общественное мнение Соединенных Штатов. Америку всегда втягивал в войну какой-нибудь инцидент на море: «Луизитания» – в прошлую войну, крейсер «Мейн» – в испанскую войну. Очень скоро должно случиться что-нибудь аналогичное. Дай Бог, вырвалось у Черчилля…

Известие о нападении Италии на Грецию Черчилль получил, когда брился в ванной. И порезался, хотя ждал этого события. Создавалась прекрасная возможность «разворошить» все Балканы, заставить Гитлера повернуть на юг – подальше от Англии и поближе к границам Советского Союза. Он настоял на том, чтобы подкрепления, предназначенные для Египта, были перенацелены на помощь грекам. Никто до сих пор не может разобраться, было ли это решение одной из крупных ошибок Черчилля, либо его большой стратегической победой…

Между тем, он закончил диктовать свою речь, которая вечером будет произнесена в парламенте и передана на весь мир на волнах Би-Би-Си. Эта речь мало отличалась от других речей Черчилля, если не считать ее концовки:

«У нас лишь одна-единственная неизменная цель. Мы полны решимости уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима. Ничто не сможет нас отвратить от этого, ничто. Мы никогда не станем договариваться, мы никогда не вступим в переговоры с Гитлером или с кем-нибудь из его шайки. Мы будем сражаться с ним на суше, мы будем сражаться с ним на море, мы будем сражаться с ним в воздухе, пока, с Божьей помощью, не избавим землю от самой тени его и не освободим народы от его ига… И если даже – чему я ни на минуту не поверю – наш остров или его значительная часть будут захвачены и люди будут умирать с голоду, наша заморская империя, вооруженная и охраняемая английским флотом, будет

продолжать борьбу до тех пор, пока в день, предсказанный Богом, Новый Свет со всей его силой и мощью не выступит вперед, чтобы спасти и освободить Старый Свет…»

Сталин получил перевод речи Черчилля, когда все его мысли были заняты проведением предстоящего парада на Красной площади в честь 23-й годовщины октябрьского переворота 1917 года. Парад, по замыслу вождя, должен быть таким, чтобы вздрогнул весь мир, пораженный мощью Красной Армии и несокрушимым единством большевистской партии и народа. Это особенно важно в связи с предстоящим визитом Молотова в Берлин.

Суть речи английского премьера ему уже докладывали, переводя речь прямо с ее трансляции по Би-Би-Си. Просматривая перевод, Сталин обратил внимание на то, что в конце своей речи Черчилль не исключает возможности захвата Британских островов или их значительной части немцами и в панике открыто зовет на помощь Соединенные Штаты. Дела, видимо, совсем плохи.

Присутствующие в кабинете нарком Тимошенко, начальник ГРУ генерал Голиков, начальник генерального штаба генерал Мерецков, а также Маленков и Жданов, естественно, согласились с мнением Сталина. Более того, Филипп Голиков дал короткую справку относительно последних событий. Учения немцев по высадке десанта на побережье Северной Франции продолжаются день и ночь. Солдаты по грудь в ледяной воде отрабатывают тактические приемы высадки, канатами и тросами втягивают на прибрежные холмы артиллерийские орудия, танки прямо с транспортов вгрызаются в побережье.

Генерал армии Мерецков, молча слушая доклад Голикова, вспоминает, что у немцев всего два специализированных танко-десантных судна, каждое из них способно нести два танка. Интересно и то, что немецкая авиация практически не участвует в учениях по высадке десанта, равно как флот. По ходу проводимых немцами учений совершенно не ясно, какие силы будут прикрывать высадку с моря и воздуха. Что-то все это очень сомнительно.

Но молчит генерал армии Мерецков. Его отношения со Сталиным стали весьма прохладными, а с наркомом Тимошенко испортились напрочь. Они явно не сработались. Нарком обороны, имея самое смутное представление о работе генерального штаба и об объеме знаний, которыми должен обладать начальник этого важнейшего военного института, считает Мерецкова «шибко грамотным» и уже все уши прожужжал Сталину, требуя его замены и предлагая в качестве кандидатуры на этот пост Жукова. Вождь, чьи познания в деятельности генштаба столь же ничтожны, как и у Тимошенко, и сводятся к пониманию генерального штаба как какого-то большого всеармейского спецраспределителя, хотя и недолюбливает Мерецкова за нерешительность, тем не менее с ответом не спешит. Личное дело Жукова он уже смотрел, и уровень образования тимошенковской кандидатуры даже у него вызывает сомнение…

Между тем Голиков продолжает свое сообщение. Немцы, по мнению начальника ГРУ, делают все правильно и логично.

Поскольку погода в настоящее время делает невозможной высадку десанта, Гитлер совершенно правильно переносит центр тяжести операций в бассейн Средиземного моря, планируя до весны-лета будущего года очистить Средиземноморье от англичан. План немцев элегантен и прост. Во взаимодействии с Франко, с которым уже достигнута договоренность [29], где-то в январе будет захвачен Гибралтар. К этому времени итальянцы должны возобновить наступление в Египте и оттеснить англичан за Суэцкий канал. В этой связи ожидаются крупные операции итальянского флота, который, по сведениям нашего военно-морского атташе в Риме, в настоящее время сосредоточился в Таранто – на подошве итальянского сапога и готов начать с Англией борьбу за господство на море. Итальянский флот материально значительно превосходит те силы, которые англичане в настоящее время способны выделить для Средиземного моря.

Таким образом, потеря англичанами своих позиций в Средиземноморье значительно облегчит Гитлеру решение задачи захвата Британских островов.

Надежда англичан на вступление в войну США маловероятна. Политическое положение в Соединенных Штатах таково, что президенту Рузвельту, не имеющему большинства в конгрессе, как бы ему этого ни хотелось, не втянуть страну в военные действия на стороне Англии. Вся его предвыборная программа, которая ведется в нарушение Конституции США, основана на уверении общественного мнения в том, что США не намерены вмешиваться в европейскую войну.

Нападение Италии на Грецию создало принципиально новую обстановку на Балканах, которая открывает перед нами возможности прямого вмешательства в события. После начала военных действий срочную мобилизацию войск провели Болгария и Турция, претендующие на часть греческой территории. Это означает, что можно ожидать вспышки военных действий, которая охватит все Балканы. Англичане уже начали высадку на греческую территорию. Немцы могут отреагировать резко. Голиков смотрит на Сталина. Сталин молчит.

Таким образом, подводит итог Голиков, до лета 1941 года ожидается постоянное наращивание объема боевых действий против Англии, пик которых придется, судя по всему, на конец июня – начало июля, поскольку именно в этот период в Ла-Манше по метеонаблюдениям за последние 50 лет стоит наиболее благоприятная для высадки погода. Это, заканчивает начальник ГРУ, предоставляет нам возможность… Он смотрит на Сталина. Что-то очень мрачен… Голиков подбирает наиболее гладкие слова: «Предоставляет нам возможность провести необходимые мероприятия по дальнейшему укреплению обороноспособности нашей Родины».

Все смотрят на Сталина, который сидит мрачнее тучи. Он плохо себя чувствует последнее время: бьет озноб, давление повышенное, скачет температура, порой, доходя до 38,5. Опытнейший доктор Коган обстоятельно рассказывает вождю, что с ним происходит. У мужчин, которым за 60, происходит перестройка организма, требующая более продолжительного отдыха, изменения диеты и распорядка жизни. Недаром у нас, товарищ Сталин, мужчин в 60 лет отправляют на заслуженный отдых.

Распорядок же жизни Сталина совершенно ненормальный, даже самоубийственный. Постоянные ночные попойки на даче со своими любимцами, превращающие ночи в дни, а дни – в ночи, обилие острой пищи, алкоголя, неумеренное курение. Сталин уже перенес инфаркт и инсульт. Пусть в легкой форме, но в его годы это очень опасно.

Предрекая собственную гибель, профессор Коган предлагает Сталину минимум на полгода отойти от дел и отдохнуть под постоянным наблюдением врачей.

Глаза вождя тигрино желтеют. Кто подослал этого еврея? Какие силы предполагают его изоляцию якобы под предлогом состояния здоровья? Армия? Партаппарат? Английская разведка? Он просит Берию разобраться, что за темные силы свили гнездо в системе кремлевских больниц и клиник.

Берия усмехается. И дураку ясно, что за силы! Международный сионизм.

Разберись, бурчит вождь, никак не реагируя на открытие шефа НКВД.

Тяжелая голова не дает возможности быстро, как в былые времена, отреагировать на новое изменение обстановки из-за вторжения Италии в Грецию. Разберемся позднее. Пусть товарищ Молотов съездит в Берлин. В начале декабря проведем с товарищами из Политбюро и военными конференцию и оперативные игры. Затем уже точно решим, что делать.

Он смотрит больными глазами на Тимошенко: «Главный доклад для конференции пусть подготовит товарищ Жуков».

Никто не удивляется. Округ Жукова на главном направлении. Ему начинать – ему и докладывать. На острие удара Киевского Особого военного округа Румыния и Болгария, а за ними лежит гудящий, растревоженный улей Балкан.

И тема доклада генерала армии Жукова определена точно и недвусмысленно: «Характер современной наступательной операции».

В течение всего октября доклад писал начальник штаба киевского округа генерал Баграмян. К 1 ноября, как и было приказано, проект доклада был прислан наркому. Тот, не читая, передал его Мерецкову, который его внимательно изучал и должен был утвердить. Сам Сталин читать доклад отказался, сказав, что послушает его на конференции и обсудит в ходе предстоящей стратегической игры…

6 ноября на торжественном собрании в Большом театре по случаю 23-й годовщины октябрьского переворота с главной речью выступает знаменитый «зиц-президент» СССР Михаил Калинин, чья собственная жена сидит в концлагере, что, впрочем, нисколько не мешает ее мужу выполнять его «президентские» обязанности и громче всех славословить неизмеримую мудрость товарища Сталина.

Отметив, что «из всех крупных стран СССР является единственной, не вовлеченной в войну и скрупулезно соблюдающей нейтралитет», Калинин далее переходит на «новоречь», полную туманных намеков на то, что подобная обстановка не может считаться вечной и что советскому народу надо быть готовым к любым неожиданностям. С удовольствием подчеркнув, что события в Европе еще раз подтвердили великие предсказания Ленина об агонии капиталистического общества, которое в настоящее время занимается самоликвидацией, расчищая путь для победного шествия социализма, направляемого диктатурой пролетариата, «всесоюзный староста» под бурные аплодисменты зала провозглашает здравицы в честь великой партии Ленина – Сталина и в честь великого вождя и учителя всех народов товарища Сталина.

Тяжело поднявшись на ноги, Сталин приветствует толпу ликующих аппаратчиков слабым движением руки, вызывая новый взрыв истерики. Многие в этом беснующемся зале уже включены в списки плановой ликвидации, но еще не знают этого…

Газета «Правда», комментируя речь Калинина, не скрывая удовольствия, вещала: «То, что мы сейчас наблюдаем в капиталистическом мире, является процессом жестокого уничтожения всего созданного предшествующими поколениями. Люди, города, промышленность, культура – все безжалостно уничтожается».

Отметив, что советский народ наслаждается миром благодаря мудрой политике товарища Сталина, «Правда» тем не менее позволила себе задаться вопросом: может ли советский народ безучастно смотреть на гибель европейской цивилизации и не прийти к ней на помощь, выполняя свою историческую миссию спасителя человечества?

И чтобы ни у кого не оставалось сомнения, что советский народ способен выполнять свою историческую миссию, день 7 ноября 1940 года был превращен в грандиозное милитаристское шоу, какого еще не видела ни страна, превращенная усилиями товарища Сталина в единый военный лагерь, ни остальной мир, который, казалось, должен был уже привыкнуть к средневековой имперской свирепости и пышности военных парадов первой страны победившего пролетариата. Перед мавзолеем, где подобно фараону лежал набальзамированный труп вождя мирового пролетариата, ощетинившись штыками и стволами всех калибров, выстроились войска. С гробницы вождя его наследники, возглавляемые Сталиным, могли видеть в колоннах танков, самоходок и бронемашин, чернеющих за Историческим музеем, явное доказательство того, что дело Ленина живет и побеждает, а вскоре победит окончательно. Скоро, очень скоро если не весь мир, то по

крайней мере его лучшую половину мы покроем «Серпом и Молотом», как уже сделано на нашем государственном гербе…

Маршал Тимошенко, зажав в руке бумажку, где его речь отпечатана дюймовыми буквами на специальной машинке, ревет через микрофоны, обращаясь к войскам: «Красная Армия готова по первому зову партии и правительства нанести сокрушительный удар по любому, кто осмелится нарушить священные границы нашего социалистического государства!».

Кто осмелится? Никто не знает, кто осмелится. Поэтому по любому, на кого укажет Партия. По недобитым финнам, по румынским боярам, по болгарам и туркам, по империалистам всех мастей, по вредителям и саботажникам, по троцкистам и кулакам. По первому зову Партии и Правительства. Тысячеголосое «ура!» ревет над площадью, заглушая гром военных оркестров, грохот солдатских сапог и танковых двигателей.

Захлебываясь от восторга, «Правда» ликует вместе с единым народом, сплотившимся вокруг единого вождя:

«Военный парад в столице нашей родины был действительно грандиозным. Все виды войск демонстрировали перед товарищем Сталиным и руководителями партии и правительства свою готовность обороны священных границ Советского Союза. Парад продемонстрировал реальную мощь Советской Армии. Площади наших городов содрогались от грома мощных двигателей и ритмичного марша батальонов. Безупречным строем пролетали над нашими городами эскадрильи боевых самолетов. Их было много и они были повсюду: над Москвой, Ригой, Львовом, Орлом, Таллином, Черновцами, Воронежем, Киевом, Одессой, Архангельском, Мурманском, Севастополем, Тбилиси, Новосибирском, Иркутском, Ереваном, Выборгом, Красноярском, Баку, Алма-Атой, Владивостоком и над другими городами. Всего более 5000 самолетов различных типов и классов приняли участие в воздушный парадах. Их должно было быть больше – 8000 – но из-за плохой погоды в некоторых местах воздушные парады не состоялись. Наши гордые сталинские соколы летают на замечательных самолетах, созданных славными советскими авиаконструкторами…»

Армады боевых самолетов произвели впечатление и на многочисленных военных атташе, собравшихся на Красной площади, а в равной степени и на румынских, финских, немецких и турецких наблюдателей, следивших за впервые проведенными воздушными парадами над Черновцами, Выборгом, Львовом и Ереваном. Над Баку также впервые был проведен воздушный парад, на котором, в отличие от других мест, преобладали истребители, явно давая понять англичанам, чтобы они трижды подумали, прежде чем решились выполнить свою угрозу о бомбардировке бакинских нефтяных промыслов…

Это было особенно важно, поскольку приведенный в полную готовность Ленинградский военный округ ждал только приказа, чтобы завершить несколько затянувшуюся проблему Финляндии. Чтобы поднять боевой дух солдат, по округу был распущен слух, что 10 тысяч пленных красноармейцев, переданных финнами после заключения мира в руки советских властей, были этапированы в Архангельскую область, где и расстреляны до единого человека. Политорганы слух не опровергали.

Как выяснилось позднее, он оказался чистейшей правдой. Командующий округом генерал Кирпонос, получивший неизвестно за что в прошлой войне с Финляндией звание Героя Советского Союза, лично инспектировал войска, явно мечтая о второй золотой звезде и, конечно, не подозревая, что жить ему осталось меньше года и что пуля особиста в Киевском мешке прервет его головокружительную военную карьеру, избавляя от неминуемого плена…

В самом Ленинграде из-за плохой погоды воздушного парада не проводили, заменив его весьма представительным военно-морским парадом. Такие парады прошли в Таллинне и Либаве.

Мощные военно-морские парады в дополнение к наземным и воздушным прошли также и на Черном море. Во Владивостоке все было несколько скромнее – не хотелось раздражать японцев.

Лихорадочно заработали посольские передатчики. Военные, военно-морские и военно-воздушные атташе сообщали в свои штабы первые впечатления о небывалом всесоюзном военном спектакле, поставленном Сталиным. Штабы волновали не только и не столько сообщения о новых образцах советского оружия, впервые показанных на «грандиозных» парадах, сколько более общий вопрос: для кого этот спектакль предназначался? Ради чего Москва так громко залязгала своей клыкастой пастью? Кого она пугает и к кому хочет пристроиться в качестве надежного союзника? Всем уже было ясно, что Сталину пора определиться, что с каждым днем у него остается все меньше простора для маневра и времени для принятия решения: на чью сторону он хочет встать в спровоцированной им же войне?

Та роль, которую Сталин уготовил Советскому Союзу, была миру непонятна, ибо самостоятельно воевать против всего мира Сталин не мог, несмотря на всю свою агрессивность, коварство и авантюризм. Любое неосторожное движение, любой военный или даже политический шаг неизбежно втягивал Сталина в войну либо на стороне Англии, либо на стороне Германии.

А предстоящий визит Молотова в Берлин на первый взгляд говорил о том, что не за горами советско-германский военный союз. Однако аналитики из английской разведки скептически пожимали плечами. Вряд ли! У потенциальных союзников нет общих целей, разве что Гитлер пропустит сталинские войска через свою территорию и предоставит им честь совершить высадку в Англии вместо вермахта. Либо пошлет их в Северную Африку помогать итальянцам. Все это фантастично, равно как и обратные варианты: Сталин пропускает немецкие войска в Среднюю Азию для похода в Индию и в Иран. И Гитлер, и Сталин нацелены на Европу, в частности на Балканы, а в общем – друг на друга. Центростремительные силы военного и геополитического сдвига неизбежно толкают их навстречу друг другу со штыками наперевес.

10 ноября 1940 года в 18.45 Молотов выехал из Москвы в Берлин. Председателя Совнаркома СССР и наркома иностранных дел сопровождала большая свита, в которую, в частности, входил Владимир Деканозов – тот самый Деканозов, который совсем недавно был сталинским наместником в Литве, насаждая там коммунистические идеалы обычными методами массовых расстрелов, арестов и депортаций. Ныне он должен был занять пост советского посла в Берлине вместо впавшего в немилость Шкварцева.

Пока специальный поезд Молотова, состоящий из нескольких вагонов западноевропейского образца, мчался через территорию Белоруссии и разодранной Польши в Берлин, произошла неожиданность, о которой Молотову не удосужились сообщить, видимо, сочтя новость не особенно интересной в свете повестки дня предполагаемых переговоров. Немцы же, напротив, сочли ее настолько важной, что не постеснялись разбудить фельдмаршала Кейтеля среди ночи, а тот, в свою очередь, осмелился побеспокоить фюрера в половине шестого утра, что разрешалось делать только в исключительных случаях.

Как выяснилось, в ночь с 11 на 12 ноября английские самолеты, поднявшись с авианосца «Илластриес», нанесли торпедно-бомбовый удар по главной базе итальянского флота в Таранто. Хотя самолетов было до смешного мало – 10 торпедоносцев и 6 бомбардировщиков – три итальянских линкора, включая новейший «Литторио», на который возлагалось столько

надежд, были надолго выведены из строя, а один из них – «Конте ди Кавур», как выяснилось позднее, навсегда.

Кто еще сомневался, тем, наконец, стало совершенно ясно, что рассчитывать на какую-то реальную помощь со стороны итальянского флота в стратегических средиземноморских планах не приходится. Но больше рассчитывав было не на кого, а без флота строить какие-то планы в бассейне Средиземного моря было довольно опрометчиво, поскольку от подобных планов за милю веяло авантюрой.

На фоне горящих итальянских линкоров, которых от окончательной гибели спасло только мелководье бухты, как-то уже без особого удивления было принято сообщение о том, что командующий английскими силами в Египте генерал Уайвелл, чью крошечную армию итальянцы еще в октябре обещали выкинуть за Суэцкий канал, неожиданно произвел разведку боем. Уайвелл, видимо, не ставил перед своими войсками каких-либо глобальных целей, кроме как прощупать противника, но результатов достиг ошеломляющих. Везде, где немногочисленные мобильные группы англичан вступали в контакт с противником, итальянцы либо в панике бежали, либо сдавались в плен. В течение трех дней тридцатитысячная армия генерала Уайвелла взяла в плен 38 тысяч итальянцев и вынуждена была остановиться, чтобы оценить создавшуюся обстановку…

Поэтому, когда в пасмурное дождливое утро 13 ноября поезд Молотова подошел к Ангальтскому вокзалу Берлина, на лицах встречавших его высших деятелей Рейха было несколько растерянное выражение, что не помешало обставить встречу главы советского правительства со всей возможной торжественностью.

На здании вокзала колыхались на ветру красные полотнища немецкого и советского флагов, символизируя общность не только идеологии, но и претензий выступать от имени рабочего класса. Восточные символы национального возрождения – индусская свастика и хирамовский серп и молот – то скрывались в складках красных полотнищ, то возникали из них грозным предупреждением гибнувшей христианской цивилизации Европы. Платформа до самого выхода на заполненную народом привокзальную площадь была украшена цветами и ветками пушистых грюнвальдских елок. Чуть поодаль, поблескивая сталью кинжальных штыков и глубоких тевтонских касок, застыла по команде «смирно» почетная рота берлинских гренадер. Платформа была забита представителями различных правительственных ведомств Германии, членами дипломатического корпуса, высшими чинами вермахта, а также немецкими и иностранными журналистами. Отдельной группой стояли сотрудники советского посольства, справедливо не ожидая для себя ничего хорошего от приезда нового посла, чья кипучая деятельность и в качестве армянского боевика, и в качестве «мясника» из НКВД была им хорошо известна…

За цепью клеенчатых плащей эсэсовской охраны, молча и без всяких эмоций наблюдали за подходом молотовского поезда высшие руководители Третьего Рейха, выделенные по протоколу для встречи сталинского эмиссара: старый «приятель» Молотова – фон Риббентроп, начальник штаба верховного командования генерал-фельдмаршал Кейтель, шеф Трудового фронта доктор Лей, всесильный рейхсфюрер СС Гиммлер, директор германского МИДа статс-секретарь Вайцзеккер, пресс-секретарь доктор Дитрих и бургомистр Берлина Стиг.

Несмотря на все старания Риббентропа, встреча на платформе получилась очень сухой и официальной, даже с некоторым оттенком напряженности. Короткие рукопожатия, вежливо приподнятые шляпы, резкие гортанные выкрики команд почетному караулу, блеск штыков, вскинутых «на караул» карабинов, звуки воинственных гимнов обеих стран, шествие к ожидающим лимузинам – все это на фоне черных мокрых зонтиков и продолжавшего сыпать дождя. Риббентроп пытался шутить, Молотов сохранял каменное лицо, напомнив

наблюдавшим церемонию встречи американским журналистам въедливого учителя грамматики из провинциальной школы…

С вокзала кортеж машин направился в советское посольство, где сразу же, в «непринужденной» обстановке, состоялась предварительная беседа Молотова и Риббентропа в присутствии Деканозова и переводчиков: от немцев – уже известный нам Хильгер и личный переводчик советского наркома Павлов.

Молотов и Риббентроп уже слишком хорошо друг друга знали, чтобы тратить время на дипломатическую «пристрелку». Оба отлично понимали, что не являются ни архитекторами, ни вдохновителями внешней политики своих государств, а лишь проводниками авантюрных замыслов своих одержимых навязчивыми идеями вождей и что одно неосторожное слово может стоить Риббентропу карьеры, а Молотову – головы.

Однако если Риббентропа в Германии никто всерьез не воспринимал, справедливо считая его «мальчиком» при фюрере, то на Молотова смотрели с некоторой долей уважения. Чтобы уцелеть в кровавых кремлевских интригах и сохранить при Сталине столь высокие посты, мало быть просто первостатейным негодяем. Тут необходимы другие качества, к которым немецкие руководители инстинктивно стремились, но за короткий период существования гитлеровского Рейха так и не сумели, а скорее не успели, их достичь. Нужно было ненавидеть собственный народ так, как это умели делать только большевистские главари, нужно было провариться в коварно-кровавом ленинском котле, впитать в себя знаменитый лозунг «На Россию мне наплевать, ибо я большевик», чтобы превратить в оболваненных рабов двести миллионов своих соотечественников путем их беспощадного массового истребления. Мало того, еще и мечтать о подобной участи для всего человечества, отправляя по спискам на расстрел вчерашних друзей и сообщников, предчувствуя, что, возможно, уже и сам включен в очередной список. Но надо было продолжать работать во имя торжества дела свей банды, пока пуля в затылок не оборвет кипучей деятельности, дав лишь в последний момент возможность крикнуть: «Да здравствует Сталин! Да здравствует партия!».

Многие понимали, что это совсем не легко, а потому с интересом и уважением посматривали на сталинского наркома, видимо, забыв, что жизнь страшной бацилле большевизма, уже издыхавшей в непитательной западноевропейской среде, вернул с благословения кайзера Вильгельма немецкий генеральный штаб, почему-то понадеявшись, что она станет управляемой…

Слегка робея перед своим мрачным советским коллегой, беседу начал Риббентроп, отметив, что с тех пор, как в прошлом году он совершил две поездки в Москву, произошло много событий, о которых он и написал Сталину, дабы отметить германскую точку зрения на ситуацию в мире вообще и на русско-германские отношения в частности. Поскольку сегодня для более детальных переговоров Молотова примет фюрер, он, Риббентроп, не хочет предвосхищать этих переговоров, а вернется к подробному обмену мнениями с Молотовым после его беседы с Гитлером.

Молотов ответил, что содержание письма Сталину, в котором давался общий обзор событий, произошедших с прошлой осени, ему известно, и он надеется, что данный в письме анализ будет дополнен устным заявлением Гитлера относительно общей ситуации и русско-германских отношений.

Наступило молчание, которое нарушил Риббентроп, заявив, что хотя он уже писал об этом Сталину, но, пользуясь случаем, хочет еще раз подчеркнуть полную уверенность Германии в том, что никакая сила на земле не в состоянии предотвратить падения Британской империи. Англия разбита, и вопрос о том, когда она признает себя окончательно побежденной, – вопрос времени. Возможно, это случится скоро, так как ситуация в Англии ухудшается с каждым днем.

Все присутствующие невольно отметили некоторую неуверенность, с которой Риббентроп произносил свою победную речь. Но Риббентроп был одним из первых в Германии, кто узнал о налете англичан на Таранто и начавшейся катастрофе итальянской армии в африканской пустыне. Что касается Молотова, то тот как не знал об этом событии в Берлине в середине ноября 1940 года, так, судя по всему, не узнал о нем никогда.

Германия, продолжал Риббентроп, будет бомбардировать Англию днем и ночью. Германские подводные лодки скоро будут использоваться в полном объеме их боевых возможностей и окончательно подорвут мощь Великобритании, вынудив ее прекратить борьбу. Определенная тревога в Англии уже заметна, что позволяет надеяться на близкую развязку.

Риббентроп сделал паузу, ожидая какой-нибудь реплики Молотова, но тот молчал, сжав тонкие губы и устремив взгляд куда-то поверх головы рейхсминистра. Риббентроп продолжал:

«Англия, конечно, надеется на помощь Соединенных Штатов, чья поддержка, однако, под большим вопросом. В плане возможных наземных операций вступление США в войну не имеет для Германии никакого значения. Помощь, которую Англия может получить от американского флота, также очень сомнительна. Америка, видимо, ограничится посылкой англичанам военного снаряжения, прежде всего самолетов. Можно с большой вероятностью предположить, что до Англии дойдет лишь незначительная часть этих поставок.

Державы Оси в военном и политическом отношении полностью господствуют в континентальной Европе. Поэтому, благодаря необыкновенной прочности своих позиций, державы Оси больше думают сейчас не над тем, как выиграть войну, а над тем, как уже выигранную войну закончить. Естественное желание Германии и Италии – как можно скорее закончить войну, – побуждает их искать себе союзников, согласных с этим намерением. В результате заключен Тройственный союз между Германией, Италией и Японией. Кроме того, он, Риббентроп, может конфиденциально сообщить, что целый ряд других стран заявил о своей солидарности с идеями пакта Трех Держав».

Фюрер придерживается мнения, продолжает Риббентроп, что следует хотя бы в самых общих чертах разграничить сферы влияния России, Германии, Италии и Японии. Фюрер изучал этот вопрос долго и глубоко и пришел к следующему выводу: принимая во внимание то положение, которое занимают в мире эти четыре нации, будет мудрее всего, если они, стремясь к расширению своего жизненного пространства, обратятся к югу. Япония уже повернула на юг, и ей понадобятся столетия, чтобы укрепить свои территориальные приобретения на юге.

Германия с Россией разграничили свои сферы влияния, и после того как Новый порядок окончательно установится в Западной Европе, Германия также приступит к расширению своего жизненного пространства в южном направлении, то есть в районах бывших германских колоний в Центральной Африке. Точно так же и Италия продвигается на юг – в Северную и Восточную Африку. Поэтому он, Имперский министр иностранных дел, интересуется, не повернет ли в будущем на юг и Россия для получения естественного выхода в открытое море, который так важен для России?

Риббентроп замолчал, давая понять, что сказал все, что хотел. Не выражая никаких эмоций, Молотов холодно поинтересовался, какое море имел в виду господин Имперский министр, говоря о выходе России в открытое море?

Риббентроп ответил, что, по мнению Германии, после войны произойдут огромные изменения во всем мире. Германия уверена, что в статусе владений Британской империи произойдут большие изменения. Пока что от германо-русского соглашения получили выгоду обе стороны – как Германия, так и Россия, которая смогла осуществить законные перемены на своих западных границах.

Вопрос теперь в том, могут ли они продолжать работать вместе, и может ли Советская Россия извлечь соответствующие выводы из нового порядка вещей в Британской империи, то есть не будет ли для России наиболее выгодным выход к морю через Персидский залив и Аравийское море. Тут, конечно, важна позиция Турции. Турция в последние месяцы свела свои отношения с Англией практически до уровня формального нейтралитета. Вопрос состоит в том, какие интересы Россия имеет в Турции.

В этой связи, продолжал Риббентроп, он прекрасно понимает неудовлетворенность России Конвенцией в Монтре о проливах. Лично он, Риббентроп, считает, что Конвенция в Монтре, как и Дунайские комиссии, должна исчезнуть и замениться чем-нибудь новым. Это новое соглашение должно быть заключено между державами, которые особенно заинтересованы в данном вопросе, и прежде всего между Россией, Турцией, Италией и Германией. Германия находит вполне приемлемой мысль, что на Черном море Советская Россия и прилегающие черноморские государства должны иметь определенные привилегии по сравнению с другими странами мира. Предполагается, что Турция не только станет фактором в коалиции стран, выступающих против эскалации войны, но и готова будет добровольно отбросить Конвенцию в Монтре и совместно с Германией, Италией и СССР заключить новую Конвенцию о проливах, которая удовлетворит справедливые требования всех сторон и даст России определенные привилегии.

Если эти идеи представляются советскому правительству осуществимыми, он охотно прибудет в Москву и обсудит эти вопросы лично со Сталиным. Видимо, в данном случае будет полезно одновременное присутствие его итальянского и японского коллег, которые, насколько ему известно, также готовы прибыть в Москву. Все это необходимо обсудить.

Слегка утомившись от столь пространного ответа Риббентропа, Молотов устало заметил, что он хорошо понял заявление имперского министра об огромной важности Тройственного пакта. Однако, как представитель невоюющей страны, он должен просить разъяснить ему некоторые пункты, чтобы лучше понять смысл. Когда Новый порядок в Европе и великом Восточно-азиатском пространстве оговаривался в Пакте, понятие «великое Восточно-азиатское пространство» было определено довольно смутно, по крайней мере с точки зрения тех, кто не участвовал в подготовке Пакта. Поэтому он, Молотов, хотел бы знать более точное определение этого понятия.

Несколько растерявшись, Риббентроп начал сбивчиво отвечать, что понятие «великое Восточно-азиатское пространство» было ново и для него, что и ему оно не было ясно описано.

Уловив растерянность Риббентропа, Молотов решил, что самое время перейти в наступление и дать немцам понять, ради чего, собственно, Сталин согласился втянуть себя в переговоры.

«При разграничении сфер влияния на довольно долгий период времени необходима точность, – жестко и резко заявил глава советского правительства, – поэтому я и прошу информировать меня о мнении составителей Пакта или, по крайней мере, о мнении Германского правительства на этот счет. Особая тщательность необходима при разграничении сфер влияния Германии и России». Молотов делает паузу, и в голосе его прорезается металл, как в выступлениях на Верховном Совете, когда речь шла о врагах народа. «Установление этих сфер влияния в прошлом году, – продолжает он, – было частичным решением, которое, за исключением финского вопроса, чье детальное обсуждение я намерен сделать позднее, выглядит устарелым и бессмысленным в свете недавних событий и обстоятельств».

От столь неожиданного поворота беседы Риббентроп на мгновение потерял дар речи. Если все ранее согласованные сферы влияния Молотов находит «устарелыми и бессмысленными», то какие новые условия поставит Сталин Германии, зажатой, как между

молотом и наковальней, между удавкой английской морской блокады и русским паровым катком?

Нервно взглянув на часы, Риббентроп предлагает прервать беседу, чтобы подготовиться к беседе с фюрером. Молотов соглашается с ним, заметив, что неплохо бы сейчас позавтракать и слегка отдохнуть с дороги.

После отъезда Риббентропа Молотов и Деканозов завтракают. У Молотова, как и у всех смертных, есть свои слабости: он пуще смерти боится микробов, поэтому вся посуда и столовые приборы, которыми пользуется предсовнаркома, предварительно прожариваются под давлением в автоклаве, сопровождающем Молотова повсюду, кроме поездок на дачу Сталина, где по этой причине он испытывает величайшие муки…

За завтраком, отпивая маленькими глотками кипяченое молоко, Молотов и Деканозов обсуждают заявление Риббентропа. Вроде все ясно: в Европу не суйтесь, с Турцией, если хотите, то ведите переговоры, но непременно с участием нас и итальянцев. Если же хотите урвать свой кусок, то пробивайтесь через Иран и Афганистан к Персидскому заливу, прибирая на ходу и другие куски разваливающейся Британской империи. Вот так вот…

Сразу после завтрака Молотов и Деканозов в сопровождении экспертов и переводчиков отправились в имперскую канцелярию. Вереница черных лимузинов, эскортируемая мотоциклетами, выехала на Шарлотенбургское шоссе и свернула на Вильгельмштрассе.

Сбавив скорость, машины въехали во внутренний двор новой имперской канцелярии, здание которой проектировали вместе Гитлер и его любимец Альберт Шпеер, сделав его какой-то смесью готики, классики и легендарных пещер древних тевтонов. Орлы со свастикой в лапах, нависший над колоннами гладкий портик, с которого тяжело свисали бархатные полотнища советского и германского флагов, застывшие фигуры часовых в серо-зеленых шлемах – все это создавало зловещее впечатление тайного храма черного язычества, воскресшего под неожиданными лозунгами пролетарской солидарности и национальной исключительности, но сохранившего основу своей религиозно-мистической идеологии – неудержимую страсть к массовым человеческим жертвоприношениям, приносимым под аккомпанемент никому не понятных заклинаний.

Это, ставшее хрестоматийным заявление Гитлера было, в сущности, лишь более откровенной реакцией пламенного призыва Ленина на III съезде комсомола в октябре 1920 года: «Наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата!».

Жалкий берлинский плагиатор не умел выражаться столь элегантно, он все называл своими словами, приводя весь мир в шоковое состояние. Его поняли правильно, но и слушавшие Ленина на III съезде тоже были не дураками – всякий обман, насилие и любое злодеяние объявляются допустимыми, если они совершаются в «интересах классовой борьбы пролетариата». И самым способным учеником вождя мирового пролетариата стал, разумеется, Сталин.

К моменту описываемых событий ни Сталин, ни Гитлер уже не строили никаких иллюзий относительно друг друга и пошли на переговоры с единственной целью выиграть время до оптимального момента, когда удастся нанести по оппоненту такой сокрушительный удар, после которого тот уже не поднимется.

Короткая торжественная церемония во дворе имперской канцелярии завершилась, и кавалькада черных «мерседесов», сопровождаемая мотоциклистами в стальных шлемах, помчалась к отелю «Бельвю», где Гитлер назначил прием советской делегации. Высокие, украшенные бронзовым литьем двери старинного дворца прусских королей открылись, пропуская Молотова и его свиту.

Сопровождаемые статс-секретарем Отто Майснером посланцы Сталина прошли анфиладу тускло освещенных залов, стены которых были увешаны старинными картинами в тяжелых рамах, средневековым оружием и доспехами. Драгоценная обивка стен, высокие потолки с художественной лепкой, золоченые люстры, легкая мебель эпохи Людовика XVI плохо сочетались с черными мундирами эсэсовцев, которые стояли вдоль стен с поднятыми в нацистском приветствии руками.

В зале, примыкающем к кабинету Гитлера, остались коротать время за прохладительными напитками в обществе офицеров охраны эксперты советской делегации. К дверям кабинета фюрера направились только Молотов и Деканозов с группой переводчиков. Два белокурых эсэсовца гигантского роста, щелкнув каблуками, распахнули высокие, уходящие почти под потолок двери. Став спиной к косяку и подняв правую руку, они как бы образовали живую арку, под которой Молотов и его свита прошли в кабинет Гитлера – огромное помещение с высокими окнами и гобеленами на стенах.

Справа от входа стояли изящный круглый стол, диван и несколько мягких кресел. В противоположном конце возвышался громадный полировочный письменный стол, за которым сидел фюрер в своем полувоенном френче с портупеей и белой рубашке с галстуком. В углу на подставке из черного дерева стоял гигантский глобус.

С какой-то смущенной улыбкой Гитлер вышел из-за стола и пошел навстречу вошедшим, по привычке подняв руку в партийном приветствии. Поздоровавшись с каждым, Гитлер сказал, что рад приветствовать советскую делегацию, осведомился о здоровье Сталина и жестом хозяина предложил расположиться в мягких креслах вокруг круглого стола. В этот момент в противоположном углу из-за драпировки появились Риббентроп, личный переводчик Гитлера Шмидт и советник германского посольства в Москве Хильгер, имеющий задание англичан разузнать, о чем будут переговоры, кучу заданий от НКВД, включая составление подробного плана гитлеровского кабинета, и задание от родного гестапо пресекать попытки не в меру болтливого Риббентропа сказать что-нибудь лишнее. Молотов и Деканозов со своими переводчиками Павловым и Бережковым уселись в мягкие кресла. Переговоры начались…

Начал, естественно, Гитлер, заявив, что главной темой текущих переговоров, как ему кажется, является следующее: в жизни народов довольно трудно намечать ход событий на долгое время вперед. За возникающие конфликты зачастую ответственны личные факторы. Он, тем не менее, считает, что необходимо попытаться навести порядок в развитии народов, причем по возможности на долгое время, чтобы избежать трений и предотвратить, насколько это в человеческих силах, конфликты.

Россия и Германия, – это две великие нации, которые по самой природе вещей не будут иметь причин для столкновения интересов, если каждая нация поймет, что другой стороне требуются некоторые жизненно необходимые вещи, без которых ее существование невозможно. Кроме того, системы управления в обеих странах не заинтересованы в войне как таковой, но нуждаются в мире больше, чем в войне, для того, чтобы провести в жизнь свою внутреннюю программу.

Гитлер говорит сбивчиво, нагромождая фразы друг на друга. Переводчики с трудом формируют русский текст. Сделав паузу в этом потоке общих фраз, Гитлер бросает взгляд на Молотова. Тот, кивнув головой, заверяет, что полностью согласен с высказанными Гитлером соображениями.

Ситуация, в которой происходит сегодняшняя беседа, характеризуется тем фактором, что Германия, в отличие от Советской России, находится в состоянии войны. Многое из того, что пришлось делать в ходе войны, было продиктовано именно ее ходом и не могло быть предсказано заранее. В общем же не только Германия, но и Россия получила немалую

выгоду. Для будущих отношений обеих стран успех первого года политического сотрудничества крайне важен.

Гитлер замолкает, ожидая реплики Молотова. Тот отмечает, что все сказанное фюрером совершенно правильно.

Возможно, продолжает свою мысль Гитлер, что ни один из двух народов не удовлетворил своих желаний на сто процентов. В политической жизни, однако, даже 20-25 процентов реализованных требований – уже большое дело. Сотрудничая, обе страны всегда будут получать хоть какие-то выгоды. Вражда же их выгодна только третьим странам.

Гитлер вопросительно смотрит на Молотова. Тот снова кивает головой, сказав, что соображения фюрера абсолютно правильны и будут подтверждены историей и что они особенно применимы к настоящей ситуации. Исходя из этих мыслей, отмечает Гитлер, он еще раз трезво обдумал вопрос о германо-русском сотрудничестве в момент, когда военные операции фактически закончились.

Гитлер смотрит на Молотова, но тот молчит, всем своим видом давая понять, что последняя фраза фюрера об окончании войны нуждается в разъяснении.

Конечно, имеются некоторые осложнения, соглашается Гитлер с немым вопросом Молотова, которые вынуждают Германию время от времени отвечать на некоторые события военными действиями. В настоящее время против Англии ведутся боевые действия, пока только на море и в воздухе, интенсивность которых ограничена погодой. Ответные мероприятия Англии смехотворны. Русские могут собственными глазами удостовериться, что утверждения о разрушении Берлина являются выдумкой. Как только улучшится погода, Германия будет в состоянии нанести сильный и окончательный удар по Англии.

Таким образом, в данный момент цель Германии состоит в том, чтобы не только провести военные приготовления к этому окончательному бою, но и попытаться внести ясность в политические вопросы, которые будут иметь значение во время сокрушения Англии и после него. При этом он пришел к следующим заключениям:

Во-первых, Германия не стремится получить военную помощь от России.

Во-вторых, из-за неимоверного расширения театра военных действий Германия была вынуждена, с целью противостояния Англии, вторгнуться в отдаленные от Германии территории, в которых она в общем не была заинтересована ни политически, ни экономически.

Возможно, господин Молотов заметил, что в ряде случаев происходили отклонения от тех первоначальных границ сфер влияния, которые были согласованы между Сталиным и министром иностранных дел. В некоторых случаях он – фюрер – не готов был идти на уступки, но понимал, что желательно найти компромиссное решение как, например, в случае с Литвой. Однако в ходе войны Германия столкнулась с проблемами, которые нельзя было предвидеть в начале войны, но которые крайне важны с точки зрения военных операций.

Теперь важно обдумать вопрос о том, как, оставив в стороне сиюминутные соображения, обрисовать в общих чертах сотрудничество между Германией и Россией и какое направление в будущем примет развитие германо-русских отношений. В этом деле для Германии важны следующие пункты:

Первое – необходимость жизненного пространства. Во время войны Германия приобрела такие огромные пространства, что ей потребуется 100 лет, чтобы использовать их полностью.

Второе – необходима некоторая колониальная экспансия в Северной Африке.

Третье – Германия нуждается в определенном сырье, поставки которого она должна гарантировать себе при любых обстоятельствах.

И четвертое – она не может допустить создания враждебными государствами военно-воздушных и военно-морских баз в определенных районах.

Интересы России при этом ни в коем случае не будут затронуты. Российская империя может развиваться без малейшего ущерба германским интересам.

Постоянно кивающий головой Молотов при последних словах Гитлера, нарушая протокол, заметил, что все сказанное фюрером совершенно верно.

Смущенно улыбнувшись на это замечание Молотова, Гитлер продолжал: если обе страны придут к пониманию этого факта, они смогут наладить взаимовыгодное сотрудничество и избавить себя от осложнений, трений и беспокойства. Совершенно очевидно, что Германия и Россия никогда не объединятся в единое государство. Они обе могут сами построить свое будущее, если при этом будут учитывать интересы другой стороны. У Германии нет интересов в Азии, кроме общих экономических и торговых.

Что же касается Европы, то тут есть несколько точек соприкосновения между интересами Германии, России и Италии. У каждой из этих стран есть понятное желание иметь выход в открытое море. Германия хочет выйти к Северному морю. Италия хочет уничтожить «засов», поставленный на Гибралтаре, а Россия стремится к океану. Вопрос состоит в том, насколько велики шансы этих трех держав действительно получить свободный доступ к океану без того, чтобы конфликтовать по этому поводу друг с другом.

Однако пока длится воина с Англией, не могут быть сделаны шаги, хоть в чем-то противоречащие целям окончания войны с Великобританией. В других местах также возникают аналогичные проблемы, которые, правда, важны только в течение войны. Так, у Германии не было никаких политических интересов на Балканах, но в настоящее время она вынуждена активизировать там свою деятельность, чтобы обеспечить себя определенным сырьем. Причиной тому – исключительно военные интересы. По аналогичным причинам Германии невыносима сама мысль о том, что Англия может получить плацдармы в Греции для строительства военно-воздушных и военно-морских баз. Рейх обязан предотвратить это при любых обстоятельствах.

Германия предпочла бы кончить войну еще в прошлом году и демобилизовать свою армию, чтобы возобновить мирную работу, так как с экономической точки зрения любая война является плохим бизнесом.

Бесшумно появились вышколенные официанты и принесли кофе в роскошных чашках мейссенского фарфора. Воспользовавшись паузой, Молотов вновь изъявил свое полное согласие с мнением фюрера, что достижение цели с помощью военных мер обходится намного дороже, чем с помощью мирных средств. Ему было с чем сравнивать. «Мирная» оккупация Прибалтики и Бессарабии, включая транспортные расходы по депортации в Сибирь примерно трети местного населения, обошлась в десять раз дешевле захвата Карельского перешейка…

Не притронувшись к кофе, Гитлер продолжал, повторив, что в нынешней ситуации Германия из-за военных действий вынуждена была активизироваться в районах, в которых она не заинтересована политически, но в которых…

Отхлебнув кофе, Молотов поймал себя на мысли, что уже не совсем воспринимает этот лабиринт общих рассуждений Гитлера. Постарались и переводчики, громоздя друг на друга русские подчинительные союзы: который, которые… Придется внимательнее прочесть стенограмму.

«Кроме всего этого, – продолжал плести свои кружева Гитлер, – существует проблема Америки. В настоящее время Соединенные Штаты ведут империалистическую политику. Они помогают Англии, в лучшем случае, для того чтобы продолжить собственное перевооружение и, приобретя базы, усилить свою военную мощь. В отдаленном будущем предстоит решить вопрос о тесном сотрудничестве тех стран, интересы которых будут затронуты расширением сферы влияния этой англосаксонской державы, которая стоит на фундаменте куда более прочном, чем Англия. Впрочем, это не тот вопрос, который предстоит решать в ближайшем

будущем, во всяком случае, не в 1945 году. Только в 1970 или в 1980 году, самое раннее, эта англосаксонская держава сможет угрожать свободе других народов…»

Гитлер взглянул на Молотова, но ничего, кроме утомленности, на лице наркома не обнаружил и понял, что пора наконец перейти ближе к советско-германским отношениям.

«Я вполне понимаю, – с ноткой доверительности сообщил фюрер, – старание России получить незамерзающие порты с безопасным выходом в открытое море. Возможно, как Россия, так и Германия не достигли всего того, что они планировали достичь, однако успехи обеих сторон были, тем не менее, велики. Если непредвзятым взглядом окинуть еще нерешенные проблемы, ясно, что серьезные успехи могут быть достигнуты обоими партерами и в будущем. Что же касается Балкан, то Германия будет с помощью военной силы противостоять любым попыткам Англии получить плацдарм в Салониках. Германия все еще хранит в памяти неприятные воспоминания о Салоникском фронте первой мировой войны…»

«Почему Салоники представляют такую опасность?» – впервые позволил себе прервать фюрера Молотов.

«Из-за близости к румынским нефтяным промыслам, – ответил Гитлер. – Их Германия намерена защищать при любых обстоятельствах. Однако, как только восторжествует мир, германские войска немедленно покинут Румынию».

Гитлер замолчал и сделал глоток уже остывшего кофе, давая понять, что теперь он хочет послушать Молотова.

Молотов отметил, что заявления фюрера касались общих вопросов и что в целом он готов принять эти соображения.

«Перед моим отъездом из Москвы, – подчеркнул Молотов, – Сталин дал мне точные инструкции, и все, что я собираюсь сейчас сказать, совпадает со взглядами Сталина. Я полностью согласен с мнением фюрера о том, что оба партнера извлекли значительные выгоды из германо-русского соглашения. Германия получила безопасный тыл: общеизвестно, что это имело большое значение для хода событий в течение года войны. Вместе с тем, Германия получила существенные экономические выгоды в Польше. Благодаря обмену Литвы на Люблинское воеводство были предотвращены какие-либо трения между Россией и Германией. Германо-русское соглашение от прошлого года можно, таким образом, считать выполненным во всех пунктах, кроме одного, а именно Финляндии».

Голос Молотова начинает звучать раздраженно: «Финский вопрос до сих нор остается нерешенным. И потому я прошу фюрера ответить: сохраняют ли силу пункты германо-русского соглашения относительно Финляндии? С точки зрения советского правительства, никаких изменений здесь не произошло.

Теперь о Тройственном пакте. Что означает «новый порядок» в Европе и Азии и какая роль будет отведена в нем СССР? Эти вопросы необходимо обсудить во время берлинских бесед и предполагаемого визита в Москву Имперского министра иностранных дел, на что русские определенно рассчитывают. Кроме того, следует уточнить вопросы о русских интересах на Балканах и в Черном море, касающиеся Болгарии, Румынии и Турции. Советское правительство интересуется «новым порядком» в Европе и хотело бы иметь представление о границах так называемого «великого Восточно-азиатского пространства».

Молотов замолчал, переводя дух. На его лбу выступила испарина. По лицу Гитлера было видно, что он удивлен и весьма раздражен таким потоком вопросов и претензий.

Хорошо знавший своего фюрера Риббентроп испугался, что Гитлер сейчас закатит Молотову одну из своих истерик. Но Гитлер сдержался и спокойно ответил, что Тройственный пакт имел целью урегулирование состояния дел в Европе в соответствии с естественными интересами европейских стран, и во исполнение этого Германия теперь обращается к Советскому Союзу, чтобы он мог высказать свое мнение относительно интересующих его районов. Без содействия Советской России соглашение во всех случаях не может быть

достигнуто. Это относится не только к Европе, но и к Азии, где сама Россия будет участвовать в определении великого Восточно-азиатского пространства и заявит о своих притязаниях. Задача Германии сводится здесь к посредничеству. Россия ни в коем случае не будет поставлена перед свершившимся фактом. Когда он, Гитлер, предпринимал попытку создания вышеупомянутой коалиции держав, самым трудным вопросом, который предстояло решить, были не германо-русские отношения, а вопрос…

Молотов с трудом слушал общие рассуждения, его голова тяжелела, и только последняя фраза Гитлера о необходимости изгнания Соединенных Штатов из всех частей света была настолько искренней, что советский нарком, не меньше самого фюрера ненавидевший этот оплот мирового империализма, с готовностью закивал головой, заявив, что полностью согласен с заявлениями фюрера относительно роли Америки в будущем мире.

«Кроме того, – заявил он, – участие России в Тройственном пакте представляется в принципе абсолютно приемлемым при условии, что Россия будет являться партнером, а не объектом. В этом случае он не видит никаких сложностей в деле участия Советского Союза в общих усилиях. Но сначала необходимо более точно установить цели и значение Пакта, особенно в связи с определением „великого Восточно-азиатского пространства".

Вместо ответа Гитлер взглянул на часы и, сославшись на возможность воздушной тревоги, предложил перенести переговоры на следующий день. Молотов, уставший от длинных и сбивчивых монологов фюрера, согласился. Гитлер, как всегда застенчиво улыбаясь, пожелал советской делегации хорошо провести время в Берлине. Молотов напомнил, что вечером в советском посольстве будет большой прием, и пригласил Гитлера. Фюрер поблагодарил наркома и сказал, что, если позволит время, постарается прийти….

Гитлер на прием не пришел, но зато в роскошный особняк советского посольства на Унтер-ден-Линден пришли оба его заместителя – Гесс и Геринг.

С началом военных действий Гитлер обнародовал официальное заявление, что в случае, если с ним, Гитлером, что-либо случится, фюрером Германии становится Рудольф Гесс.

Высокий, худощавый, с мрачным выражением аскетически бледного лица, с возбужденными глазами фанатика, Гесс с некоторым испугом смотрел на банкетный стол в виде огромной буквы «П», украшенный яркими гвоздиками и старинным серебром. (По случаю приема на стол был выставлен богатейший сервиз на 500 персон, сохранившийся в посольстве еще с царских времен.)

В отличие от Гесса, даже на прием явившегося в скромной партийной гимнастерке и портупее, рейхсмаршал Геринг чувствовал себя в средневековой роскоши советского посольства весьма непринужденно. В шитом серебром мундире рейхсмаршала (это звание было присвоено персонально ему одному), украшенном многочисленными звездами и орденами, грузная фигура Геринга ярко выделялась на фоне коричневых и черных френчей приглашенных партийных функционеров и строгих костюмов советского дипломатического персонала. Фигура была настолько яркой, что ей уже много лет интересовались разведки почти всех стран, играя на пристрастии Геринга к роскоши, красивым женщинам и кокаину. Мало кто знал тогда (да и сегодня тоже), что родная сестра рейхсмаршала была завербована через Коминтерн советской разведкой. Бывший ас первой мировой войны, числившийся еще с тех времен военным преступником, Геринг постоянно играл, а может быть, и был на самом деле (никто не знает, где кончается игра и начинается сущность) «рубахой-парнем» до такой степени, что даже вызвал улыбку на лице Молотова, что само но себе было немалым достижением.

Сообщив по секрету главе советского правительства, что ему, Герингу, будет поручено командовать парадом победы в Лондоне, поскольку именно его лихие пилоты поставили (или поставят в самом ближайшем будущем) Англию на колени, рейхсмаршал пригласил Молотова

присутствовать на параде. Молотов поинтересовался, на какое число ему заказывать билет в Лондон.

«На 15 июля!» – без тени сомнения в голосе ответил Геринг.

Но особенно ему понравился новый советский посол Владимир Деканозов, что было очень кстати, поскольку Деканозов имел специальное задание от НКВД понравиться именно Герингу.

Рядом они выглядели очень комично: огромный толстый рейхсмаршал, сверкающий звездами мундира и бриллиантами на пальцах, и маленький, худенький Деканозов в черном костюмчике тройке, купленном в «Детском Мире», как острили его подчиненные. Рейхсмаршал, правда, не пригласил Деканозова на парад победы в Лондон, но зато пригласил его в свое поместье в Карин-холле «поохотиться и прекрасно провести время».

Ходили слухи, что по своему поместью Геринг разгуливает в тоге римских императоров с золотым лавровым венком на голове. Деканозов набрался наглости и решил проверить этот слух. Геринг расхохотался и, похлопав малыша-посла по плечу, сказал: «В моем доме вы увидите вещи и поинтереснее, чем какой-то золотой венок».

Заулыбался и Гесс, когда его спросили, может ли он подтвердить сведения советской разведки о том, что он, Гесс, мастерски играет на аккордеоне. Появился и аккордеон. Гесс смущенно взял его в руки и, будучи, как и Геринг, летчиком-ветераном первой мировой войны, заиграл печальную мелодию, известную каждому немецкому солдату: «Их хатте айне камераде…»

Печальная, и вместе с тем полная оптимизма музыка произвела впечатление на советских слушателей. (После войны она появится в СССР как песня «О красном барабанщике».)

В этот момент в искреннем веселье банкета решили принять посильное участие англичане. Взвыли сирены воздушной тревоги, задрожали зеркальные стекла окон от грохота зениток, давая понять специалистам, что система ночного ПВО столицы Рейха находится в эмбриональном состоянии, так как сирены взвыли, когда бомбардировщики были уже над городом. Геринг был явно смущен и быстро уехал. (Позднее Черчилль скажет Сталину: «Мы знали о пребывании господина Молотова в Берлине и решили таким образом напомнить о том, что мы еще живы».)

В здании советского посольства своего бомбоубежища не было. Хозяева и гости кинулись к выходу. Сопровождаемые адъютантами Гесс, Риббентроп, Молотов и Деканозов торопливо спустились по широкой мраморной лестнице и на машинах поехали во дворец «Бельвю», где в подвалах было оборудовано комфортабельное бомбоубежище. Остальные сотрудники посольства успели добежать до ближайшей станции метро. Многие остались в посольстве.

Работала рация, передавая в Москву шифровку о первой беседе с Гитлером. В ответной шифровке чувствовалось сталинское раздражение: вождь настаивал на том, чтобы конкретно решить с Гитлером вопросы, связанные с Финляндией, Болгарией, Румынией и турецкими проливами. В случае положительного решения этих вопросов Молотов получил инструкцию дать согласие на вступление СССР в Ось Рим-Берлин-Токио. Таким образом, член русской секции Коминтерна – товарищ Сталин – фактически дал согласие на присоединение первой в мире страны победившего пролетариата к антикоминтерновскому пакту. Чего не сделаешь во имя великой идеи!..

Гитлер также провел не самую лучшую ночь в своей жизни. Сообщения о разгроме итальянского флота в Таранто, о неожиданной вылазке Уайвелла в пустыне и унизительный воздушный налет англичан на Берлин в разгар переговоров с Молотовым – все это, конечно, не способствовало хорошему настроению и взывало к мести.

Он позвонил Герингу, который прибыл прямо с советского банкета в штаб ПВО столицы и внес дополнительный хаос в его и так не совсем четкую работу, и приказал проучить англичан так, «чтобы вздрогнул весь мир». Геринг не сразу понял, что от него хотят. «Превратите в развалины какой-нибудь их город! – орал в телефон Гитлер. – Уничтожьте его полностью! Сотрите с лица земли!» «Какой город?» – переспросил Геринг, всегда любивший конкретные приказы. «Любой», – гаркнул в ответ Гитлер и ткнул наугад пальцем в карту Англии. Палец фюрера уткнулся в пространство между Бирмингемом и Ковентри северо-западнее Лондона. Ближе к Ковентри. «Ковентри!» – провозгласил Гитлер. Геринг ничего не имел против и начал отдавать необходимые распоряжения.

На следующий день, 13 ноября, переговоры между Гитлером и Молотовым возобновились. Оба были бледны. Для пятидесятилетнего кремлевского аппаратчика фактически бессонная ночь, проведенная под грохот немецких зениток и взрывы английских авиабомб в сочетании с радионахлобучкой от любимого вождя, была достаточно сильным впечатлением, чтобы несколько выбить его из дипломатической колеи. У Гитлера, как мы уже отмечали, также не было особых причин радоваться. Предстоящая беседа обещала стать повышенно нервозной. Так и случилось.

Гитлер начал с того, что вернулся к замечанию Молотова, сделанному во время вчерашней беседы, о выполнении германо-русского соглашения «за исключением одного пункта, а именно Финляндии».

Во время русско-финской войны Германия выполняла все свои обязательства по соблюдению абсолютного благожелательного нейтралитета.

«Русское правительство, – вставил Молотов, – не имело никаких причин для критики позиции Германии во время этого конфликта».

Гитлер кивнул головой и с долей доверительности заметил, что он даже задержал в Бергене корабли, везшие в Финляндию вооружение и амуницию, на что Германии на самом деле права не имела. Подобная просоветская позиция Германии во время русско-финской войны натолкнулась на серьезное сопротивление остального мира, особенно Швеции.

Ныне реальная ситуация такова: в соответствии с германо-русским соглашением Германия признает, что политически Финляндия представляет для России первостепенный интерес и находится в ее зоне влияния. Однако Германия вынуждена принять во внимание два момента: во-первых, пока идет война, Германия крайне заинтересована в получении из Финляндии никеля и леса; во-вторых, Германия не желает в Балтийском море каких-либо новых конфликтов, которые еще более ограничат ее свободу передвижения в одном из немногих районов торгового мореплавания, все еще открытых для Германии. Было бы совершенно неправильно утверждать, что Германия оккупировала Финляндию. Немецкие войска лишь транспортируются через Финляндию в Киркенес, о чем Германия официально информировала Россию. Из-за большой протяженности пути поезда должны останавливаться на финской территории два-три раза. Однако как только транзитная перевозка военных контингентов будет закончена, никаких дополнительных войск через Финляндию посылаться не будет.

Он, фюрер, подчеркивает, что как Германия, так и Россия *должны быть естественным образом заинтересованы в недопущении того, чтобы Балтийское море снова стало зоной войны* .

Со времени русско-финской войны произошли существенные изменения в перспективах военных операций, так как Англия имеет в своем распоряжении бомбардировщики и истребители-бомбардировщики дальнего действия и может захватить плацдарм на финских аэродромах. В дополнение к этому существует и чисто психологический фактор, который

крайне обременителен. Финны мужественно защищали себя и завоевали симпатии всего мира, особенно Скандинавии.

В самой Германии во время русско-финской войны люди были в некоторой степени недовольны той позицией, которую в результате соглашения с Россией должна была занять и действительно заняла Германия. По вышеупомянутым соображениям Германия не желает новой русско-финской войны. Однако это не затрагивает законных притязаний России. Германия снова и снова доказывает это своей позицией по многим вопросам, в частности, по вопросу об укреплении Аландских островов. Однако пока идет война, ее экономические интересы в Финляндии важны так же, как и в Румынии. Германия рассчитывает на уважение этих интересов еще и потому, что она в свое время продемонстрировала полное понимание русских интересов в Литве и Буковине. В любом случае у нее нет каких-либо политических интересов в Финляндии, и она полностью признает тот факт, что эта страна входит в русскую зону влияния.

Наступила пауза. Все, что сказал Гитлер, было совершенно ясно: вы и так «хапнули» достаточно, гораздо больше, чем вам полагалось. Уймитесь! Мы не позволим вам сожрать остаток Финляндии. Скажите спасибо за Литву и вообще забудьте о возможности дальнейшей экспансии в Европе.

Не глядя на фюрера, Молотов напомнил, что соглашение 1939 года имело в виду определенную стадию развития, которая завершилась с окончанием Польской войны. Вторая стадия закончилась с поражением Франции, и теперь они находятся в третьей стадии.

В голосе Молотова звучит откровенная обида. Что бы вы сделали без нас, если бы мы не обеспечили ваш тыл и не снабдили всем необходимым для ведения войны? А теперь вы попрекаете нас Литвой и пытаетесь отобрать нашу законную добычу в виде Финляндии?

Тут в беседу вмешался Риббентроп и сухо напомнил, что, конечно же, Россия не сделала пересмотр безапелляционным условиям, но все же настаивала на нем очень упорно.

«Это вовсе не так, – раздраженно возразил Молотов, – Советское правительство никогда не отказывалось оставить все так, как это предусматривалось первоначальным соглашением. В любом случае, уступив Литву, Германия получила в качестве компенсации польскую территорию!»

«Этот обмен с экономической точки зрения нельзя назвать равноценным», – мрачно вставил Гитлер, поджав губы.

«А как насчет той полосы литовской территории, которую вы нам все еще не передали?» – поинтересовался Молотов. – Немцы промолчали.

«Безусловно, – признал Молотов, несколько оживившись, – вопрос о Буковине затрагивает территории, не упомянутые в Секретном протоколе. Поэтому Россия сначала ограничила свои требования Северной Буковиной. В нынешней ситуации, однако, Германия должна понять заинтересованность русских и в Южной Буковине».

«Даже если только часть Буковины останется за Россией, – ответил Гитлер, – то и это будет значительной уступкой со стороны Германии. В соответствии с устным соглашением, бывшая австрийская территория должна войти в германскую сферу влияния».

Гитлер явно начинал терять терпение. Еще никто не осмеливался так нагло вымогать у него добычу.

«Ну, знаете, – возразил Молотов, – изменения, произведенные в отношении полосы литовской территории и Буковины, трудно сравнить с изменениями, которые произвела Германия во многих других районах силой оружия». Вот так! Вы уже половину Европы захватили, а с нами торгуетесь за ничтожные полоски земли, которые нам и так принадлежат по праву.

Выслушав перевод последнего замечания Молотова, Гитлер сварливо ответил, что так называемые «изменения силой оружия» вообще не были предметом соглашения.

«Были или не были, – повысил голос советский предсовнаркома, наплевав на протокол, – но все, что мы захватили, это крохи по сравнению с тем, что захватили вы…»

«Но мы воюем, а вы – нет! – заорал в ответ Гитлер. – Мы оплачиваем все приобретения кровью своих солдат!»

Риббентроп умоляюще поглядел на фюрера. Молотов побагровел. Наступило тягостное молчание. Гитлер взял себя в руки и уже спокойно продолжал:

– Советский Союз должен понять, что в рамках какого-либо широкого сотрудничества двух стран выгода может быть достигнута в куда более широких пределах, чем обсуждаемые в настоящее время незначительные изменения. Гораздо большие успехи могут быть достигнуты при условии, что Россия не будет сейчас искать выгоды на территориях, в которых Германия заинтересована на время продолжения войны. Чем больше *Германия и Россия, стоя спиной к спине, преуспеют в борьбе против внешнего мира* , тем большими будут их успехи в будущем, и те же успехи будут меньшими, если две страны встанут друг против друга. Впервые на земле не будет силы, которая сможет противостоять нашим двум странам».

Выслушав Гитлера, Молотов заявил о своем полном согласии с последним выводом фюрера. Однако для подведения под эти отношения прочного фундамента должна быть наведена ясность в вопросах второстепенной важности, отравляющих атмосферу германо-русских отношений. К ним прежде всего относится вопрос об отношениях между СССР и Финляндией. Если Россия и Германия достигнут понимания по этому *вопросу, он может быть урегулирован без войны* . Но не может быть и речи о пребывании в Финляндии германских войск и о проведении в этой стране политических демонстраций, направленных против советского правительства.

Все это было сказано столь ультимативным тоном, что все в страхе посмотрели на Гитлера. Никто еще с момента его прихода к власти не осмеливался говорить с фюрером на таких тонах. Но на этот раз Гитлер сдержался, заявив, что вторая часть заявления Молотова не подлежит обсуждению, так как Германия к демонстрациям в Финляндии не имеет ни малейшего отношения.

«Между прочим, – заметил фюрер, – демонстрации организовать очень легко, а потом уже крайне трудно выяснить, кто был их действительным подстрекателем». Что касается германских войск, то он может заверить: как только будет достигнуто общее соглашение, германские войска перестанут появляться в Финляндии.

Уже не слушая возражения Гитлера, Молотов, словно зачитывая вербальную ноту, заявил, что советское правительство считает своим долгом (!) окончательно урегулировать финский вопрос. Для этого не нужны какие-либо новые соглашения. Согласно имеющемуся германо-советскому соглашению, Финляндия входит в сферу влияния Советского Союза.

Демонстрируя не свойственное ему терпение, Гитлер снова повторил, что Германия не хочет допустить войны на Балтийском море и что она крайне нуждается в Финляндии как поставщике никеля и леса. В отличие от России, Германия не заинтересована в Финляндии политически и не оккупирует какой-либо части финской территории. Транзитные же перевозки войск будут закончены в течение ближайших дней. После этого новые эшелоны с войсками посылаться не будут.

«Советская позиция в этом вопросе мне что-то не совсем понятна, – неожиданно объявил Гитлер. – В связи с этим возникает очень важный для Германии вопрос: намерена ли Россия начать новую войну против Финляндии?»

Захваченный прямым вопросом врасплох, Молотов уклончиво ответил, что все будет в порядке, если финское правительство откажется от своего двусмысленного отношения к СССР.

Другими словами, Молотов честно ответил Гитлеру, что война неизбежна, поскольку в Секретном протоколе речь шла не о Карельском перешейке, а о всей Финляндии.

Фюрер все правильно понял. Он начал путано рассуждать о возможности вмешательства Англии и даже Соединенных Штатов в советско-финский конфликт, что заставит и Германию проявить активность…

Но Молотов был в ударе, и, выполняя приказ Сталина о непременном захвате Финляндии, что было для вождя вопросом чести, а не выгоды, видимо, прослушал недвусмысленное предупреждение Гитлера о вмешательстве Германии в случае вспышки новой советско-финской войны.

«Я не понимаю, – с отчаянием произнес он, – почему Россия должна откладывать реализацию своих планов на шесть месяцев или на год». В конце концов, германо-русское соглашение не содержало каких-либо ограничений во времени и в пределах своих сфер влияния ни у одной из сторон руки не связаны.

Видя, что Молотов так и не понял сути его предыдущего ответа, Гитлер повторил, что на Балтике не должно быть более никакой войны.

Все более раздражаясь, Молотов ответил, что он не понимает боязни немцев относительно того, что на Балтике может разгореться война. В прошлом году, когда международная ситуация для Германии была хуже, чем сегодня, Германия не поднимала этого вопроса.

С трудом сдерживаясь, Гитлер, в чьем голосе уже проскакивали зловещие визгливые нотки, сказал, что он тоже немного разбирается в военных делах и считает очень вероятным, что в случае новой русско-финской войны, Соединенные Штаты получат плацдарм и в Финляндии, и в Швеции.

Он помолчал, а потом вдруг спросил Молотова с издевкой: «Объявит ли Россия войну Соединенным Штатам, если те вмешаются в результате нового конфликта с Финляндией?»

«Этот вопрос не является актуальным», – сердито буркнул Молотов.

Гитлер захихикал: «Когда он станет актуальным, принимать решение будет уже слишком поздно».

«Да никто и не собирается воевать на Балтике», – зло огрызнулся нарком.

«Ну и чудесно, – обрадовался фюрер. – Тогда все будет в порядке, и будем считать, что наша дискуссия носила исключительно теоретический характер».

Гитлер откинулся в кресле, прикрыл глаза и дал рукой знак Риббентропу. «Суммируя вышесказанное, – начал Риббентроп, – можно прийти к следующим выводам:

Финляндия остается в сфере влияния России, и Германия не будет содержать там войск.

Фактически вообще нет причин для того, чтобы делать из финского вопроса проблему. Следовательно, если смотреть на вещи реалистично, никаких разногласий между Германией и Россией нет».

«Так что нам не о чем спорить, – миролюбиво заметил Гитлер, – поскольку обе стороны согласны в принципе, что Финляндия входит в сферу влияния России».

Фюрер подчеркнул, что после покорения обанкротившейся Англии будут разделены ее гигантские всемирные владения в 40 миллионов квадратных километров.

Все страны должны прекратить все разногласия между собой и сосредоточиться исключительно на разделе Британской империи. Это относится к Германии, Франции, Италии, России и Японии.

Молотов ответил, что главным является урегулирование германо-советского сотрудничества, к которому позднее могут подключиться Италия и Япония.

Как бы не слыша того, что сказал Молотов, Гитлер заговорил о том, что будущие шаги будут нелегки, и подчеркнул в этой связи, что Германия хочет создать всемирную коалицию заинтересованных держав, которая объединит всех желающих получить выгоду от обанкротившегося британского хозяйства.

Молотов ответил, что он бы желал поговорить о более близкой к Европе территории, точнее – о территории Турции. Как черноморская держава, Советский Союз связан с несколькими странами. Поэтому Советский Союз выразил свое недовольство Румынии в связи с тем, что последняя приняла гарантии Германии и Италии без консультаций с СССР.

Гитлер пожал плечами.

Затем Молотов заговорил о проливах, отметив, что они являются историческими воротами Англии для нападения на Советский Союз. В связи с этим он, Молотов, хочет прямо спросить фюрера, как посмотрит Германия на предоставление СССР Болгарии, расположенной к проливам ближе всех, а также гарантий на точно таких же условиях, на которых Германия и Италия дали их Румынии, то есть с вводом войск и с арендой военно-морских баз. Советский Союз хотел бы получить на это согласие Германии, а также, если возможно, Италии.

Это было что-то новое. Разведка смутно докладывала, что Сталин уже нацелился на Болгарию, как на следующую жертву, но то, что СССР официально попросит на это согласие Германии, ни Гитлер, ни Риббентроп не ожидали.

Гитлер резко ответил, что германские и итальянские гарантии Румынии были основой того, что склонило Румынию уступить России Бессарабию без борьбы. Что же касается вопроса о русских гарантиях Болгарии, то если СССР хочет предоставить эти гарантии на тех же условиях, что и германо-итальянские гарантии Румынии, прежде всего возникает вопрос о том, запрашивала ли о таких гарантиях сама Болгария? Просил ли об этом Сталина царь Борис? Он, фюрер, ничего не знает о подобных запросах Болгарии.

Кроме того, он, конечно, должен узнать мнение Италии, и только после этого сможет сделать какое-либо заявление. Сейчас же его больше интересует вопрос, считает ли Советский Союз, что он сможет в достаточной степени гарантировать свои черноморские интересы в случае пересмотра Конвенции в Монтре?

Молотов пояснил, что Советский Союз хочет гарантировать себя от удара со стороны проливов не только на бумаге, но и на деле, и он уверен, что СССР сможет достичь с Турцией договоренности. Поэтому он снова хочет вернуться к вопросу о советских гарантиях Болгарии.

«Болгария вас просила о гарантиях или нет?!» – заорал Гитлер.

Молотов понял, что вывел Гитлера из себя, а потому пояснил, что он просит фюрера не об окончательном решении, а лишь высказать свое мнение по этому вопросу.

Гитлер ответил, что ни при каких обстоятельствах он не может занять определенной позиции, пока не поговорит с дуче, так как для Германии этот вопрос второстепенный…

На этом месте Гитлер прервал выступление и обратил внимание присутствующих на позднее время, сказав, что ввиду возможных воздушных атак англичан лучше закончить переговоры сейчас, поскольку основные вопросы уже достаточно обсуждены. Вечером он будет занят другими делами, и завершит переговоры рейхсминистр Риббентроп.

Все встали из-за стола. Прощальные рукопожатия, усталые и не очень искренние улыбки. Гитлер – гостеприимный хозяин – проводил Молотова по анфиладам комнат и переходов до самого выхода во двор. Перед тем как попрощаться с предсовнаркома, Гитлер сказал: «Я считаю Сталина выдающейся исторической личностью. Он войдет в историю как

великий человек. Да и сам я рассчитываю войти в историю. Поэтому естественно, чтобы два таких политических деятеля, как мы, встретились лично…»

Прощание с Гитлером получилось неожиданно теплым. Непрерывно сверкали вспышки, стрекотали кинокамеры. Оба с удовольствием и готовностью позировали, понимая, что делают историю: впоследствии эти фотографии попортят Молотову немало крови и почти полстолетия будут считаться в СССР секретными…

Кабинет Риббентропа, хотя и значительно меньший, чем Гитлера, был обставлен с роскошью: узорчатый паркетный пол, отражающий все предметы, вазы из бронзы и фарфора, старинные картины и гобелены, тяжелые парчовые портьеры.

Риббентроп пригласил Молотова и Деканозова к стоявшему в углу круглому столу и заявил, что в соответствии с пожеланиями фюрера было бы целесообразно подвести итоги переговоров. Риббентроп едва успел сказать, что он набросал некоторые предложения германского правительства, как вдруг пронзительно завыли сирены воздушной тревоги. С двух сторон на столицу Рейха заходили английские бомбардировщики. В кабинете воцарилось напряженное молчание. За окном залаяли зенитки, где-то поблизости раздался глухой удар, в высоких окнах задрожали стекла.

Лицо Риббентропа исказила судорога. В глазах рейхсминистра так и светилось: «Боже, покарай Англию!» Пересилив себя, Риббентроп нарушил тягостное молчание за столом: «Оставаться здесь небезопасно. Спустимся вниз, в мой бункер. Там будет спокойнее…»

Возобновив в убежище столь бестактно прерванную англичанами беседу, Риббентроп заявил, что хочет изложить господину Молотову свой взгляд на перспективы политики сотрудничества. Главное – это вопрос о развитии отношений стран Тройственного пакта – Германии, Италии и Японии – с Советским Союзом.

Если Советский Союз придерживается той же точки зрения, он, Риббентроп, считает, что конечной целью должно стать соглашение между державами Тройственного союза и Советским Союзом. Он набросал проект этого соглашения.

Тут Риббентроп вынул из кармана листок и монотонным голосом прочел его содержание:

«Правительства государств Тройственного пакта – Германия, Италия и Япония, с одной стороны, и правительство СССР, с другой стороны, движимые желанием учредить в своих естественных границах порядок, согласились в следующем:

Статья 1. В Тройственном пакте от 27 сентября 1940 года Германия, Италия и Япония согласились всеми возможными средствами противостоять превращению войны в мировой конфликт и совместно сотрудничать в деле скорейшего восстановления мира во всем мире… Советский Союз заявляет, что он одобряет эти цели и, со своей стороны, решает совместно с Тремя державами выработать общую политическую линию.

Статья 2. Германия, Италия, Япония и Советский Союз обязуются уважать естественные сферы влияния друг друга…

Статья 3. Германия, Италия, Япония и Советский Союз обязуются не входить в блоки государств и не придерживаться никаких международных блоков, направленных против одной из Четырех держав…»

Этот договор, пояснил Риббентроп, предполагается заключить на 10 лет. Сам договор будет, естественно, гласным, но со ссылкой на него может быть заключено секретное соглашение, определяющее территориальные интересы Четырех держав. Центр тяжести территориальных интересов Германии, без учета тех территориальных изменений, которые произойдут в Европе после заключения мира, находится в Центральной Африке. Центр тяжести территориальных интересов Италии, без учета тех территориальных изменений,

которые произойдут в Европе после заключения мира, находится в Северной и Северо-Восточной Африке. Интересы Японии должны быть уточнены по дипломатическим каналам. Центр тяжести интересов Советского Союза предположительно лежит южнее территории Советского Союза в направлении Индийского океана…

Германское правительство будет приветствовать готовность Советского Союза к сотрудничеству с Италией, Японией и Германией.

Поэтому созыв конференции министров иностранных дел Германии, Италии и Японии для подписания подобного соглашения становится основной целью. Кроме того, он хотел бы сказать господину Молотову следующее:

Как известно господину Молотову, он, Имперский министр иностранных дел, всегда проявлял особую заинтересованность в отношениях между Японией и СССР. Он бы очень хотел, чтобы господин Молотов сообщил ему, в каком состоянии эти отношения находятся в настоящее время.

О Японии мы не очень беспокоимся, сказал Молотов. Существуют надежда и уверенность, что теперь СССР и Япония добьются большего прогресса на пути к взаимопониманию. Отношения с Японией всегда были сложными противоречивыми. Тем не менее, сейчас есть надежные перспективы для нахождения взаимопонимания.

А вот что касается Турции, резко меняет тему Молотов и начинает говорить более жестко, то Советский Союз предполагает, что прежде всего должна быть достигнута договоренность о проливах. Германия и Советский Союз согласились с тем, что Конвенция, заключенная в Монтре, потеряла какой-либо смысл.

Вопросы, которые интересуют Советский Союз на Ближнем Востоке, продолжал Молотов, касаются не только Турции, но и, например, Болгарии, о чем уже подробно говорилось с фюрером.

В этот момент погас свет. Вскоре он зажегся, мигнул, снова погас и вновь зажегся. Налет англичан продолжался уже более полутора часов, вынудив высокие договаривающиеся стороны отсиживаться в бомбоубежище.

Риббентроп несколько смущенно извинился и ответил, что у него нет никаких комментариев относительно болгарского вопроса, кроме тех, которые господину Молотову уже были высказаны фюрером. У Германии, как уже неоднократно подчеркивал фюрер, нет территориальных интересов на Балканах. И вообще это вопрос второстепенный. Уже говорилось много раз, что основной вопрос заключается в том, готов ли Советский Союз и в состояния ли он сотрудничать с нами в деле ликвидации Британской Империи [30].

Поэтому и хотелось бы, чтобы господин Молотов прокомментировал поднятую перед ним проблему. И еще хочется напомнить господину Молотову, что тот должен ответить на вопрос, привлекает ли Советский Союз в принципе идея выхода к Индийскому океану.

Молотов понял, что большего от немцев он не добьется, а потому, что случалось с ним весьма редко, позволил себе пошутить. Видимо, на него определенным образом повлияло бомбоубежище. «Поскольку немцы считают войну с Англией уже выигранной, – заметил он, – и, Германия ведет войну против Англии не на жизнь, а на смерть, мне не остается ничего другого, как предположить, что Германия ведет борьбу на „жизнь“, а Англия – „на смерть“.

«Я вполне одобряю идею о сотрудничестве, – продолжал Молотов, – с той оговоркой, что стороны должны прийти к полному взаимопониманию».

В этот момент на угловом столике зазвонил телефон: Риббентропа известили, что налет окончен. Он предложил подняться наверх, но Молотов отказался, заявив, что в бункере более уютно. Подали кофе. Прощание получилось на удивление простым и сердечным. Риббентроп извинился за «этих свиней-англичан», которые вечно появляются незваными с одной только целью «плюнуть в суп». Молотов рассмеялся, заметив, что нисколько не

сожалеет о налете, так как благодаря ему имел исчерпывающую и сердечную беседу с Имперским министром иностранных дел.

Все уже хотели разъехаться, но вновь раздался телефонный звонок. Риббентроп взял трубку, и его лицо вытянулось: на город шла новая волна английских бомбардировщиков.

Глава 8. Политическая мастурбация

Исключительная наглость англичан, заставивших высокие договаривающиеся стороны большую часть времени провести в бомбоубежищах, требовала быстрого и жестокого наказания.

Как ни пытались немцы объяснить случившееся, из всех их объяснений вытекала совершенно нелогичная и даже довольно фантастическая картина: покойник устроил скандал как раз в тот момент, когда в Берлине главы советского и немецкого правительства обсуждали ритуал его похорон и отдавали предварительные распоряжения о разделе его имущества.

Пока скорый поезд Берлин-Москва мчал через Европу обратно в Москву находящегося не в самом лучшем настроении Молотова, 400 немецких бомбардировщиков, появившись в предрассветном небе над английским провинциальным городом Ковентри, обрушили на него 400 тонн фугасных и 56 тонн зажигательных бомб, а также 127 парашютных мин, чтобы блокировать реку Эван, впадающую в Бристольский залив. Несмотря на то, что авиа– и автомоторные заводы, станкостроительные предприятия и другие военные объекты находились на окраине Ковентри, удар люфтваффе обрушился на исторический центр города и жилые районы. Был разрушен прекрасный собор XIV века, в огне оказался весь деловой центр города, погибли 600 человек, ибо, как пояснил на следующее Геринг, налет не преследовал никаких других целей, кроме как целей возмездия за налеты английских бомбардировщиков на Берлин в предыдущие дни.

Англичане, сконцентрировавшие почти все силы ПВО в районе Лондона и своих аэродромов (главным образом, на юге страны), оставили провинцию фактически беззащитной от ударов с воздуха. Постепенно немецкая авиация, неся все увеличивающиеся потери, перестала штурмовать английские авиабазы, заменив их эффектными блицами над Лондоном. Но от этого потери меньше не стали. Перенос удара в английскую глубинку позволял минимизировать потери и в то же время продолжить громкую пропагандистскую кампанию на тему о блистательных победах немецкого оружия.

Налет на Ковентри подтвердил это. Все самолеты, кроме одного, упавшего в море из-за отказа двигателя, вернулись на свои базы. Такого уже давно не было!

Однако Гитлер выслушал радостный доклад рейхсмаршала с грустным и озабоченным выражением лица.

– Поздравляю вас, Герман, – тихо сказал он, – я рад, что разработанная вами новая тактика дала столь блестящие результаты. Я надеюсь, что она себя оправдает.

Хорошо и давно зная Гитлера, Геринг не нашелся что ответить. В поздравлениях фюрера явно звучала скрытая издевка. По дороге в свой штаб рейхсмаршал имел время подумать – так ли уж случайно Гитлер назвал Ковентри в качестве цели возмездия.

В последнее время Гитлер, по свидетельству его ближайших сотрудников, стал любить одиночество. Он мог часами прогуливаться по парку, выгуливая свою любимую овчарку Блонди. Одно из строжайших требований, предъявляемых личной охране фюрера, было требование оставаться незамеченными. Чтобы фюрер их не видел и не отвлекался от своих мыслей. Даже тем, кто имел претензии на личную дружбу с фюрером, вроде Гесса, Геббельса, Шпеера и Гиммлера. И у Евы Браун давно уже пропала охота прорываться через адъютантов, если Адольф решил побыть один. Заглядывавшие время от времени в кабинет дежурные офицеры или лакеи (не пожелает ли фюрер стакан подогретого молока с пирожным) чаще всего видели его сидящим, подпирающим голову ладонью, с широко

открытыми, почти не мигающими глазами, о чем-то думающим. Среди технического персонала полз слух, что таким образом фюрер общается с высшими силами, получая от них последние инструкции и заряжаясь космической энергией. Этот слух от техперсонала первыми узнали руководители партии и сделали вид, что об этом им известно давно. Известно было давно, но подобное поведение у Гитлера началось лишь с ноября 1940 года. Конечно, будучи романтиком, Гитлер покровительственно относился с всевозможным мистическим теориям, будь то теории Горбигера о космическом льде и высокой луне или гипотезы Гаусгоффера, расцвеченные цитатами из буддийских и тибетских учений, откуда фюрер чаще всего повторял: «В промежутке между сотворением и растворением Вишну-Геша покоился в собственной сущности, блистая спящей мощью среди семян будущих жизней». Правда, Гитлера иногда заносило и он почти по-ленински мог заявить, что «существует нордическая и национал-социалистическая наука, которая противопоставляется еврейско-либеральной науке». Иногда его заносило еще сильнее, когда он с блеском в глазах доказывал, что «так называемая земная поверхность, на которой мы все живем, на самом деле не выпукла, а вогнута. И мы живем внутри, как мухи в колбе». Неизвестно, шутил ли Гитлер и был неправильно понят теми, кто его услышал, либо действительно начитался разной горбигеровской фантастики, но именно это увлечение фюрера привело к тому, что сегодня, 16 ноября 1940 года, его настроение было напрочь испорчено.

Как-то он обсуждал эту теорию в присутствии Гиммлера и Гесса, которых так же, как и его, доктор Гаусгоффер учил мыслить самыми невероятными парадоксами. Неожиданно встал вопрос, а не проверить ли все это на практике? Гитлер согласился, что если бы существовал способ доказать подобную теорию, то это бы сокрушило все предыдущее человеческое мировоззрение, показав всему миру, что именно национал-социализм открывает человечеству дорогу в еще неведомое будущее.

В детали Гитлер не вдавался, а оказалось, что его друзья не бросали слов на ветер. В одной из секретных лабораторий Рейха были созданы первые радиолокационные станции, предназначенные для системы ПВО страны. Гесс и Гиммлер посчитали, что именно с их помощью легче всего и будет доказать теорию фюрера. Если земля не выпуклая, а вогнутая, то ближе всего к стенкам «колбы» подходят те места, которые принято считать арктическими и антарктическими. Достаточно доставить радары на высокую полярную широту, и они немедленно «прощупают» своими лучами стенки «инкубатора». Местом эксперимента был выбран полярный остров Ян-Майен, куда под конвоем двух эсминцев высадили секретную экспедицию во главе с доктором Рудольфом Францем. Доктор Франц был единственным человеком, посвященным в истинную цель экспедиции. Всем остальным сказали, что с помощью завезенной на остров аппаратуры будет осуществляться слежение за английскими кораблями в Скапа-Флоу. Именно в эту последнюю версию и поверила английская разведка, поскольку не успели ученые развернуть свою аппаратуру, как у острова появился английский линейный крейсер «Ринаун», одним своим грозным силуэтом заставив быстро ретироваться немецкие миноносцы. Под прикрытием «Ринауна» англичане высадились на острове и взяли в плен всю экспедицию вместе со сверхсекретной аппаратурой [31].

Но мало того, ни Гиммлер, ни Гесс не удосужились даже доложить об этом Гитлеру. Он узнал все от своего военно-морского адъютанта капитана 1-го ранга Путткамера!

Гитлер давно ловил себя на мысли, что Гесс, тот самый Гесс, с которым они еще в веймарской тюрьме поклялись в вечной дружбе, начал его раздражать. Главным образом своими выходками, на которые он не только не получал разрешения, но даже не брал на себя труд ставить о них в известность самого Гитлера. Например, Гитлер совершенно случайно узнает, что Гесс берет уроки полетов на новейшем истребителе «Мессершмит-109». Зачем? «Мой фюрер, – ответил Гесс, – идет война. И не исключено, что, может быть, мне лично придется защищать небо Германии, безопасность которого вы так опрометчиво доверили Герингу». «Я нисколько не удивлюсь, – откровенничал Геринг в кругу своих

штабных офицеров, – если однажды узнаю, что этот злобный гусь перелетел к противнику». Рейхсмаршал никогда не претендовал на роль пророка, а мог бы им стать…

Вот и сейчас, спрошенный, кто ему разрешил забрасывать на Ян-Майен экспедицию с секретной аппаратурой, Гесс, не моргнув глазом, потребовал стенограмму и на основании ее расплывчатых формулировок доказал, что в тексте звучит совершенно четкий приказ фюрера провести подобную экспедицию.

– Так почему, Гесс, – потирая рукой горло, хрипло спросил Гитлер, – вы ничего не доложили мне о результатах экспедиции?

– Я считал, мой фюрер, – сухо ответил Гесс, – что доложить об этом обязано было командование военно-морских сил. Ведь вся экспедиция организовывалась для нужд флота, и флот взял на себя обеспечение безопасности этого предприятия.

Ну конечно. Капитан 1-го ранга Путткамер и доложил об этом. Ведь именно он представляет при фюрере флот Германии. Обычно Гитлер со своими старыми друзьями и соратниками был очень отходчив. Наорет, бывало, потом сам обнимет со слезами на глазах, скажет что-нибудь вроде: «Старый товарищ (Альтер геноссе), дружище», и инцидент считал исчерпанным. И с Гессом сколько раз уже такое случалось. Но тут Гитлер понял, что в последнее время Гесс стал так его раздражать: у того появилась привычка при каждом удобном случае в разговорах с Гитлером обязательно, как бы случайной фразой, подставить кого-нибудь под гнев фюрера. То Геринга, то Бормана, то доктора Тодта, то руководителя Гитлерюгенда Шираха, то любимца Гитлера Шеера, то гроссадмирала Редера. Последнего особенно часто. Гитлер даже как-то поинтересовался, не хочет ли Гесс сам занять место главнокомандующего военно-морскими силами? Гесс сухо отказался, заявив, что у него, как у заместителя фюрера по партии, своих дел по горло.

Но Гитлер хорошо знал, что происходит с его старым другом. Секретные осведомительные сводки, составляемые для него 6-м управлением (СД) службы безопасности, говорили, что Гесса выбила из колеи продолжающаяся война с его любимой Англией. Он не стесняясь называет эту «братоубийственную войну двух германских нордических народов» безумием, спровоцированным евреями настолько явно, что он, Гесс, не понимает, как фюрер мог на такую провокацию поддаться? Если войска рейха вторгнутся в Англию, это будет означать конец цивилизации германских народов и полное торжество мирового еврейства. Не понимает дружище Рудольф, что Англия и ее огромная империя сама по себе есть продукт мирового еврейства еще с тех пор, как королева Елизавета-девственница разрешила свободное строительство синагог в своих владениях, быстро сокрушив таким простейшим способом Испанию и основав заокеанскую колонию. Колония, названная в ее честь Вирджиния (Девственница), стала зародышем Соединенных Штатов, где в 1588 году вместе с первой пуританской деревянной церковью была построена каменная синагога…

Далеко смотрела великая королева-девственница. Что было бы с нынешней Англией, если бы не существовало Соединенных Штатов? Могла бы она в одиночку противостоять Германии и столь гордо и нагло отвергать все искренние мирные предложения?

Гитлер очень надеялся, что на выборах 1940 года Соединенные Штаты наконец выберут нового президента, с которым хоть как-то удастся договориться и он не будет проводить столь откровенно антигерманскую политику, как Франклин Рузвельт. Тем более что тот уже отсидел в президентском кресле два полных срока, но тем не менее выдвинул свою кандидатуру на третий срок – небывалое событие в истории Америки! Не слишком ли много для инвалида с парализованными ногами?!

По приказу Гитлера Германия тайно израсходовала более 10 миллионов долларов в поддержку главного соперника Рузвельта, кандидата от Республиканской партии Уэнделла Уилки. Вся избирательная кампания Уилки строилась на обвинении Рузвельта в том, что тот,

уже почти не маскируясь, втягивает Соединенные Штаты в войну на стороне Англии. Он разоблачал Рузвельта как поджигателя войны, пугал американцев предупреждениями о том, что голоса, отданные Рузвельту, превратятся в деревянные кресты для их сыновей, мужей и братьев. Срывая голос на митингах, Уилки кричал, что «в случае победы Рузвельта мы не позднее чем через пять месяцев окажемся вовлеченными в иностранную войну».

Это действовало на людей, но что самое странное, Рузвельт и не пытался опровергнуть своего соперника. Напротив, стержнем своей предвыборной программы он сделал призыв к американцам не менять опытного президента и его «сыгранную» команду на новичка в такое грозное и неопределенное время, когда полыхающая в Европе война в любой момент может своим огнем опалить и Соединенные Штаты. Институт Галлапа предрекал ему поражение, и Гитлер искренне надеялся, что именно так и произойдет.

Но так не произошло. Рузвельт победил, и его заявления сразу после прошедших 6 ноября президентских выборов не оставляли сомнений в курсе его будущей политики: в первый же удобный момент встать рядом с Англией в борьбе против Гитлера. Не против Германии, а именно против Гитлера. Немецкая разведка, весьма вольготно чувствующая себя на территории Штатов (ФБР следит за ними, но никого не задерживает из-за мягкости законов мирного времени в США. В первый же день войны вся немецкая разведсеть в США будет ликвидирована), сообщает интересные подробности. До сих пор за весь поток грузов, что хлынул с начала войны из США в Англию, англичане платили наличными, и теперь в отношении долларовых ресурсов Великобритания стояла на грани банкротства. Было очевидно, что Англия не могла бы продолжать борьбу, не получая поставок из США. Но по американскому закону «плати наличными и вези сам» она не могла получать никаких поставок, не располагая долларами. И вот Рузвельт, чуть ли не на следующий день после своего третьего избрания в президенты, если верить разведке, сообщил: «Мы предоставим англичанам все необходимое для ведения войны в аренду или взаймы».

Рузвельт употребил английское слово «лендлиз», и до Гитлера тогда не дошел весь зловещий смысл этого вполне мирного слова.

Но он хорошо понял, что его надежды на быстрое истощение Англии несбыточны, а ждать, когда истощатся Соединенные Штаты, глупо.

Схема для Гитлера была ясной: за Черчиллем встал Рузвельт, о чем он не подумал в сентябре 1939 года, а за Рузвельтом стоят евреи. А это значит, что он будет в любой момент иметь Соединенные Штаты в качестве противника в войне, отлично понимая, что такую войну, где в союзе выступают Англия и США, ему никогда не выиграть. Хотя ее как-то можно будет свести вничью, если страну не охватит паника, как в 1918 году.

Летом этого года, когда армия наступала во Франции, сокрушив Париж и сбросив в море английский экспедиционный корпус, Гитлер, находясь в своей ставке на франко-бельгийской границе, принял там американского журналиста, корреспондента нью-йоркской газеты «Джорнел Америкен» Карла фон Вейганда. Это был очень необычный поступок. Гитлер вообще не любил давать интервью, в ставке же этого не делал никогда. В течение всей кампании ни один журналист не мог пробиться не только к самому Гитлеру, но даже к его пресс-секретарю Дитриху. Но Вейганда в штаб-квартиру фюрера привел Риббентроп по просьбе самого Гитлера. Состоялась продолжительная беседа. На следующий день Гитлер внимательно прочел весь текст интервью, чего раньше тоже никогда не делал. Это было своего рода обращение к Соединенным Штатам – по его мнению, логичное и впечатляющее. Он просил американцев заниматься Америкой, а Европу предоставить европейцам. Он особо подчеркнул, что не собирается и не хочет уничтожать Британскую Империю. Он хочет только мира. Однако это заявление не произвело ни на кого в Америке особого впечатления и прежде всего на Рузвельта, который назвал его «разглагольствованием гангстера над трупом своей жертвы в надежде произвести впечатление на присяжных будущего суда, который неизбежен».

Каждое утро Гитлер ждал каких-нибудь новых сюрпризов от Рузвельта. В портах Германии и оккупированных ею стран стояло немало торговых судов под звездно-полосатым флагом. Гитлер ждал сообщения, что какое-то американское торговое судно взлетело на воздух в одном из немецких портов вместе со всей командой. Он ясно представлял себе шапки американских газет, требующих немедленного возмездия, скорбное лицо президента, подписывающего Акт о Войне, и злорадные еврейские ухмылки вокруг него.

Боялся ли он этого? О нет! Пусть Америка вступает в войну против него, пусть все рушится, как в «Гибели богов» Вагнера.

Бесило не это. Бесило то, что он ясно видел угрозу, но ничего не мог предпринять, чтобы ее предотвратить. 28 сентября этого года Рузвельт протащил через Конгресс закон о воинской повинности и получил 4 миллиарда 800 миллионов долларов «на программу оборонительных мероприятий», включающую строительство такого количества кораблей и самолетов, от которого захватывало дух. Недавно (8 ноября), выступая в Мюнхене, Гитлер вынужден был признать: «Что касается размеров производства в Америке, то их нельзя выразить даже в астрономических цифрах. Поэтому в данной области я не намерен конкурировать с Америкой». А если он не намерен конкурировать с Америкой в области производства вооружений, то в чем он вообще может конкурировать?

Его конструкторы не в состоянии были создать серийную модель стратегического бомбардировщика, а Америка уже построила тысячи таких машин. Они уже тайно концентрируются в Англии, а в штабах разрабатывается концепция стратегических бомбардировок Германии и делаются все расчеты уничтожения всей германской промышленности в течение полутора-двух лет.

Гитлер понимал, что это не простые угрозы. Англия в своей истории проиграла много сражений, но никогда не проигрывала войн. Особенно сейчас, когда за ее спиной все более ясно вырисовывается мощный силуэт Соединенных Штатов, не уязвимых ни для каких средств нападения, которыми обладает Гитлер. Нельзя сказать, что фюрер не прилагал никаких усилий, чтобы предотвратить угрозу Германии со стороны США. Сразу же после прихода к власти, сбитый с толку (как и многие другие) возможностями, предоставляемыми американской демократией, Гитлер был одержим идеей «германизации» Соединенных Штатов. Идея основывалась на том, что в любой энциклопедии можно было почерпнуть данные о проживании в США 30 миллионов человек немецкого происхождения. Чуть ли не половина того, что живет в самой Германии – 30 миллионов! Достаточно свергнуть правительство Соединенных Штатов, а для управления страной назначить гауляйтера – либо присланного из Берлина, либо из американцев немецкого происхождения. Именно это доказывал фюреру фанатик идеи «германизации» Америки и автор книги «Унзер Америка» («Наша Америка») доктор Колин Росс. По его словам, эти 30 миллионов «представляют собой огромный резервуар „арийской“ живой силы», готовой быть мобилизованной по приказу фюрера и образовать германскую армию на американской территории. Росс был уверен, что при условии правильной организации германские легионы сумеют вскоре осуществить успешный нацистский путч. Победный марш национал-социализма по Германии кружил головы, заставляя мечтать о мировой арийской революции. Гитлер благосклонно поддерживал Росса, а Геббельс, увлеченный этой идеей не меньше самого Росса, написал целую серию статей о неизбежной «германизации» Америки, легкомысленно заявляя, что «нет ничего легче, чем совершить кровавую революцию в Северной Америке… Ни в одной стране нет такого количества социальных и расовых противоречий». Как и их коллеги в Москве, нацисты не жалели денег на мировую революцию. Как по волшебству, в США начали возникать руководимые из Берлина организации американцев немецкого происхождения: «Лига друзей новой Германии», «Организация гитлеровской молодежи», «Союз германских девушек», «Служба порядка», «Северо-американский союз германских солдат» и тому подобное. Был назначен и гауляйтер – Эрнс Вильгельм Боле – молодой авантюрист,

родившийся в Англии и выросший в Южной Африке, получивший позднее повышение «Гау-Аусляндд», т. е. ставший гауляйтером всех немцев, проживающих за границей Рейха. Действуя из своей берлинской штаб-квартиры на Тиргартенштрассе, 4, Боле энергично взялся за «нацификацию» всех немцев за пределами Германии. Выступая в 1935 году на нюрнбергском съезде нацистской партии, Боле поведал на весь свет:

«Сейчас мы переживаем разгар борьбы за создание нацистской Германии за границей… Мы знаем лишь одно понятие – абсолютного немца, который всегда и везде остается немцем и только немцем. Это же делает его нацистом. Кровь должна быть сильнее паспорта!»

Надо отдать справедливость Боле – его кипучая деятельность дала отличные результаты практически везде, кроме Соединенных Штатов. Наоборот, американское правительство использовало возможность внедрить через многочисленные нацистские организации свою агентуру практически во все структуры третьего рейха, включая Рейхсканцелярию и главное имперское управление безопасности.

К концу 1940 года, когда в США был принят закон о воинской повинности и 5 сентября американское правительство передало англичанам 50 (пятьдесят) эскадренных миноносцев якобы в обмен на какие-то английские базы в Западном полушарии, в Берлине поняли, что к Соединенным Штатам нужно применять более простые и дешевые методы воздействия.

12 сентября сильный взрыв потряс штат Нью-Джерси. Взорвался пороховой завод фирмы «Геркулес» в Кенвиле. Погибло 52 человека, 50 были тяжело ранены. Убыток исчислялся в несколько миллионов долларов.

Это было как бы начало. Затем наступила пауза – в Берлине ждали результатов выборов.

Когда же 5 ноября Рузвельта переизбрали президентом в третий раз и в Берлине все поняли, что пошли прахом их поистине титанические усилия и огромные деньги, президента США решили поздравить мощным салютом сразу нескольких диверсионных организаций.

12 ноября 1940 года с разницей в 20 минут прогремели оглушительные взрывы на трех военных заводах в штатах Нью-Джерси и Пенсильвания. В Вудбридже (штат Нью-Джерси) взрывами были уничтожены два заводских корпуса фирмы, выпускающей торпеды и средства связи для нужд флота США. В Эдинбурге (штат Пенсильвания) взорвался пороховой завод фирмы «Американ сианамид энд кемикл корпорейшн», а в Алентауне (тоже в Пенсильвании) взрывом был уничтожен пороховой завод фирмы «Троян паудер». Погибло 16 человек, многие были ранены. Взрывы произошли в 8 часов, в 8 часов 10 минут и в 8 часов 20 минут утра. Комментируя эти события, военный министр Генри Стимсон отметил, что все это «наводит на мысль о тевтонской методичности».

В тот же день, 12 ноября, таинственным образом рухнул мощный кран на судостроительной верфи в Сан-Франциско, а в городе Атланта (штат Джорджия) пожаром был уничтожен городской зал собраний, где временно складировалось военное имущество на сумму в миллион долларов.

Диверсионная кампания, сменившая пропагандистскую, уже не ставила перед собой цели радикального изменения курса внешней политики Соединенных Штатов. Самим началом подобных акций немцы как бы признавали свое поражение, ставя перед своей агентурой более мелкие задачи – нанести потенциальному противнику максимально возможный урон еще до официального начала военных действий, приближая их с каждой новой диверсией и делая совершенно неизбежными.

Пакт, заключенный 27 сентября между Германией, Италией и Японией, обязывавший их к совместным действиям, если какая-либо из этих держав подвергнется нападению со стороны государства, еще не участвующего в войне, был с совершенной очевидностью направлен против Соединенных Штатов, но служил малым утешением из-за полной никчемности итальянцев и азиатской ненадежности японцев [32].

Не говоря уже о том, что оба приобретенных Германией союзника были нищими, не знающими, по циничному выражению заместителя государственного секретаря США Саммнера Уэллеса, что они будут есть завтра и будут ли есть вообще.

Теоретически Ось Берлин – Рим – Токио приобрела бы совершенно другой характер, если бы к ней удалось пристегнуть Москву. Тогда против англо-американского блока удалось бы создать столь мощную евроазиатскую коалицию с практически неограниченными экономическими и людскими ресурсами, что можно было бы не только не бояться американского шантажа, но и с самими Штатами (не говоря уже об Англии) говорить на лучше всего понимаемом всеми языке силы.

В какой-то момент Гитлер сам искренне поверил, что Сталина удастся убедить присоединиться к пакту трех держав и принять участие в разделе мира, при котором СССР предназначалось преимущественно юго-восточное направление – Персидский залив, Ближний Восток, Индия. Так рекомендовали Гитлеру его советники, убедив, что именно эти регионы уже по меньшей мере 200 лет являются наиболее вожделенными для всех русских правителей, начиная с Екатерины II и кончая Сталиным.

Делить мир после развала Британской империи по серьезному счету можно было только со Сталиным. Так уж сложилось, что больше просто не с кем. Ради этого можно было и отказаться от его, гитлеровской, очень туманно сформулированной «антибольшевистской миссии» и использовать Сталина для быстрого и эффективного развала Британской империи. Другими словами, использовать Сталина фактически для той же цели, для какой Сталин рассчитывал использовать Гитлера – для развала Британской империи и всей мировой капиталистической системы. Чего же хочет Сталин?

1. Он хочет оккупировать всю Финляндию.

2. Он хочет ввести войска в Болгарию.

3. Он хочет распоряжаться турецкими проливами. Не владеть ими, а только их контролировать.

В конце концов на все это можно было бы согласиться, пусть поэтапно, но лишь бы заполучить СССР в Ось.

Если же Сталин, как следует из многих разведывательных сводок, ведет собственную дьявольскую игру, ожидая удобного момента для нападения на Германию, то следует выиграть еще хотя бы полгода, чтобы развернуть на восточных границах достаточно сил и превратить эти границы в сплошную линию фронта.

Но тогда обстановка становится не просто критической, а катастрофической. Германия попадает в гигантские тиски между США и Англией на западе, и сталинскими ордами на востоке, лишаясь при этом фактически единственного источника стратегического сырья и материалов. Источника, благодаря которому удалось победно отвоевать первый год войны и накопить ресурсы еще года на полтора.

Если Сталин из дружеского нейтрала превратится не в союзника, а в противника, то положение станет просто безвыходным. Это предопределит крушение всех планов фюрера и уничтожит Германию как государство.

«Всем дипломатическим миссиям и службам.

Берлин 15 ноября 1940 г.

Беседы между германскими и советскими правительствами по случаю нахождения в Берлине Молотова велись на базе договоров, заключенных в прошлом году, и завершились окончательным соглашением обеих стран твердо и решительно продолжать в будущем политику, начало которой положили эти договоры. Кроме того, беседы послужили целям координации политики Советского Союза и стран Тройственного пакта».

В том же духе было выдержано и советское «Коммюнике о переговорах В. М. Молотова с руководителями германского правительства», опубликованное в «Правде» от 15 ноября 1940 года:

«Во время пребывания в Берлине в течение 12-13 ноября сего года Председатель Совета Народных Комиссаров и Народный Комиссар Иностранных Дел т. В. М. Молотов имел беседу с рейхсканцлером г. А. Гитлером и Министром Иностранных дел г. фон Риббентропом. Обмен мнениями протекал в атмосфере взаимного доверия и установил взаимное понимание по всем важнейшим вопросам, интересующим СССР и Германию…»

18 ноября советская пресса опубликовала фотографии Молотова и Гитлера, снятые в здании новой Имперской Канцелярии. Лицо Молотова, как обычно, не выражало ничего. На лице Гитлера играла одна из его напряженных змеиных полуулыбок со смесью страха, раздражения и усталости, как (по словам «Нью-Йорк Таймс») у владельца сомнительного предприятия, к которому внезапно нагрянул налоговый инспектор. И только Риббентроп пытался казаться радостным, хотя у него это тоже плохо получилось.

Товарищ Сталин тоже пребывал не в самом лучшем настроении. Вождя всех народов начали проверять на прочность собственные дети. Вообще неизвестно, имеет ли право вождь обзаводиться детьми, по крайней мере законными? Предыдущие «отцы нации» вроде Петра Великого и особо любимого Сталиным Ивана Грозного поимели от своих детей столько неприятностей, что могли бы послужить хорошим примером для грядущих поколений. В только что вышедшем в СССР фильме «Петр I», прокрученном в личном кинозале Сталина, на вождя особое впечатление произвели кадры убийства великим преобразователем собственного сына Алексея. У Ленина, как известно, законных детей не было. Была Иосифу Виссарионовичу еще покойным Ягодой подсунута справка, что один из сыновей Инессы, работающий в ЦК ВЛКСМ, распускает слух, что отцом его был сам Ильич. На это указывало и некоторое сходство с вождем мирового пролетариата, особенно подчеркнутое ранней лысиной, а также бородой и усами «а-ля Ильич». Сталин вникать не стал, а приказал ликвидировать, что и было сделано.

У Гитлера детей тоже не было, ибо он постоянно повторял, что обручен с Германией.

У Сталина же дети были – целых трое от двух жен: два сына и дочь.

Первым преподнес сюрприз старший сын Яков, женившись на одесской еврейке Юлии Мельцер, что должно было поднять целую бурю в немецкой печати, не будь эта буря остановлена по личному указанию доктора Геббельса. Гнев вождя был страшен – в момент столь сложной игры с Гитлером заиметь родственницу-еврейку было равносильно крупному дипломатическому провалу. При других обстоятельствах при подобном гневе вождя полетело бы немало голов, но гнев, направленный на собственных детей, – это скорее гнев, направленный против самого себя, и результироваться может только в преждевременном инфаркте [33].

Не успел Сталин немного прийти в себя от этой истории, произошедшей в начале года, как в конце октября второй сын Василий, также не поставив отца даже в известность, женился на какой-то Галине Бурдонской, уверяющей, что она происходит от заблудившегося французского солдата наполеоновской армии. Делать снова было нечего. Пришлось даже разрешить молодым жить в Кремле. Василию была передана секретная рекомендация отца: чтобы его жена ради собственного благополучия не попадалась на глаза вождю.

Вождь тоталитарного государства – это всегда не столько государственный деятель, сколько глава клана – семьи, и, естественно, он не желает, чтобы в «семью» попадали случайные люди, тщательно следя за «амурными» похождениями всех своих соратников-сообщников, дабы их вовремя пресечь. Не говоря уже о собственных детях, если уж ты столь легкомысленно ими обзавелся. Сталин уже с некоторым страхом поглядывал на свою

четырнадцатилетнюю дочь Светлану, справедливо подозревая, что главные сюрпризы еще впереди [34].

Сидя в своем кабинете в Кремле, Сталин, как и Ленин, неизменно начинал свой рабочий день с просмотра «Правды». Усилиями Сталина, который был фактически главным редактором газеты, «Правда» превратилась в партийный официоз, в котором ни одно слово не печаталось без глубокой смысловой нагрузки. Дело было только в том, что «Правда» давно уже перешла на «новоречь», и порой расшифровать какую-нибудь заложенную в информацию мысль было сложнее, чем понять великий смысл откровений Шивы. Как раз во вчерашней «Правде» от 16 ноября было помещено очередное «Опровержение ТАСС», где с возмущением опровергалось сообщение какой-то неназванной американской газеты, что Япония предложила Советскому Союзу всю Индию в обмен на Восточную Сибирь.

Смыслом этого трюка, по замыслу Иосифа Виссарионовича, было: во-первых, дать понять немцам, что мы Индию можем прибрать к рукам и без вас; во-вторых, дать понять немцам, англичанам и американцам, что у нас с японцами существуют такие тайные отношения, которые вам и не снились. И нам есть с кем перекраивать карту мира, поскольку, как известно, Индия Японии пока еще не принадлежат, а на Восточную Сибирь Япония давно зарится.

План вооруженного захвата Индии Красной Армией существовал еще с ленинских времен и был составлен одним их наиболее блестящих стратегов, доставшихся большевикам в наследство от «проклятого» прошлого, генералом Брусиловым.

Индией товарища Сталина было не удивить, равно, как и Персидским заливом. Удивить было нельзя и соблазнить тоже.

Сталину нужна была Европа, поскольку, если она будет захвачена, всем этим экзотическим странам просто деваться будет некуда, кроме объятий Советского Союза, превратившись по методике идеологического отдела ЦК ВКП(б) в «братьев навек».

Молотов вернулся в Москву вместе с Деканозовым, который представил Сталину аналитический доклад советского посольства в Берлине с прогнозированием политики Германии в обозримом будущем. В отчете, в частности, указывалось: «Привлечение СССР на сторону Германии является основой внешнеполитического плана Германии, нацеленного на быстрейшее победоносное окончание войны с Англией».

Сталин поинтересовался у Молотова и Деканозова, каково их мнение относительно подобного вывода нашей берлинской резидентуры. Поскольку этот документ пришел по линии НКИДа, подобного вопроса можно было и не задавать: оба были совершенно согласны.

Настроение Сталина улучшилось. Было приятно видеть, что Гитлер его боится. И правильно делает, что боится. Япония также вряд ли будет способна нам помешать.

В общем и с Японией, и с Соединенными Штатами можно будет договориться. Но лучше всего, конечно, стравить эти страны друг с другом в борьбе за гегемонию в юго-восточной Азии и в бассейне Тихого океана. Японцам, конечно, никогда Америку одним не победить, как бы ни пыжились. Но и изнеженным американцам никогда не победить столь суровых и аскетических воинов, какими являются японцы. А потом уж мы посмотрим, кому из вас помочь первым стать «советской республикой». Ленин еще в 1917 году пророчествовал: «Вы знаете, что война между Америкой и Японией уже готова, она подготовлена десятилетиями, она не случайна; тактика не зависит от того, кто первый выстрелит». И уже почти готов план, как провести в жизнь очередное гениальное предвиденье великого вождя.

Так будет лучше.

Им тогда будет не до обсуждения действий Сталина.

В принципе, решает Сталин, нет ничего страшного, если мы согласимся примкнуть к пакту трех держав. На тех условиях, конечно, которые товарищ Молотов уже изложил

Гитлеру и Риббентропу. Но независимо от немецких предложений, мы должны начать давление на Болгарию и Турцию. Ввод войск в Болгарию и контроль над проливами должны стать ближайшей задачей нашей дипломатии. Пока дипломатии…

Кабинетная работоспособность Сталина поражала современников. Горы бумаг, ежедневно доставляемых из секретариата и касающихся самых разнообразных вопросов жизни огромной страны, всегда возвращались либо с четкими резолюциями, либо в виде решений ЦК и СНК.

«Совершенно секретно

Постановление СНК СССР.

5 ноября 1940 г.

О комплектовании школ и училищ летчиков ВВС Красной Армии.

Для обеспечения комплектования школ и училищ летчиков ВВС Красной Армии Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Обязать Центральный Совет Осоавиахима подготовить дополнительно для НКО в системе Осоавиахима 20 000 летчиков.

2. Обязать Начальника Главного Управления Гражданского Воздушного Флота подготовить для НКО в системе ГВФ 10 000 летчиков…»

В годы первой мировой войны Англия была вынуждена свернуть свою программу военного кораблестроения по одной простой причине: новые корабли, на которые были выделены средства, некем было комплектовать. Не хватало обученного личного состава. И вот Советский Союз столкнулся с аналогичной проблемой. Гигантская программа, находящаяся на личном контроле у товарища Сталина, а потому неукоснительно выполняемая, готова была к лету 1941 года обеспечить Военно-воздушные силы страны 150 тысячами боевых машин, но летчиков катастрофически не хватало.

Сталин, обмакнув ручку в чернильницу, написал резолюцию: «т. Рычагову. Попытайтесь найти дополнительные резервы. И. Сталин».

Не хватало не только летчиков. Масштабность развертывания вооруженных сил в стране привела к тому, что куда ни кинь – везде нехватка людей. Точно так же не хватает подводников, танкистов – особенно механиков-водителей, связистов, военных врачей – почти по всей номенклатуре военных специальностей.

Это безобразие произошло из-за невыполнения на местах Постановления ЦК еще от ноября 1939 года, где всем обкомам, горкомам и райкомам (сельским) ВКП(б) предписывалось развернуть агитационную кампанию по замещению женщинами профессий, традиционно считавшихся мужскими. Никто из этого даже не делал особой тайны. По кинотеатрам страны потоком полилась кинохроника: бригада женщин-проходчиц на шахтах Кузбасса и Донбасса с кирками и отбойными молотками, молодые, задорные, красивые, кокетливые, хотя и перемазанные угольной пылью.

Сталину особенно запомнился сюжет, как одна милая девчушка, поднявшись из забоя, переоделась и пошла выступать в балетной труппе самодеятельности. Как она порхала по сцене легко и непринужденно. Он даже хотел было пригласить ее в Кремль, но за делами забыл проконтролировать. Бригада женщин на лесоповале с пилами и топорами идет на работу, взяв повышенные обязательства, и поет песню: «Широка страна моя родная…» Волжское грузовое судно, укомплектованное одними женщинами от капитана до матроса-уборщика. Сталин даже консультировался с моряками: нельзя ли и на морских судах заменить экипажи женщинами? Нельзя, говорят. На море специфика другая, не справятся. Но ведь есть уже капитаны дальнего плавания – женщины. Щетинина, например. Это

исключение. Врут, наверное. Консерваторы, блюдут традиции. Надо будет этим вопросом заняться как следует. В сельской местности много легче. Женщины в поле, женщины на фермах, женщины на тракторах. Одни женщины. По последней справке, за неполные 11 месяцев 1940 года из колхозов и совхозов без особого шума и огласки удалось изъять 760 тысяч мужчин до 30 лет. Тут, кажется, все в порядке. А в городах все на поверку оказалось сплошной показухой. Все эти женские пароходные, паровозные, шахтерские и лесорубные бригады – чистой воды эксперимент. Бригады существуют либо в одном экземпляре, либо вообще не существуют. Сталину подсовывают художественные фильмы за документальные. Был донос даже, что девушка-забойщица и девушка-балерина – разные люди, снятые в совершенно разных местах. Он обратил на это внимание товарищей. Товарищи глаза потупили, но твердо сказали: в промышленности женщинами можно заменить лишь неквалифицированную рабочую силу. Квалифицированных рабочих, товарищ Сталин, нужно готовить дольше, чем пилотов истребителя. «Можете меня расстрелять, – прямо заявил ему нарком авиационной промышленности Шахурин, – но ни одного рабочего высокой квалификации я вам не отдам даже в военное время». Расстрелять его, конечно, никогда не поздно, но товарищ Шахурин прав.

Правда, был еще ГУЛАГ в качестве резерва рабочей силы. Сталин приказал предоставить ему справку о наличии заключенных. Берия долго с этим делом тянул, ссылаясь на то, что Ежов столько насажал – не разобраться. Пришлось Лаврентия спросить: не хочет ли он сам прогуляться в ГУЛАГ и посчитать там заключенных лет десять. На следующий день принес справку:

«ГУЛАГ: наличие на 01.11.40 г. – 3 729 258 чел., спецлагеря НКВД: наличие на 01.11.40 г. – 4 475 504 чел. Итого 8,2 миллиона человек. В ожидании приговоров находятся примерно 2,8 миллиона человек, согласно Вашему указанию по разнарядке на 1941 год».

11 миллионов человек отсиживаются по тюрьмам и лагерям, не участвуя вместе со всем народом в великом созидательном процессе.

Он, Сталин, всегда считал это ненормальным. И несмотря на некоторое сопротивление товарищей, разрешил освободить много военных, особенно моряков.

Секретная оперативная сводка, которую вместе со сводными цифрами предоставил ему Берия, показала, однако, что из находящихся в ГУЛАГе работают исключительно крестьяне, попавшие в лагеря главным образом по закону «семь-восемь» от 7 августа 1934 года за хищение социалистической собственности, и работяги с заводов, посаженные за то же самое плюс экономический саботаж. Они и составляют большую часть населения ГУЛАГа, работают на износ, многие мрут через месяц, но норму в целом выполняют. 58-я статья – разные болтливые интеллигентики – работает, но толку от нее мало. Мрут, а производительности почти никакой. Конечно, работать – это не языком болтать. Надо было всем давать «десять лет без права переписки» и не тратить на них народные средства. Добрую треть находящихся в зонах составляют уголовники.

Эти вообще не работают – уголовный «закон» работать запрещает. Зачем же таких людей держать в лагерях, если они все равно не работают? Сталин поговорил с Берия, Меркуловым и другими знающими товарищами и решил провести смелый социальный эксперимент: предложить уголовникам искупить свою вину перед Родиной службой в армии. Сформировать из них дополнительные воинские контингенты и бросить их в бой под командованием лагерников-командиров, которых еще достаточно за колючей проволокой. Кстати, многие уголовники ранее уже служили в армии, так что с их обучением не возникнет больших проблем. А свои уголовные привычки они смогут проявить при общении с местным населением тех стран, которые окажутся на пути «пролетарских батальонов».

Некоторые товарищи сомневались в целесообразности подобного мероприятия. При столкновении с открытой опасностью уголовники склонны впадать в истерику и панику. А

паника заразительна. Ничего, на этот случай будут созданы спецчасти НКВД, которые уже хорошо показали себя во время зимней войны с финнами.

Военные, чувствуется, не были убеждены до конца, но возражать, естественно, не осмелились. Более того, генерал Мерецков предложил за счет пополнения армии уголовниками часть общевойскового личного состава переучить на танкистов, летчиков, подводников.

Идея показалась перспективной. Но пока все это были проекты. Конечно, вспомнил он об уголовниках не от хорошей жизни. С удовольствием бы обошелся без них, но еще маршал Шапошников ему объяснил, что существует критическое число призванных под ружье – не более полутора процентов от числа дееспособного мужского населения. Иначе начнет разваливаться промышленность и вообще вся экономика. Поэтому необходимо создать не менее важные, чем армейские резервы, резервы трудовые. Желательно из лиц допризывного возраста, т. е. из подростков.

Ленин, конечно, намудрил со своим лозунгом «Учиться, учиться и учиться». Все предпочитали учиться, никто не хотел работать. Ну конечно, не так чтобы никто. Но все это было до безобразия предоставлено на свободный выбор. Хочешь – иди в вуз, хочешь – в училище (а их за последние годы стало видимо-невидимо на любой вкус), хочешь – на завод. На завод, разумеется, шли в последнюю очередь. Подобная практика была настолько явно порочной, что дольше не могла быть терпимой. В октябре 1940 года был опубликован указ «О государственных трудовых резервах», а товарищу Сталину представлен проект положения о создании «Главного управления трудовых резервов». Управление должно подчиняться непосредственно Председателю Совета Народных Комиссаров товарищу Молотову.

В ведение Управления передается 1551 учебное заведение. В эти заведения, именуемые ремесленными и фабрично-заводскими училищами, производится принудительный набор подростков мужского и женского пола в возрасте 14 лет. В проекте предлагалось сделать подобное обучение платным.

Красным карандашом Сталин искромсал проект. Обучение бесплатное – дважды подчеркнул он, добавив «в сочетании с выполнением производственных норм». Мало того – «бесплатное питание и обмундирование». У Сталина была тяга к униформе не меньшая, чем у Николая I. Все в стране постепенно одевались в униформу: железнодорожники, речники, шахтеры, а теперь – подростки, на долгие годы получившие название «ремесленников».

Сталин никогда не был идеалистом и романтиком. Он отлично понимал, что задуманная им военно-тюремная система подготовки «трудовых резервов» на принудительной основе вряд ли вызовет много энтузиазма как у самих подростков, так и у их родителей. Поэтому он собственноручно приписал тем же красным карандашом: «Предусмотреть уголовную ответственность за уклонение и побег», явно давая понять, что рассматривает всю систему «трудовых резервов» в качестве предбанника ГУЛАГа и РККА. И пометил – 10 лет. Это поймут все.

«Совершенно секретно»

«Постановление ЦК ВКП(б) О песне тт. Френкеля и Покрасса „Принимай нас, Суоми-красавица“.

…Временно до особого распоряжения прекратить исполнение по радио, со сцен и в строю песни тт. Френкеля и Покрасса «Принимай нас, Суоми-красавица…»

Сталин зачеркнул в постановлении слова «изъять из песенников», написал резолюцию: «До августа 1941 года» [35].

«Совершенно секретно.

Постановление ЦК ВКП(б) о Временном изъятии куплета песни из кинофильма «Если завтра война».

…Временно до особого распоряжения прекратить исполнение по радио, с киноэкрана, со сцен и в строю следующего куплета песни т. Френкеля из кинофильма «Если завтра война»:

«Кто Родине нашей грозится войной,

Тот будет сражаться со всею страной.

Лишь землю родную затронет фашист,

Станет танкистом любой тракторист».

«Совершенно секретно.

Постановление ЦК ВКП(б) о Временном изъятии слова «самураи» из песни «Три танкиста» в кинофильме «Трактористы».

…Временно до особого распоряжения заменить в песне «Три танкиста» в кинофильме «Трактористы» слова «самураи» словами «вражья стая» и только в таком виде исполнять песню по радио, с киноэкрана, со сцен и в строю, а также провести соответствующие исправления в песенниках».

Ожидался приезд министра иностранных дел Японии Мацуока, на который возлагались большие надежды.

«Совершенно секретно.

Постановление ЦК ВКП(б) о Временном прекращении исполнения песни т. Когана «Мы еще дойдем до Ганга».

…Временно до особого распоряжения прекратить исполнение по радио, со сцен и в строю, а также исключить из песенников песню т. Когана:

«А мы еще дойдем до Ганга,
а мы еще умрем в боях,
Чтоб от Японии до Англии
сияла Родина моя!»

Хороший комсомолец товарищ Коган. И ведь не в 1918 году эту песню сочинил, а в 1940-м. Сталин вздохнул и наложил резолюцию: «До августа 1941 года».

Внутренние дела, заставляющие постоянно держать руку на пульсе огромной страны, не пропуская без своего ведома ни одной книги (некоторые смелые писатели шлют ему рукописи, желая иметь Сталина и только его своим редактором), ни одного фильма или театральной премьеры, ни одной песни и любого музыкального произведения, отнимают массу времени.

Но это только часть (причем ничтожная часть) деятельности вождя всех народов. Он знает поименно коллегии всех наркоматов и когда нужно «устранить» не только самого наркома, но и любого начальника главка, управления, отдела и даже сектора, товарищ Сталин лично дает указание, кем того или иного можно (и нужно) заменить.

Он знает в лицо и по фамилии всех конструкторов нового оружия, знает, чем они занимаются и что каждый из них обещал создать, в каком количестве и в какой срок.

Он знает в лицо весь руководящий состав НКВД и НКО, а в генеральном штабе – всех вплоть до операторов.

Он, возможно, один в стране (и во всем мире, конечно) знает не только псевдонимы, но и настоящие фамилии (с подлинными биографиями) всей советской заграничной агентуры, действующей по линии НКВД, ГРУ и НКИД.

Есть вещи, о которых вообще никто пока не знает, кроме товарища Сталина, поскольку он мыслит глобально и на много лет вперед.

Недавно Берия и Меркулов получили приказ развернуть целую сеть новых концентрационных лагерей, и все на Лубянке внутренне сжались от предчувствия новой волны массового террора. Сжались потому, что ни одна волна не миновала их самих. Но на этот раз Сталин думал о проблеме, над которой в 1940 году никто еще не только не задумывался, но и не представлял себе, что подобные вопросы можно ставить даже в виде проблематики. А вопрос был очень сложным: куда девать население Германии, Дании, Бельгии, Голландии, Франции, Италии, Испании, разных там Румыний, Венгрий и что там еще есть в Европе? Примерно треть предполагалось ликвидировать, треть – перевоспитать на месте, а треть – перевоспитать в СССР. Перевоспитать трудом в Сибири, Заполярье и Северном Казахстане. Задача была настолько глобальной, что о ней пока знал только Поскребышев. Остальные узнают в свое время» [36].

Были вопросы, которые до поры до времени не доверялись даже «Особой папке» Политбюро. «Особая папка» – это наивысшая степень секретности, существующая в Советском Союзе, и именно к этой папке перешел Сталин, покончив с мелкими делами [37].

«Особая папка.

От 10 ноября 1940 г.

Секретное постановление Политбюро

О передаче в порядке помощи немецкий стороне клише и технологии для изготовления банкнот британских фунтов стерлингов…»

Немцы с самого начала войны были охвачены идеей наладить производство фальшивых фунтов. Но даже немецкая педантичность и аккуратность не помогла. Опыта не было. Занималось у немцев этим многотрудным делом СД (VI-е Управление РСХА Вальтера Шелленберга), которое по линии созданного в январе 1940 г. «Общества дружбы НКВД – СС» [38] обратилось к СССР за «технической помощью». Сталин некоторое время колебался, а потом решил разрешить. Пусть побалуются. Мы в выигрыше окажемся в любом случае. Получится у немцев: пусть еще раз убедятся, что мы от них ничего не скрываем и помогаем, чем можем. Тем более и подорвать английскую экономику тоже совсем не плохо. Все равно вскоре все отберем обратно. А если при этом еще сообщить англичанам по секрету, какими немцы нехорошими вещами занимаются, то вообще возникнут комбинации, которые просто грех не использовать.

Сталин наложил резолюцию: «т. Маленкову. Возьмите под свой контроль». Сегодня в «Особой папке» больше ничего не было, и Сталин перешел к изучению разведсводки. Сводки представлялись Сталину в трех папках – от НКВД, от ГРУ и в зеленой папке, где была оттиснута скромная надпись: «Секретариат ЦК». В последней папке были сведения от источников, которые лично докладывали вождю информацию.

Разведсводки не сообщали, в принципе, ничего сенсационного. В основном шла компиляция из агентурных сообщений, в которых говорилось о подготовке немцев к окончательному сокрушению Англии.

Во всех, кроме одного. Сталин побагровел. Публично он редко давал волю эмоциям, но тут, сидя один в своем кабинете, позволил себе громко выругаться.

Из далекого Токио Рихард Зорге сообщал шифровкой от 18 ноября, что Гитлер задумал и осуществляет план нападения на Советский Союз. Никаких подробностей в сообщении не было.

Рихард Зорге еще в 1938 году был разоблачен как агент-двойник, работающий на НКВД и на службу Вальтера Шелленберга. Вообще жизнь нелегала не поддается четкому анализу. Очень трудно понять, служит ли ему работа на немцев прикрытием для работы на СССР или наоборот.

Однако советским разведчикам удалось добыть копии материалов, посланных Зорге немцам относительно положения на Дальнем Востоке и планов СССР относительно Японии. В материалах каждое слово было правдой. Зорге был коммунистом и членом НСДАП одновременно. Партийный билет ВПК(б) хранился на Лубянке, а золотой партийный значок со свастикой он носил на лацкане пиджака. С двойниками всегда нужно держать ухо востро, ибо они сами порой могут не осознавать, что являются двойниками. Еще Дзержинский предостерегал, что разведчик, долгое время пробывший за границей, становится жертвой так называемой «идеологической интоксикации» и, сам того не сознавая, начинает работать на противника с еще большим усердием, чем на своих. Поэтому, считал железный Феликс, разведчиков, даже самых ценных, надо время от времени отзывать домой и окунать в реальные ценности социализма. Поскольку выражение «реальные ценности социализма» являлись элементом «новоречи», Сталин, постоянно сверяя свой путь с «классиками», перевел это выражение как «сажать и ликвидировать», начав с самого Дзержинского.

В 1937-38 гг., как известно, разведчиков десятками отзывали в Москву, и счастлив был тот, кто отделывался 20-ю годами лагерей. Большая часть была расстреляна. Наиболее умные – перешли к противнику. Что касается Зорге, то поскольку было доказано, что он «двойник», т. е. используется немцами как канал передачи дезинформации, то его решили пока и трогать. Ведь всегда интересно узнать то, в чем противник пытается вас уверить.

Но не успели принять подобное решение, как товарищи, проникшие в святая святых английской разведки, сообщили, что Зорге, оказывается, работает еще и на англичан. Еще на англичан или в первую очередь на англичан? Этот вопрос был слишком сложным, а различить в докладах Зорге, где тут немецкая дезинформация, а где – английская, было уже чересчур сложно. Поэтому, чтобы он никому в Москве не морочил голову, было принято новое решение: отозвать его в Москву и расстрелять. Но Зорге в Москву не вернулся, а продолжал с завидным постоянством снабжать НКВД информацией, хотя давно числился в этой конторе «уволенным» [39].

На сообщение из Токио Сталин наложил резолюцию: «т. т. Меркулову и Фитину. Разберитесь, наконец, на кого работает этот тип?!»

В тот же день, 19 ноября, еще не отправив немцам никакого ответа, Сталин приказал отправить болгарам нечто вроде ультиматума, составленного в возможно более мягких тонах, где предлагалось, как обычно, заключить договор «о дружбе и взаимной помощи» по образцу печально известных договоров с прибалтийскими странами. Советский Союз просил разместить на болгарской территории часть Красной Армии, развернуть в Варне военно-морскую базу Черноморского флота, и все это в обмен на финансовую, экономическую и, разумеется, военную помощь «в случае нападения на Болгарию третьей державы или группы держав». Как всегда, выходя на очередную жертву, Москва клятвенно заверяла Софию, что

предложенный договор «ни в коем случае не затронет существующего режима (монархического! – *И. Б*.), независимости и суверенитета Болгарии».

Отношения России и Болгарии всегда были сложными. Еще с тех времен, когда Россия уложила сотню тысяч своих солдат, чтобы создать Болгарское государство. Постоянно рвались дипломатические отношения, а в первую мировую войну именно Болгария сделала посмешищем все идеи русско-сербского панславянизма, вступив в войну против России на стороне Германии. Еще пуще отношения испортились после большевистского переворота, когда Болгария стала чуть ли не основной страной, давшей приют отступившей из России белой армии, став объектом самых злобных атак со стороны советского режима и ареной всевозможных провокаций со стороны Коминтерна.

Увы, это была не осень 1939 года и даже не лето 1940-го. Уже приближался 1941-й год, и сталинские методы были хорошо известны в Европе, особенно в Восточной Европе, чтобы сработать так же четко, как и год назад. Четыре месяца, отнятые финнами, оказались невосполнимыми.

20 ноября Сталин провел совещание, на котором присутствовали Молотов, Деканозов, Берия, Меркулов и Фитин. Павел Фитин был отобран мандатной комиссией ЦК для руководящей работы в органах НКВД в 1939 году, когда добрая половина штатных должностей на Лубянке оказалась вакантными. Ныне Берия и Меркулов рекомендовали его на должность начальника Иностранного Отдела НКВД (внешняя разведка). До него эту должность занимал Деканозов, но поскольку Сталину было угодно использовать Деканозова сначала на административном поприще (приведение Литвы в общее для всех советских республик состояние), а затем – на дипломатическом, то ИНО НКВД довольно длительное время оставался без начальника.

Организационные вопросы Сталин, как правило, решал быстро, но тут что-то затянул, вызывая и у Молотова, и у Берия некоторую тревогу. Но все обошлось. Сталин быстро утвердил от имени Политбюро оба назначения: Деканозова – послом в Германии, Фитина – начальником ИНО НКВД. У всех отлегло от сердца, ибо бросалось в глаза, что вождь находится в очень хорошем расположении духа.

Деканозов был первым из бывших руководителей внешней разведки, получивший статус «Чрезвычайного и Полномочного Посла». Его главной задачей, по мнению Сталина, являлось восстановление хорошей и надежной разведывательной информации из самого сердца Германии – Берлина. Поэтому на данном этапе он должен всячески подчеркивать дружеское отношение Москвы к Берлину и собирать информацию о планах Гитлера [40].

Главное – узнать точную дату начала высадки на Британских островах, заблаговременно предупредив об этом Москву для «проведения известных вам мероприятий».

Товарищу Фитину, указал Сталин, следует приложить все усилия для восстановления нашей разведсети в Германии. В первую очередь в Германии на данном этапе. И во всех прочих странах. Подобная установка была дана еще в конце 1939 г. – вождь с укоризной посмотрел на присутствующих, – но дело движется медленно, без огонька.

Все присутствующие подавили вздох. В 30-е годы, еще до прихода к власти Гитлера, тогдашний начальник ИНО (еще при ГПУ) Артур Артузов покрыл Германию такой паутиной своей агентуры, что, случись необходимость захвата Германии тогда (т.е. будь Советский Союз тогда к этому готов), Германия прямо в сетке из этой паутины была бы преподнесена товарищу Сталину. Но, увы. Артузов был расстрелян со всеми своими сотрудниками, резидентами и большей частью агентуры. Блестящий резидент в Германии Борис Гордон был отозван в Москву и расстрелян без суда и следствия по решению ОСО. Связь с германской агентурой пытались сохранить новые резиденты, но и они были либо расстреляны, либо посажены, либо до сих пор числятся пропавшими без вести. Более того, были расстреляны

все сотрудники центрального аппарата ИНО, занимавшиеся Германией. Картотеки, секретные дела, шифры, явки, адреса либо пропали, либо были приведены в столь хаотическое состояние, что большую часть агентуры так и не удалось восстановить…

Выполнение задач, поставленных Сталиным, оказалось делом нелегким, как и любое дело возрождения из пепла. Руководителем резидентуры в Берлине с 5 сентября 1939 года был назначен Амаяк Кобулов – человек в разведке неопытный, да к тому же – вздорный и кляузный. Попал он на эту должность по протекции своего старшего брата Богдана Кобулова, одного из заместителей Берия. Хотя беспредельная преданность Амаяка товарищу Сталину ни у кого, включая самого Сталина, сомнений не вызывала, о его деловых качествах в Москве не питали иллюзий, даже Берия и брат – Богдан, запретив ему лично встречаться с агентурой и прислав ему в заместители опытного и способного разведчика Александра Короткова. Александр Короткое, имея документы на имя Александра Эрдберга, начал восстанавливать агентурную сеть, начав с одного из ключевых информаторов – Арвида Харнака, известного под кличкой «Корсиканец». Однако в Москву в это время пришел сигнал, что во время «паузы», пока Москва упивалась собственной кровью, гестапо вычислило и перевербовало большую часть бывшей советской агентуры. В частности, самого Харнака, который и так был под подозрением, поскольку родился в США и был женат на американке немецкого происхождения, руководившей некогда кружком по изучению трудов Маркса, Ленина и Троцкого.

В конце октября 1940 года Коротков был вызван в Москву, получив приказ временно заморозить все связи. В настоящее время он все еще находился в Москве, копаясь в архивных делах, где еще сохранились оперативные сводки о Харнаке, его окружении, их связях и была возможность профильтровки этих связей службой безопасности и военной контрразведкой Германии. Ему также формулируется задание: выяснить положение и роль сил, оппозиционных нацистскому режиму; проверить и в случае подтверждения детализировать информацию о военных планах Гитлера в отношении СССР; выяснить структуру и организацию германского хозяйственного управления в военное время, экономические расчеты в отношении средств ведения войны, особенно в случае ее затяжки и расширения, обеспечение Германии стратегическим сырьем и продовольствием.

Все это Фитин доложил Сталину, подбадриваемый благосклонными кивками вождя. Вопреки своей привычке расхаживать по кабинету во время докладов, Сталин сидел за столом, внимательно слушал, посасывая потухшую трубку, особенно ему понравилось, что в сформулированном берлинской резидентуре задании, совершенно обходился вопрос о возможности войны между СССР и Германией. Подобные вещи ни одному разведчику знать не полагалось. Говорилось лишь о необходимости выяснить, что будет делать Германия в случае «затяжки и расширения войны».

Далее вождь выслушал сообщение Берии и Меркулова по поводу выделения из НКВД Управления Госбезопасности в отдельный наркомат с назначением наркомом Меркулова.

Стал хорошо знал Всеволода Меркулова [41]. Тот пришел в «органы» в 1921 году и до 1931 года десять лет последовательно отработал в ВЧК, ГПУ и ОГПУ. Затем Меркулов был переведен на «партийную работу» в Грузии и в 1938 году стал первым заместителем Берия, который и привез его в Москву. Основной задачей Меркулова, как и многих его коллег, было уцелеть или, вернее, выжить в тех нечеловеческих условиях, в которых в сталинские времена работали все спецслужбы. Да и не только спецслужбы. Простейшим способом выживания (но отнюдь не гарантированным) было придерживаться нехитрого правила «угадать, угодить, уцелеть». Сталину понравилась одна речь Меркулова на активе следователей госбезопасности, где тот заявил: «Рано или поздно произойдет схватка между коммунистическим медведем и западным бульдогом. Наша здоровая, социально сильная, молодая идея, идея Ленина-Сталина, выйдет из этой схватки победителем!» Сталину нравился Меркулов, в котором, как следовало из характеристики, сочеталась великая

доброта к народу и почти звериная жестокость к его врагам. Тот факт, что Меркулов в день выкуривал по 40 папирос (две пачки), тоже говорил в его пользу. Сам заядлый курильщик, Сталин знал, что много курит тот, кто всего себя отдает делу без остатка, сгорая во имя идеи. Кроме того, Меркулов слыл интеллектуалом. Сталину однажды принесли написанный им сценарий из колхозной жизни. Вождь нашел его несколько примитивным, но великолепно идеологически выдержанным. Не говоря уже о том, что проситься в кресло наркома госбезопасности, зная, чем кончили все твои предшественники, даже не будучи наркомами, надо иметь достаточное мужество.

Лаврентий, надо отдать ему должное, умеет подбирать людей. Пусть поработает на столь ответственной должности. Это был первый опыт деления огромного монстра НКВД на два наркомата: внутренних дел и госбезопасности. По штату нового наркомата «иностранный отдел» превращался в «иностранное управление», о чем давно шли разговоры. В самом деле, у армии Разведывательное Управление, а у чекистов – отдел. Дискриминация какая-то. Сталин считал претензии товарищей справедливыми и пообещал быстро решить эти вопросы.

Затем Молотов доложил ему, что ответ немцам подготавливается, но он считает, что особенно с ответом спешить не стоит. Во всяком случае до ответа болгар и турок на наши «предложения». Отмечается большая дипломатическая активность немцев на Балканах. Венгрия именно сегодня присоединилась к странам «оси». Интенсивнейшим образом обрабатываются болгары и югославы.

Внимательно поглядев на своих контрразведчиков и дипломатов, Сталин спросил: отмечена ли какая-нибудь утечка наших планов в Германии и повсюду?

В план «Грозы», – успокоил вождя Берия, – посвящен столь узкий круг лиц, что никакая утечка просто невозможна. При расширении состава посвященных в план – утечка будет неизбежна. В Англии, – заметил Сталин, – определенные круги уверены, что выступление Советского союза против Германии неизбежно. Откуда у них эта уверенность? Не идет ли туда утечка? Разберитесь.

На всех совещаниях разведчиков и дипломатов, которые проходили в присутствии Сталина, у людей возникала уверенность, что вождь знает гораздо больше тех, кто возглавлял разведывательные и контрразведывательные службы. Это наводило на мысль, что у Сталина была собственная разведывательно-информационная служба, докладывающая лично ему и настолько замаскированная в его аппарате, что о ней никто ничего не знал.

21 ноября Сталин провел совещание с военными, вызвав к себе Тимошенко, Мерецкова и Голикова. Накануне вождь затребовал из «Особой папки» план «Грозы», присланный ему на утверждение в сентябре 1940 года, когда с минуты на минуту ожидавшаяся высадка немцев в Англии произвела некоторый переполох в советских штабах. Одни предлагали нанести удар только по Балканам, а на линии конфронтации с немцами – ожидать реакции Гитлера. Другие считали, что уж если начинать 1 октября, то глобально: с нанесением одновременного удара и на южном, и на центральном направлении. Все эти шарахания привели к тому, что план «Грозы» как бы разделился на два плана. Один предусматривал действия *только* на Балканах, а второй – против немцев в Польше и Восточной Пруссии. Общий план, предусматривавший действия на двух стратегических направлениях, был каким-то невнятным. Фактически повторялась старая печальная история, уходящая своими корнями аж в 1914 год, когда у царской России в результате многолетнего планирования так же развалился общий план. Один – предусматривал действия *только* против Австро-Венгрии, другой – только против Германии, что привело к разлому общего мобилизационного плана и плана стратегического развертывания и давало о себе знать постоянно вплоть до полного развала России в прошлой мировой войне. Сталин еще раз внимательно прочел документ:

18 сентября 1940 года № 103202/06

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ОСОБО ВАЖНО

«Народный Комиссар Обороны СССР

ТОЛЬКО ЛИЧНО

ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ тов. МОЛОТОВУ

Докладываю на Ваше рассмотрение план действий Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 годы…»

Взгляд Сталина быстро бежит по строчкам знакомого документа:

«…На наших западных границах наиболее вероятным противником будет Германия…»

Сталин поморщился. Что значит: «Наиболее вероятным противником будет Германия»? А кто еще? Швеция? Он подавил в себе вспышку раздражения. Документ составлен в сентябре, когда еще была жива идеология, что Советский Союз никогда не начнет войны, прежде чем кто-либо осмелится посягнуть на его священные границы. Сталин все более и более приходил к убеждению, что подобная идеология не только вредна и опасна, но совершенно не соответствует текущему моменту. Он уже дал команду в ГЛАВПУР Мехлису и Рогову, а также и в другие органы указание изменить идеологическую работу в массах вообще и в первую очередь в армии. Готовить народ и страну к войне, причем – к войне «наступательной, агрессивной и опустошительной».

Настроение вождя несколько улучшилось, когда, пробравшись через туманно составленную преамбулу и слишком подробное описание корпусов и дивизий, развернутых для выполнения плана, Сталин перешел к конкретной и более понятной (в конце концов, он не был военным!) для него части документа.

«Главные силы Красной Армии на Западе в зависимости от обстановки, могут быть развернуты или к югу от Брест-Литовска, с тем чтобы мощным ударом в направлениях Люблин и Краков, и далее на Бреслау (Братислав) в первый же этап войны отрезать Германию от балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз, и решительно воздействовать на балканские страны в вопросах участия их в войне; или к северу от Брест-Литовска с задачей нанести поражение главным силам германской армии в пределах Восточной Пруссии и овладеть последней.

Окончательное решение на развертывание будет зависеть от той политической обстановки, которая сложится к началу войны; в условиях же мирного времени считаю необходимым иметь разработанными оба варианта.

Первый вариант – развертывание к югу от Брест-Питовска .

…Во взаимодействии с левофланговой армией Западного фронта нанести решительное поражение люблин-сандомирской группировке противника и выйти на р. Висла. В дальнейшем нанести удар в общем направлении на Кельце, Краков и выйти на р. Пилица и верхнее течение р. Одер…

При развертывании Вооруженных Сил СССР по этому основному варианту предлагается следующая группировка.

Непосредственно на Западе развернуть три фронта – Северо-Западный, Западный и Юго-Западный.

Северо-Западный фронт – основные задачи.

Прочно прикрывать минское и риго-псковское направление и *ни в коем случае* не допустить вторжения немцев на нашу территорию.

Во взаимодействии с 3-й армией Западного фронта овладеть районом Сейны, Сувалки и выйти на фронт Шиткемен, Филипово, Рачки.

Ударом в общем направлении на Инстербург, Аленштейн совместно с Западным фронтом сковать силы немцев в Восточной Пруссии…

Западный фронт – основная задача.

…Одновременным ударом в общем направлении на Аленштейн сковать немецкие силы в Восточной Пруссии. С переходом армий Юго-Западного фронта в наступление ударом левофланговой армии в общем направлении на Ивангород, способствовать Юго-Западному фронту разбить люблинскую группировку противника и, развивая в дальнейшем операцию на Радом, обеспечивать действия Юго-Западного фронта с Севера…

Юго-Западный фронт – основные задачи.

…Во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта, нанести решительное поражение люблин-сандомирской группировке противника и выйти на р. Висла.

В дальнейшем нанести удар в направлении на Кальце, Петроков и на Краков, овладеть районом Кельце, Петроков и выйти на р. Пилица и верхнее течение р. Одер.

В составе фронта иметь 6 армий – 5, 19, 6, 12, 18 и 9-ю…

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ОБОРОНЫ СССР

маршал Советского Союза

(С. ТИМОШЕНКО)

НАЧАЛЬНИК ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

генерал армии

(К. МЕРЕЦКОВ)

18 сентября 1940 г. [42]

НАПИСАНО В ОДНОМ ЭКЗЕМПЛЯРЕ

Исполнитель – заместитель начальника оперативного управления

генерал-майор Василевский».

После некоторого замешательства, вызванного столь быстрым развалом Франции и эвакуацией английских войск с континента, возникла необходимость дальнейшего увеличения мощи вооруженных сил, дабы сохранить на западных границах такое соотношение сил, которое давало бы возможность нашей решительной победы в случае наступления, а с другой стороны гарантировало, что противник никогда не нападет на нас. Минимальным подобным соотношением сил должно было стать в среднем три к одному, а по некоторым видам вооружений пять и более к одному.

Это привело к необходимости резкого увеличения интенсивности при «проведении необходимых оборонных мероприятий». В переводе с новоречи на человеческий язык это означало, что если на 1 января 1940 года численность Красной Армии составляла 2 013 400 человек, то к концу того же 1940 года, т.е. сегодня, она уже составила 4 209 000 человек, став за год в два раза больше, что давало возможность пересмотреть цифры, представленные в плане стратегического развертывания от 18 сентября.

Тимошенко принес Сталину на визу свой приказ № 0328, датированный как раз сегодняшним числом: 21 ноября 1940 года «О проведении в 1941 году в войсковых частях подготовки начальствующего состава запаса», что наряду с другими мероприятиями подобного рода давало возможность довести к середине 1941 года численность армии до 5 500 000 человек. С момента наступления дня начала «операции „Гроза“ объявлялась официальная мобилизация нескольких возрастов, доводя численность армии к сентябрю 1941 года до 8 миллионов человек. Новый приказ Наркома Обороны предусматривал военную аттестацию буквально всех: от медсестер и фельдшеров да писателей и поэтов.

Начальник Генерального штаба обратил внимание Сталина на тот факт, что в вооруженных силах практически не проводится демобилизация лиц, отслуживших положенные сроки. Сам факт этот, конечно, положителен, но его невозможно скрыть. Правда, мотивировкой является увеличение срока службы, но и тех, кто отслужил все сроки, домой не отпускают.

– Так долго продолжаться не может, – подчеркнул Мерецков, – людей негде расквартировывать, не хватает даже палаток. Это было бы полбеды, но не хватает и средств обучения: классов, полигонов, учебных отрядов, которые хотя и расширяются, но далеко не такими темпами,

– Это и не будет долго продолжаться, – заверил вождь, многозначительно взглянув на военачальников». Намек был ясен. – Вот перезимуем, – пообещал Сталин, посасывая трубку.

И заодно поинтересовался у Голикова, почему немцы тоже ведут себя как-то не очень активно. Что начальник ГРУ может доложить об их планах?

Голиков сообщил Сталину, что немцы не только не ослабили, но постоянно усиливают воздушное наступление на Англию. Причем по всем показателям видно, что сопротивление англичан слабеет.

Голиков далее признал, что отмечено некоторое увеличение немецких дивизий в Восточной Пруссии и Польше. Если их было 37, то ныне стало 45. Продолжается переброска немецких войск в Финляндию и в меньшем количестве – в Румынию. Но, подчеркнул начальник ГРУ, по имеющимся данным, греки готовят крупное наступление против итальянцев в Албании, грозя уничтожить 37 итальянских дивизий. Нужно также ожидать прохода крупной группировки немецких войск через территорий Румынии, Болгарии и Югославии.

– Что вы предлагаете? – поинтересовался Сталин.

Хотя Сталин обращался к Голикову, ответил Мерецков. Он обратил внимание вождя, что крупные группировки немецких войск пойдут маршем через Балканы, подставляя себя под фланговый удар.

Вождь пообещал иметь все это в виду, прикрывшись своей обычной фразой о необходимости «посовещаться с товарищами». А Голикову приказал изложить все сказанное в памятной записке.

Написать записку начальник ГРУ не успел.

На следующий же день, 22 ноября, пришло сообщение, что греки прорвали фронт итальянцев.

Сталин узнал эту новость, находясь в Большом театре, где в этот день давали оперу Вагнера «Валькирия» в постановке Эйзенштейна. Партию Зиглинды исполняла Людмила Шпиллер, которая, судя по ходящей в Москве сплетне, была пассией самого товарища Молотова. Постановка «Валькирии» в Большом театре была пробным шагом для налаживания более тесных контактов с немцами. Оперу приурочили к Вагнеровской неделе в Германии. Несмотря на многосторонние связи между СССР и Германией, совершенно

отсутствовали какие-либо культурные контакты. Не существовало даже просто обмена кинофильмами. Единственным действием в области культуры было запрещение Сталиным демонстрации в СССР чаплинского фильма «Великий диктатор» по представлению, сделанному немецким посольством.

Сталин решил развивать с немцами культурные контакты, надеясь заслать в германский прокат несколько глубоких воспитательных фильмов вроде «Броненосца „Потемкина“. Но начинать, конечно, нужно было не с броненосца, а с Вагнера. Сталин позвонил Эйзенштейну и проинструктировал знаменитого режиссера поставить „Валькирию“ как-нибудь необычно, чтобы привлечь внимание немцев и напроситься на гастроли в Берлине.

Эйзенштейн, подумав, решил использовать эффект пантомимы, чтобы лучше подчеркнуть страсти, терзающие Зигмунда. На премьеру были приглашены почти все сотрудники немецкого посольства. Вопреки ожиданиям, постановка им совершенно не понравилась. Все нововведения Эйзенштейна немцы посчитали «еврейскими трюками, намеренно введенными в оперу, чтобы осквернить шедевр великого Мастера».

«Он же лютеранин», – засмеялся Сталин, когда ему об этом доложили.

Глава 9. Воинственные танцы

Гитлер узнал о начавшемся греческом наступлении, выходя из своего кинозала, где он смотрел только что отснятый фильм «Дядюшка Крюгер». Фильм был посвящен легендарному президенту республики Трансвааль Паулю Крюгеру, доблестно противостоявшему колониальным аппетитам Англии на рубеже минувшего и нынешнего веков. Суть фильма сводилась к тому, что с англичанами договориться невозможно. Их нужно уничтожить, или любой народ постигнет судьба буров.

Несмотря на триумфальные победы вермахта, настроение народа было мрачным – и не только потому, что первые английские бомбы уже упали на немецкие города. Более половины населения рейха помнило прошлую войну и главное – помнило, как она начиналась и чем закончилась. Опрометчивые обещания Гитлера закончить войну в нынешнем году победным десантом в Англии явно не сбывались, а война все более и более давала о себе знать.

Уже зимой 1939 года во всех городах стала ощущаться нехватка угля и основных продуктов питания. Наступающая зима тоже не сулила ничего хорошего.

Поэтому Гитлер, остро чувствуя немой вопрос со стороны своего народа, когда же все это кончится, внутренне переживал, поскольку уже отлично понимал, что кончится все очень не скоро и, скорее всего, снова не принесет Германии ничего хорошего.

Он лихорадочно искал выхода из создавшегося положения.

Лучшим исходом был бы мир с Англией. Он его уже дважды предлагал и дважды ему плевали в лицо.

Военный союз со Сталиным… Он предложил его открытым текстом. Предложил из страха перед огромной сталинской армией, надеясь выиграть время посулами Сталину то, чего, по его мнению, московский диктатор желал более всего. Но в ходе подготовки к берлинской встрече с Молотовым убедил себя, что настоящий союз со Сталиным мог бы решить все его нынешние проблемы. Присоединение СССР с его неисчерпаемыми людскими и материальными ресурсами к державам Оси показало бы Англии (да и Соединенным Штатам), что продолжение войны весьма опасно и нужно как-то договариваться.

Он ждал ответа из Москвы каждый день. Но ответа не было.

Катастрофа армии дуче в восточной Албании снова напомнила Гитлеру о злобной бескомпромиссности англичан, готовых сражаться с ним сколько угодно (даже дольше, чем с Наполеоном), лишь бы выиграть последнее сражение и в этой войне.

Сброшенные в море под Дюнкерком, англичане снова пришли с моря, на этот раз со Средиземного, высадившись на Крите, на Лемносе и в самой Греции. Они получили там авиабазы, с которых легко могли достать до драгоценных запасов нефти плоэштинского бассейна.

Дни и ночи конвои идут в Средиземное море через Атлантику и Гибралтар, через Индийский океан и Суэцкий канал.

Гитлер уже ловил себя на мысли, что каждую минуту ожидал какой-то новой пакости от англичан.

Опасение фюрера постоянно раздувались адмиралом Редером. Он буквально ходил по пятам за Гитлером, доказывая, что судьба Британской Империи должна решаться не в битве над Англией, которая пока, с точки зрения главнокомандующего флотом, не дала никаких существенных результатов, а в Средиземном море, которое является стержнем всей имперской системы англичан. Еще 1939 года Генеральным штабом был разработан крупной операции «Юго-Восток». Этот план предусматривал вторжение немецких войск на Ближний Восток и далее в Центральную Азию и Индию. Операция как раз и планировалась на конец 1940-го – начало 1941 года. Не пора ли начать ее осуществление?

– В самом деле, мой фюрер, – настаивал адмирал, – мы не только блокируем Суэцкий канал, но приобретем богатейшие нефтяные районы (которые фюрер уже пообещал Сталину) и не будем так остро зависеть от румынской нефти. Кроме того, удар в этом направлении неизбежно бросит Турцию в наши объятия, и вся русская проблема приобретет совсем другой оборот, когда мы выйдем к границам Закавказья с юга.

Гитлер внимательно слушал гроссадмирала не перебивая. Он даже решил, несмотря на уязвленное самолюбие еще раз обратиться к Франко и убедить его взять Гибралтар. От генерала Гальдера, который было сунулся к нему с восточными планами, Гитлер снова отмахнулся, отправив его к Иодлю за инструкциями. Генералы обсудили ситуацию на итало-греческом фронте, отметив тяжелое положение итальянских войск и общую депрессию в Италии из-за неудач в Греции. Фюрер очень хочет сближения с Болгарией, Румынией и Финляндией. К сожалению, царь Борис очень медлит с ответом о присоединении к Оси, находясь под сильным давлением русских. Москва хочет втянуть его в свою орбиту как Прибалтику и Бессарабию.

– Теми же методами? – интересуется Гальдер.

– Возможно, что даже более крутыми, – поясняет Иодль, – если мы будем все так же потворствовать Москве.

– Уже больше месяца, – напоминает Гальдер, – я не могу ничего доложить фюреру о подготовке плана ведения войны на востоке. Это ставит разработчиков в весьма тяжелое положение, поскольку они не знают мнения главы государства.

– Да, – соглашается Иодль, – операция против России, по-видимому, отодвигается на второй план. Фюрер однажды погорячился, но теперь больше хочет договориться со Сталиным, нежели с ним как-то ссориться.

– Но это, – снова напоминает Гальдер, – снова отложит русскую операцию уже на неопределенное время.

Иодль пожимает плечами:

– Фюрер не склонен что-либо предпринимать против Сталина, а более склонен действовать в союзе с ним.

– Да, – снова соглашается Гальдер, – фюрер не склонен. А Сталин? Он склонен или нет нанести нам такой удар, от которого мы никогда не оправимся? Он только и ждет, чтобы мы повернулись к нему спиной на западе или на юге.

– Вы преувеличиваете, дорогой Франц, – улыбается Иодль, – Сталин достаточно разумный человек, чтобы этого не сделать по крайней мере до нашей высадки в Англии. А поскольку, как вам хорошо известно, высадки не будет, то он на нас не нападет. Он прагматик до мозга костей. Честно говоря, я больше боюсь выступления Америки. Вот тут существует опасность синхронного выступления Америки и России против нас. Поэтому, пока Америка раскачается, необходимо выбить Англию из войны. Захват Гибралтара и разгром английской армии в Египте могут стать теми роковыми ударами, которых Британия не выдержит.

– Какими силами собираются громить англичан в Египте? – настороженно интересуется Гальдер.

– Силами маршала Грациани, – спокойно поясняет Иодль. – Его армия втрое превосходит английскую на театре. Фюрер уже нажал на дуче. Тот клятвенно обещал, что вскоре Грациани перейдет в наступление.

В последующие дни в Генеральный штаб посыпались приказы готовить оперативные документы по операциям «Марита» (оккупация всей Греции), операции «Феликс» (захват Гибралтара), операции «Изабелла» (оккупация Португалии). При этом наряду с итальянцами и испанцами к совместным действиям по окончательному изгнанию англичан из Средиземного моря фюрер пытался воодушевить и Францию.

Работа закипела.

В Генштаб поступило требование усилить береговую оборону Испании.

Нужно было позаботиться о сосредоточении в итальянских портах немецких войск для посадки на транспорт. Транспорт, к счастью, оказался бывшим немецким, застрявшим там после начала войны.

Необходимо было думать, какие саперные батальоны выделить для захвата английской твердыни. О многих других мелочах, которых требуют планирование крупной комбинированной операции.

Пока происходили эти события, пришел долгожданный ответ из Москвы на предложение, сделанное Гитлером 18 ноября и приглашающее родину Коминтерна присоединиться к «Антикоминтерновскому пакту».

«Срочно! Совершенно секретно!

Имперскому министру иностранных дел лично!

№ 2362 от 25 ноября. Получена 26 ноября 1940-08:50

Молотов пригласил меня к себе сегодня вечером и в присутствии Деканозова заявил следующее:

Советское правительство изучило содержание заявления имперского министра иностранных дел, сделанное им во время заключительной беседы 13 ноября, и заняло следующую позицию:

Советское правительство готово принять проект Пакта Четырех Держав о политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи… на следующих условиях:

1. Предусматривается, что немецкие войска немедленно покинут Финляндию, которая по договору 1939 г. входит в советскую зону влияния…

2. Предусматривается, что в течение ближайших месяцев безопасность Советского Союза со стороны проливов гарантируется заключением пакта о взаимопомощи между Советским Союзом и Болгарией, а также строительством базы для сухопутных и военно-морских сил СССР в районе Босфора и Дарданелл на условиях долгосрочной аренды.

3. Предусматривается, что зона к югу от Батуми и Баку в общем направлении в сторону Персидского залива признается центром территориальных устремлений Советского Союза.

…В протоколе должно быть указано, что в случае, если Турция откажется присоединиться к Пакту Четырех Держав, Италия и СССР совместно выработают и практически применят военные и дипломатические санкции.

Кроме того, необходимо согласовать третий секретный протокол между Германий и Советским Союзом относительно Финляндии.

Шуленбург».

Гитлер, выслушав доклад Риббентропа и довольно бегло просмотрев ответ Москвы на его предложения о разделе мира вообще и бесхозного имущества Британской Империи в частности, спросил своего министра иностранных дел:

– Что он прицепился к Финляндии и Болгарии? Он что, собирается сам высаживаться в Англии и изгонять англичан со Средиземного моря?

Все мысли фюрера были заняты проведением операции «Феликс», представлявшей такую прекрасную возможность прихлопнуть англичан несколькими короткими, но мощными ударами.

– К сожалению, мой фюрер, – дипломатично ответил Риббентроп, – в позиции Москвы за эти две недели не произошло никаких изменений. Они согласны вступить в Ось, но только на некоторых условиях, как обычно.

– Они согласились подписать с нами Пакт о ненападении, – сварливо проговорил Гитлер, – в обмен на раздел Польши, поглощение Прибалтики, Бессарабии и Буковины. Теперь они соглашаются вступить в Ось в обмен на окончательный захват Финляндии и Болгарии. Взгляните на карту, и вы увидите Канны, которых еще не видел никто. На севере он выходит на границу Норвегии, на юге – на границу Югославии и Греции, далее он аннексирует Турцию и выходит на границу с Ираком.

Риббентроп молчал.

– Так пусть этот гнусный вымогатель, – с визгливыми нотками в голосе продолжал Гитлер, – катится ко всем чертям. Мы обойдемся и без него. Он, кажется, хочет захватить весь мир, не сделав ни одного выстрела!

«Обойдемся без него!» – было сказано сильно, но явно в запальчивости. Почти 80% всех материалов, дающих возможность Германии продолжать войну, поставляются из СССР. О чем и позволил себе почтительно напомнить Риббентроп.

– Но, мой фюрер, Сталин ведет себя безупречно. Я имею в виду договорные поставки. Вряд ли бы он снабжал нас всем необходимым, если бы вынашивал против нас какие-либо не совсем честные планы.

Гитлер, который во время неприлично длинного монолога Риббентропа с пугающей скоростью мерил шагами свой кабинет – верный признак того, что сейчас он начнет орать, брызгая слюной, неожиданно упал в кресло, некоторое время посидел с закрытыми глазами, затем устало сказал:

– Вы правы, Риббентроп. Я подумаю над этим.

– А что мы ответим в Москву? – осмелился поинтересоваться рейхсминистр.

– Я скажу это вам, когда придет время. Пока – ничего. Мы долго ждали их ответа. Пусть и они подождут.

Все помыслы Гитлера направлены на Средиземное море, и если кто-то пытается их отвлечь, то адмирал Редер, которому впервые удалось оттеснить от фюрера на второй план

генералов, быстро возвращает его к столь простой и красивой, как произведение искусства, средиземноморской удавке, в которой задохнется проклятый Альбион.

Гитлер поинтересовался, что думает гроссадмирал по поводу того, что в разгар наших операций в Средиземном море Сталин нанесет нам предательский удар в спину.

– Никогда, – убежденно заявил Редер, – он этого не сделает, мой фюрер. Он достаточно разумный человек. Сейчас он модернизирует свой флот и во многом зависит от нас в получении новых образцов военно-морского оружия.

Гитлер промолчал.

Операция «Феликс» снова натолкнулась на упрямство Франко и маразм Петэна. Франко стал капризным, как принц крови. В ответ на все доводы о достижении быстрой и почти бескровной победы над Англией он снова заявил, что не может быть установлено точного срока для вступления Испании в войну.

А что позволяет себе Петэн? Он *наотрез* отказался пропустить немецкие войска через территорию южной Франции, контролируемую правительством Виши. Причем вел себя настолько нагло, как будто шел 1918-й, а не 1940 год, и не немцы маршировали по Парижу, а французы – по Берлину. Старику намекнули, что он вынудит фюрера оккупировать и остаток Франции. Такой план был уже разработан и имел кодовое наименование «Аттила», но еще не был подписан фюрером. Проход немцев через территорию Виши, пояснили французы, может привести к восстанию гарнизонов Северной Африки и их перехода на сторону Де Голля. Насколько известно, немцы предусматривают такую возможность и в качестве ответной меры предполагают опять же оккупацию южной Франции. Так что взвешивайте, что вас самих больше устраивает, но в любом случае вы подарите англичанам достаточно мощного союзника как раз в тылу итальянской армии. Было о чем подумать.

Фюрер лично консультировался с дуче и графом Чиано, занимающего сразу две должности: зятя Муссолини и министра иностранных дел. Гитлер потребовал, чтобы итальянская авиация днем и ночью действовала над Средиземным морем, не давая возможности англичанам вести себя там, как в своем домашнем бассейне. И поторопиться с вытеснением англичан из Египта за Суэцкий канал. Чиано заявил, что это было бы хорошо сделать одновременно с немецким вторжением в Грецию. Тут Гитлер взорвался и заорал, что он предостерегал Чианова тестя (он так и выразился: «Чианошвигерфатер») от каких-либо авантюр на континенте. Может быть, граф забыл, что Германия не имеет общей границы с Грецией и, чтобы выйти на нее, немецким войскам придется пройти через территорию трех стран: Румынии, Болгарии и Югославии. И еще неизвестно, согласятся ли они пропустить вермахт через свои территории и не придется ли пробиваться на помощь к дуче с боями и потерями. А это неизбежно отвлечет его силы от подготовки к главному и решающему сражению всей войны – высадке в Англии. Эту высадку давно уже можно было осуществить, если бы не преступное бездействие итальянского флота. Его мерзкая трусость и нежелание воевать!

Чиано, привыкший к повышенной эмоциональности Гитлера, сохранил полное спокойствие и заметил, что подобные слухи о Королевском флоте Италии распускаются англичанами и он удивлен, что в Берлине с такой охотой эти слухи воспринимают и верят им. Королевский флот (голос графа зазвучал торжественно) уже провел несколько смелых операций, нанеся противнику тяжелые потери.

Честно говоря, Гитлер не знал ни об одной из тех «смелых операций», которые провел итальянский флот.

Чиано также ничего об этом не знал, но он знал другое: гигантскими усилиями, приложенными лично дуче, позавчера (т.е. 25 ноября) удалось выпихнуть в море мощное соединение итальянского флота, состоящее из линнкоров «Витторио Венето» и «Джулио Чезаре», дивизии из шести прекрасных тяжелых крейсеров типа «Зара» и нескольких

флотилий эсминцев, с тем чтобы они перехватили и уничтожили английский конвой, идущий на Мальту под прикрытием легких сил.

Чего пока не знали ни Гитлер, ни Чиано, это того факта, что именно в момент их разговора – 27 ноября – английские легкие крейсеры и эсминцы смело атаковали итальянское соединение западнее Сардинии, сразу же накрыв противника ураганным огнем и нанеся серьезные повреждения крейсеру и трем эсминцам, один из которых пришлось уводить на буксире. От такого поведения противника снова не выдержали нервы у командующего итальянским соединением адмирала Кампиони.

Он предположил, что подобное наглое поведение легких сил противника основывается на нахождении поблизости какого-нибудь мощного английского соединения. Предчувствие не обмануло итальянского адмирала. Вскоре на горизонте появился английский линейный крейсер «Ринаун», а в небе – самолеты, говорящие о наличии в районе и английского авианосца. Адмирал пытался вызвать собственную авиацию с аэродромов Кальяри и Эльмас на Сардинии, но ему никто не ответил.

Тогда Кампиони решил, что с него хватит, и прежде чем «Ринаун» успел дать залп главным калибром, приказал уходить, таща на буксире подбитый эсминец.

Гитлер сказал сущую правду итальянскому послу: ему совсем не хотелось пробиваться на помощь Муссолини с боями, с кем бы эти бои вести ни пришлось. Хотя югославы вызывали у фюрера раздражение одним фактом своего существования, и он считал их чем-то средним между цыганами и румынами, 28 ноября он вызвал в так называемую «малую рейхсканцелярию» в Берхтесгадене прибывшего в Германию министра иностранных дел Югославии Марковича. Гитлер был предельно откровенен: если Югославия примкнет к странам Оси, разрешит проход немецких войск через свою территорию и вообще займет «благожелательную для Германии позицию», то, даже не участвуя в военных действиях, она получит солидную часть греческой территории, включая город Салоники.

Маркович заметил фюреру, что югославское правительство все более склоняется к мысли примкнуть к державам Оси. Но это, по словам министра, «требовало осторожной и тщательной подготовки».

– Что это он затевает? – поинтересовался Сталин, ознакомившись с директивой Гитлера № 18, которую разведка, по словам Голикова, добыла с огромным трудом. Вождь ознакомился с переводом директивы, но толком из нее ничего не понял.

Водя указкой по карте, маршал Шапошников, превратившийся после отстранения от должности начальника Генштаба во что-то очень похожее на начальника личного штаба Сталина, хотя ни такой должности, ни такого штаба в природе не существовало, пояснял:

– Все очень логично. Немцы запирают Средиземное море, захватывая Гибралтар и зону Суэцкого канала. Одновременным ударом по Греции они лишают англичан фактически любых шансов дальнейшего ведения войны в бассейне Средиземного моря и отрезают Британскую метрополию от большей части империи. По карте получается весьма изящная операция.

– Значит, высадки не будет? Как вы считаете, Борис Михайлович? – вождь даже вынул трубку изо рта и положил на стол.

– Одно другому не мешает, – ответил Шапошников, – очень может быть, что, если эта операция удастся, англичане могут капитулировать или пойти на германские условия мира, не дожидаясь высадки немецкого десанта. Либо они уже не смогут оказать этому десанту должного сопротивления. Средиземное море – это ключ к победе в европейской войне. Если бы боевая подготовка итальянцев не уступала немецкой, то Гитлер уже сломил бы Англию.

– Что вы предлагаете? – задает Сталин свой коронный вопрос.

Указка маршала перемещается в район Черного моря.

– В настоящее время, – продолжает он, – немецкие войска в ограниченном количестве имеются только в Румынии. В Болгарии и Югославии никаких немецких войск нет. Если они решат нанести удар по Греции, то подставляя себя под удар наиболее мощной нашей южной группировки в составе Юго-Западного и Южного фронтов.

– А зачем это нам, – угрюмо спрашивает Сталин, – англичан спасать?

– Всю Европу спасать надо, товарищ Сталин, – осторожно замечает Шапошников.

Вождь молчит.

Среди высшего руководства Вооруженными Силами СССР явно наметился раскол. Генеральный штаб во главе с Кириллом Мерецковым предлагает нанести удар главными силами непосредственно по Германии через Польшу, а вспомогательный удар по Балканам с целью отрезать Германию от источников нефти. Наркомат обороны во главе с Семеном Тимошенко, к которому примыкают командующие двух основных округов – Особого Западного и Киевского – генералы армии Павлов и Жуков, напротив, считают, что нанести главный удар следует на юге, взяв Германию в полукольцо, с тем чтобы ее легче было добить на втором этапе операции. Марш через балканские страны легче подать и идеологически как освободительный. Но освободительным походам придает особую специфику призыв о помощи. О так называемой интернациональной помощи. Нужные люди, чтобы обеспечить этот призыв, были, да к тому же южное направление более импонировало, поскольку там фактически не было немецких войск. Но любой удар в этом направлении неизбежно приводил к столкновению с Германией. Поэтому так хотелось максимально возможное получить без выстрела.

С 17 по 20 ноября в Генеральном штабе под руководством Тимошенко проходила «Двусторонняя оперативно-стратегическая игра на картах», разработанная начальником Генштаба Мерецковым и начальником оперативного управления генштаба генерал-лейтенантом Ватутиным.

Темой игры была «Наступательная операция фронта с прорывом УР». Игра была честной, потому что отражала истинное соотношение сил и даже прибавила немцам 3 лишних стрелковых дивизии.

Ровно за три дня игр «синие» – немцы были окружены, разгромлены и уничтожены. Армия и флот встретились в Кенигсберге.

С 20 по 22 ноября так же лихо отыграл Западный Особый военный округ во главе с генералом Павловым, который настолько стремительно взял Варшаву, с ходу форсировав Вислу и Одер, что Мерецков с трудом остановил его у Берлина, произвольно добавив «синим» неизвестно откуда взявшиеся 10 стрелковых и 2 танковых дивизии.

С 23 по 25 ноября играл Киевский Особый военный округ во главе с генералом Жуковым. Тут вообще получилась загвоздка. В реальности перед фронтом Жукова никаких немецких войск не было. Были Румынская и Болгарская армии и ничтожные силы в бывшей Чехословакии (именуемой ныне протекторатом Богемия и Моравия), попадающей под удар смежных флангов Жукова и Павлова. Но местность здесь была ужасная – сплошные горы, что накладывало отпечаток на всю операцию независимо от соотношения сил. Жуков, собравший у себя в округе почти все горно-стрелковые дивизии, решил проблему добросовестно, постоянно усложняя сам себе задачи игры и вызвав протест Мерецкова: откуда, мол, у противника появится столько сил на его участке? Жуков отвечал мотивированно, читая по разведсводкам ГРУ номера немецких, венгерских, румынских и даже словацких дивизий.

Чувствовалась опытная рука его начальника штаба генерала Пуркаева, которого накануне Сталин чуть не расстрелял по наводке гестапо.

С 26 по 28 ноября играл Одесский военный округ во главе с генералом Черевиченко. На игру был вызван командующий Черноморским флотом адмирал Октябрьский. Задачей округа, взаимодействующего с кораблями Черноморского флота и Дунайской флотилией, являлся быстрый захват портов от Констанцы до Варны комбинированными ударами с моря и суши, с последующим выходом на болгаро-турецкую границу.

Ознакомившись с результатами игр, Сталин обратил внимание, что даже в теории взаимодействие между армией, авиацией и флотом оставляет желать много лучшего, а на практике никакого взаимодействия, наверное, нет и в помине.

Шапошников еще как-то пытался решать эти вопросы, но после его ухода с поста начальника Генерального штаба Мерецков на фоне тысячекилометровых фронтов о флоте почти забыл. У флота какие-то свои глобальные задачи, которые, кстати говоря, на самом флоте никто не знает, поскольку они полностью известны только товарищу Сталину.

Товарищу Сталину эти задачи были хорошо известны. «Кто владеет морем – тот владеет миром», – сформулировал адмирал Мэхэн, и вождь всех народов понимал, что старый американский военно-морской теоретик был прав, несмотря на всю свою буржуазную ненаучность. Ленин при упоминании самого слова «флот» срывался на крик, доказывая его полную ненужность для пролетарского государства, ибо именно флот истрепал все нервы у вождя мирового пролетариата, сначала поставив его в идиотское положение Ледовым переходом, затем – своим повальным бегством вместе в Врангелем в Бизерту из коммунистической мечты и добил окончательно Кронштадтским мятежом, отправив в нужник всю ленинскую теорию построения социализма. Мстительный Ильич тут же распорядился продать в Германию все остатки Балтийского флота по цене металлолома, арестовать и расстрелять всех еще уцелевших морских офицеров императорского флота (до гардемарин включительно), а матросов, если нельзя расстрелять или посадить за участие в Кронштадтском мятеже и в пособничестве Врангелю, разогнать по домам.

Уже тогда Сталин понял, что у вождя мирового пролетариата что-то неладное началось с головой. «Товарищ Ленин болен, и не будем беспокоить его», – говаривал тогда Сталин, начав открытый саботаж указаний своего вождя и учителя. Используя уже свою достаточно сильную власть, Сталин приказал освободить большую часть арестованных морских офицеров, кого еще не успели расстрелять или замучить пытками.

Нужны офицеры, и Сталин старался их сохранить хотя бы до тех пор, пока запущенная им машина небывалого милитаризма не накует новых, классовоблизких морских офицеров. И он выполнил свою задачу. Тех, кого он, немало рискуя, спасал в 20-х годах, без особой жалости расстреляли в 37-38 гг., поскольку развернутая Сталиным система военно-морских училищ уже успела произвести 14 выпусков.

Но вклад товарища Сталина в дело создания нового флота не ограничился заботами о его кадрах.

Сталин страдал от того, что пришлось несколько притормозить военно-морскую программу из-за нехватки фондовых материалов и из-за вредительства исполнителей. Но продолжал твердо верить, что именно его флоту суждено поставить крест на морском владычестве Англии. Что касается флотов США и Японии, то они, по мнению вождя, к моменту завершения сталинской программы должны были уже уничтожить друг друга. Французский флот уже фактически был уничтожен. С немцами и итапьянцами должны были разобраться англичане. Таким образом, вождь мыслил по схеме военно-морских олимпийских игр: Красный флот выходил сразу в финал, где должен был встретиться с англичанами и, разумеется, победить.

Еще никогда в мире не было столь грандиозной и амбициозной программы. К концу 1946 года планировалось построить 16 линкоров и 16 линейных крейсеров, 2 авианосца, 28 легких

крейсеров, 20 лидеров, 144 эскадренных миноносца, 96 сторожевиков, 204 тральщика и 408 подводных лодок.

Среди сталинских военачальников адмирал Кузнецов был, пожалуй, самым честным и смелым человеком, насколько это вообще позволяла уголовно-волчья обстановка, царившая в коридорах Кремля. В 1939 году, принимая из рук Сталина должность наркома ВМФ, молодой адмирал, который даже в собственных мечтах никогда не видел себя выше командира корабля, осмелился поставить вождю всех народов непременное условие: прекратить отстрел военно-морских специалистов и освободить всех, кто оказался в лагерях прямо с палуб боевых кораблей. Сталин усмехнулся, но согласился. И сколько раз Сталин об этом забывал, столько раз Кузнецов ему об этом напоминал, сражаясь за каждого из своих людей подобно гладиатору, поскольку ежеминутно рисковал при этом собственной головой. И почти всегда добивался своего [43].

Если флот Сталин искренне любил и даже позволял адмиралу Кузнецову сохранить в кадрах некоторое количество «классовых врагов», то к военно-воздушным силам у вождя всех народов было какое-то странное отношение. При всем своем желании Сталин не мог объявить себя создателем отечественного флота и официально считался лишь создателем Северного флота, что было увековечено на огромной мраморной плите, замурованной в скале на главной базе флота в Полярном.

Что же касается авиации, то газета «Правда» еще в сентябре 1936 года писала: «Мы, наблюдающие каждый день работу товарища Сталина в области авиации, его заботу о ее людских кадрах, можем без какого бы то ни было преувеличения сказать, что создателем и творцом нашей советской авиации, как ее материальной части, так и ее кадров, является наш учитель и руководитель товарищ Сталин». А на XVIII съезде партии Сталин был провозглашен «руководителем нашей авиации», «великим конструктором», «главным технологом», «отцом всех героических побед» и «отцом всех героев».

И надо сказать, что все эти цитаты, как бы нелепо они сегодня ни выглядели, не были простым словоблудием или славословием, если вспомнить, что в середине 20-х годов Сталин принял от Ленина огромную, плохо обученную и недисциплинированную толпу, именуемую РККА, вооруженную царскими трехлинейками, пиками и шашками, с небольшим артиллерийским парком. Но уже к концу 1937 года самолетный парк советских ВВС превысил 8000 боевых машин, причем в их числе не было ни единой иностранной модели! Прибавьте к этому десятки установленных авиационных рекордов, небывалые по дальности перелеты, включая перелет через Северный полюс в Америку, посчитайте количество подготовленных инженеров, техников, механиков, летчиков, штурманов, стрелков-радистов и не забудьте выросшую, как из-под земли, авиационную инфраструктуру, – и вы только на примере одних ВВС поймете, что значит сотворить чудо.

Сталин пилотов любил настолько, что даже однажды предложил Валерию Чкалову пост шефа НКВД, что можно считать наивысшим проявлением любви вождя пусть к знаменитому, но простому пилоту. Чкалов отказался, а потому и погиб вскоре при весьма загадочных обстоятельствах. И не только он один, ибо, как отмечали еще древние, «любящая рука сильнее всех и карает».

Сталин боялся армии, созданной собственными руками. Но пуще всего он боялся именно авиации.

Воспаленное воображение Сталина довольно часто рисовало страшную картину: самолеты бомбят Кремль (или дачу в Кунцево, да и в любом месте), а его верные чекисты беспомощно размахивают маузерами. Или какой-нибудь террорист-фанатик просто врежется на своем самолете в дом, поезд, в пароход, на котором в этот момент будет находиться товарищ Сталин. И если подобные страхи товарища Сталина многие историки пытаются объяснить тем, что великий вождь страдал паранойей, то они просто не знают фактов.

В мае 1935 года СССР продемонстрировал изумленному миру самый большой из когда-либо построенных самолетов – четырехмоторный гигант, названный «Максим Горький». (Сам Горький был еще жив и наблюдал с мавзолея на первомайских торжествах, как над Красной площадью проплывает огромный воздушный корабль, неся на гигантских крыльях его имя.) Затем было объявлено, что 18 мая на самолете совершат полет члены ЦК и правительства во главе с товарищем Сталиным. Сталин, естественно, лететь не собирался и принял меры, чтобы члены правительства поступили так же. Эскортировать гигантскую машину должен был на истребителе «И-5» один из лучших летчиков тогдашней авиации Николай Благин. О том, что никто из членов ЦК не собирается следовать агитационному сценарию, никому известно не было. Вместо них на самолете полетели те, кто создал это крылатое чудо, – инженеры, конструкторы, мастера и рабочие со своими семьями. Когда воздушный дредноут величественно плыл над Москвой, взлетевший с другого аэродрома Благин быстро его нагнал, внезапно бросил самолет в пике и врезался в крыло машины на глазах у тысяч онемевших от ужаса зрителей, наблюдавших за этой сценой с земли. Часть крыла вместе с мотором отвалилась, и «Максим Горький», объятый огнем и дымом, переворачиваясь в воздухе и разваливаясь на куски, со страшным воем устремился к земле, в которую врезался в огне и громе мощного взрыва.

Следствие шло самое тщательное, поскольку Сталин не сомневался в намеренном «теракте», тем более что быстро выяснились связи Благина с матерыми троцкистами – Барановым и Сергеевым. Они возглавляли в начале 30-х годов советские ВВС, но были настолько неуправляемыми, что обоих пришлось посадить в один самолет со штабными, а самолет взорвать. Возможно, Благин хотел отомстить Сталину за своих друзей? Все руководство тогдашних ВВС в течение года исчезло, и во главе ВВС был поставлен Яков Алкснис, которого также пришлось расстрелять в 1938 году за недостаточную управляемость. 27 июня 1937 года летчик-истребитель Олег Капитонов на самолете «И-15», низко пролетев над сталинской дачей, полеты над которой были категорически запрещены в обширном районе площадью около 100 кв. км, врезался в лес в каких-нибудь двухстах метрах от внешней ограды. В планшете пилота, извлеченного из-под обломков, была обнаружена схема местности и отмечен дачный комплекс.

Был арестован чуть ли не весь полк, в котором служил Капитонов. Следствие выяснило заговор с целью убийства вождя.

Дело маршалов открыло вообще ужасающие вещи. Особенно то, как изменники и «враги народа» собирались использовать авиацию, планируя истребить товарища Сталина и весь большевистский ЦК [44].

С ноября 1939 г. начальником ВВС был Яков Смушкевич, к тому времени Дважды Герой Советского Союза. Дважды герой даже в наше время большая редкость, а уж в те годы было явлением поистине уникальным. Под именем генерала Дугласа Смушкевич сражался в Испании и своими действиями в воздухе привел в экстаз даже хладнокровного Хемингуэя. По возвращении из Испании Смушкевич получил первую золотую звезду.

Вторую звезду он заработал на Халхин-Голе, прослыв крупнейшим специалистом в стране по боевому применению авиации. Как-то Сталин прочел сводку немецкой разведки, анализирующую достоинства и недостатки советского военного руководства, где говорилось: «Смушкевича можно назвать Тухачевским в области авиации». Сталин сравнение Смушкевича с Тухачевским запомнил и для начала снял его с должности. Был искус расстрелять сразу от греха подальше, но сдержался и перевел Смушкевича сначала на должность генерал-инспектора ВВС, а затем – помощника начальника Генерального штаба по авиации. Смушкевич все эти перемещения расценил как отстранение от дел, понимая, что попал в немилость к вождю.

На место Смушкевича вождь неожиданно для многих назначил 29-летнего Павла Рычагова, произведенного в генералы чуть ли не прямо из лейтенантов. Отчаянный летчик-

истребитель, виртуоз высшего пилотажа и воздушного боя Рычагов, как говорится, «был летчиком Божьей милостью». В 24 года, командуя эскадрильей в Испании, где он был известен как Пабло Паланкаре, он однажды вступил в бой сразу с шестью истребителями противника. Сбив двоих, он был сбит и сам, приземлившись на парашюте в самом центре Мадрида на бульваре Кастельяно. Этот эпизод, попавший позднее во многие художественные фильмы о сталинской авантюре в Испании, произвел впечатление и на самого товарища Сталина. Рычагов – невысокий, плотный крепыш, отличавшийся веселым нравом и истинно русской удалью, понравился Сталину. Он был удостоен звания Героя и быстро пошел в гору по строевой линии, показав навыки способного администратора. Он руководил действиями авиации на Хасане, командовал группой истребителей-«добровольцев» в Китае и авиацией 9-й армии во время войны с Финляндией, пытаясь наладить воздушный мост с окруженными частями.

В августе 1940 года Сталин произвел Рычагова в генерал-лейтенанты, наградил еще одним орденом Ленина и вручил ему командование военно-воздушными силами.

В этот момент военно-воздушные силы разворачивались в гигантскую армаду, которая по численности боевых машин превзошла даже американские показатели, достигнутые лишь в конце второй мировой войны.

29 ноября Сталин вызвал к себе Рычагова, его начальника штаба генерала Никишева и его зама по вооружению и снабжению генерала Астахова. Летчики, как обычно, начали с цифр. Если на первое января 1940 г. в западных военных округах было развернуто 209 авиаполков, имеющих на вооружении 12 540 боевых машин разных типов, плюс 40 авиаполков авиации дальнего действия (ДБА) с 2300 тяжелыми бомбардировщиками, то к концу года эти цифры удалось почти удвоить. Конечно, они несколько уменьшатся за счет списания старых машин, тем не менее число боевых самолетов на 1 января 1940 года составит примерно 24 тысячи. Почти в два с половиной раза увеличилось количество летных училищ и школ с трех-, двух– и годичным сроками обучения. Количество учебных самолетов доведено до 6800 машин [45].

Подавляющая часть аэродромов, подчеркнул Рычагов, как и предписано товарищем Сталиным, максимально придвинута к границе. Некоторые на расстояние до одного километра. Самолеты на взлете вынуждены разворачиваться над территориями сопредельных стран, включая Восточную Пруссию и немецкую часть Польши.

Сталин благосклонно кивает. «Малыш» Рычагов явно оправдывает оказанное ему доверие. Сталин интересуется, как восприняли в училищах и в частях ВВС его последнее нововведение. Нововведение состояло в том, что Сталин, мучимый страхами перед ВВС, решил всех будущих пилотов лишить офицерского звания и выпускать из училищ сержантами на правах срочной службы [46].

В отличие от практически всех своих предшественников Рычагов не прошел необходимой школы политического интриганства, поскольку никогда в политруках и комиссарах не служил. Человек он был прямой, иногда даже слишком. И было-то ему, вспомним, всего 29 лет. Он даже женился совсем недавно на известной летчице Марии Нестеренко.

А потому он честно ответил Сталину, что, конечно, нововведением все недовольны.

– Я так скажу, товарищ Сталин, – покраснев, хрипло сказал Рычагов, – дело не в звании даже, а в престиже профессии. В авиации летчик – самое главное, а все остальное – второстепенное. Былого энтузиазма не будет. Как же мы теперь будем в училища людей набирать? Никто и не пойдет…

От удивления вождь даже трубку изо рта вынул:

– Как это нэ пойдет? Заставым!

Рычагов зря считал Сталина способным на непродуманные решения.

Уже было готово постановление, которое будет принято через неделю (7 декабря) – об отказе от добровольного формирования летных училищ и переходе на принудительный набор лиц, «чье здоровье и образовательный уровень соответствует требованиям службы летного состава ВВС».

Все я для вас сделаю, обещал Сталин, только работайте!

Кто всегда радовал товарища Сталина, так это танкисты. Советский Союз мог по праву считаться родиной массового конвейерного танкостроения. Он и немцев пытался обучить этому искусству, но немцы оказались никудышными учениками во всех отношениях. Цифры их танкового производства вызывали иронические улыбки у всех специалистов в Москве, включая и самого товарища Сталина. А о качестве немецких танков и говорить было нечего. Их самая последняя модель, именуемая «T-IV», представляла собой короткоствольную, узкогусеничную, бензиновую машину с лобовой броней 25 мм и парадной скоростью 32 км/час. Даже не верилось, что это и есть последнее достижение немецкой военно-технической мысли. Советская разведка получила приказ проверить, нет ли у немцев какого-либо секретного танка, который они пока не демонстрируют и берегут в качестве сюрприза. Оказалось, что нет не только на конвейере, но и в разработке. Да и весь немецкий танковый парк оценивался советской разведкой примерно в 7500 машин, что, как позднее выяснилось, было явным преувеличением.

Никто в СССР, даже начальник Главного Бронетанкового Управления РККА генерал-лейтенант Федоренко и главный инспектор танковых войск генерал-майор Вершинин, не знали точно количества танкового парка. Но суммируя заявки округов, командование бронетанковых сил выяснило, что после интенсивнейших учений летом и осенью 1940 года, в разной степени ремонта (от двухчасового до капитального) нуждается 21 тысяча танков или 43% всего танкового парка, находящегося в округах.

Учения и полигонные испытания показали, что у немцев нет против них практически никаких средств обороны. Что касается танкового противоборства, то те же испытания показали, что снаряд с танка «Т-34» пробивал броню немецкого танка «T-IV» с расстояния 1500-2000 метров, в то время как снаряды немецкого танка пробивали броню «Т-34» с расстояния всего 500 метров, да и то лишь в случае, если попадали в бортовую или кормовую часть «Т-34». Лобовую броню они не брали.

Но кроме «Т-34» Станин готовил изумленному миру еще один танковый сюрприз. Еще никто в мире не додумался до тяжелого танка. А в СССР не только додумались, но уже наладили его серийное производство и рассчитали его модернизационные возможности на три последующих модели. Именовался этот танк «КВ» (Клим Ворошилов) и представлял собой чудовищную по тем временам боевую машину весом почти в 50 тонн, с лобовой броней 80-мм и совершенно невероятным для танка 152-мм орудием [47].

Но главное преимущество танков «Т-34» и «КВ» было в том, что они имели дизельный двигатель и могли с одной заправки пройти: «Т-34» со скоростью 50 км в час – 400 километров, «КВ» со скоростью 35 км в час – 330 километров. Что же касается знаменитого танка «БТ-7», имеющего возможность менять гусеницы на автомобильные колеса, то он на гусеницах мог развить скорость до 60 км в час и пройти с одной заправки 600 километров, а встав на колеса при выходе на европейские автострады, развить скорость до 86 км/час и покрыть до 700 километров. Это были настоящие танки блицкрига, танки стремительного наступления. (Для сравнения: новейший немецкий танк «T-IV» мог на хорошей дороге развить скорость до 40 км/ч и пройти 150-200 километров. Танк «T-III» – 40 км/час и пройти 150-180 км.)

Артиллерия, численность которой к середине 1941 года предполагалось довести до 100 тысяч стволов (включая минометы), не вызывала у вождя особых тревог. Тут дело правильно поставлено еще со старорежимных времен. А впереди еще была масса дел. Кроме

празднования дня Конституции, необходимо было провести выборы во вновь образованной Карело-Финской ССР, а также в Западной Украине и Западной Белоруссии, проверить и откорректировать данные всесоюзной переписи населения, чтобы скрыть потери от террора и показать устойчивый рост населения и, что самое главное, провести общеармейскую конференцию, параллельно со стратегическими играми, чтобы окончательно отшлифовать план вторжения, определив его окончательный срок.

Уинстон Черчилль, нещадно дымя своей неизменной сигарой, не очень внимательно слушал сообщение о положении на греко-итальянском фронте. Вчера, 29 ноября, немцы совершили мощный налет на Саутхэмптон, уничтожив бомбами практически весь деловой центр города.

Сегодня, направляясь утром в свою резиденцию, Черчилль обратил внимание, как изменился Лондон. Исчезли здания, которые считались наиболее известными достопримечательностями английской столицы.

На всех наиболее знаменитых зданиях церквей, монастырей, театров, старинных дворцов явно виднелись следы ежедневных и еженощных бомбежек. Бомбы угодили в Лондонский Тауэр, но восьмисотлетние стены древней крепости выдержали. Хуже пришлось знаменитому величественному собору Сент-Джемса из Пикадилли – у него рухнула колокольня. В не менее знаменитом театре Драри Лейн бомба, уничтожив его стеклянный купол, взорвалась прямо в оркестровой яме. Огромная люстра рухнула на кресла зрительного зала…

Черчилль очень внимательно прочел стенограммы совещания в Берлине, присланные ему разведкой даже вместе с проектами новых секретных протоколов. Конечно, было бы очень неприятно, если бы эти двое бандитов сговорились хотя бы временно. Если бы подобное произошло, даже трудно представить дальнейший ход событий. К счастью, как и предусматривалось, ничего подобного не случилось. А случилось как раз наоборот. Разведка все чаще докладывает о переброске немецких дивизий на восток – в Восточную Пруссию и Польшу. Немножко и в Румынию. Неужели этот барабанщик рискнет напасть на Сталина? Это же безумие. Даже по тем данным, которыми располагает старушка «Интеллидженс», силы русских почти втрое превосходят немецкие. Военный атташе докладывал из Москвы, что он имеет точные данные о наличии в Красной Армии 10 000 танков. 10 000 танков!

Это впечатляет! Все-таки в коммунистическом режиме есть что-то положительное. По крайней мере, возможность так вооружиться в мирное время, не неся никакой ответственности ни перед парламентом, ни тем более – перед налогоплательщиками. Он, Черчилль, с удовольствием временно ввел бы в Англии коммунистический режим, чтобы иметь сегодня 10 000 танков.

Нет ничего удивительного, что Гитлер застыл в некоторой нерешительности. Надо его немного расшевелить. Сюрприз, который он вскоре получит, заставит его принять решение более конкретное, чем авантюрные планы высадки на наших островах или захвата Гибралтара.

Из всего, что он сейчас задумал, наиболее реальным является план вторжения в Грецию, хотя этот план вряд ли удастся осуществить раньше середины марта.

А если Сталин выступит, не дожидаясь высадки Гитлера на наши острова? В конце концов он может понять, что этой высадкой его водят за нос и что она невозможна. Если он выступит, надев на себя лавровый венок освободителя Европы, то положение на континенте будет еще хуже.

Очень многое, конечно, будет зависеть от позиции Соединенных Штатов. Пока в США шла предвыборная кампания, Черчилль ходил, как с занозой в сердце, а когда стали известны результаты выборов, не выдержал эмоций и написал Рузвельту: «Я считал, что мне, как иностранцу, не подобало выражать мнение относительно американской политики, пока еще не закончились выборы, но теперь я думаю, что Вы не будете возражать, если я скажу, что молился о Вашем успехе…»

Теперь, когда весь мир уже чувствовал, как Рузвельт через заросли конгресса упорно продирается на тропу войны, Черчилль подготовил новое письмо президенту США, где, в частности, отмечал:

«Поскольку приближается конец года, я полагаю, что Вы будете ожидать, что я изложу Вам перспективы на 1941 год. Я делаю это откровенно и уверенно, ибо мне кажется, что подавляющее большинство американских граждан убеждено в том, что безопасность Соединенных Штатов, также как и судьба двух наших демократических стран и той цивилизации, которую мы отстаиваем, связана с существованием и независимостью Британского Содружества наций. Только таким образом можно будет сохранить в верных и мужественных руках те бастионы морской мощи, от которых зависит контроль над Атлантическим и Индийским океанами. Господство на Тихом океане флота Соединенных Штатов и на Атлантическом океане Британского флота необходимо для безопасности и для сохранения торговых путей наших стран, и служит самым надежным средством помешать войне достигнуть берегов Соединенных Штатов…»

Далее, перечисляя ту необходимую помощь, которую он ждет в ближайшее время от Америки, Черчилль коснулся той уникальной ситуации, в которую впервые за последние 130 лет может попасть основа британского могущества – ее линейный флот.

«…Сейчас гораздо труднее, чем было во время прошлой войны. Мы лишены поддержки французского, итальянского и японского флотов, и прежде всего флота Соединенных Штатов, который оказал нам такую важную помощь в решающие годы. Противник хозяйничает в портах на всем протяжении северного и западного побережий Франции. Он все в большей степени базирует свои подводные лодки, летающие лодки и боевые самолеты в этих портах… В ближайшие шесть или семь месяцев сравнительная мощь линейных кораблей в водах метрополии сократится и станет менее чем удовлетворительной. Г-н Президент, никто лучше, чем Вы, не поймет, что нам в течение этих месяцев придется впервые за время этой войны думать об операциях на море, в которых противник будет иметь два корабля, по крайней мере, таких же хороших, как два наших лучших и единственных современных корабля…»

Сталин прочел копию письма Черчилля к Рузвельту раньше, чем это послание было отправлено через океан. Уже это одно доказывало, что информационный канал оседлала английская разведка, но никому тогда об этом думать не хотелось, поскольку все разведслужбы более всего желали продемонстрировать вождю свою оперативность. Именно оперативность товарищ Сталин любил более всего.

Из текста письма он понял, что над англичанами уже нависла прямая угроза потерять свой главный козырь, которым Британия веками била карты всех своих врагов – господство на море.

Уже почти год наиболее обширный поток информации поступал в СССР из Англии, где прямо в недрах британской секретной службы сидел советский агент Ким Филби. Кроме того, НКВД удалось завербовать в сентябре 1940 года Джона Кернкросса – секретаря члена военного кабинета лорда Хэнки. Кернкросс пересылал в НКВД в буквальном смысле тонны секретных документов.

Но наиболее интересным было сообщение Филби, пришедшее в начале декабря 1940 года:

«Общая установка, данная резидентурам МИ-5 на континенте, а также в посольства Британии и Швеции, Швейцарии, Португалии, Греции, Венгрии и Болгарии, а также многих стран Южной Америки и Азии, где имеются английские посольства или консульства, предписывает сотрудникам разведки и дипломатам всячески муссировать слух о неизбежности войны между Германией и Советским Союзом, которая должна разразиться не позднее лета 1941 года. При этом в зависимости от конкретных условий и симпатий местного населения и прессы нападающая сторона в этой войне должна определяться соответственно. Нападение может осуществить в равной степени как Советский Союз на Германию, так и Германия на Советский Союз».

То, что подобная установка дана, Сталин уже мог не сомневаться. Еще до получения этого сигнала от Филби, 28 ноября было получено новое сообщение из Токио от Зорге о том, что в районе Лейпцига немцы формируют новую запасную армию в составе 40 дивизий. 80 дивизий уже дислоцированы на советско-германской границе, еще 20 – перебрасываются из Франции.

Терпение Сталина лопнуло. До каких же пор будет продолжаться это безобразие? На разведывательных каналах сидят двойники-провокаторы, выполняющие задания английской разведки. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: натравить Гитлера на Советский Союз является единственным шансом англичан сорвать вторжение немцев на свои острова и избежать давно заслуженного исторического финала.

Вождь вызывает к себе Голикова и Фитина и в присутствии Маленкова требует «вычистить из агентуры провокаторов, которые хотят натравить Гитлера на нас». Оба руководителя разведывательных ведомств уверяют вождя, что все это пустая болтовня – у немцев даже нет еще никакого плана войны против нас. А как известно, немец без плана – все равно что черепаха без панциря. Немец без плана жить не может. Не способен немец на импровизации. А в секрете, подобно нам, немцы хранить свои планы совершенно не умеют. Все их планы нам известны: от вторжения в Англию до захвата Гибралтара и вторжения в Грецию. Директива по операции «Марита» (вторжение в Грецию) еще Гитлером на сегодняшний день не подписана, а мы ее уже знаем.

– Хорошо, – смягчается вождь, – но провокаторов уберите. Тяжело работать становится – с толку сбивают.

Вернувшись от Сталина, Голиков собрал руководители всех шести операционных отделов ГРУ и прочел им нечто вроде лекции по международному положению Советского Союза. Начал он с пакта о ненападении и договора о дружбе между СССР и Германией, назвав их «продуктом диалектического гения товарища Сталина». Перспектива нападения немцев на СССР, заявил он, является даже не призрачной, а просто фантастической.

– Они же с ума не сошли – знают примерное соотношение сил. Англия, как и Франция, будет скоро повержена, а ее империя разделена между Германией и Японией. Соединенные Штаты – сердце классического капитализма – ради спасения Британской Империи и всей мировой капиталистической системы от полного развала тоже неизбежно вступят в войну против Германии. А тем временам Советский Союз будет терпеливо ждать, пока не придет момент сыграть свою будущую роль. Как только капиталисты обескровят и истощат друг друга, мы освободим весь мир.

Последнюю фразу начальник ГРУ произнес, глядя на начальника информационного отдела подполковника Василия Новобранца, как бы подчеркивая, что эта установка касается лично его.

Несмотря на свою молодость, подполковник Новобранец успел уже закончить две академии – им. Фрунзе и Генерального штаба и служил заместителем начальника

оперативного отдела штаба фронтовой группы на Дальнем Востоке, которой командовал командарм 1-го ранга Штерн, переаттестованный затем в генерал-полковника. После боев на Халхин-Голе генерал Штерн, прихватив с собой членов Военного совета Бирюкова и Новобранца, приехал в Москву, чтобы доложить Сталину план развертывания войск Дальневосточного фронта на 1940 год.

На совещаниях подполковник Новобранец был, конечно, «маленьким человеком» – по мере надобности он передавал Штерну необходимые документы и оперативные разработки. Но не остался незамеченным. На аналитические способности молодого офицера обратил внимание тогдашний начальник ГРУ Иван Проскуров, который предложил подполковнику перейти на работу в разведку. Новобранец наотрез отказался: во-первых, он уже прирос к Дальнему Востоку, где ему в ближайшее время пообещали квартиру, а во-вторых, он прекрасно знал, насколько опасна работа в разведке, где последовательно расстреляли семь начальников ГРУ со всеми начальниками отделов. Однако принцип добровольности перестал действовать не только в авиации, но и в разведке. Несмотря на отказ, Новобранца вызвали в кадры НКО и приказали явиться в ГРУ для дальнейшего прохождения службы, где он был назначен заместителем начальника информационного отдела по Востоку. Пока Новобранец осваивался на новом месте, начальник ГРУ генерал Проскуров был арестован, а начальник информационного отдела полковник Пугачев снят с должности, и место его занял генерал Дубинин. Начальником ГРУ вместо арестованного, а позднее расстрелянного Проскурова, стал Филипп Голиков – четвертый начальник за два года. Чтобы занять пост, на котором последовательно были расстреляны восемь твоих предшественников, нужно иметь, без сомнения, большое мужество. Но и большое мужество не прибавляет знаний, столь необходимых в паутине глобальной дезинформации.

Будучи единственным в Главном Разведывательном Управлении посвященным в операцию «Гроза» и зная отношение Сталина к этой операции, а также и тот факт, что весь замысел операции основан на вторжении немецких войск в Англию, Голиков, возможно, и не отдавая себе отчета в своих действиях, а просто желая выжить, начал подгонять разведданные своей службы под эту достаточно простую схему. Говорят, что он сам был большим поклонником «Грозы» и более всего боялся, что у Сталина в последний момент не хватит решимости эту операцию осуществить.

Поэтому со своими подчиненными, которые в глобальные планы посвящены не были, а честно делали свое дело на указанных им направлениях, Голикову приходилось объясняться намеками и улыбками, осторожно давая им понять, что именно хочет услышать от разведки большое начальство. Профессиональные и многоопытные разведчики, возглавлявшие отделы ГРУ, оказывались сбитыми с толку даже постановкой задач, которые ставил перед ними начальник ГРУ. С постоянной улыбкой на лице Голиков говорил подчиненным: «Сделайте так или наоборот», и никто не понимал, как нужно делать, чтобы было правильно. Но это давало возможность Голикову обрывать слишком ретивых подчиненных словами: «Я вам таких указаний не давал!» или «Вы меня неправильно поняли». Более всего он боялся, что разведывательные сводки и ориентировки не совпадут с мнением Сталина.

В итоге подобного руководства начальник информотдела генерал-майор Дубинин попросту сошел с ума и попал в психиатрическую больницу, а начальником отдела был назначен подполковник Новобранец.

Не зная о глобальных замыслах товарища Сталина, Новобранец в отличие от вождя всех народов и своего непосредственного начальника, совершенно не верил в возможность Гитлера форсировать Ла-Манш и осуществить вторжение в Англию. Еще во времена Ивана Проскурова путем довольно несложных расчетов аналитики отдела выяснили, что операция «Морской лев» не может быть осуществлена по очень простой причине: у немцев нет ни десантно-перевозочных, ни десантно-высадочных средств, чтобы доставить на побережье южной Англии минимум необходимых сил в 60 дивизий. У них даже нет средств, чтобы в

первом эшелоне перебросить 30 дивизий для захвата плацдармов. Разведчики вычислили количество необходимых для этого плавсредств и количество имеющихся в наличии, включая баржи со всех немецких и французских рек. Генерал Проскуров пытался доложить все эти выкладки Сталину, за что и поплатился головой.

Однако внезапное исчезновение генерала Проскурова совершенно не убедило подполковника Новобранца в том, что немцы способны форсировать Ла-Манш. Что он и высказал преемнику генерала Филиппу Голикову. Голиков, как всегда, улыбался своей загадочной улыбкой:

– Что ты за них так беспокоишься? Не получится у них высадка – им же хуже. Еще раз попробуют!

– Они не собираются высаживаться, товарищ генерал, – настаивал подполковник, – дело даже не в том, могут они или нет, а в том, что просто не собираются этого делать, вводя всех в заблуждение, а прежде всего нас.

– А зачем им это? – поинтересовался Голиков.

– Чтобы под прикрытием этой дезинформации напасть на нас, – убежденно заявил Новобранец.

Голиков засмеялся:

– Пусть нападают. Кое-кто наверху только и ждет, чтобы они на нас напали. Чем они на нас нападут, имея 93 дивизии на канале? Они что – рехнулись?

Новобранец молчал.

– Ты же сам изучал гамеленовские документы, – продолжал Голиков, – и знаешь, насколько мы сильнее их. Как же они могут на нас напасть?

Легкая победа вермахта на Западном фронте над объединенными франко-английскими силами, как известно, шокировала многих и более всего самого товарища Сталина. Вождь приказал разведке разгадать «секрет» немецких успехов и выявить, что немцы придумали нового в военном искусстве. Вскоре в руки разведки попал исключительно ценный документ – «Официальный отчет французского Генерального штаба о франко-германской войне 1939-40 гг.». Отчет этот лично вручил советскому военному атташе в Виши начальник Генштаба французской армии генерал Гамелен, якобы сказав при этом: «Возьмите, изучайте и смотрите, чтобы и вас не постигла такая же судьба».

Отчет Гамелена действительно оказался очень ценным, что подполковник Новобранец понял уже после беглого ознакомления. В нем была показана вся немецкая армия до каждой дивизии и отдельной части (больше сотни дивизий) – их состав, вооружение, нумерация и группировка. На схемах был изображен весь ход боевых действий с первого до последнего дня войны. По выражению самого Новобранца, он и его подчиненные набросились на этот отчет, как голодные на пищу. Все указанные дивизии поставили на учет – это давало возможность отслеживать и перемещения, и переброски. Новобранец начал изучать соотношение сил в ходе боя по направлениям и искать, что же нового в оперативном искусстве придумали немцы, где и в чем секрет их молниеносной победы? Новым, пожалуй, было появление танковых групп, которые по численности соответствовали примерно двум нашим танковым дивизиям или механизированному корпусу. И, конечно, бросалось в глаза четкое взаимодействие танков, артиллерии, авиации и пехоты. Но это взаимодействие достигается и шлифуется на учениях, а не создается само по себе.

Отчет был направлен начальнику Генерального штаба с рекомендациями создать крупные артиллерийские противотанковые соединения, целые дивизии зенитной артиллерии, инженерно-саперные бригады и корпуса» [48]. Тогда любой удар противника сразу же захлебнется в нашей обороне и немцам никогда не удастся пройти по нашей территории, как они прошли по французской.

– Ты в том отчете правильно показал, – пояснил Голиков, – что немцы ничего нового не придумали. Мы эту тактику знали, когда еще никакого вермахта и на свете не было. А вот с рекомендациями перемудрил. При всех разработках главное помнить – война будет вестись на чужой территории, малой кровью. А сейчас, когда у них вся армия на канале сидит, нам вообще беспокоиться не о чем.

Подполковник Новобранец и на этот раз не был согласен с начальством. По его данным, на границе с СССР немцы уже развернули не менее 110 дивизий.

Глава 10. Холодный душ из садового шланга

5 декабря Браухич и Гальдер были вызваны наконец в рейхсканцелярию.

Фюрер находился в несколько возбужденном состоянии, что генералы заметили сразу, когда их провели в кабинет. Едва кивнув вошедшим, Гитлер продолжал прохаживаться из угла в угол, нервно потирая руки и время от времени притоптывая правой ногой, как бы в такт какой-то музыке, звучавшей в его голове.

Эсэсовцы хорошо знали своего фюрера, а потому научились его не только успокаивать, но и убеждать. А когда это не удавалось, просто действовали от его имени. Фюрер несколько раз ловил их на этом, устраивая руководителям своей «черной гвардии» грандиозные разносы и истерики, но его всегда удавалось успокоить и убедить, что все было сделано, хоть без его ведома, но хорошо» [49].

Гальдер тоже хорошо знал Гитлера и по его виду стал опасаться, как бы эта долгожданная конференция не превратилась в монолог фюрера, переходящий в истерику. В таком случае ничего толком доложить не удастся, а придется только слушать отвлеченные разглагольствования фюрера скажем, о его роли в планах Божественного Провидения.

Однако начальник Генерального штаба ошибся. Фюрер неожиданно прервал свое хождение по кабинету и объявил генералам, что захват Гибралтара необходимо осуществить не позднее 14 января 1941 года. Это его твердое решение, которое обсуждению не подлежит. Вторжение в Грецию также вопрос решенный, но окончательное решение он примет сам. Подготовку проводить с таким расчетом, чтобы начать вторжение к началу марта. Он желает услышать от господ генералов, как они мыслят себе проведение операции «Феликс» и насколько продвинулась подготовка.

Разложив на столе свои документы, Гальдер доложил, что операция должна начаться массированным воздушным налетом на Гибралтар, которому будет сопутствовать мощный артиллерийский удар. Время между воздушным налетом и артиллерийским ударом должно быть сокращено до минимума. Предполагается разрушить артиллерийским огнем каждый квадратный метр английской территории. Поэтому необходимо большое количество боеприпасов для осадных мортир. Другими словами, нужно обеспечить тяжелой артиллерии возможность неограниченного расхода боеприпасов. Это означает примерно 20-30 эшелонов с боеприпасами. Кроме боеприпасов, необходимо доставить в Испанию и сами мортиры. Это еще 10 эшелонов.

В докладе Гальдера, который он читает ровным сухим голосом, сквозит вопрос: где взять все эти эшелоны, солдат и боевую технику. И неужели фюрер думает, что столь масштабные приготовления не останутся незамеченными противником?

Гальдер докладывает о катастрофическом положении итальянцев в Албании и вопросительно смотрит на Гитлера.

Вместо ответа Гитлер, облокотившись руками о стол, на котором расстелена карта западной части Средиземного моря, с некоторой торжественностью в голосе объявляет:

– Господа! Я принял решение окончательно оккупировать Францию. Я имею в виду южную часть этой страны. По заключенному летом соглашению о перемирии Франция обязалась если не помогать нам в наших военных усилиях, то и не мешать им. Однако эта

страна ведет себя в настоящее время так, как будто она не нападала на Германию и ее не постигло вполне справедливое возмездие. А потому я утвердил план операции «Аттила», разработанный по моему приказу в ОКВ. Генерал Йодль сейчас зачитает вам основные положения новой директивы, которая будет разослана по штабам в ближайшем будущем.

Начальник штаба ОКВ, уже ставшего к этому времени личным штабом Гитлера, генерал Йодль своим трескучим голосом зачитал проект операции «Аттила»:

Молчавший до сих пор главком сухопутных войск генерал Браухич попросил разъяснений, когда намечено осуществить операцию «Аттила»: до или после захвата Гибралтара? Если до, то ее следует начинать сейчас. Если после, то имеется риск сорвать все перевозки для предполагаемой испанской группировки вермахта, поскольку в их оперативном тылу начнутся пусть короткие, но боевые действия, в итоге которых, что очень вероятно, выйдут из строя все порты южной Франции.

Гитлер взрывается.

– Браухич! – орет он. – Вы осуществите любую операцию не раньше и не позже, чем я прикажу вам это сделать! Вы меня поняли?

– Да, мой фюрер, – спокойно отвечает главком сухопутных войск, – однако мне кажется очень опрометчивым в настоящее время отвлекать силы и внимание с восточного направления. В частности, от генерал-губернаторства и Восточной Пруссии, откуда, как известно фюреру, я позавчера вернулся из инспекторской поездки.

Гитлер снова опускается в кресло и окидывает генералов вопросительным взглядом.

Гальдер, приняв эстафету от Браухича, продолжает:

– Мой фюрер, план операции «Отто», который разрабатывался Генштабом по вашему приказу и под моим руководством, уже готов. Нам бы хотелось, чтобы этот план был оформлен в рамки конкретной директивы с указанием сроков и полного графика операции. Мне бы не хотелось, чтобы вопрос снова был отложен на неопределенное время, как это уже имело место дважды.

Генерал делает паузу, ожидая новой вспышки раздражения Гитлера. Но Гитлер молчит, неожиданно обмякнув в кресле, слушая начальника Генерального штаба с полузакрытыми глазами.

На специальном столе-планшете расстилается оперативная карта Генштаба, испещренная красными, синими и зелеными символами, значками и цифрами. Все присутствующие, встав со своих мест, подходят к столу.

– Сколько у нас дивизий на востоке? – интересуется Гитлер, потирая рукой подбородок.

– Сто десять дивизий, из них одиннадцать танковых, – докладывает начальник Генштаба.

Всем ясно, что этого мало не только для нападения, но и для эффективной обороны. Поэтому главной задачей в настоящее время является переброска войск на восток с еще большей интенсивностью. Эти войска необходимо развернуть по всей линии границы с СССР до Черного моря включительно. Начинать войну даже сильными ударами с территории Польши и Восточной Пруссии – безумие. Русские ответят мощным контрударом в направлении Румынии и Протектората, где наши фланги висят в воздухе.

Главное – упредить русских в нанесении первого удара. Если это удастся сделать, то возникает великолепная возможность быстрого окружения основных сил Красной Армии, сосредоточенных на балконах-выступах. Конфигурация театра военных действий, который расширяется к востоку наподобие воронки, диктует необходимость решительного разгрома русских сил до линии Киев – Минск – Чудское озеро, тем более что основные силы Красной Армии сосредоточены западнее этой линии. При этом задачей является не оттеснить советские войска за эту линию, а уничтожить их, поскольку по ту сторону линии Днепр –

Двина одно пространство угрожает поглотить любую операцию, проводимую на широком фронте. Итогом этой операции является захват исходной базы, своего рода сухопутного моста, каковым определен район Смоленска для последующего наступления на столицу большевиков – Москву, чтобы занять ее до осенней распутицы.

Таким образом, главный удар наносится севернее Припятской области ввиду благоприятных дорожных условий и возможности прямого наступления в центральные районы России и в Прибалтику. Второй удар наносится из Румынии и Южной Польши (или только из Южной Польши, если так сложатся обстоятельства). Поход необходимо выиграть единственным эшелоном войск значительных резервов. Восточная армия будет насчитывать 3 миллиона человек, 600 тысяч лошадей и 600 тысяч автомашин.

Начальник Генерального штаба обращает внимание присутствующих на тот факт, что резерв личного состава для армии имеет 400 тысяч человек и может покрыть потери только до осени 1941 года. Это необходимо помнить при планировании операции. Любой сбой графика приведет к необходимости новой мобилизации, а это грозит оголить промышленность.

Все молчат и смотрят на Гитлера, ожидая его реакции.

Гитлер стоит, опершись руками о стол со стратегической картой, одного взгляда на которую достаточно, чтобы понять, насколько неравны силы.

– Значит, – говорит фюрер, ни к кому конкретно не обращаясь, – каждый немецкий солдат должен убить или пленить десять русских. Только немец способен на такой подвиг.

Все напряглись, ожидая, что фюрер снова начнет одну из своих любимых лекций об античной героике немцев, унаследовавших бессмертный дух Эллады и Рима, когда один центурий убивал 100 варваров.

Но Гитлер неожиданно выпрямился и сообщил, что он в принципе одобряет предложенный Гальдером план, но удивлен, почему в плане проигнорированы его устные указания о том, что главной целью операции должна быть не Москва, а Украина и Прибалтика. Не следует слепо подражать Наполеону и считать главной целью Москву. Тем более история показала, что взятие Москвы не принесло Наполеону ровным счетом ничего хорошего.

Для нас же взятие столицы не столь важно в сравнении с достижением иных целей.

Браухич осмелился возразить, что, не говоря уже о моральном значении захвата Москвы, столица СССР является крупнейшим во всей России коммуникационным центром и центром военной промышленности.

Гитлер взглядом заставил главкома сухопутных сил замолкнуть и сказал: «Только полностью закостеневшие мозги, воспитанные на идеях прошлых веков, ни о чем другом не думают, кроме как о захвате столицы противника».

Никто не возражал, поскольку все присутствующие понимали, что пока это все даже не планирование действий, а простые разговоры на старую немецкую тему – как вырваться из окружения, в которое Германия попадала при любом европейском конфликте, начиная со времен Фридриха Великого.

В резолюции совещания было записано: «Задачи сухопутных сил определить следующим образом: при поддержке авиации любой ценой уничтожить лучшие кадры русской армии, чтобы тем самым сорвать планомерное и полноценное использование больших русских сил».

Далее в план «Отто» было внесено особое мнение фюрера:

«Если ОКХ (Главное Командование Сухопутных сил) считает критерием успеха всего похода направление главного удара на Москву, так как здесь будут разбиты развернутые на этом направлении основные силы противника, то фюрер считает и требует, чтобы центральная группа армий после уничтожения советских войск в Белоруссии сначала бы

повернула часть своих сильных подвижных группировок на север и на юг для захвата Прибалтики и Украины, а затем бы возобновила наступление на Москву».

Говоря более простым языком, это означало, что генштабисты должны план переделать.

Гитлер закрыл совещание примирительно, довольно туманно заявив, что «мы должны в 1941 году решить все наши европейские континентальные проблемы, чтобы быть в состоянии в 1942 году принять меры против Соединенных Штатов».

И пригласил господ генералов обедать.

Фюрер был вегетарианцем, а потому никто особенно не стремился попасть к нему на обед. Кроме того, за столом приходилось выслушивать всевозможные отвлеченные монологи Гитлера, которые у занятых по горло генералов создавали горькое чувство напрасно потерянного времени.

Но, разумеется, и отказаться от приглашения было совершенно невозможно.

Гальдер, следуя в обеденный зал рядом с Гитлером, вполголоса доложил фюреру, что, по данным разведки, в Москву съезжаются командующие округами и армиями для проведения крупнейшей секретной конференции и стратегических игр, чтобы окончательно отшлифовать вторжение в Европу. Генерал намекал, что не следует тратить время на разногласия в деталях плана, а надо скорее его оформлять в качестве директивы и начинать выполнять. Фюрер грустно улыбался и кивал головой, но Гальдер понял, что голова Гитлера занята чем-то другим, и замолчал.

Американский тяжелый крейсер «Тускалуза» легко и изящно разрезал своим стремительным форштевнем изумрудные воды Карибского моря. Белую пену носового буруна несло вдоль бортов крейсера и уносило за корму в бурлящий поток от работающих винтов. Немолодой человек в белой панаме и мятой домашней куртке сидел в плетеном кресле на юте крейсера, держа в руках спиннинг. За креслом стояли несколько человек в форме и штатском, всем своим видом демонстрируя, что их не интересует ничего, кроме рыбной ловли.

На мачте крейсера рядом с небольшим государственным флагом, играющим по совместительству и роль военно-морского, развевалось на теплом южном ветре огромное синее полотнище с распростертыми золочеными крыльями орлана-белохвоста, грудь которого украшал геральдический щит-штандарт Президента Соединенных Штатов Америки.

Все на корабле от командира до вольнонаемного буфетчика-филиппинца были преисполнены осознанием возможности приобщиться к истории.

Морской поход президента на «Тускалузе» был большой неожиданностью для всех, включая и госдепартамент. Иностранные дипломаты загудели как потревоженные осы, пытаясь разгадать, чем вызваны подобные, не предусмотренные никаким протоколом, мероприятия. Особенно встревожились в английском посольстве, считая, что после своей победы на выборах Рузвельт утратил интерес к европейской войне и начал беспечно расходовать драгоценное время. Официально Белый дом объявил, что целью путешествия президента является осмотр некоторых участков для строительства новых баз, недавно приобретенных в Вест-Индии. Это выглядело правдоподобнее, поскольку в числе лиц, сопровождавших Рузвельта, не было ни одного человека, способного дать ему совет или хотя бы справку по серьезнейшим проблемам Европы и Дальнего Востока. Единственным исключением, но обычным за долгие годы президентства Франклина Рузвельта, был Гарри Гопкинс – его старый друг, не занимавший никаких официальных постов, временами возводимый в ранг советника, но игравший при президенте роль целого конклава серых кардиналов. Версия о том, что президент отправился на рыбалку, показалась очень правдоподобной. Настолько правдоподобной, что Эрнест Хемингуэй дал на крейсер радиограмму, указывая на наличие большого количества крупной рыбы в проливе Мона

между Доминиканской республикой и Пуэрто-Рико, советуя президенту пользоваться «оперенным крючком с насаженным на него куском свиного сала».

Сообщения корреспондентов, официально аккредитованных на «Тускалузе», также подтверждали тот факт, что президент просто позволил себе слегка размагнититься. В заливе Гуантанамо был приобретен большой запас кубинских сигар. На островах Ямайка, Сент-Лючия и Антигуа президент давал завтрак для английских колониальных чинов и их жен. Когда он прибыл к острову Элютьера, то принял на борту генерал-губернатора Багамских островов герцога Виндзорского, бывшего короля Эдуарда VIII, которого английское правительство отправило на Багамские острова, как «Наполеона на остров св. Елены». Симпатии бывшего короля к Германии вообще и к Гитлеру в частности были общеизвестны. Подозревали даже, что герцог просто работает на немецкую разведку. Что было менее известно, так это использование бывшего короля «втемную» советской разведкой через хранителя его картинной галереи Вулса. Тем не менее Рузвельт принял бывшего короля с полным радушием и, если чем и поинтересовался во время беседы за завтраком, это судьбой коллекции марок, принадлежавшей отцу герцога – королю Георгу V. Рузвельт был заядлым филателистом.

Президенту явно нравилось на борту тяжелого крейсера. Он несколько раз отмечал, что, будь на корабле побольше помещения, чтобы разместить весь бюрократический аппарат государственного управления, он без колебаний сменил бы Белый дом на кормовой адмиральский салон и даже добился бы принятия соответствующего закона Конгрессом.

Днем Рузвельт беседовал с Гопкинсом, выслушивал советы своего доктора Макинтайра, ловил рыбу или просто отдыхал, сидя в кресле на юте. Вечера на корабле проходили либо за игрой в покер, либо за просмотром кинофильмов. Особым успехом пользовалась кинолента «Аллея Тин-Пэн» с Алисой Фэн и Бетти Грэбл.

Корреспонденты, однако, не сообщали о том, что время от времени (довольно часто) у борта «Тускалузы» совершали посадку гидросамолеты ВМС, доставлявшие почту из Белого дома, включая огромное количество государственных бумаг, посылаемых президенту. В одном из таких пакетов, утром 9 декабря, Рузвельту было доставлено большое письмо от Черчилля. Ознакомившись с письмом, президент дал его прочесть и Гопкинсу. Гопкинс обратил внимание на то, что премьер-министр Англии очень обстоятельно и откровенно нарисовал картину обстановки от Северного моря до Гибралтара и от Суэцкого канала до Сингапура, коснувшись критического состояния английских финансов, производства и судоходства, заклиная Америку оказать немедленную помощь. Особое впечатление на Гопкинса произвел конец письма с выражением уверенности, что «американский народ поддержит дело Англии и удовлетворит ее неотложные нужды» без всяких предложений по поводу того, как президент Рузвельт мог бы все это осуществить с разрешения Конгресса и народа Соединенных Штатов. Гопкинс возымел даже желание познакомиться с Черчиллем, чтобы установить, «сколько в нем было просто напыщенности и сколько сурового реализма».

Вечером того же дня на борт «Тускалузы» пришло первое сообщение о том, что англичане начали наступление против итальянских войск в Египте, Судане и Эфиопии, т.е. на всех участках возрождаемой Муссолини Римской Империи. Это вызвало некоторое удивление, поскольку все ожидали обратного – итальянского наступления с целью вытеснения англичан за Суэцкий канал. Зная, что у англичан в этом районе примерно втрое меньше сил, чем у итальянцев, Рузвельт запросил подтверждения информации.

Летающая лодка «Каталина», лихо совершив посадку у самого борта «Тускалузы», быстро доставила необходимые документы. Следом прилетели министр ВМС Нокс и командующий флотом США адмирал Старк.

Армия маршала Грациани после первого же удара англичан обратилась в паническое бегство, бросая боевую технику, склады с боеприпасами и горючим. Англичане стремительно

продвигаются к ливийской границе, очищая вместе с тем территорию Эфиопии и Судана от итальянских гарнизонов.

Стоя за спиной президентского кресла на юте крейсера, они докладывали ему свое виденье обстановки, в то время как сам президент, казалось бы, был полностью поглощен процессом рыбной ловли. Вопреки утверждениям Хемингуэя рыба клевала плохо. Крупнейшей добычей был двадцатифунтовый групер, да и то попавшийся Гопкинсу. Но Рузвельт не терял надежды обогнать своего друга.

Доброе лицо президента, его демократические убеждения и уверенность, что существующий в США общественный строй, гарантирующий своим гражданам все мыслимые в человеческом обществе свободы и возможности, является лучшим из всего, что придумало человечество за 50 веков своего исторического существования, делали его в глазах европейских диктаторов ни на что не способным государственным деятелем, завязшим в непроходимом болоте гласности, демократических законах и парламентских процедур.

Он часто повторял, что европейские диктаторы Сталин, Гитлер и Муссолини «одержимы дьяволом» в своей навязчивой идее добиться мировой гегемонии. Он говорил то, что весь мир видел и знал достаточно хорошо. Он еще в 1939 году предсказывал неизбежность схватки между Гитлером и Сталиным как неизбежность смены времени суток дня и ночи. Но до Москвы и Берлина почти не доносились слова американского президента, поскольку в обоих центрах мирового тоталитаризма его никогда серьезно не воспринимали с единственно понятной в этих центрах военно-агрессивной точки зрения. Аналитические доклады разведчиков рисовали образ неизлечимо больного старика с отнявшимися ногами, достаточно честолюбивого, достаточно работоспособного, без сомнения умного и способного вести за собой, человека, на которого поставили евреи (взгляд из Берлина) и эксплуататорские классы (взгляд из Москвы), чтобы получать прибыли и сверхприбыли из пущенных в оборот денег и товаров.

Правда, и в Москве, и в Берлине, и в Токио понимали, что потенциально промышленность Соединенных Штатов может наковать горы оружия, но с одним непременным условием – если на него найдется покупатель.

Программа вооружений США, ставшая легкой добычей почти всех разведок мира, не воспринималась серьезно, во-первых, из-за слишком астрономических цифр, смахивающих на плохую рекламу провинциального банка и, во-вторых: кто этим оружием будет воевать?

Неужели вот эти прилизанные молодые люди в котелках и галстуках бабочкой, играющие в теннис и купающиеся бассейнах? Не верилось, что эти молодые люди способны просидеть в окопе хотя бы полчаса и не начать митинг по поводу нарушения их гражданских прав.

Всем хотелось посмотреть, как повела бы себя Америка, если бы она подверглась нападению, как Польша или Финляндия или, по меньшей мере, стала бы объектом ежедневных беспощадных бомбардировок, как Англия? Ответы были разные, но надо сказать, что аналитики, отдадим им должное, всегда сходились во мнении, что на Америку в настоящее время и при нынешнем состоянии военной техники напасть не в состоянии никто. Хотя на отдаленные американские гарнизоны на Филиппинах, на Уэйке, на Алеутских и Гавайских островах в принципе напасть можно, и даже нанести по этим объектам сокрушительный удар, который, конечно, не способен покончить с Соединенными Штатами, но вполне способен поставить их на место и надолго отбить желание заниматься мировыми проблемами [50].

Поэтому президентов США не особенно изучали, особенно Франклина Рузвельта, поскольку он был прикованным к креслу калекой и все каждый день ждали, что он сам устранится от должности по состоянию здоровья. «Просто удивительно, – сказал как-то

Гитлер, посмотрев очередной американский „вестерн‟, – как такая большая и динамичная страна терпит во главе себя калеку, который и в клозет-то сам сходить не может?»

В отличие от своих оппонентов Рузвельт был единственным в те годы политиком, который видел вещи во всей их реальности и обладал средствами для ведения именно той самой глобальной войны, правила которой диктовались условиями промышленного века. Будучи единственным трезвым политиком, он уже видел, что в результате все ярче разгорающегося буйного пламени мирового конфликта мировое господство, во имя которого Сталин и Гитлер готовы пожертвовать миллионами жизней своих подданных и будущим своих стран, будет преподнесено Соединенным Штатам как апельсин на серебряном подносе. Причем уже поделенный на дольки, со снятой кожурой, лежащей рядом. Как ни снимай шкурку с апельсина, она так или иначе принимает форму, похожую на конфигурацию СССР в географических атласах. Дольки можно будет съесть сразу, а шкурку слегка подсушить, затем провернуть через мясорубку и добавить в общий пирог для запаха. Конечно, в ближайшие 10-15 лет придется здорово поработать, а потом все процессы начнут развиваться автоматически.

Прежде всего необходимо сорвать все попытки заключения мира между Англией и Германией. Англия должна получить столько оружия, сколько она захочет. Получить это оружие она может только от нас. Но как, если у нее уже нет денег?

Так или иначе, но этот вопрос надо решить в самом ближайшем будущем.

Второе – это неминуемый конфликт между нынешними друзьями-разбойниками Сталиным и Гитлером. Одного взгляда на карту достаточно, чтобы увидеть самый идеальный вариант этого конфликта. Гитлер начинает и доходит примерно до Волги, где выдыхается и его гонят назад. Хорошо, если бы этот процесс продлился года два-три. Это вынудит его убрать свою армию из Европы и растворить ее в необъятных полях и лесах России. При этом нужно принять меры, чтобы Советский Союз не рухнул и не развалился, даже если Сталину пришлось бы перенести свою столицу в Магадан. В возможность такого идеального варианта даже верится с трудом. Донесения разведки говорят совсем о другом. У Сталина такое превосходство по всем показателям вооруженных сил, что Гитлеру надо просто сойти с ума, чтобы осмелиться броситься на это красное чудовище из чугуна и стали. Значит, ключ к проблеме заключается в том, чтобы Гитлер окончательно рехнулся, как крыса в лабиринте Муррея, бросающаяся на электроды под током только потому, что больше некуда, а есть хочется. А за электродами она видит сыр как единственный способ спасения от голодной смерти в лабиринте-мышеловке. Здесь тоже есть несколько реальных ходов для осуществления плана. Но Сталин! Если начнет он, обстановка станет непредсказуемой. А все говорит за то, что он именно так и намерен поступить, ожидая момента, когда Гитлер и англичане сцепятся в каких-нибудь длительных и кровопролитных боях. Вряд ли сейчас, после наступления англичан в Северной Африке, Гитлер пошлет туда крупные силы, если вообще пошлет какие-либо.

Скорее всего, он полезет в Грецию, но там все должно кончиться достаточно быстро. Ему можно подложить по дороге несколько мин, скажем, в Югославии, но еще неизвестно, сработают ли они. Сталин ждет его высадки в Англии. Это ясно как Божий день. Но также ясно, что никакой высадки не будет. Слава Создателю, что Сталин этого не понимает, а следовательно, мы должны приложить все усилия, чтобы он этого так и не понял. Другими словами, необходимо найти способ, чтобы до поры до времени подержать его на цепи. А для начала снять с России «моральное эмбарго» на торговлю, введенное главным образом для того, чтобы слегка умерить сталинский аппетит, так разыгравшийся в прошлом году. Все это очень рискованно, но поддается расчету, если наша разведка будет действовать синхронно с английской… и немецкой.

Если этот план удастся, то мимоходом можно поставить на место и Токио, превратив Японию из лязгающего оружием соперника в младшего торгового партнера.

Но самое трудное другое. Весь этот план невозможно осуществить без нашего прямого вмешательства в события. Как поднять Америку на участие в глобальной войне? Как послать миллионы американцев, одев их в непривычную военную форму, во все уголки земли, чтобы обеспечить и закрепить нашу гегемонию в новом послевоенном мире? Без решения этой, наиболее сложной задачи все Другие планы станут чисто академическими и практически бессмысленными…

Катушка спиннинга стала стремительно раскручиваться. Рузвельт пытался остановить катушку, но слишком крупная рыба рвала ее на себя.

Крепкие матросские руки приняли спиннинг из рук президента.

Рузвельт устало откинулся в кресле и обратился к стоящему за спинкой главнокомандующему флотом США адмиралу Старку:

– Вы говорите, Гарольд, что Тихоокеанский флот закончил весь цикл летне-осенних учений?

– Да, сэр, – доложил адмирал.

– Пусть флот останется на Гавайях, в Перл-Харборе. – приказал Рузвельт, напоминая адмиралу, что он, президент, является помимо всего прочего еще и верховным главнокомандующим вооруженными силами США

– В Перл-Харборе? – удивился адмирал. – На какой срок?

– До особого распоряжения, – пояснил президент.

– Но, господин президент, – попытался возразить главком ВМС, – люди нуждаются в отдыхе, а корабли – в ремонте, некоторые даже в капитальном. Все это возможно, как вам хорошо известно, только на наших базах Западного побережья. База в Перл-Харборе совершенно не приспособлена для этого…

– Немедленно отдайте распоряжение адмиралу Ричардсону, – прервал Старка президент, – флот остается на Гавайях до особого распоряжения. Люди должны понять, что военная служба иногда приносит некоторый дискомфорт в личную жизнь. Тихоокеанский флот должен постоянно играть роль пистолета, приставленного к виску Токио, чтобы там поостереглись заниматься открытым разбоем. Грабитель должен постоянно видеть перед собой полицейского. Приказ Ричардсону отдайте прямо через радиостанцию «Тускалузы»…

– Фрэнк, – обернулся президент к стоящему с другой стороны морскому министру, – в вашем калифорнийском ранчо есть садовый шланг?

Полковник Нокс даже поперхнулся от удивления:

– Да, сэр. Разумеется, сэр.

– А что бы вы стали делать, если бы загорелся дом соседа, а у него не было садового шланга? Дали бы вы ему свой? – продолжал допытываться президент.

– Полагаю, что да, сэр, – смущенно отвечал морской министр, не понимая, куда клонит президент.

– А почему бы вы так поступили, мистер Нокс, а не сказали бы соседу: мол, надо было позаботиться пораньше и купить свой шланг?

– У нас в Калифорнии, – пояснил Нокс, – пожары – это настоящее бедствие. Если у кого начнется и вовремя не потушить, то сгорят все. Так что я лучше дам ему свой шланг, пока и мой дом не сгорел.

– В этом вся суть проблемы, – согласился Рузвельт, ни к кому конкретно не обращаясь…

Между тем матросы вытащили на палубу средних размеров акулу, которая отчаянно извивалась под ударами багров, попавшись на кусок сала…

16 декабря Рузвельт вернулся в Вашингтон, загорелый, полный сил и веселый. На следующий день он созвал пресс-конференцию, на которой открытым текстом заявил: «В умах подавляющего большинства американцев нет абсолютно никаких сомнений по поводу того, что наилучшей непосредственной обороной Соединенных Штатов являются успехи Британии в деле ее самообороны». Далее президент указал, что следовало бы одолжить Англии денег для закупки американских военных материалов, чтобы доблестные британцы могли продолжать борьбу.

«Я хочу пояснить это наглядным примером, – заявил Рузвельт, – предположим, что в доме соседа произошел пожар, а у меня имеется садовый шланг…»

Это произвело сильнейшее впечатление: дай шланг, пока не загорелся и твой дом. Никто не увидел ничего опасного и даже радикального в предложении президента предоставить англичанам взаймы американский садовый шланг для их героической и неравной (как казалось) борьбы с Гитлером. Неизвестно, рассчитывал ли кто-нибудь получить этот шланг обратно, но блестящее выступление Рузвельта обеспечило прохождение через конгресс уже подготовленного закона о «ленд-лизе» – самого странного и необычного закона, принятого в стране, официально объявившей себя нейтральной [51].

18 декабря Гальдер и Браухич представили Гитлеру на утверждение окончательный, как полагали генералы, план военных действий против Советского Союза. Фюрер выглядел мрачным и смотрел на своих верных генералов без всякого восторга. На это были свои причины, и генералы о них были отлично осведомлены. Начиная с 8 декабря плохие новости, перерастая в очень плохие и просто ужасные, сыпались бесконечным потоком.

Началось с мелочи. 8 декабря пришло сообщение, что около Кубы английские корабли перехватили немецкий блокадопрорыватель «Идарвальд» с грузом каучука и никеля. Доблестная команда прорывателя немедленно открыла кингстоны, подожгла судно и пыталась уйти на шлюпках. Англичане высадили на «Идарвальд» призовую партию, потушили пожар, но разобраться в системе кингстонов не смогли, и судно затонуло. Команда была взята в плен. Одним судном больше, одним меньше, когда бездействует весь торговый флот, конечно, никакого значения не имеет. Но противно. Англичане устроили по этому поводу такую пропагандистскую шумиху, как будто они не пиратствовали в международных водах, а по меньшей мере выиграли войну.

На следующий день, 9 декабря, пришло наконец сообщение о начале новых ожесточенных боев в Северной Африке. Настроение у Гитлера поднялось, поскольку он решил, что началось давно обещанное наступление огромной итальянской армии против англичан. Однако к концу дня выяснилось, что в наступление перешли не итальянцы, а англичане. В это не верилось, учитывая соотношение сил. Но на следующий день были получены подтверждения этого невероятного факта. После ночного удара по итальянским аэродромам на ливийской границе англичане атаковали позиции итальянцев, которые немедленно обратились в бегство. А те, кто бежать не успел, стали массами сдаваться в плен. Гитлеру передали, что дуче в разговоре со своим зятем графом Чиано заявил: «Я все же должен признать, что итальянцы 1914 года были лучше, чем эти. Это раса посредственностей. Это не очень-то льстит режиму, но дело обстоит именно так».

«Какой умник», – прошипел Гитлер, ознакомившись с этим высказыванием дуче. Уже на третий день английского наступления в Берлине разобрались в обстановке. Все военные действия в пустыне свелись к тому, что 7-я английская танковая дивизия, обогнав свою пехоту, неслась за удирающими итальянцами и, кого догоняла, брала в плен. Примерно то же самое творилось и в Албании, и будь там пустыня, как в Африке, а не почти непроходимая горная местность, греки, возможно, уже вошли бы в Рим.

Каждое утро Гитлер просыпался в кошмарном предчувствии, что англичане высадились в Италии или на Сицилии, вызвав всенародное восстание не желающих воевать итальянцев против дуче. Он со страхом ожидал утреннего доклада об обстановке. На волне этого кошмара, а иначе нельзя было назвать перспективу выхода из войны своего единственного союзника, оказавшегося на грани катастрофы, Гитлер 10 декабря подписал директиву о проведении операции «Аттила», а 13 декабря – о проведении операции «Марита». Дело в том, что Германия не имела общей границы с Италией и была бы не в состоянии ничем помочь дуче, если бы англичане высадились на итальянской территории. Операция «Аттила», как известно, предусматривала оккупацию южной Франции с выходом на испанскую и итальянскую границы. Задумана она была в связи с захватом Гибралтара, но к этому времени было уже не до Гибралтара. Во-первых, уже стало совершенно ясно, что с Франко договориться не удастся. Не мог даже старый друг генералиссимуса – начальник немецкой военной разведки адмирал Канарис, специально посланный в Мадрид, чтобы в задушевных беседах попытаться переубедить упрямого испанца [52]. Тот ни в какую не желал ввязываться в войну. Теперь операция «Аттила» получила новое значение: оперативно прийти на помощь дуче, если англичане вышибут Италию из войны, и наказать Франко, оккупировав Испанию, если представится такая возможность, расстреляв его самого как предателя.

Оставалась еще возможность нанести удар англичанам через Грецию, но все понимали, что, даже если это и удастся сделать, эффект будет совсем не тот. Англичане эвакуируют морем свои войска, и снова никто не сможет этому помешать. Сокрушительного удара не получится.

Дела в Румынии шли и того хуже. Искромсанная территориальными претензиями соседей, сталинскими аппетитами и германо-венгерскими интригами, Румыния бурлила и грозила вообще развалиться как государство. Английская и советская разведки на ее территории занимались провокациями каждая на свой лад. Англичане всегда были мастерами организовывать общественные беспорядки, перерастающие в побоища. И напрасно многие думали, что это у них получалось только в диких азиатских или африканских странах. Методика срабатывала везде, где царил политический кризис. Под шумок англичане рассчитывали либо перетащить румын на свою сторону, либо окончательно утопить эту страну в хаосе.

Советская разведка, считая, что англичане в данном случае приносят объективную пользу, все еще работала в русле указаний предстоящего раздела Румынии, хотя уже четко и не понимала, с кем ее придется (если придется) делить? Разделить не с кем, то придется все взять самим. В итоге в Румынии уже разгоралась открытая война между Антонеску и «железной гвардией», раздуваемая с одной стороны англичанами, с другой стороны сталинской разведкой с помощью местных коммунистов.

Гитлеру показали карту: расстояние между развернутыми на румынской границе советскими войсками и Плоештинским бассейном – менее 100 километров. Один короткий кинжальный удар, пояснил Гальдер, и вся боевая техника вермахта превращается в груду мертвого железа. Если Гитлера беспокоит вопрос, что англичане могут дотянуться до драгоценных нефтяных полей своей авиацией из Греции, то сталинские армии могут эти поля просто захватить одним ночным переходом, а потом объявить на весь мир, что Москва не преследовала никаких других целей, кроме воссоединения одного какого-нибудь братского народа с другим братским народом, изнемогающим в неравной классовой борьбе. Гитлер молча смотрел на очерченную генштабистами красную линию развертывания советских войск на румынской границе и неожиданно спросил своего начальника Генерального штаба: «Вы постоянно толкаете меня в сторону Балкан, Гальдер. Вы считаете, что на Балканах можно выиграть эту войну?»

«Мой фюрер, – ответил генерал, постукивая указкой по ладони, – войну на Балканах, конечно, выиграть невозможно. Но можно проиграть. В этом суть всей проблемы».

Выход был один: немедленно оккупировать Румынию под любым предлогом. Гитлер вызвал на 22 декабря в Берлин Антонеску, с тем чтобы подписать договор о присоединении Румынии к державам Оси и получить правовую основу для любого вмешательства.

Сложнее было с финнами.

Зимняя война с Советским Союзом буквально швырнула Финляндию в объятия Берлина, в котором финны видели не только гаранта своей будущей безопасности, но и в известной степени орудие возможного реванша. Советский разбой не был ни забыт, ни принят как данность. Вся страна еще жила недавно прошедшей войной, не желая смириться с потерей столь жизненно важных для нее территорий.

Финская разведка отлично знала о намерениях Москвы в итоге захватить всю оставшуюся часть Финляндии. Впрочем, для этого не нужно было иметь хорошую разведку. Достаточно было читать газеты. Исход новой войны без линии Маннергейма ни у кого никаких иллюзий не вызывал. Поэтому финны, зная о перебросках немецких войск на восток и надеясь, что это делается для будущего нападения на СССР, решили более не пытаться выводить немцев на чистую воду, а с самым невинным видом предложить им разместить часть своих войск на финской территории, откровенно считая немцев дураками.

Немцы и на эту удочку не клюнули, а предложили финнам так называемый «договор о транзите», т.е. договор о праве переброски немецких войск в Норвегию через территорию Финляндии.

16 декабря в Берлин прибыл начальник финского Генерального штаба Гейнрихс в сопровождении своего главного оперативника генерала Талвелы. Вместе с финским военным атташе в Берлине генералом Хорном отправились в Цоссен, где предъявили Гальдеру документы своей разведки о сосредоточении советских войск в Прибалтике и на границе с Восточной Пруссией, а также о планах развертывания Балтийского флота. Данные финнов в принципе соответствовали данным немецкой разведки, но некоторые количественные показатели, привезенные Гейнрихсом, вызвали у Гальдера некоторое замешательство.

Бесценный боевой опыт финского генерала в зимней войне против СССР стал предметом продолжительной лекции, которую Гейнрихс прочел перед руководящими офицерами Генерального штаба Германии.

Наиболее слабым местом, по мнению начальника финского Генштаба, является отвратительная связь, которая и сама по себе ненадежна, и совершенно не защищена, давая легкий доступ противнику на свои каналы. Оперативные коды просты и ненадежны. Русские все это знают, предпочитая нарочных с пакетами. Возможно, в силу этого, а возможно и по ряду других причин, в Красной Армии почти полностью отсутствует взаимодействие между различными видами вооруженных сил.

Но главный недостаток Красной Армии, после многозначительной паузы продолжал генерал Гейнрихс, заключается в другом. И он просит своих немецких коллег внимательно выслушать, что он имеет им сейчас доложить.

Красная Армия находится в глухой оппозиции, если так можно выразиться, к существующему в России режиму. Это ясно не только из опроса военнопленных, количество которых, кстати говоря, превзошло все наши ожидания. Я возьму на себя смелость утверждать, заявил Гейнрихс, что если бы мы имели возможность нанести по Красной Армии достаточно сильный удар и перехватить инициативу в свои руки, а вы согласитесь, что будь у нас соответствующие силы, это можно было сделать минимум раза три в течение кампании, то Красная Армия просто бы разбежалась или сдалась в плен.

Гальдер недоверчиво взглянул на своего финского коллегу.

Наполеон много раз повторял, что русского солдата недостаточно просто убить, чтобы он упал. Его надо еще и толкнуть.

Он говорил о русском солдате, возразил Гейнрихс, а русского солдата давно уже нет. Есть советский красноармеец – раб без всяких прав. Расходное пушечное мясо. Они начали войну против нас, не снабдив войска даже зимним обмундированием.

Русский солдат, напомнил Гальдер, был крепостным, имеющим не больше прав, чем нынешний. Этого солдата бросали на альпийские перевалы босиком, без сапог. И тем не менее…

Затем с финнами обсудили ряд вопросов. В частности, о возможностях скрытой мобилизации в их армии, постоянно подчеркивая, что все вопросы носят чисто академический характер в рамках сотрудничества генеральные штабов.

Адмирал Канарис считался любимцем Гитлера, который его произвел в адмиралы и сделал начальником военной разведки.

Никто никогда не анализировал мудрость кадровой политики Гитлера и не обращал внимания на тот факт, что на многих ключевых постах третьего рейха находились весьма странные личности.

В молодости Вильгельм Канарис в чине капитан-лейтенанта служил на легком крейсере «Дрезден» и участвовал в знаменитом рейде через Тихий океан легендарной эскадры адмирала графа Шпее.

После эффектной победы у Коронеля эскадра угодила в расставленную англичанами ловушку у Фолклендских островов и была уничтожена. Легкому крейсеру «Дрезден», благодаря высокой скорости хода, удалось временно оторваться от английской погони и укрыться в одной из бухт Огненной Земли вблизи мыса Горн. Англичане быстро обнаружили «Дрезден», и перед угрозой неминуемого уничтожения крейсер пришлось затопить, а экипажу интернироваться в Аргентине. На этом закончилась военно-морская карьера Канариса и началась новая – разведывательно-диверсионная. В годы первой мировой войны Канарису пришлось работать и в США под руководством знаменитого фон Папена, и в Мадриде, где он, по слухам, даже был любовником легендарной Мата Хари и во многих других местах, где кайзеровская разведка прилагала титанические усилия, чтобы спасти от краха свою страну.

После крушения кайзеровской Германии, хлебнув демократического разврата Веймарской республики, Канарис – тогда еще капитан 1-го ранга, как и многие разочарованные офицеры кайзеровской армии, пошел на контакт с нацистами, видя в них единственную силу, способную вытащить Германию из «веймарской трясины» и снова обеспечить ей статус великой мировой державы. Декларируемая Гитлером будущая политика, казалось, была направлена именно на это.

То, что Канарису понравился Гитлер, – в этом нет ничего странного. Гитлер производил очень сильное впечатление на миллионы людей.

Странно другое – что Канарис понравился Гитлеру. Дед адмирала был греком, приехавшим на заработки в Германию, где он женился на немке и открыл магазин по торговле фруктами. Внук получил от деда в наследство вместе с преуспевающим магазином курчавые черные волосы, смуглый цвет лица и маленький рост, т.е. ту самую внешность, что всегда приводила фюрера в состояние близкое к ярости. Говорили, что Канарис сыграл известную роль в уговорах фельдмаршала – президента Гинденбурга, когда решался вопрос о назначении Гитлера канцлером, заставив престарелого воина преодолеть свое презрение к человеку, чья военная карьера остановилась на лычке ефрейтора. Канарис одним из первых принес свои поздравления будущему фюреру Германии, а когда растроганный Гитлер спросил, какой награды тот для себя желает, попросил назначить его начальником военной

разведки. Просимое Канарисом показалось Гитлеру очень скромным. Он даже переспросил: «Начальником военной разведки? Конечно, господин капитан цур зее». Вскоре Канарис был произведен в контр-адмиралы и засел в управлении абвера на углу Тирпицуфер и Бендлерштрассе, пытаясь оттуда покрыть паутиной шпионажа весь мир.

Однако адмирал вскоре разочаровался в Гитлере еще сильнее, чем в демократии. Все кадровые офицеры, начавшие службу в кайзеровской армии, в душе оставались монархистами, что предполагает не только и не столько верность императору, сколько следование определенным морально-эстетическим, кастово-юридическим нормам. Фактически конституционно-демократическая монархия кайзера Вильгельма II, в которой они все были воспитаны, никак не предполагала (даже в страшном сне) простые гитлеровские методы решения как внутренних, так и внешнеполитических задач. Другими словами, бывшие офицеры кайзера оказались совершенно не готовыми к тоталитаризму, который также отличался от жестко авторитарной монархии, как день от ночи. Наиболее аполитичные пытались просто держаться подальше от многих мероприятий Гитлера, что удавалось далеко не всегда. Но многих это сразу поставило в оппозицию к режиму в самом широком спектре: от рассказывания анекдотов до открытого саботажа.

«Ночь длинных ножей», нюрнбергские законы, политический террор, законы о печати и искусстве, костры книг и, наконец, знаменитая «Хрустальная ночь» показала многим военным профессионалам полную бесперспективность режима, заставляя бороться с ним уже во имя спасения Германии.

К концу 1939 года немецкая военная разведка абвер фактически превратилась в центр подготовки государственного переворота в Германии. Во главе заговора стоял Канарис, а душой всего дела был его первый заместитель – начальник центрального отдела военной разведки и контрразведки полковник (позднее генерал) Ганс Остер. Началось все с лихорадочного поиска возможностей заключения мира с западными странами еще во времена так называемой «странной войны». Параллельно предпринимались отчаянные попытки сорвать намеченное Гитлером наступление на западном фронте. Все материалы и документы, связанные с планом предстоящего наступления передавались противнику по установленным каналам связи через Ватикан и Стамбул, а иногда и напрямую. Недвусмысленный ответ англичан, что они не собираются говорить о мире, пока у власти в Германии находится Гитлер, привели к заговору, направленному на арест или убийство фюрера. В абвере даже была сформирована специальная команда, которая по получении соответствующего приказа должна была осуществить задуманное. В заговор было вовлечено несколько крупных генералов, включая Браухича, Гальдера и находящегося в отставке генерал-полковника Бека. Генералы считали, что молниеносная победа в Польше настолько подняла авторитет Гитлера в войсках, что в настоящее время заговор бесперспективен, поскольку не будет поддержан армией. Нужна какая-нибудь крупная неудача, чтобы заговор совпал с резким падением авторитета Гитлера в армии и в стране. Верным способом обречь любую военную операцию на провал является раскрытие плана этой операции противнику, чем служба Канариса начала заниматься большую часть своего времени, все откровеннее становясь на путь прямой государственной измены. Или, если избегать столь грубой формулировки, все более включаясь в так называемое «антигитлеровское движение сопротивления», что, понятно, совершенно не стыковалось с выполнением военной разведкой своих прямых задач.

Ганс Остер лично собрал и переправил в Лондон оперативную информацию, касавшуюся норвежской операции, и только нерасторопность англичан помешала превратить эту неуклюжую десантную операцию Гитлера в полную катастрофу немецкого оружия.

С не меньшей точностью и объемом союзникам был выдан план немецкого наступления на западе в мае 1940 года. В надежде на грядущее поражение вермахта в абвере был

подготовлен любопытный документ со сценарием государственного переворота, составленный Канарисом и Остером, где говорилось:

«На рассвете войска путчистов окружают правительственный квартал в Берлине и занимают важнейшие учреждения. Всех ведущих деятелей государства и нацистской партии арестуют и передадут для осуждения специальным военным судам. Сразу же провозглашается чрезвычайное военное положение и публикуется прокламация, сообщающая, что правление взяла на себя „имперская директория" во главе с генерал-полковником Беком. Следующий шаг: роспуск гестапо, тайного совета и министерства пропаганды. Затем назначение срока всеобщих выборов и начало мирных переговоров с союзными державами. Отмена затемнения. Об арестованных нацистских лидерах следует опубликовать разоблачающие их материалы и для развенчания их в глазах народа широко использовать сатириков и комиков. На первых порах для осуществления переворота привлекаются следующие воинские части: 9-й пехотный полк в Потсдаме, 3-й артиллерийский полк во Франкфурте-на-Одере и 15-й танковый полк в Загане».

Борьба с режимом, а особенно если эта борьба идет в военное время и в качестве союзника неизбежно выбирается противник твоей страны, всегда порождает массу нравственных проблем и кучу самых диких комплексов вины и неполноценности. Канарис прекрасно это понимал, поскольку бороться приходилось не столько с режимом, сколько с самим собой, пытаясь пока что только для себя найти оправдание собственных действий. Однажды он признался Остеру: «Если Гитлер выиграет войну, это будет означать наш конец и конец Германии. Если же Гитлер ее проиграет, то и это будет концом Германии. И даже если нам удастся осилить Гитлера, мы этим вызовем не только его крушение, но и наше, ибо за границей никто больше не будет нам доверять.

И тем не менее оба продолжали свою деятельность, пытаясь спасти страну от неминуемой гибели, видя для этого единственную схему: заключение мира с предварительным отстранением Гитлера от власти. Однако оперативные планы, передаваемые противнику, приносили мало пользы. За оккупацией Норвегии последовал блицкриг на западе, молниеносный разгром французской армии и эвакуация английского экспедиционного корпуса с континента. Авторитет Гитлера еще более укрепился, делая планы заговорщиков несбыточными. Но они продолжали свое дело, несмотря на то, что уже несколько раз находились на грани провала.

У Гитлера, как и у Сталина, существовали две практически автономные разведывательные и контрразведывательные службы. Помимо военной разведки адмирала Канариса существовала еще и политическая разведывательная и контрразведывательная сеть, возглавляемая обергруппенфюрером СС Рейнхардом Гейдрихом – личностью не менее странной, чем Канарис.

Как и Канарис, Гейдрих начал свою карьеру во флоте. Родившись в 1904 году, он был слишком молод, чтобы принять участие в первой мировой войне, проведя военные годы в родном городе Галле, где закончил гимназию. Гейдрих происходил из семьи профессиональных музыкантов. Его прадед-еврей в свое время был первой скрипкой в венской оперетте, и сам Рейнхард восторженно предавался музыке. Многие считают странным, что в 1922 году Гейдрих поступил в военно-морской флот, но надо отметить, что во многих странах отпрыски музыкальных семей избирали для себя военно-морскую карьеру. Таких примеров сколько угодно в английском, русском и немецком флотах…

Закончив училище, молодой Гейдрих был произведен в лейтенанты и назначен офицером службы связи на крейсер «Берлин» – один из немногих крупных кораблей, сохраненных за Веймарской Германией после окончания первой мировой войны. И бывают же такие роковые совпадения, что именно в тот момент, когда юный лейтенант Гейдрих

получил свое первое офицерское назначение на крейсер «Берлин», командование кораблем принял капитан 2-го ранга Канарис. На одном корабле судьба свела две наиболее зловещие и таинственные фигуры будущего третьего рейха, оставивших после себя такую массу загадок и головоломок, над решением которых историки без особого успеха бьются уже более половины столетия…

Командир корабля вполне естественно произвел большое впечатление на молодого офицера. Его участие в легендарном походе эскадры адмирала графа Шпее, его романтическая разведывательная деятельность в годы войны, его несомненное благородство, широта взглядов и энциклопедическая эрудиция – все это делало Канариса почти кумиром в глазах молодого Гейдриха. Это юношеское восхищение своим командиром сохранилось у Гейдриха и впоследствии, помешав всесильному начальнику Главного Имперского Управления безопасности (РСХА) окончательно расправиться с адмиралом Канарисом, вставшим на откровенный путь борьбы с гитлеровским режимом.

Естественно, что отношение самого Канариса к Гейдриху было другим. При очередной аттестации подчиненного ему молодого офицера Канарис отметил несомненные способности Гейдриха в области навигации и в спорте. Гейдрих действительно увлекался новомодным тогда пятиборьем, показав очень высокие результаты, особенно в фехтовании.

По вечерам в кают-компании крейсера часто звучала скрипка Гейдриха, выбивая своими сентиментальными мелодиями слезы даже у бывалых моряков. По аттестации Канариса Гейдрих был вскоре произведен в обер-лейтенанты, и казалось, перед ним открывалась карьера военного моряка.

Но произошло совершенно неожиданное событие. В 1931 году обер-лейтенант Гейдрих предстал перед судом офицерской чести, который приговорил его к лишению офицерского чина и увольнению из рядов военно-морского флота. Кто знает положение морского офицера в тогдашней Германии, тот поймет, насколько страшным было его падение. Причиной столь жестокого приговора была любовная связь Гейдриха с молоденькой супругой одного из старших офицеров. Дело раскрылось из-за того, что молодой офицер, скрипач и фехтовальщик продемонстрировал в любви явные садистские наклонности, доведя предмет своей любви до больницы. То, что Гейдрих был весьма склонен к садизму, было ясно и без этой истории: достаточно взглянуть на его асимметричное лицо и маленькие руки с тонкими пальцами скрипача-извращенца…

Вынужденный конец офицерской карьеры Гейдриха и его глубокое падение, как это ни парадоксально, послужили началом его головокружительного взлета. Ему было тогда 27 лет, и он был поставлен перед необходимостью начать жизнь сначала. Лишенный средств к существованию, опозоренный и деклассированный, он, что вполне естественно, соединил свою судьбу с другими подобными ему личностями, которые вынырнули со дна тогдашнего общества, выброшенные болезненными судорогами социальных противоречий. Время было трудное, и выброшенный на улицу Гейдрих перебивался с хлеба на воду, вращаясь среди отбросов общества в портовых городах Германии – Гамбурге, Любеке и Киле. Именно в Киле новоиспеченный люмпен повстречал своего старого приятеля еще по гимназии в Галле Эберштейна, который руководил одной из команд СС, используемой нацистами для разгона уличных митингов своих политических оппонентов и прочих разборок в борьбе за обладание улицей. Эберштейн предложил Гейдриху вступить в свою эсэсовскую команду, на что Гейдрих без колебаний согласился. Как ему при этом (и позднее) удалось скрыть своего предка-еврея, остается загадкой. Видимо, во многих учреждениях третьего рейха торжествовал принцип, сформулированный однажды Германом Герингом, заявившим: «В своем штабе я сам определяю, кто у меня еврей, а кто – нет!»

Как раз в это время Генрих Гиммлер занимался организацией службы безопасности внутри подразделений СС, которые, в принципе, должны были выведывать планы политических противников Гитлера.

Поначалу новая служба мыслилась Гиммлером как чисто осведомительная, а потому, узнав от Эберштейна, что Гейдрих бывший офицер службы связи флота, Гиммлер по собственной неграмотности отождествил в своем представлении службу связи с осведомительной службой и вызвал Гейдриха в Мюнхен, чтобы тот эту службу возглавил. Новая служба получила название «Зихерхайт-Динст» или СД, и, если позднее СС как организация стала считаться элитой нацистской партии, то СД считалась элитой СС.

Гейдрих оказался в нужный момент на нужном месте и уже к концу 1931 года был произведен Гиммлером в штурмбанфюреры (майоры), а в следующем году стал штандартенфюрером (полковником).

После прихода Гитлера к власти в подчинении Гейдриха оказался огромный аппарат нацистской политической полиции, куда входили СД, гестапо, уголовная полиция и многие другие службы, объединенные в Главное Имперское Управление безопасности. В 1934 году в возрасте 30 лет Гейдрих уже был группенфюрером, что соответствовало чину генерал-лейтенанта, а подчиненные ему службы контролировали каждый вздох в Германии и стремительно расширяли свою деятельность за ее пределы. Знаменитый руководитель немецкой политической разведки Вальтер Шелленберг, сменивший Гейдриха на посту начальника СД и много лет находившийся у него в подчинении, характеризовал Гейдриха как скрытую ось, вокруг которой вращался весь нацистский режим. Гейдрих высоко вознесся над своими политическими коллегами и контролировал их так же, как и разветвленную сеть разведывательной и политической службы третьего рейха.

Таким образом, приход Гитлера к власти ознаменовался и новой встречей старых знакомых: Канариса и Гейдриха, один из которых возглавлял военную разведку, а второй – политическую. Гейдрих продолжал относиться к своему бывшему командиру с большим уважением. Они поддерживали внешне самые дружественные отношения даже с некоторыми элементами фамильярности, свойственными старым знакомым. Часто совершая вместе утренние прогулки верхом, они обменивались информацией и пытались выудить ее друг от друга.

Но несмотря на то, что руководители порой говорили друг другу «ты», между службами, усиливаясь с каждым годом, полыхала смертельная война. Гейдрих считал опасной ересью подобное разделение разведок, открыто и энергично добиваясь подчинения абвера себе. В то время как Канарис, вынашивая планы государственного переворота, предусматривал устранение Гейдриха (и Гиммлера, конечно) с переподчинением разведывательных структур СС армии, т. е. себе. После разгрома Франции абвер очень разросся, имея в штате 3 тысячи офицеров, 13 центров в Германии, располагая бесчисленными филиалами на оккупированных территориях и даже собственным усиленным полком «Бранденбург».

В динамике разгорающейся войны военная разведка все более набирала силу, становясь могущественнее службы Гейдриха. Но если руководство абвера в лице адмирала Канариса и полковника Остера с каждым годом все откровенно работало на противника или, говоря мягко, против режима своей страны, то служба Гейдриха с каждым годом с возрастающим ожесточением все более втягивалась в борьбу с абвером, справедливо подозревая его руководство в делах, которые просто невозможно было охарактеризовать иначе, чем государственная измена.

СД и гестапо просто висели на плечах военной разведки, пытаясь выследить всех ее секретных агентов и контролировать каждый их шаг. Гейдриху удалось выследить и арестовать Йозефа Мюллера, осуществляющего связь между абвером, Ватиканом и Лондоном, а 9 ноября 1939 года отряд СД, грубо нарушив суверенитет нейтральной Голландии, захватил на ее территории агентов английской секретной службы Беста и Стивенса, находящихся на связи с абвером. Если учесть, что арест англичан совпал по времени со знаменитым взрывом в мюнхенской пивной сразу же после отъезда оттуда самого фюрера, то можно представить, какой переполох начался в абвере. Тем более что быстро

выяснилось строжайшее запрещение Гейдриха сообщать в абвер о следствии по этому делу. Затем СД выяснила, что кто-то открыл англичанам план Норвежской кампании, а затем дату наступления на западном фронте. Следы явно вели в абвер [53].

Гитлер был взбешен, когда ему об этом доложили и немедленно приказал и гестапо, и абверу найти предателя. Канарису особенно искать предателя не нужно было, поскольку им был его подчиненный Мюллер, действовавший по приказу самого адмирала. Он только пожурил Мюллера за «конспиративный дилетантизм» и пообещал дело замять.

Гейдрих искал предателя более старательно, постепенно разматывая клубок самого широкомасштабного предательства, известного в истории разведок мира.

Но существовала область, в которой служба Гейдриха была, мягко говоря, не очень компетентна. Военное дело во всей своей сложности и многогранности плохо поддавалось анализу гестаповских аналитиков. Главное Имперское Управление безопасности было набито бывшими полицейскими, дипломированными юристами и юристами-недоучками, криминалистами, мечтателями-идеалистами и мечтателями-садистами, химиками, разрабатывающими новые взрывчатые вещества для адских машин и яды для массовых убийств, талантливыми медиками и биологами, бьющимися над прикладными и фантастическими военными и расовыми проблемами, просто психопатами и близкой к ним публикой. Там были специалисты, умеющие по почерку определить радиопередачу любой разведки мира, способные обнаружить отпечатки пальцев там, где их невозможно было оставить, распутать самые сложные криминалистические загадки, опознать еврея по мочке уха, запеленговать любой передатчик в течение секунд, проникнуть куда угодно, похитить кого угодно и что угодно. Словом, выполнить любой приказ полученный от руководства. Но провести военно-стратегический анализ там не умел никто: ни бывший школьный учитель Гиммлер, ни бывший флотский лейтенант Гейдрих, ни бывший адвокат Кальтенбруннер, ни бывший полицейский Мюллер, ни недоучившийся правовед Шелленберг. И никто из их подчиненных. Несмотря на то, что все перечисленные руководители СС имели несомненные таланты, в военном деле никто из них не разбирался и не мог разбираться, ибо военная наука является сложнейшей из наук, требующей систематического длительного образования и огромного практического опыта.

Поэтому если гестапо и было способно фиксировать контакты с противником и перехватывать направляемую в Лондон информацию, то дезинформацию, которой абвер пичкал штаб ОКВ и самого Гитлера, разоблачить наличными силами службы Гейдриха было практически невозможно. А если учесть, что и сам начальник Генерального штаба генерал-полковник Франц Гальдер был по уши втянут в абверовские интриги и в конце концов был также арестован по обвинению в государственной измене, чудом при этом уцелев, то для разоблачения дезинформации оставался только генерал Иодль – начальник штаба ОКВ, очень способный и образованный генштабист. На совещания он часто пытался оспорить данные, преподносимые Канарисом, но абверовская информация более импонировала фюреру, чем «трусливые» выкладки генерала Иодля. Что касается Кейтеля, то он, как известно, собственного мнения никогда не имел, а во всем соглашался с мнением Гитлера, безропотно визируя все его приказы, за что в итоге и поплатился головой. Штаб верховного командования вермахта (ОКВ) тоже был в высшей степени странной организацией, кишевшей саботажниками, антифашистами, шпионами и болтунами; напоминал скорее двор неаполитанского короля конца XVIII века, нежели ту мощную военную структуру глобального управления гигантскими вооруженными силами, как нам его преподносит история [54].

После того, как Гитлер, несмотря на весь свой романтизм, увидел ловушку, в которую его впихнул Сталин, и решил поквитаться со своим хитрым московским оппонентом, Канарис получил приказ собрать всю нужную информацию для обеспечения грядущего вооруженного конфликта против СССР. Как всегда и везде, общие задачи абвера заключались в том, чтобы уточнить имеющиеся данные о Красной Армии, экономике, мобилизационных возможностях,

политического положения СССР, о настроениях населения, а также добыть новые сведения: изучить театр военных действий, подготовить разведывательно-диверсионные мероприятия для первых операций, обеспечить скрытную подготовку вторжения, одновременно дезинформируя противника об истинных намерениях Германии.

К этому времени, т.е. к концу 1940 года, абвер уже представлял из себя мощную и широко разветвленную организацию, способную решить любые разведывательные задачи практически во всех регионах мира. А у себя под боком, на территориях соприкосновения с СССР, служба адмирала Канариса ориентировалась четко и уверенно.

Центром сбора и предварительной обработки всех разведывательных данных, касающихся Советского Союза, являлся отдел «Абвер-1», возглавляемый полковником Пиккенброком – приятелем Остера, посвященным в планы заговорщиков. В его отдел поступали данные разведки, ведущейся службой Гейдриха, чего удалось добиться по прямому приказу Гитлера. «Конкуренты» пользовались этим, подбрасывая абверу собственную дезинформацию, пытаясь использовать ее в качестве «меченого атома» для раскрытия внутри абверовской измены. Эту дезинформацию в отделе Пиккенброка великолепно отсеивали и докладывали Гитлеру со ссылкой на источник, окончательно сбивая фюрера с толку и подставляя под его гнев Гиммлера с Гейдрихом.

Кроме того, отдел «Абвер-1» получал данные из министерства иностранных дел, аппарата нацистской партии и, разумеется от войсковой, военно-морской и авиационной разведок. После предварительной обработки «Абвер-1» представлял все данные военного характера в главные штабы видов вооруженных сил и в Генеральный штаб, где существовал специальный отдел по изучению иностранных армий Востока.

Отдел «Абвер-2», возглавляемый полковником Лахузеном, занимался подготовкой диверсионных актов на территории противника, а отдел «Абвер-3» полковника Бентивенью ведал военной контрразведкой.

Все сведения стекались в Центральный отдел полковника Остера, где снова обрабатывались и обобщались, а затем докладывались Канарису, который, в свою очередь, параллельно докладывал их в штаб ОКВ и лично Гитлеру.

И, конечно, поступала обширная информация от агентуры в СССР. Советская военная разведка и в большей степени НКВД работали с большим количеством агентов-двойников, снабжая их дезинформацией о состоянии и силе Красной Армии. Дезинформация главным образом была направлена на преуменьшение реальных сил, иногда почти на порядок. Однако подавляющая часть двойников была засвечена абвером и отличить «дезу» от настоящей информации было не так уж сложно. Конечно, иногда это не удавалось, но подобные случаи были скорее исключением, чем правилом.

Абвер имел и другие источники информации в СССР. Секретная утечка шла из Генштаба РККА и из штаба ВВС, приводя Сталина во вполне понятную ярость.

Особым источником информации были перебежчики. У нас очень любят смаковать перебежчиков со стороны немцев и ничего не пишут о своих, которых было гораздо больше. Начиная с января 1940 года и до начала войны 22 июня 1941 года таких насчитывалось 327 человек. Речь идет только о военнослужащих, от красноармейца до полковника. Многие бежали, прихватив с собой секретные документы и карты. Если прибавить к этому крайне враждебное отношение населения Прибалтики, Западной Украины, Белоруссии и Бессарабии к большевистскому режиму вообще и к Красной Армии в частности, то можно с уверенностью заявить, что абвер не испытывал недостатка в источниках информации.

Помимо всего прочего в руки немцев попали обширные документы польской разведки, долгое время занимавшейся разработками по Советскому Союзу. Ведомство Канариса также работало в тесном взаимодействии с венгерской, итальянской, румынской и болгарской разведками. Финскую разведку вообще можно было считать частью абвера – настолько она

взаимодействовала с немцами, делясь с Берлином даже теми данными, которые немцы не запрашивали. А финская разведка была очень мощной.

Что касается намерений Сталина, то они мало у кого вызывали сомнение. Достаточно было взглянуть на карту со схематическим нанесением на нее даже примерной дислокации советских войск, как становилась совершенно очевидной их агрессивно-наступательная направленность.

Весь 1940-й год абвер внимательно наблюдал за перемещением советских войсковых группировок, стараясь главным образом не пропустить момента, когда вся эта гигантская орда получит приказ двинуться на запад. Полковник Лахузен по этому поводу говорил, что подобное наблюдение напоминало «слушанье тиканья часового механизма адской машины, когда не знаешь, на какое время поставлено взрывное устройство и не имеешь возможности ни его разрядить, ни куда-нибудь убежать. Знаешь, что взрыв будет обязательно, и он разнесет и тебя самого, и всю Европу. Единственным логичным выходом из положения было самому уничтожить эту мину, пока не сработал ее часовой механизм. Но для этого не было ни сил, ни средств в течение всего 1940 года.

Абвер имел данные, что в Москве ждут начала операции «Морской лев», чтобы начать наступление. *Канарис даже знал, что сигналом к наступлению будет переданный всеми средствами военной связи условный сигнал «Гроза»* .

О плане операции с одноименным названием немцы пока не знали, но было очевидно, что коль существует условный сигнал, то соответственно существует и план операций. А каково ее точное кодовое наименование, имело второстепенное значение.

Было также совершенно ясно, что ожидание десанта в Англию не будет длиться бесконечно. Рано или поздно Сталин поймет, что его водят за нос, и приурочит начало операции к какому-нибудь новому событию, скрытому пока в дымке динамичной и непредсказуемой истории.

Было не менее ясно, что если Сталин такое наступление начнет, то всех наличных сил вермахта, включая и все хилые силы ненадежных союзников Германии, не хватит, чтобы это наступление остановить.

Адмирал Канарис был одним из тех, кто понимал это еще в 1940 году. Прошедшие год и четыре месяца войны, хотя они и были отмечены большими и малыми триумфами германского оружия, фактически завершили процесс окружения Германии железным кольцом непримиримых врагов. «Садовый шланг» президента Рузвельта и поставленный им вопрос о «ленд-лизе» вместе с предстоящим снятием с России «морального эмбарго» на торговлю достаточно четко обозначил это стальное кольцо. Процесс окружения завершается, и где-то с середины будущего года начнется процесс уничтожения Германии.

И если все это неизбежно, то нужно по крайней мере, чтобы Германия была сокрушена Западом – Англией и США, а не Сталиным.

Тогда у нее и остальных стран Европы есть шансы возродиться на основе старой доброй европейской демократии. Захват же Европы Сталиным может породить катаклизм, способный вообще уничтожить цивилизацию в общечеловеческом понимании этого слова.

Выход был подсказан Канарису во время его очередной тайной поездки в Швецию. Гитлер должен нанести удар по Сталину. Ему нужно подсказать, что это не только его тайное желание, соответствующее теоретическим выкладкам о «жизненном пространстве для немецкого народа», так сочно изложенном в «Майн Кампф», но и *единственное спасение* .

Части, которые Сталин концентрирует на границе, расположены таким образом, что их легко уничтожить в ходе одной решительной операции, начатой при достижении тактической внезапности.

Это даст возможность отбросить Красную Армию за Днепр, а при удаче и дальше. Тяжелые бои вовлекут в эту операцию практически все силы вермахта, подготовив территорию Европы и Германии для достаточно легкого освобождения. В прошлую войну Германия капитулировала, оккупируя огромные территории своих противников: от Франции до Грузии. В эту войну можно разыграть еще более грандиозный сценарий, когда вермахт будет сражаться где-нибудь под Киевом или Смоленском (а при удаче – и под Москвой). Высадка на континенте и новое (как в 1918 году) стремительное наступление к франко-германской границе неизбежно приведет к падению гитлеровского режима, что немедленно создаст предпосылки для мирных переговоров. Затем настанет время заняться и Сталиным, чья страна, служившая в течение примерно пары лет ареной ожесточенных боев, будет обескровлена и нуждаться в срочной помощи. Нельзя исключить возможности падения сталинского режима, поскольку уничтожение столь крупных военных группировок на границе ему никогда не простят ни армия, ни народ. Все вместе эти события, если они станут реальностью, создадут предпосылки для принципиально нового мирового порядка, основанного на христианской идеологии и гражданских свободах. Идеология классовой и национальной нетерпимости, видимо, уйдет дальше на восток в страны Азии.

Возникал вопрос: а что, если русские вообще не будут сражаться, а начнут массами сдаваться в плен или разбегутся. Таких примеров было сколько угодно даже во время войны с Финляндией.

Если это произойдет на первом этапе, то ничего страшного. Даже напротив. Это позволит вермахту углубиться максимально далеко на русскую территорию. По мере продвижения вглубь территории немецкие линии коммуникаций будут опасно растягиваться, а сама конфигурация европейской части СССР в виде расширяющейся да восток воронки неизбежно приведет к замедлению движения, разрыву связей между различными подразделениями и в итоге – к остановке. Кроме того, Гитлера и его партийно-эсэсовскую свору очень легко подтолкнуть на проведение в жизнь ряда мероприятий в отношении местного населения, что повысит уровень сопротивления вооруженных сил и приведет, возможно, памятуя печальный опыт Наполеона, к народной войне в тылу вермахта, что усилит ожесточенность с обеих сторон.

Поэтому главным является подготовка возможного нанесения по русским внезапного ошеломляющего удара.

Это единственный шанс сохранить Европу и Германию от окончательного уничтожения.

Легко сказать – нанести по Красной Армии внезапный ошеломляющий удар. Весь план подвешен на невидимых тончайших волосках, обрыв каждого способен привести к крушению всего плана и к катастрофе. Незаметно развернуть вдоль границ потенциального противника (да еще почти втрое более сильного, чем ты сам) многомиллионную армию, да так, чтобы никто этого не заметил, – просто невозможно. И пытаться не следует этого делать – ничего не получится, даже не учитывая того факта, насколько глобальна и всепроникающа сталинская разведка. Хотя она до сих пор с большим удовольствием заглатывала дезинформацию, но никому не известно, сколько она еще намерена этим заниматься и что происходит с этой дезинформацией после того, как она ее переваривает?

Но существовала еще не менее важная проблема, которую необходимо было решить «с максимально возможной деликатностью», как выразился однажды Канарис в беседе с Остером.

Гитлер с каждым днем все яснее понимал, что у него просто нет другого выхода, как напасть на СССР. В отличие от военных профессионалов, фюрер, искренне полагая, что на его стороне само Провидение, не только верил в успех такого нападения, но даже и в окончательную победу в разразившейся войне. Цифры ровным счетом ничего не значат, убеждал он генералов в застольных беседах, количество танков и самолетов сами по себе не

решают ничего. Они бессильны против воли всемогущего Рока, предопределившего роль Германии и ее народа на многие тысячелетия вперед.

Подобные настроения Гитлера вполне соответствовали глобальным планам «нового мирового порядка», однако Канарис и его подчиненные, приходя в ужас от разведсводок, поступающих с востока, с большим основанием опасались, что сводные данные о численности советских вооруженных сил и о количестве в этих силах различных видов боевой техники приведут в ужас и фюрера, заставив его забыть о благожелательности Провидения. В самом деле, любой может заподозрить капризное Провидение в предательском коварстве, если оно, обещая тебе глобальную победу, тем не менее вооружает твоих противников так, что уже собственная армия выглядит жалкой и почти безоружной.

Разведчики боялись, что, получив точные данные о силе и вооружении Красной Армии, Гитлер не решится напасть на Сталина, начнет втягивать последнего в переговоры, потеряет драгоценное время и в итоге сорвет и без того весьма зыбкий план, погубив себя, Германию, Европу, а возможно, и весь мир.

Чтобы этого не произошло, было принято решение *не доводить* до Гитлера и штаба верховного командования *истинных данных* о тех гекатомбах оружия, которые наковал Сталин, готовя сюрприз своему доверчивому берлинскому другу. Привычка Гитлера впадать по любому ничтожному случаю в шумные истерики была уже хорошо известна тем, кто имел с ним дело на постоянной основе.

Сделать это было тем более легко, что дезинформация, преподносимая абвером, в общих чертах вполне соответствовала дезинформации, распространяемой советской разведкой, прилагающей титанические усилия, чтобы скрыть от Германии подготовку к «Грозе».

Накопив горы данных о состоянии Красной Армии, изучив десятки тысяч документов, включая показания перебежчиков из советской разведки и армии, проанализировав несметное количество данных аэрофотосъемок, абвер к концу 1940 года знал практически все как о нынешнем состоянии советских вооруженных сил, так и о их потенциальных возможностях с учетом того фактора, что после нападения Гитлера СССР автоматически становится союзником Англии, а следовательно – и Соединенных Штатов. Таким образом, нападая на СССР, Гитлер автоматически замыкает кольцо окружения против себя, отрезает Германию от источников щедрого советского снабжения и попадает в полностью безнадежное положение. Поэтому по меньшей мере три отдела абвера лихорадочно фальсифицировали данные, преподнося их Гитлеру как результаты самого тщательного анализа.

Канарису неоднократно приходилось делать сообщения и доклады в присутствии Гитлера, и он хорошо изучил реакцию фюрера на различные конкретные сведения об уровне боевой готовности и силе Красной Армии.

В августе 1940 года адмирал представил Гитлеру следующую сводку: «Россия имеет всего 151 пехотную дивизию, 32 кавалерийских дивизии, 38 мотомехбригад. *До весны это число не может существенно увеличиться* ». Причем, добавил Канарис, против Германии непосредственно возможно развертывание 96 пехотных, 23 кавалерийских дивизий, 28 мотомехбригад.

Представление Гитлеру подобной дезинформации не было четко согласовано с теми данными, которые представляли Гитлеру Гальдер и Йодль, и, уж конечно, с той информацией, которая поступала по линии службы Гейдриха и МИДа. Последних очень легко было обвинить в полной некомпетентности, а генералов, предупреждающих Гитлера, что все цифровые данные о вооружении Красной Армии сильно занижены, либо обвиняли в поверхностном анализе данных, либо объявляли паникерами, как однажды случилось с

Гудерианом, чья войсковая разведка обнаружила перед фронтом своей танковой группы больше советских танков, чем их числилось, по данным разведки, во всей Красной Армии. Гитлер всегда склонялся в пользу данных Канариса, поскольку не желал верить «в совершенно фантастические цифры» о количестве боевой техники, стянутой Сталиным к границе. Позднее фюрер признает (после начала войны), что количество русского вооружения (брошенного Красной Армией при отступлении и захваченного немцами) оказалось для него «величайшей неожиданностью».

Более того, выполняя задуманный план, Канарис искусственно ограничивал докладываемую информацию *только на глубину планируемой первой стратегической операции* и, предоставляя обширные данные о числе соединений Красной Армии, о дислокации ее войск и штабов и т.п., убеждая Гитлера и многих генералов из его окружения, что победа над первым стратегическим эшелоном Красной Армии (а у Сталина их уже было два и формировался третий) будет означать победу над Советским Союзом [55].

Однако Гитлер по причинам, известным только ему одному, с сомнением относился даже к тем цифрам, которые ему представлял Канарис, считая и их преувеличенными. Эту привычку он сохранил и в течение почти всей войны, имея уже достаточно большой опыт и не меньшее количество величайших удивлений по поводу сталинского конвейера, производящего солдат и вооружение.

На штабных играх в штабе верховного командования вермахта, проходившими в конце ноября 1940 г. под руководством генерала Паулюса, Канарис представил несколько измененные данные о составе Красной Армии, которые затем легли в основу плана «Барбаросса». Подобный расчет, принятый как для игры, так и для дальнейшего стратегического планирования, предусматривал, что против Германии будет выставлено 125 стрелковых дивизий и 50 танковых и мотомехбригад. За основу игр было принято «Особое превосходство немцев по артиллерии, включая средства артиллерийского наблюдения, по танкам и средствам связи». Особенно подчеркивалось «решающее превосходство в авиации» [56].

18 декабря, когда Гитлер пообещал окончательно рассмотреть план «Отто» и утвердить его в качестве директивы, Канарис прибыл на совещание с подготовленным секретным отчетом, который был озаглавлен: «Вооруженные силы военного времени Союза Советских Социалистических Республик (СССР) по состоянию на 1 января 1941 года». Позднее (15 января 1941 г.) этот документ будет издан главным командованием сухопутных сил в 2 тысячах экземпляров и разослан во все командные и штабные инстанции вермахта, став основой всех германских стратегических расчетов.

Силы Красной Армии определялись в 150 стрелковых дивизий, 32-36 кавалерийских дивизий, 6 мотомехкорпусов и 36 мотомехбригад. Численность армии мирного времени – в 2 миллиона человек.

«При развитии войны и проведении общей мобилизации, – говорилось далее в этом шедевре абверовской дезинформации, – число советских дивизий может быть значительно увеличено». Наибольшее число выставляемых дивизий оценивалось цифрой 209, число мотомехбригад – 36.

Количество самолетов определялось в 4000, количество танков – примерно в 3700 (хотя их уже было только в западных районах соответственно 18 000 и 14 000 единиц) [57].

Гитлер молча слушал выкладки Канариса, не перебивая и не вмешиваясь. План «Отто», оформленный в виде Директивы № 21, лежал перед ним на столе.

Выслушав начальника военной разведки и замечание Гальдера о том, что лучше не устанавливать конкретной даты нападения, а привязать ее к наиболее благоприятному моменту с учетом политической обстановки, погоды и прочего, Гитлер нарушил собственное

молчание и объявил, что решил дать этой операции название «Барбаросса», вызвав некоторое оживление среди присутствующих.

Все знали некоторую слабость Гитлера – большого любителя и знатока немецкой истории – к германскому императору Фридриху I Барбаросса, первому и наиболее выдающемуся представителю династии Гогенштауфенов, царствующему с 1152 по 1190 гг. Его царствование было отмечено стремлением создать единую Европу и было ознаменовано таким количеством знаменательных событий, что немецкий народный фольклор сделал Фридриха героем многочисленных легенд и сказаний, приписывая личности этого императора чуть ли не все замечательные события средних веков. Все также знали, что в 1189 году шестидесятисемилетний император во имя объединения погрязшей в распрях Европы, задумал крестовый поход для освобождения Иерусалима от захватившего священный город султана Саладина. Лично возглавив поход Фридрих пробился с боем через территорию Византии разбив войска императора Исаака Ангела, высадился в Малой Азии, где и утонул, переправляясь через маленькую речушку Салефу 10 июня 1190 года. На том поход и завершился.

Но никто не осмелился напомнить об этом Гитлеру. Если фюреру угодно, чтобы план назывался «Барбаросса», – пусть будет «Барбаросса». Главное не в этом. Вся суть плана заключается в том, чтобы первыми нанести удар по Сталину.

Директива № 21
ПЛАН «БАРБАРОССА»

Фюрер
и верховный главнокомандующий вооруженными силами.
Верховное главнокомандование вооруженных сил.
Штаб оперативного руководства.
Отдел обороны страны.

№ 33408/40
Ставка фюрера
18 декабря 1940 г.
9 экземпляров.
Экз. № 1.
Совершенно секретно.
Только для командования.

Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии (Вариант «Барбаросса»)…

Бегло пробежав документ глазами, Гитлер поставил свою подпись и, не удостоив присутствующих даже словом, покинул помещение.

Все произошло настолько уныло и буднично, что генерал Гальдер даже не отметил это событие в своем знаменитом дневнике.

Глава 11. Зреющий нарыв

Декабрь в Москве прошел под аккомпанемент шумных праздников. «В едином порыве» был отпразднован «День Сталинской Конституции».

Газеты, захлебываясь от восторга, отмечали, что если в 1938 году население Советского Союза составляло 169 миллионов человек, в 1939 – 183 миллиона человек, то в 1940 году оно уже составило 193 миллиона, поскольку к СССР присоединились республики Балтики, а Бессарабия и Северная Буковина были освобождены от «ига румынских бояр».

Затем прошли выборы во вновь образованной Карело-Финской ССР, а также в Западной Украине и Западной Белоруссии, территории которых были уже к этому времени более-менее очищены от «опасно-социальных элементов». Благодаря этому выборы еще раз продемонстрировали «убедительную победу Сталинского блока коммунистов и беспартийных», хотя, само собой разумеется, кроме этого блока никто в выборах не участвовал.

В Черновцах перед «избирателями» выступил кандидат в депутаты Верховного Совета от их округа генерал армии Жуков – командовавший Киевским Особым военным округом, который заверил слушателей, что «под мудрым руководством товарища Сталина наша страна станет самой могущественной страной в мире».

Пресса довольно скупо сообщала и о мировых делах, будучи почти полностью заполненной репортажами о всенародном энтузиазме в связи с очередной годовщиной ВЧК-НКВД 20 декабря и, конечно, 21 декабря пестрела поздравлениями к очередному дню рождения товарища Сталина, которому исполнился 61 год.

Поздравления прислали, как обычно, Гитлер, Муссолини и Риббентроп, а также еще несколько фашистских деятелей более мелкого пошиба, но с настолько звучными именами, что все центральные газеты СССР были позднее на долгие годы похоронены в спецхранах…

20 декабря Сталин затребовал к себе Тимошенко и Мерецкова и потребовал от них анализа военной обстановки в мире, а также доклада о готовности к военной конференции и стратегическим штабным играм, которые должны были начаться 23 декабря. Военные воспользовались случаем и доставили Сталину на просмотр списки «высшего начальствующего состава, привлекаемого на оперативно-стратегическую игру, с распределением по ролям». Списки были составлены отдельно по «Восточной» и «Западной» стороне игр, которыми соответственно должны были руководить генерал-полковник танковых войск Павлов и генерал армии Жуков вместе с примерно полусотней высших офицеров разных рангов и должностей.

После просмотра списков Мерецков выступил с кратким сообщением. Еще никогда с момента начала второй империалистической войны в Европе (это определение, придуманное в отделе пропаганды ЦК ВКП(б), все более входило в моду и нравилось вождю) немцы не попадали в такое несбалансированное положение. С одной стороны, они вынуждены держать 93-95 дивизий на южном побережье Ла-Манша в готовности к вторжению на Британские острова, что несомненно произойдет летом будущего года, но, с другой стороны, при нынешнем оперативном бездействии этих войск на канале Гитлер все более ощущает нехватку сил на других направлениях. Англичане, понимая это, расширяют театр военных действий в тех регионах, оборону которых Гитлер опрометчиво доверил своим итальянским союзникам. Над итальянской армией в Африке и Греции, несмотря на ее численное и материальное превосходство над объединенными англо-греческими частями, нависла уже вполне реальная угроза катастрофы, если немцы не окажут своим незадачливым союзникам быстрой и непосредственной помощи.

В связи с этим очень интересным становится вопрос: откуда Гитлер снимет войска – с канала или с нашей границы? Если он снимет с канала, значит, он снова отказывается от высадки. На канале 94 дивизии – это минимум того, что необходимо для осуществления

успешной высадки на южное побережье Англии, где Гитлера ждут 52 британских дивизии. Если он снимет с нашей границы, то это будет еще одним подтверждением второстепенности восточного направления и необходимостью держать войска в Польше только для их комплектования и обучения в относительной дали от основных театров военных действий и за пределами достигаемости авиации противника.

Если начнется переброска войск в Грецию с территорий бывшей Польши и бывшей Чехословакии, то неизбежно накопление этих частей в Румынии и Болгарии, а, возможно, и в Югославии, что подставит эти части в состоянии на марше под фланговый удар наших войск, создавая обстановку для их быстрого окружения и разгрома.

Начальник генерального штаба замолчал, ожидая какой-нибудь реплики Сталина.

Ходивший по кабинету вождь подошел к столу и стал выбивать трубку в большую хрустальную пепельницу, что всегда служило сигналом к тому, что он все услышал, но комментировать не намерен.

Пауза затянулась, и Сталин, покончив с трубкой, спросил:

– А ваше мнение, товарищ Тимошенко?

Нарком покрылся красными пятнами. Не было ничего опаснее выражать Сталину свое мнение, если оно не соответствовало мнению вождя.

Но не менее опасным было отсутствие какого-либо собственного мнения по интересующему Сталина вопросу. На все совещания в присутствии Сталина руководители партии, государства, армии и карательных органов шли во всеоружии знаний сталинского мнения практически по всем вопросам.

– Я думаю, по обстановке надо действовать, товарищ Сталин, – натужно выдавил из себя не шибко грамотный нарком обороны, – обстановка – она всегда подскажет…

Сталин не был бы Сталиным, если бы кто-нибудь приходил к нему в кабинет с вопросами, о которых он бы еще не знал и не имел бы по ним хотя бы предварительного, но собственного мнения. Пусть даже в корне неверного.

Еще до прихода наркома обороны и начальника генерального штаба Сталин успел проконсультироваться со своим любимцем Шапошниковым, которому он всегда доверял более, чем всем другим маршалам и генералам вместе взятым.

Мнение Шапошникова в принципе было таким же, что и у Тимошенко. Подождать развития обстановки. Немцы лезут в авантюру. Местность труднодоступная, горная. Народ там воинственный и гордый, воевать обучен, тем более под прикрытием английской авиации. Застряв там, немцам ничего не останется, как нанести удар уже собственно по Британской метрополии. Вот тогда-то, как и предусмотрено планом, мы и начнем. Мудрый маршал большую надежду возлагал на Югославию, не меньшую, чем в начале прошлой войны русские стратеги возлагали на Сербию. А влезать в Югославию он бы никому не советовал. Там боеспособная и мужественная армия, опирающаяся на поддержку не менее мужественного народа, который весь возьмется за оружие в случае любой угрозы своей независимости. Немцы там смогут застрять крепко и надолго. Так что у нас будет возможность выбрать наиболее благоприятный момент для наступления.

Накануне запланированных стратегических игр с 23 по 31 декабря было назначено совещание высшего руководящего состава РККА, на котором с главным докладом должен был выступить командующий войсками Киевского особого военного округа генерал армии Жуков, недавно ставший и депутатом Верховного Совета. Темой его доклада был «Характер современной наступательной операции». Генерал, основываясь на собственном недавнем опыте боев на Халхин-Голе и на годичном опыте «второй империалистической войны» в Европе должен был наметить схему будущих действий всех видов Вооруженных сил в рамках национальной стратегии – «малой кровью на чужой территории». Сталину нравились

решительность, беспощадность и энергия Жукова, нравилась его вспыльчивость и грубость, та легкость, с которой командующий ставил к стенке своих подчиненных за малейшие промахи по службе, нравилось его крестьянско-пролетарское происхождение. Нравилось и то, что Жуков не был офицером (пусть даже младшим) времен Первой мировой войны, не был выдвиженцем Троцкого в годы гражданской войны, почти всю ее «оттрубив рядовым и младшим командиром» и что весь он состоялся под крылышком Семена Буденного в придуманном последним генеральном штабе кавалерии. Не нравилось товарищу Сталину только одно: отсутствие у генерала армии какого-либо военного образования. Даже училища не кончил командующий Киевским особым военным округом, а были у него за душой только кавалерийские курсы военного времени царской армии, выпускавшие кандидатов в унтер-офицеры. В гражданскую войну этого было бы достаточно, чтобы стать командармом, имея начальником штаба какого-нибудь бывшего поручика, но сейчас даже у Сталина возникали сомнения, соответствует ли генерал занимаемой должности.

Сталин отлично понимал, что никакое образование не может сделать человека руководителем. Руководителем нужно родиться, как поэтом или музыкантом. Несмотря на отсутствие образования, а возможно, именно поэтому, Жуков являл собой законченный тип руководителя сталинского типа – своего рода тот идеал исполнителя, который задумал вождь для воплощения в жизнь своих глобальных планов. Сталин чувствовал в Жукове «неестественную, жесточайшую, почти нечеловеческую концентрацию воли», как у самого себя, а потому считал, что никакое образование этому человеку и не нужно. Своими методами он добьется больше, чем выпускники самых блестящих военных академий [58].

Еще несколько месяцев назад вождь затребовал к себе личное дело Жукова и время от времени его задумчиво просматривал, с нежностью старого канцеляриста перебирая подшитые туда бумажки.

Сталин часто лично занимался так называемой «кадровой археологией», решая судьбу тех, у кого хватило мужества пробиться в руководители в условиях перманентного террора. Расстрелять, арестовать, оставить на должности, но посадить жену, оставить самого и жену, но посадить сына или мужа дочери, или брата жены, или… вариантов было бесчисленное множество.

И будет глубоко неправ тот, кто подумает, что вождь просто садистски развлекался. Вовсе нет. Вождь просто боролся с застоем, сообщая стране поступательное движение вперед, не давая созданному им бюрократическому аппарату окаменеть и взять таким образом в плен его самого.

Сталин не хотел стать заложником аппарата и ни на секунду не оставлял его в состоянии покоя, постоянно перемешивая и просеивая через сито НКВД партийно-бюрократическую номенклатуру.

Личное дело генерала армии Жукова было пухлым, как собрание произведений какого-нибудь плодовитого классика, изданное в одном томе.

Все как положено: данные о родителях, учеба в приходской школе, работа шорником в Москве, призыв в армию, служба в царской кавалерии, награждение двумя Георгиевскими крестами (подчеркнуто), служба в гражданской войне, служба в РККА; командир эскадрона, командир полка, первые доносы, первые объяснительные, собственные доносы.

Справки, сводки, лихие кавалерийские попойки в компании с Буденным и Тимошенко, сообщения типа «склонен играть на баяне мелодии из старорежимного, а следовательно, идеологически вредного репертуара», жалобы на грубость, самодурство, рукоприкладство. Партийные взыскания: «…в 38 году за то, что я в период работы на должности командира и комиссара 4-й казачьей дивизии в период с 33-37 год допустил случай грубости, допустил в частях дивизии случай очковтирательства, недостаточно уделил внимания политпартработе,

допустил два случая зажима критики, парторганизация объявила мне выговор с занесением в личную карточку. 09.02.38». Получить в феврале 1938 выговор с занесением было почти равносильно смертному приговору. Тем более, что налицо было тесное общение с врагами народа.

«Связи с врагами народа я никогда не имел и не имею. Никогда у них не бывал и у себя никогда их также не принимал. Моя жена также ни в какой связи с врагами народа не находилась, не общалась, никогда у них не бывала. Связь с Уборевичем, Мехлисом и другими врагами народа из командования округом была только чисто служебная. 09.03.1938». Тут же представление Ежова о необходимости ареста, поскольку совершенно ясна связь Жукова с такими злейшими врагами партии и народа, как Уборевич, Якир, Блюхер и Гай. Резолюция Сталина: «т. Ежову. Стоит ли нам дополнительно проверить т. Жукова в деле? Думаю, что стоит. Сталин». И послал Жукова на Дальний Восток от греха подальше. Но тут посыпались докладные командующего Дальневосточным фронтом.

Штерн уверял, что только его личное вмешательство спасло советские и монгольские войска от второго Мукдена, поскольку, руководя войсками, Жуков почти один к одному начал повторять все ошибки незабвенного генерала Куропаткина с той лишь разницей, что Куропаткин при этом никого не расстреливал, а Жуков умудрился приговорить к расстрелу 19 старших офицеров. Штерн с гордостью сообщал, что он своей властью отменил «эти чудовищные приговоры». В результате всех этих склок товарищ Сталин, как всегда, сделал неожиданный для всех вывод: с Жуковым работать можно, со Штерном – нельзя.

При присвоении персональных воинских званий Жуков стал генералом армии и получил в командование один из ключевых военных округов – Киевский Особый, а Штерн стал всего лишь генерал-полковником. Он выбрал Жукова именно потому, что шестым чувством опытного администратора увидел в нем именно того человека, который, обладая почти таким же концентратом звериной энергии, воли и жестокости, что и он сам, является по существу единственным человеком, который мог бы осуществить операцию «Гроза» именно так, как ее задумал Сталин – прокатиться по Европе мощным паровым катком, не считаясь ни со своими, ни с чужими потерями, гоня своей нечеловеческой энергией войска вперед через горы своих и чужих трупов.

В дело были аккуратно подшиты все приказы и аттестации, подписанные Жуковым за последние годы. Сталин обратил внимание на последнюю аттестацию, поперек которой была наложена резолюция: «Согласен. Командующий войсками КОВО Генерал Армии Жуков. 26 ноября 1940 г.» Это была аттестация «за период с 1939 по октябрь 1940 года на командира 99 стрелковой дивизии генерал-майора Власова Андрея Андреевича, 1901 года рождения, русского, члена ВКП(б) с 1930 года». Аттестация открывалась словами: «Предан партии Ленина – Сталина и социалистической Родине. Прекрасно всесторонне развит, военное дело любит, много работает над собой, изучает и хорошо знает военную историю, хороший руководитель и методист, обладает высокой оперативно-тактической подготовкой. В генерале Власове удачно сочетается высокая теоретическая подготовка с практическим опытом и умением передать подчиненным свои знания и опыт. Высокая требовательность к себе и подчиненным – с постоянной заботой о подчиненных. Он энергичен, смел в решениях, инициативен… Его авторитет среди командиров и бойцов дивизии высок. Физически здоров и к походной жизни вполне годен.

Вывод: Занимаемой должности вполне соответствует. В военное время может быть использован в должности командира корпуса…»

О Власове товарищ Сталин уже слышал немало как о командире образцовой стрелковой дивизии, которая была преподнесена в качестве примера и подражания всем вооруженным силам страны. Сталин присутствовал и при вручении генералу Власову Калининым ордена Ленина, но лично с ним знакомиться не стал, хотя высокий, сухощавый генерал ему явно понравился. Раз его тащат наверх такие люди, как Тимошенко и Жуков, которым приказано

тщательнейшим образом подобрать кадры высших командиров, способных физически и морально к выполнению операции «Гроза», значит, этот человек указанным качествам соответствует. Слов «и лично предан вам, товарищ Сталин» вождь не любил. Во-первых, ни в чью личную преданность он не верил. Он скорее бы поверил в слова «и боится вас до смерти, товарищ Сталин», если бы кто-нибудь осмелился подобные слова произнести в его присутствии. Во-вторых, он неоднократно подчеркивал, что преданности вождю – носителю определенной идеи – недостаточно. Нужно верить в саму идею, и только тогда идея станет непобедимой и нетускнеющей. Преданность идеи в сочетании с признанием авторитета вождя – вот что требуется, а не личная преданность. Но вот именно преданности идее он почти ни в ком и не чувствовал.

Сталину и многим людям из его окружения было ясно, что страна, единственной идеологией которой являлся непрекращающийся ни на минуту (как завещал Ленин) террор, живет, если отбросить всю пропагандистскую шелуху, в состояний постоянно обостряющегося внутриполитического кризиса. В течение 20 лет, прошедших после окончания гражданской войны, этот кризис тряс и корежил страну припадками, напоминающими приступы эпилепсии, не давая ни секундной передышки.

Сталин и замыслил «Грозу» не только потому, что она вполне соответствовала его амбициозным планам доказать верность ленинских пророчеств распространения на весь мир коммунистической идеологии и достижения тем самым мирового господства, но и потому, что война и предшествующий ей мировой кризис виделись ему как единственный выход из кризиса внутреннего, поскольку ни одна страна в мире не могла долго просуществовать в той форме огромной военно-полицейской зоны, которую слепил Сталин из уничтоженной Лениным Российской Империи. И подобно Ленину, чтобы спасти себя и свой режим, Сталин поднимал своих сообщников на разбой, но уже, в отличие от Ленина, по-настоящему в международном масштабе, о чем Владимир Ильич мог только мечтать.

Постоянно тасуя номенклатурную колоду, тщательно взвешивая каждую кандидатуру на весах потенциальной опасности для самого себя, Сталин остановился на кандидатуре генерала Жукова как оптимально подходящей ему на данном этапе. Вождь задумал сделать Жукова наркомом обороны, Тимошенко переместить в заместители, а начальником генерального штаба вновь назначить строгого, мудрого Шапошникова.

А потому вождь стал внимательно следить, кого Жуков, предчувствуя свое стремительное восхождение наверх, потянет за собой, что вполне естественно для любого военного. Даже командир взвода, становясь командиром роты, норовит забрать с собой толкового сержанта. И было видно, что Жуков первым тащит за собой генерала Власова. Сталин не забудет этого до конца своих дней [59].

Отпустив военных, Сталин в тот же день отправился в колонный зал Дома Союзов, где праздновалась очередная – 22-я – годовщина органов ВЧК-НКВД. Церемония была гораздо менее торжественной, чем празднование 20-й годовщины в 1938 году в помещении Большого театра. Во-первых, и дата была не круглой, да и вспоминать о торжественном собрании в Большим театре было уже некому. Практически все, столь шумно отпраздновавшие двадцатилетие своего ведомства, были поголовно расстреляны.

Поздно вечером пришел отчет от посла (полпреда) в Германии Владимира Деканозова, которого накануне (19 декабря) наконец принял с верительными грамотами Гитлер после почти месячного ожидания, вызывавшего уже различные зловещие слухи и домыслы, а у товарища Сталина – недоумение и мрачные предчувствия.

Гитлер, по словам Деканозова, прилагал все силы, чтобы казаться как можно любезнее и радушнее. (Видимо, это было нелегко, поскольку день назад фюрер как раз подписал план

«Барбаросса». Хотя Деканозов об этом и не знал, но тем не менее заметил в Гитлере некоторую нервозность и напряженность.)

Фюрер извинился перед полпредом за то, что тому пришлось столь долго ждать приема. Идет война. Он очень занят, руководя боевыми действиями по окончательному сокрушению Англии, которое последует – пусть г-н посол запомнит его слова – не позднее начала июля будущего года.

Деканозов поинтересовался у Гитлера, почему Германия хранит молчание по поводу последних советских предложений. Гитлер заметил, что для окончательного ответа на советские предложения необходимо провести обширные консультации с Италией и Японией, на что совершенно нет времени.

Главным заданием, которое получил Деканозов, отправляясь в Берлин, была не только и не столько разведка намерений Гитлера относительно Советского Союза, сколько наблюдение за кознями англичан в сфере советско-германских отношений. Советская агентура в Англии, состоящая из ловких дезинформаторов, получивших позднее прозвище «великолепной пятерки из Кембриджа», с тревогой сообщала в Москву, что в недрах английской разведки и английского «правящего класса» плетется заговор, целью которого является натравливание Германии на Советский Союз, а Советского Союза на Германию путем распространения дезинформации и фальсификации. Они уже сейчас забрасывают своей дезинформацией нашу агентуру во всем мире, сбивая с толку аналитиков в НКВД и ГРУ. Генерал Голиков успокаивал вождя: его люди достаточно опытны, чтобы отличить информацию от дезинформации. Англичанам никогда не удастся воплотить в жизнь свои гнусные планы!

Голиков лучше других знал, насколько преуспели английские «заговорщики», проникнув в святая святых ГРУ – в центральный информационный отдел, глава которого подполковник Новобранец ежедневно появлялся перед ним с докладом о постоянном увеличении немецких дивизий на границе с СССР. Агентура подполковника Новобранца, действовавшая в пограничной зоне развертывания потенциального противника все время сообщала о нарастании численности немецких войск.

Сообщения, приходящие из разных, не связанных между собой источников, уже были правдоподобны, хотя бы потому, что не противоречили друг другу. Но подчиненные Новобранца не принимали их слепо на веру. Они проверяли и перепроверяли полученную информацию, тщательно фиксируя все данные и беря каждую дивизию на учет. Регистрировали номер дивизии, ее организацию и боевой состав. В учетной карточке дивизии значились ее командир и старшие офицеры. Выясняли их характеры и вкусы: кто имеет тягу к спиртному, кто – к картам, кто – к женщинам, а кто – и ко всему «букету» нехитрых офицерских развлечений. Сумма подобных данных не оставляла никаких сомнений в их достоверности. С регулярностью раз в месяц подполковник Новобранец выпускал за своей подписью разведсводку для рассылки по утвержденной разнарядке: всем членам Политбюро и правительства, Генштабу, центральным военным учреждениям, штабам военных округов и войскам – до штаба корпуса включительно. Утверждал подобную сводку начальник ГРУ генерал Голиков.

Кроме обычных разведсводок, отдел Новобранца выпускал с гораздо большей периодичностью так называемые «Спецсообщения» с грифом «Совершенно секретно. Особой важности». Эти «спецсообщения» распространялись по списку, утвержденному Сталиным. В списке был сам Сталин, Молотов, Маленков, Берия, Тимошенко, Мерецков, а позднее – Жуков.

Кроме разведывательной информации, в ГРУ приходили разнообразные данные от слухов до анонимных писем со всех концов света. Одно из таких писем, подписанное словами «Ваш друг» генерал Голиков передал Новобранцу после очередного доклада и приказал

доложить свое мнение. Новобранец тщательно изучил письмо, написанное на нескольких листках ученической тетради. Аноним писал о неизбежности нападения Германии на СССР, утверждая, что Сталин совершил крупную ошибку, прервав в свое время переговоры с англо-французскими представителями и заключив пакт о ненападении и договор о дружбе с Германией. Этот пакт автор письма характеризовал как лживый дипломатический шаг и призывал Советский Союз к бдительности и готовности: Гитлер уже распорядился о переброске войск на Восток и любое промедление со стороны Советского Союза смертельно опасно.

На следующий день Голиков спросил подполковника, что тот думает о письме. Новобранец ответил, что полностью разделяет мнение анонима и посоветовал направить письмо Сталину в качестве «спецсообщения».

Голиков был явно недоволен ответом своего подчиненного:

– Да вы что? Вы понимаете, что говорите? Ведь он хочет столкнуть нас лбами с Германией? Немцы собираются наносить удар по Англии, форсировать Ла-Манш. Если поступить так, как советует этот «друг», мы своими действиями только вспугнем немцев и спровоцируем их против нас. Так думает и «хозяин».

«Хозяином» звали Сталина, и подполковник понял, что это письмо еще до него уже побывало у Сталина и что генерал Голиков выражает не свою, а его точку зрения. Новобранец стал понимать ужас создавшегося положения. Сталин и его окружение живут в каком-то иллюзорном мире, оторвавшись от реальности. Они не желают даже слушать об истинной обстановке, если та противоречит каким-то их непонятным выкладкам. Однако отважный подполковник, прекрасно понимая, что рискует головой, решил не сдаваться, надеясь переубедить хотя бы собственное командование.

В канун начала общеармейского совещания и стратегических игр Голиков приказал Новобранцу подготовить так называемую «мобзаписку» по Германии для определения возможных масштабов развертывания германской армии при нападении на СССР. Используя свои данные, Новобранец подготовил два варианта развертывания противника: для молниеносной войны (блицкрига) и для длительной, определив соответственно и количество дивизий: 220 и 230. К записке была приложена карта-схема, на которой были показаны существующие группировки немецких войск на советских границах и возможные варианты их действий [60].

Закончив работу, подполковник представил «записку» Голикову.

Тот долго, с видимым интересом рассматривал схему. Затем отложил бумаги и сказал Новобранцу: «Ваши соображения верны, но это только *предположения* . Реально этих группировок нет».

– Как же нет, товарищ генерал?! – воскликнул подполковник Новобранец. – Эти группировки не мой вымысел, они вполне реальны. Каждая дивизия нами точно установлена – не только ее дислокация, состав организации, но даже командир. Как же можно сомневаться в таких точных сведениях?

Голиков положил «мобзаписку» в сейф и сухо сказал:

– Можете идти, вы свободны.

Подполковнику Новобранцу хорошо был известен замысел командования: дождаться вторжения немцев в Англию и нанести им удар с тыла. План был хорош, но если немцы действительно ничего не подозревали, то количество немецких дивизий на наших границах должно было неуклонно уменьшаться, но это количество увеличивалось с угрожающим постоянством. Значит, немцам известен наш план и они, мороча нам голову, сами собираются нанести нам сокрушительный удар? Иначе зачем они наращивают силы?

Объяснение, что на восточных границах Германии идет формировка второго эшелона вторжения в Англию вдали от воздействия и любопытных глаз авиации противника, также не устраивало подполковника Новобранца. Расположение частей таково, что они явно нацелились на вторжение, а не занимаются формированием, готовясь к походу на другой конец Европы. Если мы сейчас, т.е. в конце декабря 1940 года, двинем свои армии на запад, то уже попадем в глупейшее положение, поскольку нарвемся на 110 дивизий, из которых 11 танковых. В итоге, вместо относительно легкого прорыва в Европу, мы завязнем в боях, которые еще неизвестно чем и кончатся.

Если же мы будем продолжать сидеть и ждать десанта в Англию, в чем нас пытаются все время уверить немцы, то в итоге попадем под такой удар с их стороны, от которого оправиться будет очень трудно. Однако никакие доводы на Голикова не действовали. Из всех сводок Новобранца начальник ГРУ убирал примерно треть немецких дивизий, сводя их число до 72-х.

Наконец, Новобранец не выдержал и прямо заявил своему начальнику:

– Товарищ генерал, я не согласен с вашей практикой «срезать» количество дивизий, которые мы указываем. Уже подошло время очередной сводки по Германии, и я не могу выпустить ее с искаженными данными.

Голиков молча извлек из сейфа лист александрийской бумаги, развернул на столе и сказал: «Вот, подполковник, действительное положение на наших границах. Взгляните и прекратите паниковать!»

Новобранец взглянул на схему, где синими значками были обозначены немецкие дивизии, развернутые вдоль советских границ, и поинтересовался источником поступления этой информации.

«Эту схему, – пояснил Голиков, – нам передал югославский военный атташе полковник Путник. „Хозяин“ также считает эти данные абсолютно правильными».

Приказав Новобранцу взять эту схему и на ее основе переделать сводку, генерал Голиков отпустил подполковника со словами: «И давайте больше не спорить».

Засев за изучение схемы полковника Путника, подполковник Новобранец обратил внимание на то, что количество дивизий на ней сильно уменьшено и расположены они на границе без всякой идеи. Так действительно располагаются войска, стянутые в какой-то район с целью переформировки. Однако нумерация дивизий совпадала с теми данными, которые имелись в старых сводках, составленных отделом Новобранца.

То, что это немецкая деза, у подполковника не было никаких сомнений, но он с ужасом понял, что его совершенно секретные сводки попадают в руки немцев и что большая часть агентуры, которую привыкли считать абсолютно надежной, в действительности занимается дезинформацией. Более того, ему стало ясно, что дезинформацию очень ловко подают по нашим собственным разведывательным и правительственным каналам. Характерно было то, что дезинформационный материал попадал в ГРУ не из так называемых «собственных» источников, а шел сверху. Причем путь «дезы» был очень оригинальным: сначала она попадала в иностранный отдел НКВД или к «соседям», как любили выражаться в ГРУ, проникая в агентурную сеть НКВД и контрразведки. Затем, с помощью Берии, который был членом политбюро, дезинформация попадала к Сталину и уже от Сталина поступала в ГРУ, где ее невозможно было игнорировать [61].

Изучив схему Путника и сняв с нее копию, Новобранец вернул ее Голикову, твердо заявив, что это чистой воды дезинформация. Свое мнение он выразил также в форме официального рапорта.

Демонстрируя сверхтерпение, генерал Голиков пытался переубедить своего упрямого подчиненного. Развернув снова схему югославского агента-двойника, Голиков стал объяснять Новобранцу насколько все на этой схеме выглядит логично и правдоподобно. Главные силы

Германии, что доказывается многими сообщениями из самых разных источников, находятся в северной Франции и готовятся нанести решающий удар по Англии. Тут сколько угодно доказательств. Новобранец считает себя умнее и прозорливее всех остальных, включая самого товарища Сталина?

Это все наследство разоблаченного врага народа генерала Проскурова, который в бытность свою начальником ГРУ внушил всем своим подчиненным, что операция «Морской Лев» невозможна в принципе и до самого ареста не желал считаться ни с какими другими мнениями. Намек на арестованного генерала, который в свое время и пригласил Новобранца на работу в ГРУ, был более чем понятен. В ГРУ уже было не одно собрание, требующее «выжечь каленым железом проскуровскую измену из разведки».

Подполковник Новобранец обо всем этом знал, понимая, что именно он и составляет ту часть «проскуровского наследства», которое надлежит выжечь каленым железом.

Но остановиться при виде всеобщего ослепления не мог.

Он знал, что вовсе не генерал Проскуров внушил своим подчиненным мнение о невозможности немецкого вторжения в Англию, а они сами пришли к подобному выводу на основании тщательнейшего и всестороннего анализа сил и возможностей, как немцев, так и англичан.

Картина была для подполковника совершенно очевидной, и он не мог понять, почему наверху все безусловно верят в операцию «Морской Лев», хотя это обычная, пусть и особая по форме, дезинформация.

Возражения на совещаниях сыпались дождем. Почему немцы продолжают столь дорогостоящие налеты на Британию, постоянно усиливая мощь наносимых ударов и неся соответственные потери в материальной части и людях? С цифрами в руках Новобранец пытался доказать, что, напротив, интенсивность боев над Англией снижается. Просто больше пропагандистского шума по этому поводу устраивают обе стороны, значительно увеличивая в своих сводках и задействованные силы, и потери, как свои, так и противника. В действительности, англичане снимают войска с метрополии, перебрасывая их целыми дивизиями в район Средиземного моря и северной Африки. Разве бы они поступили так, если бы их островам угрожала реальная опасность?

Англичане не снимают дивизий с островов метрополии, возражали ему, а подвозят их из доминионов: Австралии, Новой Зеландии и Канады, а также из Индии. Их намерения понятны. Таким образом они прежде всего хотят оттянуть какое-то количество немецких частей с побережья Ла-Манша. Подполковнику Новобранцу должно быть не хуже других, имеющих допуск к сверхсекретной разведывательной информации, известны последние донесения товарища Кима Филби (да и не его одного) о том, какая паника в ожидании немецкого вторжения царит ныне на Британских островах, чего не было даже летом и в начале осени этого года. Королевская семья, правительство, лидеры крупнейших политических партий, воротилы Сити и многие другие готовы к срочной эвакуации в Канаду. В горах Шотландии идет подготовка к партизанской войне. В руки нашей разведки попали интересные документы об уничтожении англичанами собственных военно-морских баз в случае немецкого вторжения и об эвакуации соединений флота метрополии на базы доминионов и колоний. Приводится даже список кораблей и судов, которые следует взорвать для блокирования портов и баз. Неужели это все делается для какой-то дезинформации? Зачем вообще англичанам нас в чем-то дезинформировать? Если они и пытаются стравить между собой СССР и Германию, то это явно не те методы.

Из этого явствует только одно, настаивал на своем Новобранец, что англичане, как и немцы тоже заинтересованы в том, чтобы мы поверили в возможность немецкого вторжения на их острова. Это вполне логично – они вовсе не хотят нашего похода в Европу и желают предоставить инициативу Гитлеру в грядущем столкновении с СССР. Поэтому, несмотря на

войну, их спецслужбы работают в одном русле, хотя и с разными целями. Для англичан нападение Гитлера на Советский Союз это не только наиболее реальный путь к спасению, но и возможность окончательно замкнуть Германию в кольцо непримиримей противников. Для Гитлера, не будем себя обманывать, это единственный способ продлить собственное существование.

Оппоненты соглашались, что в рассуждениях Новобранца есть известная логика. (Слова же Новобранца о том, что его рассуждения основаны вовсе не на логике, на *достоверной информации* , никто не слышал.) Но, продолжали оппоненты, Гитлер, памятуя прошлое, никогда не решится воевать на два фронта. И на все факты, приводимые Новобранцем в скучном перечислении дивизий и мест их дислокации, имеется масса фактов, доказывающих, что его точка зрения ошибочна.

Относительно недавно «соседи» (т.е. разведка НКВД) добыла любопытный документ, подписанный шефом гитлеровской службы безопасности обергруппенфюрером СС Гейдрихом. Это план действий гестапо и других карательных органов Германии на оккупированных территориях Британских островов. План разработан столь тщательно, что трудно даже представить себе, чтобы столь педантичные немцы занимали бы время таких ведомств как собственная служба безопасности составлением столь подробных документов только с целью введения в заблуждение советской стороны.

И, наконец, немцы чуть ли не через день посылают на побережье южной Англии разведывательно-диверсионные партии иногда силой до взвода с целью разведки конкретных участков высадки, проходимости местности, сил противника и тому подобное. Как правило, эти группы либо гибнут, либо попадают в плен. Это тоже ради дезинформации? Новобранец отвечал, что ведомство Гейдриха как раз и является тем местом, где вся «деза» и куется. Он лично не поверил бы ни одному документу, исходящему из гитлеровской службы безопасности.

Что касается гибели немецких диверсионных групп на побережье, доказывал Новобранец, то ради глобальной дезинформации можно пожертвовать и много большим, чем несколькими десятками солдат и летчиков.

Многие честно говорили, что доводы Новобранца звучат не очень убедительно. Не помогали даже цитаты из частных бесед Гитлера, добытые англичанами и перехваченные советской разведкой. Гитлер якобы сказал: «Если мы разгромим Англию в военном отношении, то Британская империя распадется, однако Германия от этого ничего не выиграет. Разгром Англии будет достигнут ценой немецкой крови, а пожинать плоды будут Япония, Америка и другие».

Эта фраза была также разоблачена как английская дезинформация. Новобранец уже тогда подозревал, что Сталину и его ближайшему окружению так хочется, чтобы Англия была уничтожена, что разуверить их относительно планов Гитлера будет невозможно.

Подходило время секретного совещания высшего комсостава Красной Армии и завершающих отработку «Грозы» стратегических игр, а в ГРУ все еще продолжались долгие и мучительные дискуссии о том, сколько же немецких дивизий находится на границах восточной Польши и Восточной Пруссии и куда Гитлер все-таки нацеливает очередной удар – на Англию или СССР?

Очередная сводка по Германии, которую Новобранец получил приказ подготовить к началу игр, все еще не была составлена. Подполковник, понимая чем рискует, начал колебаться. Подкрадывалась трусливая мысль: плюнуть на все, не биться головой о стену, а сделать так, как приказывает начальство. Однако, как и все немногочисленны честные люди среднего звена, воспитанные в тисках тоталитаризма с их искренней верой в святую непогрешимость вождя, подполковник Новобранец пришел к твердому убеждению: враги, проникшие на самый верх партийно-государственного руководства, обманывают товарища

Сталина, не давая ему возможности узнать об истинной обстановке и принять необходимые решения. А потому мужественный и упрямый офицер в итоге решил пойти практически на самоубийство, но довести до вождя правдивую информацию, рискуя при этом «бесследно исчезнуть», как исчез его бывший начальник генерал Проскуров.

После очередного доклада Голикову, когда начальник ГРУ в дополнение к предыдущим «срезал» еще 15 немецких дивизий, подполковник решил действовать самостоятельно. Приказав своему заместителю подготовить все необходимые материалы и данные, собранные информационным отделом, Новобранец стал оформлять сводку, на что понадобилось чуть более суток. Это была сводка № 8 за декабрь 1940 г. В ней говорилось: «За последнее время отмечаются массовые переброски немецких войск к нашим границам. Эти переброски тщательно маскируются и скрываются. По состоянию на декабрь 1940 года на наших границах сосредоточено около ста десяти дивизий, из них одиннадцать танковых. Само расположение этих соединений не оставляет сомнения в том, что они нацелены на вторжение на нашу территорию…»

На приложенной к сводке схеме были показаны все немецкие войска – до дивизии и отдельной части. В выводах было написано, что такое огромное количество войск сосредоточено не для улучшения условий расквартирования, как об этом заявлял Гитлер и повторяли немецкие дипломаты, а для войны против СССР.

Для начала Новобранец показал эту сводку своему другу и однокашнику по выпуску из Академии им. Фрунзе генерал-майору Рыбалко, который также в то время служил в ГРУ. Сравнив схему, составленную Новобранца со схемой югославского полковника, Рыбалко сразу понял то положение, в которое попал начальник информационно отдела. «Могут голову снести, – предупредил многоопытный генерал, – Сталин тебе не поверит, и тебе крышка».

Рыбалко, зная исключительную порядочность Новобранца, воспользовался случаем, чтобы высказать собственные мысли, накипевшие за последнее время. Что творится в армии? На Халхин-Голе и в Финляндии опозорились на весь мир. Армией командуют неграмотные люди – командиры эскадронов, вахмистры без образования и опыта. А сотни образованных офицеров, окончивших академии, сидят годами в штабах на второстепенных должностях. Идет какой-то обратный естественный отбор. Делается все возможное, чтобы и в следующей войне опозорить снова армию на весь мир.

После разговора с Рыбалко решение Новобранца довести дело до конца стало твердым, хотя он еще не видел способа, как при этом обойти свое непосредственное начальство.

По существующей практике все информационные документы ГРУ, включая сводки, составлял и подписывал начальник информационного отдела. Сигнальный экземпляр, как уже отмечалось, должен был докладываться Голикову и только после его утверждения рассылался в войска и тем лицам, которые были включены в «спецразнарядку».

Новобранец решил направить сводку в войска без ведома генерала Голикова, что само по себе было совершенно беспрецедентным случаем. Но, по мнению подполковника, другого выхода не было. Вызвав начальника типографии, Новобранец вручил ему сводку, приказал ее срочно отпечатать, а сигнальный экземпляр доставить ему якобы для доклада Голикову. Получив сообщение о том, что сводка готова, Новобранец приказал сдавать тираж в экспедицию для рассылки, а полученный сигнальный экземпляр запер у себя в сейфе. Затем позвонил начальнику экспедиции и попросил скорее отправить сводку в войска, порекомендовав в последнюю очередь разослать сводку по московским адресам. В Москве, мол, ее всегда успеют получить. Вскоре из окружных штабов стали поступать подтверждения о получении сводки.

Теперь предстояло самое трудное: доложить сигнальный экземпляр Голикову задним числом. Предвидя «немало скверных минут», Новобранец вошел в кабинет начальника ГРУ и молча положил сводку перед ним на стол. Голиков полистал брошюру и стал рассматривать схему. Лицо генерала Голикова сначала выражало удивление, потом недоумение, а затем Голиков отшвырнул сводку и грохнул кулаком по столу. Для всегда уравновешенного генерала это было проявлением крайнего гнева. Взяв себя в руки, Голиков поинтересовался у Новобранца, не получил ли он от кого-нибудь задание спровоцировать войну с Германией? Чего он добивается, поднимая такую панику? Может ли Новобранец ему членораздельно ответить?

Подполковник, также стараясь держать себя в руках сказал, что главной обязанностью разведки является не только снабжать свое командование реальной информацией и по возможности не участвовать в его дезинформации, но и при случае подсказать командованию правильное решение. Так вот, он считает, что если мы ждем, что в связи с операцией «Морской Лев» немцы начнут оголять нашу границу и мы сможем легко осуществить намеченную операцию, то нам можно на все это не рассчитывать. Немцы не собираются никуда перебрасывать войска с наших границ, а, напротив, постоянно их усиливают. Из этого вытекает, что им известны наши планы и они, естественно, не собираются им следовать. А из этого вытекает, что и мы, в свою очередь, не должны больше ждать и именно сейчас, когда у нас еще имеется почти двойное превосходство над немцами, пока те еще не вышли на нашу границу по всей ее протяженности, пока источники румынской нефти еще как следует не защищены, наносить удар первыми, организовав несколько пограничных инцидентов, которые можно представить как немецкое нападение.

Слушая своего подчиненного, генерал Голиков не проронил ни слова, а затем вернул ему сводку, сказав, что подобный документ он утверждать не намерен, запрещает его посылать в войска и приказывает уничтожить весь тираж.

Тогда ровным и тихим голосом Новобранец доложил, что сводка уже отправлена в войска.

Это было слишком даже для хладнокровного Голикова.

«Вы послали сводку без моего утверждения и разрешения?» – поинтересовался начальник ГРУ.

Подполковник Новобранец подтвердил, что все именно так и произошло, поскольку дело очень серьезное, где всякое промедление хуже преступления.

Голиков на какое-то мгновение лишился языка, а затем от души выругался матом. Обозвав Новобранца «безответственным идиотом», «маньяком», который хочет подставить под нож все разведывательное управление, «фантазером» с навязчивыми идеями, генерал объявил об отстранении подполковника от должности и отдаче под суд за неоднократные попытки дезинформировать командование, используя при это служебное положение.

Однако подполковник Новобранец был готов именно к такому развитию событий. Попросив на себя не орать, он заявил, что готов как начальник информационного отдела отвечать за свою сводку головой, а поскольку его взгляды так сильно расходятся со взглядами генерала Голикова, то он просит предоставить ему возможность личного доклада начальнику Генштаба. Если ему такая возможность не будет предоставлена, он найдет свои пути выхода непосредственно на генерала армии Мерецкова.

Хорошо, согласился Голиков, я вам устрою личный доклад. Только не пожалейте потом.

Вернувшись к себе в отдел, Новобранец написал подробный доклад на имя начальника Генштаба, затем заготовил «спецсообщение» Сталину, Молотову, Маленкову, Тимошенко и Берии, где дал подробное описание нависшей над страной угрозы и приложил «сводку № 8».

Он уже заканчивал свою работу, когда позвонил начальник Академии Генштаба генерал-лейтенант Мордвинов, поинтересовавшись, действительно ли дело так серьезно, как написано в сводке.

Даже еще серьезнее, подтвердил Новобранец.

«Но они же не сошли с ума, – заметил генерал Мордвинов, – чтобы кидаться на нас с теми силами, что у них в Польше и Восточной Пруссии, даже если эти силы действительно соответствуют тем, что ты указал в сводке. Ты же наши силы знаешь».

Наши силы Новобранец знал, но заметил генералу, что в нынешние времена мощным внезапным ударом можно смешать любое количество людей и техники с любым количеством земли. Не забывайте, что наши войска не имеют никакого плана на отступление, о котором запрещено даже заикаться. Если первым внезапным ударом их вынудят к отступлению, то такая масса войск и боевой техники, что у нас на западных границах, сразу устроит давку и неразбериху на дорогах, отступление перерастет в бегство, бегство – в катастрофу. Вот что его беспокоит. Ни в коем случае нельзя дать возможности немцам нанести удар первыми. И если для этого 70 дивизий, разумеется, мало, то 110 дивизий вполне достаточно. Не понятно, почему это никого не волнует.

– Не паникуй, – успокоил старого друга начальник академии Генштаба. – Если они ударят из Польши, они же подставят свой фланг нашей южной группе и оголят Румынию.

– Все это так, – согласился подполковник, – но это будет мясорубка, которая в итоге сорвет все наши планы.

О каких планах идет речь, оба понимали и не уточняли.

В случае немецкого нападения «Гроза» теряла элемент стратегической (и тактической) внезапности, а потому становилась практически не выполнимой.

Вскоре Новобранца и Голикова вызвал к себе начальник Генштаба генерал армии Мерецков. По обычаю того времени, вызов пришелся на два часа ночи.

Мерецков принял разведчиков в присутствии начальника оперативного управления генштаба генерала Василевского.

На большом планшете Новобранец развернул свою карту и все сопутствующие материалы. Докладывал долго и обстоятельно. Генералы слушали молча, внимательно, не перебивая.

Генерал армии Мерецков знал, разумеется, гораздо больше, чем было положено знать подполковнику Новобранцу. Будучи одним из основных разработчиков «Грозы», он не верил в успех этой операции и в ее целесообразность. Прежде всего он считал, что армия в нынешнем ее состоянии не способна осуществить операцию такого масштаба, хотя бы потому, что не имеет гибкого и четкого управления. Задуманные гигантские клещи глобального наступления распадутся, завязнут, останутся без горючего, боеприпасов и продовольствия задолго до того, как смогут сомкнуться. «Гроза», по мнению Мерецкова, приведет лишь к большому хаосу сначала в Европе, а затем и в СССР. Любая удача в «Грозе» разложит армию и страну, а неудача – погубит.

Но он знал, что Сталин одержим этой операцией настолько, что зачастую теряет чувство реальности.

– Вы считаете, – спросил Мерецков Новобранца, – что Гитлер может напасть на нас, не закончив войны с Англией. Другими словами, снова начать войну на два фронта? Это с его ресурсами? Доложите свое мнение, почему вы так считаете.

– Да потому, что деваться ему некуда, – выпалил неожиданно даже для самого себя Новобранец. – Он же не дурак товарищ генерал армии. Он же видит, что мы готовимся к нападению и раздавим его. И он понимает, что нужно наносить удар самому, поскольку у

нашей армии нет даже плана на тактический отход, не говоря уже о стратегическом отступлении.

Новобранец попал в самую болевую точку начальника Генерального штаба. Огромная армия, развернутая в рамках доктрины стремительного наступления на западных границах с ее сложным и многослойным хозяйством современных вооруженных сил, не имея плана стратегического отхода, одним ударом может быть превращена в бегущую неуправляемую толпу. Однако Мерецков уже боялся поднимать этот вопрос не только перед Сталиным, но даже и перед наркомом обороны маршалом Тимошенко.

– Вы послали сводку руководителям партии и правительства? – осторожно поинтересовался Мерецков, хотя в вопросе был только один смысл: вы послали эту сводку Сталину?

– Так точно, – доложил Новобранец. – Согласно разнарядке сводка и спецсообщение со специальным фельдъегерем посланы Сталину, Тимошенко, Маленкову и другим.

Немного поколебавшись, Мерецков приказал Голикову утвердить сводку № 8, а Новобранцу пожал руку и поблагодарил, что означало по меньшей мере оставление подполковника на занимаемой должности до особого распоряжения.

Генералу Мерецкову предстояло открыть совещание, высшего начальствующего состава РККА и принять участие в стратегических играх. Он знал, что эти мероприятия задуманы Сталиным в качестве окончательной шлифовки предстоящего глобального наступления. Ни о чем другом на совещании не собираются говорить. С трудом удалось пробить один доклад об обороне, да и то это была оборона захваченных у противника позиций на случай глубокого прорыва вперед и возможного отставания соседей или собственных тылов. Об отходе, а тем более о крупном отступлении говорить на совещании запрещалось. Мерецкову очень хотелось поднять этот вопрос – он понимал, что если он этого не сделает, то не сделает никто, а его самого сделают козлом отпущения. Неплохо было бы заручиться поддержкой наркома Тимошенко, но отношения между ними сложились таким образом, что надеяться на это было бы по меньшей мере опрометчиво.

Только под самое утро генерал армии Мерецков забылся коротким сном на диване в комнате отдыха, примыкающей к его служебному кабинету.

Сталин просмотрел сводку № 8 22 декабря, прибыв около 2-х часов дня в Кремль с ближней дачи. Сводка не произвела на него никакого впечатления. Она вернулась к Поскребышеву для подшивки в дело без всяких пометок и указаний: вызвать кого-нибудь для разъяснений, проверить информацию, назвать ответственных и исполнителей.

Накануне вождь скромно и просто отметил день рождения в кругу детей и ближайших соратников по партии. Присутствовали: Молотов, Ворошилов, Маленков, Берия. Бросалось в глаза отсутствие Кагановича, Калинина и Тимошенко. А также Жданова, который обычно ради такого случая приезжал из Ленинграда. Пили «Кахетинское», пели вдвоем с Лаврентием грузинские песни, потом втроем с Яковом, а затем, захмелев, перешли на блатные песни, которые, в отличие от грузинских, знали все присутствующие.

На следующий день Сталин совещался с генералами авиации Рычаговым, Жигаревым и Смушкевичем по планам дальнейшего развертывания аэродромов в западных областях СССР. Строительство полос шло даже с опережением графика, для самолетов рылись капониры, люди жили в палатках, но встал вопрос о хранении горючего, авиабомб, необходимых запчастей и многого другого авиационного оборудования, которое по разным причинам никак не пристало хранить на открытом воздухе или на необорудованных складах. В том числе и планеры для задуманных крупномасштабных воздушно-десантных операции первого этапа «Грозы». Пока летчики доложили, что указание товарища Сталина относительно десантных планеров выполнено. Все они убраны в ангары и на специальные склады, которые строго

охраняются. Сталину, правда не доложили, что из-за этого из ангаров выставили на улицу все самолеты, включая и проходящие сточасовые регламентные работы. Не среагировал Сталин и на проблему обеспечения новых аэродромов горючим, снабжаемых порой конными бензоцистернами, бензин из которых необходимо было переливать в канистры, а затем через воронку заливать в самолеты. Как это все придется проделывать в реальной боевой обстановке было неизвестно, но проблема острейшей нехватки бензозаправщиков никак вроде и не решалась на фоне резкого увеличения самолетного парка и аэродромной сети.

Ненормальные условия базирования и аэродромного обслуживания привели к резкому повышению аварийности при проведении учебных полетов, что авиационные начальники всеми силами пытались скрыть от вождя. Сталин имел собственные источники информации, но не желая вопроса обострять, поставил это на вид Рычагову с тем мягким укором, который часто вводил в заблуждение тех, кто еще недостаточно хорошо знал товарища Сталина.

Но вождь был явно в хорошем настроении и, выслушав доклад генерала Рычагова о мерах по маскировке планеров, удостоил его даже высшим поощрением – словом: «Маладэц».

Рычагов, ободренный сталинскими междометиями и словом «молодец», воспользовавшись тем, что в конце совещания он остался с вождем наедине, совершенно неожиданно для Сталина завел разговор о своем пропавшем друге Иване Проскурове – бывшем начальнике ГРУ. Товарищ Сталин от удивления даже вынул трубку изо рта и положил в пепельницу.

Рычагов и Проскуров когда-то служили в одной эскадрилье. Когда-то: это в Испании. Проскуров, как и Рычагов, был отчаянным летчиком-истребителем, получил звание Героя Советского Союза и был лично Сталиным произведен в генералы прямо из старших лейтенантов.

Рычагов заявил, что он ручается за Ивана – он честный, преданный делу партии и лично «вам, товарищ Сталин». Произошло недоразумение и он просил разобраться. Если товарищ Сталин верит ему, Павлу Рычагову, которому он доверил возглавлять военно-воздушные силы страны, то пусть поверит, что Иван Проскуров тоже…

И смотрел в глаза вождя своими лихими светлыми глазами.

Удивление Сталина было вызвано не только смелостью Рычагова, а скорее тем обстоятельством, что вождь всего неделю назад (17 декабря) читал показания Проскурова, выбитые из бывшего начальника ГРУ «специалистами» из НКВД. Проскуров сознался, что сознательно вводил в заблуждение ЦК, правительство и лично товарища Сталина с целью «фашистско-троцкистского переворота и ликвидации власти рабочих и крестьян в Советском Союзе». Но он категорически отрицал, что передавал военные и государственные тайны СССР иностранным разведкам, считая, что добьется своей цели с помощью одной дезинформации руководства.

Это выглядело смешно, поскольку следствию уже стало совершенно ясно, что речь идет об очередном военном заговоре, созревшем в кругах высшего военного руководства, которое втянуло в него по уже сформировавшейся традиции, начальника Главного Разведывательного Управления.

У Проскурова потребовали назвать сообщников. Отважный летчик, ежедневно избиваемый на допросах до полусмерти и доставляемый в камеру в бессознательном состоянии, держался твердо, уверяя, что действовал в одиночку. Подобные заявления вызывали у следователей лишь змеиные улыбки. Без всякого сомнения, нити от Проскурова тянулись в генеральный штаб, в веденьи которого находилось ГРУ, к старым дружкам в авиации и, конечно, к кому-то, кто этот заговор возглавлял.

Сталин уже устал от бесконечных заговоров, вечно зреющих в недрах его военного аппарата, срывающих его планы, мечты и надежды. Он написал резолюцию: «Выяснить всех участников. Думаю, надо искать в генеральном штабе. Ст.».

И тут Рычагов уверяет его, что Проскуров, уже фактически во всем признавшийся, честный человек, преданный партии и делу Ленина-Сталина. Что это: политическая слепота, ложное чувство товарищества или… измученный неизвестностью начальник управления ВВС пытается узнать у самого Сталина, не дал ли его дружок Проскуров каких-либо показаний на него? И что думает по этому поводу сам Сталин?

Сталин сказал свое знаменитое «пасмотрим» и отпустил Рычагова, глядя ему в спину до тех пор, пока за генералом не закрылась тяжелая, отделанная дубом дверь кабинета…

23 декабря в Центральном Доме Красной Армии открылось совещание высшего руководящего состава РККА. Всего собралось более 270 человек. Конечно, всем было ясно, что такое массовое собрание высшего армейского руководства страны не ускользнет от внимания иностранных разведок, а потому совещание с одной стороны было замаскировано под военно-теоретическую конференцию, а с другой – являлось как бы подведением итогов боевой подготовки за 1940 год и «выработке предложений по ее улучшению в 1941 году».

Советская военная наука всегда отличалась бодростью и оптимизмом. Еще в 1938 году, в разгар всеармейской резни, в Генштабе был разработан новый план развертывания Красной Армии, исходя из наихудшего для СССР варианта – войны на два фронта: на востоке – против Японии, на западе – против большой коалиции государств во главе с Германией, за которой шли Италия, Польша, Румыния, Финляндия, Эстония, Латвия и Литва. Согласно проведенному тогда, анализу, все противники СССР *вместе взятые* , могли выставить на обоих фронтах 13 077 орудий, 5775 самолетов и 7980 танков. Это было смешно, поскольку Советский Союз только за один 1938 года произвел 12 000 орудий, более 5000 самолетов, а производство танков за год уже составляло больше половины мирового танкового производства. План Генштаба тогда ставил войскам задачу: с момента открытия военных действий нанести решительное поражение противникам и на западе и на востоке.

Армия имела много слабых сторон, о которых Сталину поведал еще Тухачевский и подтвердил Шапошников, взявший на себя военный ликбез Вождя всех народов. Самые страшные пороки – пороки врожденные, а того пуще – наследственные. Нынешняя армия, как ее ни чистили и ни деформировали, родилась из Красной Армии гражданской войны. А одним из негативных последствий гражданской войны было то, что из-за нее были забыты уроки Первой мировой войны, а те, кто пытался эти уроки обобщить, были поставлены в такие условия, что их никто не слышал, даже если бы захотел.

Если Первая мировая война уже в свои первые полтора года ярко продемонстрировала тот факт, что роль кавалерии уже близка к нулю, то гражданская война, напротив, породила чудовищного монстра-вырожденца – небывалую по своим размерам *стратегическую кавалерию* . При отсутствии фиксированных фронтов и слабой технической базе противостоящих армий великие русские равнины стали самым благодатным театром для действия огромных масс конницы, чего не видела история со времен походов Чингиз-хана. А война с Польшей еще более утвердила мысль о необходимости крупных кавалерийских соединений в современной маневренной войне.

Каждый кавалерийский корпус, возглавляемый какой-нибудь легендарной личностью вроде Котовского, владел огромными земными наделами, крепостными под видом деревень, ответственных за снабжение корпуса продовольствием и фуражом, даже сахарными заводами. И каждый мечтал если не самостоятельно осуществить мировую революцию, то, во всяком случае, быть передовым соединением «всемирной армии труда».

В генеральном штабе кавалерии с упоением чертили на картах красные стрелы глубоких кавалерийских рейдов аж до Парижа и Калькутты, подсчитывались тысячи тонн овса для прокормления коней и всадников и даже шла теоретическая дискуссия, в итоге которой (как и всех дискуссий в СССР) следовали аресты со смертными приговорами за вредительство. Речь шла о необходимости кастрации строевых жеребцов, чтобы они в боевом строю не отвлекались на кобыл. Противники этой меры доказывали, что жеребцы, потеряв мужской стимул, растеряют и боевые качества, необходимые кавалерийскому строевому коню.

Практическим же обоснованием существования кавалерийского монстра всегда были польские уланы, поскольку о разных там венгерских или румынских гусарах никто всерьез не говорил даже в кавалерийском генштабе. Но и знаменитые своей доблестью и боевой подготовкой польские уланы в недавно закончившейся войне поляков с Гитлером и Сталиным показали свою полную несостоятельность, и это послужило для кавалерии погребальным звоном, а последующие действия немецких танковых соединений на западном фронте переполнило и терпение Сталина, в довольно резкой форме предложившего кавалеристам умерить свой пыл и амбиции. Кавалерийские части расформировывались одна за другой, хотя это было совсем нелегким делом. И хотя кавалерийские части были сокращены в период с 1937 по 1940 гг. почти в пять раз, кавалерии в Красной Армии еще оставалось больше, чем во всем остальном мире, включая верблюдную кавалерию арабского легиона.

В период всеармейской резни в 1937-38 гг. «неприкасаемые» кавалерийские вожди Ворошилов, Будённый, Тимошенко и так далее до Огородникова наделали немало славных дел, безжалостно бросая под нож всех, кто осмеливался усомниться в немеркнущей ценности кавалерии в современных вооруженных силах. Помимо тысяч уничтоженных офицеров, деятельность кавалерийского «лобби» привела к срыву программы насыщения армии автотранспортом, к расформированию механизированных корпусов.

Но страшнее самой кавалерии был кавалерийский дух армейского руководства. Из всей гражданской войны им запомнилось только лихое преследование кавалерийскими лавами откатывающихся частей генерала Деникина осенью 1919 года, когда они летели на юг, сметая разрозненные казачьи заслоны, а затем много лет жили в надежде, что снова удастся повести боевых коней «по дорогам знакомым за любимым наркомом».

Кавалерийская удаль оказывала сильное влияние и на все сценарии возможного начала войны. В высоких штабах никогда не было двух мнений: войну всегда должен был начинать Советский Союз внезапным, сокрушительным ударом, выбрав для этого удара наиболее благоприятный военный и политический момент.

Поэтому преамбула «если враг нападет» даже в условиях предвоенного СССР многими уже серьезно не воспринималась. Ведь не постеснялись же объявить, что маленькая Финляндия напала на Советский Союз. А когда никто не нападает, то можно объявить «освободительный» поход как в Монголии и в Польше. Можно откликнуться на призыв народа, как в Прибалтике и в Бессарабии. Можно действовать и другими, не менее эффективными способами.

Необходимо было срочно, если так можно выразиться, «декавалеризировать» армию. Даже не столько по форме, сколько по духу, поскольку Сталин понимал, что его внутреннее неприятие армией исходит именно из идеологии созданного и вскормленного Львом Троцким кавалерийского монстра. Тем более, что Шапошников ему как-то заметил, что все беды зимней войны с Финляндией произошли из-за того, что бывшие «буденовцы» построили план войны на лихом преследовании бегущей финской армии, используя для этой цели за неимением кавалерийской, пехотную лаву.

Но в условиях единоличной власти, «тоталитарного склероза», как отметят будущие историки, многое (если не все) зависело не от того, как видит будущую войну и собственную армию тот или иной «первый маршал» или начальник генштаба, а как все эти проблемы

рисовались самому товарищу Сталину – человеку, безусловно, незаурядному, талантливому, а в некоторых областях даже великому, но, к сожалению, малограмотному и совершенно невоенному.

Образ будущей войны рисовался Сталину цепью восстаний во враждебном стане капитализма (не стихийных как мечтал Ленин, а тщательно подготовленных Коминтерном), походом Красной Армии на помощь восставшим там, где им не удалось справиться самостоятельно, войной с отдельными капиталистическими странами (главным образом для стимулирования восстаний там, где они еще не вспыхнули), завершившейся всемирной победой социализма, который, по твердому убеждению вождя, был уже построен в СССР.

После сближения с Гитлером, получив соответствующие указания, советские средства массовой информации, прервав на скаку нагнетание военного психоза, начали неожиданно на той же истерической ноте вопить о мире во всем мире, о поджигателях войны и о готовности Советского Союза сокрушить кого угодно «малой кровью на чужой территории» с одним непременным условием: если на него нападут. Хотя в Кремле все отлично понимали, что спровоцировать нападение на СССР ничего не стоит. Достаточно поднять телефонную трубку и приказать «кому следует» обстрелять какую-нибудь собственную заставу, как произошло в случае с Финляндией. Но на подавляющее большинство людей в стране и в армии, не посвященных в изысканные методы товарища Сталина и принимающих все за чистую монету, радио-газетные вопли о мире и «ненападении» действовали разлагающе. Ибо *нет ничего более разлагающего, чем мечта о вечном мире* , о чем предупреждал еще первый теоретик казарменного социализма – незабвенный Платон.

Поэтому в канун ноябрьских праздников 1940 года Сталин вызвал к себе одного из самых молодых секретарей ЦК Александра Щербакова, занимавшегося вопросами агитации и пропаганды, курировавшего ТАСС, органы политпропаганды армии и промышленности. Вождь приказал несколько сменить тон официальной пропаганды, ибо возникла необходимость готовить страну и армию к крупной наступательной, опустошительной войне. «Большевики, – разъяснял Сталин, прохаживаясь по кабинету за спиной молча слушавшего Щербакова, – не должны быть просто пацифистами, которые вздыхают о мире и берутся за оружие только в том случае, если на них нападут. Неверно это. Бывают случаи, когда большевики сами будут нападать».

«Что же это за случаи?» – в своей манере задавал вопрос вождь и сам на него отвечал:

«Мы не можем безучастно смотреть на то, что происходит за советским рубежами, когда большая часть Европы захвачена Германией. Народы мира с надеждой смотрят на СССР, ожидая от первой в мире страны победившего социализма вмешательства в европейские дела с тем, чтобы принести свободу порабощенным народам».

Сталин приказал Щербакову отныне строить систему политпросвещения, основываясь на этих тезисах и секретно подготовить необходимую наглядную агитацию (листовки, плакаты и пр.), представив их ему, Сталину, на утверждение.

Щербаков был человеком исключительной работоспособности и исполнительности. Через две недели Сталину уже были доложены первые эскизы агитационных плакатов на предмет замечаний и утверждения.

На одном из плакатов, выполненном в зловеще багровых тонах, 80% полезной площади занимала огромная, багрово-красная голова Ленина на фоне красных знамен. У вождя мирового пролетариата было грозно-мертвое выражение лица, как у языческого бога войны, превращенного новой религией в Бога мировой революции. В нижней части плаката, зажатые между бородой вождя мирового пролетариата и призывом: «Под знаменем Ленина – вперед на Запад!», тесным строем со штыками наперевес шли красноармейцы в касках [62]. Шли знаменитой русской пехотной лавой, а голова Ильича, благодаря мастерству художника,

возвышалась за ними и парила над ними страшным символом крестового похода атеистов, символом нового божества религии, отрицающей Бога.

Сталину плакат понравился. Он приказал отпечатать его тиражом в 5 миллионов экземпляров и разослать во все горкомы и райкомы партии и в военкоматы в секретных пакетах с надписью: «Вскрыть по особому распоряжению».

Все было хорошо, но вести войска придется не Ленину, а ему.

Да, у него хватило знаний понять, что кавалерия должна уступить место танкам, у него хватило знаний в гуще смертельных и подлых интриг спасти танк Т-34 и реактивный миномет «Катюша», но он хорошо понимал, как ловко и военные, и инженеры пользуются его малограмотностью, чтобы навязать свою точку зрения, во всем как бы с ним соглашаясь. «Что нужно, чтобы действительно победить?» – спрашивал Сталин в одной из речей в марте 1939 года и отвечал: «Для этого нужны три вещи: первое, что нам нужно, – вооружение, второе – вооружение, третье – еще и еще раз вооружение». Это было гениально, и страна заваливалась оружием. И Сталин лично занимался проблемой вооружения, давая наставления разработчикам нового оружия в рамках своего понимания будущей войны, которая, как он ни старался вырваться из старых догм, все-таки представлялась ему не иначе, как в виде лихого кавалерийского преследования, пусть даже на танках.

Итак, к старому ленинскому лозунгу «учиться, учиться и учиться военному делу настоящим образом» Сталин добавил и свой – «вооружаться, вооружаться и вооружаться». Однако при такой концентрации не только власти, но и всех решений в собственных руках, причем руках, мягко говоря, не очень профессиональных, невозможно было избежать огромных пробелов в подготовке страны к столь глобальной войне, задуманной, хотя и поэтапно, но фактически со всем миром. Невозможно было направлять и контролировать столь гигантское по масштабам дело в одиночку. Кроме «вооружения, вооружения и вооружения» имелось еще огромное количество проблем, которые, для того чтобы решить, нужно было для начала обозначить. Сталин лично занимался всеми проблемами, связанными с танками, артсистемами, самолетами, линкорами, крейсерами, подводными лодками, пулеметами, автоматами и винтовками.

Как и всякий сугубо штатский человек, Сталин воспринимал вооружение и картину будущей войны «зрительным представлением», своего рода цепью бесконечных картинок, на которых, чем мощнее выглядел тот или иной образец боевой техники, тем он был предпочтительнее. Линкор, конечно, всегда выглядел в его глазах предпочтительнее хилого тральщика, тяжелый танк лучше смотрелся, чем занюханный полевой телефон. Вообще, все, что невозможно было эффектно представить «зрительным рядом», т.е. на картинке, проходило мимо внимания Отца всех народов. И в первую очередь основа военного дела: связь и управление. Целый род войск абсолютно не интересовал товарища Сталина, именно тот род войск, без которого нормальное управление войсками просто невозможно.

Пренебрежение связью Сталин пронес через годы, задавив в зародыше кибернетику как «чуждую марксизму лженауку» и обеспечив Советскому Союзу пожизненное отставание от мира в самой важной отрасли военного дела – системе «команд-контроля-управления и связи», проморгав начало новой эпохи – эпохи электронной войны.

Почти в таком же загоне, как и связь, была военно-транспортная служба, работающая почти на 80% с помощью гужевого транспорта, что было также отголоском великой эпохи «стратегической кавалерии».

Еще в худшем состоянии находилась служба тыла, видимо, одним своим названием предполагая нечто трусливое и постыдное. В 1939 году, выступая на XVIII съезде Партии и подробно рассказывая о росте и развитии различных родов войск, Ворошилов все-таки со смешком сказал пару слов о связистах, но о службе тыла не упомянул вообще. Операция

«Гроза», задуманная как гигантский разбойничий набег, вообще предполагала снабжение армии захваченными ресурсами.

И уж вообще нечего говорить о медицинской службе, которая со времен гражданской войны стала нисколько не лучше, чтобы не сказать большего. Не было в помине не только полевых установок для переливания крови, шприцев с морфием и кислородных масок, что уже имелось в распоряжении практически всех армий мира, но даже противостолбнячных средств и простейшего медицинского инструмента [63].

Более всех проблем Сталина, как обычно, заботила проблема кадров. Никто из стоящих во главе вооруженных сил пока не удовлетворял его полностью. Кроме себя самого, он не видел никого, кто бы мог повести огромную армию в такой исторический поход, который был предусмотрен операцией «Гроза». Но сам он был невоенным человеком, а потому должен был только послать в бой.

Для того он и приказал собрать совещание высшего комсостава РККА, чтобы, решив все армейские проблемы, заодно разобраться и с кадрами. Кадровая засоренность снова давала о себе знать и в Наркомате обороны, и в Генштабе, и в НКВД. Эта гораздо сильнее мучило вождя, нежели проблемы тыла и транспорта Красной Армии в задуманной им глобальной игре, где на карточный стол снова бросалось будущее России и ее народа.

Открыл совещание вступительным словом Нарком Обороны маршал Тимошенко. Он был краток. Определив очередность докладов и регламент, нарком уступил трибуну начальнику Генерального Штаба генералу армии Мерецкову, чей доклад имел длинное официальное название: «Итоги и задачи боевой подготовки сухопутных войск, ВВС и оперативной подготовки высшего начсостава». Мерецков начал свой доклад с обзора международной обстановки. «1939 и 1940 года, – указал он, – протекали в сложной международной обстановке. Большинство народов мира втянуто империалистами в большую тяжелую войну… В то время, когда воюющие народы терпят неизмеримые страдания, наш могучий народ под руководством великого вождя товарища Сталина, благодаря его мудрой стратегии продолжает оставаться вне войны и по-прежнему уверено идет к своей цели, улучшая свое материальное благосостояние и приумножая мощь вооруженных сил нашей страны…»

Охарактеризовав войну с Финляндией как попытку империалистов «испытать наше могущество и втянуть в войну», начальник генерального штаба с удовлетворением отметил, что хотя эти неоднократные попытки ничем не увенчались, Красная Армия «получила большой боевой опыт современной войны».

Подчеркнув наступательный характер советской военной доктрины, Мерецков подчеркнул, что «опыт последних войн, учений и полевых поездок показал недостаточную оперативную подготовленность и военную культуру высшего командного состава, войсковых, армейских, фронтовых и особенно авиационных штабов. Этим вопросом раньше не занимались. В течение многих лет отсутствовали указания по вождению крупных современных соединений, по вводу их в бой вместе с танками и авиацией…»

Неожиданно, как бы выводя из оцепенения притихший зал, генерал Мерецков начинает говорить об опасном пренебрежении в армии вопросами обороны. Нет, он не осмеливается произнести строжайше запрещенное к употреблению слово «отступление». Он говорит об обороне, подчеркивая, что и это понятие практически исчезло из уставов, замененное расплывчатым словом «сковывание противника», поскольку многие просто боятся даже думать о том, что придется обороняться.

«Учитывая опыт войны на Западе, – скороговоркой говорит отважный начальник Генерального штаба, опасаясь, что вот сейчас встанет маршал Тимошенко и лишит его слова за пропаганду буржуазных ересей, – нам наряду с подготовкой к активным наступательным действиям необходимо иметь представление и готовить войска к современной обороне».

Генерал переводит дух, делая паузу. Он знает позицию Сталина по этому вопросу, которую, «естественно», полностью разделяет нарком Тимошенко и почти все сидящие в зале, в чьих сейфах давно уже лежат красные пакеты с пометкой: «Вскрыть по получении сигнала „Гроза".

Мерецков понимает, что зашел далеко, но продолжает:

«Современная оборона должна противостоять мощному огню артиллерии, массовой атаке танков, пехоты и воздушному противнику. Поэтому она должна быть глубоко противотанковой и противовоздушной…»

Сталин, слушающий речи начальника Генерального штаба по спецтрансляции в отдельном помещении, морщится, как от зубной боли. Опять оборона! Это очень опасные мысли, разлагающе действующие на боевое настроение армии. Нет, пост начальника генштаба оказался явно не по плечу Мерецкову. Постоянно думающий об обороне не сможет руководить стремительным наступлением…

Но вот генерал Мерецков опомнился и снова перешел на «новоречь»:

«Боевые действия с японо-маньчжурами на реке Халхин-Гол и война с белофиннами показали беспредельную преданность бойцов, командиров и всего начальствующего состава социалистической Родине, партии, правительству и великому Сталину…

В настоящее время правительство и партия, обеспечивая нашу армию всем необходимым, требуют, чтобы мы были всегда в боевой готовности…»

По словам самого Мерецкова, он, сойдя с трибуны, ощутил вокруг себя пустоту. В перерыве многие коллеги даже боялись подходить к нему и уж во всяком случае долго около него не задерживаться.

Совещание продолжалось.

Одной из великих милостей, данных нам Творцом, является то, что мы ничего не знаем о своей судьбе. А уж тем более, не знаем о своем конце…

Очень многим из присутствующих на совещании жить оставалось в лучшем случае менее года. Из трех основных докладчиков, развивающих теорию стремительного наступления огромных масс войск и боевой техники, двое будут расстреляны, а один – посажен.

Многих других ждет та же судьба, а кому больше повезет, тот либо погибнет в бою, либо попадет в плен.

На самого Мерецкова, избитого до полусмерти, будут мочиться охранники, выбивая из него признание о шпионаже в пользу Англии, а выступившему в прениях по его докладу генерал-инспектору пехоты Красной Армии генерал-лейтенанту Андрею Смирнову суждено погибнуть в октябре 1941 года под никому пока не известным селом Поповка, где будет полностью уничтожена его 18-я армия.

Почти день в день с гибелью Смирнова будет расстрелян и другой выступающий в прениях генерал – Дважды Герой Советского Союза Яков Смушкевич.

Погибнет в странной автомобильной катастрофе и следующий выступавший: заместитель командующего войсками Московского Военного округа генерал-лейтенант Иван Захаркин.

Всего через семь месяцев предстоит попасть в плен, а оттуда в ГУЛАГ командующему 6-й армией Киевского ОВО генерал-лейтенанту Ивану Музыченко, критикующему в прениях оборонительные настроения в армии.

Уже 26 июня придется застрелиться корпусному комиссару Николаю Вашугину – члену Военного Совета Киевского Особого ВО, поведавшему собравшимся о случаях антисоветской пропаганды в войсках и других происках иностранных разведок, разлагающих дисциплину.

Плен и последующая тюрьма ждут и командующего 4-м мехкорпусом генерала Михаила Потапова, ратовавшего в прениях за создание еще более крупных танковых соединений.

Плен и бессмертная слава самого крупного предателя в истории ожидают и следующего выступающего в прениях – уже знакомого нам командира 99-й стрелковой дивизии генерала Андрея Власова.

Суд, разжалование и крупный лагерный срок ожидают командующего войсками огромного Сибирского военного округа генерал-лейтенанта Степана Калинина, критиковавшего оборону и признававшего только наступление.

В июле 1941 года суд и расстрел ожидают очередного выступающего в прениях генерала Владимира Климовских – начальника штаба Западного Особого военного округа.

Всего через пару месяцев арест и расстрел (в октябре) ждут и выступившего вслед за Климовских генерал-полковника Григория Штерна, командующего войсками Дальневосточного фронта.

Арест и расстрел ждут и следующего выступающего – генерал-лейтенанта Николая Клича – пока еще начальника артиллерии Дальневосточного фронта.

Более счастливая смерть в бою при попытке вывести из окружения остатки своей разгромленной 33-й армии ждет следующего выступающего генерал-лейтенанта Михаила Ефремова, пока командующего Закавказским военным округом.

Небывалый разгром вверенных ему частей Северо-Западного фронта, чудесное спасение от немецкого плена и сталинского возмездия наряду с вечным позором ждут выступившего вслед за Ефремовым генерал-лейтенанта Федора Кузнецова, командующего пока войсками Северо-Кавказского военного округа.

Арест и расстрел ожидают и выступившего вслед за Кузнецовым знаменитого маршала Григория Кулика – ветерана 1-й Конной, сталинского любимца (на данном этапе), заместителя наркома обороны и начальника главного артиллерийского управления РККА. Не зная своего будущего, пока он является самой известной личностью в армии, главным образом благодаря самодурству и грубости, а также высказываниям типа: «Мины – оружие слабого труса», «Автомат – оружие гангстеров и полиции».

Плен и смерть в немецком концлагере ждут и следующего выступающего: генерал-лейтенанта Филиппа Ершакова, командующего Уральским военным округом.

Арест, издевательства и длительный тюремный срок ждут и следующего выступающего: генерала ВВС Александра Новикова (будущего маршала авиации и дважды Героя Советского Союза).

Но никто из них еще не знает этого.

24 декабря совещание слушает основной доклад на тему «Характер современной наступательной операции». На трибуне командующий Киевским Особым военным округом генерал армии Георгий Жуков. Тимошенко уже при всяком удобном случае приставал к Сталину, упрашивая перевести Жукова в Москву, уверяя, что это как раз тот человек, которого ищет товарищ Сталин для воплощения в жизнь планов создания «мировой Коммуны». Сталин не спешит, приглядывается к Жукову, изучает его досье, незаметно консультируется по поводу Жукова с членами политбюро, особенно с Берия и Мехлисом. Пьет ли? Охоч ли до баб? Ворует ли? [64] Не замешан ли в чем серьезном. Правда ли, что читает и пишет с трудом? Правда ли, что любит рукоприкладничать?

В своем докладе генерал армии Жуков, не провозгласив никаких здравиц, сразу перешел к сути рассматриваемого вопроса:

«В результате широкого внедрения в армии современных технических средств, т.е. развития военно-воздушных сил, бронетанковых соединений, механизации артиллерии и

моторизации армии, оперативное искусство получило такие могучие факторы, как скорость и сила удара. На основе этих технических средств значительно увеличилась оперативная и тактическая внезапность, маневренность и дальнобойность операций. Быстрота развития операций достигается главным образом *благодаря внезапному, смелому и массовому применению авиации, авиадесантов, танковых и моторизованных соединений* …»

Сталин, вынув трубку изо рта, провел рукой по усам, что у вождя всегда было признаком полного одобрения. Наконец-то, черт побери, он услышал то, что нужно без всяких рассусоливаний. Маладэц!

«В условиях нашего Западного театра военных действий, – своим низким голосам рокотал генерал армии, – крупная наступательная операция со стратегической целью… должна проводиться на широком фронте, во всяком случае масштаба 400-450 км. *Мощность первого удара* должна обеспечить разгром не менее одной трети, одной второй всех сил противника и вывести наши силы в такую оперативную глубину, откуда создалась бы реальная угроза окружения остальных сил противника.

Для такой операции потребуется, конечно, сосредоточение мощных сил и средств и, я думаю, что для такой операции на таком фронте потребуется стрелковых дивизий порядка 85-100, 4-5 механизированных корпусов, 2-3 кавалерийских корпуса и 30-35 авиационный дивизий. Само собой разумеется, что такое количество вооруженных сил должно быть всесторонне оснащено соответствующими средствами усиления артиллерии, танками в сопровождении пехоты, инженерно-техническими войсками и соответствующими средствами управления…

Удары авиации должны развернуться на таком пространстве, чтобы подавить в районах аэродромного базирования основную массу авиации противника, нанести ей поражение, нарушить подвоз по железным и грунтовым дорогам, уничтожить оперативные действия сил противника в тылу, парализовав любую попытку перегруппировки сил…»

Сталин неожиданно обнаружил, что аплодирует речи командующего Киевским округом. Мрачное настроение гнетущее вождя с утра (ночью был приступ простаты) рассеялось. Боль, таившаяся все утро где-то внутри, ушла, как небывало.

«Конечно, последующие удары, – продолжал радовать вождя генерал армии Жуков, – будут значительно глубже и, если противник первым ударом будет не только смят, но разгромлен, если он не будет способен организовать на тыловых оперативных рубежах сопротивление, его, конечно, надо гнать до полного уничтожения, *надо добиваться одним ударом полного стратегического успеха* ».

Далее Жуков перешел на более специальные и менее понятные вождю рассуждения об «армейской наступательной операции как производной от фронтовой», что, по мнению Сталина, вполне можно было из доклада исключить. Армия – слишком мелкая оперативная единица для человека такого масштаба, как товарищ Жуков.

Вождь слушал не очень внимательно и встрепенулся только на заключительной части доклада генерала армии.

«Внезапность современной операции, – закончил свое выступление Жуков, – является одним из решающих факторов победы. Придавая исключительное значение внезапности, все *способы маскировки и обмана противника* должны быть широко внедрены в Красную Армию. *Маскировка и обман должны проходить красной нитью в обучении и воспитании войск, командиров и штабов* . Красная Армия в будущих сражениях должна показать *высокий класс оперативной и тактической внезапности* . Высший комсостав и штабы высших соединений в ближайшее время должны в совершенстве отработать знания и навыки *по организации и проведению* современной наступательной операции.

Еще в 1921 году Михаил Васильевич Фрунзе, разбирая вопрос о единой военной доктрине Красной Армии, писал, что необходимо воспитывать нашу армию в духе

величайшей активности, подготовлять ее к *завершению задач революции* путем энергичных, решительно и смело проводимых наступательных операций».

Доклад произвел сильное впечатление не только на слушавшего его по спецтрансляции товарища Сталина, но и на всех присутствующих в зале. Тем более, что присутствующие, в отличие от Сталина, могли видеть выражение лица Жукова, когда он свой доклад зачитывал. Это впечатляло. Казалось, что генерал прямо с трибуны собрания мановением руки бросит многомиллионные армии вперед с достижением полной внезапности. Грозная энергия Жукова как бы излилась на зал, показав, кто именно тот «первый маршал», что должен вести нас в бой по приказу товарища Сталина, отсутствие которого так остро ощущалось в армии после того, как великий вождь погнал с должности своего обанкротившегося друга Клима Ворошилова. К такому докладу, как говорится, было «ни прибавить, ни убавить». А потому в прениях осмелились выступить лишь самые настырные, да и то по частностям, которые к сути сказанного большого значения не имели.

С прениями вылез и старый соперник Жукова – генерал-полковник Штерн, вечно желающий показать себя умнее всех. Почуяв, сколь многое от этого доклада зависит в дальнейшей карьере его бывшего подчиненного, Штерн тоже что-то сбивчиво начал говорить о неправильности жуковских расчетов относительно танковой и артиллерийской насыщенности участков фронта, сбивающих темп наступления, начав тем самым очередную интригу против Жукова. Интрига будет прервана Сталиным, который в скором будущем прикажет Штерна арестовать, пытать и расстрелять.

Выступил в прениях и Филипп Голиков. Никого не критикуя, он поведал собравшимся последние разведданные об организации и структуре немецких мобильных сомнений.

Доклад генерала армии Георгия Жукова задал тон всему совещанию. Подавляющее большинство присутствующих хорошо знало, что этот доклад Жукову писался его окружными штабными под общей редакцией полковника Баграмяна, возглавлявшего оперативный отдел. Что доклад два месяца лежал в самых верхних кабинетах Кремля и Наркомата обороны. Что по существу, это даже не доклад Жукова, а установка, данная самим Сталиным, на какие конкретные дела необходимо ориентировать вооруженные силы в самое ближайшее время. Поэтому, подводя итог прениям, Жуков имел все основания заявить, что «со стороны выступавших здесь не было особых принципиальных расхождений с моим докладом».

И не могло быть. Все давно были настроены в русле этого доклада.

26 декабря, в день упраздненного за ненадобностью праздника Рождества, на совещании с докладом «Военно-воздушные силы в наступательной операции и в борьбе за господство в воздухе» выступает начальник Главного управления ВВС Красной Армии 29-летний генерал-лейтенант авиации Павел Рычагов. Вскоре – 2 января 1941 года – он отпразднует свое тридцатилетие. Он не знает, что всего четыре месяца отделяют его от ареста и 10 месяцев от расстрела вместе с горячо любимой женой. Он не знает этого, а потому рвется в бой, как буденновский конь.

«Наличие подвижных средств, авиации и воздушных десантов в армии придают иной характер современным операциям, – говорит он возбужденным еще от жуковского доклада слушателям. – Характерными чертами современной наступательной операции являются: одновременное воздействие на всю оперативную глубину противника; сочетание атаки с фронта с действиями по глубине расположения противника авиацией и воздушными десантами; глубокое проникновение подвижных войск в тыл противника; одновременная изоляция стратегических резервов от фронта авиацией и дезорганизация ею тыла противника. Все это осуществляется при обязательном условии завоевания господства в воздухе…»

Генерал Рычагов объясняет собравшимся, как достигнуть господства в воздухе, уничтожив внезапным ударом действующую авиацию, авиапромышленность, запасы горючего и материальной части. Как? Да очень просто: «*В период подготовки к наступательной операции действия авиации должны начаться заблаговременно* ».

Всем все ясно. *Отражение* империалистической *агрессии начнется* внезапным ударом авиации еще *до ее начала* . А затем – внезапным, сокрушительным ударом наземных сил.

В заключение Рычагов с похвалой отозвался о последнем приказе по авиации № 0362, который впервые в мире начал практику массового принудительного набора в авиацию пилотов, не давая им офицерских званий, не платя зарплаты и запрещая жениться в течение трех лет после производства в офицеры (хотя срок самого производства определен не был).

Многие уверяют, что подобная мера была продиктована не человеконенавистническими взглядами Сталина и его сообщников на свой народ, а хронической нехваткой парашютов в авиации. В любом случае приказ № 0362 был совершенно логичен. Зачем, спрашивается, смертнику семья? Плодить вдов и сирот, о которых потом должно заботиться государство? Когда уничтожим враждебное капиталистическое окружение, тогда плодитесь и размножайтесь сколько хотите в коммунистическом обществе…

26 декабря доклад на тему «Использование механизированных соединений в современной наступательной операции и ввод механизированного корпуса в прорыв» делает командующий войсками Западного Особого военного округа генерал-полковник танковых войск Дмитрий Павлов. Это доклад особый, как и округ, вверенный генералу Павлову. Именно его войска, пока еще в составе четырех армий, группируются на Белостокском балконе, ожидая приказа к стремительному броску. Если представить всю операцию «Гроза» как смертельное копье, нацеленное в сердце Европы, то войска генерал-полковника Павлова – стальной наконечник этого копья. И командующий для этого смертоносного наконечника подобран особо.

Генерал Павлов воевал еще в первую мировую войну. В годы гражданской войны служил в кавалерии, был командиром взвода, эскадрона, помощником командира кавалерийского полка. В 1922 году окончил высшую кавалерийскую школу, в 1928 году – Военную академию им. Фрунзе, в 1931 году – курсы при Военно-технической академии. Был одним из первых кавалерийских командиров, сменивших коня на танк. Участвовал в боях на КВЖД, в гражданской войне в Испании, в зимней войне с финнами. Возглавлял Автобронетанковое Управление и считался самым выдающимся специалистом в деле использования в бою крупных бронетанковых соединений. В июне 1940 года назначен командующим войсками тогда еще Белорусского военного округа, который уже в июле переименован в Западный Особый военный округ. За войну в Испании, несмотря на ее более чем печальный конец Павлов получил звание Героя Советского Союза, а на столе у Сталина уже лежит приказ о производстве сорокачетырехлетнего генерал-полковника в генералы армии.

Приземистый, широкоплечий, дышащий вулканической энергией, сверкая Золотой Звездой Героя, тремя орденами Ленина и двумя – Боевого Красного Знамени, генерал-полковник Павлов предстал перед собравшимися в парадном зале ЦДКА символом мощи и непобедимости. Разумеется, никто в зале, включая его самого, не могли помыслить в самом кошмарном сне, что не пройдет и 7 месяцев, как генерал армии Павлов будет отстранен от должности и расстрелян 22 июля 1941 года. Перед этим он будет валяться в ногах у маршала Ворошилова, целуя его пыльные сапоги, моля о пощаде, когда его мощнейшая ударная группировка частично перебежит к противнику, а частично будет рассеяна по бескрайним лесам Белоруссии, открыв дорогу на Москву танкам Гудериана.

Но это еще впереди, и великое счастье не знать своего ближайшего будущего висит над всем залом и над докладчиком.

Начав с исторического экскурса, генерал-полковник Павлов быстро переходит к будущему:

«Современный танковый корпус, – напоминает он слушателям, – состоит из двух танковых и одной мотодивизии, мотоциклетного полка и частей усиления и обслуживания, батальона связи, инженерного батальона и авиаэскадрильи. Танковая дивизия – это основная ударная сила.

Наличие в дивизии тяжелых танков [65], способных совершенно свободно решать задачи, не боясь поражения 3-дюймовой полевой артиллерией, и остальных, не боящихся 37-45-мм калибров противотанковой артиллерии, наличие огнеметных танков, способных выжигать уцелевшего противника, показывает нам мощь танковой дивизии… Вполне понятно, что пара таких дивизий представляет очень грозную силу… Таким образом, танковый корпус, имеющий большую ударно-пробивную силу и технические возможности, в сочетании с другими подвижными родами войск (мотопехота, конница, авиация), может и должен решить следующие задачи:

1. Внезапным ударом нарушить сосредоточение и развертывание главных сил противника.

2. Окружить и уничтожить главную группировку противника.

3. Выйти на фланг и в тыл и совместно с войсками, действующими с фронта, уничтожить противостоящего противника.

4. Танковый корпус в состоянии и обязан расширить тактический успех в оперативный».

Взяв указку, генерал-полковник Павлов обернулся к висящим за его спиной схемам.

Сталин откидывается в кресле. Схему немецкой танковой группы, к которой обратился Павлов, он не видит. Перед его глазами кадры из немецкой кинохроники. Танковые клинья, танки на марше, вращающиеся орудийные башни…

«…После прорыва второй оборонительной полосы, – слышит он заключительные слова генерала Павлова, – начинается третий этап, который характерен тем, что требует самых решительных и быстрых действий по разгрому подходящих резервов и по уничтожению основной группировки противника, на пути отхода которого прочно встанет мехкорпус и совместно с частями, действующими с фронта, уничтожит противника».

Все, война закончена. Выступающие полностью выложили сценарий «Грозы» в своем творческом понимании.

На этом можно было бы и закрывать совещание, если бы храбрый Мерецков не настоял, чтобы наряду с наступлением, хоть немного поговорили бы и об обороне. Нет, не об отступлении, упаси Бог! Но в условиях стремительного наступления что только может не случиться! Разгромленный противник на каком-то участке возьмет и нанесет контрудар. Надо же и к этому быть готовым. Нельзя жить по простой схеме: сокрушить, окружить, уничтожить. Тимошенко попытался выяснить мнение Сталина, но тот пожал плечами: делайте, что хотите – ваше совещание.

Но обозвал Мерецкова «перестраховщиком». Далее по рангу сталинских ярлыков шел «паникер», что было принято к сведению.

Совещание должно было завершиться большими оперативно-стратегическими играми, назначенными на 2 января. 29 декабря Тимошенко представил Сталину порядок проведения игр по особому плану, первый этап которых будет проходить до 6 января, а второй с 8 по 11 января. 31 декабря маршал Тимошенко закрыл совещание. Назначенные на игры должны были задержаться в Москве, прочие – вернуться в свои округа и части.

Наступал новый, 1941 год. Празднование Нового года официально в СССР не проводилось, поскольку этот праздник, равно как и Рождество, считался «пережитком капитализма». 1 января был обычным рабочим днем и, если чем и отличался от других, то очень большим количеством опоздавших на работу, за что полагался тюремный срок. Но к чести товарища Сталина надо сказать, что 1 января в стране царили довольно либеральные нравы. Глупо было идти против вековых народных традиций.

Газеты и радио, строя прогнозы на будущий год, сходились во мнении, «что это будет очень счастливый год». Газета «Правда» от 31 декабря 1940 года писала в редакционной статье: «Мы можем оглянуться на 1940 год с чувством глубокого удовлетворения… В 1940 году Партия и Правительство много сделали для увеличения военной мощи СССР и военной подготовки всего советского народа. В громадной степени улучшились боевая и политическая подготовка личного состава армии и флота… во всех областях мы достигли громадных успехов».

Заканчивалась предновогодняя статья следующими словами:

«1941 год будет четвертым годом третьей Сталинской Пятилетки. Поэтому, вступая в 1941 год, который станет годом еще более гигантских достижений нашей социалистической экономики, советские люди смотрят в будущее с радостью и полной уверенностью».

Что конкретно ждет народ, намеком говорилось в стихотворении, напечатанном в несколько игривом оформлении на 4-й странице (и перепечатанной многими другими газетами, включая и «Красную звезду»):

Наш каждый год – победа и борьба

За уголь, за размах металлургии!..

А может быть – к шестнадцати гербам

Еще гербы прибавятся другие!

Глава 12. Стратегическая мастурбация

В отличие от СССР, в Третьем Рейхе праздновалась Рождественская неделя. Многие солдаты и моряки получили краткосрочные отпуска домой. Прибывшие с восточных границ поражали родственников знанием английского языка, прося, правда, хранить это обстоятельство в тайне. После короткого отдыха на востоке все они примут участие в окончательном сокрушении Англии.

Настроение же у Гитлера так и не улучшилось. Сообщения с фронтов становились все хуже. Кольцо окружения вокруг Бардии замкнулось и, несмотря на хвастливые заявления Муссолини и его уцелевших генералов «Мы стоим в Бардии и останемся там», было уже ясно, что крепость падет.

В Албании греки продолжали гнать на запад итальянскую армию, английская агентура на Балканах продолжала свои грязные игры и, по некоторым сведениям, взаимодействовала уже со сталинской разведкой.

В бессильной ярости Гитлер приказал Герингу устроить лондонцам такой новогодний праздник, чтобы они именно от него начали отсчет своего английского времени.

В ночь на 29 декабря, построившись несколькими волнами, немецкие бомбардировщики, пробившись через все пояса ПВО, появились над английской столицей, сбросив тысячи фугасных и зажигательных бомб над историческим центром Лондона. Такого пожара столица империи не знала со времен 1666 года. Море огня бушевало над городом, пожирая дворцы и храмы. Фугасная бомба угодила в церковь святого Лаврентия, построенную в 1411 году, во дворец лорда-мэра. Гитлер приказал, чтобы подобные налеты продолжались каждую ночь вплоть до 1 января включительно. Однако грозовые облака, хлынувшие широким фронтом на юг из полярных районов, сорвали этот замысел.

30 декабря Гитлеру представили перевод новогоднего радиообращения Черчилля к английскому народу,

«Я уверен, – говорил неукротимый английский премьер, – что мы можем считать этот грозный год самым славным, хотя он и был самым тяжелым годом в длительной истории Англии и Британской империи. К концу 1940 года наш небольшой древний остров вместе с преданным ему Содружеством наций и доминионами оказался способным вынести всю тяжесть страшной борьбы и все удары судьбы. Мы не пали. Мы не дрогнули. Душа английского народа и английской расы оказалась непобедимой.

…В Ливийской пустыне была одержана победа, а по ту сторону Атлантического океана Великая Республика все ближе подходит к выполнению своего долга и все в большей степени идет нам на помощь».

Гитлер молча прослушал перевод, не сказав ни слова, и засел за писание новогодних писем. Обычно письма, даже очень секретные, он диктовал, а тут решил написать сам.

Одно из писем предназначалось Муссолини.

«Дуче! – писал Гитлер. – Сама по себе война на Западе выиграна. Необходимо еще приложить последнее серьезное усилие, чтобы сокрушить Англию. Для того чтобы определить, как нам этого добиться, мы должны взвесить факторы, которые будут еще отделять Англию от окончательного краха… В этой битве… Германии необходимо будет принять важные решения для окончательное наступления на Британские острова…

Нами разработан план полной нейтрализации английского флота и увода его от Британских островов на достаточное время, чтобы могли без помех осуществить высадку…»

Далее фюрер коснулся вопросов двуличности правительства Виши, что заставляет его все время быть начеку, наивности Франко, отказавшегося от сотрудничества с державами оси и оказавшегося один на один с коварной Англией.

Перейдя к положению на Балканах, фюрер с огорчением отметил, что «Болгария также не проявляет готовности связать себя с тройственным пактом и занять ясную позицию в области внешней политики. Причиной этого является растущий нажим Советской России. Если бы царь немедленно присоединился к нашему пакту, никто не осмелился оказывать бы на него такой нажим…»

Затем Гитлер переходит к той части, ради которой он и сел писать это письмо – к перспективе отношений с СССР.

«Принимая во внимание угрозу возникновения внутренних конфликтов в некоторых Балканских странах, необходимо заранее учесть все возможные последствия и разработать систему мер, которые бы позволили бы нам избежать их. *Я не предвижу какой-либо инициативы русских против нас, пока жив Сталин, а мы сами не станем жертвами каких-либо серьезных неудач* . Я хотел бы добавить к этим общим соображениям, что в настоящее время у нас очень хорошие отношения с СССР. Фактически только два вопроса еще разделяют нас – Финляндия и Константинополь. В отношении Финляндии я не предвижу серьезных затруднений, ибо мы не рассматриваем Финляндию как страну, входящую непосредственно в нашу сферу влияния, и единственное, в чем мы заинтересованы, чтобы в этом районе не возникла вторая война. В противовес этому в наши интересы отнюдь не входит уступить Константинополь России, а Болгарию – большевизму…

Однако прежде всего, – заканчивает свое письмо Гитлер, – как я уже указывал, я считаю необходимым постараться во что бы то ни стало ослабить позиции английского флота на Средиземном море с помощью вашего флота, дуче, и нашей авиации, так как использование наших сухопутных войск в этом секторе не может привести к улучшению ситуации. В остальном, дуче, мы не можем принять каких-либо важных решений до марта.

Искренне Ваш, Адольф Гитлер. Берлин, 31 декабря 1940 года».

Это письмо будет отправлено в Рим таким способом, что копию с него Сталин получит раньше, чем подлинник дойдет до Муссолини.

Настало время для быстрых решений. Если это время упустить, Германия будет раздавлена стальным кольцом сверхдержав, которые даже не скрывают своих намерений.

29 декабря президент США Рузвельт в предновогоднем обращении к американскому народу заявил:

«Мы должны стать великим арсеналом демократии. Любая страна, которая борется против Гитлера, или воюет с ним, может рассчитывать на нашу помощь… Я убежден что державы оси не выиграют этой войны. Мое убеждение основывается на самых последних и надежных данных».

Вот так! Это говорит глава государства, с которым у Германии существуют пока нормальные дипломатические отношения. Он говорит подобное почти каждый день. Его неприкрытая воинственность стала раздражать даже его собственных сторонников. Это означает, что война с Соединенными Штатами неизбежна, она, по существу, уже началась.

А англичане уже вышибают из войны Италию. В канун Рождества Черчилль обратился с открытым воззванием по радио к итальянскому народу, очень хитро построив свою речь, нанеся смертельные оскорбления дуче, Гитлеру и всему немецкому народу.

«Наши армии, – вещал английский премьер, – рвут на куски вашу африканскую армию. Тысячи итальянцев гибнут, тысячи попадают в плен. Ради чего все это?

Итальянцы, я скажу вам правду. Все это из-за одного человека. Один человек, только один человек вовлек итальянский народ в смертельную борьбу против Британской империи и лишил Италию сочувствия и дружбы Соединенных Штатов Америки… Он привел вашу страну на грань страшной катастрофы. Этот человек наперекор мнению короны и королевской фамилии Италии, наперекор папе и всему авторитету Ватикана и римско-католической церкви, вопреки желаниям итальянского народа, который не стремился к этой войне, заставил наследников древнего Рима стать на сторону *одичавших язычников* и варваров… Куда завел дуче свой доверившийся ему народ после 18 лет диктаторской власти? Он стоит под огнем всей английской империи на море, в воздухе, в Африке, подвергается энергичным контратакам со стороны греческого народа.

С другой стороны, *он призывает Атиллу, чтобы тот спустился к нему со своими ордами распоясавшейся солдатни и бандами гестаповцев через Бреннерский проход и оккупировал* Италию, угнетал итальянский народ, к которому он сам и его нацистские приспешники питают самое глубокое и явное презрение, какое когда-либо отмечалось историей. Вот куда завел вас один человек, только один человек. На этом я прекращу свое обращение до того дня, который, несомненно, наступит, когда итальянская нация снова возьмет свою судьбу в свои руки».

О каком мире, о каком прекращении войны можно говорить с человеком, который публично употребляет в твой адрес подобные выражения, повторяя все домыслы и эпитеты еврейской пропаганды.

С Востока же тоже не приходят особо обнадеживающие вести. Советская пресса после короткого затишья снова начала призывать Красную Армию куда-то «вперед». Куда «вперед»? Только, получается, на запад. Больше некуда. Через Англию пришла информация, что всю вторую половину декабря Сталин проводил какие-то секретные совещания с представителями военной верхушки страны. В Москву съехались чуть ли не все командующие округами. Английский источник указывал, что на совещании рассматривался только один вопрос: способ нанесения по Германии внезапного сокрушительного удара. Немецкая

разведка в Москве не смогла это подтвердить, хотя о самом совещании знала. На нем просто подводились итоги 1940 года. Это делается в каждой стране, а уж в такой милитаризованной, как Советский Союз, особенно.

Гитлера этот вопрос уже интересовал с чисто практической точки зрения: успеет он или нет нанести Сталину тот самый внезапный удар, который, по многим данным, Сталин готовит против него. Но для того, чтобы подготовить удар по СССР, необходимо проделать еще гигантскую подготовительную работу, да так, чтобы в Москве не заметили и не заподозрили ничего. Но невозможно развернуть на тысячекилометровой границе 200 дивизий, чтобы этого никто не заметил. Нужна не менее масштабная операция по дезинформации Москвы с весьма проблематичными шансами ее успешного завершения. Но выхода другого уже не существует.

После подписания плана «Барбаросса» (Директивы № 21) Гитлер подписал и утвердил целый ряд основополагающих документов по введению Москвы в заблуждение. В этих документах, в частности, говорится:

«В ближайшие недели концентрация войск на Востоке значительно увеличится…»

«…Цель маскировки – скрыть от противника подготовку к операции „Барбаросса“. Эта главная цель и определяет все меры, направленные на введение противника в заблуждение. Чтобы выполнить эту задачу, необходимо на первом этапе, т.е. приблизительно до середины апреля, сохранять ту неопределенность информации о наших намерениях, которая существует в настоящее время…

Необходимо у англичан сохранять впечатление, что мы продолжаем готовить высадку широким фронтом».

«Вторая фаза дезинформации противника начинается с введения максимально уплотненного графика движения эшелонов (22 мая). В это момент усилия высших штабов и прочих участвующих в дезинформации органов должны быть в повышенной мере направлены на то, *чтобы представить сосредоточение сил к операции «Барбаросса», как широко задуманный маневр с целью ввести в заблуждение противника. По этой причине необходимо особенно энергично продолжать подготовку к нападению на Англию. Принцип таков: чем ближе день начала операции, тем грубее могут быть средства, используемые для маскировки наших намерений…*

Само собой разумеется, что командование предпримет и другие шаги для введения противника в заблуждение, целесообразность которых будет диктоваться обстановкой…»

«Другими шагами», на которые глухо намекали секретные документы, было то, что в дезинформацию противника лично включился рейхсканцлер Германии и фюрер немецкой нации Адольф Гитлер.

Письмо Муссолини явилось по существу первым вкладом Гитлера в дело введения Сталина в заблуждение. Первым, но отнюдь не последним.

В тот же день 31 декабря 1940 года Гитлер написал и второе письмо, адресованное на этот раз самому Сталину.

Пользуюсь случаем, чтобы, вместе с новогодними поздравлениями лично Вам и всему народу Советской России, с пожеланиями успехов и процветания, обсудить ряд вопросов, которые ранее уже поднимались в ходе моих бесед с господином Молотовым и господином Деканозовым.

Борьба с Англией вступила в решающую фазу, и я намерен не позднее лета наступающего года решительно покончить с этим довольно затянувшимся вопросом путем захвата и оккупации сердца Британской Империи – Английских островов. Я отдаю себе отчет

в сложности этой операции, но уверен, что она будет осуществлена, ибо никакого другого способа закончить эту войну я не вижу. Как я уже писал Вам ранее [66], те примерно 70 дивизий, которые я вынужден держать в генерал-губернаторстве, проходят переформировку и обучение в районе, недоступном для авиации и разведки англичан. То, что они вызывают у Вас понятное беспокойство, я понял из бесед с г-ми Молотовым и Деканозовым. Начиная примерно с марта, эти войска начнут перебрасываться на побережье канала и западное побережье Норвегии, а на их место будут прибывать новые части для ускоренного обучения, о чем я и хочу заранее предупредить Вас. Кроме того, эти войска в самом ближайшем будущем я намерен использовать для вытеснения англичан из Греции, для чего мне придется провести их через территории Румынии и Болгарии. Войска, которые осуществят вторжение в Англию с территории Норвегии, будут продолжать пользоваться транзитом через Финляндию. У Германии нет никаких интересов в Финляндии и Болгарии и, когда цели этой войны будут достигнуты, я немедленно уберу оттуда свои войска…

Особо я хочу Вас предостеречь от следующего.

Агония Англии сопровождается лихорадочными поисками спасения от своей неминуемой судьбы. С этой целью они фабрикуют всевозможные вздорные слухи, главные из которых можно грубо разделить на две категории. Это слухи о готовящемся нападении СССР на Германию и Германии на СССР. Я не хочу останавливать Ваше внимание на нелепости подобного вздора. Однако, на основании имеющихся в моем распоряжении данных, могу предсказать, что по мере приближения нашего вторжения на (Британские) острова, интенсивность подобных слухов будет постоянно возрастать, а, возможно, к ним добавятся и какие-нибудь сфабрикованные документы.

Буду с вами совершенно откровенен. Часть подобных слухов распускается и соответствующими ведомствами Германии. Успех нашего вторжения на острова во многом зависит от достижения тактической внезапности, поэтому полезно держать Черчилля и его окружение в некотором неведеньи относительно определенности наших планов.

Прошу Вас, не верьте никаким слухам, как это делаю я со всеми слухами о подготовке Вашего нападения на Германию…

Ухудшение отношений между нашими странами до уровня вооруженного конфликта является для англичан единственным путем к спасению и я уверяю Вас, что они будут продолжать усилия в этом направлении с присущей им хитростью и коварством…

Для окончательного решения о том, что делать с обанкротившимся английским наследством, а также для упрочения союза социалистических стран и установления нового мирового порядка мне бы очень хотелось встретиться лично с Вами, о чем я уже говорил с г-ми Молотовым и Деканозовым.

К сожалению, исключительная загруженность делами, как Вы хорошо понимаете, не позволяет мне организовать нашу встречу до окончания сокрушения Англии. Поэтому я предполагаю наметить эту встречу на конец июня – начало июля 41-го года и буду рад, если встречу согласие и понимание с вашей стороны.

Примите еще раз мои поздравления с наступающим Новым годом, который, я надеюсь, должен стать особенно счастливым годом для наших стран, вместе с пожеланиями здоровья и успехов Вам лично.

Искренне Ваш, Адольф Гитлер. Берлин, 31 декабря 1940 года».

В Рождественские и новогодние праздники в Берлине соблюдалось полное затемнение. Война уже успела достаточно изменить столицу Третьего Рейха. Над крышами некоторых домов были натянуты маскировочные сети, иногда прямо через улицу, закрывая для прохожих небо. Многие витрины и подъезды были заложены мешками с песком. На бульварах и в парках зияли свежевырытые противовоздушные щели.

В американском посольстве тишина. Отозванный в Вашингтон посол так и не вернулся, да и у временного поверенного в делах также немного работы. Разве что съездить в очередной раз в министерство иностранных дел и передать какому-то третьестепенному чиновнику очередной протест правительства США по поводу участившихся случаев нападения немецких подводных лодок на американские торговые суда в океане. Поверенного встречали с каменными лицами, отвергая протесты на том основании, что американские суда откровенно попирают все законы нейтралитета, и требуя у поверенного, в свою очередь, разъяснений: являются ли США еще нейтральной или уже воюющей стороной?

В основном обе стороны обменивались ледяными улыбками и многозначительными взглядами, расставаясь со взаимным вздохом облегчения. Слава Богу, что поверенный приехал и на этот раз не с объявлением войны или какой-нибудь другой гадости, которую ежедневно ожидали из-за океана. Слава Богу, считал поверенный, что ему и на этот раз удалось увернуться от прямых немецких вопросов, но напомнить им, что терпение его страны не беспредельно.

Американцев давно уже не приглашали ни на какие приемы и рауты. Давно кончились те времена, когда американского военно-морского атташе катали по базам немецких подводных лодок. Лишили аккредитации без всяких объяснений и выслали из Германии атташе по печати. И только коммерческий атташе Сэм Эдиссон Вудс, как ни в чем не бывало, продолжает свою деятельность. «Ибо, как сказал еще в начале прошлого века великий президент Монро, пусть гибнет и разваливается этот несовершенный мир, но наши торговые операции будут продолжаться!» Продолжаются они и с Германией, и немцы, как никто другой, в них заинтересованы, так как даже гигантские поставки из СССР не могут уже удовлетворить аппетита стремительно растущих вооруженных сил и военной индустрии.

В ноябре Вудсу привелось встретиться с самим Хьялмаром Шахтом – президентом Рейхсбанка, поведавшего американцу, что недостаточно продуманная политика фюрера относительно евреев (президент Имперского банка выбирал самые осторожные выражения) поставила финансовую систему Рейха на грань катастрофы. Германия остро нуждается в кредите. Речь идет примерно о миллиарде долларов с поэтапным погашением в течение пяти лет. Не может ли господин Вудс, используя свои связи с частными банками в Штатах, помочь этот кредит получить. Американец разводит руками. Он попытается, но, к сожалению, подавляющая часть частных банков США находится в еврейских руках. А у евреев, да будет это известно г-ну рейхспрезиденту, какие-то свои планы относительно ближайшего будущего Германии.

Кроме того, банки потребуют гарантий кредита. А какие гарантии ныне может предоставить Германия, чей бюджетный дефицит уже напоминает пропасть, ведущую прямо в преисподнюю. «К сожалению, образование нынешнего канцлера таково, что ему трудно это объяснить. Объявив войну евреям, фюрер по существу пытается уничтожить сложившуюся в мире финансовую систему. А для этого у него совершенно недостаточно сил, и неизбежно он проиграет эту войну с еще большим позором для Германии, чем это было во времена кайзера Вильгельма II».

«Надеюсь, – поинтересовался Вудс, – это понимаете не вы один?»

Шахт уклонился от ответа. На том и расстались.

В канун Нового года Сэм Вудс получил от своего друга, молодого аристократа, очередное письмо, в котором среди рекламных листков различных мелких фирм лежал билет в кино.

Вернувшись из кинотеатра в посольство, Вудс вскрыл конверт, сунутый в карман его пальто в темноте кинозала. Первое, что увидел Вудс, были большие красные готические буквы, хищно выстроившиеся в слово «Барбаросса», чуть ниже: Директива № 21. Пробежав документы глазами, Вудс понял, что речь в них идет о плане Гитлера напасть на Россию. Как

и большинство американцев своего времени Вудс очень мало знал и мало интересовался советской Россией. Все усилия американских политологов и разведчиков сосредоточивались на Японии и Германии как на главных потенциальных противниках США в будущем. Тем не менее сам факт задуманного переноса Гитлером направления следующего удара вызывал несомненный интерес.

Вудс, как и положено, переслал документы в госдепартамент. Госсекретарь Хэлл, ознакомившись с содержимым полученных документов, немедленно доложил их Президенту. К этому времени и помимо Вудса госдепартамент обладал соответствующей информацией относительно планов Германии. Обладал он информацией и относительно планов Москвы. Президент Рузвельт, получив план «Барбаросса», почувствовал легкое волнение, какое бывает у врача, постепенно убеждающегося в правильной постановке сложного диагноза. На предложение Хэлла информировать об этом русских, Рузвельт решил с этим немного повременить. У русских, он слышал, есть своя, совсем неплохая разведка. Пусть она сама что-нибудь добудет, а от нас получит лишь подтверждение.

В Швейцарии, в своей маленькой квартире пригорода Люцерны, Рудольф Росслер не смог как следует отпраздновать Рождество – единственный праздник в году, который он ценил по-настоящему. Его друзья – заговорщики в Берлине начали передачу самого длинного сообщения за весь период их деятельности. В течение 48 часов сидел Росслер у приемника, принимая послание, переданное восемью отдельными блоками. Еще 12 часов ему понадобилось на расшифровку. В итоге перед ним лежал план «Барбаросса» с некоторыми сопутствующими документами. К этому времени Росслер, работавший под патронажем швейцарской секретной службы, а точнее – ее главы, бригадного генерала Роже Массона, установил связь с англичанами. Никакой связи с русскими у него не было. Будучи убежденным антифашистом, Росслер, естественно, столь же ненавидел и коммунистов, не очень различая оттенки одного и того же спектра: красный и коричневый. Однако он хорошо отдавал себе отчет в том, что если Гитлер собирается нападать на Россию, то враг врага неизбежно превратится в друга.

План «Барбаросса» был передан в Лондон. Как обычно: ни ответа ни привета. Только квитанция: принято.

Нужно было довести эту информацию и до русских. Так считал Роже Массон. Швейцарская контрразведка отлично знала, что в Женеве действует советская разведывательная сеть. Знала она и то, что эта сеть профильтрована английской разведкой, внедрившей туда своего офицера. Но не трогали никого и никому не мешали. Окруженная со всех сторон немецкими и итальянскими войсками, Швейцария вела своими разведывательными и контрразведывательными службами тонкую и деликатную игру, которая немало способствовала крушению многих планов Третьего Рейха.

Чтобы выйти на русских, генерал Массон посоветовал Росслеру побеседовать со своим приятелем Христаном Шнейдером – тоже немцем – эмигрантом, бежавшим из Германии и не скрывавшим своих прокоммунистических взглядов. Росслер действительно знал его с самого прибытия в Люцерну и даже учился у Шнейдера азбуке Морзе. Не знал он только того, что Шнейдер работает на советскую разведку. Но генерал Массон это знал, а потому и рекомендовал его Росслеру. Чего не знали ни Массон, ни Росслер, ни Москва так это того факта, что Шнейдер был американским агентом, внедренным в круги немецкой антифашистской эмиграции с целевым заданием выйти на советскую разведку.

Росслер встретился со старым знакомым в ресторане «Унтер дер Эгг» на набережной Фиревальдшетского озера. Не тратя времени, он открыто спросил Шнейдера: не знает ли тот способа связать его с русскими?

«У меня есть разведывательная информация, – без обиняков объявил Росслер, – которая чрезвычайно пригодилась бы Советскому Союзу. Если они готовы мне за нее заплатить, то могут это сделать позднее, когда у меня будет еще больше важной для них информации. Впрочем, хотя и не хочу, чтобы меня ловили на слове, я готов работать с ними и просто так. Совершенно бесплатно».

Шнейдер некоторое время молчал, опустив глаза в тарелку.

Затем он поднял глаза на Росслера, прожевал кусок мяса и сказал:

«Если вы не потребуете с них платы, они точно решат, что вы провокатор. Я их хорошо знаю. У вас действительно важные сведенья?»

Росслер решил идти ва-банк:

«Германия собирается напасть на Россию».

Недоверие блеснуло в глазах Шнейдера: «Вы уверены в своем источнике?»

«Абсолютно», – ответил Росслер, а затем добавил, что единственным условием своей кооперации с русскими является то, что он никогда не откроет своих источников информации.

«Подобное условие Москве будет принять труднее всего».

На этом разговор временно закончился. С сомнением покачав головой, Шнейдер покинул ресторан.

Через две недели Шнейдер появился снова. Анонимность источников, признался он, тормозит дело. Не называя Росслера, Шнейдер рассказал о нем и его информации руководителю группы советской разведки в Женеве, но это почти не произвело на того какого-либо впечатления. Он согласился переслать информацию Росслера в Центр, но какова там будет реакция – никто предсказать не в силах. Шнейдер добавил, что в интересах конспирации Росслеру никогда не придется встречаться с руководителем группы, равно как и тому с ним [67]. Руководителем группы, на которую работал Шнейдер, был Александр Радольфи, венгерский еврей по происхождению, полковник НКВД, известный позднее как Шандор Радо. Известность ему принес 25-летний срок заключения, который он получил после войны по обвинению в присвоении казенных денег, включая и деньги, предназначенные для Росслера.

Он сдержал свое слово. Вся информация была передана в Москву.

Кроме плана «Барбаросса» были переданы сведения о сосредоточении немецких войск в Румынии, о плане Гитлера относительно Югославии, Болгарии и Греции. Реакция Москвы была почти мгновенной. Такие подробности могут быть известны только в штабе Гитлера. Узнать подобное не в состоянии ни один разведчик. Немедленно прекратите разрабатывать источник. Это совершенно явный провокатор. У Радо хватило ума этот приказ проигнорировать, хотя сведения в Москву он временно перестал посылать. У него просто не было другого источника.

5 января, когда Гитлер слушал доклад адмирала Редера о последних операциях надводного флота, пришло сообщение о захвате англичанами крепости Бардия, о неприступности которой уверял Муссолини.

Доклад Редера, хотя и был составлен в самых обтекаемых выражениях, также не говорил ни о чем хорошем. Доблестный карманный линкор «Адмирал Шеер» (именно так выразился адмирал) из Южной Атлантики перешел в Индийский океан, намереваясь действовать у Мозамбикского пролива. 30 ноября, закончив долгий ремонт в машине, вышел в море тяжелый крейсер «Адмирал Хиппер» под командованием капитана 1-го ранга Майзеля. 25 декабря «Хипперу» удалось обнаружить английский конвой, но прежде чем ему удалось что-либо предпринять, на него обрушилась артиллерия английского тяжелого

крейсера «Бервик», вызывавшего по радио другие корабли охранения конвоя. «Хипперу» удалось всадить в противника два снаряда, но, подчиняясь инструкции, капитан 1-го ранга Майзель вышел из боя.

В канун нового года сделали попытку прорваться в Атлантику из Киля линкоры «Шарнхорст» и «Гнейзенау». К сожалению, это не удалось, так как корабли попали в жесточайший шторм, получили серьезные повреждения и вынуждены были вернуться в Киль для ремонта.

Фюрер слушает доклад с мрачным выражением лица и обрывает адмирала на полуслове нервным движением руки.

Он требует от флота резкого усиления деятельности с тем, чтобы не только покусывать англичан, а начать с ними серьезную борьбу за обладание морем. Он поручает флоту открыть дорогу армии на Британские острова! Он ждет от него самопожертвования во имя победы, как это было у древних германцев, остановивших римские полчища!

Адмирал молчит, хотя ему есть что возразить фюреру, древние германцы боролись с римлянами отнюдь не на море, а на суше. Вернее, в лесах, где было невозможно развернуть легионы в правильные боевые порядки.

Чем фюрер прикажет выполнять полученный приказ?

И причем тут Англия, если командование «Кригсмарине» уже получило копию плана «Барбаросса». Или флоту опять морочат голову?

Возможно, «Барбаросса» является фальшивкой для англичан, чтобы они расслабились и дали, наконец, возможность осуществить операцию «Морской Лев»?

«Редер! – продолжал ораторствовать из-за своего рабочего стола Гитлер. – Англию на суше не победить. Ее нужно побеждать на море!»

Он требует, чтобы корабли не стояли в портах грудой мертвого металла. Они всегда обязаны быть в море и сражаться, сражаться и сражаться.

Немного успокоившись, Гитлер более понятно разъясняет свои планы главкому ВМС. В мае, когда войдут в строй «Бисмарк» и «Тирпиц», он намерен послать в море целую эскадру: четыре линкора и все тяжелые крейсеры. Их задача как бы будет прежней: нанести удар по английскому судоходству. Это вынудит англичан собрать в единый кулак весь собственный флот и бросить его в бой с нашей эскадрой где-нибудь в центральной Атлантике. И тогда им придется увести свой хваленый флот от метрополии или погубить свои линии коммуникаций. В этот момент мы совершим триумфальный бросок через канал.

Адмирала совсем не вдохновил план фюрера. Оттого, что английские линкоры и тяжелые крейсеры уйдут в Атлантику, от этого в Германии не прибавится десантно-высадочных средств, не прибавится и эсминцев, бездарно погубленных в норвежской авантюре. И если фюрер намерен помимо этого еще напасть и на Россию, то прекратятся бесценные поставки материалов, благодаря которым еще удается достраивать спущенные еще до войны корабли.

Вскоре пришло сообщение о падении Бардии. 2 января, завершив окружение Бардии, англичане подвергли крепость бомбардировке с суши, моря и воздуха. При полном бездействии итальянского флота с моря подошел английский линкор «Варспайт» – гордый ветеран Ютландского боя – и стал крушить крепость залпами своих пятнадцатидюймовых орудий. Ближе у берега ревели тяжелые орудия английских мониторов: «Террор», «Ледибирд» и «Эфис».

Вскоре генерал-лейтенант Бергонцолли понял, что его положение безнадежно. Бомбардировки уничтожили систему водоснабжения и разрушили продовольственные

склады. Переодевшись в штатское, генерал с горсткой добровольцев выбрался из крепости, пройдя так близко от английских позиций, что «мог нюхать пищу из их походных кухонь».

Сразу же после бегства генерала крепость капитулировала. Над дворцом губернатора взвился английский флаг. 40 тысяч итальянских солдат и офицеров сдались в плен.

Английская официальная кинохроника, быстро доставленная в Берлин через Швецию, окончательно испортила Гитлеру настроение.

Делать нечего! Надо спасать своего союзника. Гитлер приказал немедленно представить ему на подпись проект директивы о помощи итальянцам в районе Средиземного моря и в Греции.

Опережая директивы, в тучах песчаной пыли на грунтовые аэродромы Сицилии уже садятся пикирующие бомбардировщики X Воздушного Корпуса генерал-лейтенанта Ганса-Фердинанда Гейслера, развернувшего свой штаб в отеле Сан-Доминго в Таормина на Сицилии. Он имеет приказ уничтожить английский Средиземноморский флот и лишить англичан возможности перевозить войска и технику во всем районе от Гибралтара до Александрии и Порт-Саида.

В проекте директивы, получившей через несколько дней официальное название Директива № 22, говорилось: «Обстановка в районе Средиземного моря, где Англия превосходящими силами (!) действует против наших союзников, требует быстрого германского вмешательства по стратегическим, политическим и психологическим причинам.

Триполитания должна быть удержана и предотвращен развал и крушение албанского фронта…»

Вся эта директива дышала какой-то паникой, столь не свойственной прошлым директивам, подписанным Гитлером.

Риббентроп срочно телеграфировал Шуленбургу в Москву:

«С начала января через территорию Венгрии осуществляется переброска в Румынию крупных германских частей.

Эти перевозки войск вызваны необходимостью серьезно заняться вопросом о полном вытеснении англичан со всей территории Греции.

Что касается численности германских войск, то на этот вопрос пока что желательно по-прежнему давать уклончивые ответы.

Риббентроп».

Инструкции из Берлина очень пригодились графу Шуленбургу, когда утром 10 января 1941 года он поехал в здание Народного комиссариата Иностранных дел подписывать с Молотовым очередной секретный протокол по Литве, которую со времен совместных аннексий все не могли окончательно поделить. Текст протокола под грифом «Совершенно секретно!» был окончательно согласован к 10 января и гласил:

«Германский посол граф Шуленбург, полномочный представитель Правительства Германской Империи, с одной стороны, и Председатель Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотов, полномочный представитель Правительства СССР, с другой стороны, согласились в следующем:

1. Правительство Германской Империи отказывается от своих притязаний на полосу литовской территории, упомянутой в Секретном Дополнительном Протоколе от 28 сентября 1939 г. и обозначенной на карте, приложенной к этому Протоколу.

2. Правительство Союза Советских Социалистических Республик готово компенсировать Правительству Германской Империи территорию, упомянутую в статье 1 данного Протокола, выплатой Германии 7 500 000 золотых долларов или 31 937 500 марок…

3. Данный протокол составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языке каждый, и вступает в силу немедленно после его подписания.

За правительство Германии Шуленбург

По уполномочию Правительства СССР В. Молотов»

Подписанное в тот же день новое Хозяйственное соглашение увлекло тему короткой беседы Молотова с Шуленбургом совершенно в другое русло и обе стороны не сказали о немецких войсках в Румынии ни единого слова.

Кроме секретного протокола Шуленбург и Молотов подписали еще и соглашение о государственной границе. Выпили на радостях по бокалу шампанского, сфотографировались вместе со своими делегациями и советниками, не делая абсолютно никакого секрета из всего случившегося.

В вышедшей на следующий день – 11 января – «Правде» на первой полосе под заголовком «Очередная победа советской внешней политики» была помещена фотография улыбающихся Шуленбурга и Молотова в момент подписания ими соглашения о государственной границе.

На той же странице было помещено также и «Коммюнике о заключении Хозяйственного Соглашения между СССР и Германией». Коммюнике завершала бодрая фраза о том, что «все хозяйственные вопросы, включая те, которые возникли *в связи с присоединением к СССР новых территорий* , разрешены в соответствии с интересами обеих стран».

С тем же энтузиазмом советская пресса вещала об успехе германо-советского фестиваля дружбы. В очередном фестивале советско-нацистской дружбы товарищ Сталин лично не участвовал, поскольку был занят гораздо более важными делами. Подводился итог декабрьского совещания высшего командного состава армии путем проведения серии оперативно-стратегических игр.

Игры проводились в три этапа, на каждом из которых участники в соответствии с заданиями и полученными вводными принимали решения, исполняли в письменном виде директивы, боевые приказы, оперативные сводки и другие документы. На пространстве от Балтийского до Черного морей действовали фронтовые и армейские объединения, своей дислокацией и организацией откровенно нацеленные на запад.

Участники игры организационно были разделены на «Восточных» и «Западных». Командовал «Восточными» генерал-полковник танковых войск Дмитрий Павлов. Начальником штаба у него был генерал-лейтенант Кленов, начальником оперативного отдела штаба – генерал-майор Климовских, а авиацией «Восточных» командовал сам Рычагов.

В распоряжении «восточных», которые на первом этапе игры считались Северо-Западным фронтом и должны были наносить самый вожделенный удар по Восточной Пруссии, пять общевойсковых армий, четыре механизированных корпуса в составе 10 танковых дивизий, один кавалерийский корпус, отдельный стрелковый корпус и 80 авиаполков. Поддерживал удар группировки Балтийский флот, которым командовал контр-адмирал Алафузов.

«Западными» командовал генерал армии Жуков, а начальником штаба у него был бывший военный атташе в Берлине, тогда комкор, а ныне генерал-лейтенант Пуркаев.

Силы «Западных», как всегда, были гораздо слабее и состояли из трех общевойсковых армий одного механизированного корпуса, одной танковой, одной кавалерийской дивизии и одной пехотной дивизии резерва.

Действия «Западных» поддерживало соединение флота, которым командовал молодой контр-адмирал Головко.

Авиацией у «Западных» командовал генерал Жигарев, которому вскоре было суждено заменить арестованного Рычагова [68].

Как и следовало ожидать, стремительное наступление «Восточных» на Кенигсберг и Варшаву развивалось почти без помех. Смятые и окруженные «западные», которых еще именовали «синими», быстро прекратив организованное сопротивление, не успели даже откатиться на новые рубежи, как попали в стальные клещи танковых корпусов «Восточных», справедливо именуемых «красными».

Самолюбивый Жуков пошел красными пятнами. Он не привык проигрывать и, в свойственной ему манере высказал претензии Мерецкову относительно столь резкого неравенства сил, льготных для «красных» условий и вводных, сковывание инициативы «синих», которые не могли даже маневрировать собственными войсками в своем оперативном тылу. Стоило только подумать, как нужный мостик оказывался взорванным, железная дорога выведена из строя, электростанция уничтожена и т.п.

Хорошо, соглашается Мерецков. Он разрешил добавить «синим» еще две армии, один танковый корпус и слегка смягчить вводные по линиям коммуникаций и связи.

Но за «красными», тем не менее, остается главное: внезапность и полуторное (вместо тройного) превосходство в силах.

Главное: внезапность. Внезапность нападения всегда действует ошеломляюще, порождая целую цепь катастроф, которые, в свою очередь, множат все новые и новые катастрофы. Внезапный удар авиации, уничтоживший авиацию «синих» на аэродромах, делает их войска беззащитными от воздушных ударов, заставляя откатываться от границы, оставляя наступающим «красным» тысячи тонн боеприпасов, горючего и прочего снабжения. Бросаются пограничные аэродромы, которые тут же захватывают и начинают использовать воздушные силы противника, что позволяет авиации «красных» («восточных») действовать на еще большую глубину территории «синих».

Однако быстрая переброска войск из стратегического резерва позволила «синим» остановить прорыв «красных» и нанести удар во фланг их группировке в Восточной Пруссии. Завязались ожесточенные бои: рывок «красных» на Варшаву был остановлен. Фронт в Восточной Пруссии стабилизировался. Наступающим не удалось выйти на оперативный простор, смяв и окружив «западных».

Павлов реагировал нервно: «Вы бы ему еще пять танковых дивизий добавили!»

С ним согласился и Тимошенко. Состав сил противоборствующих на стратегической игре сторон заранее согласован и утвержден. Всякие импровизации на ходу просто неуместны.

Вместо ответа Мерецков открыл папку и вытащил из нее «Сводку № 8», составленную въедливым и упрямым подполковником Новобранцем.

Тимошенко, Жуков, Павлов и многие другие участники игры эту сводку получили, но за недостатком времени при подготовке и проведении совещания высшего комсостава не успели ее по-настоящему проработать.

Павлов высказал мнение, что это какая-то дезинформация. И он очень удивляется, что она исходит из ГРУ.

Тимошенко, полистав документы, обратил внимание на отсутствие утверждающей подписи Голикова.

Мерецков пояснил, что сводка докладывалась ему лично в присутствии Голикова и Василевского. И он склонен верить этой сводке больше, чем многим другим источникам.

Тимошенко, разумеется, поинтересовался: посылалась ли эта сводка Сталину и другим членам политбюро?

Мерецков ответил, что, конечно, посылалась. И никакой реакции из Кремля не последовало. Кстати, по рассылке видно, что она посылалась и Тимошенко. Почему же его этот документ удивил сегодня?

Тимошенко промолчал.

Жуков сидел за столом и внимательно читал сводку, поднимая время от времени очки на лоб и покачивая головой.

110 дивизий, из них 11 танковых!

А Мерецкова неожиданно охватило вдохновение.

Он предложил, исключительно ради проработки теоретического варианта, взять за основу состав сил сторон, указанный в «Сводке № 8», и несколько изменить условия игр. Передать внезапность «западным» («синим») и посмотреть, что из этого получится.

Тимошенко снова пытался возражать, но Мерецкова неожиданно поддержал Жуков, почуявший в этом варианте возможность еще раз продемонстрировать свои наступательные возможности. А собственно говоря, если речь об играх, не все ли равно откуда их демонстрировать: с запада или с востока. На то игры и существуют, чтобы проигрывать и исследовать самые невероятные варианты, которых в реальной жизни может никогда и не быть.

Удар «западных», руководимых Жуковым и Пуркаевым, оказался страшным.

Прорвав в нескольких местах фронт «восточных», танки Жукова ринулись вглубь территории противника, сметая все на своем пути.

Не имея права на отступление, части «восточных» («красных»), заняв жесткую оборону, быстро угодили в окружение и их положение стало безнадежным. Катастрофа на севере и в центре не позволила южному флангу «восточных» осуществить задуманное контрнаступление.

Чтобы спасти положение, Павлову нужно было срочно отводить свои войска, но не имея никакого плана на отступление, и он сам, и посредники ясно видели, что отступление мгновенно перерастет в хаос и беспорядочное бегство.

Игра была быстро прекращена.

Тягостное чувство охватило всех участников. Такое чувство бывает у обреченных, которым чудесный оракул на мгновение приоткрыл тайну их будущей судьбы [69].

Узнав об этой игре, Сталин пришел в ярость.

Вызвав в Кремль участников игр вместе с Тимошенко и Мерецковым, вождь потребовал объяснений.

Как водится, все свалили на Мерецкова, поскольку инициатива этого безобразия исходила именно от него.

– В чем причина неудачных действий, а затем и разгрома «красных»? – поинтересовался Сталин тоном, не предвещавшим ничего хорошего.

Генерал-полковник Павлов пытался отшутиться:

– В играх такое бывает, товарищ Сталин. На то она и есть игра.

Однако Сталин никаких шуток выслушивать не желал. Он заметил Павлову, что тот не смог найти правильных решений в ходе игры и подставил свои войска под разгром.

Павлов стал возражать, что он подвергся внезапному удару. А эти вопросы вообще никогда ранее не прорабатывались ни теоретически, ни тем более практически. И атакован он был какими-то фантастическими силами, с потолка.

Грозный взгляд вождя уставился на генерала армии Мерецкова.

– На основании каких данных вы проводили игру? – спросил вождь. – Почему «синие» получили такое преимущество перед «красными»? Откуда у вас такое соотношение сил?

Мерецков показал Сталину «Сводку № 8» подполковника Новобранца.

– Чито это? – с сильным грузинским акцентом потребовал разъяснений Сталин, очень напоминая при этом человека, которого дурачат, принимая за дурака. Все понимали, что рискуют головами и желали лишь благополучно для себя выйти из создавшегося положения. Все глаза сфокусировались на генерале Голикове, который также присутствовал на страшной «разборке стратегической игры в присутствии руководителей партии и правительства».

Голиков без тени замешательства доложил товарищу Сталину о своей яростной борьбе с начальником (а точнее «с и.о. начальника») информационного отдела ГРУ подполковником Новобранцем, оказавшимся слишком падким на дезинформацию, подкидываемую со всех сторон.

Далее Голиков поведал вождю и всем присутствующим, как разбушевавшийся подполковник потребовал личного доклада начальнику генерального штаба и как они вместе были приняты Мерецковым и Василевским, которые нашли сводку вполне реальной и санкционировали ее рассылку в войска, хотя это было уже сделано Новобранцем самовольно без разрешения и его, Голикова, подписи.

Сталин, выслушав Голикова, молчал.

Молчали, разумеется, и все остальные, следя настороженными взглядами как вождь неторопливо прохаживается по кабинету.

Наконец Сталин остановился, подошел к стенной аптечке, налил в небольшую чашечку какие-то капли, выпил их и, повернувшись к сидящим маршалам и генералам, изрек:

– Товарищ Тимошенко просил назначить начальником Генерального штаба товарища Жукова. Давайте согласимся.

Тишина превратилась в мертвую тишину.

Мерецков и Жуков одинаково помертвели.

Для первого это означало снятие с должности с непредсказуемыми последствиями.

Для второго это означало вступление в должность, где он ничего ровным счетом не смыслил, что также могло привести к непредсказуемым последствиям.

Видимо, на Сталина произвела сильное впечатление речь Жукова на Совещании, а также его действия в игре, как на стороне «синих», так и на стороне «красных».

Остановив движением руки пытавшегося возражать Жукова, Сталин продолжал: «Политбюро решило освободить Мерецкова от должности начальника Генерального штаба и на его место назначить вас».

Без сомнения, товарищ Сталин был настолько великий человек, что разобраться в некоторых мотивировках его решений простым смертным почти невозможно! Ведь он обдумывал проект назначения Жукова наркомом обороны с устранением уже раздражавшего его своей тупостью маршала Тимошенко. А начальником генштаба снова назначить маршала Шапошникова, надеясь, что высокая образованность и огромный штабной опыт Шапошникова смогут компенсировать малограмотность Жукова.

И тем не менее, прямо на совещании в Кремле 12 января 1941 года Сталин снимает с должности Мерецкова и назначает Жукова именно начальником Генерального штаба [70].

К этому времени в СССР уже сформировался тип так называемого универсального профессионального руководителя способного возглавлять любое доверенное ему учреждение. Вчера он мог быть директором больницы, завтра – директоров консерватории, послезавтра – главным редактором центральной газеты. Администрирование везде шло по общему трафарету и никаких крупных проблем не возникало. Но даже в сталинской России подобный человек не мог быть назначен на должность, требующей не административного опыта, а глубокой профессиональной подготовки. Другими словами, он мог быть директором больницы, но не ведущим хирургом, директором консерватории, но не ведущим дирижером и т. д. Генерал Жуков с грехом пополам – справился бы с должностью Наркома обороны. Тем более, что он был бы нисколько не хуже своих предшественников на этом посту: Ворошилова и Тимошенко. Но на посту Начальника генерального штаба – должности чисто профессорской, академической – он мгновенно достиг предела своей полной некомпетентности [71].

Как и рассчитывал Гитлер, Сталин получил его письмо вместе с письмом фюрера к Муссолини. Помимо этого Сталин получил еще копию письма Черчилля к генералу Уэйвеллу – главнокомандующему английскими войсками в Африке и на Ближнем Востоке, где, в частности, говорилось:

«Мы располагаем множеством подробных сведений указывающих на то, что еще до конца месяца начнутся большие переброски войск через Болгарию к греческой границе, конечной целью которых является наступление на Салоники. По-видимому, до середины февраля болгаро-греческую границу смогут пересечь не более чем одна или две танковых дивизий, одна моторизованная дивизия, примерно 180 пикирующих бомбардировщиков и некоторое количество воздушно-десантных частей… Поражение Греции затмит собой те победы, которые мы одержали в Ливии… Поэтому вы должны подчинить свои планы более важным интересам, которые поставлены теперь на карту…»

Расклад получается интересный. Если немцы вторгнутся в Грецию и победят, сбросив англичан в море, то многое станет ясно по их поведению, скажем, в Румынии. Выведут они оттуда войска или нет?

Если победят совместные силы англичан и греков, то на границе СССР могут оказаться английские войска. Любопытно! И тогда англичане уже точно выйдут и в зону турецких проливов.

Пока в Болгарии немецких войск еще нет и можно напомнить Гитлеру о некоторых наших претензиях.

13 января 1941 года «Правда» опубликовала «Заявление ТАСС», где указывалось: «В иностранной прессе распространяется сообщение со ссылкой на некоторые круги Болгарии как источник информации, что в Болгарию уже переброшена некоторая часть немецких войск, что переброска последних в Болгарию продолжается с ведома и согласия СССР, что на запрос болгарского правительства о пропуске немецких войск в Болгарию СССР ответил согласием».

Вот такими незатейливыми методами мелкого провокатора Сталин зондировал Берлин.

Далее ТАСС был уполномочен заявить следующее:

«1. Если немецкие войска и в самом деле имеются в Болгарии, и если их дальнейшая переброска в Болгарию действительно имеет место, то все это происходит без ведома и согласия СССР, германская сторона никогда не ставила перед СССР вопроса о пребывании или переброске немецких войск в Болгарию.

Ссылки на «иностранную прессу» и «некоторые круги Болгарии» – это был типичный сталинский метод кидания камушков через забор без ожидания, что в ответ может прилететь валун.

Но в Берлине с такими тонкими методами Москвы уже освоились и научились на нее реагировать, используя почти советскую «новоречь».

«Германское информационное бюро о заявлении ТАСС.
14 января 1941 года

В виду большого количества слухов… относительно мнимой переброски германских войск в Болгарию, в берлинских политических кругах заявляют, что нет ничего удивительного в том, что русское официальное агентство ТАСС сочло своим долгом опубликовать опровержение в связи с этим сообщением…»

Немцы не поняли сталинского хода или поняли, но прикинулись дураками. Сталин стал обдумывать свой следующий шаг в темном балканском лабиринте.

14 января 1941 года Сталин завизировал приказ о назначении Жукова начальником Генштаба и о перемещениях в связи с этим назначением.

«Строго секретно

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б)
14 января 1941 года

О начальнике Генштаба и командующем войсками военных округов

Для улучшения подготовки войск округов и армий утвердить назначения:

1. Начальником Генерального Штаба и заместителем Наркома Обороны – генерала армии Жукова Георгия Константиновича;

2. Заместителем Наркома Обороны по боевой подготовке – генерала армии Мерецкова Кирилла Афанасьевича…»

При очередном докладе Филипп Голиков упомянул о плане «Барбаросса», полученном от неизвестного источника в Швейцарии.

Сталин вздохнул: «Что за источник?»

Голиков пояснил, что с этим источником работает полковник Радо. Где он его нашел и прочее пока выясняется. Источник получил кодовое имя «Люси».

То, что англичане будут множить свои провокации через нейтральные страны, можно было предугадать. Но то, что они пойдут на фабрикацию директив самого Гитлера, было неожиданностью и вызывало сомнение. Сталин спросил Голикова, что тот по этому поводу думает?

Голиков ответил, что фотокопий документов никто не видел, а тексты, в принципе, придумать совсем несложно. Война привязана к дорогам и кто бы не нападал на СССР – все будут вынуждены действовать примерно одинаково. Достаточно взять карту с действиями, скажем, того же Наполеона и вот вам план действий на линии Брест-Москва. Тем более, осмелился заметить начальник ГРУ, почти никаких новых дорог с тех пор не построено. А старые стали еще хуже.

Вождя это замечание Голикова почему-то привело в хорошее настроение: «Потом построим дороги, – сказал он. – Харошие дароги, товарищ Голиков».

Кроме того, продолжал начальник разведки, это вполне мог быть документ из архива немецкого генштаба, попавший в руки англичан после первой мировой войны, слегка ими подработанный и датированный как современный. В любом случае, пока не будут получены фотокопии самих документов, говорить об этом рано. В этом направлении уже работают в разных странах, и если такой документ действительно подписан Гитлером, то это станет известно точно и очень скоро.

Пока что можно точно сказать, что Германия к войне с СССР никак не готовится. Невозможно готовиться к войне с Россией, товарищ Сталин, не позаботившись о зимнем обмундировании для армии. Многие из еще служащих в вермахте, наверное, не забыли, как они вымерзали на Украине зимой 1918 года. Поэтому, если существует план нападения на нас, его осуществление должно было начаться с пошивки зимнего обмундирования для армии. А это сделать незаметно совершенно невозможно. Прежде всего необходим массовый забой баранов для пошивки нескольких миллионов полушубков. Но даже, допустим, что немцам удалось все это сделать незаметно. Все равно подобное мероприятие неизбежно в условиях германской экономики приведет к резкому снижению цен на баранину по всей стране. А вот этого уже скрыть совершенно невозможно.

Сталин остался очень доволен докладом начальника ГРУ и отпустил Голикова, удостоив рукопожатия и проводив до дверей кабинета. Несмотря на эти высшие проявления сталинской любезности, Голиков ушел озадаченным. Вождь ничего не сказал ему, что делать с автором «Сводки № 8» подполковником Новобранцем.

Еще накануне, во время разбора стратегических игр, Голиков обратил внимание, что Сталин никак не отреагировал на его, Голикова, доклад о начальнике информационного отдела и его вопиющем самовольстве, способном спровоцировать войну. Видимо, Сталин посчитал главным виновником всего этого дела Мерецкова и, сняв того с должности начальника Генштаба, решил не наказывать рядовых исполнителей. На всякий случай, направляясь в Кремль, Голиков подготовил рапорт о снятии Новобранца с должности и отдачи под суд «за самовольные действия, способные привести к тяжким последствиям». Но поскольку Сталин, вопреки ожиданиям шефа ГРУ, не сказал о подполковнике Новобранце и его «Сводке № 8» ни слова, то Голиков благоразумно решил пока не давать рапорту хода. Сталин сам вспомнит об этом, то рапорт всегда будет наготове.

Вернувшись к себе, Голиков вызвал Новобранца. Передал ему текст плана «Барбаросса», данные из Женевы и приказал все это проанализировать и доложить. Можно было не сомневаться, какой ответ даст подполковник.

Разведка НКВД также порадовала вождя. Утраченные связи на территории Германии, уничтоженные врагом народа Ежовым, восстанавливаются. Начальник ИНО НКВД Фитин доложил, что сразу после нового года резидент НКВД Александр Коротков, действующий под документами на имя Александра Эрдберга, отбыл в Германию, где 7 января встретился с «Корсиканцем», который сообщил ему, что в аристократических и интеллигентных кругах Германии растет убежденность в том, что Германия эту войну проиграет. «Садовый шланг» президента Рузвельта потряс эти круги, посчитавшими подобное заявление американского президента прямым объявлением войны гитлеровскому режиму. Эпоха громких побед вермахта кончилась, началась затяжная война, которой так все боялись, а потому оппозиция Гитлеру растет не только в этих изначально космополитичных кругах, но и в армии. В дополнение ко всему по Берлину ходит упорный слух, что Гитлер решил напасть на СССР. Тогда ему действительно конец. Однако сам «Корсиканец» склонен относиться к подобному слуху, несмотря на его очевидную вздорность, с известной осторожностью. Его информатор,

Харро Шульце-Бойзен, служащий в главном штабе Люфтваффе, сообщил, что им дан приказ начать в широких масштабах разведывательные полеты над советской территорией с целью фотографирования всей пограничной полосы СССР. Иметь агента в штабе «Люфтваффе» – это было бы очень хорошо, но доказательств, что Шульце-Бойзен не провокатор, пока нет. Этот человек принадлежит к цвету немецкой аристократии.

Внучатый племянник знаменитого гросс-адмирала Тирпица, женат на родственнице князя фон Эйленбурга. В студенческие годы, во времена Веймарской республики, издавал журнал «Дер Гегнер» («Противник»), носивший антиправительственный характер, за что был однажды арестован. К гитлеризму имеет резко негативное отношение. Коротков вышел на Щульце-Бойзена непосредственно и узнал его ближе. От предложенных денег аристократ с негодованием отказался, считая, что его риск оправдан, «если он способствует грядущему падению фашизма».

«Если денег не берет, – изрек Сталин, – значит, провокатор. Только провокаторы денег не берут. Порядочные люди всегда в деньгах нуждаются».

Сраженный железной логикой вождя генерал Фитин замолк, вопросительно глядя то на Сталина, то на Берия.

– Мы дали ему кличку «Старшина», – продолжил доклад шеф НКВД, – если провокатор, то тоже интересно – во что они хотят, чтобы мы поверили. Короткову сообщили, чтобы был поосторожнее с ним. Офицер, аристократ, внук Тирпица. С чего это ему с нами работать? – Сталин благосклонно кивнул, давая понять, что согласен с доводами шефа тайной полиции.

Уже около полуночи, отпустив Меркулова и Фитина, Сталин остался вдвоем с Лаврентием Берия. Предстояло проработать несколько вопросов, подробности которых никому более знать не полагалось. К удивлению Сталина, Берия снова начал разговор о Шульце-Бойзене. Оказывается, помимо всего прочего, внук адмирала Тирпица сообщил, что в штаб Люфтваффе потоком поступает секретная информация из СССР. В частности, немцам практически все известно об аэродромной сети на всей территории европейской части Союза, тип и число самолетов, базирующихся на том или ином аэродроме и многие другие обобщенные сведения, утечка которых возможна только из главного Управления ВВС.

– Вот как? – Сталин вынул трубку изо рта и положил ее на стол. – Авиация всегда плодила изменников и продолжает этим заниматься.

Вождь спрашивает у Берия какие новые показания удалось получить у бывшего генерала Проскурова?

Берия с пониманием кивает. Но Проскуров крепкий орешек. О себе говорит, что угодно, во всем признается. Двум смертям не бывать, а одной уже не миновать. А про других молчит. Никаких фамилий не называет.

– Бить, бить и бить! – подсказывает вождь, вечно подозревающий своих наркомов внутренних дел в излишнем либерализме.

На лице Берии появляется выражение обиды. Что его учат как школьника.

– И семья. Ведь есть у него семья, – подсказывает вождь.

Помолчав, Сталин спрашивает у Берии, как идут мероприятия, которые ЦК счел целесообразным провести с польскими военнопленными?

Этот вопрос встал еще в начале 1940 года. Было высказано мнение: рядовых распихать по островам ГУЛАГа, офицеров расстрелять.

По приказу Сталина 5 марта 1940 года (т.е. день в день за 13 лет до смерти самого вождя) Берия представил в Политбюро документ, предлагающий приговорить все 15 000 польских офицеров к расстрелу по упрощенной судебной процедуре – без предъявления

обвинения обвиняемому и без зачтения ему приговора [72]. Сталин завизировал этот документ, заставив это сделать и всех членов Политбюро от Ворошилова до Калинина.

С этого момента в трех лагерях, где содержались поляки, начались мероприятия по их массовому истреблению [73].

Берия с гордостью и доложил вождю, что из 15 000 человек примерно 80% уже ликвидированы. Исполнители трудятся чуть ли не круглосуточно, поскольку в интересах секретности каждого поляка расстреливают фактически индивидуально.

Однако доложенные цифры не произвели на вождя большого впечатления. Приняв к сведенью доклад шефа НКВД, вождь упрекнул того за неправильную организацию работ, коль они идут столь медленно.

Берия почувствовал себя уязвленным несправедливыми упреками вождя. Работа идет к концу, с обидой в голосе доложил он Сталину, и не позднее первого квартала текущего года она завершится.

Сталин огорченно вздохнул. Работа только начинается, пояснил он шефу НКВД. И закончится очень нескоро. Одних поляков необходимо ликвидировать не менее 300 тысяч. Параллельно с ними нужно ликвидировать почти столько же прибалтов, румын, а в будущем – немцев, венгров, бельгийцев, голландцев, французов. Построить новое общество невозможно, не ликвидировав старого. А что такое ликвидация старого общества? – задал Сталин вопрос молчавшему Берия и, как всегда, сам на этот вопрос ответил.

Ликвидация старого общества – это не только ликвидация его структур, социальных и производственных отношений, обычаев и уклада жизни. Это прежде всего ликвидация людей, живших в этом обществе. Если мы хотим построить новое общество, мы должны физически уничтожить тех, кто помнит старое общество. Основной причиной поражения Французской революции Ильич считал «остановку гильотины». Как только гильотина остановилась, утверждал он, революция погибла.

Мы учли ошибки прошлого, продолжал вождь, прохаживаясь по кабинету мимо бледного Берии, сидевшего за столом для заседаний, все чуждые нашему обществу классы должны быть и будут уничтожены. Поэтому в корне неверно, товарищ Берия, считать, что ваша работа завершится в первом квартале текущего года. Впрочем, ваша работа может завершиться и раньше, если вы правильно не поймете стоящих перед вами задач.

Когда Берия вернулся домой, жена Нина и сын Серго заметили его бледность и дрожащие руки. Взглянув в наполненные ужасом глаза жены, Берия сказал: «Наверное, меня скоро снимут с должности». Порой даже ему было трудно органически вписаться в глобальные планы товарища Сталина.

10 января 1941 года звонок из Вашингтона известил Черчилля, что в Лондон прибывает личный посланник президента США Гарри Гопкинс. О миссии Гопкинса знала вся Америка, а следовательно – весь мир. Накануне на пресс-конференции журналисты буквально вцепились в Рузвельта, пытаясь выведать причину поездки Гопкинса. Газеты опубликовали следующую стенограмму:

«Вопрос: Едет ли г-н Гопкинс с какой-либо особой миссией, г-н президент?

Ответ: Отнюдь нет.

Вопрос: Присвоен ли ему какой-нибудь ранг?

Президент: О, нет.

Вопрос: Г-н президент, можно ли определенно сказать, что г-н Гопкинс не будет назначен новым послом?

Президент: Как вы знаете, Гарри не обладает нужным здоровьем для этой работы…

Вопрос: Будет ли кто-либо сопровождать г-на Гопкинса?

Президент: Нет, и он не будет располагать никакими полномочиями.

Вопрос: Но ему будет дано какое-либо определенное поручение?

Президент: Нет. Вам не удастся выудить ничего интересного. (Общий смех.)

Когда Черчиллю сообщили, что Гарри Гопкинс собирается его посетить, премьер недоуменно спросил: «Кто это?» Когда же парламентский секретарь премьера Брендан Бракен разъяснил Черчиллю кто такой Гопкинс, премьер тут же приказал «расстелить перед ним все красные ковры, уцелевшие от бомбежек».

Хотя президент и пытался уверить общественность, что Гопкинс не имеет никаких поручений, он вручил перед отъездом своему другу нечто вроде рекомендательного письма следующего содержания: «Питая к вам особое доверие и полагаясь на вас, прошу как можно скорее выехать в Великобританию, чтобы действовать там в качестве моего личного представителя. Прошу вас также сделать аналогичное сообщение Его Величеству королю Георгу VI.

Естественно, что вы сообщите нашему правительству все, что привлечет ваше внимание в процессе выполнения вашей миссии и что, с вашей точки зрения, послужит важнейшим интересам Соединенных Штатов.

Желая вам всего наилучшего для успеха вашей миссии, остаюсь искренне преданный вам Франклин Д. Рузвельт».

Но самое главное сообщение Гопкинс должен был передать устно. Встретившись с Черчиллем и с чисто американской непосредственностью прервав протокольную часть, он наклонился к премьеру и тихо, но внятно сказал: «Президент твердо решил, что мы должны выиграть войну вместе. Пусть на этот счет у вас не будет никаких сомнений. Он послал меня сюда, чтобы сообщить вам, что он будет поддерживать вас любой ценой и любыми средствами, чего бы это не стоило ему лично. На свете нет таких вещей, которых он не сделает, если только это в пределах человеческих сил».

Глава 13. Игра втемную

Немецкая печать нервно реагировала на визит Гопкинса в Лондон. Газеты писали, что Гопкинс приехал, чтобы «обменять остатки Британской империи на очередную партию ржавого американского металлолома и виде эсминцев времен Первой мировой войны».

На Германию продолжали дождем сыпаться английские листовки, предрекая Германии скорый конец и предлагая свергнуть Гитлера и сдаться пока не поздно.

Немецкие листовки, также обильно сбрасываемые над Англией, предрекали скорый конец Британской империи и ее «жадной и хищной метрополии», когда немецкие войска, как только установится погода, высадятся на островах.

В личном кинозале Гитлера демонстрировалась кинохроника удара Люфтваффе по соединению английского флота в Средиземном море, ловко смонтированная из английских и немецких материалов.

Пикирующие бомбардировщики «Ю-87» – «Штукас» – с воем и ревом атаковали новейший английский авианосец «Илластриэс», ведущий конвой транспортов на Мальту и в Пирей. Объятый пламенем авианосец, закрытый водяными столбами близких разрывов авиабомб, действительно кажется обреченным. Бодрый и торжественный голос диктора объявляет о его потоплении. Еще одна великая победа Люфтваффе! В этот же день, 10

января, добавляет диктор, в другом сражении был потоплен еще один английский авианосец «Арк-Ройял». Пришел конец господству англичан на море.

Гитлер разрешил использовать эти кадры в еженедельном киножурнале «Ди Вохе Рундшау». Народ изголодался уже по каким-нибудь громким боевым эпизодам, доказывающим непобедимость немецкого оружия. Но на душе у фюрера было не очень весело. Он-то знал, что ни один из английских авианосцев потоплен не был. «Илластриэс», хотя и получил несколько прямых попаданий авиабомб, благополучно добрался до Мальты, а «Арк-Ройял», как выяснила разведка, вообще не был атакован. Зато за три дня действий над Средиземным морем 10-й авиакорпус потерял 27 машин. Большая часть пилотов попала в плен к англичанам.

17 января советский посол Деканозов явился в германское министерство иностранных дел и вручил меморандум следующего содержания: «По имеющимся сведениям, в Румынии находится большое количество германских войск, которые в настоящий момент готовятся вступить в Болгарию, имея своей конечной целью оккупацию Болгарии, Греции и проливов…

Ввиду всего этого Советское правительство считает своим долгом предупредить, что оно будет рассматривать появление каких бы то ни было иностранных вооруженных сил на территории Болгарии и Проливов как нарушение интересов безопасности СССР. Советское правительство не может безразлично отнестись к событиям, которые угрожают безопасности СССР».

Принявший Деканозова Вайцзекер, выслушав меморандум, спросил, с какой серьезностью он должен реагировать на столь грозные заявления Москвы?

С полной серьезностью, заявил Деканозов.

22 января Вайцзекер принял Деканозова и устно сообщил советскому послу ответ на его заявление от 17 января, а затем вручил ему и текст, составленный в форме меморандума.

«Мы уверены, заявил он, что наши планы служат интересам СССР, который, без сомнения, также против получения Англией плацдарма в этих районах».

Чуть позже подоспела и депеша Шуленбурга из Москвы, в которой посол информировал о реакции Молотова на меморандум.

Почти одновременно с телеграммой Шуленбурга пришло сообщение еще об одной крупной катастрофе, постигшей итальянскую армию. Англичане взяли прекрасно укрепленную крепость Тобрук. Гарнизон крепости капитулировал фактически без боя. «Полиция в Тель-Авиве дралась с нами лучше, чем итальянцы в Тобруке», – разнесли по миру телеграфные агентства высказывание одного австралийского солдата.

В тот же день на весь мир было объявлено об окончательном изгнании итальянцев из Абиссинии (Эфиопии). Эфиопский император Хайле Селассие I, проживавший в последнее время в Хартуме, вернулся на английском самолете в свою страну, расположившись на одной из английских баз. Английские войска и суровые эфиопские воины прошли маршем, салютуя императорскому штандарту. Снова тысячи сдавшихся в плен итальянских солдат и ликующие голоса дикторов Би-Би-Си: «Второе крушение Римской Империи!»

Гитлер приказал спешно форсировать подготовку к операции «Зонненблюм» («Подсолнечник») – для переброски в Северную Африку двух немецких дивизий, чтобы предотвратить окончательную катастрофу. «Как только американцы вступят в войну, – как-то сказал на совещании умный генерал Йодль, – они с англичанами тут же высадятся в Италии и выбьют ее из войны. Мы слишком слабы на море, чтобы этому помешать».

В Германии шумно отмечаются «Дни Фридриха». В витринах выставлены портреты великого короля. В основном в одной позе: во весь рост, опираясь на массивную трость, великий король наблюдает за боем.

Красной нитью проходит единственный мотив: один против всей Европы. У многих людей это вызывает мрачные аналогии. Великий Фридрих чуть не погубил Германию. Французы захватили рейнские провинции, датчане – Шлезвиг-Гольштейн, русские – Кенигсберг и Берлин.

Главное: Фридрих не искал мира, а сражался до конца. По этому случаю Гитлер принимал военных. Командующие видами вооруженных сил: Браухич, Геринг и Редер со своими начальниками штабов, строевые и отставные фельдмаршалы, генерал-полковники и полные генералы.

Отношения Гитлера с армией оставались сложными, хотя фюрер начал бороться за армию еще задолго до своего прихода к власти.

Многие помнили, как в сентябре 1930 года Верховный суд веймарской Германии судил трех лейтенантов из гарнизона Ульма по обвинению в распространении нацистской пропаганды среди военнослужащих. Правительство посильными силами боролось против фашизма в армии. Однако армейская молодежь все более и более заражалась идеями нацизма.

Военный министр генерал Вильгельм Гронер, чтобы избежать излишней огласки, хотел судить юных лейтенантов закрытым военным судом, но один из обвиняемых, лейтенант Вильгельм Шерингер, успел сообщить об этом в нацистскую газету «Фолькишер Беобахтер», которая подняла страшный шум по поводу ущемления демократии и гласности и возвращения мрачной эпохи прошлой войны – эпохи «закрытых военных трибуналов». В итоге состоялся открытый суд.

Защита вызвала в свидетели самого Гитлера. Надо сказать, что до прихода к власти Гитлер неоднократно с кем-нибудь судился, выступая то в роли истца, то в роли ответчика, то в роли свидетеля. Он не только не избегал судов, но сам рвался на них, чтобы в очередной раз публично заявить о своих взглядах и намерениях.

На этот суд Гитлер примчался с особым энтузиазмом. Он чувствовал то инстинктивное недоверие, которое армия питает к нему и готов был на все, чтобы это недоверие развеять. Судьба трех молодых офицеров, конечно, беспокоила его неизмеримо меньше, чем возможность заручиться поддержкой всего офицерского корпуса.

«Эти трое молодых людей, – заявил он на суде, – жестоко ошибаются, если думают, что мы даже умозрительно обсуждаем возможность вооруженного мятежа. Чтобы придти к власти, мы собираемся использовать только конституционные средства. Я никогда не позволю себе ни единого шага, который поставил бы меня в такое положение, что я вынужден был бы бороться с германской армией. Напротив. Когда управление нашей страной перейдет в мои руки, а это вопрос нескольких месяцев, я буду рассматривать нынешних господ офицеров как ядро, из которого вырастет великая армия немецкого народа».

Гитлер говорил, держа левую руку на сердце, а правую, сжатую в кулак, вытянул вперед. Гул пошел по залу, прерванный неуверенными аплодисментами. Этой речью Гитлер завоевал рейхсвер, явно дав понять, что он не намерен дробить армию, высасывая из нее своих сторонников. Он желает ее всю, но не ранее, чем станет главой государства.

Приговор суда – 1,5 года тюрьмы каждому из обвиняемых – не удовлетворил тогда никого. Для симпатизирующих Гитлеру приговор выглядел слишком суровым. Для других – слишком мягким. Если бы судьи действовали со всей строгостью закона, они, возможно, смогли вернуть армии какую-то уверенность в будущем и вывести офицеров из-под гипнотического шока, вызванного речью Гитлера, который говорил целый час и никто не

осмелился его прервать. Робость лейпцигских судей окончательно деморализовала армию, бросив ее в объятия Гитлера.

Она (армия) не ликовала, но и не протестовала, когда через 34 месяца после суда в Лейпциге, 14 июля 1933 года появился декрет Гитлера, где говорилось:

«Германская национал-социалистическая рабочая партия является единственной легальной политической партией Германии».

Армия никак не проявила себя, когда были отменены выборы, упразднен со смертью фельдмаршала Гинденбурга пост президента, отменена конституция и Гитлер, будучи канцлером, официально объявил себя «фюрером германской нации».

Немного всколыхнулась армия после публикации антиеврейских нюрнбергских законов. Армия, авиация и флот отказались выдать евреев из своей среды. Как ни странно, Гитлер и не настаивал. Такие известные офицеры-евреи, как Бакенкелер, Грасман, Рогге, Мильх и многие другие менее известные остались в кадрах вооруженных сил до самого крушения Рейха. Слова Геринга: «В своем штабе я сам решаю, кто у меня еврей, а кто – нет» стали своего рода руководством к действию.

Представители высшего эшелона немецкого офицерского корпуса недоумевали и считали антисемитскую политику Гитлера крупной тактической ошибкой. Они цитировали знаменитые слова кайзера, как-то заявившего: «В Германии нет евреев, а есть немцы иудейского верования. Без их помощи Германия никогда не стала бы великой». Не лучше было иметь на своей стороне деньги, предприимчивость, мозги и международные связи евреев?

Однако, зная мнение на этот счет высшего офицерского состава, Гитлер время от времени пытался объяснить генералам корни и истоки своего отношения к евреям.

«Наша эпоха знаменует собой начало самой безжалостной борьбы за мировое господство. Эта борьба фактически ведется между двумя нациями – между немцами и евреями. Все остальное – лишь обман зрения. Израэлиты стоят за спиной Англии, США и СССР. Даже если мы изгоним евреев из Германии, они все равно останутся нашими врагами в мировом масштабе…

Какой опасный, вездесущий и скрытный враг! И я понял, что за судьбу всего мира надо вести решительный бой именно с ними!

Поставив меня во главе Германии, высшие силы указали именно на немецкий народ как на новый Избранный народ! А два народа не могут быть избранными одновременно. Сейчас мы – народ Божий! Время евреев кончилось. Две супернации не могут существовать одновременно! Одна из них должна быть уничтожена».

С чисто военной точки зрения было непонятно, зачем в процессе собственного возрождения сразу же бросать вызов «супернации», которая, по словам самого фюрера, владычествует над миром. Если Гитлер так уж одержим идеей борьбы с евреями, то эту борьбу можно было начать позднее, когда силы хоть немного уравняются. Если евреи действительно являются мощной «мировой силой», то результаты уже налицо: прошло всего полтора года войны, а Германия уже в кольце врагов, а главное – без друзей. И занята уже не поиском победы, а поиском спасения. Планы фюрера приведут к тому, что в дополнение к Англии в самое ближайшее время придется сражаться с СССР и США, т. е. со всем миром.

Попытки Гитлера внушить военным упрощенную истину о том, что на каких фронтах они бы не сражались, везде сражаются с евреями, до военных не доходила. Многие как трагедию воспринимали войну с Англией, где было полно их друзей и родственников. Так было в прошлую войну, так случилось и в нынешнюю. Гитлер уже не мог поручиться, как поведет себя армия, окажись она каким-то чудом на Британских островах. Не произошло бы братания, как в Первую мировую войну, что в итоге и привело к крушению кайзеровской Германии.

Но это была чистая теория. Гитлер прекрасно знал, что до Англии, а уж тем более до США ему никогда не дотянуться.

То недолгое время, которое еще у него есть, необходимо использовать, чтобы выбить из будущей игры Сталина.

Но разворачивая свои армии на Восток, необходимо было считаться с тем фактом, что почти вся военная верхушка вермахта – до командиров дивизий включительно – заражена так называемым «духом Рапалло». В расшифровке это означало, что большая часть руководящего немецкого офицерского корпуса, в первую очередь танкисты, летчики и подводники прошли подготовку и обучение в Советском Союзе. История эта была давняя и началась в пасхальное воскресенье 17 апреля 1922 года, когда в тихом итальянском курортном городке Рапалло был подписан договор, восстанавливающий дипломатические отношения между Германией и Советской Республикой.

Германия лежала униженная и поверженная после проигрыша Первой мировой войны. Россия, опустошенная мировой и гражданской войнами, зажатая железными тисками тоталитарного коммунистического режима находилась в изоляции от всего мира, выставившего против нее нечто вроде «санитарного кордона». Договор в Рапалло был ее первым прорывом на международную арену. Остальная Европа и Америка потешались над этим альянсом, называя его союзом «слепого и хромого», «договором нищих» и т. п. Но, как показало дальнейшее развитие событий, потешались они над союзом двух изгоев совершенно напрасно. Помимо взаимовыгодной торговли, обеспечивающей рабочие места в Германии и приток новой технологии в СССР, обе стороны быстро наладили и военные связи.

Первоначальные задачи военного сотрудничества Германии и России были сформулированы бывшим начальником кайзеровской секретной службы полковником Вальтером Николаи, старым и добрым куратором большевиков еще со времен, предшествующих февральской революции. Неизвестно, встречался ли старый полковник с Лениным, но с членами ленинского ЦК встречался неоднократно, подробно и вдумчиво их инструктируя. Одним из старых сотрудников полковника Николаи был Карл Радек, близкий друг Ленина, Троцкого и отвечавший в то время за советскую внешнеполитическую пропаганду. В частности, по его указанию Коминтерн со своей стороны также включился в борьбу против Версальского договора, называя его капиталистическим наступлением на германский пролетариат. По поводу военного сотрудничества Радек писал: «Новая советская армия готова предоставить неограниченные возможности опытным немецким офицерам. Мы нуждаемся в помощи для восстановления полностью разрушенной русской военной машины. В обмен Советский Союз сможет производить оружие, которое Рейхсверу иметь запрещено, и Рейхсвер сможет научиться пользоваться этим оружием, проходя боевую подготовку на русской земле».

После осторожного зондажа немецкой реакции, советский посол Крестинский сделал на этот счет прямые предложения военному министру Германии Отто Гесслеру и командующему рейхсвером генералу Гансу фон Секту. В результате был подписан целый пакет секретных соглашений, согласно которым ежегодно, до 1930 г., треть ежегодного бюджета рейхсвера плюс 120 миллионов так называемых «стабилизированных» марок вкладывались в странный картель, имевший довольно замысловатое название: «Корпорация предприятий промышленного развития». Самолеты «Юнкерса» проектировались и строились в Фили и Самаре, артиллерийские снаряды – в Туле и Златоусте, производство боевых отравляющих веществ было налажено в Красногвардейске, а Ленинград предоставил свою научно-производственную базу для создания новых подводных лодок.

Вместе с тем, для боевой подготовки специалистов германской армии были развернуты три крупных учебно-тренировочных базы в Липецке, Воронеже и Казани. В Липецке и

Воронеже проходили подготовку будущие офицеры Люфтваффе, а в Казани – танкисты, которым в будущем предстояло поразить весь мир, и больше всех именно Россию, смертельными ударами танковых клиньев. 20 тысяч будущих офицеров Вермахта прошли боевую подготовку на авиабазах и танкодромах Советского Союза.

Это было фантастическое предприятие. Прототипы самолетов и танков, разработанных в Германии и сделанных там тайно в одном экземпляре морем по частям доставлялись в Ленинград через свободный порт Штеттин. Там они собирались и испытывались на полигонах, а затем поступали в серийное производство на советских заводах. Первые прототипы пикирующего бомбардировщика Ю-87 и будущего «Мессершмитта» прошли испытания на советских полигонах. До конца жизни немецкие летчики и танкисты считали Липецк и Казань своими «Альма-Матер». Без их подготовки было бы невозможно создать в кратчайший срок ни мощные соединения Люфтваффе, ни легендарные танковые группы Гудериана, Гота и Манштейна.

На советских полигонах бок о бок с немецкими офицерами обучались в не меньшем количестве и офицеры Красной Армии, неминуемо создавая дух общего боевого братства, который по замыслу организаторов этого крупномасштабного мероприятия, должен был в итоге перерасти в дух прочнейшего в истории военного союза.

Будущий военный союз зрел не только на совместных жестких учениях, где одинаково часто гибли и немцы, и русские, но в тиши кабинетов высшего военного руководства двух стран.

Командующий рейхсвером генерал Сект вынашивал план удара по Польше в качестве первого шага к ликвидации Версальского договора, поскольку Польшу он считал французским форпостом на востоке. Его планы находили живой отклик у Михаила Тухачевского и у других руководителей Красной Армии, у которых Польша также была бельмом на глазу. Они прямиком требовали заключения военного союза с Германией, пугая Сталина возможностью того, что Германию могут переманить к себе западные страны и объединенным военным союзом начать поход против СССР. Братство по оружию внизу и единые военные планы наверху и породили именно то, что называлось «духом Рапалло» и, разумеется, даже сама мысль о возможном военном столкновении между СССР и Германией никому не могла придти в голову даже в страшном сне.

Приход Гитлера к власти перечеркнул все далеко идущие планы, но «дух Рапалло» – дух боевого братства по оружию – пустил глубокие корни и в советской, и в немецкой армиях.

Сталин решил эту проблему со свойственной ему гениальной простотой, расстреляв всех, имеющих к тем событиям отношение: от Радека, Крестинского и Тухачевского, до комендантов аэродрома в Липецке и танкодрома в Казани.

Однако не считаться с настроениями офицерского корпуса Гитлер не мог. С одной стороны «братский народ» англичане, с другой – братья по оружию. Как поведет себя армия в грядущей смертельной схватке с «братьями»?

Новейший английский линкор «Кинг Джордж V», эффектно подняв стволы своих четырехорудийных башен главного калибра, величественно входил в американскую бухту Чесапик, в глубине которой находилась столица Соединенных Штатов, Вашингтон.

Линкор шел в сопровождении целой эскадры катеров, прогулочных яхт, частных пароходов.

Линкор доставлял в Соединенные Штаты нового английского посла лорда Галифакса, еще недавно занимающего пост министра иностранных дел в кабинете Черчилля. Сам факт отправки в качестве посла в США вчерашнего министра говорил о многом, а способ его доставки на новейшем линкоре, специально для этой цели выведенным из зоны боевых действий, говорил еще больше.

Но и этого было мало устроителям шоу, свидетельствующем о фактически сформировавшимся англоамериканском военном альянсе. Навстречу английскому линкору медленно шел американский тяжелый крейсер «Агаста», на мачте которого вился синий штандарт Президента Соединенных Штатов. Подобная встреча посла, идущего на линкоре, главой государства на тяжелом крейсере не была предусмотрена никакими протоколами или даже традициями.

Кинувшиеся в Белый Дом журналисты, пытавшиеся выяснить, что имел в виду президент, выйдя навстречу иностранному послу на тяжелом крейсере, как всегда ничего толком не узнали.

Газеты каламбурили, хотя все, имеющие глаза, совершенно ясно видели обстановку. Обе стороны откровенно демонстрировали потенциальную мощь своего военного союза.

Помимо английского посла линкор «Кинг Джордж V» доставил в Вашингтон обширный доклад Гарри Гопкинса о его пребывании в Англии. «Дорогой господин президент! – докладывал Гопкинс. – Я посылаю свое сообщение с полковником Ли, который возвращается вместе с Галифаксом… Люди здесь, начиная с Черчилля, замечательны, и если одно мужество может победить, в результатах можно не сомневаться. Однако они отчаянно нуждаются в нашей помощи. Черчилль олицетворяет правительство во всех смыслах этого слова, он определяет большую стратегию, а нередко решает и частные вопросы; рабочие доверяют ему; армия, флот и воздушные силы до единого человека поддерживают его; политические деятели и высшие слои общества делают вид, что он им нравится… Черчилль хочет встретиться с вами, и как можно скорее…

Мне был открыт полный доступ ко всем секретным материалам… Самое важное отдельное замечание, какое я должен сделать, заключается в том, что большинство членов кабинета и все военные руководители Англии *считают, что вторжение неизбежно и близко. Они днем и ночью напрягают все усилия, чтобы подготовиться к его отражению. Они верят, что вторжение может произойти в любой момент, но не ранее 1 мая…* Дух народа и его решимость сопротивляться вторжению выше всяких похвал.

Как бы свирепо ни было нападение, вы можете быть уверены, что они будут сопротивляться и сопротивляться эффективно. Я уверен, что, если мы будем смело и быстро действовать на нескольких основных фронтах, мы сможем за несколько недель перебросить в Англию достаточно материалов, чтобы придать ей дополнительную силу, нужную для того, чтобы отбросить Гитлера…»

Третий срок на должности президента развил в Рузвельте сильнейшие диктаторские наклонности, не имевшие аналога в такой стране, как Соединенные Штаты. Внешне соблюдались все демократические процедуры, но фактически политику страны определял узкий круг лиц, направляемый президентом. Члены кабинета ничего не знали о планах и замыслах президента, особенно во всем, что касалось вопросов внешней политики. Как-то Рузвельт очень резко одернул министра внутренних дел Икеса, заявив ему: «Речь идет… о внешней политике, которой занимается президент и под его руководством государственный секретарь. Соображения в этой области сейчас крайне деликатны и весьма секретны. Они неизвестны и не могут быть полностью известны Вам или кому-нибудь другому, за исключением двух указанных лиц». Деликатные и секретные соображения сводились к тому, чтобы заставить какую-нибудь из эмоционально безответственных стран потерять терпение и объявить Америке войну. Тогда изоляционистам в конгрессе деваться было бы некуда. Он надеялся, что его речь о «садовом шланге» и вынос на рассмотрение конгрессу закона о «ленд-лизе», взорвет психически неуравновешенного Гитлера и тот одним махом, объявив Штатам войну, решит все его проблемы. Ведь еще ни одна страна, официально не

участвующая в войне, даже в мыслях не осмеливалась столь вызывающе вести себя с Рейхом Адольфа Гитлера.

Но Гитлер сдержался. По тону немецкой прессы было видно, что мина замедленного действия уже работает в душе фюрера, который никогда не забывал и не прощал подобного отношения к своей особе и к своей политике, которое ему уже в течение целого года приходилось терпеть со стороны Вашингтона. Но никто не мог сказать, когда эта мина сработает.

Оставались еще японцы, которые в своей азиатской непосредственности и самурайской гордыне тоже могли потерять все остатки здравого смысла и, ослепленные продуманным унижением, броситься на обидчика, не думая ни о каких последствиях, как пес, которому наступили на хвост.

Вместе с Кордуэллом Хэллом Рузвельт уже подготовил указ об эмбарго на торговлю с Японией, если та не прекратит экспансии в юго-восточной Азии. Затем будут заморожены все японские активы в американских банках. Два-три ультиматума с оскорбительными оборотами. Всего этого будет достаточно, чтобы оскорбленный самурай выхватил меч и был убит выстрелом в упор.

Готовя страну к войне, Рузвельт уже принял решение создать объединенную разведслужбу США и Англии, назвав это учреждение Управлением Стратегических Служб. Англичане с радостью согласились создать подобное учреждение, возглавляемое американцем. Официально у США никакого разведывательного органа не было. ФБР главным образом занималось контрразведкой и борьбой с преступностью. Военная разведка – своими специализированными делами, Разведка госдепартамента действовала в очень тесных дипломатических рамках. Глобальные же задачи, которые мыслил поставить перед своей страной президент Рузвельт, требовали и глобального разведывательного обеспечения.

Во главе нового разведывательного ведомства Рузвельт решил поставить довольно известного адвоката Уильяма Донована. Участник прошлой войны, полковник резерва армии, Донован обладал талантом добывать любую информацию и способностью втираться в доверие к самому дьяволу.

Вернувшийся из Европы, Донован был наполнен творческим оптимизмом. Гитлер уже мечется как старая крыса, попавшая в примитивную мышеловку. Он думает, что найдет выход в Греции, которую ему подставляет Черчилль в качестве кусочка сыра. Сейчас он точно нацелился броситься туда, а убедившись, что и там нет никакого выхода, вцепится в глотку Сталина, уже хотя бы потому, что именно тот втравил его в эту игру. Если, конечно, Сталин будет настолько дураком, что будет этого ждать и не прихлопнет своего берлинского дружка первым.

Это было бы очень прискорбно, заметил президент, поскольку, если Сталин влезет в Европу, он причинит нам гораздо больше головной боли, чем Гитлер, каждый шаг которого ныне легко прогнозируется. В принципе, согласился Донован, они гангстеры практически одного пошиба, но из разных банд. Ныне они собираются рэкетировать одно заведение, которое называется Европа, а это, как вам хорошо известно, господин Президент, всегда заканчивается перестрелкой. Причем далеко не всегда выигрывает тот, кому удалось выстрелить первым.

Рузвельт показал Доновану копию плана «Барбаросса», добытую Вудсом.

– Русские знают? – поинтересовался разведчик.

– Думаю, да, – ответил президент. – Если этот документ дошел до нас, то наверняка дошел и до них. Впрочем, Хэлл считает, что пока с нашей стороны не следует ставить об этом в известность Москву. С одной стороны, это может спровоцировать Сталина, а с другой – вспугнуть Адольфа.

– Не волнуйтесь, Фрэнк, – успокоил президента Донован, – Сталин никогда не нападет первым. Сейчас он остался, видимо, последним человеком в мире, который еще верит в операцию «Морской Лев», а Гитлер тратит огромное количество времени и ресурсов, чтобы Сталин в этом не разуверился. Сталин ждет его высадки в Англии, чтобы начать свой победный марш, а Гитлер уверяет всех, что где-то в конце июня или начале июля непременно высадится в Англии. А поскольку это абсолютно невозможно, то значит, что именно в это время он и нападет на своего лучшего друга. Готов держать пари на 10 долларов.

– Мне бы не хотелось так опрометчиво рисковать деньгами, Билл, – засмеялся Рузвельт. – Если все, что вы прогнозируете, сбудется – это замечательно, но боюсь, что жизнь может внести в теорию такие коррективы, которые для всех нас могут стать полной неожиданностью. И последнее, что я хочу вам пока сказать, Билл, при любом раскладе вы всегда обязаны исходить из главного: Гитлер уже сейчас наш враг, а Сталин – наш будущий союзник, которого само Небо создало для осуществления американской мечты, как любил выражаться еще Джефферсон.

– Признаться, – вздохнул Донован, – я, как ни стараюсь, но не вижу между этими двумя парнями большой разницы. Разве что Гитлер много откровеннее и более прямолинеен.

– Значит, дурак, – заключил Рузвельт, – а в таких играх опасно ставить на дураков. Кроме того, Билл, вы не видите между ними разницы только потому, что смотрите издалека. Когда вам удастся подойти поближе, вы убедитесь, что разница огромна.

28 января генерал Гальдер собрал совещание по вопросам практической подготовки к операции «Барбаросса». Картина получилась совершенно безрадостная. Транспорта не хватало катастрофически. Бензином армия была обеспечена на три месяца военных действий. Примерно на такое же время рассчитан и расход всех видов боеприпасов. Дизельного топлива – на один месяц военных действий. Другими словами, учитывая расходы на стратегическое развертывание, всех запасов хватит только на два полных месяца военных действий. Большинство автотранспорта придется мобилизовать из гражданского сектора. Автомобильных, авиационных и артиллерийских покрышек недокомплект более 70% [74]. Большинство грузовиков придется ставить на железные обода, как обозные телеги во времена тридцатилетней войны. Генерал Томас напомнил, что запасы натурального каучука в феврале придут к концу и что ввоз его осуществляется только через Россию. Помимо всего прочего, из чего делать подметки для солдатских сапог и противогазные маски?

Общее решение совещания генерал Гальдер зафиксировал в своем знаменитом дневнике: «Операция „Барбаросса“. Смысл кампании не ясен. Англию этим мы нисколько не затрагиваем. Наша экономическая база от этого существенно не улучшится. Нельзя недооценивать рискованности нашего положения на Западе. Возможно даже, что Италия после потери своих колоний рухнет и против нас будет образован южный фронт на территории Испании, Италии и Греции. Если мы будем при этом скованы в России, то положение станет еще более тяжелым».

Своими мыслями начальник генерального штаба поделился с Браухичем.

– У нас нет выхода, Франц, – вздохнул главком сухопутных войск. – Если Сталину удастся ударить первым, нам вообще конец.

– Не с нашими ресурсами, – возразил Гальдер. – Если мы не управимся максимум за пять месяцев, мы просто отсрочим на эти самые пять месяцев тот же самый конец.

– Фюрер считает, что если нанести сильный удар, то все там развалится, – ответил Браухич, – и Канарис считает, что это очень вероятное развитие событий.

Вся эта операция займет от двух недель – до месяца. Расчеты показывают реальную возможность полного разгрома всех русских группировок численностью порядка 8 миллионов человека.

– Все это я понимаю, – согласился Гальдер, – но все-таки от всего этого сильно несет авантюрой. Если произойдет какой-нибудь сбой, и кампания вместо пары месяцев затянется, скажем, хотя бы на пять, то наступит зима. Армия не имеет зимнего обмундирования. Бензиновые моторы наших танков, самолетов и грузовиков начнут выходить из строя. В войсках начнутся болезни, обморожения и тому подобное. Я обратил внимание фюрера на это обстоятельство, но он и слушать ничего не хочет. Армии не понадобится зимнее обмундирование, уверяет он, потому что «я не намерен воевать в России до наступления зимы». Все кончится на исходе лета. Хорошо, возразил я, но даже если все и кончится до наступления зимы, то войскам придется нести оккупационную и гарнизонную службу, стоять развернутыми на какой-то демаркационной линии и так далее. Им так или иначе понадобится зимнее обмундирование. Тогда он заорал: «Гальдер! Когда эта проблема возникнет, то я ее решу! Сейчас зимнее обмундирование только понизит боевой дух войск. Солдаты решат, что им придется воевать там до будущего лета!»

– В чем-то он прав, – заметил Браухич. – Если мы сейчас начнем готовить зимнее обмундирование, то наверняка встревожим русских, поскольку незаметно это сделать не удастся.

Затем генералы отправились обедать. Обед прошел, по словам генерала Гальдера, «в подавленном настроении».

Советский народ ждало еще одно исключительно радостное событие.

30 января газеты и радио опубликовали Указ Президиума Верховного Совета о том, что огромный карательный монстр НКВД разбух настолько, что разделился на два самостоятельных Наркомата – Внутренних дел и Государственной безопасности, а товарищ Берия Л. П. получил звание «Генерального Комиссара Государственной Безопасности», что соответствовало званию маршала Советского Союза. При этом как-то незаметно пришло сообщение о назначении товарища Меркулова В. Н. наркомом госбезопасности. И уж совсем ничего не сообщалось о том, что именно 30 января генерал армии Жуков приступил к исполнению своих новых обязанностей начальника Генерального штаба РККА.

Накануне поминовения Владимира Ильича нарком Тимошенко отдал секретный приказ «О зачислении в кадры Красной Армии начальствующего состава запаса, призванного по мобилизации» (№ 023), где говорилось:

«Начальствующий состав запаса, призванный в ряды Красной Армии по мобилизации на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от *23 сентября 1939 года* и задержанный до особого распоряжения согласно приказу НКО СССР за № 0110 от 3 июня 1940 года… зачислить в кадры… Народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза С. Тимошенко».

Этим замечательным приказом все офицеры запаса, призванные еще в 1939 году для похода в Польшу и на войну с Финляндией, должны были остаться в армии навсегда. В подавляющем большинстве – до конца жизни.

Просмотрев общие проработки своих предшественников: Егорова, Шапошникова и Мерецкова по операции «Гроза», – Жуков правильно решил, что если на дворе уже стоит февраль, а операция назначена на июль – август, то необходимо разворачивать войска, преобразовывать округа во фронты, формировать фронтовые штабы. То есть браться за дело

по-серьезному. Призвать в армию ещё 800 тысяч человек. Обязать промышленность еще более увеличить выпуск всех видов военной техники с учетом ее неизбежного «расхода» на первом этапе войны.

Понятно, что такие вопросы мог решить только Сталин, который, узнав о приезде Жукова из Киева, приказал ему быстро войти в курс дела и доложить.

Жуков входил «в курс дела» в течение недели «по 16 часов в сутки», консультируясь с многоопытным Шапошниковым и его старыми разработчиками: Василевским и Ватутиным.

8 февраля Тимошенко и Жуков направились к Сталину на ближнюю дачу. Вождь пребывал в хорошем настроении. Только что он посмотрел киноотчет об испытаниях реактивного миномета, позднее получившего название «Катюша». Действие «Катюш» оказало на вождя сильное впечатление, поэтому, не успели Тимошенко и Жуков войти, как вождь поинтересовался: знакомы ли они с новыми реактивными минометами.

– Только слышал о них, но не видел, – признался Жуков.

– Тогда, – приказал Сталин, – вместе с Тимошенко и Куликом вам надо в ближайшее время поехать на полигон и посмотреть их стрельбу.

Жестом радушного хозяина Сталин пригласил военных к столу и, по своей привычке, сам налил всем из супницы по большой тарелке густого украинского борща. На второе была гречневая каша с отварным мясом. На третье – компот и фрукты. Сталин, которого не покидало хорошее расположение духа, баловал военных шутками, угощал их грузинским вином «Хванчкара» и с удовольствием пил сам.

Но предложение Жукова встретил настороженно. Разворачивать фронты и фронтовые штабы? Фронт – это крупнейшая группировка вооруженных сил, создаваемая *только* в военное время. Фронт должен иметь службу управления, штаб. В его подчинении находятся несколько армий, авиадивизии, фронтовая система ПВО, специальные части связи, усиления, инженерные войска и, конечно, фронтовые тылы. Всего около миллиона солдат и офицеров. В мирное время никаких фронтов не существует. Существуют округа. Создание и развертывание фронта говорит о том, что мирное время кончилось и началось военное. А противник об этом узнает обязательно, поскольку скрыть подобное широкомасштабное мероприятие практически невозможно.

Поэтому Сталин сказал – нет. Рано еще. Мы спровоцируем немцев на первый удар.

Все натужно замолчали и стали с надеждой смотреть на присутствующего маршала Шапошникова, который до этого только слушал, но ничего не говорил. Тимошенко и Жуков смотрели на Шапошникова как на наиболее храброго в разговорах со Сталиным. Такова была его заслуженная слава.

Выбирая наиболее тактичные формулировки старорежимных выражений, используя в голосе профессорские интонации, объясняющие пациенту простым языком симптомы его сложного недуга, маршал Шапошников произнес краткую речь, которая сводилась к следующему.

Как товарищ Сталин вообще представляет себе операцию «Гроза»? Правительство принимает решение на ее начало, нарком обороны по прямой связи дает команду в пограничные округа и войска пошли. Нет, товарищ Сталин, так не делается. Нужно развернуть фронты и фронтовые штабы. Это дело долгое и муторное. Если мы начнем прямо сейчас, то дай Бог управиться к концу мая.

Сталин слушал внимательно. Он всегда слушал Шапошникова очень внимательно. Единственного глубокого военного профессионала, уцелевшего после страшной резни, устроенной Ежовым.

– Борис Михайлович, – возразил вождь, – но это спровоцирует немцев на упреждающий удар…

– Весь вопрос в этом и заключается, что удар первым может нанести только тот, кто первый развернет армии, создаст боевые фронты и органы управления ими. Наличие какого угодно количества войск в принципе не имеет большого значения, если не проведены указанные мероприятия. Например, на нашей западной границе в настоящее время находится от 70 до 99 дивизий противника. А мы спокойны. Почему? Не только потому, что этих сил слишком мало. И малыми силами можно нанести такой внезапный удар, последствия которого могут быть катастрофическими. А потому, что на нашей границе не развернуты фронтовые штабы или штабы армейских групп, как принято у немцев. То есть все эти дивизии, о которых так беспокоится товарищ Голиков и его подчиненные, просто не могут двинуться вперед. Другую картину мы наблюдаем на Западе. Готовя вторжение в Англию, немцы развернули три фронтовых штаба: два во Франции и один – на западном побережье Норвегии. Об этом свидетельствуют все разведданные и анализ радиоперехвата.

Наступило молчание.

– Продолжайте, Борис Михайлович, – сказал Сталин, окидывая всех настороженным взглядом.

Не втягивают ли его вступившие в сговор генералы в какую-нибудь авантюру.

– Кроме того, – продолжал Шапошников, – Гитлеру сейчас явно не до нас. Ему надо спасать от краха своего союзника – Италию. И делать это быстро. Поскольку времени на раздумья у него не осталось. 8 февраля конгресс Соединенных Штатов в первом чтении принял закон о так называемом «ленд-лизе». Это равносильно объявлению войны. По нашим данным, Соединенные Штаты будут готовы к вступлению в войну не позднее начала 1942 года. К этому времени они завершат первый этап своей впечатляющей программы вооружений. Однако все потуги Америки окажутся тщетными, если к этому времени Гитлер захватит Британские острова, ибо все планы Рузвельта основаны на переброске американских войск и боевой техники в Англию с тем, чтобы оттуда нанести удар по Европе. Это, конечно, теория. Лично я полагаю, что подобная десантная операция на практике абсолютно невозможна. Но дело не в этом. Вернемся к фактам. Чтобы уберечь себя от неминуемой катастрофы, Гитлер должен совершить высадку в Англии в короткий период благоприятной для этого погоды, который, по многолетним наблюдениям, устанавливается в проливе Ла-Манш примерно с начала июля до конца августа.

К этому времени, естественно, должны быть полностью готовы и мы, если мы хотим воплотить в жизнь задачи, поставленные партией и лично вами, товарищ Сталин.

– А ваше мнение, товарищ Жуков? – поинтересовался вождь.

– Я полностью согласен с мнением товарища маршала, – ответил начальник Генерального штаба. – Но я, свою очередь, хотел доложить вам, товарищ Сталин, что расчеты Генштаба диктуют необходимость призыва еще не менее миллиона человек.

Да, Сталин прекрасно понимал необходимость всех мероприятий, предложенных высшими руководителями Красной Армии, которых он сам тщательно отобрал и назначил на занимаемые ими посты.

Но ведь столь масштабных мероприятий не скрыть и они могут вынудить Гитлера не только отложить (или вообще отменить) грядущую высадку в Англии, но и, в свою очередь, принять меры против столь откровенной угрозы с Востока.

Вождь молчал. Молчали и все присутствующие, не осмеливаясь перебить ход мыслей вождя.

– Но если мы спровоцируем его своими мероприятиями, – медленно произнося слова, нарушил молчание Сталин. – И он нападет на нас, не дав нам закончить всю необходимую подготовку?

– Ну что он, псих, что ли? – вырвалось у генерала Жукова. – Как он на нас нападет, товарищ Сталин? Мы же докладывали вам, что не до нас ему сейчас. Он сейчас уже начал переброску крупных сил авиации на юг, в помощь итальянцам. Немецкие войска грузятся в Генуе.

– А если он псих? – перебил Сталин.

Разумеется, на этот вопрос никто из присутствующих ответить не мог, уже хотя бы потому, что никто толком не знал, кем считает Гитлера вождь всех народов. Влезешь со своим мнением, потом беды не оберешься.

Но сам Сталин ответить на этот вопрос мог.

С середины тридцатых годов в распоряжении Сталина находился проживающий в Москве известный берлинский психиатр доктор Артур Кронфельд. Уникальность доктора Кронфельда заключалась в том, что ему удалось провести психиатрическую экспертизу Гитлера. В мае 1932 года Гитлер подал в суд «за клевету» на некоего Вернера Абеля, обвинявшего будущего фюрера в получении 10 миллионов лир от итальянских фашистов. Скандал разразился по поводу того, что представленная в немецком парламенте партия национал-социалистов финансируется из-за границы, что было запрещено законом.

Поскольку с самого начала процесса истец и ответчик обвинили друг друга в ненормальности, суд, по взаимному требованию адвокатов, пригласил психиатра для официальной экспертизы обоих. Заключение доктора Кронфельда было однозначным: Гитлер ярко выраженный психопат с острейшими комплексами сексуальной неполноценности. «Гитлер среднего роста, – писал в заключении доктор Кронфельд, – узкие плечи, широкий зад, толстые ноги, тяжелая походка подчеркивает безобразное строение тела. Незначительный рот, небольшие мутные глаза, короткий череп, слишком большой подбородок подчеркивают известную дегенеративную примитивность… Он невероятно гримасничает, постоянно в каком-то беспокойном движении. Как многие резко выраженные психопатические личности, Гитлер ненормален в половом отношении… У Гитлера бывают судорожные эпилептические припадки». Психопаты такого типа, указывал доктор Кронфельд, склонны время от времени впадать в депрессии, откуда они обычно выходят в состоянии совершенно не контролируемой агрессивности. Неконтролируемая агрессивность позволяет забыть о риске и броситься на гораздо более сильного противника, который часто бывает не способен оказать адекватного сопротивления, находясь под воздействием мощного импульса энергии безумия. *Энергия безумия* – была именно той темой, исследованиями которой фундаментально занимался доктор Артур Кронфельд. Та же самая *энергия безумия* помогла Ленину повести за собой обманутые массы российской черни, загипнотизировав их незамысловатым лозунгом «Грабь награбленное». Незамысловатым, но гениальным, если разобраться в нем глубже, ибо микроскопическая грань отделяет гениальное от безумного.

После прихода Гитлера к власти, доктор Кронфельд сразу же покинул Германию, поскольку он был еще и наполовину евреем. В 1935 году профессор со своей женой и своим любимым ассистентом Эрихом Штернбергом появился в СССР. В отличие от других политэмигрантов, он очень хорошо устроился, получив шикарную квартиру, куда он вывез из Швейцарии свою богатейшую библиотеку, коллекцию французской эротической бронзы и роскошную мебель. Получив возможность богато практиковать в Москве, доктор Кронфельд лично консультировал Сталина, вместе с профессором Снежневским проводил психиатрические экспертизы для НКВД, занимался фундаментальными проблемами психиатрии, став автором ряда трудов и отцом советской сексопатологии.

В 1939 году, по заданию НКВД, Кронфельд опубликовал секретную брошюру, изданную типографией ЦК ВКП(б) тиражом 50 экземпляров и озаглавленную «Дегенераты у власти», где он давал тщательный психиатрический анализ всем руководителям Третьего Рейха. В

1940-41 доктор Кронфельд неоднократно вызывался в Кремль и на Лубянку, консультируя самых высоких лиц. Он выполнил и секретный заказ наркомата обороны, разработав методику отбора лиц, поступающих в авиационные училища, и набор психологических тестов для них [75].

Поэтому ответить на вопрос, поставленный Сталиным, псих Гитлер или нет, мог, как и водится, ответить только он сам. Это была любимая сталинская методика: самому ставить вопрос и самому на него отвечать. Но на этот вопрос Сталин так и не ответил до конца своих дней. Если один знаменитый психиатр признал Гитлера «психопатом», а другой – Сталина «параноиком», то в сущности, несмотря на разную терминологию, речь шла о замеченных ими отклонениях в работе головного мозга, а следовательно, и нервной системы, от тех критериев, которые принято считать нормальными. Поскольку мы ничего не знаем о собственном мозге, кроме самого факта его существования, то и не можем знать природу той могучей, гипнотической энергии, которую распространяет вокруг себя мозг, пораженный тем или иным недугом. Но почему-то овладеть массами, истребляя одних и сколачивая в шеренги других, ослепляя их и ведя затем разными дорогами в одну пропасть, удавалось только откровенным безумцам и эпилептикам. Это одна из наиболее интересных, тайн человечества.

9 февраля 1941 года, как в старые, добрые нельсоновские времена, эскадра английских кораблей, демонстрируя свое откровенное презрение к итальянскому флоту, появилась у мощной итальянской военно-морской базы и крупнейшего коммерческого порта Генуя. Английские корабли вышли из Гибралтара под командованием адмирала сэра Джемса Сомервилля, державшего флаг на линейном крейсере «Ринаун». За ним, пританцовывая в кормовой и килевой качке, подобно боксеру-тяжеловесу на ринге, ощерившись страшными стволами своих восьми пятнадцатидюймовых орудий, шел, опаленный еще огнем Ютланда, линейный корабль «Малайя». Крейсер «Шеффилд» возглавлял корабли прикрытия, а чуть мористее держался авианосец «Арк Ройял», чьи самолеты готовились поддержать действия линейных кораблей.

Развернувшись на боевой курс, «Ринаун» и «Малайя» начали бомбардировку Генуи, посылая на город и порт через каждые 40 секунд по 16 пятнадцатидюймовых снарядов.

Эффект был ужасающим. Огромные снаряды сносили многоэтажные здания в городе и порту. Тонули транспорты, с нагруженными на них немецкими танками и солдатами, предназначенными для переброски в Африку на помощь погибающей итальянской армии. Горели машиностроительные заводы фирмы «Ансальдо», пылали и рушились склады с боеприпасами, взрывались цистерны с нефтью.

Выпустив 400 снарядов, английская эскадра с достоинством удалилась потеряв 1 самолет.

В тот же день английские бомбардировщики обрушились на Мессину и Неаполь.

Начиная со 2 февраля, английская авиация день и ночь бомбила и порты Северной Франции: Шербур, Гавр, Кале, и бельгийский порт Остэнд, уничтожая доки, краны, причалы и склады, нещадно топя все транспорты противника, рискнувшие туда зайти.

10 февраля англичане сбросили воздушный десант, который, воспользовавшись внезапностью, захватил порт Калабрия на южной оконечности Италии, уничтожив все, что было возможно, в порту и захватив массу секретных документов и оборудования. Подошедшие эсминцы приняли десантников на борт и ушли, дав по порту несколько прощальных залпов.

И в Германии, и в Италии царила паника, поскольку возросшая активность английской авиации и флота явно показывала, что англичане задумали еще что-то новое, чтобы окончательно деморализовать деградировавших наследников великого Рима.

Еще 7 февраля пришла ошеломляющая новость: маршал Грациани, бросив своих солдат, бежал в Триполи, а оставленные им остатки некогда могучей итальянской армии, имевшей задачу восстановления Римской империи и ее былой славы, перестали существовать как организованная боевая единица. Для завершения кампании необходимо было захватить Триполи. Другими словами, просто доехать до этого порта на танках и грузовиках. Однако из Каира, от главнокомандующего английскими силами на Ближнем Востоке генерала Уайвелла поступил приказ остановить наступление на линии Эль Агейла – Марада, перегруппировать силы и ждать дальнейших распоряжений. Напрасно О'Коннор по радио пытался переубедить главкома, что его войска не нуждаются в отдыхе и могут развить наступление на Триполи, задав еще более стремительный темп, чтобы не допустить высадки на этой последней итальянской базе немецких войск.

12 февраля генерал Дорман-Смит прилетел в Каир, надеясь убедить Уайвелла немедленно возобновить наступление на Триполи – столицу Ливии, последнюю крупную военно-морскую базу, которая еще находилась руках итальянцев.

Едва войдя в кабинет главкома, Дорман-Смит увидел что со стен исчезли оперативные карты Ливийской пустыни, замененные картами Греции. Уайвелл информировал Дорман-Смита, что новый премьер-министр Греции Александр Коризис, едва вступив в должность, открыто призвал на помощь англичан. Из Лондона последовал приказ: немедленно приостановить наступление в западной пустыне, перенацелив основные силы своих войск на помощь Греции.

Историки до сих пор считают это решение Черчилля его самой крупной стратегической ошибкой в течение всей войны. Они с иронией отмечают, что главной «виной» Уайвелла и О'Коннора является то, что они слишком быстро расправились с итальянцами, сделав катастрофу вооруженных сил Муссолини слишком очевидной. Протяни они с этим еще месяца четыре, планомерно дожав итальянцев до Триполи, Гитлер, завязший в Советском Союзе, не мог бы начать своей африканской кампании, и союзникам не пришлось бы сражаться еще почти 2 года, чтобы окончательно утвердиться на всем африканском побережье от Атлантики до Суэца.

В этой смелой гипотезе в воздухе повисает только один вопрос: а произошло бы вообще нападение на Советский Союз, если бы Италия рухнула не в 1943, а в 1941 году?

Возможно, что эта крупнейшая стратегическая ошибка Черчилля была сознательной? Черчилль не был человеком, способным делать непродуманные шаги, а тем более – опрометчивые.

Увы, история не терпит сослагательных наклонений.

8 февраля генерал Эрвин Роммель был вызван к фюреру. Это не вызвало у него никакого волнения, ибо Роммелю, еще будучи полковником, пришлось командовать батальоном личной охраны Гитлера, сопровождающим фюрера в разных рискованных поездках. Например, в растерзанную Польшу перед взятием Варшавы в сентябре 1939 года.

Ранее Роммель воевал в Первой мировой войне, дослужился в кайзеровской армии до чина майора и был награжден высшим орденом тех времен – нашейным крестом «Пу ле Мерит» («За доблесть»).

После прихода Гитлера к власти полковник Роммель обратил на себя благосклонное внимание фюрера и был назначен руководителем военной подготовки «Гитлерюгенда» («Союза гитлеровской молодежи»). На этой должности он сразу же переругался с руководителем «Гитлерюгенда» Бальдуром фон Ширахом, создавшим вокруг себя гитлерюгендовскую элиту из шестнадцатилетних акселератов под лозунгом, что «молодежью должна руководить молодежь». Видя, как эти «сопливые фюреры» командуют своими подчиненными «штандартами» (полками), сидя в огромных сверкающих «мерседесах», как

будто они уже были фельдмаршалами, Роммель приходил в ярость и чуть ли не палкой гнал «фюреров» из «мерседесов» в строй. Те жаловались Шираху, а тот Гитлеру.

В результате этой склоки Роммель переведен командовать батальоном охраны, а после разгрома Польши Гитлер, заметив, что держать такого опытного и энергичного офицера на батальоне, пусть даже этот батальон его личной охраны, неразумно и сам предложил Роммелю перейти куда-нибудь с повышением.

«Чем бы вы хотели командовать?» – спросил Гитлер. «Танковой дивизией», – без секунды промедления ответил Роммель и получил в командование 7-ю танковую дивизию, которая, спустя некоторое время, смерчем пронеслась по дорогам Франции, делая по 150 километров за суточный переход. Наступая вдоль побережья канала, 7-я танковая за пять недель прошла от Бельгийской границы до Шербура, заслужив название «дивизия-призрак» за стремительность продвижения и неожиданность появления в тех местах, где противник этого никак не ожидал.

Гитлер принял Роммеля в присутствии Браухича. Фюрер сообщил генералу, что он назначен командиром особой группы, состоящей из 5-й легкой дивизии и части 15-й танковой дивизии, которые уже грузятся в Генуе для переброски через Триполи в Северную Африку, чтобы спасти Италию от полного краха. К концу мая Роммелю пообещали перебросить в Африку полностью всю 15-ю танковую дивизию. «Роммель! – патетически воскликнул Гитлер. – Спасите Муссолини. У нас во всем мире нет больше союзников, кроме него. Только враги!» «Больше врагов – больше чести, мой фюрер!» – процитировал Роммель кайзера Вильгельма II; которого враги давили со всех сторон.

«Именно, – сказал он, пожимая руку Роммелю, – чем больше врагов, тем больше чести! Ваш кайзер еще любил говорить, что Германия – меч в руке Бога. Сейчас Германия – меч в моих руках. Вы мой меч, Роммель!»

Когда 11 февраля Роммель прилетел в Рим, он уже знал, что в результате бомбардировки Генуи английскими кораблями и самолетами, его хилые силы, выделенные Гитлером, сократились почти на половину.

Но Роммель не растерялся. Приказав остаткам легкой дивизии и всему тому, что осталось от 15-й танковой, срочно грузиться на суда и следовать в Триполи. Следовать по одному, не привлекая конвоем внимания англичан. Затем, вместе с немецким военным атташе в Риме генерал-майором фон Ринтеленом, Роммель отправился в Вилла Торлония – дворец дуче, где был принят Муссолини. Прервав возвышенную речь дуче, Роммель немедленно перевел разговор в практическое русло, потребовав немедленного переподчинения себе всех уцелевших генералов африканской армии. Дуче пообещал, но, как всегда, ничего не выполнил. Прямо от дуче Роммель вылетел на Сицилию в штаб 10-го корпуса «Люфтваффе». За месяц боев корпус уже лишился примерно половины своих машин. Из оставшихся добрая треть нуждалась в ремонте. Горючего остался неприкосновенны запас. У итальянцев нет никакой службы раннего оповещения. Удары английской авиации постоянно застают врасплох.

На подобные плачи своих подчиненных Роммель никогда не обращал внимания. Приказав генералу Гейслеру подготовить часть сил к перелету в Африку и немедленно начать действия крупными силами против главной английской базы снабжения в Бенгази, Роммель 12 февраля вылетел в Триполи на транспортном «юнкерсе».

Провожавшие его в полет итальянцы, видимо, искренне надеялись, что самолет неистового немецкого генерала собьют по пути англичане и все проблемы с этой проклятой войной решатся сами по себе «за явным преимуществом противника», говоря спортивным языком. Закамуфлированный «Ю-52» стелился над самой водой и, проскочив под самым носом англичан, благополучно доставил Роммеля в Триполи 12 февраля. К своему величайшему изумлению, Роммель узнал, что англичане прекратили наступление на

Триполи. 6-я ударная австралийская дивизия перебрасывалась в Грецию, 7-я танковая английская дивизия грузилась на транспорта в Александрии, также направляясь в Грецию. Туда же была отправлена большая часть транспорта, средств артиллерийской и зенитной поддержки, боеприпасов и горючего. Фронт на линии Эль Агейла – Марада занимала необстрелянная 9-я австралийская дивизия неполного состава и 2-я резервная танковая дивизия, посаженная, за неимением другой матчасти, на кое-как отремонтированные трофейные итальянские танки.

С радостью приняв такой подарок судьбы, Роммель с нетерпением стал ожидать прибытия первых частей 5-й немецкой легкой дивизии, что ожидалось уже 14 февраля, моля Бога, чтобы англичане не перехватили в море и не перетопили одиночные транспорта, идущие с таким бесценным грузом из Генуи и Триполи.

Именно в тот день, когда эскадра адмирала Сомервилля, как воплощение несокрушимой морской мощи, громила генуэзский порт, капитан 2-го ранга Вольфганг Калер – старший артиллерийский офицер линкора «Гнейзенау» заметил с «вороньего гнезда» на мачте слабый дымок на горизонте. Об этом было немедленно сообщено на «Шарнхорст». Корабли отряда адмирала Лютьенса находились в северной Атлантике уже 6-й день, но пока не повстречали никого.

4 февраля, воспользовавшись снеговыми зарядами пришедшей из Арктики мглой, им удалось незамеченными проскочить мимо английского сторожевого крейсера через Датский пролив в Атлантику. Обратившись к экипажу, адмирал Лютьенс с нотками триумфа в голосе объявил: «Впервые в истории именно сегодня немецкие надводные корабли сумели прорваться через английскую блокаду в Атлантику. Впереди вас ждет еще больший успех!»

8 февраля оба линкора шли на параллели южной оконечности Гренландии, держась в тридцати милях друг от друга. Дул пронизывающий холодный ветер, нагоняя встречную волну, обрушивающуюся на палубы. Налетающие временами снежные заряды сводили видимость к нулевой.

На следующее утро ветер слегка стих, и корабли начали поиск добычи. Имеющаяся информация гласила, что вышедший 31 января из Галифакса конвой НХ-105 держится на северо-восточном курсе. Об охранении конвоя ничего известно не было. Лютьенс планировал подойти к конвою с юга на «Гнейзенау», взяв его затем в клещи с помощью «Шарнхорста», который должен был появиться с севера.

И вот в 08:30 9 января капитан 2-го ранга Калер с вороньего гнезда «Гнейзенау» заметил на горизонте дымок, а затем – кончики мачт. Корабли продолжали сближение, пробиваясь через бушующие волны, и в 09:47 на дистанции 17 миль штурман «Шарнхорста» капитан 2-го ранга Гельмут Гисслер опознал английский линкор «Ремиллес». Это был старый тихоходный (21 узел) корабль, построенный в 1916 году. Ему было не уйти от тридцатидвухузловых немецких линкоров и не догнать их. Но старый линкор нес восемь пятнадцатидюймовых орудий и в случае боя мог разнести в клочья оба немецких корабля.

Как только противник был опознан, Лютьенс немедленно приказал отменить акцию, помня о приказе, категорически предписывавшем любыми средствами избегать боя с английскими кораблями и особенно с линкорами. Экипажи кораблей были разочарованы и раздражены.

Гигантские волны захлестывали линкоры, с грохотом обрушиваясь на башни главного калибра, мостики и надстройки. Бортовая качка достигала 40 градусов, носовая часть кораблей уходила в воду по надстройку. Зенитные автоматы были повреждены и исковерканы. Волны смыли за борт почти все вентиляционные грубы. В нижних помещениях – у машин и котлов – людям нечем было дышать. Они теряли сознание на боевых постах.

Отряд находился в море уже 17 дней, еще никак себя не проявив. Погода продолжала неистовствовать и адмирал Лютьенс стал подумывать о возвращении в Брест.

Глава 14. Глухота

15 февраля 1941 года в Москве открылась XVIII Всесоюзная конференция ВКП(б), продолжавшаяся до 20 февраля. С докладом на партконференции выступил Георгий Маленков. Официальной темой доклада было положение в промышленности и на транспорте. И хотя доклад, как и положено, произносился на непереводимой «новоречи», его лейтмотивом было требование довести промышленность и транспорт до состояния полной мобилизационной готовности. «Полная мобилизационная готовность» – эта фраза постоянно звучала и в докладе, и в прениях. Речь шла, конечно, о предприятиях, работающих «на оборону», хотя уже никаких других предприятий в Советском Союзе практически не осталось. Вся промышленность страны глобальными амбициями Сталина была превращена в гигантский молот, кующий исключительно оружие в воплощение лозунга отца всех народов: «Вооружайтесь! Вооружайтесь! Вооружайтесь!»

В этом клубке ядовитых змей и смертельных интриг, в который была превращена вся общественная, экономическая и политическая жизнь страны, склока между армией и военной промышленностью занимала одно из самых первых мест по беспощадности и беспринципности. И как всегда, в центре склоки выступал сам отец всех народов. Как-то в разговоре со своим любимцем Андреем Ждановым Сталин заметил, что в годы гражданской войны, он помнит, была очень хорошая 107-мм полевая пушка. Ее очень любили красноармейцы. Такая пушка легко перевозилась лошадьми. Вот если сейчас ее бы установить на танки? Было бы здорово.

Поскольку речь шла о полевой пушке времен гражданской войны, то естественно, установить ее на танк было никак невозможно. Но мысль вождя была развита творчески. Жданов дал указание конструкторам Кировского завода в Ленинграде создать для танка 107-мм орудие. Те пришли в ужас. Для такого орудия необходимо было создать совершенно новый танк, а не тот, который уже шел в серию. Тем более, что уже была создана для серийных танков прекрасная 76-мм пушка. Не говоря уже о том, что для этой мифической 107-мм пушки не был еще создан и боезапас.

Жданов же тем временем уже заручился поддержкой маршала Кулика, занимавшего пост начальника Главного Артиллерийского Управления РККА. Узнав, кто «создатель» 107-мм пушки, Кулик немедленно отдал приказ снять с производства 76-мм орудие и начать изготовление любимой сталинской пушки, с тем чтобы ее можно было установить на новые танки.

Узнав об этом, нарком вооружений Борис Ванников пришел в ужас. Он наотрез отказался выполнять распоряжения Жданова и Кулика. Разразился скандал, в котором обе стороны апеллировали, естественно, к Сталину – на этот раз не только как к отцу всех народов, но и как к создателю нового орудия.

Для пущей убедительности Кулик сфабриковал липовую разведсводку о том, что немцы перевооружают свои танки новым 100-мм орудием, чего те и не думали делать. Ванников связался с ГРУ и получил разъяснение, что на немецких танках главным образом 45 и 50-мм короткоствольные пушки, на некоторых имеются 75-мм. «Маловероятно, – указывали эксперты, – чтобы немцы смогли за год обеспечить такой большой скачок в усилении танковой техники»…

Вскоре Ванников был вызван к вождю.

Тот хмуро спросил: «Что скажете вы по поводу предложения вооружать танки 107-мм пушкой? Товарищ Кулик говорит, что вы не согласны с ним. А пушки очень хорошие, я знаю их по гражданской войне…» К этому времени и сам Ванников уже хорошо знал, откуда дует

ветер. Но тем не менее он нашел в себе достаточно мужества, чтобы объяснить товарищу Сталину в наиболее мягкой форме всю абсурдность его неожиданной инициативы.

Сталин ходил по кабинету за спиной Ванникова и слушал.

В этот момент в помещение вошел Жданов.

Увидев его, Сталин с укором в голосе сказал: «Вот Ванников не хочет делать 107-мм пушки для наших ленинградских танков. Такие хорошие пушки, а делать не хочет. Почему?

– Ванников всегда всему сопротивляется, – подыграл «хозяину» фаворит. – Это стиль его работы.

И поглядел на наркома вооружений с таким видом, будто говоря: «Понял, щенок, против кого идешь?»

Ванников пытался снова возразить, но Сталин резко его оборвал, заявив, что все объяснения наркома ему известны: это граничащее с саботажем нежелание перестраиваться на выпуск новой продукции, что наносит ущерб государственным интересам и является в чистом виде вредительством.

Нарком вооружений похолодел, решив, что прямо из кабинета вождя его отправят на Лубянку, что очень часто практиковалось.

Сталин, подойдя к бледному Ванникову, с трудом поднявшемуся на ватных ногах со стула, с сильным грузинским акцентом произнес: «Нужно, чтобы вы не мешали. А поэтому передайте директорам предприятий указание немедленно прекратить производство пушек 45 и 76-мм и вывести из цехов все оборудование, которое не может быть использовано для изготовления 107-миллиметровых пушек».

Вопрос был решен, но Ванников не утихомирился. На заседании государственной комиссии по этому вопросу он прямо сказал Жданову: «Вы перед войной допускаете разоружение армии!»

Ему это не забыли.

Не забыли ему и то, что ещё в 1937 году Кулик дал на Ванникова материал, позволявший усомниться в его безграничной преданности товарищу Сталину, что позволяло его, как, впрочем, и любого другого, вычеркнуть из жизни когда заблагорассудится. Впрочем, сам Ванников тоже не остался в долгу и дал на Кулика такой убийственный материал, что Кулика пришлось расстрелять, а сам Ванников сподобился умереть своей смертью, дотянув до шестидесяти пяти лет.

Иногда вождь оказывал наркому вооружений огромное доверие, информируя Ванникова о грядущих арестах и как бы желая выслушать его мнение на этот счет. Как-то в середине февраля 1941 года Ванников был удостоен чести ужинать на квартире Сталина. Вождь был угрюм и неразговорчив, хотя обычно, видимо, по старой кавказской традиции, за столом был весьма весел и словоохотлив.

«Среди военных инженеров, – проговорил наконец Сталин, – оказались подлецы. Их скоро арестуют». И дал Ванникову список ознакомиться. Ванников посмотрел. У него застучало в висках. На уничтожение были назначены его близкие коллеги, ценнейшие сотрудники, выдающиеся создатели нового оружия. Чувствуя на себе пристальный взгляд вождя, нарком молча кивнул головой. Сталин взял список, сложил его вчетверо и сунул в карман френча. Он не показал Ванникову другого списка, который открывался его собственной фамилией. Но Ванников и без этого мог понять, что если в скором будущем будут арестованы его ближайшие сотрудники, то НКВД получит такое количество показаний на него самого, что и в его дальнейшей судьбе можно было не сомневаться. Но уж такова природа человека, постоянно живущего под дамокловым мечом, что он до последней секунды надеется на лучшую долю. В данном случае надежду давал тот факт, что вождь сам

пригласил к себе наркома вооружений и оказал ему огромное доверие, ознакомив со списком обреченных.

Ванников просто плохо знал Сталина.

А кто его знал хорошо? Никто.

Даже ближайшие сотрудники, парализованные страхом и загипнотизированные его волей, мало что могли сказать для лучшего понимания логики его мыслительного процесса и процесса принятия решений. Но ведь кто-то все-таки ловко манипулировал этими процессами? Как случилось то, что Сталин полностью выполнил все пункты сценария второй мировой войны, о которых якобы даже не имел понятия? Сколько по идее, ему должны были бы заплатить американцы за его самое гениальное изречение о том, что «кибернетика – чуждая марксизму жидовская наука», что обеспечило американцам доминирование над миром на все обозримое будущее.

Что дала запущенная им кампания «по борьбе с космополитизмом», кроме окончательного становления государства Израиль и резкого роста еврейского капитала с одновременным разрушением всего того, что еще оставалось от международного рабочего движения.

Аллен Даллес, привлеченный Уильямом Донованом к работе в американской разведке, еще до официального вступления Соединенных Штатов во вторую мировую войну, составил любопытную записку на имя президента Рузвельта, где указывал, что ахиллесовой пятой Советского Союза является уход от официального «интернационал-социализма» к «национал-коммунизму» как к более чудовищной форме немецкого «национал-социализма». В этом случае, указывал Даллес, Советский Союз неизбежно рухнет и распадется на дюжину псевдонезависимых государств. Чтобы достичь этого, необходимо всего лишь развить в России националистические тенденции.

Как же случилось то, что Сталин выполнил практически все, о чем говорилось в записке первого директора ЦРУ?

На эти вопросы ответов нет. Пока нет, поскольку их еще никто не ставил. Но в них не так уж сложно разобраться, даже не заглядывая в «Особые папки Политбюро».

Даже не предполагая какого-либо злого умысла, можно с уверенностью заявить, что, когда человек, не имеющий даже автомобильных прав, садится за штурвал огромного авиалайнера, каким является государство, это неизбежно приведет к катастрофе, что и случилось.

Мины замедленного действия, подложенные под нашу страну, сначала Лениным, а потом и товарищем Сталиным, сработав, разнесли Советский Союз в клочья, и дай Бог, чтобы они не разнесли Россию. Но не будем забегать вперед…

Генерала Проскурова между тем перевели в тюремную спецбольницу, подлечили. Срастили поломанные ребра и раздробленные пальцы. У медиков больше озабоченность вызывали отбитые почки. Врачи считали, что бывший генерал от силы протянет год-полтора. И рекомендовали чекистам несколько снизить интенсивность допросов, предупредив, что на каждом допросе бывший начальник ГРУ может неожиданно скончаться.

Но как можно было уменьшить «интенсивность допросов», когда уже во всей своей красе вырисовывался очередной мощный военный заговор с целью государственного переворота и реставрации власти помещиков и капиталистов.

Мозг заговора находился где-то в недрах Генерального штаба, откуда зловещие нити вели в Управление ВВС, в Наркомат Вооружений, в Главное Разведывательное Управление РККА и через агентуру последней – в столицы ряда капиталистических стран. В первую очередь: Германии, Англии и Японии. Два следственных отдела на Лубянке работали

круглосуточно, составляя списки подозреваемых, вычерчивая схемы и линии связи, видя при этом, как зловещие нити сплетаются в не менее зловещую паутину, готовую накрыть армию и все планы партии и правительства, как это уже произошло в не таком уж далеком 1937 году, когда все глобальные планы товарища Сталина были сорваны заговорщиками, опутавшими страну такой сетью, из которой, казалось бы, и не существовало выхода. Но гений товарища Сталина нашел тогда выход. Он найдет его и сейчас…

Секретное Постановление Политбюро

Особая папка от 19 февраля 1941 г.

О развертывании фронтов на базе пограничных военных округов

«На базе Ленинградского Военного округа, Прибалтийского Особого Военного округа, Западного Особого Военного округа и Киевского Особого Военного округа создать и развернуть фронты и фронтовые штабы.

…Созданные фронты отныне именовать соответственно:

1. На базе ЛВО – Северным фронтом.

2. На базе ПБОВО – Северо-Западным фронтом.

3. На базе ЗПОВО – Западным фронтом.

4. На базе КОВО – Юго-Западным фронтом…

11. В связи с абсолютной секретностью указанного мероприятия окружная система полностью сохраняется и передается заместителю командующего фронтом по территориальному управлению, который после ухода войск фронта с указанной территории вступает в полные права командующим тыловым военным округом».

Визируя это постановление «Политбюро», Сталин с сомнением сказал Жукову: «Путаница только начнется, штабы эти переругаются между собой, кому какие приказы отдавать. Порядка не будет».

Великий вождь, как в воду глядел. Слишком сложная была задумка для неуклюжей советской военной машины. «Порядок наведем, – твердо пообещал новый начальник Генерального штаба, – порядок будет. А иначе никак нельзя, товарищ Сталин».

Сталин понимал, что иначе нельзя, но его самого немного пугал размах затеянных мероприятий. Но нравилось, как горячо взялся за дело новый начальник Генерального штаба. И времени оставалось совсем немного. Нужно было спешить.

Умница Деканозов через свою агентуру в Берлине добыл замечательные сведения о плане-графике подготовительных мероприятий Германии для вторжения в Великобританию летом текущего года.

Вместе с тем на побережье Северной Африки предполагается высадить несколько пехотных и танковых дивизий для нанесения англичанам решительного поражения и вытеснения их на первом этапе за линию Суэцкого канала с захватом Александрии и Порт-Саида.

В самое ближайшее время немецкие войска намерены нанести удар по Греции с целью уничтожения развернутых там английских экспедиционных сил и захвата островов Эгейского моря, включая Крит, где созданы английские базы.

В Ливийском порту Триполи высадились первые немецкие пехотные и танковые части под командованием известного по боям во Франции немецкого генерала фон Роммеля (так в тексте – И. Б.), который уже развернул в пустыне боевые штабы.

Источники в министерстве авиации Германии подчеркивают, что английская разведка частично вскрыла намеченный план действий немецкого командования и уже фактически открыто цепляется за последнюю возможность спасения, которую видит в стравлении между собой Советского Союза и Германии.

Вместе с сообщением Деканозова Сталин получил справку Генерального штаба об экспертизе документа, имеющего название «План Барбаросса». Тщательное исследование показало, что «…данный документ никак не может представлять плана кампании, разработанного специалистами в любом Генеральном штабе. В плане отсутствуют общая идея операции, график которой взят буквально с потолка. Обращает внимание тот факт, что три группы армий („Север", „Центр" и „Юг") собираются наступать вглубь территории СССР по расходящимся направлениям, чего ни один стратег не мог бы себе позволить. Фактически „План Барбаросса" является очень грубой фальшивкой и представляет из себя не что иное, как план-график введения войск кайзеровской Германии на территорию Прибалтики, нынешней Белорусии и Украины в 1917-1918 гг. после крушения Восточного фронта и подписания Брест-Литовского мирного договора».

С этой оценкой «Плана Барбаросса» совершенно не был согласен начальник Информационного отдела ГРУ подполковник Новобранец. Получив от генерала Голикова копию документа, подполковник засел за его изучение и пришел к выводу, что план не является английской или чьей-то другой фабрикацией. Это подлинный документ, и все говорит о том, что немцы уже приступили к его осуществлению.

– Ты как будто не две академии окончил, – не желая обострять отношений со своим настырным подчиненным после реакции Сталина на «Сводку № 8», миролюбиво заметил Голиков, а и простого училища не кончал. Ты гляди, как здесь задумано наступление: одна группа прет на Ленинград, вторая – на Москву, третья – на Киев. И с каждым днем они все дальше удаляются друг от друга. Тут еще наступление предусмотрено с территории Румынии, а там вообще нет развернутых сил. Войска просто идут транзитом через румынскую территорию.

Голиков обычно бил своего подчиненного двумя «козырными тузами»: отсутствием на советской границе немецких штабов фронтового управления и отсутствием у немцев зимнего обмундирования.

Подполковник Новобранец, однако, уже нащупал под Варшавой, пока замаскированный под какое-то интендантское управление, штаб группы армий. Более того, в 15 километрах от Бреста его агентурой был обнаружен штаб танковой группы, пока законсервированный.

Второй фронтовой штаб был обнаружен Новобранцем в районе Тильзита. Там же, как гриб на общей грибнице, притулился и штаб еще одной танковой группы. Оба штаба, естественно, вели полулетаргическое существование, чтобы не быть обнаруженными раньше времени.

Голиков, а вместе с ним и руководство Генштаба, склонялись к мысли, что это временные штабы, управляющие переброской войск в южном направлении.

Подполковник Новобранец в специальной докладной на имя начальника Генштаба пытался доказать, что это не так. Штабы явно нацелены на восток. Он понял, что это постоянная и мощная концентрация немецких войск на границе с СССР неизбежно сорвет «Грозу» и в лучшем случае создаст непонятную патовую ситуацию, когда обе стороны лишатся даже теоретической возможности достижения внезапности и вынуждены будут топтаться на месте.

Он предлагал нанести удар, не дожидаясь переброски основной массы немецких войск на Запад, которого можно и вообще никогда не дождаться, а нанести удар не позднее первых чисел апреля, когда немецкие войска будут связаны операциями в Греции. Прямой удар через Румынию на Югославию (которую можно и нужно сделать союзной) отрезал бы находящиеся в Греции немецкие войска от находящихся в Польше и Восточной Пруссии, которые разгромить по последнему откорректированному плану на 1 января 1941 года. Педантичный подполковник даже нарисовал схему предстоящих боевых действий.

Бумага вернулась в ГРУ с резолюцией Жукова: «т. Голикову. Умерьте воинственность своих починенных».

Но Новобранец не успокоился и, на основании новых данных, составил еще одну докладную, доказывая, что по меньшей мере два фронтовых штаба из трех, развернутых на западе якобы для вторжения в Англию, являются бутафорскими.

Никакой реакции на эту бумагу не было. Возможно, Голиков ее перехватил по дороге. А возможно, что Жуков ее прочитал и, как часто с ним бывало, ничего не понял.

А вот второго «козырного туза» Голикова: а почему немцы, если они готовятся на нас напасть, не запасаются зимним обмундированием, даже подполковник Новобранец побить не мог.

Сам искал ответа на этот вопрос, но ответа не было.

Берлин, 22 февраля 1941 г. – 06:25.

Москва, 22 февраля 1941 г. – 11:00.

Главе дипломатической миссии или его представителю лично.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТАЙНА.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

Должно быть расшифровано лично.

№ 353 от 21 февраля.

В телеграфной инструкции за № 36 от 7 января было сделано указание на то, что в течение какого-то времени желательно поддерживать неопределенность в сообщениях о количестве германских войск и что в подходящее время будет сообщено о полной мощи войск. Теперь это время пришло.

В Румынии в боевой готовности находятся 680 000 (шестьсот восемьдесят тысяч) германских войск. Среди них очень высокий процент технических войск, особенно бронетанковых сил, с самым современным вооружением. В тылу этих войск, в Германии, находятся неисчерпаемые резервы, в том числе регулярные войска, сосредоточенные на германо-югославской границе.

Я прошу членов дипломатической миссии и возможных доверенных лиц начать приемлемым способом во впечатляющей форме давать знать об этой силе, указывая, что ее более чем достаточно, чтобы справиться на Балканах с любым непредвиденным обстоятельством с любой стороны…

Риттер»

Неизвестно, кого хотели напугать немцы, распространяя подобные слухи, хотя, как правильно определила советская разведка, их в Румынии было не более 450 тысяч. Четыре

армии, 10 отдельных корпусов и 12 авиадивизий нависшего над немецкими флангами Киевского Особого Военного округа, уже преобразованного в Юго-Западный фронт, превосходили немецкую группировку почти втрое по численности личного состава и почти в четыре раза по количеству танков и самолетов.

А если учесть, что на Северном Кавказе для Юго-Западного фронта формировались еще две армии, то и говорить смешно о том, что немецкая «утечка» напугала кого-нибудь в Кремле. Дело уже дошло до того, что генерал Кирпонос решительно отказывался командовать такой огромной группировкой и бомбардировал Москву проектами разделить Юго-Западный фронт (для повышения эффективности управления) на два фронта: Юго-Западный и Южный. Жуков нашел эту идею достойной обсуждения. Сталин промолчал, обещая подумать.

В вопросах управления войсками Сталин понимал мало да и не вникал в них особо. Пусть Генштаб представит обоснование, тогда решим.

Сталина заботили более простые, но с его точки зрения, важные вопросы. Скрытая мобилизация, непрерывно ведущаяся с сентября 1939 года, уже довела армию до немыслимой в мирное время численности, приближающейся к 8 миллионам человек. Кроме проблем в хозяйственной жизни страны, которые были частично решены массовой мобилизацией в промышленность и сельское хозяйство женщин и подростков, мобилизация породила и внутриармейские проблемы, связанные с управлением такой огромной массы людей. В частности, обнаружилась довольно сильная нехватка командиров нижнего звена. В частности, командиров взводов, рот и команд. Сталин посоветовался с Тимошенко и Жуковым. Выход нашли быстро. Спрашивается, зачем пехотному лейтенанту учиться целых два года, когда все, что надо, ему дают за первые полгода обучения?

Действительно, нужно подумать о переводе сухопутных военных училищ на шестимесячное обучение. А пока необходимо ускорить выпуск 2-х курсов – и в строй!

Советские газеты подробно комментировали последнюю публичную речь Гитлера, в которой фюрер снова, грозя Англии страшными карами, ни словом не обмолвился о Советском Союзе.

Оно было и понятно. Все мысли фюрера были заняты дипломатической игрой на Балканах, чтобы заставить Болгарию и Югославию присоединиться к странам Оси. Обе страны явно этого не хотели. Особенно Болгария.

Гитлеру было легче. Он мог грозить прямым вторжением с предварительной воздушной бомбардировкой Софии, что оказывало страшное воздействие на нервного и впечатлительного царя Бориса.

Впрочем, у товарища Сталина был рычаг воздействия на болгар, правда в эффективности его к февралю 1941 года великий вождь уже успел почти полностью разочароваться.

На одной из тогдашних окраин Москвы, вблизи Выставки достижений сельского хозяйства, в тиши парка находился солидный четырехэтажный дом-особняк, построенный в конце 30-х годов в архитектурном стиле «раннего сталинского ампира». В этом доме обосновался Исполнительный комитет Коминтерна, председателем которого являлся Георгий Димитров – герой нашумевшего в свое время Лейпцигского процесса, болгарин по происхождению.

Давно уже канули в лету те времена, когда шумные съезды Коминтерна проходили на немецком языке, а делегаты, ликуя, разъезжались из Москвы с чемоданами, набитыми золотом, бриллиантами и валютой. Когда секретарь Коминтерна – очаровательная Анжелика Балабанова – общая любовница Ленина и Муссолини – получила целые ящики, набитые фунтами, франками и долларами с неизменными ленинскими наставлениями «не стесняясь

тратить любые деньги на наше общее дело». Когда мировая революция должна была вот-вот передать всю власть в мире кремлевским авантюристам.

Об этих временах уже никто не помнил и не осмеливался вспоминать.

Товарищ Сталин учинил Коминтерну такой разгром, перед которым меркли все Варфоломеевские ночи истории. Из некогда могучей и представительной «русской секции Коминтерна» разве что одному Калинину посчастливилось умереть в собственной постели. За небольшим исключением та же судьба постигла и иностранцев. В итоге к середине 30-х годов Коминтерн превратился в обычное подразделение НКВД, что-то среднее между отделом и управлением, со своими, как и у каждого отдела, специфическими задачами.

Задачи, решаемые исполкомом Коминтерна, постоянно сужались, а после позорного провала испанской авантюры были сведены к минимуму.

Какое-то время при исполкоме Коминтерна работал и пропагандистский отдел. Одним из наиболее громких дел пропагандистов была операция, провернутая немецкой коминтерновкой Марией Остен, которая в период особо плохих отношений между Сталиным и Гитлером привезла в СССР из Германии десятилетнего немецкого мальчика Губерта Лосте и состряпала нашумевшую в то время книгу «Губерт в стране чудес», где немецкий мальчик не переставал буйно радоваться всему увиденному в СССР, проклиная при этом все, что оставил на Родине. Предисловие к этой книге написал сам Георгий Димитров. Эту книгу читали вслух в школах и домах пионеров, по радио, отрывки публиковались в газетах. Фотография самого Губерта заняла почетное место среди прочих «героев-пионеров» рядом с фотографией Павлика Морозова. После подписания пакта в 1939 г. вся операция потеряла смысл. «Писательница» Мария Остен была расстреляна как «немецкая шпионка», а несчастный Губерт Лосте отправлен в ГУЛАГ, где и умер.

Почти такая же судьба ожидала американского малолетнего преступника Гарри Айзмана, которого удалось привести в СССР как раз в тот момент, когда разгневанная американская Фемида, несмотря на всю свою демократичность, хотела выдать юнцу полновесный тюремный срок за уличный разбой и нападение на полицейских. Гарри с триумфом возили по стране, устраивали в его честь истерические митинги, где малолетний борец с капитализмом выступал с пламенными речами.

Наконец он всем надоел, был обвинен в шпионаже и отправлен в ГУЛАГ, где просидел семь лет. Все организовавшие его доставку в Союз коминтерновцы были, от греха подальше, расстреляны…

Среди нерасстрелянных деятелей Коминтерна к концу февраля 1941 года оставались Георгий Димитров, Иосиф Тито и еще десяток-другой мелкотравчатых авантюристов, которых вождь всех народов предполагал везти в обозе «Грозы» и по мере продвижения на Запад сажать на маленькие диктаторские троны в соответствующих странах, прекрасно понимая, что и на этих тронах их никогда не будет поздно расстрелять, если понадобится.

Существовал вариант получения призыва о помощи от истинного народного правительства Болгарии, возглавляемого, естественно, товарищем Димитровым и перехваченного по радио.

Димитров клялся великому вождю, что он все организует. Встречались они совсем недавно, 18 февраля, когда Сталин вызвал председателя Исполкома Коминтерна к себе на дачу. Гостеприимный вождь, хотя и лично разливал харчо по тарелкам, а «Кахетинское» – по рюмкам, слушал с сомнением на лице. Генерал Жуков уже успел просветить вождя в том, что от пролетариата, особенно европейского, ничего хорошего ожидать не приходится. Бездельники из Коминтерна уже морочат нам голову больше двадцати лет, а не смогли организовать ни одного пролетарского восстания, на которых была основана вся наступательная доктрина Красной Армии.

Нужно, указал Жуков, связываться не с этими мошенниками, а непосредственно с генеральными штабами, предлагая им конкретную помощь.

Жуков, используя контакты ГРУ и НКВД, уже установил связь с генеральными штабами Болгарии и Югославии. Болгарские военные в эйфории славянской солидарности прямо сказали Жукову, что, сумей Советский Союз ввести в Болгарию свои войска раньше немцев, никаких бы проблем не возникло. Армия всегда бы убедила и царя, и премьера в том, что это самый лучший выход из положения. То, что при этом «самом лучшем выходе» всем им прямиком пришлось бы отправиться в ГУЛАГ или встать к стенке, никто из них не предвидел, а посланцы Жукова, разумеется, не объясняли. Главное было другое: на данном этапе ввести войска в Болгарию не представлялось возможным.

1 марта 1941 года в Вене премьер-министр Болгарии профессор Филов подписал акт о присоединении своей страны к «Тройственному пакту». Подписание происходило торжественно в присутствии Гитлера, который удостоил болгарского премьера рукопожатия и нескольких слов о традиционной и принципиальной позиции Болгарии по отношению к панславянизму и прочим глупостям, связанным со славянской солидарностью. Со стороны немцев договор подписал Риббентроп, со стороны итальянцев зять Муссолини, граф Чиано. Одетый в простой штатский костюм Филов плохо смотрелся на фоне своих воинственных коллег, щеголявших в блестящей униформе.

Не успела подпись болгарского профессора-премьера высохнуть, как немецкие танки и мотопехота двинулись по мостам через Дунай.

Построившиеся журавлиным клином «юнкерсы» зачернели в болгарском небе, низко проревев моторами над Софией, то ли приветствуя нового союзника, то ли давая понять, что ждало бы болгар, окажись они менее сговорчивыми.

В тот же день МИД Германии получил телеграмму от Шуленбурга, ретранслированную в поезд, на котором Гитлер и Риббентроп возвращались из Вены.

«№ 444 от 28 февраля. Получена 1 марта 1941 г. – 02:10.

Срочно! На телеграмму № 403 от 27 февраля.

Я посетил господина Молотова этим вечером и выполнил инструкцию № 1. Молотов воспринял мое сообщение с понятной тревогой и заявил: «…мнение советского правительства, что Болгария входит в зону безопасности СССР, остается неизменным».

Пока весь мир узнавал из газетных сообщений, что два главных европейских хищника начали впервые публично рычать друг на друга из-за неподеленной добычи, почти незамеченным прошел факт прибытия в Лондон нового американского посла Джона Винанта. Мало кто обратил внимание и на то, что на перроне вокзала, вопреки протоколу и традиционному этикету посла встречал даже не Черчилль, а сам король Великобритании Георг VI, одетый в военную форму. Такой чести еще никому оказано не было.

Посол информировал Черчилля, что закон о «ленд-лизе» будет утвержден конгрессом в пределах ближайших двух недель. Непредвиденные случайности практически исключены. В Англию в ближайшее время прибудет специальный уполномоченный американского президента но «ленд-лизу» господин Гарриман в ранге посланника.

Некоторая отсрочка принятия закона о «ленд-лизе» была вызвана ожесточенными спорами вокруг одной фразы рассматриваемого закона, где говорилось, что «ленд-лиз» может быть распространен на «*любую страну* , оборону которой президент считает жизненно

важной для обороны Соединенных Штатов». Пока речь шла о Великобритании, Греции и Китае – все шло хорошо и гладко. И тут, как поведал Винант Черчиллю, кто-то из республиканцев поинтересовался, не означает ли подобная фраза в законе, что американская помощь может быть оказана, например, и Советскому Союзу, если так решит президент.

– А почему нет? – пожал плечами Рузвельт.

Республиканцы и изоляционисты закатили скандал. Зал заседаний конгресса был оглашен их далеко не парламентскими воплями. Вся Америка придет в ужас даже от одной мысли, что американского налогоплательщика могут заставить оплачивать какие-нибудь очередные авантюры Сталина и его Красной Армии!

По этому вопросу оппозиционеры развернули настоящее сражение, и некоторые советники Рузвельта призывали его согласиться на компромиссное решение, которое исключало бы Советский Союз. Но президент был тверд. План «Барбаросса» лежал у него в сейфе, и он верил, что все произойдет именно так, как в этом плане и написано. А если это произойдет, СССР будет отчаянно нуждаться в американской помощи.

– Вы считаете, что они все-таки сцепятся? – поинтересовался Черчилль у нового посла, который, в отличие от своего предшественника старого Джозефа Кеннеди, был настроен гораздо решительнее и больше говорил, чем молчал.

– По крайней мере, президент в этом абсолютно уверен, – ответил Винант. – Наши ребята в Берлине добыли подписанный Адольфом план нападения на Сталина. Билл Донован уверяет, что кое-кто из его парней в Москве видел аналогичный план нападения на Германию, подписанный самим Сталиным. Так что они сцепятся обязательно и хотелось бы, чтобы избавить нас от дополнительной головной боли, чтобы это произошло побыстрее и первый ход сделали в Берлине. В противном случае как бы и вам, и нам не пришлось бы иметь дело с красным вариантом операции «Морской лев».

К этому времени англичане, конечно, тоже уже знали о плане «Барбаросса». Знали англичане и о планах Сталина, запечатанных в красные конверты с надписью: «Вскрыть по получении сигнала „Гроза“. Знали в Лондоне и то, что сигнал „Гроза“ последует после вторжения вермахта на английские острова. И хотя все английское руководство отлично понимало, что такой высадки никогда не произойдет, они с каждым днем все более убеждались в очевидном сдвиге стратегии Гитлера против Англии. И активизация морской войны, и переброска войск в Северную Африку, и переброска авиации на Сицилию, и явная подготовка удара по Греции – все говорило о том, что Гитлер демонстративно определяет Англию как главного противника. Но порты северной Франции и Норвегии и прилегающие к ним территории, объявленные немцами закрытой зоной, были пусты. Никакой концентрации войск там не отмечалось. Было отмечено еще одно непонятное явление: немецкие торпедные катера, идя полным ходом по Ла-Маншу, вели активный радиообмен с какой-то непонятной радиостанцией в Гавре, выдающей себя за штаб группы армий. Агентурная разведка докладывала, что никакого штаба группы армий в Гавре и его окрестностях не развернуто. Что это: отработка управления десантными силами или какая-то очередная мистификация?

– Президент только боится, – рассмеялся новый американский посол, – что Гитлер завязнет в Греции и не успеет в этом году высказать Сталину все, что он о нем думает. Насколько нам известно, вы уже там собрали целый экспедиционный корпус в 50 тысяч человек. А ваши солдаты славятся тем, что за любым деревянным забором могут обороняться в течение нескольких лет.

– Президент опасается, – продолжал Винант, что, если он застрянет в Греции, – могут произойти совсем непредвиденные события. Впрочем, я передаю вам мнение президента. Сам я в этих вопросах разбираюсь плохо. Но вы не хуже меня знаете, что сегодня немецкие войска вошли в Болгарию.

Вход немецких войск в Болгарию не был неожиданностью ни для кого, а уж тем более для Черчилля. Он ждал этого события давно, еще когда получил сообщение о вторжении итальянской армии в Грецию. И с тех пор он пытался организовать немцам капкан на Балканах.

Черчилль замыслил сколотить для сопротивления Гитлеру союз из Греции, Югославии и Турции, обещая немедленную помощь английской авиацией и флотом.

Турция не желала вмешиваться ни во что, одинаково страшась и немцев, и русских. Особенно русских. Советские войска в Закавказье откровенно проводили съемку турецкой территории, вели разведку местности, а характер их учений не оставлял сомнений, куда они собираются наступать и какие у них планы. Неожиданная переброска трех советских горно-стрелковых дивизий из Закавказья на Украину, где, как известно, никаких гор не было, скорее удивил турок, но не успокоил.

С немцами связываться было не менее опасно. Совсем недавно Черчилль направил специальное послание президенту Турции Иненю, где, в частности, писал:

«Быстро возрастающая угроза Турции и британским интересам заставляет меня, г-н президент, обратиться к Вам непосредственно. Немецким эскадрильям нужно лишь перелететь с их аэродромов в Румынии на те базы, которые для них готовятся в Болгарии, и они смогут немедленно вступить в бой. Затем… немцы будут полностью контролировать все выходы из Дарданелл и таким образом добьются полного окружения Турции в Европе с трех сторон… Поэтому я предлагаю, г-н президент, чтобы мы с Вами приняли для обороны Турции те же меры, которые немцы осуществляют на болгарских аэродромах…»

Ответ из Анкары более напоминал глухой стон тяжелобольного, который просит только об одном – дать ему умереть спокойно.

С Югославией дело тоже не ладилось. Принц Павел – регент королевства, не желал вообще ни с кем связываться, прилагая усилия только к тому, чтобы сохранить целостность своего государства. В Белграде царил страх. От всех предложений англичан отшатывались с ужасом. Принц Павел даже не мог решиться принять в Белграде английского министра иностранных дел Идена.

14 февраля Цветкович и Маркович были вызваны в ставку Гитлера в Берхтесгадене. Сказав несколько слов о непобедимости немецкой армии, Гитлер ясно дал понять югославам, что деваться им некуда, особенно подчеркнув тесное взаимодействие между Берлином и Москвой. В связи с этим Гитлер предложил Югославии присоединиться к «Тройственному пакту», пообещав взамен при нападении на Грецию не перебрасывать через территорию Югославии свои войска, а использовать ее линии коммуникаций только для перевозки военных материалов. Министры вернулись в Белград, совершенно не зная, что делать в создавшейся обстановке. Присоединение к державам Оси могло вызвать возмущение и восстание в Сербии. Война с Германией – раскол с Хорватией.

Тем не менее Черчилль все еще пытался сколотить свой призрачный союз, направив премьер-министру Югославии Цветковичу замечательное письмо следующего содержания:

«Ваше превосходительство! Полный разгром Гитлера и Муссолини в конечном счете неизбежен. Ни один разумный и дальновидный человек не может сомневаться в этом после того, как английская и американская демократии выразили свою решимость добиться этого разгрома. В мире всего 65 миллионов злобных гуннов, и большинство их занято теперь подавлением австрийцев, чехов, поляков и многих других древних народов, которые они терроризируют и грабят. Численность населения Британской Империи и Соединенных Штатов достигает почти 200 миллионов человек, даже если считать только метрополии и британские доминионы. Мы обладаем бесспорным господством на море и с помощью Америки вскоре добьемся решающего превосходства и в воздухе.

Если Югославия и Турция займут место в одном ряду с Грецией и воспользуются всей той помощью, которую им может предоставить Британская Империя, то с немецкой чумой будет покончено и будет одержана такая же полная и решительная победа, как и в прошлой войне».

Откровенно говоря, Черчилль мало чего ожидал от югославского правительства в лице регента Павла, Цветковича и Марковича. Он надеялся, что это письмо вдохновит генерала Симовича – командующего военно-воздушными силами Югославии и исполняющего обязанности начальника Генерального штаба.

Пятидесятидевятилетний генерал Душан Симонович был участником балканской и первой мировой войны. Глубокий стратег, автор ряда теоретических работ по военному искусству, он не считал положение югославской армии таким уж безнадежным. Югославия могла развернуть три группы армий, семь полевых армий, 28 пехотных, три кавалерийских дивизии и 5 отдельных бригад специального назначения, действия которых могли бы поддержать более 150 танков и 415 самолетов. Этих сил, конечно, было не достаточно, чтобы разгромить вермахт, но вполне достаточно, чтобы оказать немцам достойную встречу.

Воинственные и доблестные сербы, с территории которых в свое время заполыхала первая мировая война, не желали капитулировать, и вокруг генерала Симовича группировался заговор офицеров-патриотов, предпочитавших смерть позору капитуляции и готовивших мятеж с целью свержения правительства. Сеть заговора распространялась из Белграда на основные гарнизоны в Загребе, Скопле и Сараево.

Вокруг Симовича уже действовали английские и американские разведслужбы, а им в затылок уже жарко дышала советская разведка. Черчилль хорошо понял, на что намекал Джон Винант.

Американцы предлагали прекратить мышиную возню на Балканах, а заняться осуществлением по-настоящему глобальных планов. Когда эти планы будут осуществлены, Греция, Югославия и Турция автоматически окажутся у нас в кармане.

– У нас или у вас? – переспросил Черчилль.

– Я не вижу особой разницы, – засмеялся Винант.

Но мысливший имперскими категориями Черчилль видел эту разницу очень хорошо. Великая Британская Империя сама становилась частью какой-то новой и более мощной империи.

Молотов всеми силами пытался дать понять графу фон Шуленбургу, что Советский Союз крайне недоволен вступлением немецких войск в Болгарию, куда предполагался ввод советских войск. Но как недавно Сталин прямо из-под носа Гитлера выхватил Бессарабию и Буковину, так и Гитлер из-под носа Сталина утащил Болгарию.

«Советское правительство, – заявил Молотов, – неоднократно подчеркивало германскому правительству как во время берлинских переговоров, так и позже – свою *особую* заинтересованность в Болгарии.

Следовательно, оно не может оставаться безразличным к последним германским мероприятиям и должно будет определить свое отношение к ним».

Молотов взял лист бумаги и прямо в присутствии Шуленбурга собственноручно написал Ноту. Ее немедленно оформили как положено и вручили послу.

В ноте говорилось:

«1. Прискорбно, что, несмотря на предостережение со стороны советского правительства, содержащееся в заявлении от 25 ноября 1940 года, правительство Германской империи нашло для себя возможным придерживаться курса, наносящего ущерб интересам безопасности СССР, и решило осуществить военную оккупацию Болгарии.

2. Так как советское правительство до сих пор стоит на позициях, описанных в заявлении от 25 ноября, германское правительство должно понимать, что оно не может рассчитывать на поддержку СССР в отношении своих мероприятий в Болгарии».

Шуленбург пробежал глазами меморандум, пожал плечами и снова уверил Молотова, что в данной акции германского правительства даже намека нет на ущерб интересам безопасности Советского Союза.

На том и расстались.

Еще менее сдержанным был заместитель Молотова Андрей Вышинский, принимавший болгарского посланника, сделавшего аналогичное заявление и пытавшегося уверить прокурора в невиновности своей страны, действовавшей исключительно «во имя сохранения мира на Балканах». Своим резким, скрипучим голосом, каким он обычно зачитывал смертные приговоры, Вышинский заявил: «Мы считаем, что это просто расширит район конфликта на Балканах. Сколько раз мы предлагали вам сделать то же самое! А вы крутили, вертели и докрутились. Живите теперь под немцами!»

Советская пресса была гораздо сдержаннее. Она просто констатировала случившиеся, воздерживаясь от каких-либо комментариев.

2 марта 1941 года «Правда» (на 4-й странице) дала три строчки под заголовком: «Присоединение Болгарии к пакту трех держав».

Советский Союз недоволен! Очень недоволен!

Сталин, напротив, пребывает в очень хорошем настроении. При очередном докладе Тимошенко и Жуков принесли ему на утверждение ряд новых документов. Чувствуется твердая рука нового начальника Генштаба. От самих документов веет таким наступательным порывом, что это захватывает всех присутствующих и самому товарищу Сталину приходится слегка осаживать товарищей военных, чтобы те своей лихостью не оборвали постромки и не перевернули всю государственную колесницу.

Даже от приказов наркома Тимошенко повеяло чем-то новым. По-настоящему большевистским динамизмом.

Недаром XVIII партийная конференция оказала товарищу Жукову величайшую честь и доверие, сделав его членом ЦК ВКП(б).

Член ЦК, начальник Генерального штаба – это не командующий округом, которому со своего командного пункта не положено видеть ничего дальше своих окопов. Это уже государственный муж, и мыслить он должен по-другому, по-государственному.

Товарищ Сталин намекнул, что армия разложена устаревшей пропагандой о том, что враг обязательно нападет на СССР и тогда будет война, а иначе советский народ будет наслаждаться вечным миром.

Товарищ Жуков намек понял: на стол вождя легли докладные, в результате которых новым начальником ГлавПУРА РККА был назначен Щербаков и начальником пропаганды и агитации у него – товарищ Запорожец. Вместе с Генштабом они отредактировали и принесли Сталину документ, который читать было одно наслаждение.

Документ назывался:

«О политических занятиях с красноармейцами и младшими командирами Красной Армии на летний период 1941 года.

…Многие политработники и групповоды политзанятий забыли известное положение Ленина о том, что «как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот».

О войнах справедливых и несправедливых иногда дается такое толкование: если страна первая напала на другую и ведет наступательную войну, то эта война считается несправедливой…

Из этого делается вывод, что якобы Красная Армия будет вести только оборонительную войну, забывая ту истину, что всякая война, которую будет вести Советский Союз, будет войной СПРАВЕДЛИВОЙ ».

И Сталин с удовольствием сделал приписку: «Проработать в войсках не позднее 15 мая».

Еще один документ. Стоило товарищу Сталину упрекнуть военных, что обучение курсантов в сухопутных училищах длится непозволительно долго, как это безобразие было немедленно исправлено.

Но приятно то, что товарищи проявили настоящую партийную инициативу и добрались и до летных училищ.566

Это был приказ № 080 от 3 марта 1941 года:

Об установлении системы подготовки и порядка комплектования вузов Военно-Воздушных Сил и улучшения качества подготовки летного и технического состава.

Во исполнение постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 25 февраля 1941 года:

1. Установить следующую систему подготовки летного… состава ВВС Красной Армии:

…2. Школа военных пилотов. Срок обучения: в мирное время – 9 месяцев, в военное время – 6 месяцев.

Задача школы – научить курсанта-пилота: пилотированию и применению боевого самолета днем в простых метеорологических условиях; групповым полетам в составе звена и дать практику в маршрутных полетах, с посадкой на незнакомых аэродромах, для чего включить в программу 10 таких полетов…

Установить в школах военных пилотов общий налет на курсанта на учебном и боевом самолетах:

а) для бомбардировщиков – 20 часов,

б) для истребителей – 24 часа.

Приказ этот можно считать очень передовым для своего времени, если вспомнить, что даже японцы в отчаянных попытках остановить американское наступление, создавшие в октябре 1944-го года корпус «камикадзе», и то давали своим смертникам налетать по 30 часов летного времени. А этот приказ датирован 3 марта 1941 года. Приоритет несомненен, а если еще вспомнить при этом, что пилотов сначала лишили офицерских званий, а затем в летные школы начался *принудительный* набор, потом им запретили жениться, то надо признать, что японцам с их «камикадзе» было далеко до того, что замысливал товарищ Сталин в 1941 году! Тучи смертников появились бы над Европой, забив обломками своих машин всю территорию несчастного континента. Ведь летные школы не успевали за конвейерным выпуском боевых самолетов.

Однако бурная деятельность генерала Жукова по превращению военных училищ страны и скоростные инкубаторы смертников натолкнулась на решительное сопротивление наркома

ВМФ адмирала Кузнецова, который категорически не желал переводить военно-морские училища на двухгодичный в мирное и одногодичный в военное время срок обучения. Жуков решительно не понимал, чему можно учить человека в течение целых 5 (пяти) лет? Корабли водить? Танк, например, нисколько не хуже, а учатся водить за полгода, а если постараться, то и за 2 месяца можно научить. Естественно, что оба апеллировали к Сталину, который тоже считал пятилетний срок обучения морских офицеров чрезмерным. Ведь можно пересмотреть программы обучения? Зачем, например, в училищах столько математики? А астрономия? Ну конечно, нужна, никто не спорит. Но почему так много?

Адмирал Кузнецов понимал, что ему ничего этим людям не объяснить. И попросил товарища Сталина освободить его от должности наркома.

«Вы нас не пугайте, товарищ Кузнецов, – тихим голосом сказал Сталин. – Когда надо, мы вас снимем. Без вашей просьбы снимем».

И слово свое, как всегда, сдержал, но несколько позже.

А с училищами отстал. Моряки продолжали учиться по полной программе. Не прошло и предложение Жукова пополнить ряды офицеров флота путем производства в офицеры старшин сверхсрочной службы. Не прошло и другое предложение: выпускать из военно-морских училищ главстаршин, а не офицеров. Как в авиации.

Это была первая схватка адмирала Кузнецова с Жуковым.

Но Кузнецов был не один, кто открыто восстал против грубых (куда ни шло!) и безграмотных мероприятий нового начальника Генерального штаба. Следующим был генерал-полковник Штерн, бывший начальник Жукова во время боевых действий на Халхин-Голе.

Видимо, уязвленный, что его подчиненный занял столь высокий пост, Штерн не скрывал своего негативного отношения к Жукову, раздраженно рассказывая, как он, Штерн, спас положение на Халхин-Голе, где без его помощи Жуков бы потерпел сокрушительное поражение. Как он писал доклад, который Жуков прочел на военном совещании в декабре прошлого года, так понравившийся товарищу Сталину, и многое другое, что неизменно накапливается в душе обиженного и обойденного.

Все это, разумеется, дошло до Сталина, и тот спросил у Жукова, каковы его отношения с генерал-полковником Штерном. Жуков ответил, что генерал Штерн, заступив на должность начальника Управления ПВО Красной Армии, считает Постановление СНК от 20 января 1941 года «Об организации противовоздушной обороны» и приказ Наркома за № 0015 от 14 февраля сего года «О разделении территории СССР на зоны, районы и пункты ПВО» чуть ли не вредительскими и не собирается их выполнять. Его в этом, кстати говоря, поддерживает и начальник Управления ВВС Рычагов.

Сталин Штерна к себе вызывать не стал, но мнение его выяснил. Штерн считал, что подобные приказы и постановления о ПВО делают всю территорию СССР фактически беззащитной от налетов авиации любого противника, будь то Люфтваффе, собирающееся бомбить Киев, Севастополь, Минск или Ригу, будь то англичане, собирающиеся бомбить Баку, или японцы, прицеливающиеся на Владивосток и Хабаровск. Концентрация основных авиационных сил у самой западной границы не оправдана никакими предпосылками, независимо от того, собираемся ли мы наступать или обороняться. Его поддерживал и Рычагов, явно выражавший последнее время свое недовольство. Изменение правил прохождения службы в ВВС и перекройка на ходу учебных программ привели к резко возросшей аварийности, доходящей уже почти до 11% вместо терпимых трех. «Ну разве можно принудительно кого-то загонять в авиацию?» – восклицал Рычагов, хотя на совещании у Сталина, когда этот вопрос обсуждался, был целиком (и полностью) за, поскольку быстро понял, чего именно хочет Сталин.

Сталин всегда острее всего переживал армейские склоки. Даже острее, чем в НКВД. Люди должны работать дружно, сплотившись вокруг ЦК. А они создают проблемы. Есть человек – есть проблема. Никуда не уйти от первой части самого гениального из открытых им общественных законов. Никуда не уйти и от второй…

Огромная работоспособность Сталина и его огромная власть далеко не всегда тратились исключительно на решение военных, карательных и прочих вопросов, связанных с проведением человеконенавистнической внутренней политики и разбойничьей внешней.

Бывали и другие вопросы.

Например, именно сегодня Сталин нашел время посмотреть документы, присланные ему из отдела социалистической культуры при ЦК ВКП(б). Речь шла о разрешении экспедиции Ленинградского Государственного Эрмитажа под руководством академика Орбели вскрыть в Самарканде гробницу величайшего из завоевателей средневековья легендарного Тамерлана. Инициатором этой затеи был, конечно, НКВД, который имел информацию о том, что в гробнице одного из мечтателей о мировом господстве, каким является Тамерлан, замурованы несметные сокровища. А кладоискательством Сталин заразился еще от Ленина, который тоже знал толк в подобных делах.

К документам была приложена историческая справка, где указывалось, что существует старинная легенда, даже не легенда, а своего рода поверье, уходящее еще в XIV век и предупреждающее любого, кто осмелится вскрыть могилу Тамерлана, что, сделав это, он выпустит на свою страну самого страшного демона кровавой и опустошительной войны.

Сталин понял, что именно из-за этой справки документы попали к нему на стол. Никто не мог взять на себя ответственность и игнорировать историческую справку. Учишь людей, учишь, а остаются суеверными, верят в разные бабьи сказки. НКВД постоянно докладывал о многочисленных арестах, особенно в глухих деревнях, за распространение вздорных, антисоветских слухов, замешанных на религиозных предрассудках, о приближении страны к какой-то очередной катастрофе, связанной с каким-то новым нашествием, похожим на нашествие хана Батыя. То голая дева выйдет из леса и начнет пророчествовать перед колхозниками о том, что «грядут беды великие и огонь поглотит села и поля»; то мальчик в белом появится среди крестов на каком-нибудь кладбище и слезы будут катиться из его ясных глаз; то старец в саване с длинной седой бородой и посохом возникнет на руинах какой-нибудь снесенной церкви и громогласно объявит «смерть, мор и глад» за грехи ваши. Конечно, никого из этих старцев и отроков схватить не удавалось, но те, кто эти пророчества распространял, получали полновесные сроки – до 10 лет спецлагерей без права переписки. Сталин еще раз перечитал историческую справку, усмехнулся, макнул ручку в чернильницу (авторучек не признавал – старая школа!) и наложил резолюцию: «т. Орбели! Не позднее мая начните работы по вскрытию гробницы Тимура в Самарканде. И. Сталин».

Как правильно сказала его мать при их последней встрече: «Лучше бы ты стал священником»…

Советское посольство в Берлине неоднократно обращало внимание германского МИДа на тот факт, что при посольстве нет бомбоубежища, а участившиеся налеты английских бомбардировщиков на город заставляют персонал посольства, среди которых есть женщины и дети, искать укрытия в ближайших станциях метро и во временных противовоздушных щелях в парках и на бульварах.

Немцы отнеслись к этой проблеме с пониманием, и новое бомбоубежище к концу февраля было уже практически готово.

Некогда блестящая и шумная дипломатическая жизнь в Берлине поблекла. Посольские особняки с окнами, затянутыми светомаскировочными шторами, казались нежилыми. Большой прием, который, по традиции, германское правительство устраивало для

дипломатического корпуса в первый день Нового года, был на этот раз отменен «по случаю войны». Начальник рейхсканцелярии Ганс Ламмерс зачитывал дипломатам поздравления германского правительства от имени рейхсканцлера и заставлял расписываться в специальной книге в том, что поздравление получено.

Дипломаты, аккредитованные в Берлине, обращались больше друг с другом, нежели с германским министерством иностранных дел, бесконечно устраивая всевозможные рауты, главной целью которых было получение нужной информации даже на уровне простых слухов. А слухов в первые месяцы 1941 года по Берлину ходило великое множество, главным образом о перспективах дальнейшего хода войны. Когда начнется вторжение в Англию? Скоро ли вступят в войну Соединенные Штаты? Будет ли нарушен нейтралитет Швеции, Швейцарии и Турции? Каковы дальнейшие планы Советского Союза? Планы Советского Союза интересовали более всего, поскольку почти ежедневно английские и американские газеты со ссылками то на информационные агентства, то на какие-то таинственные источники, «близкие к Кремлю», публиковали обширные материалы о грандиозных военных приготовлениях СССР на немецкой границе и о подготовке Сталиным внезапного удара по Германии. Немецкие газеты старательно перепечатывали эти материалы, и первого секретаря советского посольства Валентина Бережкова регулярно вызывали в МИД для объяснений, подчеркивая, что все это омрачает «советско-германские отношения». Бережков резонно отвечал, что советское правительство не может отвечать за провокации реакционных, буржуазных изданий.

Москва была крайне встревожена шумихой в «реакционной буржуазной прессе», и в Берлин полетел строжайший приказ выяснить источники утечки.

Советское посольство в Берлине уже откровенно ничем другим не занималось, кроме шпионажа и распространения дезинформации. В эти игры вовлечены были даже хозяйственники, регулирующие хозяйственные поставки, а также члены всевозможных совместных комиссий и подкомиссий, расплодившихся, как муравьи, после подписания договора о дружбе в сентябре 1939 года.

Что редко бывает в дипломатической практике, разведывательную сеть в Германии возглавлял сам посол Владимир Деканозов, ничего не смыслящий в дипломатическом искусстве, но профессиональный чекист, долгое время возглавлявший разведку (Иностранный отдел) НКВД. В Берлине он возглавлял и координировал работу обеих ветвей разведки: и по линии НКВД, и по линии ГРУ.

Разведчиком-профессионалом был и первый секретарь посольства Валентин Бережков – доверенное лицо Сталина и Молотова, имеющий право доклада через голову посла непосредственно в аппарат Сталина. Изящный и элегантный, умеющий располагать к себе на дипломатических раутах, он имел особое задание по добыванию информации в дипломатических кругах и по распространению нужной дезинформации.

Резидентуру НКВД возглавлял 2-й секретарь посольства Амаяк Кобулов – родной брат знаменитого заместителя Берия – Богдана Кобулова. Фактически вторым резидентом с января 1941 года считался при посольстве Александр Коротков, развивший лихорадочную, полулегальную деятельность.

Разведкой занимался и пресс-атташе посольства Александр Смирнов (будущий посол СССР в Иране), добывающий очень важную информацию в окружении министра пропаганды Германии доктора Геббельса.

Интересы ГРУ представляли: военный атташе генерал-майор Тупиков и военно-морской атташе контр-адмирал Воронцов, имеющий собственную агентурную сеть, нисколько не меньшую, чем сеть НКВД.

Гестапо практически не мешало действиям советской резидентуры, в которую превратилось посольство Москвы. Напротив, оно обрушило на сталинских разведчиков такую

лавину дезинформации, которая затопила их с головой и не позволила вынырнуть даже на протяжении многих лет после окончания войны.

Сам посол Владимир Деканозов вращался в самых высоких кругах нацистского общества и более часто с рейхсмаршалом Герингом, который принимал советского полпреда в своем поместье Каринхолл, обставленном со средневековой роскошью. В просторном кабинете, увешанном картинами мастеров эпохи Возрождения, маленький щуплый Деканозов в костюме-тройке и величественный Геринг в придуманном специально для него мундире рейхсмаршала вели неторопливую беседу. Вдвоем, на фоне друг друга, они выглядели очень комично и наверняка могли бы составить прекрасную эстрадную пару, будь судьба хоть чуть милосерднее к ним обоим.

Показывая Деканозову американскую газету с крупным заголовком «Сталинский паровой каток готовится раздавить Германию», Геринг, улыбаясь, покачал головой и заметил, что англичане и американцы очень много бы дали, чтобы такое произошло в действительности. Они спят и видят, чтобы стравить между собой первые в мире социалистические страны во имя спасения своего прогнившего общества и совершенно антинародного государственного строя. Летом фюрер собирается поставить окончательную точку в этом вопросе. Накануне фюрер показал Герингу проект директивы «Об особой подсудности в зоне действия плана „Барбаросса", предусматривающего освобождение военнослужащих вермахта от любой уголовной ответственности при грабежах и убийствах мирного населения на территории Советского Союза. Речь идет об уничтожении идеологии, – пояснил фюрер. А Деканозов лично принимал участие в составлении обширного документа по истреблению и депортации мирного населения на территории Прибалтики.

Сейчас же Деканозов поведал Герингу, что лично всегда был сторонником не только политического, но и военного союза между СССР и Германией. В военном союзе, пояснил он, мы были бы абсолютно непобедимыми. Даже трудно вообразить, что бы произошло, если бы в единый военный союз слились боевые потенциалы СССР и Германии! Разве не об этом мечтал еще кайзер Вильгельм II?

В самом деле, оживлялся Геринг, что, в сущности, нас разделяет? Всего лишь разная трактовка понятия «социализм». Мы за национальный социализм, вы – за интернациональный. Вы – за тотальную национализацию экономики и торговли, мы предпочитаем иметь многоукладную. Но, мой дорогой посол, я уверяю вас и вы убедитесь со временем, что были правы мы, а не вы. В мире не существует никакого интернационализма. Это придумали евреи, а будь у них свое государство, и они бы не были интернационалистами. И вы неизбежно придете к тому же. Вы отбросите еврейский интернационализм и придете к русскому национализму, как мы пришли к немецкому. Один народ, один рейх, один вождь!

Сам Деканозов по национальности армянин, т.е. принадлежит к национальному меньшинству, которое веками преследовалось и истреблялось нисколько не меньше евреев. Сталин и Берия грузины – тоже представители нацменьшинства, подвергавшегося геноциду со всех сторон: и от монголов, и от турок, и от персов, потерявших свою независимость за частоколом русских штыков, чтобы спасти свою нацию от поголовного истребления. А между тем идеи, почерпнутые Деканозовым из бесед с Герингом и другими нацистскими лидерами и переправленные в секретных депешах в Москву, нашли в сердце Сталина живой отклик [76].

Впрочем, Геринг интересовал Деканозова не столько как теоретик социализма, сколько как главнокомандующий видом вооруженных сил, несущих на своих плечах в настоящее время основную тяжесть войны против Англии. В поместье была оборудована специальная галерея, где в торжественном военно-траурном оформлении висели портреты пилотов, сложивших головы в битве над Британией. Время от времени в ходе беседы в кабинет входили адъютанты, щелкали каблуками, извинялись и передавали рейхсмаршалу срочные

донесения. Бывало, и сам Геринг, пробежав глазами очередную бумагу, извинялся перед Деканозовым и куда-то срочно уезжал.

Да, признавался Геринг, англичане оказались намного сильнее, чем мы предполагали. Но их дело так или иначе проиграно. Пока Соединенные Штаты раскачаются, с англичанами будет покончено. Их сокрушение далось нам нелегко. В настоящее время мы вынуждены держать против них, в преддверии окончательного удара, практически все наличные силы Люфтваффе. И если бы вы (тут Геринг тонко улыбался) действительно собирались на нас напасть, как об этом пишут газеты, то убедились бы, что на Востоке у нас практически нет авиасоединений. Солдат там действительно много, поскольку там формируются части вторжения в Англию подальше от любопытных глаз их разведки.

Существует и еще одна проблема, продолжал рейхсмаршал, которую я сообщу вам, посол, исключительно в надежде на вашу общеизвестную порядочность и умение хранить деликатные тайны. Война с Англией очень непопулярна в германском народе. Во всех слоях общества. Ведь мы – кровные братья. Мы соотносимся почти так же, как русские и украинцы. Вы составляете семью славянских народов, а мы, англичане и скандинавы, – семью германских народов. И если мы сегодня говорим об окончательном сокрушении Англии, то, пожалуйста, не подумайте, что речь идет о их истреблении. Вовсе нет! Речь идет исключительно о их возвращении в семью германских народов…

Пока советский посол вел приятные, полезные и взаимообогащающие беседы с руководителями третьего рейха, его подчиненные тоже трудились не покладая рук.

Валентин Бережков был неизменным лицом, представляющим посольство СССР на всех дипломатических раутах. Там же присутствовала и вся берлинская богема, изнывающая от скуки в пуританских ограничениях военного времени: очаровательная Ольга Чехова – кинозвезда, от которой млели все нацистские бонзы, начиная с самого Гитлера, неизменно приглашающего племянницу великого классика русской литературы на все торжества в имперской канцелярии; аристократически холодная Пола Негри – владычица дум берлинского бомонда; неотразимый Вилли Форст – мечта всех девушек Германии и многие другие. Но дипломаты мало обращали внимания на красоту кинозвезд и опереточных див. Шла война, и они были на службе, ставя своей главной задачей выудить друг у друга побольше информации.

Более всего Бережков любил беседовать со словоохотливым турецким послом Гереде. Сейчас, после вступления немецких войск в Болгарию, информация турка могла быть наиболее ценной, хотя бы для прояснения позиции Турции в этом вопросе. Тем более что Гереде сам лез с информацией, неизменно начиная свой разговор фразой: «Не могу поручиться, что это так, но все может быть, и потому я решил вас проинформировать конфиденциально…» При этом он угощал Бережкова турецким кофе («таким густым, – вспоминает Бережков, – что в чашке чуть ли не торчком стояла ложка»), рахат-лукумом и знаменитым измирским ликером. Излюбленной темой разговора турецкого дипломата были разговоры о возможном захвате немцами нефтяных районов Ирака.

Японский посол в Берлине генерал Хироси Осима, хотя всегда был в штатском, поражал Бережкова своей военной выправкой и резкой жестикуляцией правой рукой при разговоре. Как будто постоянно рубил кого-то самурайским мечом. Осима, служивший когда-то в Квантунской армии, считал трагическими недоразумениями конфликты, периодически вспыхивавшие на границе между японской и советской армиями, давая понять, что является сторонником если не дружеских, то по крайней мере нормальных отношений с Советским Союзом.

Общался Бережков и с временным поверенным в делах США Паттерсоном. В американском посольстве на него смотрели с любопытством, но без неприязни. Просто сам

Бережков не любил там появляться особо часто, потому что все сотрудники посольства, начиная от самого Паттерсона и кончая коммерческим атташе Вудсом постоянно намекали ему, что следующим объектом нападения Гитлера будет Советский Союз. Подобные провокации, в которых слышался отголосок американских газет, выводили Бережкова из себя. Он не имел права вообще подобные вещи обсуждать, тем более с американцами. Его общительность и приятная улыбка мгновенно исчезали, он замолкал, как рыба, и пользовался случаем, чтобы побыстрее уйти.

Москва требовала практически дословной передачи всех диалогов, порой даже с указанием интонаций. Как и всем, Бережкову было приказано не загружать сводки собственным мнением, а также всячески избегать англо-американских провокаций и постоянно их разоблачать. Чем он и занимался.

Не менее вольготно чувствовал себя в Берлине и советский военно-морской атташе контр-адмирал Михаил Воронцов. По крайней мере не менее вольготно, чем его коллега в Москве капитан 1-го ранга фон Баумбах.

Немецкие моряки не забывали, чем они обязаны Советскому Союзу, который укрыл в своих портах их самые ценные транспортные суда, обеспечил военно-морской базой на Кольском полуострове, дал возможность пользоваться Северным морским путем и уже второй год обеспечивает немецкий флот всеми необходимыми материалами.

Воронцов представлялся гроссадмиралу Редеру, выслушав воспоминания главкома ВМС Германии о том, как он в 1913 году на боевом корабле ходил с визитом в Петербург по случаю трехсотлетия дома Романовых. Воронцов вежливо улыбнулся в ответ, ибо обсуждать подобные темы, как годовщина царствования Романовых, он не был уполномочен, да и тема была для советского офицера весьма скользкой и небезопасной.

Получаемая Воронцовым информация однозначно указывала, что весь немецкий флот сражается против Англии в Северном море и в Атлантике. Имеются планы выделения сил в Средиземном море, но пока фактически ничего не удается. Слишком мало сил.

В середине марта 1941 года Воронцов получил приглашение начальника главного штаба германского флота адмирала Шнивинда прибыть к нему. Подобное приглашение было весьма необычным в протоколе отношений военно-морских атташе с командованием военно-морских сил страны пребывания. Воронцов доложил об этом Деканозову и в Москву. Ответ был простой: раз пригласили – надо идти. Не сам ведь напросился?

Сказав несколько слов о плодотворном сотрудничестве советского и немецкого флотов, имевшем место в прошедшие полтора года, адмирал Шнивинд признался, что немецкий флот снова нуждается в экстренной советской помощи и очень надеется ее получить. Речь идет, пояснил он, о предстоящей высадке в Англию, которую фюрер намерен осуществить летом.

Но Германия столкнулась с проблемой. Это острая нехватка транспортных судов для перевозки и снабжения высадившихся войск. В прошлом году все было рассчитано как положено, но за это время англичанам удалось уничтожить некоторое количество наших транспортов. Не может ли СССР одолжить Германии два-три десятка сухогрузов, которых не хватает для переброски второго эшелона десанта? При перевозке второго эшелона десанта риск будет уже практически минимальным, но само собой разумеется, что германское правительство возместит Советскому Союзу все убытки и компенсирует все потери, включая амортизационные.

– Суда будут действовать под нашими флагами? – спросил ошеломленный Воронцов.

– Никогда! – заверил Шнивинд. – Возможно, придется оставить на борту некоторых ваших специалистов, главным образом из персонала машинно-котельных служб, чтобы не тратить времени на обучение наших моряков. Названия будут замазаны и выставлены бортовые номера. Если разразится какой-либо скандал, мы просто скажем, что купили эти суда у вас. Но если мы заявим об этой покупке сейчас, это насторожит англичан и будет

иметь самые негативные последствия во многих аспектах, которые вы понимаете, и мне не хочется тратить время на их объяснение. Все это тактически делается достаточно просто. Если Москва согласится нам помочь, то просто те торговые корабли, которые постоянно приходят в наши порты, получат приказ оставаться там до особого распоряжения.

Адмирал Воронцов заверил, что немедленно поставит свое руководство в известность о просьбе командования немецкого флота.

Только 15 марта пришли более-менее приятные новости. Первой приятной новостью было то, что транспорты с танками для Роммеля, воспользовавшись густым туманом, господствовавшим в центральной части Средиземного моря в это время года, проскользнули в Триполи.

Затем пришло сообщение с линкоров адмирала Лютьенса. Они обнаружили несколько союзных транспортов, отставших из-за шторма от своих конвоев, и с наслаждением перетопили их артиллерийским огнем. Бурное море не дало возможности предпринять что-либо для спасения команд расстрелянных судов.

Подобно шакалам, не смеющим напасть на стадо, охраняемое пастухами, но легко расправляющимся с отставшими и отбившимися от стада домашними животными, линкоры Лютьенса, спустившись далее на юг, уничтожили еще несколько транспортов, но были отогнаны подошедшим английским линкором «Родней».

А до этого, за первые две недели марта, все поступающие новости были отвратительными, пугающими и просто трагическими.

4 марта в Берхтесгаден к Гитлеру тайно прибыл югославский регент принц Павел. Гитлер заявил прямо: либо Югославия вступает в Ось, либо пусть пеняет на себя. Принц был бледен, заикался, крутил, вертел, но в итоге устно пообещал в ближайшем будущем подписать пакт и был отпущен в Белград, где королевский совет и Генштаб в лице генерала Симовича закатили принцу скандал.

В тот же день пришло сообщение об очередной наглой вылазке англичан, высадивших десантно-диверсионную группу вблизи Нарвика. Все произошло настолько внезапно, что десанту не успели оказать никакого сопротивления. Перебив немецкую охрану порта, десантники взорвали и сожгли здания заводов по производству ценнейших сортов технического масла, нефтеочистительный завод и оборудование рыбного терминала. Было потоплено несколько немецких и норвежских грузовых судов, взято в плен около 300 человек и вывезено в Англию более 400 норвежских и польских рабочих, которых принудительно заставляли работать на этих заводах.

8 марта пришло удручающее известие, которого ждали со дня на день, в душе надеясь, что этого никогда не произойдет. Верхняя палата конгресса США одобрила закон о «ленд-лизе». Это событие сопровождалось новой, еще более воинственной речью Рузвельта. «Все страны, которые борются с нацизмом или вступят в борьбу с ним, получат от США все необходимое, чтобы эта борьба победоносно завершилась».

А 11 марта пришло страшное известие, потрясшее и Гитлера, и всю Германию.

Фактически в одном бою, при попытке атаковать очередной английский конвой, погибли сразу три наиболее прославленных подводных аса: Гюнтер Прин, который некогда влепил англичанам звонкую пощечину, прорвавшись в Скапа-Флоу и утопив линкор «Ройал Оук»; Иохим Шепке и Отто Кречмер. Правда, позднее выяснилось, что Кречмер не погиб, а был взят в плен англичанами, но от этого легче не становилось. Все трое были кавалерами рыцарского креста, причем двоим – Прину и Шепке фюрер вручал эти кресты лично.

Гитлер долго сидел молча, положив голову на руки. Слезы текли из его глаз.

Ответом были опустошительные налеты на Плимут, Клайдсайд и Марсейсайд, в которых Люфтваффе потерял 16 машин. Новые молодые лица в траурных рамках заулыбались с газетных страниц.

Кроме всего прочего, друг дуче, который клялся, что вскоре перейдет в контрнаступление в Албании, 9 марта попытался это сделать и снова был разгромлен греками.

Окончательно разочаровавшись в итальянцах, Гитлер все более и более думал об японцах. Он ни на секунду не забывал, что, нападая на СССР, он оставляет у себя в тылу Англию и Соединенные Штаты, которые, без сомненья, раздавят его, если он замешкается в России. Если поступить наоборот – действительно рискнуть и вторгнуться в Англию (хоть на плотах), то его тут же раздавит Сталин, который только этого и ждет.

Мысль, подчиненная инстинкту спасения, лихорадочно искала выхода.

А если его врагов удалось бы поставить в два огня? Если бы Япония открыла второй фронт, хотя бы против Англии и Америки, а еще лучше – и против Сталина.

Риббентроп в беседах с генералом Осима, уже не стесняясь, советовал: «Вы должны немедленно захватить Сингапур!»

«Но мы не воюем с Англией», – вежливо кланялся японский генерал.

В Берлине со дня на день ожидали приезда японского министра иностранных дел Мацуока, с которым и решено было обсудить вопросы открытия второго фронта против всех нынешних и потенциальных противников «нового порядка в Европе и в мире».

К приезду Мацуока Гитлер подписал «Директиву № 24», которая имела подзаголовок «О взаимодействии с Японией». В директиве говорилось:

«1. Целью взаимодействия, основанной на „Пакте трех держав“, должно стать побуждение Японии как можно быстрее открыть военные действия на Дальнем Востоке.

Параллельно осуществляемый план «Барбаросса» создаст особо благоприятные политические и военные условия для этого.

2. В подготовке такого взаимодействия наиболее важным является усиление боевой мощи Японии всеми средствами.

Для выполнения этой задачи главнокомандующие всеми видами вооруженных сил Германии должны быстро и в полном объеме удовлетворять все требования Японии об информации, связанной с немецким опытом войны, а также с вопросами экономической и технической помощи…

При этом следует руководствоваться следующими принципами:

а. Общая стратегическая цель должна быть представлена как быстрое завоевание Англии, с тем чтобы предотвратить вступление Америки в войну…

в. Огромные успехи, достигнутые Германией в войне против судоходства, должны стимулировать использование мощных японских морских сил для решения подобной задачи…

г. Положения «Пакта трех держав» относительно стратегического сырья предполагают, что Япония должна сама захватить богатые сырьем территории, необходимые для ведения войны…

д. *Захват Сингапура* – ключевой позиции Англии на Дальнем Востоке – явится решительным успехом комбинированной стратегии трех держав…»

17 марта пришло сообщение от советского посла в Вашингтоне Уманского о том, что он был вызван к заместителю государственного секретаря Самнеру Уэллесу, где его ознакомили

с документами плана «Барбаросса», добытых в Берлине Сэмом Вудсом. Американцы были настолько любезны, что даже предоставили фотокопии добытых Вудсом материалов.

Сталин приказал вызвать Уманского в Москву и, на первый раз, объяснить ему провокационную суть англо-американской политики, направленной на разжигание недоверия и враждебности между СССР и Германией.

К этому времени советский военный атташе в Берлине генерал-майор Тупиков через свою агентуру тоже добыл фрагментарные материалы, говорившие о том же, что и материалы Вудса.

И, наконец, из Швейцарии продолжали поступать данные Росслера – дополнительные материалы и сопутствующие разработки к плану «Барбаросса». Хотя Росслер как источник считался совершенно ненадежным, а точнее, провокационным, специально созданным для распространения английской дезинформации, его сообщения тем не менее читали внимательно и принимали к сведению.

20 марта Сталин собрал специальное совещание для еще одного обсуждения накопившейся информации, прямо противоположной по содержанию и направленности.

На совещании присутствовали Тимошенко, Жуков, Шапошников, Берия и Молотов, а для доклада были вызваны: начальник ГРУ генерал Голиков и начальник Управления Внешней Разведки новорожденного НКГБ (бывший ИНО НКВД) генерал Фитин и его новый начальник Меркулов.

Голиков зачитал добытый его людьми и проверенный подполковником Новобранцем документ, где говорилось:

«Из наиболее вероятных военных действий, намечаемых против СССР, заслуживают внимания следующие:

Вариант № 3 по данным на февраль 1941 года: «Для наступления на СССР создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бока наносит удар в направлении Петрограда; 2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Рундштедта – в направлении Москвы, и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееба – в направлении Киева. Начало наступления на СССР – ориентировочно 20 мая».

По сообщению генерала Тупикова (от 14 марта), завербованный им немецкий майор дословно сказал следующее: «Мы полностью изменяем наш план. Мы направляемся на восток, на СССР. Мы заберем у СССР хлеб, уголь, нефть».

Майор считал, что нападение на СССР произойдет где-то между 15 мая и 15 июня.

Говорили и о сообщении Зорге от 5 марта. Он якобы видел телеграмму Риббентропа немецкому послу в Токио генералу Отто, где сообщалось, что нападение на СССР произойдет в середине июня.

При упоминании о Зорге в глазах вождя появилось тоскливое выражение. Неужели нельзя прекратить действия этого разоблаченного провокатора? Сделайте что-нибудь: арестуйте семью, информируйте, наконец, японцев. Слова вождя были приняты к сведению.

Взявший слово генерал Фитин доложил, что в распоряжении разведки НКГБ имеется запись разговора, имевшего место между нашим полпредом товарищем Деканозовым и Вальтером Шелленбергом, возглавляющим внешнюю разведку в системе СС-СД. Разговор произошел на одном из приемов, куда товарищ Деканозов был приглашен не как полпред СССР, а как ветеран НКВД-ВЧК. На приеме царила непринужденная, товарищеская атмосфера, подогретая шампанским и ликерами. Воспользовавшись моментом, Деканозов прямо спросил у Шелленберга о слухах, которые ходят о каком-то плане «Барбаросса», якобы составленном для нападения на СССР. Шелленберг рассмеялся, сказал несколько лестных слов о советской разведке и признался, что такой план действительно существует.

Более того, он составлен его службой даже без консультации с военными. При вторжении в Англию очень важен фактор внезапности. Пусть англичане думают, что мы изменили свои планы, и немного расслабятся. Мы уже подкинули этот план американцам, поскольку уверены, что они информируют англичан. Затем он погрозил Деканозову пальцем и заметил: мы тоже кое-что знаем о вашей операции «Гром», но не относимся к этому серьезно.

Так и сказал «Гром» (дер Доннер), а не «Гроза» (дас Гевиттер), хотя в немецком языке эти понятия часто путаются.

Сталин окидывает грозным взглядом Берия, Меркулова и Фитина: «Когда прекратится это безобразие? Выясните наконец, откуда идет утечка информации?»

Чекисты ежатся под взглядом великого вождя. Берия, выручая всех, спокойно говорит: «Я ведь вам уже докладывал, товарищ Сталин, откуда идет утечка. А вы не санкционируете предложенные мною мероприятия». Утечка идет из Управления ВВС, о чем уже докладывали многие, включая резидента НКВД в Германии Кудрявцева.

Сталин жестом руки приказал Берия замолчать и предложил товарищам вернуться к обсуждаемому вопросу, хотя все, услышав о подготовке органами какого-то мероприятия, связанного с прекращением «утечки», почувствовали себя не очень уютно, поскольку все были допущены к информации об операции «Гроза». «Мероприятия» могли коснуться и любого из них.

Далее были анализированы:

Донесение военно-морского атташе в Берлине адмирала Воронцова о просьбе немцев предоставить в их распоряжение советские торговые суда для перевозки второго эшелона десанта.

Новое хозяйственное соглашение с СССР до осени 1942 года, без соблюдения которого немцы будут просто не в состоянии вести войну.

Наличие на границе с СССР слишком малых сил для наступления.

Отсутствие в пограничных с СССР районах развернутых фронтовых штабов и наличие таковых в северной Франции и Норвегии.

Лейтмотивом совещания была уверенность, что бросаться с такими хилыми силами на многомиллионную армию, перенасыщенную боевой техникой, не решится и псих.

А если и бросится, то тоже не беда. Мы его тут же и прихлопнем «малой кровью на его территории». А «его территория» это уже вся Европа.

Сталин тоже улыбнулся. Ему нравился искренний оптимизм военных и чекистов.

Итог совещанию подвел генерал Голиков, зачитавший следующее резюме:

«1. Можно считать совершенно достоверными намерения немцев осуществить вторжение на Британские острова не позднее лета сего года. К этому времени должна быть закончена подготовка к проведению в жизнь намеченных партией и правительством политических и военных мероприятий.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и… германской разведки».

После этого совещания во все звенья, подчиненные прямо или косвенно советским разведывательным службам, полетела шифрованная директива:

«ВСЕ ДОКУМЕНТЫ, УКАЗЫВАЮЩИЕ НА БЛИЗКОЕ НАЧАЛО ВОЙНЫ, ДОЛЖНЫ РАССМАТРИВАТЬСЯ КАК ФАЛЬШИВКИ, ПРОИСХОДЯЩИЕ ИЗ БРИТАНСКИХ ИЛИ ДАЖЕ ГЕРМАНСКИХ ИСТОЧНИКОВ».

23 марта 1941 года в Москву, проездом, прибыл Министр иностранных дел Японии Иосуке Мацуока. Мацуока направлялся в Берлин и Рим, но сделал остановку в Москве. Министру были оказаны высшие почести, и прямо с вокзала его повезли в Кремль, где он был принят Сталиным.

Столь великой чести давно никто не удостаивался.

Сталин принял японского министра очень радушно.

«Мы оба – азияты, – объявил он посланцу страны Восходящего Солнца, – Советский Союз ошибочно считается европейской страной. Мало кто понимает, что Россия – это такая же азиатская страна, как и Япония». Мацуока не остался в долгу. Будучи потомком знатнейшей в Японии могучей феодальной фамилии, он не моргнув глазом признался Сталину в том, что «по духу он убежденный коммунист».

Затем Мацуока стал убеждать Сталина, что японцы борются в Китае вовсе не с китайцами, а с англосаксонским либерализмом, который представляет большую опасность для Японии, поскольку все японцы «в душе коммунисты» [77].

Постепенно разговор, как и положено на Востоке, перешел в деловое русло. Поговорили о возможном заключении договора о ненападении и нейтралитете и ликвидации японских концессий на северном Сахалине. Торговались долго, в соответствии с древними традициями азиатских базаров, и Сталин жестами показал Мацуока, что тот – бессердечное существо – просто душит его. Показал, взяв себя руками за горло.

Мацуока пообещал решить все вопросы после возвращения из Берлина, когда он, по пути на родину, снова заедет в Москву. Он рассчитывает это сделать примерно 8 апреля.

Сталин поинтересовался, что думают японцы делать с английскими и голландскими колониями в юго-восточной Азии, которые остались фактически бесхозными после крушения далеких метрополий.

О сокрушении Англии уже говорили так, как будто это уже произошло. Мацуока отметил, что это вопрос «очень сложный и деликатный». Он знает, что Советский Союз уже вел переговоры с Гитлером по поводу дальнейшей судьбы «обанкротившегося британского поместья» и претендует на район Персидского залива. Япония ничего не имеет против этого, но нужно твердо и точно решить, что достанется Японии, а что – СССР. Тут речь идет главным образом об Индии, поскольку западнее этого района Япония никаких интересов не имеет.

Зная, что большая часть его слов будет наверняка пересказана Гитлеру, Сталин сделал вид, что полностью разделяет взгляды японского министра.

К сожалению, отметил Мацуока, он не может не обратить внимание господина Сталина на совершенно неконструктивную, провокационную и просто оскорбительную позицию, которую заняли поджигатели войны в Вашингтоне по отношению к Германии и Японии. Особенно к Японии. Они грозят нам торговыми санкциями, обещают задушить нашу экономику, заморозить наши активы, пожаловался Мацуока. Сейчас вся Япония возмущена очередной американской провокацией. Рузвельт приказал своему флоту постоянно оставаться на Гавайских островах, чтобы, по его словам, играть роль револьвера в руках полицейского и остановить Японию, вставшую на путь разбоя. Какое право имеет Америка объявлять какие-то страны преступными, а себя считать блюстителем порядка?

Мацуока признался, что столь откровенная подготовка Америки к войне против его страны, очень волнует японское правительство. Но, добавил он, никто не сомневается, что американцы способны наковать горы кораблей, самолетов и прочего оружия, но кто будет воевать этим оружием? Он, Мацуока, сильно сомневается, чтобы американцы были на это способны.

Сталин оживился. Примерно то же самое говорили ему и его аналитики. Америка готова поставлять оружие в любом количестве, чтобы воевать чужими руками. Но воевать сама изнурительную, современную, кровавую войну – совершенно неспособна. Неспособна – благодаря сильному общественному мнению и демократии.

Кроме того, не унимался обиженный Мацуока, нам тоже есть чем удивить этих янки, если они полезут воевать.

Сталин знал, о чем говорил японец. Советская разведка давно уже сообщала о строительстве в Японии каких-то сверхмощных линейных кораблей, аналога которым не было ни у Соединенных Штатов и ни у кого в мире. Огромный японский флот мог без страха ждать любых провокаций Америки.

Разволновавшись, Мацуока признался Сталину, что ненавидит демократию, которая разлагает народ, заставляя его подчиняться собственным прихотям, а не выполнению национальной задачи, поставленной вождями.

Говоря дипломатическим языком, был достигнут полный «консенсус». На следующий день в Наркоминделе был дан большой прием в честь японского министра, а наутро Мацуока отбыл в Берлин, весьма растроганный тем сердечным приемом, который ему был оказан в Москве.

26 марта адмирал Лютьенс вылетел в Берлин на доклад к адмиралу Редеру. Четыре дня назад, 22 марта, пробившись через чудовищный десятибалльный шторм, Лютьенс привел «Шарнхорст» и «Гнейзенау» в Брест.

Правда, Брест был плохим убежищем. Не успели корабли войти в порт, как над базой появился английский разведчик, сделавший несколько кругов и явно ведущий аэрофотосъемку. Все с тревогой ожидали воздушного налета англичан, но, к счастью, погода становилась все хуже и хуже. Брест скрылся под сплошным покровом свинцовых туч, мокрого снега, стелющегося над гаванью под порывами ледяного ветра.

Лютьенс застал главкома в несколько возбужденном состоянии. Редер недавно вернулся из Мераны, где совещался с главнокомандующим итальянским флотом адмиралом Риккарди. Впрочем, это было не совещание, а очередная попытка вывести мощный итальянский флот из состояния паралича. В Берлин и Рим, сообщил Редер, прибывает японский министр иностранных дел Мацуока. Это важнейшее событие, которое, возможно, присоединит военные усилия Японии к усилиям Германии и Италии в борьбе против Англии. Очень важно сейчас открытие против Англии второго фронта на Дальнем Востоке и захвата Сингапура. Япония же специфическая морская держава. Наибольшее впечатление на них могут оказать победы на море, что и побудит их к активным действиям. Просто необходимо, чтобы во время пребывания Мацуока в Берлине и Риме пришло известие если не о победе, то о каком-нибудь успехе итальянского флота в Средиземном море.

Доводы были очень убедительными, а последующая затем директива Муссолини, которому также не хотелось рассказывать японскому гостю об одних поражениях, побудило итальянское командование организовать набег в район Крита на морские коммуникации англичан.

Лютьенс доложил Редеру о результатах своего трехмесячного рейда, находя их неудовлетворительными.

Это только начало, успокоил Редер. По приказу фюрера штаб флота подготовил проект приказа о новой операции надводных кораблей, которую вновь предстоит вести в бой адмиралу Лютьенсу. Но на этот раз в состав эскадры войдет новейший линкор «Бисмарк», находящийся сейчас в Готенгафене. Вместе с тяжелым крейсером «Принц Ойген» линкор прорвется в Атлантику через Датский пролив, где и соединится с вышедшими из Бреста «Шарнхорстом» и «Гнейзенау». Начало операции намечено на следующий период новолуния,

который будет в апреле. Позднее к эскадре Лютьенса присоединится и второй линкор этого типа – «Тирпиц». Господству англичан на море будет положен конец, а Атлантика окажется полностью закрытой для их судоходства.

Пока моряки готовились к новым боям под традиционным лозунгом «Боже, покарай Англию!», Гитлер, готовясь к приему в Берлине японского министра, приготовил маленький сюрприз. Этим сюрпризом было присоединение Югославии к странам Оси.

25 марта премьер-министр Югославии Цветкович и министр иностранных дел Маркович тайно прибыли в Вену. Для этого министрам пришлось выехать из Белграда в совершенно другом направлении, сойти на пригородной станции и пересесть на поезд, идущий в Вену. Там они при полном отсутствии прессы и даже собственного посла в Германии подписали протокол о присоединении Югославии к Тройственному Союзу.

Это было первым из того, о чем Риббентроп с радостью сообщил Мацуока по его прибытии в Берлин.

В отличие от приема, оказанного ему в Москве, где японского министра сразу же повезли к Сталину, в Берлине ему пришлось до встречи с Гитлером выслушать длинную, сбивчивую речь Риббентропа в Имперском министерстве иностранных дел.

Основное достоинство японцев – умение слушать не перебивая, давая быстрыми поклонами понять говорящему, насколько им нравится услышанное. Что они при этом действительно думают, понять по их лицам с застывшими улыбками совершенно невозможно.

Это раздражало Риббентропа, а потому речь получилась путаной, временами переходящей в чисто митинговую агитацию.

Начал имперский министр с того, что напомнил Мацуока и присутствовавшему на беседе послу Осима о крахе Англии.

«Германия, – сказал он, – находится в последней стадии своей борьбы против Англии. В течение минувшей зимы фюрер сделал все необходимые приготовления, так что сейчас Германия вполне готова помериться с Англией силами где угодно. Фюрер имеет в своем распоряжении, вероятно, сильнейшие вооруженные силы из всех существующих когда-либо». Риббентроп с гордостью заявил, что Германия уже имеет 24 танковых дивизии. Мацуока почтительно поклонился. Из источников собственной разведки он знал, что СССР только в западных округах уже развернул 40 танковых дивизий.

Поэтому японский посол осмелился почтительно осведомиться: каковы ныне отношения Германии и России?

Но это только конфиденциально, предупредил Риббентроп и сообщил, что «нынешние отношения с Россией являются корректными, хотя и не очень дружественными. После визита Молотова, когда русским предложили присоединиться к пакту трех держав, Россия поставила неприемлемые условия. Они означали принесение в жертву Финляндии, предоставление Сталину баз в Дарданеллах и возможности оказывать сильное влияние на положение на Балканах, особенно в Болгарии.

Германия явно почувствовала, что с тех пор, как сэр Стаффорд Криппс стал послом в Москве, происходит тайное и даже относительно явное укрепление уз между Россией и Англией. Германия внимательно следит за этими действиями».

Мацуока поинтересовался, не опасается ли Германия, что в подобной ситуации Сталин, сговорившись с англичанами, нанесет удар, воспользовавшись какими-нибудь удобными обстоятельствами, скажем уходом крупных сил немецкой армии на Балканский полуостров?

«Я лично знаком со Сталиным, – сдерживая себя, ответил Риббентроп, – и не считаю его склонным к авантюре, но быть вполне уверенным нельзя».

«Германские армии на Востоке всегда находятся в состоянии готовности, – не совсем уверенным голосом продолжал Риббентроп, но увидев, как переглянулись между собой Мацуока и Осима, а их улыбки из эллипсов неожиданно превратились в овалы, Риббентроп сорвался и почти закричал:

«Если когда-нибудь Россия займет позицию, которую можно будет истолковать как угрозу Германии, фюрер сокрушит Россию! Германия уверена, что кампания против России завершится абсолютной победой германского оружия и полным разгромом русской армии и русского государства! Фюрер убежден, что в случае боевых действий великая держава Россия перестанет существовать!»

Риббентроп понял, что говорит лишнее. Улыбки исчезли с японских лиц. Узкие глаза еще более прищурились, чтобы скрыть блеск волнения. Мацуока уже не сомневался, что война между СССР и Германией станет реальностью в самом ближайшем будущем. Не важно, кто нанесет первый удар. Недаром Сталин готов платить столь высокую цену за японский нейтралитет.

Германия стоит настороже и не потерпит никогда ни малейшей угрозы со стороны России. Германия хочет как можно быстрее завоевать Англию и не допустить, чтобы что-либо помешало ей в этом».

На это было трудно что-либо возразить.

«Державы Оси, – подвел итог Риббентроп, – уже определенно выиграли войну. Англичане давно бы вышли из войны, если бы Рузвельт не обнадеживал всякий раз Черчилля… Поэтому цель пакта трех держав – прежде всего запугать Америку и не дать ей вступить в войну. Главный враг нового порядка – Англия, которая является в такой же мере врагом Японии, как и Германии».

В голосе Риббентропа появились вдруг какие-то просительные нотки. «Поэтому фюрер по зрелому размышлению, – понизив голос, сказал он, – пришел к выводу, что было бы выгодно, если бы Япония решилась как можно скорее принять активное участие в войне против Англии. Например, молниеносное нападение на Сингапур явилось бы решающим фактором в быстром разгроме Англии… Япония, захватив Сингапур, приобретет абсолютно господствующую позицию в этой части Восточной Азии. Фактически она разрубит гордиев узел».

Это было слишком даже для невозмутимого Мацуока. Он ответил, что подобный вопрос требует тщательного изучения и консультаций с правительством. Покидая германское министерство иностранных дел, он заметил генералу Осима: «Зачем нам захватывать Сингапур, если они летом завоюют Англию? Сингапур сам упадет к нам в руки?»

«Извините, Мацуока-сан, – ответил генерал. – Я сильно сомневаюсь, что произойдет так, как нас пытался уверить господин министр».

«Почему?» – поинтересовался министр иностранных дел.

«Во-первых, потому, что у них нет флота, – объяснил генерал Осима, – а во-вторых, как только они соберутся высаживаться в Англии, их тут же, как зеленую гусеницу на циновке, раздавит русский сапог. И они это отлично понимают. Так что впереди нас ждет все что угодно, кроме высадки немцев в Англии».

Мацуока ничего не ответил. Он думал.

В тот же день, после обеда, Мацуока был принят Гитлером. Тот так же, как Риббентроп, решил произвести впечатление на японского министра перечнем военных побед Германии.

«С начала войны, – возбужденно рассказывал Гитлер, – уничтожено: 60 польских, 6 норвежских, 18 голландских, 22 бельгийских и 138 французских дивизий. Кроме того, 12 или 13 английских дивизий изгнаны с континента. Сопротивление воле держав Оси стало

невозможным. Как известно господину Мацуока, к державам Оси вчера присоединилась и Югославия».

В этот момент внесли бокалы с минеральной водой для фюрера и шампанским – для остальных и был провозглашен тост за окончательную победу над Англией.

Гитлер улыбался, и морщинки очень приятно собирались вокруг его глаз, придавая лицу фюрера очень гостеприимное и теплое выражение. «Было бы очень хорошо, – заявил Гитлер, беря под руку маленького японца, – если бы Япония также приняла участие в окончательном разгроме Англии. Быстрый захват Сингапура был бы просто великолепным событием. Англия бы навсегда утратила возможность к сопротивлению. Что на это скажет господин Мацуока?»

Мацуока поблагодарил Гитлера за откровенность и ответил, что в целом согласен с точкой зрения фюрера. К сожалению, он не обладает, в отличие от Гитлера, верховной властью в Японии и еще должен склонить к своей точке зрения тех, кто правит страной Восходящего Солнца. Поэтому он не может дать никаких определенных обязательств, но лично сделает все от него зависящее.

Затем Гитлер поинтересовался: о чем Мацуока и Сталин говорили в Москве?

Мацуока не сказал ни слова о том, что он на обратном пути собирается подписать со Сталиным договор о нейтралитете. (Гитлер тоже ничего не говорил о плане Барбаросса.) Он только поведал Гитлеру о беспокойстве Сталина по поводу судьбы британских владений, особенно в районе Персидского залива и его надежды, что после краха Британии все разногласия между Японией и Россией будут устранены.

Прием закончился, но ощущение какой-то недоговоренности осталось у той и другой стороны.

У Гитлера, как и у всякого человека с повышенной нервной возбудимостью, было очень острое чувство надвигающейся беды.

Еще во время приема в честь японского министра иностранных дел Гитлер осознал, что его что-то удручает. Возможно, его раздражали улыбки, уклончивые сладко-вежливые ответы и идиотские поклоны японцев. Нет, тут было что-то другое. Он видел, как его любимый адъютант штурмбанфюрер Гюнше несколько раз появлялся в зале с какой-то бумагой в руке, но, видя, что фюрер занят оживленной беседой с посланцами далекой Японии, не решался подойти.

Только проводив японцев, Гитлер узнал, в чем дело: в Югославии произошел государственный переворот.

Уже были известны подробности. 26 марта, когда Цветкович и Маркович возвратились из Вены и стало известно, что они подписали пакт с Гитлером, генерал Симович поднял военный мятеж. Кровопролития не было. Несколько генералов были арестованы. Цветкович, задержанный полицией, доставлен в штаб Симовича, где его заставили подписать заявление об отставке. Как только принц Павел прибыл в Белград, его доставили в штаб генерала Симовича, где он вместе с двумя другими регентами, подписал акт отречения. Ему дано несколько часов на сборы и предписано покинуть страну.

Улицы Белграда вскоре заполнились ликующими толпами, несущими плакаты: «Лучше война, чем пакт; лучше смерть, чем рабство!» Повсюду появились английские и советские флаги. Везде люди хором исполняли национальный гимн и, что самое интересное, песню времен прошлой войны: «Россия, приди на помощь братьям своим».

Сказать, что Гитлер пришел в ярость, получив это известие, значит не сказать ничего. У него произошла та вспышка конвульсивного гнева, который сначала лишал его способности мыслить, потом приводил к приступу удушья, из которого мог вывести только шприц доктора

Морреля. Позднее Гитлер сам рассказывал, что «Югославский путч явился для меня громом среди ясного неба. Когда мне сообщили о нем, я подумал, что это шутка».

Фюрер немедленно вызвал к себе Геринга, Кейтеля, Иодля, Гальдера и Риббентропа. К их прибытию он уже полностью успокоился и сказал, что это даже хорошо, что Югославия так себя проявила. Хуже было бы, если бы все это произошло, когда началось вторжение в Грецию, а еще хуже – при выполнении плана «Барбаросса».

Поэтому он решил, не дожидаясь возможных деклараций о лояльности со стороны нового правительства, провести все приготовления к *военному разгрому Югославии и уничтожению ее как национального государства.*

Приказ Гитлера был оформлен в виде Директивы № 25. Это нарушало все ранее разработанные военные планы. Операцию «Марита» (вторжение в Грецию) пришлось почти полностью перепланировать. Все приходилось делать в страшной спешке и экспромтом.

Но беда никогда не приходит одна.

Не успел Гитлер немного прийти в себя от югославского сюрприза, как пришло сообщение о новом разгроме итальянского флота.

27 марта, в соответствии с договоренностью, достигнутой в Меране между адмиралами Редером и Риккарди, в море вышло мощное соединение кораблей итальянского флота.

Новейший линкор «Витторио Венето» под флагом адмирала Якино вел за собой 6 тяжелых крейсеров, 2 легких и 14 эсминцев. Линкор «Витторио Венето» был лучшим в мире. Закованный в 350-миллиметровую броню, водоизмещением более 45 000 тонн, корабль нес девять 15-дюймовых орудий длинной в 54 калибра и мог развивать скорость до 30 узлов. Прекрасные тяжелые крейсеры типа «Пола» по своим боевым и техническим характеристикам превосходили в марте 1941 года все зарубежные корабли своего класса, включая и японские.

Узнав из сообщения разведки о выходе в море итальянцев, командующий английским флотом Восточного Средиземноморья адмирал Каннингхем вышел на перехват противника, ведя под своим флагом трех ветеранов Ютландского боя – линкоры «Варспайт», «Веллиэнт» и «Бэрхэм». Хотя модернизация, проведения в середине 30-х годов, и придала ютландским ветеранам современный вид, «старики» задыхались уже при скорости 22 узла, а их орудия, номинально имевшие тот же 15-дюймовый калибр, что и у итальянского линкора, были гораздо менее дальнобойными.

На рассвете 28 марта южнее мыса Матапан (южная оконечность Греции) легкие силы англичан вступили в боевой контакт с противником. Не считаясь с тем, что тяжелые орудия итальянцев способны быстро уничтожить их всех, англичане немедленно открыли ураганный огонь по противнику. Огромные водяные столбы, поднятые снарядами «Витторио Венето», обрушивались на палубы и надстройки английских крейсеров, но попаданий не было. В этот момент в воздухе появились шесть торпедоносцев-бипланов с авианосца «Формидейбл». Маленькие бипланы, совершенно комично выглядевшие на фоне камуфлированных бронированных чудовищ флота Новой Римской Империи, стрекоча моторами на своей парадной скорости 200 км/час, устремились в атаку.

Ни одного английского самолета итальянцам сбить не удалось, а линкор «Витторио Венето» получил торпеду в корму. Корабль лишился хода и управления, в огромную пробоину хлынула вода. Адмирал Якино немедленно приказал всем кораблям ложиться на обратный курс и отходить в Таранто, до которого было 420 миль.

Солнце стремительно закатывалось, и наступающая темнота обещала возможность отхода без дальнейших потерь. Окружив поврежденный линкор, сумевший поднять скорость до 19 узлов, итальянское соединение, не выполнив задачи, уходило на запад.

Через час после захода солнца оно было настигнуто еще одной шестеркой торпедоносцев «Свордфиш».

На этот раз торпеду получил красавец – тяжелый крейсер «Пола», который, приняв, несколько тысяч тонн воды, полностью лишился хода. «Свордфиши», как ночные жуки, радостно вереща моторами, понеслись к родному авианосцу, который нагло зажег все палубные огни, чтобы принять самолеты на палубу.

В этот момент к месту боя подошли старики-ветераны адмирала сэра Эндрю Каннингхема. Обнаружив радарами итальянский отряд, линкоры Каннингхема обрушили на противника огонь своих пятнадцатидюймовых орудий.

Тяжелые крейсеры «Зара» и «Фиуме» мгновенно взорвались и затонули, не успев даже открыть ответного огня.

В это время в луч английского прожектора попал без хода тяжелый крейсер «Пола». Сгрудившийся на баке подбитого крейсера экипаж протягивал англичанам буксирные концы.

Мозг адмирала Каннингхема был не в состоянии этого осознать. Он приказал снять итальянцев на эсминцы, а «Полу» добить торпедами, упустив тем самым уникальный случай захвата в море и привода в Александрию тяжелого крейсера противника, что стало бы наиболее уникальным эпизодом второй мировой войны на море. Со времен Цусимы, когда в плен японцам сдалась целая русская эскадра, ничего подобного в XX веке еще не случалось…

Это был конец. Итальянский флот больше и не пытался доказать кому-то свою полезность. Огромные корабли простояли по портам до 1943 года, а потом дисциплинированно сдались союзникам.

Даже Гитлер больше не напоминал ничего Муссолини о его флоте.

Известие о военном перевороте в Югославии вызвало в Кремле радостное возбуждение. Дело в том, что мудрая политика товарища Сталина привела фактически к полной политической изоляции Советского Союза. У Гитлера была Италия, Венгрия, Румыния, Болгария и в потенциале – Япония, а у СССР – никого, если не считать, конечно, Монголии. Впрочем, это мало кого сильно беспокоило.

Никто особенно не анализировал даже такой, казалось бы, важный вопрос: как поведут себя Англия и Соединенные Штаты после начала операции «Гроза». Некоторые склонялись к мысли, что Англия автоматически станет союзницей по принципу «враг моего врага – мой друг». Другие, а таких было большинство, напротив, предостерегали, что с началом освободительного похода Красной Армии в Европу англичане, перепугавшись, как и все буржуи, грядущей всеобщей победы пролетариата, заключат быстро мир с Гитлером и выступят совместно против СССР.

Но такими сказками товарища Сталина можно было еще запугать в начале 1940 года, но не сейчас.

Соединенные Штаты он презирал и ненавидел, и как они себя поведут, было решительно наплевать.

Что касается англичан, то они, ведя кровопролитные бои на юге своей страны, не скоро очухаются, чтобы как-то среагировать на наши действия, договориться с немцами или, наоборот, утопят их в канале, поскольку деваться тем уже будет некуда. На побережье Ла-Манша будет стоять непобедимая Красная Армия.

Поэтому товарищ Сталин твердо придерживался мнения, что не следует мешать Гитлеру окончательно очистить континент от англичан, чтобы не создавать себе в дальнейшем лишних проблем.

Плодить ненужных союзников так же опасно, как и лишних врагов. Некоторые горячие головы в Генштабе высказывали предположение, что на волне общего хаоса, вызванного

нашим наступлением, может быть удастся и с ходу форсировать Ла-Манш, захватив заодно и Британские острова. Но вождь подобных подходов не одобрял, считая подобные взгляды волюнтаризмом, от которых уже рукой подать до «головокружения от успехов». Что очень опасно.

Что касается Югославии, то, конечно, в конце концов, есть она или нет ее – было не так уж важно. Однако генштабисты просчитали великолепную возможность переброски в Югославию по воздуху крупных контингентов Красной Армии. Кинжальными ударами можно было быстро искромсать весь этот район, включая и Италию. Попутный захват Швейцарии сулил еще большие выгоды. Еще Ленин считал, что лучшими местом для начала мировой революции является именно Швейцария, а отнюдь не Россия. Семиязычная Швейцария предоставляла в теории такие возможности, даже не говоря об ее банках, что захватывало дух от открывающихся перспектив.

Москва немедленно признала правительство Симовича и с быстротой, поистине необыкновенной, стала втягивать Югославию в договорные отношения.

Германская реакция была очевидной. Советская разведка в Венгрии перехватила послание Гитлера венгерскому регенту адмиралу Хорти, где ясно говорилось: «Югославия будет уничтожена, так как она только что открыто отвергла политику взаимопонимания с державами Оси».

В то же время премьер-министр граф Телеки вечером 2 апреля получил телеграмму от своего посланника в Лондоне, тоже легко добытую советской разведкой. Английское министерство иностранных дел официально предупреждало, что, если Венгрия примет участие в каких-либо операциях Германии против Югославии, она должна ожидать объявления войны со стороны Великобритании.

Клубок интересно затягивался, и в Москве было решено несколько обострить игру.

Был подготовлен договор о «ненападении и дружбе», в котором Советский Союз не брал на себя абсолютно никаких обязательств, кроме обязательства самому не нападать на Югославию.

4 апреля с текстом предстоящего советско-югославского договора был ознакомлен посол Германии граф Шуленбург. На всякий случай. Граф прочел проект договора и выразил осторожное мнение, что он «сомневается в том, что момент, выбранный для подписания такого договора, являлся бы особенно благоприятным».

5 апреля югославы в Кремле, где их встретили Сталин и Молотов, предложили готовый проект договора в собственной редакции. Это был даже не договор, а нечто вроде дружелюбного жеста.

Габрилович затем поговорил со Сталиным с глазу на глаз, пытаясь конкретизировать вопрос о военных поставках. В первую очередь танков и самолетов. Сталин щедро обещал.

А утром 6 апреля стало известно, что немецкие войска вторглись в Югославию и Грецию, а Белград подвергся беспощадному удару с воздуха, в результате которого погибли 17 тысяч мирных жителей.

В Кремле царила мертвая тишина.

Когда же 6 апреля Шуленбург явился к Молотову с разъяснениями, что «югославское правительство, пришедшее к власти нелегально в результате переворота 27 марта, объединилось с Англией и Грецией» и Германия «располагала точной информацией, что югославский генеральный штаб вместе с греческим генеральным штабом и командованием высадившейся в Греции британской экспедиционной армии подготовились к совместной операции против Германии и Италии», Молотов только вздохнул. Он специально приехал с дачи, чтобы принять германского посла, и был в меланхолическом настроении.

Председатель Совета Народных Комиссаров и Нарком Иностранных Дел СССР вздохнул еще раз и выразил свою крайнюю печаль о том, что, несмотря на все усилия, избежать расширения войны так и не удалось. И, видимо, никогда не удастся, пока не будет покончено с Англией. О подписанном вчера советско-югославском договоре о дружбе Молотов не упомянул ни словом, а Шуленбург и подавно.

Все было ясно без лишних слов. При очередной попытке влезть в европейские дела Сталин получил от Гитлера недвусмысленную затрещину, но стерпел ее, поскольку она соответствовала так или иначе его глобальным планам.

Однако 13 апреля Сталин отвесил Гитлеру ответную и гораздо более болезненную оплеуху, когда из Москвы пришло сообщение о подписании между СССР и Японией договора о нейтралитете, о чем хитрый Мацуока, будучи в Берлине, даже не намекал.

Более того, сообщалось, что при отъезде Мацуока домой Сталин лично появился на перроне, чего вообще никогда не случалось, чуть ли не целовался с японцами, а затем обнялся с немецким военным атташе полковником Кребсом и провозгласил вечную дружбу между СССР и Германией.

Тот, кто хорошо знал Сталина, должен был от подобного его поведения просто умереть от страха.

Многим было хорошо известно сталинское выражение о том, что «он обнимает кого-либо только тогда, когда не имеет возможности его зарезать». Сборники крылатых сталинских фраз хранились уже не в одной разведке.

Была понятна и его радость.

В отличие от Гитлера, Сталин решил проблему войны на два фронта. Теперь *всю* свою боевую мощь он может обрушить на Европу, т.е. на Гитлера.

Предательство Японии, на которую он так рассчитывал, снова выбило Гитлера из колеи. Он впал в сильнейшую депрессию, из которой его не мог вывести ни укол доктора Морреля, ни известие о том, что генерал Роммель, совершив 400-мильный марш по пустыне, нанес англичанам первое поражение.

Глава 15. Ослепление

Парад войск на Красной площади 1 мая 1941 года поразил всех наблюдателей своей агрессивной направленностью. Даже предыдущий парад 7 ноября 1940 года, специально задуманный, чтобы оказать впечатление на Берлин перед визитом Молотова, не проходил в таком милитаристском угаре. Возможно, большое значение имело музыкальное сопровождение этого военного шоу. Если 7 ноября над Красной площадью лилась музыка Шопена, то ныне военные духовые оркестры постоянно играли знакомые каждому бравурные марши: «Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин», «Если завтра война», «По дорогам знакомым за любимым наркомом». Боевым набатом звучали традиционные первомайские призывы ЦК ВКП(б) и, что интереснее всего, призывали к готовности ко всяким неожиданностям. Всему этому созвучна была и речь принимавшего парад Наркома обороны маршала Советского Союза Тимошенко, произнесенная им с трибуны мавзолея.

«В этом году, – ревел усиленный громкоговорителями голос первого маршала, – трудящиеся нашей страны и всего мира встречают Первое мая в исключительно сложной международной обстановке…

Поэтому весь советский народ, Красная Армия и Военно-морской флот должны быть в состоянии мобилизационной и боевой готовности… Товарищи! Будьте бдительны, неустанно овладевайте военным делом, с удесятеренной энергией на всех участках социалистического строительства крепите экономическое и военное могущество нашей Родины! Да здравствует великий Сталин! Ура!» Вспугнутые стаи голубей взлетели с куполов Василия Блаженного и башенок Исторического музея.

По площади поползли танки. Все обратили внимание на то, что на параде были представлены только новейшие танки Т-34 и КВ. Гусеничные тягачи тащили за собой огромные артиллерийские орудия невиданных ранее систем. Прошли грузовики с воздушными десантниками. Со штыками наперевес и в касках прошли, чеканя шаг, части НКВД. В небе плыли армады боевых самолетов.

Войска сменили физкультурники. Многие из них также шли с винтовками наперевес или изображали своими мускулистыми, гибкими телами различные виды боевой техники. Затем пошли колоны демонстрантов, всем своим видом символизируя несокрушимое единство партии и народа. «Великому Сталину – Ура!» – неслось над площадью.

«Ура!» – ревели в ответ демонстранты.

Сталин, стоявший на трибуне мавзолея и приветствовавший ликующие крики усталым поднятием руки, мог быть доволен. Вряд ли у кого-нибудь из идущих сейчас по Красной площади и восторженно орущих «ура» не был кто-то из родных арестован, расстрелян, выслан. И, тем не менее, с какой неподдельной радостью и энтузиазмом они сплотились вокруг вождя, готовые идти за ним, куда он поведет, не задавая никаких вопросов.

Время от времени Сталин уходил за спины стоявших на трибуне членов политбюро и задумчиво мерил трибуну неторопливыми шагами туда и обратно. Он думал. И было о чем.

Все события последнего времени говорили о том, что доставленный советскими разведчиками план дальнейшего развития военных действий на европейском и африканском континентах, был правильным.

Как и следовало ожидать, Югославия и Греция не выдержали удара мощных сил вермахта. Была некоторая надежда, что англичане в районе горы Олимп остановят немецкое наступление. Но этого не произошло. Неожиданно для всех англичане начали эвакуацию своего почти пятидесятитысячного экспедиционного корпуса. Они эвакуировались на Крит, уведя с собой почти все суда греческого торгового флота – пятого в мире.

Наступление немцев в Греции и Югославии совпало по времени с их наступлением и в Северной Африке, где генерал Роммель уже фактически отогнал англичан обратно к египетской границе, а победитель итальянцев генерал О'Коннор захвачен немцами в плен.

На побережье Франции немецкие войска, по сообщениям разведки, продолжают интенсивные учения по высадке десанта. Немцы предполагают использовать при вторжении в Англию крупные силы воздушно-десантных войск, предварительно испытав их боевые возможности при захвате какого-нибудь крупного острова. Разведчики сходятся во мнении, что это будет остров Крит.

Англичане явно встревожены. Весь апрель приема у Сталина пытался добиться английский посол Стаффорд Криппс с какими-то новыми провокационными сообщениями о планах Германии напасть на СССР. Сталин не принял его и приказал Молотову английского посла Криппса и американского посла Штейнхарта также не принимать. Пусть ими занимается Вышинский.

Главное, что немцы, со свойственной им педантичностью, выполняют свой график операций, который нам хорошо известен, благодаря прекрасной работе нашей разведки. Значит, вскоре немцы предпримут крупное наступление против англичан на море. В Гданьске стоят уже введенные в строй их новые линкоры. Они выполняют свой график, а мы – свой.

Заключение договора о нейтралитете с Японией позволило перебросить с Дальнего Востока несколько мощных танковых и общевойсковых соединений.

Заканчивается окончательная разработка мобилизационного плана, имеющего наименование МП-41, и шлифовка операции «Гроза».

Сталин приказал закончить все работы не позднее 15 мая. Меры, принятые в промышленности после проведения XVIII партконференции, дали очень положительные результаты. Танковые заводы в месяц выпускали более 300 машин. Не отставали ни авиационные, ни артиллерийские заводы, ни заводы по выпуску боеприпасов. Был наведен полный порядок на транспорте, а железнодорожники переведены на военное положение и фактически влиты в железнодорожные войска Красной Армии.

Большого успеха достигли и органы НКВД в деле обеспечения безопасности страны.

20 апреля, по показаниям бывшего генерала Проскурова, был арестован начальник Управления ВВС генерал-лейтенант Рычагов.

У Сталина давно уже вызывала подозрение слишком высокая аварийность в авиационных частях, весьма смахивающая на вредительство и умышленные диверсии. Он неоднократно ставил эти вопросы перед Рычаговым. Сначала тот пытался как-то это объяснить слишком интенсивными программами летной подготовки, плохим оборудованием аэродромов, неправильным комплектованием летного состава. А последнее время начал просто хамить. На последний упрек Сталина по поводу слишком большого количества ЧП в авиации чуть ли не заорал: «Вы нас на гробах летать заставляете. Вот и аварийность большая!» Сталин даже опешил. Почему «на гробах»? Прекрасные самолеты у нас МИГи, ЯКи, ЛАГГи. «Не надо так гаварить, – мягко сказал он Рычагову. – Не должны вы так гаварить».

Но даже сам Сталин не ожидал того, что обнаружилось после ареста Рычагова, когда провели обыск в его служебных сейфах в Управлении, в академии ВВС, на КП управления авиацией МО, на центральном пульте ПВО и, конечно, на квартире и даче.

Было собрано достаточно улик, чтобы предъявить бывшему командующему военно-воздушными силами обвинение в измене Родине. Правда, сами по себе улики ни о чем не говорили, но с помощью показаний самого Рычагова они стали совершенно очевидными.

Рычагов быстро во всем признался. Он не так давно женился на известной летчице Марии Нестеренко, которую очень любил. Поэтому на вопрос следователя Матевосова, насколько его жена была осведомлена о его преступной деятельности и не хочет ли он с ней очной ставки, в котором слышалась явная угроза ареста и Марии Нестеренко, Рычагов сломался.

Он признался в том, что в преступном сговоре с бывшим генералом Проскуровым, а также и с другими генералами, главным образом, авиационными, готовил государственный переворот с целью убийства товарищей Сталина, Молотова, Жданова и Щербакова и реставрации в СССР власти помещиков и капиталистов.

Кроме того, он готовил поражение авиации Красной Армии в будущей войне, культивируя среди личного состава слухи о ненадежности советской авиационной техники («гробы»), организовывая постоянные летные происшествия, порчу материальной части и т.п.

Разумеется, ему было предложено назвать сообщников.

Рычагов было заупрямился, но следователи Родос, Шварцман, Матевосов и Семенов, выделенные в специальную бригаду для проведения этого важнейшего дознания особой государственной важности, были большими мастерами своего дела.

Почти одновременно с Рычаговым были арестованы и его основные сообщники по преступной группе (заговору): начальник Военно-воздушной академии генерал-лейтенант Федор Арженухин, генерал-лейтенант Петр Пумпур – командующий ВВС Московского военного округа, генерал Иван Сакриер – начальник управления вооружений главного управления ВВС и виднейший конструктор авиационных пушек Яков Таубин.

Следствие быстро установило, что, хотя «вооруженцы» действовали в сговоре с группой Рычагова, ими была создана и собственная диверсионно-вредительская сеть, которую, помимо Сакриера, возглавлял заместитель начальника главного артиллерийского управления НКО СССР генерал Георгий Савченко и начальник отдела этого управления генерал Степан Склизков. Оба были немедленно арестованы. Затем, изобличенные показаниями, были схвачены: начальник штаба управления ВВС генерал-майор Володин, командующий ВВС Дальневосточного фронта генерал-майор Гусев и генерал-майор технических войск Каюков – начальник одного из управлений НКО.

Допросы, аресты и обыски продолжались. Сменяя друг друга, следователи работали круглосуточно. У Сталина даже на душе стало легче. Подумать только, чем могла закончиться «Гроза», начнись она при таком количестве изменников в Военно-воздушных силах? Хорошо, что хоть в последний момент это гнездо предателей удалось накрыть.

Немецкий посол в Москве граф Фридрих Вернер фон Шуленбург вернулся из отпуска 30 апреля. Он привез в Берлин меморандум, составленный совместно с военным атташе генералом Кестрингом. В меморандуме указывалось, что поскольку СССР находится в полной политической изоляции, расширение экономических отношений с ним неизбежно приведет сначала к более тесному политическому, а затем и к военному союзу, весьма выгодному для Германии.

28 апреля Гитлер вызвал Шуленбурга к себе.

На столе фюрера лежал меморандум, написанный Шуленбургом и Кестрингом.

– Что вы мне тут пишете, граф, – поинтересовался Гитлер, – как я могу следовать вашим рекомендациям, если Сталин уже принял решение на меня напасть?

Шуленбург был ошеломлен таким началом беседы.

Однако, справившись с волнением, граф твердо заявил Гитлеру, что не верит в возможность нападения России на Германию. Напротив, в Москве все встревожены слухами о предстоящем нападении Германии на СССР.

– Вы не верите, что Сталин может напасть на нас? – спросил Гитлер Шуленбурга. – Вы не верите, граф, а я верю. У меня больше информации на этот счет, чем у вас, хотя, казалось бы, должно быть наоборот.

Фюрер подвел оторопевшего посла к карте, на которой были изображены знаменитые Белостокские и Львовские балконы, и водя пальцем по синим условным знакам, изображающим советские танковые, пехотные и кавалерийские дивизии, артиллерийские полки и аэродромы, спросил у Шуленбурга, можно ли подобное сосредоточение войск квалифицировать иначе, чем стратегическая концентрация накануне вторжения?

– Рейхсканцлер, – пытался возразить Шуленбург, – я уверен, что вы преувеличиваете опасность. В любом случае война с Россией, кто бы ее ни начал, будет трагедией для обеих наших стран. В то время как дальнейшее экономическое и политическое сотрудничество, о чем я указал в доложенном вам меморандуме, принесет неисчислимые выгоды нашей стране.

– Что вы меня уговариваете, граф? – усмехнулся Гитлер. – Я не собираюсь нападать на СССР. И если сделаю это, то только в том случае, когда у меня не будет никакого другого выхода. А так я, в принципе, совершенно с вами согласен и готов всячески содействовать улучшению отношений между нами и Кремлем…

Алогизм всех поступков Гитлера приводил графа Шуленбурга в отчаяние. Он покинул на следующий день Берлин в полном убеждении, что его долгом является предотвращение любой ценой будущей войны между Германией и Россией и создание того немецко-русского союза, о котором мечтал еще Бисмарк.

Граф Шуленбург решил начать собственные секретные переговоры с русскими, чтобы предотвратить «сползание к войне» со стороны двух великих держав.

Граф колебался, поскольку то, что он задумал без санкции своего правительства, граничило с государственной изменой. Единственным человеком в посольстве, которому Шуленбург мог доверять, был его советник Густав Хильгер, известный графу своими резкими антинацистскими взглядами.

Именно Хильгер и посоветовал Шуленбургу связаться с кем-нибудь из советских дипломатов примерно такого же ранга, что и он, и поговорить с ним в неофициальной обстановке по поводу возможного опасного развития немецко-русских отношений.

Хильгер знал, что сейчас в Москве находится коллега Шуленбурга – советский посол в Берлине Владимир Деканозов, и посоветовал побеседовать именно с ним. Помимо должности посла в Германии Деканозов являлся еще и заместителем наркома иностранных дел Молотова и даже вхож к самому Сталину. По крайней мере, он всем все доложит, как надо.

5 мая Деканозов был приглашен на завтрак в подмосковное Астафьево, где в роскошном особняке находилась резиденция германского посла, в которой тот, помимо прекрасной антикварной мебели, собрал драгоценную коллекцию картин и старинного оружия. В СССР все это стоило копейки.

Со стороны немцев на завтраке присутствовали только сам Шуленбург и, разумеется, Хильгер, прекрасно знающий русский язык.

Для начала граф фон Шуленбург заявил, что с детства был воспитан в духе незабвенного Бисмарка, всегда желавшего хороших отношений с Россией и предостерегавшего от любых конфликтов с ней. Тем более ему прискорбно, продолжал немецкий посол, что отношения между нашими странами ухудшились настолько, что уже открыто циркулируют слухи о возможной войне между Россией и Германией. А потому он, осознавая серьезность ситуации, хочет заявить следующее…

Тут Деканозов прервал речь Шуленбурга и осведомился, от имени кого посол собирается делать заявление? Говорит ли он по поручению своего правительства? Имеет ли он на это полномочия? В противном случае он будет не в состоянии что-либо передать советскому руководству.

Шуленбург и Хильгер сообщили Деканозову, что пошли на этот, «небывалый в истории дипломатии шаг» по собственной инициативе и без ведома своего руководства.

Прежде, чем события начнут развиваться по самому худшему варианту, причем, развиваться автоматически, следует проявить двустороннюю дипломатическую активность и сделать еще шаг навстречу друг другу, как это имело место в августе-сентябре 1939 года.

Далее Шуленбург подробно поведал собравшимся о своей аудиенции у Гитлера 28 апреля. В частности, фюрер был очень обеспокоен слишком большой, по его мнению, концентрацией советских войск на границе. Он, Шуленбург, пытался разубедить фюрера, но не уверен, что ему это удалось полностью на 100 процентов. Он коснулся также слухов о предстоящей войне между Германией и СССР, усиленно циркулирующих по Берлину и по всей Германии с января 1941 года, что затрудняет работу в Москве. Гитлер заверил его, что не собирается нападать на Россию, поскольку у него совершенно другие планы. Просто, в силу упомянутых действий Советского правительства, он был вынужден принять на восточной границе кое-какие меры предосторожности.

Затем в разговор вмешался Хильгер, сказав, что было бы неплохо, чтобы правительство СССР предприняло какие-нибудь шаги в противовес своим последним заявлениям. А затем выступить с новыми инициативами в духе возобновления прерванных в ноябре прошлого года переговоров…

На это Деканозов ответил, что все свои инициативы Советский Союз уже исчерпал. *Любая новая инициатива по сближению с Германией неизбежно бы вовлекала СССР в Союз трех держав и в войну на стороне Германии.*

Это отлично понимали не только в Москве, но и Берлине.

Шуленбург предложил обсудить этот вопрос более подробно «на повторной подобной встрече двух послов». Деканозов был мрачен, пригубил вино и даже не дотронулся до своей тарелки.

Пока советский и немецкий послы проводили «тайную» встречу в резиденции Шуленбурга, товарищ Сталин выступал в Большом Кремлевском Дворце на приеме, устроенном в честь выпускников военных академий. Маршалы, генералы и адмиралы, офицеры всех рангов, затаив дыхание, слушали речь.

Поздравив выпускников с окончанием учебы, Сталин заговорил об изменениях, произошедших в армии за те годы, которые выпускники провели в стенах военных академий. «Вы вернетесь в армию, – указал вождь, – и не узнаете ее. Красная Армия далеко не та, что была несколько лет назад.

Далее вождь признал, что в Красной Армии на сегодняшний день развернуто 300 дивизий, 20 тысяч танков и «многие тысячи самолетов». «Красная Армия, – еще раз подчеркнул вождь, – есть современная армия, а современная армия – армия наступательная».

«Вы приедете в части из столицы, – обратился к слушателям Сталин. – Вам красноармейцы и командиры зададут вопросы, о том что происходит сейчас? Надо командиру не только командовать, этого мало. Надо уметь беседовать с бойцами. Наши великие полководцы всегда были тесно связаны с солдатами. Надо действовать по-суворовски».

Упоминание в качестве примера царского генерала было совершенно новым. В зале почти все заметили этот оригинальный идеологический поворот. Вскоре из управления по боевой подготовке РККА поступят новые плакаты, где будет начертано: «Внуки Суворова, дети Чапаева! Бьемся мы здорово, колем отчаянно!»

А, действительно, кого еще приводить в качестве примера? Не Тухачевского же? А кто, кроме Суворова, так лихо наступал по сопредельным странам и даже по Италии и Швейцарии?

Сталин сделал паузу, отпил воды из стакана, прищурив глаза, осмотрел притихший зал и продолжал: «Чтобы готовиться хорошо к войне – это не только нужно иметь современную армию, но надо войну подготовить политически.

Что значит политически подготовить войну? Политически подготовить войну – это значит, чтобы каждый человек в стране понял, что война необходима. Народы Европы с надеждой смотрят на Красную Армию, как на армию-освободительницу. Видимо, войны с Германией в ближайшем будущем не избежать и, возможно, инициатива в этом вопросе будет исходить от нас. Думаю, это случится в августе. И вот почему.

Германия начала войну и шла в первый период под лозунгом освобождения от гнета Версальского мира. Этот лозунг был популярен, встречал поддержку и сочувствие всех обиженных Версалем. Сейчас обстановка изменилась. Сейчас германская армия идет с другими лозунгами. Она сменила лозунги освобождения от Версаля на захватнические».

Затем Сталин переходит к самому главному вопросу – к разоблачению мифа о непобедимости немецкой армии.

«Действительно ли германская армия непобедима?» – вопрошает с трибуны великий вождь и отвечает: «Нет. В мире нет и не было непобедимых армий. Есть армии лучшие, хорошие и слабые».

С точки зрения военной, в германской армии ничего особенного нет и в танках, и в артиллерии, и в авиации. (Сталин-то знает лучше других, что в Красной Армии боевой техники раз в пять больше, чем у вермахта, а качество – вообще сравнивать нечего.)

Военная мысль не идет вперед, военная техника отстает не только от нашей, но Германию в отношении авиации начинает обгонять Англия и Америка».

Это тоже что-то новое. Впервые в столь положительном контексте упомянуты главные оплоты империализма Англия и Америка. У них, оказывается, даже авиация не хуже немецкой.

В заключение, с заметным трудом выбравшись из частокола повторов, Сталин сказал: «Любой политик, любой деятель, допускающий чувство самодовольства, может оказаться перед неожиданностью, как оказалась Франция перед катастрофой».

Намек был более чем прозрачный. В самом ближайшем будущем Германию ждет такая же катастрофа, что постигла Францию летом прошлого года.

Поздравив еще раз всех присутствующих с окончанием курса обучения и пожелав успеха, Сталин закончил свою речь, переждав с усталым видом очередную буйную овацию аудитории.

6 мая советские газеты опубликовали Указ Президиума Верховного Совета СССР о назначении Сталина председателем Совета Народных Комиссаров. Молотов становился его заместителем, сохранив за собой должность народного комиссара иностранных дел.

Под заголовком «Мы должны быть готовы к любым неожиданностям» газеты отметили и вчерашнюю речь Сталина на приеме выпускников военных академий. «В своей речи, – сообщали газеты, – товарищ Сталин отметил громадные перемены, которые произошли в Красной Армии за последние несколько лет. Сталин говорил сорок минут и был выслушан с исключительным вниманием».

Все разведки мира извивались ужами, чтобы узнать, что именно говорил вождь военным в течение целых сорока минут.

Разведчикам была подброшена довольно ловко составленная дезинформация: среди слушавших речь Сталина сложилось впечатление, что вождь пытался «подготовить армию и страну к какому-то новому компромиссу с Германией». Он готов идти на новые уступки Гитлеру ради сохранения мира.

8 и 9 мая пришли сообщения о тяжелых налетах немецкой авиации на Лондон, когда бомбы угодили в «святая святых» Великобритании – в Палату Общин парламента. Газеты публиковали фотографию Уинстона Черчилля, стоящего среди руин парламентского зала заседаний.

Однако 10 мая произошло событие, перед сенсационностью которого померкли все остальные новости.

Вечером 10 мая 1941 года на испытательный аэродром фирмы Мессершмит в Аугсбурге прибыл заместитель Гитлера Рудольф Гесс. Начиная с осени 1940 года, Гесс выразил желание лично испытывать новые модели немецких истребителей. Генеральный авиаконструктор хотел протестовать, ссылаясь на вышедший в начале войны приказ Гитлера, запрещающий руководителям нацистской партии в военное время управлять самолетами.

Но существовал и другой указ Гитлера, также хорошо известный Мессершмиту, который гласил: «Декретом фюрера заместитель фюрера Гесс получает полную власть принимать решения от имени фюрера». Отказать требованиям такого человека не мог никто, в том числе и Вилли Мессершмит.

Гесс облюбовал для полетов новый истребитель дальнего действия Ме-110. Нисколько не уступая профессиональным летчикам-испытателям по мастерству управления

истребителем, Гесс совершил десятки взлетов и посадок с аэродрома в Аугсбурге, каждый раз отчитываясь перед Мессершмитом и его инженерами о результатах испытаний, указывая на различные недостатки новой машины. Особенно тревожил Гесса недостаточный, по его мнению, радиус действия новой машины. Он предложил Мессершмиту установить на истребителе дополнительные баки с горючим, которые можно было затем сбрасывать в процессе полета.

Рудольф Гесс прибыл на аэродром, чтобы проверить, как поведут себя в полете некоторые последние изменения, внесенные в проект истребителя конструкторами по его рекомендации. Речь шла о создании на базе Ме-110 более совершенной модели ночного истребителя. Захлопнув фонарь и запустив двигатель заместитель Гитлера лихо оторвался от земли, использовав только треть полосы, и исчез в надвигающихся сумерках. На аэродром Гесс не вернулся.

10 мая в 22:08 английский пост ПВО северного побережья в районе Нортумберленда заметил одиноко летящий немецкий истребитель. Это было странно, потому что так далеко на север самолеты противника никогда не залетали.

В 23:07 пришло новое сообщение с поста ПВО, заметившего одинокий «Мессершмит». Несколько минут назад, говорилось в сообщении, замеченный самолет упал и сгорел около населенного пункта Иглшем в Шотландии, а пилот выбросился с парашютом и был задержан бойцами гражданской самообороны.

Выбросившегося на парашюте пилота первым встретил фермер Дэвид Маклин. Фермер уже ложился спать, когда мощный взрыв, прогремевший на его поле, заставил Маклина выскочить из дома. На поле он увидел догорающие остатки упавшего самолета, а в небе – купол спускающегося парашюта. Маклин понятия не имел, чей это самолет. Летчик, погасив парашют, сняв шлем и очки, обратился к фермеру на безукоризненном английском языке. «Я ищу замок лорда Гамильтона. Если я не ошибаюсь, это его поместье?» Фермер ответил, что это так, но до замка лорда еще далеко и поинтересовался у летчика, что случилось и кто он такой. Тот назвался как Адольф Хорн и сообщил, что «привез очень важные вести для королевских Военно-Воздушных сил» и попросил поскорее отвезти его в замок лорда Гамильтона.

Выяснив, что незнакомец немец, Маклин вызвал бойцов местной гражданской самообороны, а те отвезли пленного в ближайший населенный пункт Бубси, где находился их штаб. Заперев летчика в одном из помещений штаба и доложив об этом начальству, бойцы МПВО посчитали свой долг выполненным по крайней мере до утра, когда начальство пообещало прислать за пленным машину. Но пленный неожиданно разбушевался, крича, что он немецкий офицер, прибывший в Англию со специальной миссией, и ему необходимо немедленно встретиться с лордом Гамильтоном. Все советы отдохнуть до утра, а «там разберемся», пленный летчик игнорировал, продолжая громко повторять свои требования. Штаб самообороны снова доложил начальству, что задержанный немецкий офицер Адольф Хорн, который уверяет, что прибыл со специальной миссией, выбросившись для этого на парашюте из истребителя, желает немедленно говорить с лордом Гамильтоном.

Герцог Гамильтонский – знатнейший вельможа Великобритании, пэр империи, имеющий свободный вход к королю Георгу и премьер-министру Черчиллю, чей родовой замок находился неподалеку, был крайне удивлен, что какой-то пленный немецкий летчик желает сообщить ему нечто важное. Именно ему, а никому другому.

Тем не менее, утром 11 мая герцог в сопровождении следователя приехал в казармы «Мэрихилл», куда перевезли захваченного пилота. Прежде всего были осмотрены найденные у летчика вещи: фотоаппарат «Лейка», какие-то таблетки, несколько фотографий, видимо, семейных, и визитные карточки на имя доктора Карла Хаусхоффера и его сына доктора Альбрехта Хаусхоффера.

Затем, в сопровождении дежурного офицера и следователя, герцог вошел в помещение, в котором поместили пленного.

Увидев герцога, пленный сказал, что хочет говорить с ним с глазу на глаз. Гамильтон попросил сопровождающих его офицеров выйти.

Тогда немецкий пилот напомнил лорду, что они уже встречались на авиационных соревнованиях в 1934 году и на Берлинской Олимпиаде 1936-го. «Не знаю, помните ли вы меня, – сказал он, – я – заместитель Гитлера, Рудольф Гесс…»

11 мая 1941 года выпало воскресенье, а по воскресеньям – война не война – Черчилль любил отдыхать. «Иначе, – говорил он, – невозможно всю неделю работать круглосуточно». Находясь в загородном замке своего приятеля в Дитчли, Черчилль с удовольствием смотрел кинокомедию с участием знаменитых комиков братьев Макс. В этот момент к премьеру Великобритании подошел секретарь и доложил, что его срочно просит к телефону герцог Гамильтонский.

Черчилль был удивлен. Он знал, что его друг находится в Шотландии. Что там могло произойти такого, что не могло бы подождать до завтрашнего утра? Премьер просит секретаря передать Гамильтону, чтобы тот позвонил утром. Однако секретарь возвращается и повторяет, что герцог настаивает на разговоре, подчеркивая его необычайную важность и срочность.

«Уинстон, вы не поверите, – кричал в трубку Гамильтон, – в Шотландию прибыл Гесс». Черчилль знал только одного Гесса – заместителя Гитлера, рейхсминистра, члена высшего совета обороны Германской империи, члена Тайного совета нацистской партии, где он считался первым после Гитлера лицом. Черчилль решил, что это фантастика.

Осознав происходящее, он немедленно продиктовал своему секретарю те меры, которые необходимо принять в связи с этим сенсационным событием:

«1. Распорядиться передать господина Гесса как военнопленного не министерству внутренних дел, а военному министерству.

2. Пока временно поместить его вблизи Лондона в удобно расположенном доме, в полной изоляции. В дальнейшем нужно сделать все, чтобы он изложил свои взгляды и замыслы, стараясь при этом получить от него как можно больше ценных сведений.

3. Необходимо следить за его здоровьем и обеспечить ему комфорт, питание, книги, письменные принадлежности и возможность отдыха. Он не должен иметь никаких связей с внешним миром или принимать посетителей, за исключением лиц по указанию министерства иностранных дел».

Видимо Гесс рассчитывал совсем на другой прием. Но на что бы он ни рассчитывал, он наверняка не предполагал, что, начиная с 10 мая 1941 года, ему придется провести в заключении 46 лет – вплоть до самой смерти, последовавшей 17 августа 1987 года в тюрьме Шпандау.

Накануне вечером любимец Гитлера и его личный архитектор Альберт Шпеер вместе с фюрером работали над проектом перестройки Берлина в столицу мира. Огромный бульвар в центре города, уставленный статуями полководцев, должен был упираться в гигантскую триумфальную арку, под которой могло пролететь целое звено бомбардировщиков. Гитлер сделал несколько замечаний по проекту и попросил Шпеера явиться к нему утром 11 мая с доработанным проектом, воплотить который в жизнь предполагалось не позднее. 1950 года.

Рано утром с рулоном чертежей Шпеер прибыл в Бергхов. В приемной Гитлера он застал бледных и возбужденных адъютантов Гесса – Лейтгена и Питча. Те попросили архитектора пропустить их первыми к фюреру, так как они должны передать тому важное письмо от Гесса. Шпеер, разумеется, согласился и, пока один из адъютантов прошел в кабинет Гитлера,

Шпеер, развернув на столе свои эскизы, стал проверять, насколько ему удалось учесть все замечания фюрера.

Страшный, почти животный рев заставил Шпеера вздрогнуть. Эскизы триумфальных арок посыпались на пол. Затем он услышал крик Гитлера: «Где Борман? Немедленно ко мне!»

Всех ожидавших в приемной заставили перейти в помещение на верхнем этаже и заперли там.

Через пятнадцать минут в Бергхов в полном составе во главе с самим Гиммлером прибыли руководители службы безопасности: Гейдрих, Шелленберг и Мюллер.

Последствия были ужасны. Все сотрудники Гесса, начиная с шоферов и кончая личными адъютантами, были арестованы. Узнав, что перед вылетом Гесс консультировался с астрологами и, якобы, те посоветовали ему лететь в Англию, Гитлер распорядился произвести массовые аресты среди астрологов, прорицателей, гадалок и экстрасенсов и строжайше запретить впредь заниматься в Германии чем-либо подобным.

Жена Гесса была объявлена соучастницей, лишена всех привилегий, вытекающих из высокого положения ее мужа, включая и государственное содержание. Никаких пенсий ей не полагалось и только благодаря участию Евы Браун, тайно снабжавшей свою подругу деньгами за спиной Гитлера, ей удалось кое-как сводить концы с концами.

Между тем, бригаденфюрер СС Вальтер Шелленберг – глава СД – докладывал Гитлеру, какую информацию англичане потенциально могут выжать из Гесса. Прежде всего, начальник внешней разведки СС выразил уверенность в том, что из-за своей преданности Гитлеру и делу национал-социализма Гесс никогда не выдаст противнику наших стратегических планов. «Хотя, – добавил Шелленберг, увидев сомнение на лице фюрера, – это вполне допустимо, учитывая его нынешнее положение».

«Что касается предстоящей кампании в России, – продолжал начальник СД, – было бы благоразумнее рассматривать данный инцидент с Гессом как возможное предупреждение русских, хотя сомнительно, что англичане, что-либо узнав из допросов Гесса, тут же оповестят об этом русских. Видимо, основной целью Гесса было не предательство наших целей и планов, а навязчивая идея примирить Англию и Германию».

Выступивший затем Гейдрих добавил, что, хотя он в целом согласен с мнением Шелленберга, он полагает необходимым расследовать в этом деле роль английской секретной службы. В любом случае анализ информации, которой владел Гесс, говорит следующее:

Во-первых, он знал о замысле войны против России, был ее противником. Будучи по горло занятым партийной работой и идеологией, он не вникал в подробности военных планов, не знал никаких точных дат и тому подобного, чтобы могло представлять стратегический интерес для противника.

Во-вторых, будучи человеком наивным и легковерным, Гесс продолжал быть уверенным, что операция «Морской Лев» будет осуществлена этим летом, что причиняло ему дополнительные страдания и, возможно, что с целью убедить англичан не доводить дело до вторжения на их острова, а пойти на мирное соглашение с Германией, он и предпринял свой более чем странный шаг.

И, в-третьих, что касается возможности передачи англичанами сведений, полученных от Гесса, в Москву, то необходимо иметь в виду, что уже давно русские рассматривают все поступающие из Лондона сведения как дезинформацию, просто не желая даже слушать что-либо, – исходящее от англичан.

Таким образом, закончил Гейдрих, никаким нашим планам и замыслам не грозят серьезные осложнения из-за бегства Гесса. Главная трудность видится только в объяснении этого инцидента союзникам. Особенно Японии, которая может решить, что мы за ее спиной

решили договориться с Англией. Не менее важно как-то объяснить этот поступок и Сталину, который, при его подозрительности, может решить, что мы отказываемся от запланированных акций против британской метрополии, и соответствующим образом изменит собственные планы, что очень опасно, особенно сейчас, когда подготовка к плану «Барбаросса» вступила в решающую фазу.

И, наконец, вздохнул Гейдрих, все случившееся надо как-то объяснить и немецкому народу, с которым Гесс общался гораздо больше, чем все другие руководители страны. Даже больше и теснее, чем доктор Геббельс. К сожалению, нам не избежать официального заявления по этому поводу.

Официальное заявление было составлено достаточно быстро. В нем говорилось: «Член нашей партии Гесс, которому из-за продолжающейся в течение многих лет прогрессирующей болезни фюрер самым строгим образом запретил летать, в последнее время попытался – несмотря на имеющееся запрещение – снова овладеть самолетом. 10 мая он вылетел из Аугсбурга, но из этого полета до сегодняшнего дня не вернулся.

При таких обстоятельствах национал-социалистическое движение должно, к сожалению, считаться с тем, что член нашей партии Рудольф Гесс попал в авиакатастрофу и мог погибнуть или попасть в руки противника».

Выслушав официальное заявление, Гитлер сказал, что отныне в условия мира с англичанами будет вставлен специальный пункт о выдаче Гесса, которого он намерен публично повесить как предателя.

12 мая Сталин распорядился закрыть в Москве посольства Бельгии, Норвегии, Греции и Югославии, а их персоналу либо выехать из страны в течение 48 часов, либо перейти на положение интернированных. Это было правовое признание оккупации этих стран Гитлером.

Накануне на секретном совещании Политбюро, т.е. в присутствии Сталина, Молотова, Берия и Меркулова, который членом Политбюро не являлся, был заслушан доклад советского посла в Берлине Владимира Деканозова.

Суммируя свои многочисленные беседы с Герингом, Гессом, Шелленбергом, Риббентропом, Вайцзекером и другими руководителями Германии, Деканозов доложил, что немецкое руководство почти официально предупредило его о мероприятиях по введению англичан в заблуждение в 1941 году. В ходе этих мероприятий будут распространены слухи о возможном нападении Германии на Советский Союз, поскольку крупные контингенты сил вермахта отведены на восток, за пределы действия английской авиации, для отдыха и переформирования.

Советское правительство также должно понимать, что англичане, со своей стороны, приложат все усилия, чтобы натравить друг на друга СССР и Германию, о чем свидетельствует уже начавшаяся кампания в английской и американской прессе о намерении Советского Союза нанести внезапный удар по Германии.

На это Сталин задумчиво сказал: «Да, нас пугают немцами, а немцев пугают нами».

Далее Деканозов повторил уже ранее сделанный Сталину доклад о своей беседе с Шуленбургом и Хельгером.

Доклад Деканозова не произвел на Сталина особо сильного впечатления, но зато пришедшее в тот же день по нескольким разведывательным каналам сообщение о прибытии Рудольфа Гесса в Англию ошеломило вождя всех народов нисколько не меньше, чем Гитлера.

Гесса послал в Англию, конечно, Гитлер. Иначе это просто себе невозможно представить. Что бы подумал мир, если бы товарищ Молотов, украв, скажем, истребитель МИГ-3, улетел в Германию и выбросился с парашютом над ставкой Гитлера? Что бы он подумал?

Что товарищ Молотов выполняет задание ЦК, т.е. товарища Сталина. Иначе не бывает. Значит, Гитлер снова решил предложить Англии мир и в знак искренности своих намерений послал к Черчиллю ни кого-нибудь, а своего первого заместителя. И не просто заместителя, а заместителя по партии. Значит, он отказывается от своих планов вторжения в Англию нынешним летом? Чего же он хочет? Он узнал о наших планах и хочет встретить нас всеми имеющимися силами, перебросив все свои дивизии с канала на восток? Есть от чего свихнуться! Немедленно выяснить, с какими предложениями Гесс прилетел в Англию. Кто его послал? Какова реакция англичан?

Вождь был искренне возмущен. Берия, Фитин и Голиков видели по глазам и интонациям вождя, что нужно торопиться. Пересекаясь друг с другом, в эфир полетели шифровки. Телефон на столе советского посла в Лондоне Ивана Майского надрывался непрерывно.

Пришла в движение вся советская агентура в Германии, на оккупированных территориях и в нейтральных странах.

Подоспевшее к этому времени официальное немецкое сообщение, разумеется, вызвало только кривые ухмылки.

Наконец, 14 мая пришла первая шифровка из Лондона, зарегистрированная в журнале входящих шифротелеграмм НКГБ за № 376.

«СОВ. СЕКРЕТНО

Вадим сообщает из Лондона, что:

1. По данным «Зенхен», Гесс, прибыв в Англию, заявил, что он намеревался прежде всего обратиться к Гамильтону, знакомому Гесса по совместному участию в авиасоревнованиях 1934 года. Гамильтон принадлежит к так называемой кливлендской клике. Гесс сделал свою посадку около имения Гамильтона.

2. Киркпатрику Гесс заявил, что привез с собой мирные предложения. Сущность мирных предложений нам пока неизвестна. (Киркпатрик – бывший советник английского посольства в Берлине.)

14/V-1941 г. № 376».

«Вадимом» являлся резидент в Лондоне Иван Чичаев, «Закоупком» условно обозначался Форин Оффис – английское министерство иностранных дел, а «Зенхеном» – знаменитый Ким Филби – двойной агент, выданный англичанам еще в 1940 году Вальтером Кривицким и с тех пор снабдивший советскую разведку таким количеством дезинформации, которая могла бы привести к катастрофе не одну страну, а целый континент. Все беседы с Гессом, которые англичане считали допросами, а сам Гесс и товарищ Сталин – переговорами, писала на пленку английская разведка, в которой служил Филби, передававший все эти пленки в Москву после некоторой их редакции.

Из дальнейших сообщений Сталин понял следующее: Гесс ни разу словом не упомянул о возможности нападения Германии на Советский Союз, а на прямые вопросы англичан о такой возможности, отвечал отрицательно.

Гесс откровенно предупредил англичан о том, что высадка немцев неминуема, и Англия будет уничтожена еще в этом году, если англичане и не согласятся на мир.

Никакого согласия со стороны англичан не последовало.

Во всяком случае такие сообщения присылал Филби, из которых Сталин сделал вывод:

1. Вторжение в Англию обязательно состоится.

2. У Германии нет планов нападения на СССР.

Он мог в этом не сомневаться, поскольку все беседы с Гессом шли в обстановке сверхсекретности и уж никак не предназначались для его, Сталина, дезинформации.

Это было вполне логично, если бы не одно обстоятельство.

Англичане знали, что Филби работает на Москву и, передавая пленки ему, прекрасно понимали, что Сталин поверит в их подлинность. А потому и строили беседы с Гессом в соответствующем ключе.

Почему?

Да очень просто: и в Берлине, и в Лондоне, и в Вашингтоне не хотели, чтобы следующую партию глобальной борьбы за мировое господство Сталин начал первым. Общими силами уже созданы условия, когда руководитель СССР не верит в подлинную информацию, считая ее дезинформацией, а дезинформацию – считает информацией. Это и есть высочайшее искусство разведки.

15 мая 1941 года, в 7 часов 30 минут утра по московскому времени, со стороны немецкой границы над Белостоком появился трехмоторный немецкий транспортный самолет Ю-52.

Немецкие самолеты последнее время неоднократно нарушали воздушное пространство СССР, ежедневно ведя визуальную разведку и аэрофотосъемку районов концентрации советских войск. Подобные полеты настолько раздражали советское командование, вынужденное действовать по ночам и тратить массу времени на маскировку всех своих мероприятий по развертыванию войск в дневное время суток, что Молотов еще 22 апреля был вынужден направить немцам довольно резкую ноту протеста.

Новый самолет-нарушитель с утра пораньше появившись над Белостоком, продолжал полет вглубь советской территории, держа курс на Минск. Тысячи глаз следили за его полетом с земли, но никаких попыток прервать тот вызывающий полет не предпринималось.

Пролетев над Минском, Ю-52 продолжал полет дальше на восток, направляясь к Смоленску. Стояла прекрасная погода, в голубом небе ярко сияло солнце. Наземные станции ПВО, вместо того, чтобы объявить тревогу и начать наводить на нарушителя перехватчики, связавшись с «юнкерсом», корректировали его курс и высоту полета.

Миновав Смоленск, «юнкерс» взял курс на Москву и около половины двенадцатого утра вошел в зону ПВО столицы СССР. Прекрасно ориентируясь в сложной инфраструктуре окрестностей гигантского города, самолет уверенно пошел на посадку, на полосу известного всей стране Тушинского аэродрома.

Развернувшись в конце полосы, «Юнкерс» заглушил свои двигатели как раз в тот момент, когда к нему подъехал элегантный черный «Форд», сверкая на солнце никелированными фарами и бамперами.

Из автомобиля вышел человек, одетый, несмотря на жару, в двубортный костюм и шляпу, поднялся в самолет по выдвинутому изящному металлическому трапу. Вскоре он появился снова, неся небольшой кожаный портфель. «Форд» немедленно покинул аэродром и в сопровождении черной «эмки» помчался в сторону Москвы. Через два часа, заправившись горючим, «Юнкерс» вылетел с Тушинского аэродрома и, пройдя весь свой путь в обратном направлении, исчез в воздушном пространстве Германии.

«Уважаемый господин Сталин,

Я пишу Вам это письмо в тот момент, когда я окончательно пришел к выводу, что невозможно добиться прочного мира в Европе ни для нас, ни для будущих поколений без окончательного сокрушения Англии и уничтожения ее как государства…

Однако, чем ближе час приближающейся окончательной битвы, тем с большим количеством проблем я сталкиваюсь. В немецкой народной массе непопулярна любая война, а война против Англии особенно, ибо немецкий народ считает англичан братским народом, а войну между нами – трагическим событием. Не скрою, что я думаю так же и уже неоднократно предлагал Англии мир на условиях весьма гуманных, учитывая нынешнее военное положение англичан. Однако оскорбительные ответы на мои мирные предложения и постоянное расширение англичанами географии военных действий с явным стремлением втянуть в эту войну весь мир, убедили меня, что нет другого выхода, кроме вторжения на (Английские) острова и окончательного сокрушения этой страны.

Однако, английская разведка стала ловко использовать в своих целях положение о «народах-братьях», применяя не без успеха этот тезис в своей пропаганде.

Поэтому оппозиция моему решению осуществить вторжение на острова охватила многие слои немецкого общества, включая и отдельных представителей высших уровней государственного и военного руководства. Вам уже, наверное, известно, что один из моих заместителей, господин Гесс, я полагаю – в припадке умопомрачения из-за переутомления, улетел в Лондон, чтобы, насколько мне известно, еще раз побудить англичан к здравому смыслу, хотя бы самим своим невероятным поступком. Судя по имеющейся в моем распоряжении информации, подобные настроения охватили и некоторых генералов моей армии, особенно тех, у кого в Англии имеются знатные родственники, происходящие из одного древнего дворянского корня.

В этой связи особую тревогу у меня вызывает следующее обстоятельство.

При формировании войск вторжения вдали от глаз и авиации противника, а также в связи с недавними операциями на Балканах вдоль границы с Советским Союзом скопилось большое количество моих войск, около 80 дивизий, что, возможно, и породило циркулирующие ныне слухи о вероятном военном конфликте между нами.

Уверяю Вас честью главы государства, что это не так.

Со своей стороны, я также с пониманием отношусь к тому, что вы не можете полностью игнорировать эти слухи и также сосредоточили на границе достаточное количество своих войск.

В подобной обстановке я совсем не исключаю возможность случайного возникновения вооруженного конфликта, который в условиях такой концентрации войск может принять очень крупные размеры, когда трудно или просто невозможно будет определить, что явилось его первопричиной. Не менее сложно будет этот конфликт и остановить.

Я хочу быть с Вами предельно откровенным.

Я опасаюсь, что кто-нибудь из моих генералов сознательно пойдет на подобный конфликт, чтобы спасти Англию от ее судьбы и сорвать мои планы.

Речь идет всего об одном месяце.

Примерно 15-20 июня я планирую начать массированную переброску войск на запад с Вашей границы.

При этом убедительнейшим образом прошу Вас *не поддаваться ни на какие провокации* (разрядка моя. – *И.Б*), которые могут иметь место со стороны моих забывших долг генералов. И, само собой разумеется, постараться не давать им никакого повода. Если же провокации со стороны какого-нибудь из моих генералов не удастся избежать, прошу Вас, проявите выдержку, не предпринимайте ответных действий и немедленно сообщите о случившемся мне по известному Вам каналу связи. Только таким образом мы сможем достичь наших общих целей, который, как мне кажется, мы с Вами четко согласовали.

Я благодарю Вас за то, что Вы пошли мне навстречу в известном Вам вопросе и прошу извинить меня за тот способ, который я выбрал для скорейшей доставки этого письма Вам.

Я продолжаю надеяться на нашу встречу в июле.

Искренне Ваш, Адольф Гитлер.

14 мая 1941 года».

Пока Сталин наслаждался чтением письма своего берлинского друга, сам Гитлер с не меньшим удовольствием читал меморандум Министерства Иностранных дел Германии, составленный коммерческим советником Шнурре. Тем самым Шнурре, который еще летом 1939 года вместе с советским атташе Астаховым заложил фундамент столь теплых и интимных отношений, сложившихся к этому времени между вождями двух стран.

В этом документе, который назывался «Вторым меморандумом о германо-советских экономических отношениях», советник Шнурре докладывал:

«1. Переговоры с первым заместителем Народного комиссара внешней торговли СССР Крутиковым, закончившиеся несколько дней назад, были проведены Крутиковым в весьма конструктивном духе.

2. Как и в прошлом, сложности возникли в связи с выполнением германских обязательств о поставках в СССР, особенно в сфере вооружений. Однако невыполнение Германией обязательств начнет сказываться лишь после августа 1941 года, так как до тех пор Россия обязана делать поставки авансом.

3. Большие затруднения созданы бесконечными слухами о неизбежном германо-русском столкновении. Эти слухи причиняют серьезное беспокойство германской индустрии, которая в некоторых случаях уже отказывается посылать в Россию персонал, необходимый для выполнения контрактов.

4. У меня создается впечатление, что мы могли бы предъявить Москве экономические требования, даже выходящие за рамки договора от 10 января 1941 года, требования, могущие обеспечить германские потребности в продуктах и сырье в пределах больших, чем обусловлено договором…

Советник Шнурре. 15.05.1941 г.»

16 мая облегченно вздохнули и в Москве, и в Берлине. И перевели дух.

Многочисленные разведсводки устанавливали дату немецкого нападения на 15 мая.

В Берлине, после хулиганской выходки Рудольфа Гесса, имелись сведения, что Сталин, потерявший терпение и, поняв, как его дурачат, даст приказ к наступлению. Тем более, что немецкая разведка определила 15 мая как дату окончательной подготовки Красной Армии к нанесению давно задуманного удара.

Все как бы были правы, но ничего не произошло.

10, 12, 13 и 14 мая Сталин проводил секретные совещания с Тимошенко и Жуковым, оттачивая последние детали мобилизационного плана и его главного детища – операции «Гроза».

16 мая план был представлен в окончательной редакции. Условное его название МП-41 было утверждено 12 февраля 1941 года, когда генерал Жуков, заступив на должность начальника Генштаба, представил его товарищу Сталину.

Выполнение этого плана, как в центре так и на местах, предполагалось завершить к 1 июля 1941 года. Календарный план работ был утвержден Жуковым 19 февраля 1941 года, а указания о порядке, разработке и обеспечении плана были отданы фронтам (округам) в начале марта.

В окончательном виде мобилизационный план МП-41 предусматривал развертывание Вооруженных Сил СССР в составе 303-х дивизий, не считая войск НКВД, отдельных воздушно-десантных частей и частей особого назначения.

В своем выступлении 5 мая товарищ Сталин похвастал перед выпускниками военных академий, что в составе Красной Армии уже имеются 300 дивизий.

Теперь ему было приятно узнать, что он ошибался.

Дивизий уже не 300, а 306, а в скором будущем их число будет доведено до 309. К августу 1941 года расчетное число дивизий будет 344. Из них в настоящее время развернуты: 200 стрелковых дивизий, 61 танковая дивизия, 31 моторизованная дивизия, 13 кавалерийских дивизий, 348 авиаполков, 5 воздушно-десантных корпусов с самостоятельными управлениями, 10 отдельных противотанковых артиллерийских бригад РГК, 94 корпусных артполка, 72 артиллерийских полка РГК.

Не считая войск НКВД, численность армии уже перевалила за 8 миллионов человек и должна была к 1 июля достигнуть 8,9 миллиона человек. Число танков к 1 июля должно было составить около 37 тысяч единиц (к настоящему моменту имелось уже 27,5 тысяч). Число самолетов всех типов уже достигло 32628, из них боевые машины составляли 22171 единицу. В войсках имелось уже более 106 тысяч артиллерийских и минометных стволов разных калибров. Более 75 % от общего количества вооруженных сил было развернуто на Западной границе двумя стратегическими эшелонами. Начато формирование и третьего стратегического эшелона [78].

13 мая Жуков отдал приказ о начале развертывания 5 армий второго стратегического эшелона. По этому приказу 22-я (генерал Ф. А. Ершаков), 21-я (генерал В. Ф. Герасименко) и 19-я (генерал И. С. Конев) армии начали выдвижение из Уральского, Приволжского и Северо-Кавказского военных округов на рубеж рек Западная Двина и Днепр. Вместе с тем, 16-я армия генерала М. Ф. Лукина и 20-я армия генерала Ф. Н. Ремезова направлялись на Юго-Западный фронт (Киевский особый военный округ), где они должны были составить резерв Главного Командования. Все эти армии и приданные им части должны были развернуться на указанных им рубежах в период с 1 июня по 3 июля.

14 мая нарком обороны Тимошенко отдал приказ о досрочном выпуске курсантов военных училищ и немедленном направлении их в войска. 15 мая Жуков представил Сталину проект указа о дополнительном призыве в армию 800 тысяч запасных под видом учебных сборов, отнеся это мероприятие на конец мая – начало июня.

16 мая 1941 года был окончательно утвержден план операции «Гроза», отредактированный и представленный Сталину 15 мая. Именно этот план, хранящийся в красных запечатанных конвертах с надписью «Вскрыть по получении сигнала „Гроза“„ и дал полуофициальное название этой операции. Официально же, как и водится в советском делопроизводстве, документ был обозначен как „План стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками“. План был составлен под руководством Жукова генералами Василевским и Ватутиным. Он имел грифы: „Совершенно секретно“ и «Только лично“ и обращен непосредственно к Председателю Совета Народных Комиссаров СССР товарищу Сталину с указанием, что данный экземпляр до его утверждения является единственным.

В отличие от предыдущих, этот последний вариант «Грозы», по которому и предполагалось действовать, был составлен, во-первых, с учетом выполнения Мобилизационного плана (МП-41) и, во-вторых, в нем полностью отсутствовала «новоречь» и никому ненужные преамбулы типа: «Если Советский Союз подвергнется нападению…» и т.п. Все формулировки были просты, ясны и недвусмысленны [79].

В преамбуле плана говорилось, что «для обеспечения его выполнения необходимо заблаговременно провести следующие мероприятия, без которых невозможно нанесение внезапного удара по противнику как с воздуха, так и на земле:

1. Произвести скрытое отмобилизование войск под видом учебных сборов запаса – выполнено на 80 %.

2. Под видом выезда в лагеря произвести скрытое сосредоточение войск ближе к западной границе, в первую очередь сосредоточить все армии резерва Главного командования – выполняется.

3. Скрытно сосредоточить на полевые аэродромы авиацию из отдаленных округов и теперь же начать развертывание авиационного тыла – выполнено на 75 %.

4. Постепенно под видом учебных сборов и тыловых учений развертывать тыл и госпитальную базу – выполняется».

«Первой стратегической целью действий войск Красной Армии, – говорил далее план, – поставить разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее линии Брест-Демблин… Последующей стратегической целью иметь: наступлением из района Катовице в северном или северо-западном направлении разгромить крупные силы центра и северного крыла германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии.

Ближайшая задача – разгромить германскую армию восточнее реки Висла и на Краковском направлении, для чего:

а) главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезая Германию от союзников;

б) вспомогательный удар левым крылом Западного фронта нанести в направлении Седлец, Демблин, с целью сковывания Варшавской группировки и овладения Варшавой, а также содействия Юго-Западному фронту в разгроме Люблинской группировки противника;

в) вести активную оборону против Финляндии, Венгрии и Румынии и быть готовым к нанесению удара против Румынии при благоприятной обстановке…

…III. Исходя из указанного замысла стратегического развертывания, предусматривается следующая группировка Вооруженных Сил СССР:

1. Сухопутные силы Красной Армии в составе 198 сд, 61 тд, 13 кд – всего 303 дивизии и 74 артполка РГК, распределить следующим образом:

а) главные силы в составе 163 сд, 58 тд, 30 мд и 7 кд (всего 258 дивизий) и 53 артполка РГК иметь на Западе, из них: в составе Северного, Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов – 136 сд, 44 тд, 23 мд, 7 кд (всего 210 дивизий) и 53 артполка РГК; в составе резерва Главного командования за Юго-Западным и Западным фронтами – 27 сд, 14 тд, 7 мд (всего 48 дивизий).

б) остальные силы в составе 35 сд, 3 тд, 1 мд, 6 кд (всего 45 дивизий) и 21 артполк РГК назначаются для обороны дальневосточных, южных и северных границ СССР…

IV. Состав и задачи развертываемых на Западе фронтов (карта 1:1.000.000).

Северный фронт (ЛВО) – 3 армии, и составе 15 стрелковых, 4 танковых и 2 моторизованных дивизий, а всего 21 дивизия, 18 полков авиации и Северного военно-морского флота, с основными задачами – обороны г. Ленинграда, порта Мурманск, Кировской железной дороги и совместно с Балтийским военно-морским флотом обеспечить за нами полное господство в водах Финского залива… Штаб фронта – Парголово.

Северо-Западный фронт – 3 армии, в составе 17 стрелковых дивизий, 4 танковых, 2 моторизованных дивизий, а всего 23 дивизии и 13 полков авиации, с задачами: после перехода в наступление войск Западного фронта, взаимодействуя с Балтийским военно-морским флотом, начать наступление в направлении Тильзит-Кенигсберг, прикрывая при этом упорной обороной Рижское и Виленское направления. Штаб фронта – Поневеж.

Западный фронт – 4 армии, в составе 31 стрелковой, 8 танковых, 4 моторизованных и 2 кавалерийских дивизий, а всего 45 дивизий и 21 полк авиации. Задачи: с переходом армий Юго-Западного фронта в наступление, ударом левого крыла фронта в общем направлении на Варшаву и Седлец-Радом, разбить Варшавскую группировку и овладеть Варшавой; во взаимодействии с Юго-Западным фронтом разбить Люблинско-Радомскую группировку противника, выйти на реку Висла и подвижными частями овладеть г. Радом. Правым крылом фронта, взаимодействуя с войсками Северо-Западного фронта, отрезать главные силы противника от Восточной Пруссии и форсировать Вислу в ее нижнем течении. Границу Дании без особого распоряжения не переходить. Штаб фронта – Барановичи.

Юго-Западный фронт – 8 армий, в составе 74 стрелковых дивизий, 28 танковых, 15 моторизованных и 5 кавалерийских дивизий, а всего 122 дивизии и 91 полк авиации, с ближайшими задачами:

а) концентрическим ударом армий правого крыла фронта окружить и уничтожить основную группировку противника восточнее р. Висла в районе Люблин;

б) одновременно ударом с фронта Сенява-Перемышль-Лютовиска разбить силы противника на Краковском и Сандомиро-Келецком направлениях и овладеть районом Краков-Катовице-Кельце, имея в виду в дальнейшем наступать из этого района в северном и северо-западном направлениях для разгрома крупных сил северного крыла фронта противника и овладения территорией собственно Германии со стремительным наступлением на Берлин;

в) …быть готовым к нанесению концентрических ударов против Румынии. Из районов Черновиц и Кишинева с ближайшей целью разгромить северное крыло Румынской армии и выйти на рубеж реки Молдова, Яссы».

Документ был подписан Тимошенко и Жуковым.

Силы противника в этом плане оценивались следующим образом.

На сегодняшний день, утверждалось в плане, на границах Советского Союза сосредоточено 86 пехотных, 13 танковых, 12 моторизованных и 1 кавалерийская дивизия, а всего до 120 дивизий. В процессе нашего наступления немцы и их союзники потенциально могут довести это число до 180 дивизий. Однако, вероятнее всего, главные силы немецкой армии в составе 76 пехотных, 11 танковых, 8 моторизованных, 2 кавалерийских и 5 воздушных, а всего до 100 дивизий будут развернуты к югу от линии Брест-Демблин для нанесения удара в направлении Ковель-Ровно-Киев.

Чтобы предотвратить это, план считал необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий немецкому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск».

Сталин хорошо знал в чем дело. Генштаб желал начать операции как можно быстрее, пока Красная Армия почти по всем показателям имеет тройное преимущество над противником – классическое преимущество для полного успеха наступательной операции.

В представленном ему плане наступления было предусмотрено все, кроме одного и, пожалуй, самого главного. Там даже в рекомендательном смысле ничего не говорилось о сроке начала операции. Не говорилось, потому что вождь это делать запретил.

Все сроки установит он сам.

Потому что только он *один* имеет всю информацию об обстановке.

– Все мероприятия по развертыванию, – приказал вождь, что-то подсчитывая в уме, – закончить примерно к 1 июля. Ну, скажем, к 3-му. Не позднее. И только не поддавайтесь ни на какие провокации со стороны немцев и их не провоцируйте. И помните, Германия никогда не пойдет на нас войной, не покончив с Англией. А мы выберем нужный момент…

Все знавшие Сталина в те времена обратили внимание, что примерно со второй половины мая, он вдруг стал опасаться каких-то провокаций, постоянно указывая на них не поддаваться.

Сталин взглянул на Жукова и Тимошенко и увидел, что ничего из сказанного им до них не дошло. Особенно до Жукова. Начиная с немецкого вторжения в Грецию и Югославию, он постоянно докучал вождю своими просьбами разрешить начать «Грозу» как можно быстрее. Ну, 15 мая, наконец. Ну, 1 июня. Генерал работал по 20 часов в сутки. Он не только вошел во вкус новой должности, но фактически подмял под себя бесхарактерного и слабовольного маршала Тимошенко.

Эта нечеловеческая агрессивная энергия, исходящая от нового начальника Генерального штаба, начала вызывать у Сталина тревогу. Гитлер прав. Собственные генералы часто бывают опаснее любого противника. Уж кто-кто, а Сталин это знает, возможно, лучше всех в мире. Гитлер распустил своих генералов, но он, Сталин, умеет их держать в такой узде, что никто не смеет и пикнуть.

Конечно, он понимает, что уже были благоприятные моменты, когда можно было нанести по немцам сокрушительный удар. Но он ждет не просто благоприятного момента, а самого благоприятного, который наступит, когда Гитлер уведет большую часть войск к Ла-Маншу и бросит их через канал.

Сталин уже подготовил войну политически и только он решит, когда «Гроза» полыхнет над Европой.

И чтобы Тимошенко с Жуковым все поняли правильно, сказал:

– Если вы там, на границе, будете дразнить немцев – двигать войска без нашего разрешения, – тогда имейте в виду, что головы полетят.

И вышел, хлопнув дверью.

Пусть генералы пугают кого-нибудь другого, что 78 немецких дивизий смогут, опередив нас в развертывании, нанести удар в направлениях Риги, Минска и Киева, в три раза уступая нам по всем показателям!

Оптимизм вождя совсем не разделял подполковник Новобранец, продолжавший, как это ни странно, не только занимать должность начальника информационного отдела ГРУ, но и испытывать терпение своего командования. В феврале Новобранец проследил переброску на восток еще 25 немецких дивизий, в марте – 5-и, в апреле – 13-и, а к 20 мая – еще 30-и.

В итоге, он с ужасом убедился, что на советской границе уже сосредоточено по меньшей мере 170 немецких дивизий, а с учетом войск союзников Германии – более 200. Войска разгружались к западу от линии Радом-Варшава и ночными маршами двигались к границе.

Анализ железнодорожных перевозок немцев показывал, что на каждый эшелон, прибывающий к границам СССР, приходится два, идущих на запад. Агентурная разведка сообщала, что эти эшелоны не привозят новые войска на побережье канала, а, наоборот, грузят и куда-то увозят уже развернутые там части.

Но, с другой стороны, имелись сведения о формировании в Германии мощного авиадесантного корпуса, специальных подразделений морской пехоты и многого другого, что применять в случае войны с СССР было не целесообразно.

Однако факт, что количество немецких дивизий на границе с СССР за три месяца возросло в два раза, говорил сам за себя, но командование, как всегда, не обращало на этот факт ни малейшего внимания.

Новобранец регулярно докладывал Голикову подробные сводки с номерами новых немецких дивизий, с фамилиями их командиров, и с указанием, откуда эта дивизия прибыла, где развернута и где находится ее штаб.

Голиков не спорил, как когда-то, запирал сводку в сейф и молча отпускал Новобранца.

Однако материалы Генштаба, проходившие через руки Новобранца, по-прежнему говорили ему, что там, наверху, продолжают исходить из предпосылки, что против СССР, не начиная развертывания, просто топчутся 70-80 немецких дивизий. Иногда в материалах мелькала цифра 120 дивизий с учетом войск союзников Гитлера.

Это приводило подполковника уже не в ужас, а в отчаяние, как приводит в отчаяние смертельный диагноз, поставленный врачами кому-нибудь из родных и особо близких людей. Это отчаяние от осознания собственной беспомощности чем-либо помочь.

Не меньший ужас вызывало и то, что творилось в высших эшелонах военного руководства Красной Армии.

Будучи опытнейшим и образованным генштабистом, за плечами которого было две военных академии, подполковник Новобранец со все усиливавшимся недоумением и страхом смотрел на дикие и совершенно безграмотные мероприятия генерала армии Жукова.

Фактически с его приходом на должность начальника Генштаба в начале февраля 1941 года, Генеральный Штаб Красной Армии прекратил свое существование в качестве специализированного военного института, символизирующего «мозг Армии», превратившись в филиал Наркомата Обороны, ведающий распределением живой силы и боевой техники согласно поступающим с мест заявкам.

Сам Жуков превратился в наркома обороны, отодвинув на второй план маршала Тимошенко и, как таковой, действовал с вулканической активностью юного пионера, играющего в войну.

Войска расставлялись вдоль границы, как шашки при игре в поддавки, двумя линиями стратегических эшелонов. Никакого оперативного тыла не существовало. Не шло и никакой подготовки ТВД к боевым действиям.

Между фронтами и на стыках армий зияли страшные пустоты, предназначенные по замыслу для ввода в действие второго стратегического эшелона, а пока заткнутые чем попало или просто открытые.

Ежедневно к границе подходили новые воинские части и эшелоны с военными материалами. Прямо на открытом воздухе, порой даже без охраны, складировалось немыслимое количество боеприпасов и военного снаряжения.

Снаряды, бомбы, патроны, мины, иногда в ящиках, а иногда и нет, египетскими пирамидами возвышались над складскими помещениями в гарнизонах и на окружных пунктах боепитания.

Забивая подъездные пути и магистральные линии, на многие километры тянулись эшелоны с цистернами дизельного топлива и бензина, горбатились бесконечные платформы с танками, тягачами и тяжелыми артиллерийскими орудиями. На аэродромы прямо в заводской упаковке доставлялись самолеты. Царили хаос и неразбериха.

Становилось плохо от одной мысли, что на все это неожиданно может обрушиться немецкая авиация.

Генеральный штаб прекратил военно-научную деятельность. Не собирались конференции с командующими фронтами и командирами для теоретической отработки возможных вариантов развития событий и выявления оптимального.

Командующие армиями, корпусами и дивизиями ничего не знали о предстоящих им задачах. От лежащих в сейфах запечатанных конвертов с надписью «Вскрыть по получении сигнала „Гроза“ веяло холодной мистикой. Но если командармы, периодически призываемые на окружные командно-штабные игры, еще о чем-то были осведомлены, то уровнем ниже царили одни догадки и общие понятия.

Все это видел и понимал подполковник Новобранец. Он был уверен, что Сталину ничего неизвестно об истинном положении на границе. Во-первых, ему не докладывают истинную

обстановку, а, во-вторых, будучи сугубо штатским человеком, вождь партии и народа просто не в состоянии разобраться во всех этих, специфически военных вопросах, легкомысленно отданных им на откуп совершенно безграмотным в военном отношении людям.

Новобранец, не задумываясь, отдал бы несколько лет жизни, чтобы иметь возможность в спокойной обстановке выступить с обстоятельным докладом перед товарищем Сталиным и членами Политбюро, объяснив им, что армия и страна стремительно скатываются в ловушку, чреватую военной катастрофой.

Но это, разумеется, было совершенно невозможно осуществить.

Слишком маленьким человеком был подполковник Новобранец, несмотря на то, что все основные военные тайны обеих противостоящих сторон шли через его отдел и через его аналитический мозг.

Но Новобранец не сдавался. Он снова решил действовать через голову Голикова, чтобы его материалы пришли непосредственно к Жукову.

Но Жуков – это был не Мерецков.

Он позвонил Голикову и, гневно дыша в трубку, сказал:

– Ты, Голиков, вот что… Ты наведи, наконец, порядок в своем хозяйстве. Долго твои паникеры и провокаторы будут через твою голову передавать мне английскую «дезу» и пугать тут нас всех. Разберись и доложи!

Осунувшийся, с красными от бессонницы глазами подполковник Новобранец продолжал сутками напролет сидеть в своем кабинете, зарывшись в горы непрерывно поступающей разведывательной информации, когда 21 мая к нему вошел незнакомый генерал.

Фамилия генерала была Дронов. Он объявил, что назначен новым начальником информотдела ГРУ.

– Для вас, кажется, это неожиданность? – спросил Дронов, взглянув на побледневшее и исказившееся лицо Новобранца.

Взяв себя в руки, подполковник признался, что, да, полная неожиданность. Его не предупредили даже устно.

Он позвонил Голикову и спросил, когда сдавать дела.

Затем подполковника вызвали в отдел кадров и предложили отправиться в отпуск.

Новобранец ответил, что уже был в отпуску, а два отпуска в год не полагается.

– Ничего, – засмеялся начальник отдела кадров полковник Кондратов, – в нашей системе полагается. Тем более, что вам придется провести его в Одессе в доме отдыха Разведупра.

Подполковник понял в чем дело. Одесский дом отдыха закрытого типа предназначался для разведчиков, о судьбе которых еще не было принято окончательного решения.

В начале июня подполковник отправился «отдыхать». Ему повезло, о нем забыли, и он «отдыхал» до самого начала войны…

21 мая немецкое радио объявило о вторжении на остров Крит.

Вторжение проводилось с моря и воздуха. Парашютисты генерала Штудента были высажены на остров совершенно неожиданно для англичан, хотя разведка уже три недели предупреждала командование о подготовке немцами подобной операции. Первая волна десантников, высаженная на парашютах с огромных десантных планеров для захвата английского аэродрома Малем, сразу же встретила ожесточенное сопротивление. Один батальон десантников, сброшенный восточнее аэродрома, попал под убийственный огонь англичан с господствующих высот и был почти полностью уничтожен во время высадки.

Еще хуже сложилась обстановка у второй волны десантников, чьей задачей был захват аэродромов Ретимноне и Гераклионе. Предварительный налет бомбардировщиков не только не смял обороны англичан, а привел ее в состояние наивысшей готовности. Высадившихся на парашютах уничтожали кинжальным пулеметным огнем. Огромные десантные планеры, которые несли каждый до сотни десантников, сидевших в три яруса, со страшным треском разваливались, наткнувшись на специальные преграды.

Небольшие, отрезанные друг от друга, группы немецких парашютистов, заняли круговую оборону, не позволяя противнику уничтожить себя окончательно. К исходу 20 мая ничто еще не говорило об успехе вторжения.

Утром 21 мая немцам удалось высадить с воздуха истребительно-противотанковый дивизион парашютной дивизии. На позиции англичан волна за волной стали обрушиваться пикирующие бомбардировщики, переброшенные на итальянский остров Сарпанто. Под их прикрытием десантникам удалось захватить полосу аэродрома Малем, где к полудню начали приземляться транспортные самолеты с первыми подразделениями альпийских стрелков.

Но на следующий день немецкие пикирующие бомбардировщики волна за волной стали обрушиваться на английские корабли.

Три линкора – «Бэрхэм», «Варспайт» и «Веллиэнт» получили прямые попадания авиабомб, причинившие кораблям тяжелые повреждения. Два крейсера – «Глостер» и «Фиджи» вместе с двумя эсминцами были потоплены авиабомбами, еще несколько кораблей получили повреждения. Авианосец «Формидейбл» нанес своими самолетами удар по немецким аэродромам на острове Скарпанто, уничтожив около 20 «Юнкерсов». Но на отходе авианосец был перехвачен пикировщиками, взлетевшими с аэродромом Северной Африки. Истребители боевого воздушного патруля сбили 8 немецких бомбардировщиков, но остальные, пробившись через зенитный огонь, всадили в «Формидейбл» две бомбы.

Оставшись без воздушного прикрытия, адмирал Кеннингхэм временно отвел свои корабли от Крита. На всем пути его отхода в Александрию неистовые «штукос» – Ю-87 – беспрерывно атаковали его корабли, утопив еще один эсминец и повредив много других, потеряв еще 3 машины от зенитного огня.

К Криту из греческих портов сразу двинулись тяжелые транспортные суда с подкреплениями и грузами для немецкого десанта. На Крите продолжались ожесточенные бои, но защитники острова, не имея поддержки с воздуха и с моря, уже попали в безнадежное положение.

Вторжение немцев на Крит отвлекло на какой-то момент внимание от другого события, произошедшего в то же самое время.

Утром 20 мая английская агентурная сеть в Готенгафене сообщила, что ночью линейный корабль «Бисмарк» и тяжелый крейсер «Принц Ойген» исчезли из гавани.

В воздух были немедленно подняты самолеты-разведчики берегового командования. Командующий английским флотом метрополии адмирал сэр Джон Тови приказал сторожевым крейсерам «Суффолку» и «Норфолку» занять позиции в Датском проливе, а соединению вице-адмирала Холланда выйти в море и следовать в предполагаемую точку перехвата немецких кораблей южнее Исландии.

Подчиняясь приказу главкома, адмирал Горацио Холланд с наступлением темноты вывел в море и повел к точке возможного перехвата противника свое соединение, состоящее из линейного крейсера «Худ» и линкора «Принс оф Уэлс» – второго корабля типа «Кинг Джордж V», который совсем недавно вступил в строй и еще не успел пройти полного цикла боевой подготовки.

Адмирал Холланд нес свой флаг на линейном крейсере «Худ». Если и существовал корабль, который являлся символом и воплощением морской мощи Британии, то им несомненно был линейный крейсер «Худ», который, не только не уступал «Бисмарку» вооружением, размерами и водоизмещением, а даже превосходил его, хотя был более чем на 20 лет старше.

Между тем, отряд адмирала Лютьенса в окружении четырех эсминцев пробирался вдоль норвежского побережья на север. Перед адмиралом Лютьенсом, стоявшим в окружении офицеров своего штаба на флагманском мостике «Бисмарка», снова, как и в феврале, стоял вопрос, каким путем пробиваться на просторы Атлантики: Датским проливом или Фарерско-Исландским проходом? И снова адмирал выбрал Датский пролив, надеясь, что господствующие там туманы и снеговые вихри опять дадут ему возможность проскочить незамеченным и хорошо погонять английский флот по центральной Атлантике.

Отпустив танкеры, «Бисмарк» и «Принц Ойген» вместе с эсминцами завернули в Гримстад-фиорд южнее Бергена, чтобы пополнить запасы топлива и переждать в укрытии светлое время суток. Там они и были обнаружены английским самолетом-разведчиком, сделавшим несколько аэрофотоснимков.

Просмотрев еще мокрые снимки, адмирал Тови приказал Холланду несколько уменьшить скорость и, держась на прежнем курсе, ждать дальнейших распоряжений.

Новый самолет-разведчик, направленный в фиорд, доложил, что немецкие корабли уже исчезли оттуда.

Англичане, потеряв «Бисмарк» из вида, обшаривают самолетами и кораблями арктические воды, но не могут ничего обнаружить. В штабе адмирала Тови даже высказывается мнение, что покинув фиорд, немцы вернулись в Германию.

Между тем, Лютьенс уже подвел свои корабли к северному входу в Датский пролив. Военно-морская разведка сообщила на «Бисмарк», что данные аэрофотосъемки Скапа-Флоу показывают, что английские линкоры еще находятся там. Малоопытные летчики «Люфтваффе» приняли за чистую монету фанерные макеты боевых кораблей, выставленные в Скапа-Флоу специально для введения их в заблуждение.

Вечером 23 мая из туманной дымки, стелющейся вдоль берегов Исландии, с мостиков немецких кораблей замечают силуэт английского тяжелого крейсера. Затем еще одного. Это «Суффолк» и «Норфолк». Их радиостанции, подобно охотничьим рогам, возвещающим о подъеме крупного зверя, взрывают эфир, наводя на противника соединение адмирала Холланда.

Из Скапа-Флоу адмирал Тови выводит свой флагманский линкор «Кинг Джордж V» и авианосец «Викториэс». В море к ним присоединяется линейный крейсер «Рипалс», отозванный из охранения конвоя. На полном ходу корабли спешат занять позицию южнее отряда адмирала Холланда, если тем не удастся перехватить немцев на выходе из Датского пролива.

Всю ночь «Худ» и «Принс оф Уэлс», сверяя свой курс с сообщениями сторожевых крейсеров, идут тридцатиузловым ходом, чтобы к утру перехватить противника.

На рассвете 24 мая на дистанции 17 миль сигнальщики «Бисмарка» замечают на горизонте корабли отряда адмирала Холланда.

Адмирал Лютьенс воочию убеждается в надежности германской военно-морской разведки: «Худ», который по данным разведки должен находиться у западного побережья Африки, уже держит «Бисмарк» в прицелах своих орудий у южного выхода из Датского пролива. Кроме того, разведка уверяла его, что в море вообще нет английских линкоров. Они все стоят в Скапа-Флоу!

Ошибочно приняв «Принц Ойген» за «Бисмарк», «Худ» обрушивает на крейсер залп своих пятнадцатидюймовых орудий. Снаряды ложатся со значительным перелетом.

В тот же момент «Принс оф Уэлс» взрывается залпом своих десяти четырнадцатидюймовок. Снаряды также падают с большим перелетом. Секундой позже заревели пятнадцатидюймовки «Бисмарка», направленные на «Худ». По «Худу» открыл огонь и «Принц Ойген» из своих восьми дюймовок.

Подтвердив свою блестящую репутацию, немецкие комендоры первым же залпом накрывают противника.

Английские снаряды снова ложатся с перелетом.

После второго немецкого залпа на «Худе» вспыхивает пожар.

Английские снаряды падают с недолетом.

Внезапно за носовой надстройкой английского линейного крейсера поднимается огромный язык пламени, принимающий форму огненного шара. Гигантский корабль, задирая в воздух нос и корму, медленно и страшно переламывается пополам.

Только что вышедший с завода английский линкор, получив несколько попаданий с «Бисмарка», отходит, укрывшись дымовой завесой.

Ликование и боевой подъем царят на немецких кораблях. Особенно ликуют на «Принце Ойгене». Тяжелый крейсер не получил попаданий и не понес никаких жертв.

«Бисмарк» был не так удачлив. «Принс оф Уэлс» на прощание всадил в немецкий линкор три снаряда. Один из этих снарядов причинил «Бисмарку» достаточно серьезное повреждение.

Продолжая двигаться на юг, навстречу более длинным ночам и бескрайнему океану, адмирал Лютьенс решает отпустить «Принц Ойген» в самостоятельное рейдерство в океан, а самому следовать в Сент-Назер, где имеется линкорный док.

Линкор остался один, продолжая двигаться на юг. Топливо хлещет из разбитых цистерн. Скорость «Бисмарка» падает до 26 узлов.

Между тем, англичане, опомнившись от шока, вызванного гибелью «Худа», принимают все меры для нового перехвата и уничтожения «Бисмарка».

Практически весь английский флот уходит в океан за одним немецким линкором, следующим без всякого охранения и прикрытия с моря и воздуха.

Преследующие «Бисмарк» английские корабли, получив ложное сообщение о замеченных в этом районе немецких подводных лодках, начинают часто менять курс.

Все это приводит к тому, что на рассвете 25 мая английские крейсеры теряют «Бисмарк» из вида.

На английских кораблях кончается горючее, противник исчез, и адмирал Тови склоняется к мысли прекратить погоню.

26 мая в 10 часов 30 минут утра по Гринвичу американская летающая лодка «Каталина», управляемая американским экипажем, вылетев с северного побережья Ирландии, обнаруживает «Бисмарк» по стелющемуся за ним мазутному следу.

Это был первый случай прямого участия американцев в войне с Германией за 7 месяцев до ее официального начала.

Получив сведения о местонахождении «Бисмарка», адмирал Сомервилль, спешащий с юга на перехват «Бисмарка», приказывает поднимать торпедоносцы с авианосца «Арк Ройал».

Вывалившись из облаков над самым «Бисмарком», «Свордфиши», гудя растяжками крыльев и стрекоча моторами, ринулись на линкор. Захлебывались от огня зенитные орудия отчаянно маневрирующего линкора, пытающегося избежать предназначенных ему торпед.

Десяти торпед удалось избежать, но две попали в цель.

Одна попадает в броневой пояс на миделе «Бисмарка» и не причиняет линкору какого-либо вреда. Но вторая – оказывается роковой.

Разорвавшись в корме, она заклинила руль корабля, положенный на борт. «Бисмарк» потерял управление и мог теперь двигаться только по кругу.

События принимают поистине драматический оборот. К этому времени адмирал Тови принял решение ровно в полночь преследование прекратить. На кораблях начался расход неприкосновенного запаса горючего, а район боя неумолимо приближался к границе действия немецкой авиации. Но узнав о роковой торпеде, Тови принял решение продолжать бой, «даже если на базу придется возвращаться на буксире».

После полуночи к «Бисмарку» на полном ходу подходит дивизион английских эсминцев. Как гончие, терзающие медведя до подхода охотников, они всю ночь кружатся вокруг «Бисмарка», пытаясь выйти на позицию для торпедной атаки. Но у подбитого чудовища еще достаточно сил, чтобы отгонять их. Из 16 выпущенных в «Бисмарк» торпед не попадает ни одна. Но и эсминцам удается увертываться от артиллерийского огня неуправляемого линкора.

Заключительный акт этой трагедии разыгрывается утром 27 мая. К месту боя подходят линкоры адмирала Тови, к которым ночью присоединился «Родней», несущий девять шестнадцатидюймовых орудий.

Англичане, держась оптимальных курсовых углов, с которых не в состоянии действовать башни ходящего кругами «Бисмарка», начинают его расстрел.

Около 10 часов утра ответный огонь «Бисмарка» прекращается. Немецкий линкор превращен в сплошной вихрь ревущего пламени, но упорно держится на плану.

Тогда к погибающему монстру подходит крейсер «Дорсетшир» и в упор выпускает в него четыре торпеды.

В 10 часов 40 минут 27 мая 1941 года, медленно погружаясь кормой, пылающий «Бисмарк», не спустив флага, отправляется в океанскую пучину.

Крейсер «Дорсетшир» и эсминец «Маори», несмотря на бурное море, подбирают 110 человек из состава экипажа «Бисмарка». Среди них всего один офицер – лейтенант барон фон Мюлленгейм-Рехберг. По показаниям пленных, адмирал Лютьенс и командир «Бисмарка» капитан 1-го ранга Линдеман решили разделить участь своего корабля, одну из самых драматических в недолгой истории немецкого флота.

Глава 16. Нарыв, проколотый немецким штыком

В Москве царило радостное возбуждение. Что ни говори, а немцы молодцы! Гитлер замечательно продемонстрировал, что его угроза вторжения в Англию не является пустыми словами.

Операцию по захвату острова Крит можно вполне считать прологом к высадке на Британские острова. Именно так, как был захвачен Крит, будет захвачен плацдарм на юге Англии. Все умники, доказывавшие с цифрами и фактами, что вторжение в Англию невозможно, были посрамлены и замолчали.

Англичане эвакуировали Крит. Их хваленый флот не смог предотвратить немецкого вторжения, не имея противника на море.

Теперь немцы разворачивают на северном побережье Франции целый воздушно-десантный корпус. Туда срочно перебрасываются из Германии сотни транспортных самолетов и планеров.

Правда, неугомонные англичане никак не хотели признать свое окончательное поражение и нанесли Сталину еще одну обиду.

30 мая английские войска взяли Багдад и свергли режим Рашида Али, с которым Сталин совсем недавно (12 мая) заключил в полном объеме дипломатические отношения. Рашид вместе со своим другом, иерусалимским муфтием, бежал к немцам, и проклятая авиабаза в Мосуле так и продолжала оставаться нацеленной на Баку, нервируя Кремль.

Сталин ничего не сказал. Пусть потешатся накануне смерти.

С 1 июня в Красную Армию под видом учебных сборов был призван еще почти миллион запасных. Из этого даже никто не делал особой тайны.

Даже армейская газета «Красная Звезда» открытым текстом объявляла:

«В частях Красной Армии развертывается переподготовка призванного рядового и младшего начальствующего состава. В армию вольются целые сотни тысяч бойцов. Задача кадров Красной Армии состоит в том, чтобы дать возможность этим сотням тысяч бойцов овладеть новой военной техникой в короткий срок».

2 июня секретарь ЦК ВКП(б) Щербаков сделал доклад «О текущих задачах пропаганды», где, повторив почти слово в слово речь Сталина от 5 мая, добавил:

«*Красная Армия готова на чужой земле защищать свою землю* ». Это было великолепно, а потому и встречено оглушительными аплодисментами.

По последней сводке, представленной ему Генеральным Штабом, Сталин знал, что в Красной Армии уже имеется 23457 танков, готовых к немедленному действию и еще примерно 11 тысяч, проходящих заводские испытания и разные стадии ремонта [80].

Как и предусмотрено Мобилизационным планом! Только в Западные пограничные округа уже направлены 537 тяжелых танков КВ и 1024 новых танков Т-34. Только на европейской части СССР развернуто более 20000 самолетов, из которых 17000 – боевые.

Столь громадное превосходство в силах придавало уверенности в благополучном исходе операции при любых, даже самых неожиданных поворотах сценария.

Сегодня Берия представил ему последние сводки от секретной агентуры, в сетях которой барахтались все иностранцы, пребывающие в Москве, да и во всем Советском Союзе.

По лицу Берии Сталин, еще просматривая сводки, понял, что Генеральный комиссар Госбезопасности явился к нему, чтобы доложить о чем-то гораздо более важном, чем сообщения сексотов. И не ошибся.

Берия всегда любил начинать с мелочей, а теперь он представил Сталину действительно важный документ.

Арестованные артиллерийские конструкторы и инженеры признали на допросах, что их вредительской деятельностью, направленной на срыв производства в СССР новейших видов оружия, лично руководил сам нарком вооружений Ванников.

Сталин внимательно прочитал представленный документ дважды.

Он выглядел очень расстроенным. Ведь с Ванниковым они вместе работали в бакинском подполье и в рабоче-крестьянской инспекции. Как маскируются враги!

Берия тоже сокрушенно покачивал головой.

В ту же ночь нарком вооружений Борис Ванников был арестован и отправлен в Сухановскую тюрьму.

Еще через день было объявлено, что новым наркомом вооружений назначен тридцатидвухлетний Дмитрий Устинов. Ему было приказано резко увеличить производство вооружений.

10 июня 1941 года советский посол в Лондоне Иван Майский был приглашен к постоянному заместителю министра иностранных дел Англии Кадогану. После обычного

обмена приветствиями Кадоган сказал: «Господин посол, я пригласил вас, чтобы сделать чрезвычайно важное сообщение. Прошу вас взять лист бумаги и записать все, что я вам продиктую». Затем Кадоган зачитал сведения английской разведки, где перечислялись немецкие дивизии, развернутые на границе с СССР.

Майский хорошо знал, что за пересылку подобных сообщений, можно, как минимум, заработать выговор с занесением, но все-таки передал сообщение в Москву с пометкой: «Английская дезинформация».

В Москве быстро убедились, что пришедшая из Лондона очередная «деза» почти полностью совпадает с провокационными сводками выгнанного из ГРУ подполковника Новобранца. Это еще раз доказывало, что политически незрелый подполковник стал жертвой английской провокации.

Работа в Генеральном штабе кипела, не останавливаясь ни на секунду ни днем, ни ночью.

Приграничные округа фронта задыхались от перенасыщенности войсками и всеми видами боевого снабжения.

Генштаб разъяснял командующим фронтами-округами, что как только они двинутся вперед, за ними пойдут эшелоны с грузами, самолеты перелетят на новые аэродромы, танковые соединения, разделенные на волны, рассеются по европейским равнинам, а на их место подойдут армии второго эшелона.

Но сдержать такую огромную армию, совершенно явно нацеленную на запад и учениями, и штабными играми, и политическими занятиями, и агрессивной государственной идеологией было не так легко.

Участились случаи перестрелок пограничников.

Авиация пограничных округов постоянно нарушает немецкую границу, совершая облеты Мемеля и Тильзита. Еще хуже положение в центре и на юге. Кирпонос самовольно стал занимать своими войсками предполье.

«Полетят головы!» – недвусмысленно предупредил великий вождь. Из Москвы в Киев 10 июня полетел строгий окрик за подписью Жукова: «…Донесите, на каком основании части укрепленных районов КОВО получили приказ занять предполье». В тот же день последовал приказ во все пограничные округа «запретить полеты нашей авиации в приграничной полосе…»

11 июня в штабы пограничных округов полетела совершенно секретная ориентировка, доставленная фельдъегерской авиапочтой специального назначения:

«Наркомат Обороны СССР

Совершенно секретно

11 июня 1941 года

Особая папка

Генеральный Штаб РККА

Военным советам ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО

7 экземпляров.

…По информации, поступающей по разведывательным и правительственным каналам, в период с 4 по 10 июля 1941 года немецкие войска предпримут широкомасштабные боевые

действия против Англии, включая высадку на Британские острова крупных сил воздушного и морского десантов.

…Штабам военных округов (фронтов) и подчиненных им армейским и корпусным штабам к 1 июля 1941 года быть готовыми к проведению наступательных операций…

Нарком Обороны СССР

Маршал Советского Союза С. Тимошенко

Начальник Генерального Штаба РККА

Генерал армии Г. Жуков

Член Главного военного совета

Секретарь ЦК ВКП(б) А. Жданов».

Хотя окончательный вариант «Грозы» был утвержден еще 15 мая, Жуков упрашивал Сталина внести в него новые изменения. Он предлагал не мелочиться, а одновременно с действиями против Германии нанести удар и по Румынии, ограничившись временной обороной лишь на границе с Финляндией. Для этого начальник Генерального штаба предлагал создать еще один фронт – Южный, в составе двух армий.

11 июня Берия и Меркулов предъявили Сталину выдержки из протокола очной ставки Проскурова и Рычагова.

Подтвердились самые худшие опасения товарища Сталина.

Конечно, Проскуров, Рычагов и два десятка более мелких генералов, которых пока удалось арестовать, оказались всего лишь исполнителями крупномасштабного заговора.

Сталин еще после ареста Рычагова предположил, что нити к руководству заговором ведут в Генеральный штаб.

И, как всегда, оказался прав!

Преступники сознались, что их диверсионно-вредительскими действиями руководил генерал-лейтенант Яков Смушкевич, дважды Герой Советского Союза, занимающий ныне должность помощника начальника Генерального штаба (т.е. Жукова) по авиации. Он был завербован фашистской разведкой еще в Испании, где был известен под псевдонимом «генерал Дуглас».

«Дружок Жукова», – подсказал Берия молча читавшему документы Сталину. Вождь вздохнул. Все правильно. Командовал авиацией на Халхин-Голе в 1939 году, где для маскировки уничтожил много японских самолетов и получил вторую Золотую звезду.

В заговоре, оказывается, участвовал и бывший командующий Военно-воздушными силами, а ныне командующий Прибалтийским военным округом (Северо-западным фронтом) генерал-полковник Александр Локтионов, относительно которого уже подписан указ о производстве его в генералы армии!

Было от чего призадуматься!

Нет, нельзя начинать историческое мероприятие такого масштаба, не очистив окончательно свои ряды от предателей и шпионов! Арестовать обоих! [81]

Меркулов дал справку, что Смушкевич лежит в больнице. У него одна нога ампутирована после авиакатастрофы. Теперь, кажется, вторую ампутируют.

Сталин позволил себе пошутить на тему, что, мол, больница – не церковь, – права убежища никому не предоставляет.

Утром 12 июня дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант Смушкевич был арестован прямо в госпитале, где ему три дня назад сделали операцию, и прямо на носилках отправлен в Сухановскую тюрьму.

В тот же день в Риге был арестован генерал-полковник Локтионов (накануне получивший известие о своем повышении в звании) и этапирован самолетом в Москву. Из штаба округа весть немедленно распространилась по штабам армий, а затем и по всему округу, когда в Ригу прилетел новый командующий – генерал-полковник Федор Кузнецов, назначенный по личной рекомендации Жукова.

Генералу Локтионову также устроили очную ставку с Рычаговым.

Старый генерал обматерил и Рычагова, и следователей.

Его сбили с табурета ударом резиновой дубинки и стали бить сапогами.

Окровавленного, его снова посадили на табурет и следователь Влодзимирский спросил, признает ли он себя виновным в том, что состоял в преступной организации.

– Да, – ответил доблестный генерал, вытирая ладонью кровь с лица, – признаю, что всю жизнь состоял в преступной организации, именуемой партия большевиков.

Его избили до потери сознания и бросили на бетонный мокрый пол одиночной камеры.

12 июня 1941 года в округа-фронты полетела директива начать выдвижения войск на исходные позиции, чтобы закончить развертывание, как и было приказано ранее, к 1 июля. Все делалось по методике, которая была давно отработана. Развертывание проводилось под видом лагерных сборов. Тем не менее, войскам предлагалось двигаться только по ночам.

«12 июня, – говорится в документах, – командование приграничных округов *под видом учений и изменения дислокации летних лагерей приступило к скрытому развертыванию войск уже вторых эшелонов* ».

Приходит в движение и Западный фронт (Зап. ВО).

«Сразу же, по получении директивы Наркома от 12 июня начато выдвижение стрелковых корпусов из тыловых районов ближе к госгранице по плану развертывания».

Гигантская армия на всем огромном фронте от Балтийского до Черного моря зашевелилась, тайно разворачиваясь на исходных позициях.

За ними на рубеже рек Западная Двина и Днепр грозно разворачиваются армии второго эшелона.

Не позднее 1 июля приказано закончить выдвижение и занять исходные позиции для наступления 12 армиям первого эшелона.

Еще 5 армий имеются в резерве главного командования и на второстепенных участках границы.

Такой мощи мир не знал со времен походов Чингизхана! Но у Чингиза не было танков, самолетов, артиллерии, химического оружия и телеграфа.

«…Час настал. 19 июня я начинаю снимать войска с восточной границы, в чем вы легко убедитесь, когда взревут моторы боевых машин, следующих на погрузку к ближайшим железнодорожным станциям. У нас катастрофически не хватает грузового тоннажа и персонала. Видимо придется, без всякой огласки, разумеется, срочно отзывать немецкие суда из всех портов Швеции, Финляндии и СССР, а также с Дуная.

Откровенно говоря, я очень обеспокоен состоянием вермахта…

Самое опасное время приближается. К сожалению, распространяемые англичанами слухи о неизбежном конфликте между нами, очень отразились на настроениях войск. Этому, если быть откровенным, способствовал и официально объявленный Вами призыв более

миллиона резервистов. В войсках бытует мнение, что когда они пойдут маршем на англичан, Вы прикажете своим войскам наступать на Германию…

В связи с этим, я убедительно прошу Вас сделать какое-либо официальное заявление, опровергающее английские домыслы и дающее понять моим доблестным солдатам, что они с той же уверенностью, что и летом прошлого года, могут повернуть свои штыки на запад, не страшась за безопасность своих тылов.

Признаюсь, что опасаюсь своих генералов даже больше, чем англичан, и потому снова обращаюсь к Вам с просьбой не давать им никакого повода даже попытаться сорвать план, который я считаю целью своей жизни…

Искренне Ваш Адольф Гитлер».

По приказу Сталина Молотов составил необходимый документ.

Сталин внимательно прочел его, завизировал и отдал обратно Молотову.

Тот немедленно направился в Комиссариат по иностранным делам, куда поздно вечером был вызван германский посол Шуленбург.

«№ 1368 от 13 июня 1941 года.

Народный комиссар Молотов только что вручил мне следующий текст сообщения ТАСС, которое будет передано по радио сегодня вечером и опубликовано завтра в газетах:

«…В английской и вообще в иностранной прессе стали муссироваться слухи о близости войны между СССР и Германией. По этим слухам:

1. Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера…

2. СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредотачивать свои войска у границы СССР с целью нападения на СССР.

3. Советский Союз, в свою очередь, стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредотачивает свои войска у границы последней.

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, в виду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны. ТАСС заявляет, что:

1. Германия не предъявляла СССР никаких претензий…

2. По данным СССР, Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз; ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякого основания…

3. СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении…

4. Проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата…»

Шуленбург».

На следующий день заявление ТАСС было опубликовано во всех советских газетах, начиная с «Правды» и периодически передавалось как радиомаяк.

В тот же день, 14 июня 1941 года, специальные отряды НКВД начали массовую депортацию населения из предполагаемого оперативного тыла фронтов. Таковым считались территории всех трех Прибалтийских республик, районы Западной Украины, Западной Белоруссии и Бессарабии.

Отряды действовали четко, по заранее составленным спискам.

Солдаты НКВД при поддержке милиции врывались в дома, давали 10 минут на сборы, набивали людьми грузовики, некоторых гнали пешком на станции, где уже ждали товарные эшелоны. Людей гнали в чем они были, и набитые товарные вагоны без остановок везли их в восточную Сибирь.

Только из Таллина было депортировано 7 тысяч семей, из Риги – 11 тысяч, из Каунаса – 10 тысяч.

В сельской местности дело шло не так гладко. Многие разбегались по лесам, формируя полустихийные отряды сопротивления, которые очень пригодились солдатам фельдмаршала Лееба всего через неделю.

От этих страшных ночи и дня 14 июня берут свое начало все эстонские, латвийские, литовские, гомельские, львовские, галицийские и другие дивизии СС, сформированные немцами из бежавших и скрывшихся мужнин, чьи матери, жены, дети и старики были брошены в Сибирь на верную смерть.

Не сговариваясь (хочется думать), в тот же самый день немцы начали аналогичную акцию на своей стороне, но гораздо большего масштаба.

Но главным было следующее: все русские, проживающие в Германии и на оккупированных немцами территориях в возрасте от 16 до 50 лет независимо от пола подлежали временному задержанию до особого распоряжения.

Риббентроп показал Гитлеру телеграмму Шуленбурга.

Гитлер был спокоен, так бывает спокоен азартный игрок, собирающийся сорвать банк, блефуя без единого козыря на руках и выжидая момента, когда его партнер – профессиональный шулер расслабится, поскольку имеет на руках все четыре туза и еще два, спрятанных в рукаве. Тогда можно, смахнув карты на пол, оглушить шулера канделябром, схватить деньги и устроить затем драку со всеми присутствующими, надеясь на Провидение…

Казавшаяся безнадежной затея, кажется, начинала удаваться.

За последние три месяца был проделан совершенно невероятный объем работ.

С середины февраля 1941 года шло сосредоточение и развертывание войск на границах с СССР.

В дополнение к имевшимся на советской границе 26 дивизиям летом 1940 года с 20 февраля по 15 марта 1941 года на Восток было передислоцировано 7 пехотных дивизий. В период с 16 марта по 10 апреля 1941 года в составе второго эшелона на Восток было переброшено 19 дивизий. Переброска третьего эшелона в составе 17 дивизий осуществлялась с 11 апреля по 21 мая. Большинство дивизий прибыли с Запада, а две – из Германии.

С 22 мая железнодорожный транспорт Германии был переведен на график ускоренного движения, и сосредоточение войск на Востоке резко увеличилось. С 22 мая по 5 июня в составе четвертого эшелона были переброшены 11 пехотных и 9 охранных дивизий. На 5 июня во всех трех группах армий насчитывалось 89 пехотных дивизий.

Пятый эшелон в составе 14 танковых, 12 моторизованных, 2 пехотных, 3 легкопехотных дивизий и 2 моторизованных бригад начал переброску 6 июня и должен был закончить ее 18-го.

К началу операции по плану «Барбаросса» создавались запасы горючего в расчете на 700-800 км марша для всех видов боевых машин и автотранспорта. В каждой пехотной дивизии имелось два боекомплекта боеприпасов, а в танковой – три. Этого должно было хватить на первые 10 суток боев.

14 июня Гитлер собрал последнее совещание по осуществлению плана «Барбаросса». Выслушав доклады командующих группами армий и танковых групп, уточнив ряд вопросов, связанных со взаимодействием вермахта с румынскими, венгерскими и словацкими войсками, Гитлер определил окончательную дату нападения – на рассвете 22 июня.

Условный сигнал к наступлению «Дортмунд».

Пообедав с генералами, Гитлер затем выступил перед ними с большой речью. Указав, что он вручает в руки армии судьбу страны, Гитлер подчеркнул, что совершенно невозможно больше терпеть на своих границах такую мощную армию, как сталинская. Он верит в свою армию и уверен, что большевистская армия, а равно большевистская идеология будут уничтожены быстро и решительно.

Все навсегда запомнили его слова, сказанные в канун нападения на СССР: «*Лучше ужасный конец, чем ужас без конца* ». Это не были слова Гитлера. Это – слова Гете. Но все поняли, что именно их он нес в своей душе, видя петлю, уже затягиваемую на его горле.

У товарища Сталина были собственные проблемы. Принимая решения, он обдумывал их со всех сторон, вычленяя особо опасные последствия. Задумав бросить армию в европейский поход, вождь отчетливо видел главную опасность: неизбежные широкие контакты военнослужащих Красной Армии с населением захваченных территорий, исповедующим совсем иную мораль, чем советские люди.

Сейчас, правда, другие времена. За двумя эшелонами армий вторжения развернуты дивизии НКВД. Политические и особые отделы пронизывают армию до уровня рог и взводов. Секретными директивами политорганы и особые отделы предупреждены о персональной ответственности за несанкционированные контакты военнослужащих с местным населением. В свою очередь Военные советы округов (фронтов) сообщают, что при столь резком увеличении численности вооруженных сил, обнаружилась острая нехватка политруков среднего звена от полка и ниже. Политучилища не справляются с новыми задачами, а их число в отличие от всех других училищ, практически не увеличилось за последние годы.

Поразмыслив, Сталин решил, что товарищи правы.

Было решено призвать в армию некоторое количество освобожденных партработников с предприятий и учреждений, тщательно их отобрав через горкомы и обкомы. Щербаков определил их количество в 3500 человек, но Сталин указал, что предстоящие военные действия неизбежно приведут к их убыли, а потому установил цифру в 3700 человек.

14 июня новый командующий Северо-Западным фронтом генерал-полковник Кузнецов отдал приказ по случаю своего вступления в должность. Слухи об аресте генерала Локтионова уже распространились по всем частям округа-фронта, что лихорадило личный состав. Надо было привести людей в чувство и успокоить их.

«Сегодня, как никогда, – говорилось в приказе генерал-полковника Кузнецова, – мы должны быть в полной боевой готовности… Надо всем твердо и ясно понять, что в любую минуту мы должны быть готовы к выполнению *любой* боевой задачи».

Уж Кузнецов-то хорошо знал, какая боевая задача предстоит.

В тот же день началось развертывание стрелковых корпусов Юго-Западного фронта на исходные позиции. Выдвижение войск осуществлялось под видом их передислокации на новую лагерную стоянку.

На Западном фронте, по приказу генерала армии Павлова на исходные позиции двинулись части стрелковых корпусов. Непосредственно к границе были придвинуты соединения четырех танковых корпусов.

Вечером 14 июня Нарком обороны отдал приказ военным советам Прибалтийского, Западного и Киевского округов о переводе управления войсками в заблаговременно развернутые фронтовые штабы Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов.

В частности, в шифрованной телеграмме, которую дал Жуков в Киевский Особый военный округ, указывалось: «Народный комиссар обороны приказал: управлению выйти в Тернополь, оставив в Киеве подчиненное Вам управление округа… Выделение и переброску управления фронта сохранить в строжайшей тайне, о чем предупредить личный состав штаба округа».

Аналогичные директивы были направлены во все пограничные округа, включая и Ленинградский.

15 июня, просматривая разведсводки, Сталин с горечью убедился, что практически вся советская разведка попала в сети англо-американских провокаторов. Со всех сторон сыпались предупреждения о предстоящем немецком нападении.

Разведчики просто сообщали то, что видели и слышали.

Вождь с утра находился в хорошем настроении, а потому позволил себе писать на сводках шутливые резолюции.

На донесении военного атташе в Берлине генерала Туликова, предупреждающего о том, что война начнется 22 июня, Сталин начертал: «Передайте этому тупому генералу, что это – английская провокация». Это резолюция товарищу Голикову.

Затем следует сводка от лично известного Сталину старого коминтерновца Леопольда Треппера, посылающего свои шифровки в центр под псевдонимом Жильбер.

Он также уверяет, что война начнется не позднее 22 июня.

Сталин поднял голову от бумаг и взглянул на сидящего в его кабинете генерала Фитина. Вздохнув, вождь сказал начальнику внешней разведки НКГБ, что удивлен, как это такой человек, как Треппер, старый коммунист, разведчик, поддается на удочку английской пропаганды. Фитин развел руками.

Даже сам Деканозов включился в поток дезинформации. Что там с ним случилось? Он уже советовался с Берией и Молотовым, не пора ли Деканозова отозвать и провести следствие.

Следующее тревожное сообщение пришло с Балтики.

Немецкие торговые суда, даже не закончив погрузки, стали одно за другим уходить из советских портов домой. Видимо подчиняясь какому-то условному сигналу, полученному по радио.

Сталин прочел эту сводку, машинально кивая головой. Он-то знал в чем тут дело.

Он знал даже больше.

Около 30 советских грузовых судов, некоторые уже скоро как месяц, стоят на рейдах разных портов Германии и Дании. Им предстояло помочь немцам в переброске второго эшелона десанта в Англию [82].

Из всех разведсводок только одна удостоилась благосклонного внимания Сталина. Источник в Готенгафене сообщал, что, по его данным, новый линкор «Тирпиц» – собрат погибшего «Бисмарка» – собирается выйти в море с «Адмиралом Шеером» 10 июля.

16 июня во все округа поступила совершенно неожиданная директива.

В пятницу 20 июня и в субботу 21 июня разрешалось отпустить личный состав в увольнение. Офицеров – до утра понедельника 23 июня.

С четверга 19 июня и до 23 июня в авиачастях разрешалось произвести 25-часовые регламентные работы, в танковых и артиллерийских частях – парковые дни. По усмотрению командиров подразделений.

Это вызвало всеобщую радость.

Не до смеха было только Сталину.

Берия и Меркулов продолжали раскручивать «испанских заговорщиков». В показаниях слишком часто стало фигурировать имя генерал-полковника Штерна. Они попросили разрешение у вождя допросить Штерна в качестве свидетеля.

Герой Советского Союза Григорий Штерн также сражался в Испании. Долгое время, после расстрела маршала Блюхера, он командовал Дальневосточным фронтом, а ныне возглавлял Управление ПВО Красной Армии.

Улики были налицо. Сражался в Испании, где и вступил в преступную группу, а, возможно, сам ее создал.

Сталин подумал и сказал:

– Зачем свидетелем? Допросить надо как следует. И выясните, наконец, кто ими всеми руководил. Никто из пока выявленных изменников не мог руководить всем заговором.

После перешли к текущим вопросам.

Разведка сообщает, что в районе Варшавы и в Восточной Пруссии все узловые станции забиты эшелонами. Железнодорожные платформы готовы к приему танков. Один из наших агентов проник в помещение штаба 175-й пехотной дивизии вермахта. Все стены там увешаны картами южных районов Англии с отработкой задач по захвату плацдармов.

Берия доложил, что завтра начнутся мероприятия по сдаче государственной границы войсками НКВД управлению фронтами.

После чего пограничники вольются в дивизии НКВД, развернутые за армиями вторжения.

Параллельно с войсками, подчиненными комиссариату обороны, уже создана целая армия войск НКВД – 18 дивизий и отдельных полков. В стадии формирования, которое надлежит закончить не позднее 2 июля, находятся еще 4 дивизии. Дивизии моторизованы даже лучше армейских стрелковых дивизий, поскольку и задачи у них важнее. Кроме заградительных функций по отношению к собственной армии, они должны заниматься своим прямым делом – «чистить» тылы армии в процессе ее наступления на Запад. Все по образцу Прибалтики, Польши и Бессарабии. Создана и особая должность заместителя наркома внутренних дел по войскам, которую занимает генерал-лейтенант Масленников.

Но этого мало. 23 апреля 1941 года секретным приказом Сталина создается принципиально новая организация: Управление оперативных войск НКВД под командованием генерал-лейтенанта НКВД Артемьева. Эта параллельная армия готова к решению самых разнообразных задач: от подавления очагов сопротивления, оставшихся в тылу наступающей Красной Армии до депортации в течение суток населения среднего европейского города.

Лаврентий Павлович Берия, командуя, помимо всего прочего, и этой огромной армией, с полным основанием носит на своих петлицах большую звезду маршала Советского Союза.

17 июня прямо у себя в кабинете управления ПВО Красной Армии был арестован генерал-полковник Григорий Штерн. Его отвезли во внутреннюю тюрьму на Лубянке и, не задав ни единого вопроса, заперли в бокс для подследственных.

А в Сухановке следователи смертным боем били бывшего наркома вооружений Бориса Ванникова. Его били резиновыми дубинками, кулаками, пинали ногами в живот и в пах, требуя назвать сообщников. Ванников упал на пол, и следователь Родос стал топтать его ногами, прыгал на нем, крича: «Скажешь! Все скажешь!»

Ванников ревел от боли, плакал, но показаний ни на кого не давал.

Тогда следователь Сорокин вспомнил, что у них в следственном отделе имеется машинка для вырывания ногтей, подаренная гестаповцами еще в 1939 году.

Принесли машинку и для начала содрали ноготь с безымянного пальца левой руки бывшего наркома. Тот потерял сознание. Облили водой, дали понюхать нашатыря… В совершенно бесчувственном состоянии Ванников подписал показания, где в качестве его сообщников были названы генералы Герасименко, Верцев, Шелковый, Чарский, Батов, Хохлов, Мирзаханов, Гульянц, Жезлов, Лазарев, Ветошкин, Котов и Иоффе.

Их арестовали, не испрашивая особого разрешения Сталина. О Герасименко в череде стремительно развивающихся событий чуть не забыли. Он был арестован только 5 июля и расстрелян в феврале 1942 года.

Между тем, Штерну срезали петлицы со звездами генерал-полковника, отвинтили с гимнастерки Золотую звезду Героя Советского Союза и другие ордена, отобрали ремень и портупею, срезали пуговицы на галифе, выдав взамен веревочки, и в таком виде повели на допрос, который, учитывая высокое в прошлом положение арестованного, проводил сам нарком государственной безопасности Всеволод Меркулов.

На допросе присутствовал и следователь Шварцман, скромно сидевший за угловым столиком, перебирая бумаги. Меркулов очень вежливо попросил Штерна не отнимать времени ни у себя, ни у них, а чистосердечно сознаться во всех преступлениях, чтобы облегчить собственную участь и уменьшить вину перед родиной.

Штерн, державшийся до удивления спокойно, спросил, в чем его обвиняют?

– Мы надеялись, что вы сами нам расскажете о своих преступлениях, – сказал Меркулов. – Поверьте, в вашем положении запираться глупо.

На что Штерн упрямо заявил, что никаких преступлений против родины и партии не совершал. И сказать ему нечего.

Тогда следователь Шварцман, устало вздохнув, встал из-за стола и, подойдя к Штерну, хлестанул его по лицу жгутом из электрических проводов. И так удачно, что сразу выбил генерал-полковнику правый глаз. Брызнула кровь, Штерн упал со стула на пол.

Меркулов укоризненно посмотрел на Шварцмана. На полу был постелен дорогой ковер, как и подобает в кабинете наркома.

Шварцман извинился, сказав, что у него «от пролетарской ненависти» свело руку. Он хотел ударить по шее, а попал по лицу.

Пришлось вызвать конвой, чтобы те унесли Штерна на перевязку и привели в чувство, а затем отправили в Сухановскую тюрьму.

17 июня президент США Рузвельт получил очередное письмо от премьер-министра Черчилля. «Судя по сведениям из всех источников, – сообщал английский премьер, – в

ближайшее время немцы совершат, по-видимому, сильнейшее нападение на Россию… Если разразится эта новая война, мы, конечно, окажем русским всемерное поощрение и помощь, исходя из того принципа, что враг, которого нам нужно разбить, – это Гитлер. Я не ожидаю какой-либо классовой политической реакции здесь и надеюсь, что германо-русский конфликт не создаст для Вас никаких затруднений».

Рузвельт немедленно ответил, заверив Черчилля, что, если немцы нападут на Россию, он немедленно публично поддержит «любое заявление, которое сделает премьер-министр, приветствуя Россию как союзника».

Президент и Гопкинс находились во внутреннем кабинете Рузвельта, смежном с овальным залом Белого Дома.

Президент перебирал свою огромную коллекцию почтовых марок, а Гопкинс, взлохмаченный и небритый, валялся на диване, просматривая газеты.

Когда Рузвельт прочитал Гопкинсу послание от Черчилля, тот спросил:

– Если Сталин нападет первым, что мы будем делать? Поддерживать Гитлера?

Рузвельт рассмеялся:

– Да, мы бы попали в самое дурацкое положение. Кстати, многие сенаторы именно так и настроены. Если Сталин так поступит, он разрушит всю схему, которую мы разработали на ближайшие пять лет. Но, к счастью, я уверен, что он так не поступит. Он ждет высадки в Англии. В этом его уверили все, а не только немцы. Адольф уже хорошо понимает, что ему конец, а потому вложит в свой удар все силы, которые у него еще есть. Это будет страшный удар, Гарри, поверьте мне. Сталин не скоро от него оправится, а Гитлер – не оправится никогда. В этом у меня нет сомнений. Меня беспокоит другое. Нам нужно вступать в войну, а как это сделать – я не знаю.

– Может, не нужно спешить, – предложил Гопкинс, – а дать парням в Лос-Аламосе завершить работу. Гитлер сделал нам бесценный подарок, разделив даже физику на еврейскую и арийскую.

– Нет, – сказал президент. – Гровс докладывал мне, что нельзя ожидать окончания работ ранее 1944 года. Будет поздно.

Президент задумался, потом мечтательно произнес:

– Когда-то понадобился взрыв броненосца «Мэн» в Гаване, чтобы расшевелить среднего американца и заставить его потребовать у правительства объявления войны Испании. Именно благодаря той войне Америка была принята в клуб великих держав мира. Что же должно взорваться сейчас, чтобы наш добрый обыватель потребовал от правительства немедленно вступить в войну?

– Фрэнк, – засмеялся в ответ Гопкинс, – вы – верховный главнокомандующий. Дайте приказ нашим ребятам разбомбить какую-нибудь базу джапов в Индокитае. Насколько я их знаю, они тут же разбомбят в ответ что-нибудь у нас. И конгрессу не останется ничего другого, как санкционировать ваши действия.

– Нет, – твердо сказал Рузвельт. – Ни в коем случае. Мы демократическая, миролюбивая страна. У нас должна быть безупречная репутация. Мы будем продолжать их злить. У Гитлера и японцев плохие нервы, они склонны к истерикам, и что-нибудь обязательно взорвется.

До ожидаемого президентом взрыва уже оставалось совсем немного – чуть более пяти месяцев. В страшном взрыве, последовавшем в Перл-Харборе 7 декабря 1941 года, была окончательно погребена даже теоретическая возможность для Гитлера и его союзников выпутаться живыми из этой страшной войны.

В книжном шкафу товарища Сталина собралась совершенно уникальная коллекция книг. Их авторы давно уже были либо зарезаны, либо пристрелены, расстреляны, задавлены машинами, замучены в застенках, перемолоты в лагерях, вычеркнуты из жизни и из памяти. Книги же, само собой, давно изъяты из обихода и из всех библиотек страны, а за их хранение дома можно было получить хороший лагерный срок.

А в книжном шкафу товарища Сталина они не только уцелели, но и пестрят закладками.

«Между нашим пролетарским государством и всем остальным буржуазным миром может быть только одно состояние – долгой, упорной, отчаянной войны… Рабочий класс будет вынужден перейти к нападению, когда для этого сложится благоприятная обстановка… Красная Армия – главное оружие рабочего класса, – должна быть подготовлена так, чтобы выполнить свою наступательную миссию на любом участке будущего фронта. Границы же этого фронта в ближайшую очередь определяются пределами *всего материка Старого Света* ».

Замечательные слова. Это сказал Михаил Фрунзе еще в 1922 году.

«Выгоднее всего вести наступательную операцию против неприятеля, стоящего на месте… Наиболее выгодное уничтожение достигается путем пленения противника, так как, помимо ослабления армии противника, пленные экономически укрепляют тыл победителя».

Это уже Тухачевский. Страшно вспомнить, какой оказался подлец. А как прекрасно понимал необходимость быстрой «советизации» захваченных территорий:

А вот еще одна замечательная цитата, на этот раз его самого. Как всегда, четко и просто, как и все гениальное:

«Основная функция социалистического государства в условиях эпохи победы социализма на одной шестой части земли – организация победы над капиталистическим окружением… Чтобы уничтожить опасность иностранной капиталистической интервенции, нужно уничтожить капиталистическое окружение».

18 июня из округов и фронтовых штабов сообщили, что к вечеру будет завершена подготовка театра военных действий к наступлению.

На всех участках границы начато разминирование мостов и проходов. Прямо на мостах развернуты спецотряды НКВД.

В штабах всех уровней кипит работа. На полковом уровне командиры пехотных и танковых батальонов получают новые карты сопредельных территорий с приказом: изучить их и подготовиться к получению конкретной боевой задачи.

Вечером 18 июня были подняты по боевой тревоге и приведены в полную боевую готовность штабы объединений и соединений на всем фронте от Баренцева до Черного моря. Войска начали выдвижение непосредственно в пограничную зону.

Затем командующие приграничными округами и фронтами отдали приказ: привести уровень боевой готовности армий второго эшелона в уровень боевой готовности с войсками первого эшелона.

Радисты, телефонисты, операторы телетайпов не отходили от своих аппаратов в штабах фронтов, округов, корпусов и дивизий, ожидая сигнала «Гроза».

Все, вплоть до командующих фронтами, спали на боевых постах, не раздеваясь, а лишь ослабив ремни. Никакого сигнала не было…

Поздно вечером находящемуся на ближней даче Сталину доложили, что к воротам дачной территории подъехала машина наркома внутренних дел, который просит принять его по вопросу чрезвычайной важности.

Берия был бледнее обычного и сильно нервничал.

Он доложил вождю, что обнаружен генерал, руководящий заговорщиками из Генерального штаба.

– Мерецков? – сразу же догадался вождь.

Берия скорбно кивнул головой.

Это был сюрприз! Бывший начальник Генерального штаба, один из главных разработчиков «Грозы»! На него замыкалась вся военная разведка, военные и военно-морские атташе во всех странах, все управление войсками, все стратегические планы и тактические разработки!

Глубокой ночью генерал армии Жуков был поднят с постели и вызван на дачу Сталина.

Узнав о предательстве Мерецкова, нынешний начальник Генерального штаба почувствовал себя плохо и тяжело опустился на стул, держась рукой за сердце.

Глаза товарища Сталина горели неземным пламенем.

Сначала хотели арестовать Мерецкова прямо сегодня на рассвете. Но сам Сталин и пришедший в себя Жуков сказали Берии, что этого делать не следует.

Слишком крупная фигура. Его арест и неизбежные слухи об этом могут на какое-то время дезорганизовать всю работу Генерального штаба. Нет! Мерецков должен просто исчезнуть. Поскольку он уже назначен главкомом Северо-Западного направления, то пусть не позднее 21 июня отправляется в Ленинград. Там его арестовать вместе со всеми сопровождающими и секретно этапировать обратно в Москву.

Тогда встал естественный вопрос: а кого послать главкомом направления на Северо-Запад?

– Ворошилова пошлите, – устало приказал Сталин, вспомнив единственного человека, которому еще можно было доверять в этой зловещей паутине измен и заговоров.

Утром 19 июня американская радиовещательная компания «Коламбия бродкастинг систем» передала сообщение, что Советский Союз в 15-и пунктах вдоль границы атаковал немецкие войска. Завязались ожесточенные бои.

Вся мировая печать уже пишет о советско-германском конфликте, как о почти свершившемся факте. Общий тон международной печати подчеркивает, что у немцев очень мало шансов на успех, если начнется конфликт.

Зато «Правда» вышла с передовой, начисто опровергающей подобные измышления. Передовая называлась: «Летний отдых трудящихся».

Около 10 часов утра вдоль всей границы, которая теперь называлась границей с Германией, взревели моторы тысяч танков и бронетранспортеров вермахта.

Об этом было сразу же доложено товарищу Сталину, когда тот около часа дня прибыл в Кремль.

Вождь ограничился загадочной улыбкой, посасывая потухшую трубку.

19 июня советские бомбардировщики, истребители и штурмовики начали перелет на полевые аэродромы у самой границы.

Подчиняясь приказу наркома обороны, нарком ВМФ адмирал Кузнецов перевел все флоты и флотилии в оперативную готовность № 2, предупредив о переходе в ближайшие дни на полную боевую готовность № 1.

На стол Берии ложится осведомительная сводка секретного информатора, внедренного в американское посольство. Тот сообщает, что американская журналистка Алиса Леон-Моутся рассказывала всем, будто второй секретарь немецкого посольства, встретив ее, сказал буквально следующее: «Я сожалею, что дезинформировал вас, указав 17 июня в качестве даты вторжения. Нападение состоится 21 июня». Американская журналистка добавила: «Все уже устали предупреждать русских…»

– Поскорее бы они прекратили нас предупреждать, – раздраженно заметил Сталин, прочитав сообщение. – Голова уже идет кругом от их провокаций. Я даже не ожидал, что это примет такой размах!

Вождь разволновался и разжег трубку, выпустив клуб дыма.

На его столе лежат сводки, принесенные генералом Голиковым: немцы начали погрузку войск в эшелоны.

– Пусть они своих друзей-англичан предупреждают, чтобы те к драке за свои острова подготовились получше.

Вождь раздражен. Из головы не выходит предательство Мерецкова. Что этот подлец успел передать немцам о «Грозе»? Не сорвал бы всю операцию! Скорее нужно его взять и как следует допросить.

Жуков успокаивает Сталина.

– Какой самый худший вариант? Немцы сами на нас нападут? У нас только на границе тройное превосходство по всем показателям. Мы их сразу остановим, окружим и уничтожим. И морально даже будет лучше. Все увидят, что на нас напали.

Но вряд ли это произойдет. Немцы не сумасшедшие, чтобы с такими силами как у них переходить в наступление. Они все знают о наших войсках.

Сейчас все пограничные части вермахта приведены в движение и, судя по первым сводкам, уже поступающим по линии ГРУ, начали погрузку по меньшей мере трех дивизий в уходящие на запад эшелоны.

Сталин с усталым видом слушает начальника Генерального штаба, следя глазами за его бегающей по карте указке.

На столе у Сталина лежит вчерашняя «Правда» (за среду 18 июня).

Синим карандашом подчеркнуто «Сообщение ТАСС».

В нем говорится, что специальная археологическая экспедиция Ленинградского Государственного Эрмитажа сняла с гробницы Тамерлана в мавзолее Гур-Эмир в Самарканде тяжелую плиту из зеленого нефрита, вскрыв саркофаг великого завоевателя. В сообщении упоминалось, что на плите имелась надпись, гласящая о том, что вскрывший гробницу Тамерлана выпустит на свою страну беспощадных духов кровавой и опустошительной войны…

– Только не поддавайтесь ни на какие провокации, – предупредил Сталин, выслушав очередной доклад Жукова. – Без моего личного разрешения никто не имеет права открыть огонь ни при каких обстоятельствах. Головы полетят.

– Завтра, – продолжал вождь, – и до понедельника состояние боевой готовности снять. Все по плану, включая и отдых командующих фронтами.

20 июня английская газета «Таймс» выходит с крупным заголовком: «Германия и Россия лицом к лицу». Теме посвящена целая полоса

Корреспондент «Нью-Йорк Таймс» передал из Анкары: «Дипломатические источники сообщают, что война Рейха с Советами может начаться в течение ближайших 48 часов».

Паникой охвачены приморские города Румынии и Болгарии. В разгар сезона вымерли первоклассные черноморские курорты Золотого Берега. Все шоссе, ведущие из Констанцы вглубь страны, забиты беженцами.

Официальный представитель правительства Швеции заявил, что «его страна уже приняла все меры, чтобы советско-германская война не застала ее врасплох».

В Берлине иностранные журналисты штурмуют пресс-центр Министерства Иностранных Дел. К ним выходит сам Риттерс. Его засыпают вопросами. Что означают все эти слухи? Правда ли, что на советско-германской границе уже начались столкновения? Риттерс категорически опроверг все слухи.

«В советской столице нет никаких признаков кризиса», – передает из Москвы корреспондент агентства «Рейтер».

Передовая «Правды» озаглавлена «Против болтунов и бездельников» и призывает бороться за «деловитость в работе, против болтовни и трескотни, прикрывающей бездеятельность».

Вдоль советской границы продолжается рев моторов.

Напряженность невыносимая, кажется, что она висит в воздухе и мешает дышать.

Главнокомандующий Западным фронтом генерал армии Павлов был очень удивлен, когда член военного совета фронта корпусной генерал-комиссар Фоминых предложил ему сходить на спектакль, который будет завтра в Минском Окружном Доме офицеров.

– Какой еще там театр?! – пытался отмахнуться командующий.

– Это приказ, – ответил Фоминых, сам ничего толком не понимая.

В театр был направлен и генерал-полковник Кузнецов, а генералу армии Кирпоносу было приказано провести субботу, 21 июня, на киевском стадионе «Динамо» – посмотреть очередной матч на первенство СССР по футболу.

Советский Союз не поддастся ни на какие провокации и не даст для них никакого повода.

«Секретное Постановление Политбюро

Об организации Южного Фронта и назначениях командного состава

21 июня 1941 года

Особая папка

от 21 июня 1941 г. (Дата вписана рукой Сталина.)

1. Организовать Южный фронт в составе двух армий с местопребыванием военного Совета в Виннице.

2. Командующим Южным фронтом назначить т. Тюленева с оставлением его на должности командующего МВО…»

Две армии нового фронта – это 9-я и 18-я, нацеленные на Румынию.

Они давно развернуты. Их надо просто организовать в еще один фронт.

Сталин прочел документ и спросил:

У Жукова и Тимошенко на языке вертится вопрос: когда же мы начнем «Грозу»?

Но Сталин сам отвечает на этот вопрос. Немцы закончат переброску войск примерно к 1 июля. Еще недели две понадобится на развертывание войск, организацию штабов и прочего. Высадка на Британские острова произойдет числа 15-20 июля. Не позже.

А мы начнем ровно через три дня после их высадки.

Сейчас, продолжал вождь, они перебрасывают войска и существует опасность, что какой-нибудь их генерал, завербованный английской разведкой попытается развязать конфликт на нашей границе, чтобы сорвать высадку и самолично развязать войну против СССР. Пусть стреляют, пусть делают, что хотят. Сидеть тихо. Понятно?

Военные уехали. Их сменил Молотов, который привез Сталину интересный документ.

«Совершенно секретно. Экз. № 1.

Заведующему протокольным отделом Наркоминдела Союза ССР

т. Баркову В. Н. 19 июня 1941 г.

…Я, произведя регистрацию поездок иностранцев, обратил внимание на следующее обстоятельство: весь аппарат германского военно-морского атташе состоит из семи человек…

На 20 июня в аппарате атташе не остается ни одного из известных мне сотрудников, что несколько необычно и странно, о чем я считаю необходимым довести до Вашего сведения».

Сталин, хотя и знал об этом из докладов НКВД, прочел справку с улыбкой и молча ее отложил. Все правильно, все сходится. Немецкие моряки нужны сейчас на родине.

Затем Сталин поинтересовался у Молотова, видел ли тот Шуленбурга сегодня.

Молотов принимал сегодня немецкого посла и в исключительно резкой форме потребовал у него объяснений по поводу непрекращающихся облетов немецкими самолетами пограничных территорий СССР.

Германский посол ответил, что г. Деканозов должен был посетить Имперского Министра иностранных дел и получить от него все разъяснения по этому вопросу. Затем Молотов поинтересовался, почему в Германии не было опубликовано заявление ТАСС от 14 июня? Чем вообще недовольна Германия, и чего она хочет?

Смущенный Шуленбург ответил, что не располагает информацией по этим вопросам и должен запросить свое правительство.

В то же время Деканозову было приказано добиться приема у Риббентропа и вручить ему вербальную ноту следующею содержания:

«По распоряжению Советского Правительства полпредство Союза Советских Социалистических Республик в Германии имеет честь сделать Германскому Правительству следующее заявление:

Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР вербальной нотой от 21 апреля информировал германское посольство в Москве о нарушениях границы Союза Советских Социалистических Республик германскими самолетами…

Обращая внимание Германского Правительства на подобное положение, Советское правительство ожидает от Германского Правительства принятия мер к прекращению нарушений советской границы германскими самолетами».

Это была первая из задуманной серии нот, целью которых было обострение советско-германских отношений путем предъявления Германии новых и более резких претензий, кульминация которых должна быть достигнута (по замыслу) в самый канун вторжения.

Сталин отодвинул разведсводки, которые утомили его своей тупой тенденциозностью, и поинтересовался у Берии, все ли готово к аресту Мерецкова?

Лаврентий Павлович доложил, что готово все. Только еще не решили, где его брать: прямо в поезде или на перроне.

Сталин сказал, что лучше прямо в поезде.

Берия согласился. Вся поездная бригада составлена из оперативников и два соседних вагона набиты также оперативниками.

Сталин спросил, как идет следствие, что нового удалось установить?

Берия доложил, что уже раскрывается картина очень крупного заговора. Гораздо более крупного, чем даже в 1937 году.

Сталин только вздохнул, сокрушенно покачивая головой, и стал набивать трубку. Он был полностью согласен с товарищем Берией.

Пока Сталин пытался разобраться в темном и грязном лабиринте, кишащем генералами-заговорщиками и агентами-провокаторами, Гитлер, измученный томительным ожиданием часа «Ч», писал длинное письмо своему единственному другу – Муссолини.

Письмо выдавало состояние души фюрера, издерганного своими дьявольскими играми в последние дни до нападения на своего коварного московского партнера.

«Дуче, – изливал свою душу фюрер, – я пишу Вам это письмо в тот момент, когда длившиеся месяцами тяжелые раздумья, а также бесконечное нервное выжидание, закончились принятием самого трудного в моей жизни решения. Я полагаю, что не вправе больше терпеть такое положение после доклада мне последней карты с обстановкой в России…

Оба государства, Советская Россия и Англия, в равной степени заинтересованы в распавшийся, ослабленной длительной войной Европе. Позади этих государств стоит в позе подстрекателя и выжидающего Североамериканский Союз.

После ликвидации Польши в Советской России появляется последовательное направление, которое осторожно, но неуклонно возвращается к старой большевистской тенденции расширения так называемого «советского, социалистического фронта». Другими словами, расширения до бесконечных пределов Советского государства…

Вы видите, Дуче, что на нас накидывают петлю, не давая фактически времени что-либо предпринять, и трудно предположить, чтобы нам предоставили такое время… Поэтому после долгих размышлений я пришел к выводу, что лучше разорвать эту петлю до того, как она будет затянута…

Материал, который я намерен постепенно опубликовать о планах Сталина сокрушить Европу, так обширен, что мир удивится больше нашему долготерпению, чем нашему решению…

В заключение я хотел бы Вам сказать еще одно. Я чувствую себя внутренне снова свободным, после того, как пришел к этому решению. Сотрудничество с Советским Союзом при всем искреннем стремлении добиться окончательной разрядки, часто тяготило меня… Я счастлив, что освободился от этого морального бремени.

С сердечным и товарищеским приветом.

Искренне Ваш, Дуче, Адольф Гитлер».

На тысячекилометровой линии противостояния, вибрируя от напряжения, как натянутые тетивы гигантских луков, стояли две огромные армии, ожидая условленных сигналов: «Гроза» и «Дортмунд».

На правом фланге этой чудовищной группировки развернул свои три армии Северо-Западный фронт генерал-полковника Федора Кузнецова.

Северо-Западному фронту Красной Армии противостояла группа армий «Север» под командованием генерал-фельдмаршала Вильгельма фон Лееба, развернувшего на 230-километровом участке от Мемеля до Гольдапа две своих армии.

На центральном участке, на знаменитом Белостокском балконе, развернул свои три армии Западный фронт генерала армии Дмитрия Павлова.

Им противостояла развернутая на 500-километровом участке от Гольдапа до Влодавы группа армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала Федора фон Бока.

В тесноте Львовского балкона терлись боками четыре советских армии Юго-Западного фронта генерала армии Михаила Кирпоноса.

На левом фланге фронта была развернута отдельная 9-я армия. В тылу гигантской 9-й армии была развернута армия второго эшелона. Действия группировки поддерживали корабли и авиация Черноморского флота. Всего в составе этой супергруппировки, нацеленной на Балканы, было более 4000 танков и 3000 боевых самолетов. Под ружьем находились около 3 миллионов человек, не считая личного состава флота и войск НКВД,

Этой группировке противостояла развернутая на 780-километровом участке группа армий «Юг» генерала-фельдмаршала Карла фон Рундштедта.

Всего группировка германских войск вместе с румынскими и финскими частями насчитывала в своем составе примерно 4,5 миллиона человек, чуть меньше 400 танков и 4275 боевых самолетов, считая самолеты Румынии и Финляндии.

Против них только на трех фронтах Западного ТВД (не считая армий Северного фронта) была развернута 8-миллиониая армия, построенная в два стратегических эшелона и прикрытая с тыла тремя отдельными армиями НКВД.

Только в пограничных округах немцам противостояли 11 тысяч танков и еще 8 тысяч в армиях второго эшелона. Сколько было танков в стрелковых дивизиях и в армиях НКВД, включая и их собственную численность, остается неизвестным. Мне, по крайней мере.

С воздуха эту группировку прикрывали 11 тысяч самолетов и 2300 дальних бомбардировщиков, входивших в состав ДБА РГК. В резерве находились еще 8 тысяч боевых машин.

За армиями первого эшелона были развернуты три воздушнодесантных корпуса,

Приморские фланги фронтов опирались на поддержку мощных и многочисленных соединений Военно-морского флота. Авиация флота (не считая Тихоокеанского) имела в своем составе 6700 самолетов, – больше, чем все соединения Люфтваффе на востоке.

Пожалуйста, я обращаюсь к вам, мои читатели, прочтите этот раздел два, три, четыре раза, впервые за почти уже 55 лет обратите внимание на соотношение сил и попытайтесь ответить хотя бы на два вопроса:

1. Для чего Сталин сконцентрировал на границе такую чудовищную армию?

Но это вопрос настолько очевиден, что отвечать на него: «Для обороны», – могут только бывшие историки КПСС с вывихнутыми мозгами.

Гораздо интереснее второй вопрос:

2. Как немцам с их хилыми силами удалось разгромить и уничтожить всю эту чудовищную силу, да так, что уже в сентябре пришлось срочно формировать дивизии народного ополчения, чтобы их трупами заткнуть зияющие бреши разваливающегося фронта?

Почему официальная история объявила катастрофой потерю за два дня войны 1200 самолетов, когда их было 11 тысяч.

Почему потеря 600 танков в первые два дня войны также объявлена катастрофой, когда их было тоже 11 тысяч?

Куда же делась гигантская армия, нацеленная на вторжение в Европу в день Д + 3 от высадки немцев на Британские острова?

При всей тактической внезапности удара они должны были быть остановлены к 1 июля. Вырвавшиеся вперед танковые группы Гота, Гудериана и Клейста, опередившие свою пехоту на два суточных перехода, были бы отрезаны от нее, окружены, смяты, раздавлены и размазаны страшным превосходством в силах, которое имела Красная Армия.

И так бы непременно произошло, если бы не одно обстоятельство.

Если бы Красная Армия оказала сопротивление.

Это и была знаменитая ошибка в третьем знаке, допущенная товарищем Сталиным, любившим все упрощать.

Глубокой ночью 22 июня – в 2 часа 10 минут – генерал Гудериан выехал на свой командный пункт, находившийся в 15-и километрах северо-западнее Бреста у местечка Богукалы. Он прибыл туда в 3 часа 10 минут ночи. С 8 часов вечера танки его группы, ревя своими бензиновыми моторами, выдвигались к границе.

Солдатам был зачитан приказ Гитлера.

«Наступил час, мои солдаты, – обращался фюрер к вермахту, – когда… судьба Европы, будущее Германии и нашего народа находятся отныне полностью в ваших руках!»

– Что с мостами? – поинтересовался Гудериан и был удивлен, узнав, что русские сами разминировали мосты, расчистив проходы и засеки на многих участках для прохода танков.

Небо на востоке начало сереть.

Начинался день 22 июня 1941 года, выпавший на воскресенье.

Гудериан еще раз посмотрел на часы. Было 3 часа 15 минут ночи.

И приказал начать артиллерийскую подготовку.

Поздно вечером 21 июня, когда уже всем стало ясно, что немцы перебрасывают свои войска на Запад каким-то очень странным способом – максимально выдвигая их к границам СССР, – из Москвы в штабы фронтов за подписью Тимошенко и Жукова была направлена последняя директива мирного времени. В ней войска снова заклинались «не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения».

Когда же на границах началась стрельба, и немецкие танки двинулись вперед, Сталин, «в рамках достигнутой договоренности», стал пытаться дозвониться до Гитлера, чтобы пожаловаться фюреру на его недисциплинированных генералов, предпринявших провокационные акции, о возможности которых дальновидный Гитлер уже давно предупреждал своего московского друга.

Однако до фюрера из Москвы оказалось не так-то просто дозвониться. Но Сталин это делал со свойственным ему упорством. Все это выглядело уже совершенно мистически, если учесть, что Шуленбург уже вручил Молотову составленную по всем правилам ноту об

объявлении войны, а в Берлине Риббентроп сделал соответствующее заявление вызванному на рассвете Деканозову.

Неужели у Сталина сложилось впечатление, что Имперский Министр Иностранных дел вместе с Чрезвычайным и Полномочным послом Германии действовали от лица какого-нибудь завербованного англичанами, командира танковой дивизии или артиллерийской бригады вермахта? Так или иначе, он продолжал звонить в Берлин, и, когда стало понятно, что по телефону это не удастся, использовал линию международной радиосвязи. В конце концов удалось связаться с Рейхсканцелярией в Берлине. Там мгновенно оценили царящий в Кремле маразм и стали морочить великому вождю голову, уверяя, что им об этом ничего не известно, что все немедленно будет доложено фюреру, и «конечно, если все так, как вы сообщаете, то виновные будут строжайше наказаны». Из Москвы требовали немедленно доложить обо всем Гитлеру лично. Но Гитлера в Рейхсканцелярии никак не могли разыскать и предложили связаться с ними завтра утром, заверив, что они «все, кому надо, доложат».

Тут у Сталина лопнуло терпение, и он, согласившись отложить переговоры на завтра, решил, что эти переговоры будет гораздо легче вести, если немецких войск не будет на нашей территории. А потому приказал всем фронтам немедленно перейти в наступление, выбить немцев с территории СССР, но границу до особого распоряжения не переходить. Видимо вождь все еще хотел дать возможность Гитлеру в спокойной обстановке перебросить свои войска к Ла-Маншу. Поэтому всего через три с половиной часа после вторжения немцев, в штабы пограничных фронтов поступила первая директива военного времени за подписью Тимошенко и Жукова, которая предписывала: «Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь, до особого распоряжения, наземным войскам границу не переходить».

К полудню 22 июня в Кремле Сталин, Тимошенко и Жуков, наконец, поняли, что вторжение в Англию, судя по всему, откладывается, поскольку Гитлер на данном этапе предпочел вторгнуться в СССР.

И тогда настал великий час!

Было принято решение начать операцию «Гроза»!

«Гроза, Гроза, Гроза!» – начали надрываться на всех линиях прямой связи и радиочастотах телетайпы и передатчики Наркомата Обороны и Генерального штаба.

«Гроза, Гроза, Гроза!»

Она зашумела и загремела на еще уцелевших линиях связи между фронтовыми, корпусными и дивизионными штабами.

Из сотен сейфов, с некоторой долей ритуальной торжественности, извлекались толстые красные пакеты с надписью *«Вскрыть по получении сигнала „Гроза*".

Из вскрытых пакетов вынимались пачки оперативных приказов с названиями прусских, польских и румынских городов и населенных пунктов, взять которые приказывалось в первые 72 часа после начала операции. На приданных секретных картах жирные красные стрелки хищно нацеливались на Варшаву и Копенгаген, на Берлин и Кенигсберг, на Бухарест, Будапешт и Вену.

На Северо-Западном фронте командир танковой дивизии, доблестный полковник Иван Черняховский, вскрыв свой красный конверт, не минуты не колеблясь, бросил свои танки в наступление на Тильзит, имея целью захватив его, развивать наступление на Кенигсберг, как и было указано в извлеченном из пакета приказе. Даже в условиях 22 июня 1941 года танкам полковника Черняховского удалось, давя немецкие позиции, продвинуться на 25 километров. Только общая обстановка на фронте заставила Черняховского повернуть обратно.

На Западном фронте танковая дивизия 14-го механизированного корпуса под командованием заместителя командира дивизии подполковника Сергея Медникова одновременно с немецкими танками, но в другом направлении, форсировала Буг и начала наступление на Демблин, как и было приказано вскрытым красным пакетом. С боями дивизия продвинулась вперед на 30 километров и остановилась, израсходовав горючее и боеприпасы. Подполковник Медников погиб.

На Южном фронте несколько дивизий успели вторгнуться на территорию Румынии, поддержанные ураганным огнем мониторов Дунайской флотилии.

Но это были исключения из той общей обстановки, которая царила на фронтах в тот момент, когда был отдан приказ о начале операции «Гроза». Исключения, совсем не подтверждающие правило.

Через несколько минут после начала артиллерийской подготовки на границе, в скором поезде «Красная Стрела», курсирующем по маршруту Москва-Ленинград и обратно, был арестован генерал армии Кирилл Мерецков и этапирован в Сухановскую тюрьму. В Москве же все считали, что он стал главкомом Северо-Западного направления в составе двух фронтов – Северо-Западного и Северного. Фронтам, которые уже извлекли из сейфов пакеты с «Грозой», было приказано на первом этапе захватить Восточную Пруссию, на втором – остатки Финляндии и Норвегию и быть готовыми оккупировать Швецию. К сожалению, полковнику Черняховскому в одиночку этого сделать не удалось…

Доставленный в Сухановскую тюрьму генерал армии Кирилл Мерецков, уже побывавший в лапах НКВД в 1937 году, думал только об одном: как заслужить побыстрее пулю в затылок, избежав при этом пыток и мучений. Этого можно было добиться, как он знал по опыту, только рассказывая следователям все, что они хотели от него услышать. Он не учел только одного, что обладал опытом трехлетней давности, который несколько устарел.

К этому времени вся следовательская бригада была уже сильно утомлена тем, что можно было назвать «неуемной генеральской гордыней». Приходилось тратить слишком много времени, чтобы показать арестованным генералам, что никакие они не генералы, а говно, как любил выражаться Ленин по поводу всей русской интеллигенции.

Чтобы генералы это поняли побыстрее, был разработан своего рода предварительный ритуал «смирения их гордыни» еще до первого допроса.

С Мерецкова, как и положено, любовно срезали петлицы с пятью звездами генерала армии, отвинтили ордена, содрали хромовые сапоги, срезали пуговицы на брюках, отобрали ремень и портупею, сфотографировали в фас и профиль, а затем, не задав ни единого вопроса, принялись избивать резиновыми дубинками. Далее вся следовательская бригада помочилась на голову лежащего в крови на полу генерала армии и оставила его лежать в следовательской моче до утра.

Дело в том, что принять участие в первом допросе бывшего начальника Генерального штаба РККА изъявил желание лично товарищ Сталин. Мы уже упоминали, что несмотря на наличие огромного числа картин известных советских художников типа «Товарищ Сталин на маневрах Белорусского военного округа», на маневры и полигоны вождь ездить не любил и не ездил, а вот в застенки НКВД хаживал, и с большим удовольствием. Особенно до войны.

К сожалению, события 22 июня несколько изменили планы товарища Сталина, а потому следователи, не дождавшись любимого вождя, получили указание работать самостоятельно «по плану расследования».

Несмотря на предварительную обработку, а может быть благодаря именно ей, Мерецков сразу же стал давать показания. На очной ставке со Штерном, не обращая внимания на истерические крики последнего: «Кирилл Афанасьевич, ну ведь не было этого, не было, не было!», Мерецков показал, что был вовлечен вместе со Штерном в преступную группу,

работавшую на немецкую и английскую разведку одновременно. Что группа периодически передавала за границу наиболее секретные документы относительно планов и вооружения Красной Армии.

На вопрос, кто возглавлял преступную группу, Мерецков ответил, что не знает. Но генералу армии было трудно выдать себя за обычного диверсанта, не знающего кто руководит его действиями. Из него немедленно стали выбивать резиновыми дубинками, кулаками и сапогами новые показания. Следователь НКВД Семенов позднее вспоминал:

«Я лично видел, как зверски избивали на следствии Мерецкова и Локтионова. Они не то что стонали, а просто ревели от боли… особенно зверски поступали со Штерном. На нем не осталось живого места. На каждом допросе он несколько раз лишался сознания… Локтионов был жестоко избит, весь в крови, его вид действовал и на Мерецкова, который его изобличал. Локтионов отказывался, и Влодзимирский, Шварцман и Родос его продолжали избивать по очереди и вместе на глазах Мерецкова, который убеждал Локтионова подписать все, что от него хотели. Локтионов ревел от боли, катался по полу, но не соглашался…»

Мерецков, корчась от боли, называл сообщников. Первым назвал самого Жукова, затем Павлова, Кирпоноса, Кленова и многих других. В его показаниях отсутствует только новый командующий Северо-Западного фронта генерал-полковник Федор Кузнецов. Как ни странно, но он один и уцелел, хотя его начальник штаба генерал-лейтенант Кленов был арестован и умер на допросе от сердечного приступа, а сам фронт был разгромлен еще почище Западного. Генерал Павлов был расстрелян вместе со всем своим штабом. Принято считать, что за разгром и развал Западного фронта. Тут уже не определить, за что именно. В Киеве был застрелен особистом генерал армии Кирпонос, по официальной версии покончивший с собой (двумя выстрелами из нагана в затылок). Жуков уцелел, но все его сотрудники от начальника штаба генерала Телегина до шофера Бочина были арестованы…

Мерецкова продолжали таскать на очные ставки. Он разоблачил Смушкевича. Дал показания и на Рычагова. Прославленный летчик-истребитель, видимо, к этому времени уже рехнулся, поскольку начал вести себя крайне вызывающе и даже позволил себе словесные оскорбления в адрес следователя Родоса. Это вынудило последнего осуществить свою давнюю угрозу и арестовать жену Рычагова – майора авиации Марию Нестеренко, которая была схвачена прямо в части 24 июня. Мотивировка ареста была такой: «…будучи любимой женой Рычагова, не могла не знать об изменнической деятельности своего мужа».

Нестеренко была прославленной летчицей, неоднократно демонстрировавший необыкновенное мужество в небе и редкое мастерство управления самолетом. «Такое же мужество, – пишет о ней специально исследовавший ее судьбу Аркадий Ваксберг, – проявила она и в камере пыток, спасая от клеветнических обвинений и себя, и мужа… Истязания, которым подвергли эту замечательную женщину, я не в силах описать. У меня не хватает мужества даже на это…»

У меня тоже не хватает духа описывать, как истязали эту женщину. Достаточно хорошо известно, что делали с женщинами в застенках НКВД. Скажу только, что прославленная летчица, майор Мария Нестеренко, ни в чем не призналась, не подписала ни одного протокола и в октябре 1941 года была расстреляна вместе с мужем [83].

Пока следователи приходили в ужас от открывшейся перед ними бездны очередного бездонного военно-контрреволюционного заговора, события на фронте стали принимать формы небывалой в истории военной катастрофы, за которой с усиливающимся ужасом следили из Кремля.

Огромный Западный фронт разваливался на глазах. Отчаянное сопротивление отдельных застав, частей и гарнизонов не могло скрыть от командования совершенно невероятное поведение армии. Такого история войн еще не знала.

Полтора миллиона человек перешли к немцам с оружием в руках. Некоторые, целыми соединениями под звуки дивизионных оркестров.

Два миллиона человек сдались в плен, бросив оружие. (Под словом «оружие» подразумевается не только винтовка, но все до танка и самолета включительно.)

500 тысяч человек были захвачены в плен при различных обстоятельствах.

1 миллион человек откровенно дезертировали (из них 657354 человека было выловлено, 10200 – расстреляно, остальные исчезли без следа).

800 тысяч человек были убиты и ранены.

Примерно миллион человек рассеялся по лесам.

Оставшиеся 980 тысяч в панике откатывались на восток.

Таково было положение на сентябрь 1941 года.

И именно в этом заключается самая большая тайна военной катастрофы 1941-го года.

В вихре небывалого водоворота бесследно исчезали целые полки дивизии и даже корпуса. Пропадали без вести целые эскадрильи.

Без вести пропали 20 генералов и 182432 офицера различных рангов. 106 генералов, включая нескольких командующих армиями, оказались в плену.

Почти не встречая сопротивления, немецкие войска занимали город за городом, где летели с пьедесталов памятники Ленину и Сталину.

Значительная часть населения ликовала, встречая немцев цветами, хлебом и солью.

Они ликовали, но, как вскоре выяснилось, совершенно напрасно.

Немцы не несли освобождения. Они несли новое рабство и террор, поданные с гораздо большей откровенностью.

Немецкое командование было ошеломлено.

Командующие группами армий быстро оценили все невероятные выгоды создавшегося положения. В их распоряжении была уже миллионная *русская национальная армия* , готовая сражаться с режимом. Она была организована и вооружена. Еще два миллиона человек потенциально готовы были влиться в ее ряды. Считалось очень вероятным, что, будь эта армия официально признана, в нее вольются и остатки Красной Армии, рассеянные по местности и в панике отступающие. Взаимодействуя с вермахтом, эта армия быстро освободила бы страну от сталинского режима.

Командующие группами армий немедленно сообщили об этом в Берлин, ожидая решения фюрера.

Гитлер, который всю неделю с 19 по 25 июля провел на уколах, в конце июля был бодр, весел и возбужден.

Он прислал господам командующим «Разъяснение», где указал генералам-идеалистам, что «мы не от чего и ни от кого Россию не освобождаем. Мы ее – *завоевываем* (разрядка в документе. – И.Б.). …Мы не нуждаемся ни в какой русской национальной армии и не собираемся формировать никакого русского правительства… Русский народ нас интересует только как рабочая сила, которая в будущем будет трудиться на германскую нацию».

Умри, лучше не скажешь!

Гитлер снова подтвердил свою «великолепную» политическую прозорливость, упустив последний шанс выпутаться живым из всей этой истории.

Всех перешедших на сторону вермахта с оружием в руках было приказано разоружить и объявить военнопленными.

Некоторые пробились обратно в Красную Армию и были, разумеется, расстреляны. Некоторых, на свой страх и риск, немцы оставили у себя, распределив по подразделениям вермахта [84].

Свирепый оккупационный режим, установленный немцами на захваченных территориях, массовые казни мирного населения в целях устрашения, открыто декларируемое намерение превратить всех без исключения русских в рабочий скот и многое другое больно ударило по самым чувствительным струнам русского патриотизма. *Этим мгновенно воспользовалась официальная пропаганда, сменив почти все свои довоенные лозунги на национально-патриотические и объявив саму войну Отечественной.*

К осени 1941 года на территории СССР уже видны все признаки начинающейся *народной* войны, а войну против народа никому и никогда не удавалось выиграть. Но от этого антинародная и звериная сущность сталинского режима нисколько не изменилась.

Если немецкое командование было ошеломлено событиями лета 1941 года, то можете себе представить, как был ошеломлен товарищ Сталин и «маршалы великие его».

Находясь в полной уверенности, что проводимые с 1917 года воспитательные мероприятия с русским народом, главным из которых было постоянно проводимое массовое истребление этого народа, окончательно превратили его в оболваненную, бессловесную массу, годную только для перемолки в лагерную, а теперь и окопную пыль, товарищ Сталин был потрясен тем сюрпризом, что ему преподнесла любимая армия.

Извращенная психология, культивируемая в коммунистическом антимире, заставила и самого вождя поверить, что красноармейцы и командиры (среди которых практически не найти человека, у кого бы не был расстрелян, замучен, раскулачен, сослан, арестован или бесследно исчез кто-нибудь из родных, близких или друзей) *настолько растеряли все нормальные человеческие чувства и эмоции, настолько мутировали на страшном пути от обычного человека к человеку советскому, что не имеют уже никаких других желаний, кроме как идти в поход, чтобы завоевать для преступного режима мировое господство.*

К великой чести русского народа надо сказать, что этого не произошло.

События лета 1941 года можно без всяких преувеличений назвать стихийным восстанием армии против сталинской деспотии.

Тоталитарный режим вообще, а коммунистический в особенности, превращает страну в одну огромную организованную преступную группировку, где наряду с немыслимо кровавыми преступлениями, направленными против собственного народа, идет процесс втягивания самого народа в преступления режима с возложением на него коллективной ответственности за эти преступления.

При этом создается мощная круговая порука, сцементированная кровью и ложью, как положено в любой организованной преступной группировке.

Нигде и никогда это не было продемонстрировано ярче, чем в мощной преступной группировке, которой стала бывшая Россия благодаря двум великим паханам – Ленину и Сталину.

Их расчет был теоретически почти безупречным: весь остальной мир никогда не сможет организоваться и вооружиться таким образом, чтобы противостоять их великим замыслам превращения всей Земли в огромную уголовную зону.

Но великие паханы из-за собственной ограниченности и безграмотности не только не видели закономерностей, управляющих мировым прогрессом, они не понимали процессов, бесконтрольно развивающихся в той примитивно уголовной системе, которую они возвели на костях десятков миллионов уничтоженных русских людей, собираясь облагодетельствовать ею все человечество.

Это – заложенный в саму тоталитарную систему процесс самоликвидации . Этот процесс очень интересен и заслуживает тщательного исследования.

Сталин явно намеревался начать свой поход в Европу еще в 1938 году. Однако по мере приближения заветного часа пошел процесс безжалостного уничтожения собственных вооруженных сил, государственного аппарата, промышленности и, разумеется, народа.

Допустим на минуту, что летом 1941 года все произошло так, как и планировал товарищ Сталин. 19 июня Гитлер бы начал снимать войска с советской границы и, скажем, в конце июля – начале августа вторгся на Британские острова, оставив незащищенный тыл и свою судьбу на усмотрение товарища Сталина.

Что бы произошло тогда?

Процесс самоликвидации уже шел полным ходом, набирая обороты. 22 июня уже был арестован генерал армии Мерецков, и было еще далеко до завершения вакханалии арестов в армии и промышленности, начавшейся в СССР после ареста генерала Ивана Проскурова в июле 1940 года. Можно легко предвидеть, что произошло бы дальше.

Следующими бы под нож легли Тимошенко, Жуков, Павлов и Кирпонос, не говоря уже о военных более низкого ранга.

Не истекли бы мы к августу кровью настолько, что снова оказались бы неспособными пошевелить ни рукой, ни ногой?

Огромный нарыв зрел и набухал на теле страны, лихорадя ее и грозя общим заражением крови со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Гитлер, вскрыв своим штыком этот нарыв, сам того не понимая, оказал великую услугу *товарищу Сталину и его режиму* , продлив их существование на годы, которых у них уже фактически не было.

И долго еще из этого нарыва хлестал гной, прежде чем потекли океаны крови.

Когда же после войны, заполучив в свои руки ядерное и водородное оружие, Сталин, развязав войну в Корее, снова стал лихорадочно готовить свою 8-миллионную армию в поход, *начавшийся параллельный процесс самоликвидации на этот раз уничтожил его самого, весь его карательный и рабовладельческий аппарат, а в конечном итоге и Советский Союз.*

Так ошибки в третьем знаке, постепенно накапливаясь, уничтожили самого вождя и его империю.

Но вернемся в 1941 год.

Сталин, возможно, одним из первых оценил подарок Гитлера.

То, что его почти 9-миллионная армия перестала существовать, испарившись как капелька росы под лучами солнца, потрясло его, но не настолько, чтобы окончательно потерять голову.

Он быстро увидел, какие возможности ему предоставляет невероятная глупость Гитлера и его расовое безумие.

В августе Сталин сделал эпохальное заявление, смысл которого стал понятен много позже. «У нас нет военнопленных, – заявил вождь, – у нас есть изменники Родины» [85]. У него были все основания для подобного заявления. В руках у немцев к этому времени находилось 4,2 миллиона военнопленных Красной Армии, включая и собственного сына Сталина – Якова Джугашвили.

Затем Сталин отдает приказ № 220 (не путать с более поздним приказом № 227 «Ни шагу назад!»), где без всякой «новоречи», простым и понятым языком всем находящимся на фронте военнослужащим доводится до сведения, что их *семьи в тылу становятся заложниками их поведения на фронте* . В случае сдачи в плен семьи будут репрессированы. В лучшем случае – уморены голодом, ибо им не будут выдаваться продовольственные

карточки. Сами же военнослужащие будут расстреливаться при одном подозрении в нежелании воевать. Можете себе представить, как бы себя повели эти военнослужащие, если бы к этому времени была создана Русская Национально-Освободительная армия?

Затем Сталин объявляет тотальную мобилизацию, начиная формировать так называемые дивизии «народного ополчения», бросая под немецкие танки совершенно необученные контингенты, состоящие, главным образом, из пожилых и больных людей, ранее не охваченных «Мобилизационным планом-41».

Вождь уже не доверяет своей армии.

Капитулированный Гитлером в союз с «великими демократиями», Сталин униженно просит англичан и американцев прислать свои войска на советско-германский фронт, чтобы заменить ими ненадежные части Красной Армии.

Он слезливо унижается перед теми, кого еще вчера презирал и ненавидел.

А между тем на нашей стороне фронта царит свирепый полицейско-террористический режим нисколько не лучше, чем на той стороне, где хозяйничает гитлеровская армия.

Тем временем продолжает раскручиваться еще невиданный военный маховик, запущенный в феврале 1941-го года «Мобилизационным планом-41».

К началу 1942 года формируются еще 420 стрелковых, 120 (!) кавалерийских дивизий, 250 танковых бригад, сотни артиллерийских и авиационных полков. Практически необученными они бросаются в мясорубку войны, истребляясь почти поголовно.

По мере все большего приобретения войной формы Отечественной, Сталин, вернув былую уверенность, а вместе с ней и былое презрение к своей стране и ее «населению», не забывает одаривать это население своими новыми милостями.

После победы под Сталинградом он дарит народу смертную казнь через повешение и каторжные зоны.

После победы на Курской дуге в районы Крайнего Севера высылаются все калмыки.

После операции «Цитадель» из Крыма в 24 часа высылаются в Северный Казахстан все татары.

После перехода старой советской границы – чеченцы и ингуши.

Уже почти готовы планы поголовного переселения всех прибалтов, поляков, немцев, румын, венгров, чехов и даже украинцев с евреями. Операция «Гроза» продолжается!

Захват Восточной Европы наводит на искушение завершить задуманное до войны.

Проведена «советизация» Польши, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Венгрии, Албании, Югославии, части Германии, Кореи, Китая (!), части Вьетнама.

Для этого пришлось уничтожить еще 30 миллионов русских людей, но это, как всегда, вождя очень мало беспокоило.

«При коллективизации мы потеряли больше», – отмахнулся он от Черчилля, когда тот попытался вылезти со своими соболезнованиями по поводу столь чудовищных потерь СССР.

Еще одно усилие – и светлая мечта осуществится!

Все явно уже шло к этому.

Однако на линии противостояния стоит уже не нищий вермахт, а огромная глобальная американская армия, имеющая на вооружении ядерное оружие, небывалую по мощи авиацию и флот.

Но навязчивая идея сильнее!

Явное намерение окончательно впавшего в безумие вождя всех народов развязать ядерную войну приводит в ужас его старых сообщников. Стареющий вождь, ни минуты не

колеблясь, как и надлежит старому «пахану», решает их ликвидировать. Всех: Молотова, Ворошилова, Жукова, Берию, Кагановича и Маленкова. Всех, кто еще не умер своей смертью, как Жданов и Щербаков.

В метастазах процесса самоликвидации гибнет сам вождь и большинство его сообщников.

Они гибнут, а операция «Гроза» остается!

Она принимает новые формы, неоднократно ставя мир на грань термоядерной катастрофы.

Снова миллионы солдат и десятки тысяч танков вибрируют на линии противостояния, где любая искра может в любой момент перерасти в новый мировой пожар.

Жирные красные стрелы «Грозы» дотягиваются до Кубы, Эфиопии, Йемена, Анголы, Камбоджи и Вьетнама, всюду оставляя, миллионы убитых, умерших от голода, сгнивших в лагерях.

Запущенный Сталиным великий маховик милитаризации продолжает ковать новые и новые горы оружия, затопляя им страну и весь мир.

Но снова начинает набирать скорость, незамеченный из-за ошибки в третьем знаке, процесс самоликвидации.

Оказывается, что и милитаризация страны может продолжаться до известного предела.

Лихо проскочив этот предел, Сталинская империя рушится, рассыпается, и ее обломки, стремительно летящие вперед, Время выметает на обочину истории.

30 и 31 августа 1994 года бывшие советские, а ныне Российские войска окончательно покидали территории Германии и Прибалтики. Президент России Борис Ельцин и канцлер Германии Гельмут Коль делали все возможное, чтобы придать этому событию хоть какую-то торжественность. Было грустно, потому что в прошлое уходила целая эпоха.

Ровно через 55 лет, после своего начала, операция «Гроза» закончилась.

Навсегда ли?..

СПб, весна 1993 – весна 1995.

Примечания

1

Хотя окончательно так и не установлено, за что Гитлер получил свои награды, сам по себе случай награждения рядового кайзеровской армии за одну войну двумя Железными крестами II и I класса является уникальным и предполагает весьма значительный подвиг.

2

В советской исторической литературе гитлеровская партия стыдливо называется не «национал-социалистической», а «социалистской», хотя подобного слова нет ни в немецком, ни в русском языках.

3

Конечно, гитлеровский режим в Германии был гораздо мягче и гибче, чем сталинский в СССР. Массовым истреблением собственного народа Гитлер никогда не занимался. Сохранив механизм конкуренции и внедрив в него украденное в Москве «соцсоревнование», он добился крупных экономических успехов. В национал-социалистическую партию был принят сын свергнутого кайзера Август-Вильгельм, что вызвало целую бурю со стороны «левых» нацистов. Можно ли себе представить прием Сталиным в партию кого-нибудь из семьи Романовых?

4

При всей своей внешней несхожести Сталин и Гитлер имели много общего в чертах характера и судьбе. Интересно отметить, что и женщины, которых они любили, закончили одинаково. Надежда Аллилуева и Гели Руабаль были найдены с пулями в голове. Обе застрелились, не выдержав демонической силы и тирании, выдаваемой за любовь. Мстительная история почти безапелляционно считает, что Гели была застрелена Гитлером, а Надя – Сталиным.

5

22 августа 1939 года – за день до подписания советско-германского договора о ненападении, за 10 дней до вторжения в Польшу, Гитлер сказал своим генералам: «Решающим было смещение Литвинова. Для меня это прозвучало как пушечный выстрел, объявивший об изменении отношения Москвы к западным странам».

6

Интересно, что в то же самое время президент Рузвельт, собрав в Белом доме ведущих финансистов США, поинтересовался, насколько у Гитлера хватит средств проводить в жизнь свою политику. Банкиры, покопавшись в «гроссбухах», ответили, что в случае, если мирное время продлится, то до 1948 года, если втянуть Гитлера в войну в этом году, то до 1942 года – не более.

7

Еще в начале 1938 года «еврейские круги» обещали Сталину неограниченный кредит и полную модернизацию армии, если он нападет на Гитлера. Сталин повелел ответить, что «если Советский Союз подвергнется фашистской агрессии, он с благодарностью воспримет поддержку всего прогрессивного и миролюбивого человечества». Не говорящие на «новоречи» «круги» решили, что Сталин, спасая лицо, просит их организовать «фашистскую агрессию». Они приняли это к сведению.

8

Один из резидентов советской разведки Кривицкий, сбежав на Запад, дал обширные показания, назвав в том числе Кима Филби как советского агента. Англичане, однако, никак на это не отреагировали, и Филби еще долго занимал ведущие посты в английской разведке, передавая в СССР аж до 1961 года потоки тщательно продуманной дезинформации. Пути разведок неисповедимы!

9

Интересно отметить, что в редакции англо-польского союзного договора, составленного англичанами, так и говорилось «в случае агрессии Германии». Только Германии! Правительство Англии, прекрасно знавшее намерении СССР вторгнуться в Польшу с востока, тем не менее не распространило договор на СССР, уверенное, что СССР и Германия неизбежно сцепятся при дележе добычи.

10

Каждое слово в этой ноте пропитано ложью. Польское правительство находилось в местечке Куты вблизи румынской границы. Что касается Варшавы, то столица Польши была захвачена немцами только 27 сентября. Однако, стремясь поскорее получить помощь с востока, немцы уже 9 сентября объявили о взятии Варшавы.

11

Истинные потери составили 5327 человек. Убитыми 1386

12

Остается только удивляться, что кто-то из этих людей выжил. Среди них были генерал Ярузельский – бывший президент Польши, бывший премьер Израиля Бегин, знаменитый ученый Ковальский и некоторые другие.

13

Давно расследованы все обстоятельства Гляйвицкой провокации, названы поименно ее участники, а руководитель «операции» штурмбанфюрер Альфред Науокс даже написал обширные мемуары под заголовком «Человек, который начал войну». О «Майнильской провокации» не написано еще ничего. Разумеется, не было и никакого расследования – ни государственного, ни журналистского. Однако участники событий в один голос говорят, что обстрел произвела специальная команда НКВД, прибывшая на Карельский перешеек из Ленинграда. В распоряжении команды, состоящей из 15 человек, было одно орудие на конной тяге. Командовал этой группой майор НКВД Окуневич. Сам Окуневич (скончался в 1986 году) рассказывал, что их направили на Карельский перешеек с приказом испытать действие якобы нового секретного снаряда, указав точно место стрельбы, а также направление, угломер и пр. Команду сопровождали два специалиста по «баллистике», прибывшие из Москвы. По словам Окуневича, орудие выпустило не 7, а 5 снарядов.

14

Месяца за два до войны, на совещании Военного совета, Ворошилов разнес в пух и прах план Шапошникова, который очень серьезно относился к линии Маннергейма и высоко оценивал боевую подготовку финской армии. Шапошников считал, что война будет длительной и что наступление невозможно без предварительного разрушения бетонных оборонительных сооружений финнов артиллерией и авиацией. Тем временем, считал Шапошников, следовало подготовить армию к войне в условиях суровой северной зимы: поставить на лыжи, одеть в зимнее обмундирование, заняться индивидуальной боевой подготовкой каждого бойца.

15

Финны подсчитали свои потери в войне, как и положено, с точностью до одного человека. Убитыми и пропавшими без вести они потеряли 23542 человека, ранеными – 43501 человека (из них 9872 человека остались инвалидами). Советский Союз, естественно, столь скрупулезно свои потери не считал, оперируя десятками тысяч. Даже в закрытых источниках даются разные цифры: в одном – 340 тысяч человек, в другом – 540 тысяч человек. Ныне покойный генерал Новиков – бывший работник отдела личного состава НКО – объяснил автору, что первая цифра – это количество умерших от ран и обморожения, а вторая – общие потери с учетом убитых и пропавших без вести. К известным цифрам нужно еще приплюсовать 843 военнослужащих Красной Армии, расстрелянных по приговору военных трибуналов «за негативные» высказывания об этой позорной войне.

16

Целая, во всяком случае, официальная цель этой позорной войны, которую СССР не постеснялся навязать своему крошечному соседу, заключалась якобы в обеспечении стратегической безопасности Ленинграда и всего Северо-Запада. Что же было достигнуто?

17

Сколько их было? Советские источники, как всегда поражая точностью, говорят о «более 5 тысячах». А. Солженицын утверждает, что их было 25 тысяч. Всех их погрузили в эшелоны, в которых на одной из платформ везли мотки колючей проволоки. Доставленные в районы Заполярья бывшие пленные сами огораживали себе «зону», а затем рыли землянки. Не выжил почти никто.

18

Надежды Гитлера на новую шифросистему «Энигма», как и многие его другие надежды не оправдались. В феврале 1940 года англичане, утопив в заливе Клайд немецкую лодку «38», подняли с нее и саму «Энигму», и всю шифродокументацию к ней, обеспечив себя на всю войну.

19

Доктор Теодор Морелль появился около фюрера в 1935 году и не расставался с ним до самого конца. Ни одному человеку Гитлер не доверял так, как ему, и загородный дом Морелля был единственным, куда Гитлер без охраны захаживал «попить чаю». Никто до сих пор не знает, чем Морелль колол Гитлера, иногда по три-четыре раза в день. Сам Морелль отказывался об этом говорить, а все попытки других врачей настроить Гитлера против доктора или по крайней мере вызвать в Гитлере беспокойство по поводу неясной природы тех препаратов, которыми его колют, не приводили ни к чему. Доктор попал в интимный круг Гитлера по протекции фотографа Гофмана – столь же темной личности, как и сам Морелль.

20

Когда танки Гудериана, круша советскую оборону, стремительно продвигались вглубь территории СССР, вся история повторилась. Немецкое командование, включая самого Гитлера, прилагало все усилия, чтобы остановить неукротимого генерала. Снова Гудериан рвался вперед, игнорируя приказы командования группы армий «Центр» и самого Гитлера. Вдогонку ему летели приказы о снятии с должности и об отдаче под суд. Личным приказом Гитлера Гудериан был остановлен под Ельней, и вся его нацеленная на Москву группировка повернута на юг. Это спасло Москву от неминуемого падения.

21

Везде, где немецкие танковые части входили в зону действия корабельной артиллерии, они останавливались надолго или навсегда. Достаточно вспомнить оборону Таллинна в августе 1941 года, где соединение КБФ, состоявшее всего из одного крейсера и дюжины эсминцев, и течение двух месяцев сдерживало наступление на фактически не имеющий сухопутной обороны порт. Или знаменитый Ораниенбаумский пятачок, простреливаемый кораблями и фортами Кронштадта, который немцы так и не смогли взять в течение всего своего трехлетнего топтания под Ленинградом.

22

Позднее фельдмаршал Рундштедт высказал свое отношение к операции «Морской Лев», которой он должен был командовать:

23

Кто был этот старик? Хотя ответ напрашивается сам собой, надо быть очень осторожным, ибо самые очевидные ответы часто бывают самыми неверными. Факты же таковы: в бывшем загородном особняке московского купца Куманина еще в середине 20-х годов был создан т. н. «Особый объект 17». После 1934 г. на этот объект имели доступ только Сталин и Ягода. Ежов, судя по всему, даже не знал о существовании куманинской дачи. Охране категорически, под страхом расстрела на месте запрещалось выходить на берег озера. Иногда туда привозили продукты и какие-то ящики, но складывали их на берегу. Ночью все перевозил на остров старик-лодочник, который по одним слухам был глухонемым, а по другим – просто очень замкнутым. Жители соседних деревень знали об «объекте 17», но были уверены, что там находится секретная лаборатория, изобретающая смертоносные лучи для уничтожения вражеских самолетов. Вполне в духе времени.

24

«Ленин» не дождался немецкого крейсера, поскольку по плану операции параллельно курсу рейдера шла подводная лодка Щ-423, якобы перегоняемая из Мурманска во Владивосток, которая должна была, по получении специального шифрованного сигнала, утопить немецкий рейдер торпедами, если бы того потребовала изменившаяся обстановка.

25

Подобное решение Гитлера считается крупной стратегической ошибкой. Имея основной задачей уничтожение авиации противника, немцы в период с 24 августа по 6 сентября

направляли для достижения этой цели в среднем по 1000 самолетов в день. Несмотря на отчаянное и доблестное сопротивление английских пилотов, численное превосходство немцев начинало сказываться. Пять передовых аэродромов англичан на юге страны были так тяжело повреждены, что практически не могли использоваться. Система связи была нарушена. В критические две недели с 24 августа по 6 сентября англичане потеряли уничтоженными или серьезно поврежденными 466 истребителей. При этом погибло 103 пилота и 128 были тяжело ранены – примерно четверть из наличного состава. Люфтваффе за этот же период потеряла 385 самолетов (214 истребителей и 138 бомбардировщиков).

26

3 сентября в далекую Арктику пришло разрешение «Комету» следовать дальше. Ледокол «Каганович» еще некоторое время сопровождал крейсер на восток, а потом, подняв сигнал: «Желаю счастливого плавания», повернул обратно.

27

Нарком Тимошенко наградил Власова золотыми часами. Немного позже сам Сталин приказал наградить Власова орденом Ленина, а 99-ю дивизию – переходящим Красным знаменем Красной Армии.

28

Через семь с небольшим месяцев, разбуженный на рассвете 22 июня 1941 г. сообщением о нападении Германии на СССР, Черчилль в первой своей публичной речи по этому поводу скажет: «Нацистскому режиму присущи худшие черты коммунизма… За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем… Но прошлое, с его преступлениями, безумствами и трагедиями исчезает. Ибо Гитлер хуже и опаснее Сталина!»

29

Так дезинформация порождает новую дезинформацию, увеличивая общую погрешность.

30

В 1942 году Сталин, пересказывая этот эпизод Черчиллю, сообщил, что Молотов якобы заметил Риббентропу: «Если вы уверяете, что Англия проиграла войну, то почему мы сидим в этом убежище? И чьи это бомбы падают так близко, что разрывы их слышны даже здесь?» Риббентроп промолчал. Ничего подобного, конечно, не было.

31

Но немцы на этом не успокоились. Новая экспедиция для проверки «вогнутости» земли была организована в апреле 1942 г. – на этот раз на острове Рюген. Возглавлял экспедицию доктор Гейнц Фишер, известнейший в Германии специалист по исследованию инфракрасных лучей.

32

Имеются интересные, почти мистические параллели в судьбе Гитлера и Рузвельта. Один и тот же день в январе праздновался обоими: для Гитлера это был день его назначения канцлером Германии, для Рузвельта – день его рождения. Всего один день разделял их в марте 1933 года, когда оба получили право на власть: день инаугурации Рузвельта совпал с голосованием в рейхстаге, предоставившим Гитлеру диктаторские полномочия.

33

Старший сын Сталина Яков, попавший к немцам в плен в первые дни войны, превратился для Сталина в какой-то кошмар. Немцы в миллионах экземпляров печатали листовки и газеты с разными призывами и статьями Якова, направленными против отца. Хотя все это официально объявлено фальшивками, можно представить, сколько они испортили крови Сталину. Единственное, что он мог сделать в ответ, – это посадить в тюрьму Юлию Мельцер как «соучастницу» преступлений сына.

34

Поэтому нельзя слишком строго осуждать Сталина, что он добился развода Василия с Галиной Бурдонской и женил сына на дочке маршала Тимошенко Екатерине. Когда же дочь Светлана преподнесла папе первый сюрприз, выйдя замуж за какого-то смелого еврея, Сталин, уже накопив известный опыт, быстро брак пресек и выдал дочь замуж за сына Жданова – Юрия. После смерти Станина, в лучших традициях созданной им террористической средневековой державы, сын Василий был немедленно арестован, затем сослан в Казань, где умер при загадочных обстоятельствах. Светлана сумела сбежать в США, где публично сожгла советский паспорт. Это были первые камешки обвального краха идеологии. Эти факты общеизвестны и, если мы их упомянули, то только для того, чтобы еще раз подчеркнуть, что вождь не должен иметь детей, не обеспечив им наследственной власти. Но, уж коли дети все-таки есть, он должен их воспитывать сам, не перепоручая это дело малограмотным сержантам из госбезопасности.

35

Мы уже писали, что на обеспечение сталинских захватов были мобилизованы лучшие силы творческой интеллигенции страны. Советская культура самозабвенно работала на операцию «Гроза», ничего не зная о ее существовании. Почитайте слова этой песни и подумайте: существовала ли на свете еще какая-нибудь идеология, умеющая придавать захватническим походам столь лирический характер? Это вам не немецкое: «Вир вирд марширен».

36

В период с сентября 1940 г. и примерно до 1945 г, в СССР развернулось небывалое строительство новых концлагерей, хотя прежняя система ГУЛАГа справлялась без расширения с ежегодным приемом по сталинской разнарядке примерно миллиона новых заключенных. Это и понятно, учитывая высокую смертность в лагерях. Для кого же строились новые «зоны»? Вот интересный приказ Сталина (№ 7161 от 16 декабря 1944 г.): «В период с 25 декабря 1944-го по 10 января 1945 года мобилизовать и интернировать для работ в СССР всех трудоспособных немцев-мужчин в возрасте от 17 до 45 лет и женщин от 18 до 30 лет…» И поделом, скажут все, помятуя о том, что немцы творили на нашей земле. Но у приказа есть продолжение: «Мобилизации подлежат как подданные Германии и Венгрии, так и подданные Румынии, Югославии и Чехословакии независимо от занимаемых должностей и выполняемых обязанностей… Разрешается взять с собой одежду и 15-суточный запас продовольствия…» Куда их всех собирались доставить за две недели? Приказ был отменен, поскольку разрушенная транспортная инфраструктура СССР и Восточной Европы просто не позволяла его выполнить. Но желание было.

37

«Особая папка» до сих пор хранит в себе документы, которые и при новом нашем режиме боятся предавать гласности. Достаточно вспомнить, что именно в «Особой папке», когда понадобилось, нашли «Секретные протоколы» пакта Молотов-Риббентроп и приказ Политбюро (со всеми подписями) о расстреле поляков в Катыни. А в «папке» 100 000 единиц хранения.

38

Это «Общество» не прекращало своей деятельности и в годы войны, и в послевоенные годы. Все связи окончательно оборвались только после расстрела Берия и его ближайших сотрудников. Когда-нибудь многотомные издания содержимого «особой папки» станут самыми читаемыми книгами эпохи. Но раньше должны умереть все, родившиеся до 1956 года.

39

Измученный сообщениями Зорге о неизбежности нападения Гитлера на СССР, Сталин распорядился в мае 1941 года «сдать» Зорге японской контрразведке. Арестованный в октябре 1941 г. Зорге, якобы (официальная версия) признал, что является гражданином СССР. Однако, по той же официальной версии, был приговорен к смертной казни через повешенье.

40

Забегая вперед, отметим, что отсутствие дипломатического опыта, незнание и непонимание международной обстановки, слепое и раболепное следование сталинским установкам, подгон информации под эти установки, постоянный поиск «империалистических заговоров» превратил Деканозова – первого в истории посла-резидента – в одного из главных виновников самого сокрушительного поражения советской разведки.

41

Меркулову удалось выжить при Сталине. После войны он лично руководил уничтожением почти двух миллионов прибалтов, был замешан и в других многочисленных преступлениях той эпохи. Расстрелян же был уже после смерти Сталина вместе со своим благодетелем Лаврентием Павловичем, когда считал себя уже в полной безопасности.

42

Еще раз обратите внимание на дату. Сентябрь 1940 года. Разгар дружбы. Еще и в помине нет плана «Барбаросса».

43

Деятельность благородного наркома ВМФ в деле спасения моряков от клыков сталинского НКВД достойна отдельной книги. Это касалось не только адмиралов, но и любых моряков и даже вольнонаемных служащих. На этот счет имеются очень любопытные документы. Скажем, арестовывается какой-нибудь студент по обвинению в подготовке «теракта». От него требуют назвать поименно всех членов «террористической организации». Получив пару раз по ушам от следователя, студент перечисляет всех своих знакомых, среди которых оказывается флотский лейтенант. Лейтенанта вызывают в НКВД и показывают заявление несчастного студента. В подавляющем количестве случаев лейтенант все отрицает, пишет по этому случаю объяснение и его с миром отпускают. Но были случаи, когда флотский офицер с перепугу (или по каким-то другим неведомым причинам) все написанное признавал. Над ним смеялись и тоже отпускали. Это – привилегия, которую моряки имели с 1939 по 1941 годы, благодаря мужеству адмирала Кузнецова. И он оставался таким до конца своих дней.

44

Коммунистические идеологи среди многих мифов создали один наиболее поразительный. Это миф об общей невиновности всех сталинских жертв из числа высших руководителей армии, госбезопасности и промышленности. В действительности все было не совсем так. С 1930 по 1941 гг. в СССР имели место по меньшей мере три серьезных попытки государственного переворота. Причем с разными политическими ориентациями. Основными силами заговоров были, разумеется, госбезопасность, борьба внутри которой не прекращалась никогда; армия и партийная номенклатура.

45

Отметим, что Германия вместе с союзниками имела к 22 июня 1941 г. на Восточном фронте 4275 самолетов, т. е. почти в полтора раз меньше, чем СССР имел только учебных самолетов в 1940 году.

46

Виктор Суворов в своей замечательной книге «День „М“ подробно описывает это сталинское „нововведение“ от 7 ноябри 1940 года, но считает его вызванным

экономическими причинами – ни одна армия в мире, включая и РККА, не могла содержать такое количество офицеров.

47

Американские наблюдатели, которые впервые увидели «КВ» под Москвой в декабре 1941 года, пришли в ужас и изумление. Никто из них даже не предполагал, что подобные чудовища можно было наклепать в мирное время.

48

Этот отчет был возвращен в ГРУ, когда начальником Генерального штаба был уже генерал Жуков. На отчете стояла его резолюция: «Мне это не нужно. Сообщите, сколько израсходовано заправок горючего на одну машину».

49

Так однажды Гитлер узнал, что начальник его личной охраны группенфюрер СС Ганс Раттенхубер имеет приказ Гиммлера докладывать ежедневно обо всем, что он увидит или услышит, общаясь с фюрером. Гитлер вызвал к себе все руководство СС и в присутствии самого Раттенхубера заорал на рейхсфюрера СС Гиммлера: «Я повторяю еще раз, что вы, Гиммлер, не имеете никакого права приказывать Раттенхуберу. Я запрещаю вам это! А если вы, Раттенхубер, что-либо еще доложите обо мне Гиммлеру, то будете немедленно заключены в тюрьму!» Как бы поступил в подобной ситуации Сталин?

50

Как известно, Ленин безуспешно, но рьяно пытался разжечь в США пролетарскую революцию, которая при американской свободе казалась вождю легко провоцируемой и «обреченной на победу». Гитлер, как мы уже отмечали, считал столь же легким делом начать в США арийскую революцию, опираясь на 30 миллионов американских немцев и на антисемитизм. Ни у того, ни у другого ничего не вышло, но поразмыслить на эту тему у них, видимо, не было времени.

51

Гитлер только перед самым собственным концом сумел, хотя и не полностью, оценить Рузвельта, поняв, что тот затянул на его горле петлю, набросив ее как лассо из-за океана еще в конце 1940-го года. Он радовался смерти Рузвельта, как ребенок, даже временно забыв о своем неизбежном конце, что и произошло через две недели.

52

Позднее выяснилось, что именно Канарис убедил колеблющегося Франко не связываться с Гитлером. «Вы, возможно, удивитесь, – сказал адмирал, – но можете мне поверить – Гитлер эту войну вдребезги проиграет».

53

Гейдрих уже давно пустил по следам Мюллера целую свору своих агентов, включая некоего Германа Келлера – монаха бенедиктинского монастыря Бойрон. Келлер был агентом-двойником: он работал и на абвер, и на СД. В конце 1939 г. он встретился в Швейцарии с другим агентом абвера берлинским адвокатом Эчайтом, который, зная Келлера по работе в абвере, рассказал тому, что в Германии полным ходом готовится заговор против Гитлера, возглавляемый генералами Гальдером, Беком и Гаммерштайном. Адвокат также рассказал монаху, что Йозеф Мюллер регулярно ездит в Рим на контакт с английской разведкой. Вернувшись в Германию, он и передал донесение сначала в абвер, а затем и в СД. Самым крупным из подчиненных Гейдриха, работавшим на абвер, был начальник имперской уголовной полиции группенфюрер СС Артур Небе, который к этому времени тайно изверился в национал-социализме. Он и разоблачил Келлера как «двойника». Он сообщил также, что Гейдрих почел этот доклад настолько важным, что даже удостоил Келлера личной беседы. Небе сумел достать доклад Келлера и переслать его в абвер. Тогда Келлер как агент абвера

был вызван к заместителю Остера майору Донаньи, который «расколол» монаха и заставил его передать беседу с Гейдрихом. При этом выяснилось, что Гейдрих считает арест Мюллера вопросом ближайших дней.

54

Утечка информации, которая шла из ОКВ, просто поразительна. Достаточно сказать, что план «Барбаросса» в течение двух недель после его подписания стал добычей почти всех разведок мира, даже тех, которые были совершенно не заинтересованы в его получении. Одной из первых этот план получила, например, аргентинская разведка, которая како-то время просто не знала, что с ним делать, а затем перепродала англичанам, уже получившим этот план по своим каналам.

55

Вот что пишет об этом советская официальная история: «Сопоставляя оценки, даваемые германской разведкой Красной Армии в 1940-1941 гг., с действительной численностью и мощью Советских Вооруженных Сил, нельзя не прийти к заключению о крупном просчете гитлеровских разведывательных органов, ставшем впоследствии одной из причин поражения вермахта. Так, германская разведка преуменьшала: число имеющихся в Красной Армии стрелковых дивизий в 1,3 раза, самолетов – в 2,8 раза; она не имела ясных сведений о количестве танков, которыми располагала Красная Армия… Что касается советских танков… полностью отсутствовали сведения о новых советских танках „Т-34" и „КВ", появление которых на поле боя в 1941 году стало неожиданностью для гитлеровской армии». Д. М. Проэктор, «Агрессия и катастрофа», Москва, 1968 г.

56

Все это крайне забавно, если учесть, что по танкам немцы уступали Красной Армии в соотношении 1:5, по самолетам – 1:6, по артиллерии – 1:8, действительно превосходя Красную Армию лишь в средствах связи, то напрашивается вопрос: как могла столь опытная разведка, как абвер, допустить подобный просчет? Ни одна разведка в мире, даже самая неопытная, никогда не совершала просчетов более, чем в 1,5 – редко 2 раза. А тут 5-8 раз! Тем более что с началом войны абвер, как по волшебству, стал неожиданно давать совершенно точные данные о противнике. Но эти данные уже были таковы, что Гитлер просто не желал их слушать.

57

Комментируя этот документ, советская официальная история отмечает: «Гитлеровское военное руководство считало, что Советский Союз в состоянии выставить при всеобщей мобилизации 209 дивизий, иными словами, прибавить к уже существующим 59 дивизий. В действительности только летом 1941 года Ставка Верховного Главнокомандования Красной Армии направила на фронт более 324 дивизий».

58

Методы руководства Жукова были чисто сталинские: полное презрение к людям, как к наиболее дешевому расходному материалу. Интересную характеристику дал покойному маршалу Виктор Суворов – автор известной книги «Ледокол»: «Ничего гениального в Жукове, конечно, не было… не было ни одной ситуации, в которой Жуков победил бы противника меньшими силами. У него всегда было больше танков, больше артиллерии, больше боеприпасов, больше людей, которых он мог гнать на смерть совершенно спокойно, не задумываясь о последствиях и ценности человеческой жизни… У него все держалось на расстрелах, …он затыкал дыры телами тысяч и миллионов людей…»

59

Как ни темны воды нашей истории, многое в них можно рассмотреть, если нырнуть на достаточную глубину. Как известно, Гитлер игнорировал возможность создания

полуторамиллионной русской освободительной армии еще летом 1941 года (о чем мы еще поговорим), отказываясь слушать доводы многих своих генералов. Все странные детали сдачи в плен генерала Власова в июле 1942 года станут понятнее, если предположить, что он был делегирован в Германию, чтобы убедить Гитлера в необходимости создания подобной армии. Кем делегирован, мы пока не знаем конкретно, но можно с уверенностью сказать, что были силы в советском военном руководстве, которые видели в свержении Сталина больше пользы, чем в сопротивлении Гитлеру.

60

В своих воспоминаниях полковник Новобранец пишет: «Меня удивляет заявление Жукова, что „внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми силами, т.е. характер самого удара во всем объеме нами не был предусмотрен‟.

61

В своих воспоминаниях покойный полковник Новобранец пишет: «Надо отдать должное немецкой разведке: своей дезинформацией она сумела ловко обмануть наше правительство, скрыть от него военные приготовления против нас. Работники Разведупра борьбу против дезинформации сосредоточили прежде всего вокруг количества вражеских дивизий. Мы показывали их истинное количество, а немецкая разведка всячески пыталась скрыть его или уменьшить: кроме того, нас уверяли, что Германия будет наносить удар по Англии и тем самым подставит под наш удар свой тыл. В этой борьбе немецкая разведка нас победила. Советское правительство и военное руководство верили вражеской дезинформации, а не собственной разведке. Не верил ей даже сам начальник Разведупра и систематически, с каждой неделей все больше и больше „срезал‟ количество немецких дивизий, подгоняя наши разведданные под сообщение Путника. В воспоминаниях маршала Жукова сказано, что на 4 апреля 1941 года (!) по данным Генштаба против СССР находилось 72-73 дивизии. Вот это и есть данные Путника. Наша военная разведка еще в декабре 1940 года докладывала в разведсводке № 8, что против СССР сосредоточено 110 дивизий, из них 11 танковых. Как же получилось, что по состоянию на апрель 1941 года их было 73? На 38 дивизий меньше? Это уже работа начальника Разведуправления генерала Голикова. Он просто снял 38 дивизий с учета и подсунул Генштабу „дезу‟ полковника Путника. На схеме расположения немецких войск на наших границах, приведенных в книге маршала Жукова… я узнаю схему Путника».

62

Если не считать плаката «Родина Мать зовет», созданного в то же время этот плакат был наиболее популярным в первые дни войны. Потом слова его несколько изменили. Вместо «Вперед на Запад» стали писать «Вперед к победе». На подлиннике плаката среди прочих данных есть и обычная дата подписания к печати: «25 декабря 1940 года». Порядок прежде всего. То же и на плакате «Родина Мать зовет!», считавшимся резервным, если дела пойдут не так, как хотелось бы. К вечеру 22 июня оба плаката появились на стенах домов.

63

Мне как-то попался один документ, где потери Красной Армии в войне определялись следующим образом: 8,5 миллионов убитых и 22 миллиона умерших от ран (почти половина – от столбняка).

64

Недавно были опубликованы несколько документом, представляющие из себя доклады руководства МГБ на имя Сталина, о размахе грабежей, устроенных Жуковым на оккупированных территориях Германии для личного обогащения. Вагоны с мебелью, картины, золото и бриллианты, километры мануфактуры, сотни вилок и ложек и т.д. до нескольких тысяч пар дамских чулок.

65

Кроме СССР никто в мире и в помине не имел тяжелых танков.

66

Всего с октября 1940 года по май 1941 года Гитлер направил Сталину 6 личных писем. Отыскать удалось два. Остальные письма пока не обнаружены. Не обнаружены пока и ответы Сталина, хотя где они хранятся, известно. Туда просто пока никого не пускают.

67

Вскоре они, однако, встретились, поскольку Радо как директор картографического издательства «Гео-Пресс» выполнил заказ Росслера на изготовление карт к его статье, анализирующей стратегию вермахта.

68

Очевидно распределение сил по игре, взятые из совсекретного документа. Могли ли «Западные» при таком неравенстве сил нападать на «Восточных», тем более, что по игре авиация «Восточных» наносила внезапный удар по «Западным»? Однако, не моргнув глазом, наши военные историки, подчиняясь общей установке по фальсификации истинных событий тех дней, пытаются нас уверить в обратном: «Западные» должны были и нападать первыми, а потом уже «Восточные» должны были их разгромить. «Западные», – пишет, например, биограф Жукова В. Карпов, – наносили удар силами 150-160 дивизий». Ну откуда в трех армиях Жукова могли взяться 150 дивизий? Их там от силы 40, как на схеме полковника Путника, подброшенной нашему Генштабу. Конечно, все было наоборот. На первом этапе игры удар наносили «Восточные», а затем уже начались непредвиденные события.

69

Сам Жуков в мемуарах так вспоминает об этой игре: «Игра изобиловала драматическими моментами для восточной стороны. Они оказались во многом схожими с теми, которые возникли после 22 июля 1941 года, когда на Советский Союз напала фашистская Германия».

70

Вот как описывает эту сцену сам Жуков в своих «лубочных» воспоминаниях: «…И. В. Сталин сказал: „Политбюро решило освободить Мерецкова от должности начальника Генерального штаба и назначать вас“. Я ждал всего, но только не такого решения и, не зная, что ответить, молчал. Потом сказал: „Я никогда не работал в штабах. Всегда был в строю. Начальником Генерального штаба быть не могу“.

71

Интересно отметить, с каким единодушием все военные, не краснея, валят на Сталина все, что привело к 22 июня 1941 года. Вина Сталина в катастрофе огромна, но следует помнить, что он был штатским человеком и исходил в своей политике из того, что ему докладывали военные.

72

Любовь Сталина к канцелярщине, из недр которой он вырос, как зловещий гриб, заставляла его фиксировать на бумаге такие вещи, которые, казалось бы, никогда не должны были документироваться. Катынское дело – это еще цветочки. Неужели великий вождь был настолько ограничен, что не понимал, хотя бы на многочисленных примерах прошлого, что ИСТОРИЯ неизбежно выпотрошит все эти документы из его «Особой папки»? Ведь для той же ликвидации поляков достаточно было по тем временам устного указания. Эти же вопросы возникли в ходе Нюрнбергского процесса. Зачем нацисты документировали все свои преступления, надеясь, что они 1000 лет проживут в стальных сейфах. А через 12 лет все эти документы уже были опубликованы. История учит: чем секретнее документ, тем более яростно он рвется на свободу.

73

Во всей катынской трагедии наибольший интерес вызывает один вопрос, на который почему-то никто не обращает внимание. При ликвидации польских офицеров использовалось немецкое оружие. Это дало возможность впоследствии свалить всю вину за эту бойню на немцев.

74

Как тут не вспомнить, что, помимо всего прочего, американцы во время войны поставили в СССР 12 миллионов автомобильных, авиационных и артиллерийских покрышек. О таких мелочах товарищ Сталин, естественно не думал. И Гитлер тоже. Но Сталин получил более 150 тысяч тяжелых американских грузовиков, а Гитлеру пришлось придумывать самые дикие импровизации вроде обмена 10 000 евреев на один американский «студебекер».

75

Интересно отметить, что начальник новорожденной американской разведки Уильям Донован заказал известному американскому психоаналитику профессору Лангеру психологический анализ личностей Гитлера и Сталина. В результате изучения биографий европейских вождей, анализа информации о их влечениях, поведении в различных ситуациях, их навязчивых идеях (о собственной мессианской роли у фюрера, о «коммунизме как светлом будущем всего человечества» у Сталина), суицидных наклонностях, проявившихся у Гитлера в 1933 году, а у Сталина – в 1936 году, профессор Лангер пришел к выводу, к которому до него пришли знаменитые психиатры Бехтерев и Кронфельд, гласившем, что Гитлер – психопат, а Сталин – параноик. Разница между этими двумя терминами заключается в том, что термин «психопат» подразумевает болезнь в острой форме, а «параноик» – в хронической.

76

Развернув в СССР кампанию великорусского шовинизма (с обязательным антисемитизмом), сам Сталин раздирался комплексами собственной национальной неполноценности. Он даже запретил играть себя в многочисленных кинофильмах грузинскому актеру Геловани, заявив, к великому удивлению своих приближенных: «Сталин – русский человек, и играть его должен русский».

77

Через некоторое время, находясь в Риме, Мацуока объяснял римскому папе, что его страна борется не с китайцами, а с большевизмом, который поддерживается англо-саксами, являющимися, по существу, тоже большевиками. Это опасно для Японии, поскольку все там ненавидят большевизм, отрицающий религию и демократию. Он не понимает Гитлера, признался Мацуока, превратившего Антикоминтерновский пакт в какое-то посмешище.

78

Для наиболее любознательных я привожу источник данных по выполнению МП-41: ЦАМО, ф. 15А, он. 2154, д. 4, л. 199-287. (И.Б.)

79

Для читателей не очень хорошо знакомых с оперативным планированием, укажем, что приводимый план «Грозы», утвержденный в Кремле, являлся оперативным планом войны. Подобный план является концентрированным выражением военной доктрины, принятой в государстве.

80

Маршал Жуков отмечает в своих мемуарах, что немцы сосредоточили на наших границах 3712 танков и 4950 боевых самолетов. Их было немного меньше, но не будем придираться, а сравним их с приведенными выше цифрами, взятыми из самого консервативного источника: ВИЖ № 11/89.

81

У меня пока нет доказательств, но я считаю правомерным поставить вопрос: какое отношение имел Жуков к этой новой вакханалии арестов в армии? Мы показываем только наиболее крупные фигуры, а арестовано было, разумеется, гораздо больше людей. Можно ли считать простым совпадением, что новая волна началась сразу же после назначения Жукова начальником Генерального штаба, охватив очень многих участников боев на Халхин-Голе?

82

Все суда достояли до начала войны и были, разумеется, захвачены противником. Из Данцига попытался уйти только «Магнитогорск» под командованием капитана С. Г. Далька, но был остановлен и захвачен.

83

Не все кремлевские «чудеса» имеют реальное объяснение. В сентябре 1941 года Сталин неожиданно приказал выпустить на свободу Мерецкова, Ванникова, Батова и еще несколько человек. Все остальные, включая Проскурова, Рычагова с женой, Смушкевича, Локтионова, Савченко, Сакриера, Штерна, Засесова, Володина, Склизкова, Аржеухина, Каюкова, Соборнова, Таубина, Розова, Розову– Егорову, Булатова и Фибиха были расстреляны. В эту компанию попал и Филипп Голощекин – «цареубийца».

84

Все эти события происходили с июня по, примерно, сентябрь 1941 года. В феврале 1942 года специальная комиссия из Германии занималась подсчетом русских, служивших среди немцев в различных подразделениях вермахта. И насчитала таковых 1 миллион 100 тысяч.

85

Было бы честнее сказать «изменники партии, правительства и НКВД».